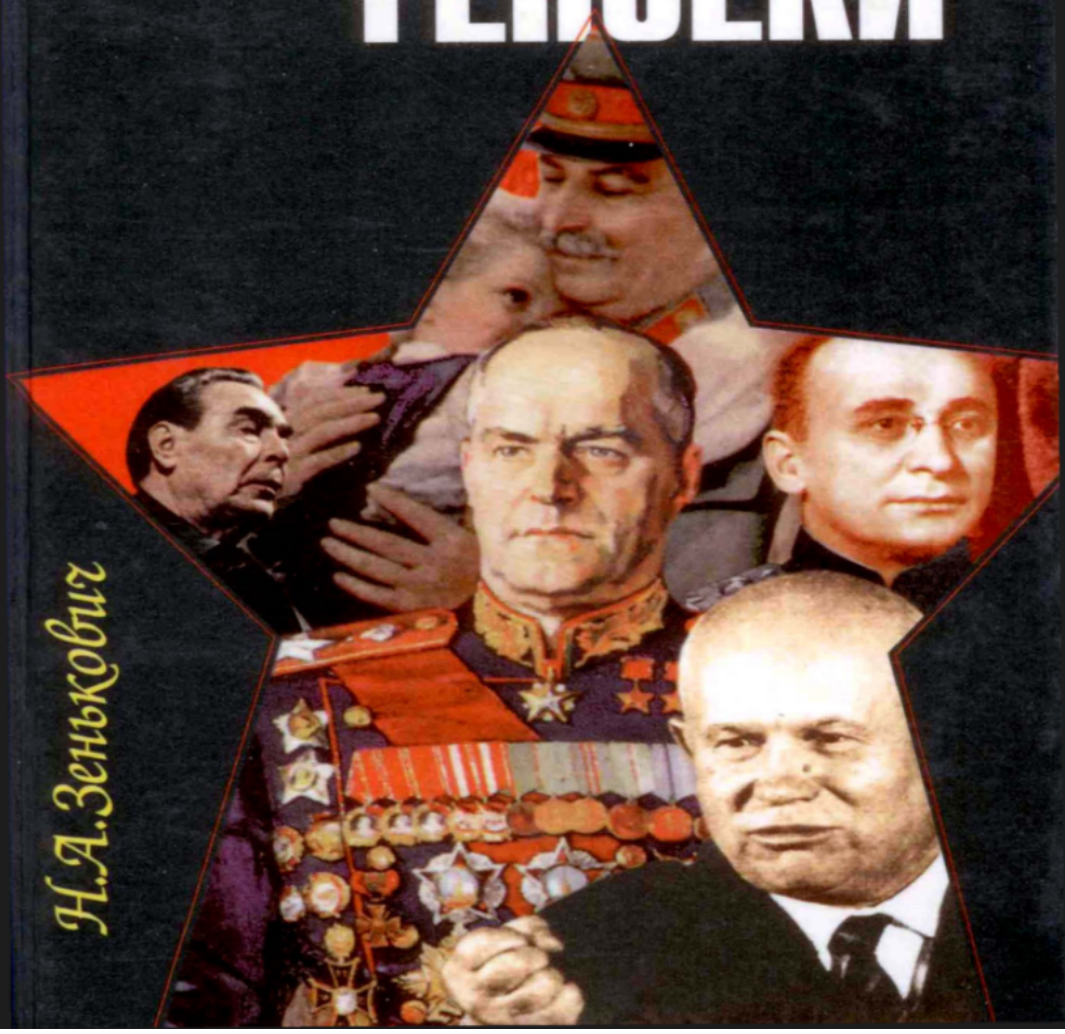
ТИРАНИЯ

МАРШАЛЫ И ГЕНСЕКИ



Н.А. Зенькович

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Почему повесился маршал Ахромеев? Стремился ли в военные диктаторы Жуков? В чем вина Берии? За что расстреляли маршала Кулика? Готовил ли Тухачевский заговор против Сталина? Вел ли самостоятельную линию Фрунзе? Ответы на эти и многие другие вопросы можно найти в этой книге, написанной на основе новых, закрытых прежде для исследователей архивных источников. Они переворачивают привычные представления о судьбах видных советских военачальников, их взаимоотношениях с генсеками.

- Николай Зенькович
  - ОБ ЭТОЙ КНИГЕ
  - САМОУБИЙСТВО В КРЕМЛЕ
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
  - НЕСНОСНЫЙ ХАРАКТЕР
    - Глава 1.
      -
      - Хитроумная ловушка
      - Георгий, спасай!
      - Предают свои
      - От слащавости приторно
      - Цена двух фраз
    - Глава 2
      -
      - Инциденты… Инциденты… Кругом одни инциденты
      - Злополучная папка
      - Жуткий момент
      - Жертва или любимец
      - Истина отдаляется
      - Таинственный узник
    - Глава 3
      -
      - Офицерам раздать оружие!
      - Уберите от нас этого диктатора!
      - Доклад Булганина
      - Секретный конверт

- Кто брал рейхстаг, а кто Рейхсбанк
- «Я исправлю допущенные ошибки…»
- Глава 4
- «Обязать Военную коллегию… полностью реабилитировать»
- Инцидент на поминках
- «Жучки» в спальне

○ СТО ДНЕЙ И ВСЯ ЖИЗНЬ ЛАВРЕНТИЯ БЕРИИ
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13

○ ОБОЛГАННЫЙ И ЗАБЫТЫЙ
- КАК ЗАВЯЗЫВАЛИСЬ УЗЕЛКИ
- Узелок 1
- Узелок 2
- Узелок 3
- Узелок 4
- Узелок 2
- Узелок 5
- Узелок 6
- Узелок 2
- Узелок 7
- Узелок 8
- Узелок 8
- Узелок 9
- Узелок 2
- Узелок 10
- Узелок 11
- ВМЕСТО ЭПИЛОГА

○ ДОПРОСЫ ГЕНЕРАЛА АРМИИ
- Пролог
- «ВЫ С УМА СОШЛИ! Я НЕ ПРЕДАТЕЛЬ…»

- «Я ПРЕДАТЕЛЬ И УЧАСТНИК ЗАГОВОРА»
- «ДА, Я УЧАСТВОВАЛ В ЗАГОВОРЕ»
- «Я ОГОВОРИЛ СЕБЯ…»
- Эпилог

○ СПОТКНУВШИЙСЯ О ЖЕЗЛ
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8

○ ДВОЙНАЯ ДОЗА ХЛОРОФОРМА
○ ПРИЛОЖЕНИЕ

Николай Зенькович
МАРШАЛЫ И ГЕНСЕКИ. ИНТРИГИ. ВРАЖДА. ЗАГОВОРЫ

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

Взаимоотношения генеральных секретарей коммунистической партии и маршалов Советского Союза у нас никогда не исследовались. Это была запретная тема.

Революции всегда давали много блестящих военных карьер. И почти все они, за редким исключением, полны глубочайшего трагизма. Вспомним вознесение и падение знаменитых маршалов Наполеона: кто закончил смертью у стенки, кто нищенским прозябанием в безвестности.

Маршальские звания в СССР были учреждены в 1935 году. Маршальская звезда, видно, родилась в советской стране не в добрый час. Из первых пяти маршалов уцелели к началу Великой Отечественной войны всего двое. Из 41 маршала, удостоенного этого звания за годы существования советской власти, редко кто не испытал опалы, подозрительности со стороны генсеков.

Увы, маршалов сажали в тюрьму не только при Сталине. Горбачев, произведший в это звание лишь одного военного (Хрущев — девятерых, Брежнев — одиннадцать), через год посадил его в тюремную камеру.

А может, было за что? Может, высшие военачальники, обладая огромным влиянием в армии, плели некие закулисные интриги против штатских генсеков?

Пришло время ответить на поставленные выше вопросы непредвзято, без идеологической зашоренности.

Автор

САМОУБИЙСТВО В КРЕМЛЕ

Глава 1
ДВА ПОГРЕБЕНИЯ

В последний путь маршала провожала жиденькая цепочка родных и близких. Не было пышной панихиды, приличествующей его высшему в стране воинскому званию, положению в государстве, боевым наградам. Хоронили тихо, незаметно.

В немногочисленной траурной процессии двигался и я. Сообщение в прессе испугало многих бывших сослуживцев Героя Советского Союза и народного депутата СССР. Инстинкт самосохранения, генный страх со времен тридцатых годов, когда военных стреляли, как куропаток, вынудил старых людей не покидать своих квартир.

Москва тогда полнилась слухами: Ахромеев замешан в путче 1991 года. Раз закончил самоубийством член ГКЧП Пуго, значит, причастен к попытке государственного переворота и повесившийся в Кремле Ахромеев. В прокуратуре, осаждаемой журналистами, дали понять: в предварительных показаниях лиц, причастных к путчу, есть и упоминания об Ахромееве как о его участнике. Однако окончательный ответ даст следствие:

Этого было достаточно, чтобы тут же дистанцировались от дискредитированного. Подозрение нешуточное, в воздухе пахло охотой за ведьмами. Все центральные учреждения уже получили запросы из союзного Минюста с требованием срочно предоставить информацию по следующим вопросам: «Принимала ли ваша организация решение в период с 19 по 23 августа по отношению к ГКЧП? Публиковались ли в органах печати вашей организации в период с 19 по 23 августа какие-либо материалы в связи с действиями ГКЧП? Направлялись какие- либо решения в регион от центра? Какова была реакция низовых структур вашей организации по отношению к заявлениям ГКЧП?»

Назывались фамилия, имя, отчество и должность сотрудника, запрашивавшего эти сведения, указывался служебный номер телефона. Спущенный сверху вопросник заставил многих задуматься: неужели вся страна будет вовлечена в вакханалию доносительства? Похоже было, что охота за ведьмами, о противоправности которой предупреждали доброхотов победившие демократы, раздавая налево и направо заверения, что законопослушные граждане могут спать спокойно, все же начнется. Так думали немало осторожных людей, повидавших на своем веку всякого, поэтому не будем осуждать тех из ближайшего окружения маршала, кто не пришел на

Троекуровское кладбище, чтобы выполнить свой человеческий, христианский долг — проститься с телом однополчанина.

И если отсутствие этих запуганных генералов и маршалов, а также горбачевских советников и союзных парламентариев еще можно как-то оправдать — подневольные люди на государевой службе! — то пусть Бог будет судьей тем, кто по своему положению в государстве не зависел от начальства. Не счел нужным приехать на кладбище и поборник общечеловеческих ценностей, видный гуманист конца XX века Михаил Сергеевич Горбачев. Ахромееву, увенчанному высокими военными регалиями, герою страны и ко всему — единственному! — военному советнику тогдашний президент предпочел трех москвичей, по случайности погибших в трагические августовские дни 1991 года. Горбачев выступал на их похоронах с пламенной речью. Не ударил лицом в грязь в смысле эмоциональности перед президентом СССР и президент России Борис Ельцин, попросивший прошения у родителей погибших, что не сумел уберечь их детей. Если бы это происходило не на похоронах, можно было бы поизощряться над соперничеством президентов, соревновавшихся прилюдно, кто громче поклянется в любви к троим москвичам, погибшим столь нелепо и в большей степени по собственной неосторожности. Кто заставлял их лезть на бронетехнику? Боевые машины выполняли свою задачу — не важно, правую или неправую. Военные не должны обсуждать приказов. Конечно, смерть любого человека — несчастье, и не хотелось бы бросить тень на жертвы августовского кризиса, но факты, как не нами замечено, упрямая вещь: оба президента соревновались, кто скажет больше теплых слов в адрес неизвестных им людей, а проститься с человеком, которого хорошо знали и с которым встречались чуть ли не ежедневно, не пришли. Парадокс заключается в том, что высшие должностные лица государства почтили память тех, кто препятствовал военным выполнять их задачу по предотвращению распада страны, и проигнорировали того, кто всю жизнь эту самую страну защищал, удостоившись ее высших военных наград и званий.

Но, как уже было сказано, Бог им судья, этим президентам. Вернемся к траурной процессии, медленно двигавшейся 30 августа 1991 года по Троекуровскому кладбищу к свежевырытой могиле. Где-то на середине пути над печальными березками грохнул автоматный залп. Позже стало известно, что это боевые друзья прощались с только что погребенным на соседней аллее генерал-лейтенантом в отставке Великановым. Его провожали в последний путь, как положено при генеральском звании: с почетным караулом, военным оркестром, венками от

Министерства обороны, прощальными речами официальных лиц. Советник президента СССР,

Маршал Советского Союза, Герой Советского Союза, член Верховного Совета СССР подобных почестей удостоен не был.

Пришедшие на похороны старые друзья маршала были шокированы увиденным. На их глазах погружался в автобус почетный караул, только что стоявший у могилы Великанова. Зачехляли свои инструменты военные оркестранты из Академии имени Фрунзе, и по тому, как они нетерпеливо поглядывали в сторону ворот, было ясно, что они ожидают транспорт и тоже собираются отчалить вслед за почетным караулом.

— Ребята, да вы что? Это же маршал! Маршал Советского Союза Ахромеев. Начальником генерального штаба был. Подождите, не уезжайте! Стыдно ведь…

Напрасно увещевали немногочисленные старые друзья Ахромеева оркестрантов и почетных караульщиков. Находчивый лейтенантик, стоя навытяжку перед генералом, доложил, что касательно бывшего начальника Генерального штаба и советника президента Ахромеева никаких приказаний не поступало. После отдания воинских почестей генерал-лейтенанту в отставке Великанову им велено незамедлительно возвращаться.

Что было взять с этого лейтенантика? Я смотрел на постыдную сцену и вспоминал, как вчера безуспешно пытался выяснить в Министерстве обороны о дне и месте похорон Ахромеева. Нужной мне информацией не обладал никто, даже знакомые генералы, занимавшие высокие посты. А может, не желали делиться информацией? Как бы чего не вышло?

Все закончилось за сорок минут. Речи мужчин были короткие, оценки — очень сдержанные. Но все выступавшие подчеркивали: Сергей Федорович был порядочным, честным и справедливым человеком. Смелее держались дамы, одна из них, помнится, произнесла гневную фразу об отмщении, которое, несомненно, ожидает «нечисть, захватившую власть в стране».

С кладбища я уходил в числе последних. Оглянулся на холмик. Шелестели на ветру венки с траурными лентами. Знакомые телевизионщики — немцы не спеша сворачивали аппаратуру. Наши не приехали. Горечь захлестнула сердце. Телерепортер-немец протянул мне пластмассовый стаканчик со шнапсом:

— Глотни. Легче станет. Наверное, он был наименее виновным в том, что случилось.

Я промолчал. Мне надо было собраться с мыслями, еще раз обдумать все происшедшее. Я вспомнил, что дома у меня лежит неправленая стенограмма его последней встречи с советскими и

иностранными журналистами в пресс-центре ЦК КПСС. Надо перечитать ее заново. Может, там найду ответы на мучающие меня вопросы?

Какие-то срочные дела не дали возможности взяться за стенограмму в тот же день. Не удалось засесть за нее и 31 августа, и 1 сентября. Это были страшные дни. Реальностью стал окончательный распад Союза. 2 сентября должен был открыться внеочередной Съезд народных депутатов СССР. В Москву съезжались депутаты. По городу ходили слухи о том, что на Съезде произойдет нечто экстраординарное. По большому секрету информированные друзья в Кремле сообщили, что ожидается замена Союза ССР конфедерацией. Так и произошло. Съезд открылся оглашением Назарбаева совместного заявления Горбачева и высших руководителей десяти республик об этом намерении. Форму и участие в конфедерации каждая суверенная республика должна была определить самостоятельно.

События нарастали с невероятной скоростью. Рушилось то, что казалось вечным и незыблемым, что выдержало годы жесточайшей войны и невиданные в истории социальные потрясения. Мозг отупел, отказываясь воспринимать информацию о глобальных катаклизмах, имеющих вселенский характер. На фоне геополитических катастроф не таким уж нереальным показался быстро распространявшийся по Москве слух о том, что в ночь с 1 на 2 сентября неизвестные пытались надругаться над могилой покойного маршала Ахромеева.

Слух подтвердился. Действительно, еще днем первого сентября захоронение было в порядке: на месте венки, нетронутым оставался холмик. А утром глазам директора кладбища Юрия Отичева предстала жуткая картина: кто-то разрыл маршальскую могилу. Пресса тут же запустила версию о политическом характере злодеяния, высказав предположение, что это способ варварского сведения счетов.

Правда, вездесущие репортеры обнаружили, что разрыто и соседнее захоронение. Территорию вокруг осквернённых могил оцепила милиция. Представители правопорядка категорически отказались отвечать на вопросы, что же именно произошло. Во всяком случае, до тех пор, пока не выяснятся все обстоятельства дела. Большинство газет придерживались политической версии. Действительно, увлечение наших людей политикой не знает границ. Видно, ночью кто-то попытался осквернить могилу покойного маршала, но, наверное, перепутав ориентиры в темноте, разрыл соседнее, тоже свежее, захоронение.

И только несколько дней спустя прокуратура отмела политические мотивы содеянного. Все оказалось проще и

страшнее. Из обоих гробов исчезли мундиры: маршальский — Ахромеева, и генерал-полковничий — с похороненного ранее генерал-полковника Средина. Мародеры унесли маршальскую и генеральскую фуражки, которые обычно приколачивают к крышке гроба. Мундиры высших военачальников пользовались особым спросом у перекупщиков антиквариата. Так что маршальская форма с золотыми галунами, снятая с мертвого Ахромеева, вполне могла принести гробокопателям довольно приличный доход.

Обоих перезахоронили повторно. На этот раз в обычных темных костюмах.

Глава 2
СТРАШНАЯ НАХОДКА

За время, прошедшее со времен августа—91, создано множество хроник, в которых с точностью до минут перечислены не только все основные, но и второстепенные события тех дней. Потрясающий факт: упоминаний о смерти и тем более похоронах маршала Ахромеева в этих досье нет. Любознательных отсылаю к развороту «1991-й год. Крах коммунизма и распад советской империи» в «Независимой газете» от 3 января 1992 года. В разделе «Айгуст» вы прочтете о массовом митинге в Бишкеке в память о восстании киргизов против царизма в 1916 году и о том, что министерство юстиции БССР аннулировало удостоверение о регистрации компартии Белоруссии, а вот упоминанию о трагическом уходе из жизни маршала и героя страны не нашлось.

Подробности смерти Ахромеева ужасны… Его обнаружили повесившимся в Кремле, в служебном кабинете в субботу. Обнаружили мертвое тело вечером, примерно в 22 часа. В петле он провел около двенадцати часов.

По Москве сразу же поползли зловещие слухи, что это тщательно замаскированное убийство. Ссылались на мнение сотрудника прокуратуры РСФСР А. Савостьянова, который заявил журналистам, что он находит это самоубийство странным — в отличие от Пуго и Кручины, где все более-менее ясно. Особенно у Кручины. Судмедэксперты и другие специалисты пришли к однозначному заключению — управляющий делами ЦК КПСС и министр внутренних дел действительно покончили жизнь самоубийством.

Что же касается Ахромеева, многое вызвало подозрение. Уж очень нетипичный для людей его ранга способ ухода из жизни выбрал покойный. Он ведь был человеком военным, да еще в таком высоком звании. И, наверное, непременно имел табельное оружие, не говоря о подарочных пистолетах, которые получал в бытность начальником Генштаба от зарубежных коллег. У высших военных есть старинная традиция — преподносить в подарок друг другу специально изготовляемые для этих целей в единичных экземплярах образцы. В конце концов, наверняка и охотничье ружье где-нибудь на даче висит.

Повешение по армейским понятиям — самый позорный вид смерти для офицера. К смертной казни через повешение приговаривали трусов, перебежчиков, изменников. Не может быть, чтобы Ахромеев не знал об этом. Неужели он причислял

себя к предателям, и сам определил себе столь страшную меру наказания? Кого же он тогда предал? Горбачева? Но для такого утверждения требуются весомые доказательства.

Сначала их не было. На вопросы корреспондентов, причастен ли Ахромеев к попытке государственного переворота, генерал-полковник Павел Грачев, тогдашний первый заместитель министра обороны СССР, председатель Государственного комитета РСФСР по оборонным вопросам, сказал, что он в этом сильно сомневается.

Некоторым московским журналистам удалось сразу же после трагедии «разговорить» самого близкого Ахромееву человека — его вдову Тамару Васильевну. Благодаря ей стали известны некоторые подробности, которые обсуждала вся Москва.

В первый день путча супругов Ахромеевых в Москве не было. Они отдыхали в Сочи, в военном санатории имени Я. Фабрициуса, куда приехали в начале августа.

Talwapa Васильевна категорически опровергла слухи о том, что он якобы был связан с членами ГКЧП. Путч, по ее словам, для Сергея Федоровича был полнейшей неожиданностью. О разговорах об инсценировке самоубийства ей известно, но по этому поводу она ничего сказать не может, поскольку не располагает никакими фактами. Она лишь знает, что после возвращения в Москву Сергей Федорович звонил Горбачеву. И что оставил посмертную записку — не видит смысла жить, потому что рушится все то, строительству чего он посвятил всю свою жизнь.

По прочно устоявшейся в СССР традиции русский человек, живя в демократической России, по-прежнему узнает все новости о своей стране из зарубежных источников. Не стали исключением и свидетельства гибели маршала Ахромеева. В 1992 году за кордоном были опубликованы материалы следствия по делу ГКЧП, где содержатся сведения, о существовании которых россияне, привыкшие к дозировке информации, понятия не имели.

Итак, что же установлено следствием? Это очень важный источник, хотя нельзя, безусловно, не учитывать и того вполне допустимого обстоятельства, что следствие велось в сильно политизированной атмосфере. Но нам важны подробности того, что увидели те, кто первым обнаружил тело маршала.

Эти подробности имеются.

24 августа 1991 года в 21 час 50 минут в служебном кабинете № 19-а в корпусе № 1 московского Кремля, пишут обстоятельные следователи, дежурным офицером охраны Коротеевым был обнаружен труп Маршала Советского Союза Ахромеева Сергея

Федоровича (1923 года рождения), работавшего-советником Президента СССР.

Далее следует подробное описание страшной. находки. Труп находился в сидячем положении под подоконником. Спиной мертвое тело опиралось на деревянную решетку, закрывавшую батарею парового отопления. Погибший был в форменной одежде Маршала Советско-

го Союза. Повреждения на одежде, что могло бы служить свидетельством возможного сопротивления в случае насильственной смерти, отсутствовали. На шее находилась скользящая, изготовленная из синтетического шпагата, сложенного вдвое, петля. Она охватывала шею по всей окружности. Верхний конец шпагата был закреплен на ручке оконной рамы клеющей лентой типа «скотч». Каких-либо телесных повреждений, помимо связанных с повешением, следователи не обнаружили.

Обратили ли они внимание на обстановку в кабинете? Все ли было на месте — стол, кресла, другие предметы? Не сдвинуто ли что-нибудь, что указывало бы на следы борьбы? Лица, производившие тщательный осмотр места происшествия и опросившие многих, кто часто бывал в кабинете, каких-либо изменений в обстановке не нашли.

Самым внимательнейшим образом было исследовано содержание письменного стола. На его поверхности, на видном месте, обнаружили листки бумаги с записями Ахромеева. Записок насчитали шесть. Графологическая экспертиза установила: все шесть записок сделаны рукой покойного.

Они лежали на столе аккуратной стопкой. Следователи составили опись в той последовательности, в которой записки располагались.

Сверху лежала записка от 24 августа. К Сожалению, следствие не приводит текст записок полностью, а лишь обозначает, о чем в них говорится. Впрочем, наверное, записки были очень короткими. В первой, лежавшей сверху, Ахромеев просил передать записки его семье, а также Маршалу Советского Союза С. Соколову. Записка последнему датирована 23 августа. В ней содержится просьба к Соколову и генералу армии Лобову помочь в похоронах и не оставить членов семьи в одиночестве в тяжкие для них дни. Записка семье тоже датирована тем же днем — 23 августа. Ахромеев сообщает, что принял решение покончить жизнь самоубийством.

Следующая, четвертая, записка — безадресная. На ней стоит дата — 24 августа. В ней покойный объясняет мотивы самоубийства: «Не могу жить, когда гибнет мое Отечество и

уничтожается все, что считал смыслом моей жизни. Возраст и прошедшая моя жизнь дают мне право из жизни уйти. Я боролся до конца».

К пятой записке была подколота денежная купюра достоинством 50 рублей. Это его долг кремлевской столовой, и маршал просит уплатить за обеды. (Господа обличители! На ваших лицах уже появилась краска стыда за обвинения в нескромности маршала? Вспомните свои пассажи о его даче, холодильнике и т. д.) Эта записка также от 24 августа.

И последняя записка: «Я плохой мастер готовить орудие самоубийства. Первая попытка (в 9.40) не удалась — порвался тросик. Собираюсь с силами все повторить вновь».

Тщательное исследование пластмассовой урны под столом выявило находившиеся там куски синтетического шпагата, схожего с материалом петли.

В заключении судебно-медицинских экспертов, подписанном 25 августа, сказано: признаков, которые могли бы свидетельствовать об убийстве Ахромеева путем удавления петлей, при исследовании трупа не обнаружено. Не выявлено и каких-либо телесных повреждений, кроме странгуляционной борозды.

А может, решение о самоубийстве возникло под влиянием алкоголя? Результаты вскрытия опровергли и это предположение. Эксперты подтвердили: перед смертью Ахромеев спиртного не принимал.

О почерковедческой экспертизе я уже говорил: все шесть записок, обнаруженные на столе в его кабинете, написаны Ахромеевым. Никаких улик, хотя бы косвенно наводивших на подозрение об инсценировке, не установлено.

И все же, все же… Страшная, неприемлемая по законам военной чести смерть от петли — удел изменников и лазутчиков.

Многие, кто знал Ахромеева — а круг этих людей очень широк, ведь он пятнадцать лет прослужил в Генштабе, четыре года его возглавлял, занимался проблемами сокращения и ограничения ядерно-космических вооружений — до сих пор не верят в официальную версию случившегося. Он никогда не проявлял ни страха, ни слабости. Слишком много повидала своем веку стрессовых, безвыходных ситуаций, чтобы на склоне лет вот так нелепо и бессмысленно сунуть голову в петлю. Человек, прошедший в Великую Отечественную самые смертоносные фронты — Ленинградский, Сталинградский, Южный, 4-й Украинский, да еще в качестве командира стрелковой роты, а затем батальона, что означало: каждодневная передовая и жизнь на волоске, — не мог потерять самообладание до такой степени.

О его волевом, твердом характере говорили мне и те, кто видел Ахромеева на афганской войне, где он два с половиной года возглавлял штаб оперативной группы министерства обороны.

Но может, таким он выглядел только на людях, когда к этому обязывало само положение, сияние маршальских звезд, золотой блеск наград? Может, в повседневной жизни он был совсем иным человеком? Кто лучше знает его, чем семья?

Вдова и обе дочери не разрушили сложившегося в общественном мнении представления о муже и отце как об очень волевом человеке. Они никогда не замечали за ним' уныния, хандры, нерешительности. Жизнерадостность была отличительной чертой его характера.

В книге «Кремлевский заговор» бывший генеральный прокурор России Валентин Степанков и его соавтор Евгений Лисов, который возглавлял работу следственной группы прокуратуры по делу ГКЧП, пишут, что последнюю ночь перед смертью Ахромеев провел на даче с семьей дочери Натальи Сергеевны.

Внимательно вчитаемся в это свидетельство.

Четыре вечера подряд, рассказывала следствию дочь маршала, она не могла с отцом поговорить, так как он возвращался усталый, очень поздно, пил чай и ложился. Кроме того, ее отец был таким человеком, которому невозможно было задавать вопросы без его согласия на то. В пятницу, 23 августа, накануне его смерти, дочь почувствовала, что отец хочет поговорить.

Они купили огромный арбуз и собрались за столом всей семьей. Наталья Сергеевна спросила у отца: «Ты всегда утверждал, что государственный переворот невозможен. И вот он произошел, и твой министр обороны Язов причастен к нему.' Как ты это объяснишь?!»

Он задумался и ответил: «Я до сих пор не понимаю, как он мог…»

На следующее утро, собираясь на работу, он пообещал внучке, что после обеда поведет ее на качели. Очень важная деталь. То есть после возвращения с работы. Как это он делал всегда по субботам, если не находился в отъезде и не задерживали дела. В ту черную субботу он планировал возвращение домой. Как видим, ничего, что свидетельствовало бы о намерении уйти из жизни. Обычное, ровное поведение.

Наталья Сергеевна показала, что в тот день, 24 августа, отец уехал на работу около девяти часов утра. Так было всегда по субботам — чуть позже, чем в обычные дни. Примерно в 9.35 она позвонила ему в Кремль. Отец находился в своем кабинете.

Поднял трубку. Наталья Сергеевна сообщила, что прилетела мать из Сочи. Он разговаривал бодро, весело. Никаких признаков, которые бы указывали на подавленное состояние. Невозможно было поверить, что через две-три минуты, повесив телефонную трубку после разговора с дочерью, он накинет петлю на шею.

Более того, получается, что звонок дочери застал его в тот момент, когда он, говоря его словами из последней, шестой, предсмертной записки, готовил орудие самоубийства. Первая попытка (в 9.40), которая, как он указал, не удалась — порвался тросик. Известие о приезде жены, напоминание о семье не всколыхнуло чувства, не вернуло к реальности, если он уже пребывал в полузабытьи, одержимый навязчивой мыслью? Но ведь, судя по рассказу дочери, разговаривал он с ней по телефону как обычно, она не заметила никаких признаков страшного замысла отца. Или нечеловеческое самообладание, или…

Что — или? Другие-то доказательства отсутствуют. Хотя нет-нет, да и всплывет необъяснимая картина: Ахромеев с накинутой петлей бодро и весело разговаривает с дочерью по телефону. Сопоставьте время, звонок застал Сергея Федоровича за жуткими приготовлениями. Неужели не дрогнул голос? Получается, что нет. Даже при известии, что из Сочи возвратилась жена.

Вам стало не по себе, читатель? Мне тоже.

Большое значение для выяснения истины о последних днях маршала имеют свидетельства его ближайшего окружения в Кремле. Как установило следствие, Ахромеев с женой в начале августа уехал в Сочи на отдых. Узнав о создании ГКЧП, он прервал отпуск и к концу дня 19 августа прилетел в Москву. Один, без супруги, которая оставалась до конца срока санаторного лечения.

Чем занимался маршал по возвращении из отпуска? Следствие день за днем, с точностью почти до часа, провело хронометраж его рабочего времени.

В день прилета в Москву он переоделся, сменил летний костюм на маршальский мундир и отправился в Кремль, где располагался его служебный кабинет. Его секретарь Татьяна Шереметьева на вопрос следователя о том, как выглядел Ахромеев, ответила, что Сергей Федорович был в хорошем настроении, бодр, даже весел. Это же подтвердили и другие сотрудницы его секретариата — А. Гречанная и Т. Рыжова. Притом каждая в отдельности.

Рыжова показала, что 20 августа она печатала на машинке по указанию Ахромеева план мероприятий, связанных с введением чрезвычайного положения. В тот же день Ахромеев надолго покидал свой кабинет в Кремле. Уезжая, сказал, что в случае

надобности искать его следует в Министерстве обороны. Вернулся поздно вечером — усталый, малоразговорчивый.

— Как дела? — встревоженно спросила его Рыжова.

— Плохо, — ответил он.

После чего молча проследовал в кабинет. Когда спустя некоторое время Рыжова принесла ему чай, Сергей Федорович попросил:

— Принесите, пожалуйста, раскладушку. Наверное, я останусь ночевать в кабинете.

Назавтра, 21 августа, настроение его ухудшилось еще больше.

22 августа он закрылся в кабинете и долго что-то писал. Затем, не отдавая написанное на перепечатку, положил в конверт и попросил передать в приемную Горбачева. На конверте сделал пометку «Лично». В тот же день письмо попало в руки адресата.

Наибольший интерес, безусловно, представляет хроника последнего дня, предшествовавшего трагической развязке. Установлено, что 23 августа, в пятницу, он присутствовал на заседании комитета Верховного Совета СССР по делам обороны и госбезопасности, членом которого состоял. Опрошенные участники заседания подтвердили его присутствие, хотя он и не выступал. Стенографистку Смирнову это даже удивило. Ахромеев был, пожалуй, самым активным участником парламентского комитета. А в тот раз все заседание просидел молча в одной позе, даже головы не повернул и не проронил ни единого слова. Отстраненность Ахромеева бросилась в глаза и другим присутствовавшим.

И не только им. По словам Вадима Загладина, советника президента СССР, Ахромеев в последний день имел подавленный вид. Кабинет Загладина в Кремле находился рядом с кабинетом Ахромеева. Загладин встретил возвращавшегося с заседания комитета по обороне маршала в коридоре. Лицо Сергея Федоровича было темным, протянутая для пожатия ладонь дрожала.

— Как вы себя чувствуете? — участливо спросил Загладин, заметив нервное состояние маршала.

— Спасибо, ничего, — произнес Ахромеев, глядя на него отрешенным взглядом. — Переживаю вот… Много думаю… Даже ночевал в кабинете…

Ахромеев сказал, что было трудное заседание комитета по обороне.

— Не знаю, как все будет дальше, — напоследок бросил он. Следствие тщательно изучило записи, произведенные маршалом в его рабочей тетради. «Кто организовал этот заговор — тот должен будет ответить», — такая вот загадочная фраза

обнаружена среди других пометок, сделанных Ахромеевым на том заседании.

По долгу службы наиболее тесно общались с Сергеем Федоровичем его секретарши Гречанная и Шереметьева. Они чаще, чем кто-либо из других сотрудников, заходили в его кабинет, принимали телефонные звонки, отвечали на них, соединяли с Ахромеевым желающих поговорить с ним. Обе женщины показали следствию, что в последний день, 23 августа, Сергей Федорович долго сидел за столом, что-то писал, ксерокопировал. Если кто-то входил в кабинет, Ахромеев незаметно прикрывал исписанные листы чистыми, чтобы не было видно текста. Такого за ним никогда прежде не наблюдалось.

Что же это за таинственные письма, которые писал маршал, не желая посвящать в них никого, даже людей из своего секретариата? Кому они адресовались? О чем они?

Уважая нетерпение читателей, скажу сразу: эти письма обнаружились только через полгода. Я познакомлю вас с ними, когда придет черед.

А сейчас не менее интригующий вопрос. Что было в конверте, который Ахромеев направил Горбачеву 22 августа с пометкой «Лично»?

18 октября 1991 года следственная группа по делу ГКЧП получила из секретариата президента СССР ксерокопию этого документа. Он написан от руки. Каллиграфическая четкость почерка маршала Ахромеева потрясающе гармонирует с четкостью и прямотой изложения!

Где вы, господа обличители, укорявшие «серого маршала» в безнравственности и нечестности? Читайте, и если вы снова повторите свои прежние упреки, с вами все ясно.

Президенту СССР товарищу
М. С. ГОРБАЧЕВУ

Докладываю о степени моего участия в преступных действиях так называемого «Государственного комитета по чрезвычайному положению» (Янаев Г. И., Язов Д. Т. и другие).

6 августа с. г. по Вашему разрешению я убыл ъ очередной отпуск в санаторий г. Сочи, где находился до 19 августа. До отъезда в санаторий и в санатории до утра 19 августа мне ничего не было известно о подготовке заговора. Никто, даже намеком, мне не говорил о его организации, то есть, в его подготовке и осуществлении я никак не участвовал.

Утром 19 августа, услышав по телевидению

документы указанного «Комитета», я самостоятельно принял решение лететь в Москву, куда и прибыл примерно в 4 часа дня на рейсовом самолете. В 6 часов прибыл на свое рабочее место в Кремль. В 8 часов вечера я встретился с Янаевым Г. И. Сказал ему, что согласен с программой, изложенной «Комитетом» в его обращении к народу, и предложил ему начать работать с ним в качестве советника и. о. Президента СССР. Я наев Г. И. согласился с этим, ноу сославшись на занятость, определили время следующей встречи примерно в 12 часов 20 августа. Он сказал, что у «Комитета» не организована информация об обстановке и хорошо если бы я занялся этим. Утром 20 августа я встретился с Баклановым О. Д., который получил такое же поручение. Решили работать по этому вопросу совместно.

В середине дня Бакланов О. Д. и я собрали рабочую группу из представителей ведомств и организовали сбор и анализ обстановки. Практически эта рабочая группа подготовила два доклада: к 9 вечера 20 августа и к утру 21 августа, которые были рассмотрены на заседании «Комитета».

Кроме того, 21 августа я работал над подготовкой доклада Янаеву Г. И. на Президиуме Верховного Совета СССР. Вечером 20 августа и утром 21 августа я участвовал в заседаниях «Комитета», точнее, той его части, которая велась в присутствии приглашенных.

Такова работа, в которой я участвовал 20 и 21 августа.

Кроме того, 20 августа, примерно в 3 часа дня, я встречался в министерстве обороны с Язовым Д. Т. по его просьбе. Он сказал, что обстановка осложняется и выразил сомнение в успехе задуманного. После беседы он попросил пройти с ним вместе к заместителю министра обороны генералу Ачалову В. А., где шла работа над планом захвата здания Верховного Совета РСФСР. Он заслушал Ачалова В. А. в течение трех минут только о составе войск и сроках действий. Я никому никаких вопросов не задавал.

Почему я приехал в Москву по своей инициативе — никто меня из Сочи не вызывал — и начал работать в «Комитете»? Ведь я был уверен, что эта авантюра потерпит поражение, а приехав в Москву, еще раз убедился в этом.

Дело в том, что, начиная с 1990 года, я был убежден,

как убежден и сегодня, что наша страна идет к гибели. Вскоре она окажется расчлененной. Я искал способ громко заявить об этом. Посчитал, что мое участие в обеспечении работы «Комитета» и последующее связанное с этим разбирательство, даст мне возможность прямо сказать об этом. Звучит, наверное, неубедительно и наивно, но это так. Никаких корыстных мотивов в этом моем решении не было.

Мне понятно, что как Маршал Советского Союза, я нарушил Военную присягу и совершил воинское преступление. Не меньшее преступление мной совершено и как советником Президента СССР.

Ничего другого, как нести ответственность за содеянное, мне теперь не осталось.

Маршал Советского Союза АХРОМЕЕВ. 22 августа 1991 года.

А может, он убоялся как раз именно этой ответственности за содеянное? Позора скамьи подсудимого, лишения маршальского звания, боевых наград? Не лучше ли, не порядочнее ли стать самому себе и следователем, и прокурором, и судьей?

Что же, такой вариант вполне допустим. Но петля, проклятая петля… Маршалы ведь сами не вешаются.

Не было табельного оружия? Следствие ссылается на показания Кузьмичева, бывшего адъютанта маршала. Допрошенный в качестве свидетеля, Кузьмичев показал, что после ухода с поста начальника Генерального Штаба Ахромеев сдал личное оружие и все пистолеты, которые он получил в качестве подарков за годы долгой военной службы. Эти показания проверены и нашли документальное подтверждение.

У меня нет оснований не верить следствию. Зная педантичность и честность Ахромеева, я убежден в том, что он действительно сдал все подаренные ему пистолеты. Но никто не убедит меня в том, что в те кризисные августовские дни военному советнику Горбачева, Маршалу Советского Союза, было непосильным делом раздобыть какую-нибудь «пушку». Конечно, тогда был еще не 1996-й год, как сейчас, когда достать любое оружие даже не для военного человека — раз плюнуть, но ведь речь идет не о каком-то заурядном полковнике.

И вряд ли Ахромеев опасался ответственности за содеянное, Танки-то не он в Москву вводил, приказа об открытии огня не отдавал. В чем, собственно говоря, заключалось содеянное им? Да, по поручению ГКЧП выполнял ряд конкретных действий; Но что это за действия?

«Организовал сбор и анализ обстановки». Бесспорно, по содержанию его действий нельзя судить о том, что умысел Ахромеева был направлен на участие в заговоре с целью захвата власти. Это, безусловно, он понимал. К такому заключению, кстати, пришла и российская прокуратура, прекратившая в ноябре 1991 года уголовное дело в отношении Ахромеева по факту его участия в деятельности ГКЧП ввиду отсутствия состава преступления. Не ввиду смерти, а заметьте, именно отсутствия состава преступления.

Дважды вешавшегося маршала дважды хоронили. Мистика какая-то, оккультизм. Даже если все-таки он сам свел счеты с жизнью, что воспринимается общественным мнением с весьма значительной долей скептицизма, то нельзя не согласиться и со следующей, довольно распространенной точкой зрения. Убийцы у Ахромеева были, вне зависимости от того, считать ли его смерть убийством или самоубийством. Кто тот смельчак, который станет доказывать, что доведение до самоубийства — преступление менее тяжкое, чем убийство?

Глава 3
«У МЕНЯ С ПРЕЗИДЕНТОМ ЕСТЬ РАСХОЖДЕНИЯ…»

Последний раз я встречался с маршалом Ахромеевым летом 1991 года, в канун 50-летия начала Великой Отечественной войны.

На 19 июня выдался чудесный солнечный день. Все редакции центральных средств массовой информации и аккредитованные в Москве иностранные журналисты заблаговременно получили переданное по каналам ТАСС сообщение о том, что в пресс-центре ЦК КПСС состоится пресс-конференция военного советника президента СССР на тему: «22 июня 1941 года: взгляд через 50 лет». Пишущей и снимающей братии набралось немало — только одних телекамер я насчитал не менее двух десятков.

Сергея Федоровича встречали у входа в гостиницу «Октябрьская», ныне «Президент-отель», на улице Димитрова. Маршал прибыл в точно условленное время вместе с адъютантом в звании майора и лечащим врачом в штатском.

Прошли в «особую зону» — так на языке охраны назывался небольшой изолированный отсек, предназначенный для членов Политбюро и других высокопоставленных гостей. От предложенного кофе, чая, а также прохладительных напитков маршал отказался, сделав выразительный кивок в сторону врача — не разрешает непроверенных яств, особенно после недавнего лечения желудка.

Узнав, что я из Белоруссии, расчувствовался:

— А я ведь длительное время служил у вас. После войны командовал полком, дивизией, корпусом, армией. Подолгу живал в Бресте, Бобруйске, Барановичах, Борисове, других ваших городах. Самые добрые воспоминания остались.

Стенограмма той полуторачасовой встречи с двумя сотнями журналистов передо мной. Почти сорок страниц машинописного текста. В который раз вчитываюсь в знакомые строки. Где разгадка тайны? В чем причина нелепой смерти 68-летнего маршала? Может, в этих словах, сказанных по поводу первого тома истории Великой Отечественной войны под редакцией Волкогонова: «Предвоенный период, 20-е и 30-е годы, перевернут с ног на голову. Там все превращено в черноту. Отрицается все, что произошло в стране после Октября. Да, тогда был сталинизм, было насилие над народом. Но народ строил основы социализма. Я сам видел, я родом оттуда, из этих годов»?

А может, здесь: «Не считаете ли вы, что нынешняя ситуация сходна с той, которая была накануне войны?» Да, ответил маршал. Сходство есть. «Тогда создалась опасность самого существования СССР. Сегодня тоже налицо такая опасность». Или ключ в этих словах: «И у меня с президентом есть расхождения»?

Впрочем, зачем вырывать фрагменты? Не лучше ли привести стенограмму полностью? Волей случая я оказался владельцем последнего интервью маршала Ахромеева. Несомненно, это ценный документ для истории. Так имею ли я право замалчивать его, держать неопубликованным в личном архиве? Может быть, именно при чтении этих откровений загорится вдруг у кого-то непреодолимое желание взглянуть на заключительный эпизод августовской трагедии 1991 года свежим и непредвзятым взглядом, свободным от груза стереотипов, сложившихся у нас, современников и очевидцев горбачевского смутного времени.

Сначала, как положено, ведущий пресс-конференции представил маршала аудитории. Коротко напомнил о его жизненном пути. По традиции гостю пресс-центра предоставлялась возможность сделать краткое вступление, прежде чем он приступал к ответам на вопросы. Неопытные ораторы часто увлекались, непомерно растягивали свое вступительное слово, в котором сразу излагали всю квинтэссенцию, с которой пришли на пресс-конференцию. Выплеснув сразу на слушателей всю свежую информацию, они потом повторялись, снова возвращались к уже сказанному и таким образом теряли интерес к себе со стороны даже самых непривередливых журналистов.

Ахромеев был стрелянным воробьем. Его вступительное слово заняло не более трех минут, но он построил его так, что сразу заинтриговал всех. Аудитория поняла, что диалог предстоит острый, отнюдь не парадно-юбилейный. Это было видно уже по маршальской преамбуле.

Он сразу взял быка за рога, заявив, ч*го к проблеме 1941 года существуют различные подходы. И объясняется это необъективным интересом, который приводит к необъективным исследованиям исторической действительности. Нельзя не учитывать и политического интереса. В силу этого исследователи сосредотачивают внимание только на изучении первых трех недель войны. Но ведь ее начальный период равен семи месяцам — с июня по декабрь 1941 года.

— Я все-таки профессионал и исследованию войны посвятил всю свою 50-летнюю армейскую службу. Убежден, что содержанием начального периода должны быть не три недели, а июнь-декабрь сорок первого. И не только потому, что этот период

самый трагичный и сильнее других врезался в мою память. К такому заключению приводит вся логика событий Великой Отечественной войны.

И еще одна проблема: как все-таки увязываются эти годы: 1941-й и 1991-й. Обозначив таким образом круг тем, которые он хочет затронуть и далее подискутировать по ним, и одновременно подчеркнув, что эти темы его не просто интересуют, но и мучают, Ахромеев заявил журналистам, что он готов отвечать на их вопросы.

МОСКОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ ГАЗЕТА «ЛЕНИНСКОЕ ЗНАМЯ». Каждому человеку свойственно ошибаться: от рядового до маршала. В 1941 году Сталин, обладая огромной, объемной информацией, тем не менее допустил стратегическую ошибку. И после сорок первого года у нас было немало новых ошибок, в том числе войны во Вьетнаме, Афганистане. Какие уроки и выводы вы, как военный советник президента СССР, извлекаете из допущенных ошибок, в том числе и прежде всего из просчетов 1941 года? Имеется в виду демократичность решений и анализ ситуаций.

АХРОМЕЕВ. Вы так поставили вопрос — ошибаться может каждый, от солдата до маршала, — что получается, будто выше маршала никого нет. Есть гораздо более высокие должности в государстве, и лица, их замещающие, нередко ошибаются не менее, а даже более крупно. Но это так, к слову.

Если же говорить о 1941 годе и непосредственно о предвоенных месяцах, то, действительно, одной из серьезных — я не считаю, что главной, но, подчеркиваю, одной из серьезных — причин неудач начала войны была грубая военно-стратегическая ошибка Сталина в оценке военно-политической обстановки в предвоенный период. Сталин не верил, что Гитлер может напасть на Советский Союз и одновременно вести войну с Великобританией. То есть вести войну на два фронта. Сталин исходил, наверное, хотя мне трудно об этом судить, документально это нигде не подтверждено, но все-таки он, видимо, исходил из уроков первой мировой войны, когда Германия именно из-за того, потерпела поражение, что воевала на два фронта.

Однако в 1941 году военно-политическая обстановка в Европе была совершенно иная, чем в 1914-м. Вы говорите, что Сталин имел много информации. Но когда исследователи сейчас говорят об этой информации, они упускают существенный момент. Я читал очень много донесений в Генеральный штаб, Сталину, Молотову, которые поступали им перед началом войны со всех концов мира. И от Зорге из Японии, и из Швеции, и из

Швейцарии, и из Германии — от нашего военного атташе, а также немало других источников, в которых приводились прямые факты о том, что готовится вторжение, сосредоточиваются войска. При этом указывались конкретные группировки, номера частей. С точки зрения военного человека, читающего эти документы, совершенно очевидно, что надвигалась война. Более того, по характеру поступавшей в мае — начале июня информации становилось ясно: война неизбежна.

Но Сталин не был военным человеком, он был руководителем государства. Причем руководителем диктаторского типа, который считал, что он умнее всех, дальше всех видит. А поскольку методы управления у него были диктаторские, не демократичные, то возражать ему никто не смел. Поэтому даже из-за границы донесения шли с оговорками, как у нашего военного атташе из Берлина. Сначала он сообщал о подготовке к нападению, подробно описывал военные приготовления Гитлера, а в конце добавлял: мол, я считаю, что все эти данные специально подбрасываются нам британской разведкой, спецслужбами других стран, которые в настоящее время воюют против Германии. Их цель — столкнуть Советский Союз с рейхом.

Вот в таком примерно плане шли все донесения. Попробуйте сделать из них выводы, особенно если хотите увидеть подтверждение своим мыслям, как это было в случае со Сталиным. Я хочу сказать, что обстановка была не из простых. Вы спросите: а куда смотрели военные? Те же Тимошенко, Жуков, другие военачальники. Неужели они, высочайшие профессионалы, не обращали внимания Сталина на грозящую опасность? Обращали. Стало быть, он не слушал своих военных советников? Слушал. Но разрешил проводить только часть подготовленных мероприятий, притом, самую минимальную. А на основную часть — развертывание вооруженных сил — санкции не давал.

Потому произошло то, что должно было произойти: Германия, которая начала готовиться к войне с Советским Союзом с лета 1 940 года, справилась с этой задачей в течение 12 месяцев. Вермахт развернул группы своих армий на германо-советском фронте, сосредоточил в полосе наступления корпуса, дивизии и полки. В готовность была приведена вся система управления войсками — от разведки и контрразведки до системы материального обеспечения. А Советская Армия в это время находилась в казармах. По существу, начальный период войны с Германией был выигран до первого выстрела, еще до 22 июня. Было совершенно очевидно, что начальный период закончится не в пользу Советского Союза. Такое стало возможным из-за ошибки

Сталина. Но это не значит, что весь неудачный для нас сорок первый год — следствие названного мною просчета на государственном уровне. Там было немало и других, не только субъективных причин.

Какие же выводы напрашиваются? Во-первых, их необходимо разделить на военные и политические. О самом главном политическом выводе я уже сказал: диктаторский метод управления, примат единоличной власти неизбежно приводит к тяжелым просчетам, к огромной трагедии для государства и народа% Стало быть, нужен объективный взгляд на оценку событий. А он возможен только при наличии демократических механизмов управления.

Есть, конечно, и военные выводы. О них широко известно. Это, в первую очередь, необходимость иметь талантливые кадры военачальников. Сорок первый год показал, что полководцы гражданской войны не годились для новых сражений. Старые маршалы — Ворошилов, Буденный, Кулик и другие оказались беспомощными в непривычных условиях, не выиграли, ни одной битвы. В сражениях Великой Отечественной сформировалась новая плеяда командных кадров.

Вот вы говорите: после 1945 года были войны, где мы опять чего-то не угадали. Тут согласиться с вами я не могу, не обессудьте. Чего мы не угадали во вьетнамской войне? Там мы ничего и не могли угадать, потому что эта война не наша. Афганская война? Да, ее мы сами развязали, но причины неудач там были совсем иные. Короче, каждая война не похожа на другую, и уроки — разные.

ЖУРНАЛ «ВОПРОСЫ ИСТОРИИ». Уважаемый Сергей Федорович, вы занимаетесь историей второй мировой войны и поэтому хорошо знаете, что объективное, правдивое ее освещение, изучение событий, которые с ней связаны, определяется наличием доступа исследователей к источникам. Во всех цивилизованных странах существует срок закрытости архивных документов. В одних странах — 25 лет, в других — 30. С начала Отечественной войны прошло полвека. До сих пор у нас нет закона об архивах, о сроках рассекречивания хранящихся там материалов. В бытность Шеварднадзе министром иностранных дел была сделана попытка открыть архивы МИДа. Но она оказалась тщетной. Суть моего вопроса сводится к следующему: намерены ли вы, как советник президента по военным вопросам, ставить вопрос об открытии архивов министерства обороны? Предпринимали ли вы такие попытки? Ведь все спекуляции в отношении причин войны, ее хода и результатов, включая и

афганскую войну, связаны с отсутствием документов, источниковедческой основы. Каждый пишет, что хочет. Как долго мы будем ждать открытия архивов? Может, вам что-то известно в отношении мидовских архивов? Без них подлинная, правдивая история не будет написана.

АХРОМЕЕВ. Вы высказали очень благую мысль о написании объективной, правдивой истории. Если бы это было возможно, я был бы готов день и ночь биться за то, чтобы архивы открыли немедленно. Однако наивным было бы полагать, что-де как только архивы откроют, так не будет каждый писать, что хочет. Я думаю, что, к сожалению, этого мы не достигнем. Хотя, наверное, к истине приблизимся. Тут я с вами согласен. А может, наоборот, еще более запутаемся.

И все же лично я за то, чтобы в возможно короткий срок открыть архивы. Однако, хотя я здесь не являюсь специалистом и не ручаюсь за то, что мой ответ вас удовлетворит, дело упирается в общую ситуацию в стране. Ведь после 1985 года нужно столько всего открывать, что с этим никто, не справляется. Вот ко мне, как к советнику президента и члену Верховного Совета СССР, постоянно обращаются конгрессмены США — а они мои коллеги, многих из них я знаю лично, — почему мы не открываем военный бюджет Советского Союза, как это делают они в своих Штатах.

Да по очень простой причине: наш Комитет по делам обороны и госбезопасности страны технически не подготовлен к тому, чтобы раскрыть эти данные по той методике, по которой это делают американцы. У нас и аппарата такого нет. Знаете, сколько помощников у американского конгрессмена? 18 человек. У сенатора и того больше -100. А у Ахромеева штат — 1 человек. Ну, я еще профессионал — маршал, начальником Генерального штаба был. А ведь в нашем Комитете есть товарищи, которые совсем не профессионалы. Теперь вы видите, в чем причина того, что не вся подлежащая оглашению информация оглашена. Вовсе не в кознях консерваторов, и тем более не в рудименте шпиономании. Причина — общая. Мы не успеваем, мы захлебываемся. Но, согласен, среди всех прочих задач открытие архивов — это особая задача, вы правы. Это задача исторической правды, которую используют не в нашу пользу. Поэтому она должна решаться быстрее. И я со своей стороны буду прилагать для этого все усилия. Одновременно хочу сообщить, что если кто-то испытывает затруднения в доступе к архивным материалам, прошу обращаться лично ко мне. Постараюсь помочь всем: и советским, и иностранным журналистам. До тех пор, пока не будет принят закон об архивах.

ТЕЛЕВИЗИОННАЯ «СЛУЖБА НОВОСТЕЙ» (Москва). Сергей

Федорович, нам известно, что многие годы история Великой Отечественной войны писалась в угоду различным политическим деятелям, стоявшим в разные Годы у руля власти. Что делается в министерстве обороны сейчас для создания действительно объективной истории Великой Отечественной войны, действительно объективной книги?

АХРОМЕЕВ. Ну, во-первых, написание объективной истории Великой Отечественной войны — задача отнюдь не только и не столько министерства обороны. Я бы даже сказал, что министерство обороны выступает здесь скорее помощником. Обратите, пожалуйста, внимание, как называется этот многотомный труд. «Великая Отечественная война советского народа». Вот видите — «народа». И решение об издании принято на уровне руководства государства. Значит, создание этого труда — дело общегосударственное, а не прерогатива одного министерства обороны. Создана главная редакционная комиссия многотомника. Ее председатель — министр обороны Язов. Я являюсь одним из сопредседателей этой комиссии. В ее состав вошли виднейшие ученые всех направлений, в том числе историки, политологи, философы, экономисты. Представлены также военные руководители, участники Великой Отечественной войны, общественные деятели. Мне представляется, что подобралась очень авторитетная и компетентная рабочая группа. Под стать ей и авторский коллектив, который приступил к работе. Однако, как говорится, слова из песни не выбросишь, и я должен откровенно сказать вам: произошел затор. Первый том истории мы должны были выпустить в свет еще в прошлом году. Руководителем авторского коллектива по написанию первого тома, посвященного предвоенному периоду, был гене-рал-полковник Волкогонов. И когда я, заместитель председателя редакционной комиссии, получил машинописный вариант первого тома и прочел его, то сразу написал всем членам редакционной комиссии: в таком виде том выпускать нельзя, его надо перерабатывать. К такому выводу пришло и большинство других членов комиссии.

В чем дело? Не буду разворачивать картину подробно. По моему убеждению, предвоенный период, двадцатые-тридцатые годы, перевернут с ног на голову. Там все было превращено в черноту, извините меня за такие слова. Отрицается все, что произошло в стране после Октябрьской революции. Отрицается, что шло социалистическое строительство. Да, тогда был Сталин, был сталинизм. Да, тогда были репрессии, насилие над народом, я этого не отрицаю. Все это было. И тем не менее это нужно исследовать и оценить объективно и справедливо. Ведь в тот же

период народ строил основы социализма. Меня, например, в этом убеждать нечего. Я сам родом оттуда, из этих годов. Я сам видел, как люди работали, с какой самоотверженностью, ради чего они трудились. У Волкогонова все это оказалось перечеркнутым. Редакционная комиссия предложила ему учесть высказанные замечания. Авторский коллектив взялся за доработку. Но она свелась даже не к повторению прежних оценок, а к их усугублению. Тогда было принято решение об освобождении Волкогонова от руководства авторским коллективом. Министр собрал редакционную комиссию — как ее председатель высказал свои пожелания, дал необходимые установки. Комиссия была с ним согласна.

Сейчас готовится третий вариант первого тома. Мы в нем активно участвуем. Я считаю, что министерство обороны не должно стоять в стороне. Его задача не в том, чтобы что-то сгладить или спрятать. Прятать, скрывать нечего. На фоне того, что произошло в стране и что всем стало известно, какие могут быть игры в прятки? И потом — войну-то ведь мы выиграли, а не проиграли.

НЕМЕЦКОЕ ТЕЛЕВИДЕНИЕ ЦДФ. В настоящее время по центральному телевидению демонстрируется документальный фильм «Будь проклята, война!». Это совместное производство телевидения Германии ЦДФ и Гостелерадио СССР, посвященное начальному периоду воины между Германией и СССР. Смотрели ли вы две первые серии этого фильма? Если да, то соответствуют ли они, на ваш взгляд, исторической правде? Что вы думаете об этом фильме?

АХРОМЕЕВ. Прошу меня извинить, но мне приходится откровенно вам сказать: я эти дни болел, и хотя болезнь не страшная, но очень тяжелая, и я, к сожалению, эти серии не смог посмотреть. Сожалею об этом.

ВСЕСОЮЗНОЕ РАДИО. Хотел начать, Сергей Федорович, с комплимента. Мне очень понравилось, что вы корректно, тонко связали историческую дату и сегодняшний день. Скажите, пожалуйста, не считаете ли вы, что сегодняшняя ситуация, сложившаяся на политической арене с Советским Союзом, повторяет ту, которая была накануне войны? То есть мы остались без союзников, даже без Монголии, единственной страны, которая была нашей союзницей перед началом Великой Отечественной войны. Тогда Сталин не обладал в общем-то никаким образованием, в том числе и военным. К сожалению, нынешний верховный главнокомандующий тоже не обладает военным образованием. Тогда без согласования с военными специалистами, ряды которых* явно поредели к началу

вторжения Гитлера, были произведены так называемые перевооружение и передислокация армии. Сейчас происходит то же самое. Армия у нас находится, как говорится, на черте бедности, она социально не защищена.

Не считаете ли вы, что ситуация, к великому сожалению, повторяется? Внутри страны армия не имеет не только надежной морально-политической базы, ибо армию травят все, кому только не лень — и многие органы информации, и общественно-политические движения, — но она не имеет и хорошей материально-бытовой базы. Войска не могут по-человечески квартироваться и питаться, обеспечивать нормальную жизнь солдат. Я уже не говорю об офицерах, прапорщиках, мичманах. И, кроме того, не находите ли вы странностей в том, что враг, которого мы проклинаем, вдруг становится другом? Точь-в-точь такое произошло перед войной 1941 года, когда мы сначала проклинали итальянский и немецкий фашизм, а потом вдруг начали брататься с ним. И завязывать далеко не перспективные связи…

АХРОМЕЕВ (улыбаясь). Вы задаете столько вопросов, что я не в состоянии ответить.

КОРР. РАДИО (продолжая). И последний вопрос. Сергей Федорович, разделяете ли вы, как член парламента и военный советник президента, ответственность с Михаилом Горбачевым, занимающим пост верховного главнокомандующего, за то положение, которое сложилось во внутренней и внешней политике с точки зрения обороноспособности нашего государства?

АХРОМЕЕВ. Я постараюсь сгруппировать эти вопросы и ответить на них. В отношении президента, что он не имеет военного образования и военной подготовки. Думаю, для президента это не обязательно. Возьмем к примеру Буша… В молодости он был морским летчиком. Стало быть, военный человек. Тем более, что он был летчиком авианосного соединения. К людям этой профессии предъявляются особые требования. Думаю, не так много на земном шаре специальностей, подобных той, которой владеет Буш. Кроме филигранной отточенности военного министерства, требуются еще безукоризненные личные качества — мужество, смелость, честность. Но это отнюдь не значит, что по профессиональной подготовке он равен, скажем, генералу де Голлю. Да ему это совсем не обязательно.

Не обязательно ни Бушу, ни Горбачеву, ни любому другому руководителю государства. Общее понимание военных вопросов у Горбачева есть. По мере вхождения в президентскую должность

он все больше и больше приобретает опыта общения с вооруженными силами, с высшим военным руководством. Совершенно ответственно заявляю: Горбачев знает военные проблемы, притом в объеме, который необходим для выполнения президентских обязанностей. Он принимает решения, достаточные для поддержания обороноспособности страны на необходимом уровне.

Второе. Относительно армии. Извините меня, но вы так ее охарактеризовали, что может сложиться превратное впечатление. После ваших слов остается одно — брать суму и идти побираться на содержание армии. Простите меня, но я не согласен с этим. Мало ли кто такое говорит. Сейчас говорят обо всем, кто во что горазд. Ваша точка зрения неправильная. Во всяком случае, я так считаю.

Да, в материальном отношении армия живет сейчас хуже, чем в 1985 году. Но ведь и весь народ стал жить хуже. Я не вдаюсь в причины этого. Хочу только отметить, что богато наша армия не жила никогда. Мы всегда жили скромно. Но мы понимали, что и народ наш живет не лучше. И были, как говорится, этим удовлетворены. Политическое руководство проводило соответствующую политику, под эту политику создавались вооруженные силы, развивались современные типы вооружений. В какой-то степени можно утверждать, что приоритет отдавался военно-промышленному комплексу.

Правильная была эта политика или нет? Наверное, далеко не совсем правильная. Кто в ней был больше виноват? Трудно сказать, да и вряд ли есть необходимость сейчас в этом считаться. Одно бесспорно: трудности армии — это трудности страны. И я бы и сейчас не сказал, что наша армия живет хуже, чем народ. По-моему, такого не скажет никто. Да, трудно, но нужно всем миром преодолевать эти трудности.

Третье. Об ответственности. Ну, во-первых, я ведь не только советник президента, я был начальником Генерального штаба, а кроме того, десять лет был членом Центрального Комитета КПСС. И за обстановку в стране, как бывший член ЦК КПСС, я несу ответственность. За обстановку в вооруженных силах я, конечно, несу гораздо большую ответственность, но в создавшейся ситуации в армии в первую очередь виновато не военное руководство, а другие политические силы. Поэтому я готов в любой аудитории встать и отчитаться, кто что* сделал, а кто чего наделал против вооруженных сил. С точки зрения ответственности за то, что происходит в стране, тут и вопрос задавать нечего, кто больше всех отвечает. Больше всех отвечает Съезд народных депутатов, Верховный Совет СССР, а персонально

— президент СССР.

ИНФОРМАЦИОННОЕ АГЕНТСТВО СУСИ ДЕ ПРЕСС (Испания). Объясните, пожалуйста, более подробно, я, наверное, не очень понял, в чем состоят ваши возражения против концепции истории, которую трактует Волкогонов. Собственно, он коммунист, почему вы его критикуете? И другие военные тоже. Разве принцип гласности, провозглашенный КПСС, не позволяет Волкогонову излагать свою точку зрения на историю?

АХРОМЕЕВ. Благодарю вас за этот вопрос. Если я плохо на него отвечу, то обязательно должен повторить. Дело вот в чем. Предвоенный период в жизни нашей страны характеризуется сплетением различных противоречий. С одной стороны, рабочий класс, беднейшее крестьянство, молодежь пошли за партией и начали сознательно строить социалистическое общество. По мере того, как росли вот такие, как я, которые вошли в жизнь, уже имея руки и голову в начале 30-х, количество таких людей увеличилось на десятки миллионов. И мы строили социализм сознательно. Нам не нужно было никакого насилия, нас не нужно было принуждать. Мы готовы были все сделать для строительства социализма, готовы были на любые жертвы. Так же самоотверженно защищали социализм в войну.

Но была и вторая линия — сталинизм. Это тот же социализм, но достигался он методом насилия, репрессий, раскрестьянивания, в результате чего погибли миллионы людей. Так вот, первое направление — сознательное строительство социализма — Волкогонов вообще отрицает. Он утверждает, что существовало только голое насилие, существовал только сталинизм. Я с ним не согласен. В принципе не согласен. Я человек этой эпохи. Я видел и знаю, как мы жили, как мы работали. Вот в чем наши разногласия.

ТАСС. Сергей Федорович, у меня будут два вопроса. Первый вопрос, насколько я понимаю, вы очень хорошо знаете. Он касается того, как война начиналась, и особенно, как она начиналась в республиках Прибалтики. В связи с этим я бы хотел, чтобы вы прокомментировали нынешнюю военную ситуацию в Прибалтике. Имеет ли она, на ваш взгляд, корни в том, что происходило в 1941 году? И второй вопрос: какая цифра потерь в Великой Отечественной войне, на ваш взгляд, наиболее близка к истине?

АХРОМЕЕВ. Во-первых, сразу должен вам сказать, что, по-моему, военной ситуации в Прибалтике нет. В Прибалтике ситуация такая же, как и во всей стране. Имеется социальное напряжение, если говорить коротко. Главная, но не единственная ее причина, скажем, в Литве, заключается в том, что Верховный

Совет этой республики отменил Конституцию и законы СССР на своей территории. Однако отменены формально, фактически-то они действуют.

Таким образом, пришли в противоречие союзные и республиканские законы. Армия живет по союзным законам, республика пытается жить только по своим, республиканским. Идет, что называется, война законов. А это порождает всплески социальной напряженности, чувство страха, а иногда и вооруженные вспышки. В Литве эти процессы идут в более острой форме, в Латвии и Эстонии — мягче. Порождено ли это довоенным периодом? Конечно. Спор-то ведь идет о том, как в 1940 году эти республики вошли в состав Советского Союза. Одни говорят — на законной основе. Я тоже придерживаюсь такой точки зрения. Другие утверждают, что не законно. Спор на эту тему, безусловно, также добавляет масла в огонь.

Наверное, о численности потерь в Великую Отечественную войну будут спрашивать и другие журналисты. Главное, о чем бы я хотел вам доложить сейчас, — это то, что никто никаких потерь не пытается скрывать. Ну какой смысл это делать? А теперь о самих потерях. Что я о них знаю? Наверное, не в полном объеме. Потому что потери среди гражданского населения — не в компетенции министерства обороны. Мы их не рассматриваем и не изучаем. Поэтому я могу назвать только общую цифру потерь, всем известную. А вот по военным потерям могу сказать подробнее.

Если считать всех погибших, то есть военнослужащих и партизан, не вернувшихся домой с войны, то будет 8 миллионов 668 тысяч 400 человек. Повторяю: 8 миллионов 668 тысяч 400 человек. Из них в 1941 году, который является предметом нашего рассмотрения, — 3 миллиона 138 тысяч. Страшная цифра. За каких-то шесть месяцев, а это лишь одна восьмая всей войны, погибло более 30 процентов тех, кто не вернулся с фронтов. Вторая половина 1941-го и 1 942 год были самыми тяжелыми по числу жертв. Если говорить о пленных, то всего за время войны пропало без вести и попало в плен 3 миллиона 396 тысяч 400 человек. Запишите пожалуйста: 3 миллиона 396 тысяч 400 человек. То есть почти половина. А вторая половина погибла в плену.

У меня есть также данные по каждой крупной операции. Откуда они? В бытность начальником Генерального штаба у нас была создана группа работников, которая изучала этот вопрос весьма подробно и тщательно. Притом, рассматривала каждую операцию отдельно. Эта группа работает до сих пор, уже три года. Так что эти цифры на сегодняшний день объективные. Но

утверждать, что они абсолютно достоверны, не могу, так как работа по уточнению продолжается.

До 1991 года мы исходили из другой цифры. Считалось, что в сорок первом году потери составляли 2,5 миллиона человек. А цифру 3 миллиона 138 тысяч я получил буквально позавчера. Происходят изменения, уточнения. Некоторые входили в общее потери, но в какой именно операции они погибли, было неизвестно. Выясняем неточности, перерасчитываем — по более совершенной методике. Поэтому настойчивые утверждения о том, что кто-то кого-то обманывает, неправильны. Дай Бог, как говорится, чтобы это делалось по недомыслию. Но мне представляется, что все куда более глубже, я не могу не видеть здесь определенных политических целей.

Такая вот ситуация с военными потерями. Более подробно на эту тему я готов беседовать с каждым из вас индивидуально. Что касается других потерь, в частности, среди мирного населения, то статистическое управление, которое занимается этой проблемой, называет следующую цифру — около 19 миллионов. Таким образом, всего погибло 27 миллионов человек.

РАДИО И ТЕЛЕВИДЕНИЕ АВСТРИИ. Недавно, в четвертом номере «Военно-исторического журнала» за этот год, вы назвали генерал-полковника Волкогонова антикоммунистом. Считаете ли вы, что только коммунист может правильно и справедливо оценивать историю войны?

АХРОМЕЕВ. Действительно, в четвертом номере военно-исторического журнала я назвал генерала Волкогонова антикоммунистом. Но не за то, что мне не нравится Волкогонов, а за то, что он искажает историческую действительность. В данном случае спор у меня с Волкогоновым идет о том, как правильно оценивать предвоенный период, что он из себя представляет. Мы с ним придерживаемся прямо противоположных позиций. Сегодня в Советском Союзе слово «антикоммунист» не является ругательным. Я — коммунист, а он — антикоммунист. Я — антикапиталист, а он — не знаю, кто: защитник капитализма или нет. Это не более чем обычная констатация факта. И идейный спор.

Меня не только критикуют, но и откровенно ругают за то, что я называю его перевертышем. Но слово «перевертыш» — это тоже констатация факта. До недавнего времени Волкогонов защищал советский строй, коммунистические идеалы вместе со мной. И вдруг — резкий поворот в поведении. Причем, без всяких объяснений. Пусть скажет, почему он изменил военной присяге. Почему он занял такую позицию, что его привело к этому? Мало того, он ведь был главным идеологом Вооруженных Сил СССР,

коммунистом номер один в армии и на флоте. Если уж на то пошло, то и меня учил быть преданным Коммунистической партии. Более того, надзирал, контролировал, прочно ли я усваивал политику КПСС, решения ее съездов. От его мнения, насколько генералы и офицеры были преданы делу партии, зависело их дальнейшее продвижение по службе. Такая у него была должность в Главпуре. И вот неожиданная метаморфоза. Генерал-полковничье звание, ордена, степень доктора наук, многочисленные книги о советском патриотизме, обеспеченный быт — ведь это все давалось в награду за верное служение партии. Тогда надо иметь мужество отказаться от всего этого. У меня часто возникает вопрос: неужели он тайно ненавидел то, о чем с таким воодушевлением говорил на служебных совещаниях, писал в своих книгах, вещал с телеэкрана в передачах «Служу Советскому Союзу!»? Если это так, то его положение незавидное.

ГАЗЕТА «СОВЕТСКАЯ ТОРГОВЛЯ». Сергей Федорович, я участник войны с 1941 года. Меня очень волнует вопрос: до каких пор у нас будет существовать формулировка «пропавший без вести»?

АХРОМЕЕВ. Ваш вопрос справедливый — это очень горькая формулировка. Пропавших без вести немало. Так называют тех, кто пошел на войну, погиб, наверное, но неизвестно, при каких обстоятельствах. Нет очевидцев, что с этими людьми случилось. Нет свидетелей гибели.

Сейчас эти люди для нас равны: и пропавшие без вести, и погибшие на глазах однополчан. Все они были защитниками Родины, вместе ушли на фронт и вместе воевали. На фронте было немало случаев, когда приходилось умирать в одиночку, в безвестности. Это самая страшная смерть. Недаром в старину говорили, что на миру и смерть красна.

Лично я считаю, что нужно найти какую-то иную формулировку. Быть пропавшим без вести обидно. В большинстве случаев эти люди погибли за Родину. Но неизвестно, где и как. От этого их подвиг не становится менее ярким.

ГАЗЕТА «ЛИБЕРАСЬОН» (Испания). Мой вопрос не связан напрямую со второй мировой войной, но к военным делам он тоже имеет отношение. Перед отъездом в США Борис Ельцин сказал, что механизм приведения в действие ядер-ной кнопки остается прежним. Но без разрешения России нажимать кнопку нельзя. Я хотел узнать: что-то изменилось в механизме нажатия ядерной кнопки? Если да, то что именно?

АХРОМЕЕВ. Я не имею никакого общения с Борисом Ельциным и потому не могу отвечать за его слова. А механизм применения ядерной кнопки, так же, как и в любом другом

ядерном государстве, определен законом об использовании ядерного оружия.

ГАЗЕТА «ЛИБЕРАСЬОН» (Испания). Из заявления господина Ельцина вытекает, что Горбачев не может отдать указание о ядерном ударе без согласия президента России. Получается, что в СССР два хозяина ядерной кнопки? Не чревато ли это серьезной опасностью для мирового общества?

АХРОМЕЕВ. Я ответил на ваш первый вопрос, но, повторяю, комментировать заявление Ельцина не могу, потому что я не имею с ним никакого общения.

ЖУРНАЛ «ТАЙМ» (Англия). Вы сказали, что в 1941 году Сталин игнорировал послания своих военных атташе и разведчиков, а также советы высшего военного руководства страны. Сейчас вы являетесь советником президента СССР. Давали ли вы какие-нибудь консультации Горбачеву при проведении маневров в январе этого года? В полной ли мере представлял господин Горбачев, что в конце концов произошло в Вильнюсе?

АХРОМЕЕВ. Простите, я не понял вашего вопроса. О каком январе вы говорите?

ЖУРНАЛ «ТАЙМ». О 13 января этого года. Когда в Вильнюсе погибло 13 человек. Пожалуйста, если вы можете с нами поделиться, то расскажите, какие советы вы давали господину Горбачеву, если их вообще давали. Насколько полно он владел обстановкой, касающейся событий в Вильнюсе?

АХРОМЕЕВ. Я думаю, что ответ на ваш вопрос содержится в недавно опубликованном сообщении Прокуратуры СССР о ходе следствия по поводу событий в Вильнюсе. Там генеральный проку-рор четко сказал, что Горбачев не знал об обострении ситуации. ˆ1 он действительно не знал. В Вильнюсе решение приняло местное командование. Ситуация сложилась таким образом, что огонь был уже открыт, когда командование решило применить воинское подразделение.

«ГАЗЕТА ДЛЯ ВСЕХ». Сначала реплика. Речь шла о Волкогонове, о том, что он изменил свои взгляды. Дело в том, что у нас сейчас все общество изменило свои взгляды. Мы все меняем свои взгляды под влиянием тотальной переоценки ценностей. А теперь два моих вопроса.

Первый вопрос — о судьбе Тухачевского. Были выдвинуты две версии. Первая — Тухачевский стал жертвой провокации со стороны немецкого командования. Вторая — со стороны нашего великого кормчего. Каков ваш взгляд на эти версии?

Второй вопрос у меня чисто философский. Я бы даже назвал его глобальным. Вы человек с большим опытом — военным,

житейским. Задумывались ли вы над проблемой диктатора и толпы, вождя и народа?

Почему все-таки диктаторы приходят к власти? Примеров можно привести сколько угодно. Особенно в последнее время.

АХРОМЕЕВ. Я не назвал бы ваш последний вопрос философским. По-моему, он вполне конкретный. Однако давайте по порядку.

Сразу хочу оговориться: я не против того, что в обществе сейчас происходит переоценка ценностей, люди занимают иные политические-позиции. Я считаю это совершенно нормальным. Например, в Верховном Совете СССР я прекрасно отношусь ко многим народным депутатам, не разделяющим коммунистическую идеологию, активно сотрудничаю с парламентариями, которые никогда не состояли в партии. И я совсем не обвиняю никого, наоборот, уважаю инакомыслящих за их позицию, за их твердость, за то, что они не меняют своих убеждений под влиянием конъюнктуры. Но мне абсолютно непонятно поведение того же Волкогонова, который, обладая бойким пером, двадцать лет пел осанну партии и советской власти, написал десятки книг на эту тему, заработав на этом все, что только возможно в наших условиях, включая ученые звания и хорошее материальное обеспечение, и вдруг переметнулся в лагерь противников коммунистической системы. Ладно, Волкогонов решил податься в ряды перебежчиков — в конце концов, это дело его нравственного выбора. Но ты хоть объясни, почему уходишь, откройся тем, кто с тобой всю жизнь прослужил, скажи, набравшись мужества: я прозрел, вся прошлая жизнь была ошибкой, сейчас я считаю, что надр действовать так-то и так-то. А он начал проповедовать другую философию, даже не хлопнув дверью. Вот этого я не понимаю. Надо же быть в конце концов мужчиной.

В отношении Тухачевского. Мнение, конечно, сугубо личное. Здесь, по-моему, самым затей-левым образом переплелись обе версии, которые вы назвали. Сталин издавна не любил Тухачевского. Еще со времен гражданской войны. В 1919 году Сталин был членом реввоенсовета Южного фронта, а в январе 1920 года Тухачевского назначили командующим этим фронтом. Ему было тогда 26 лет. Началась советско-польская война. Тухачевского назначают командующим Западным фронтом, а Сталина — всего лишь членом реввоенсовета Юго-западного фронта. Общеизвестны трения между этими фронтами, неудача Тухачевского под Варшавой, связанная с тем, что Сталин с Ворошиловым повернули на Львов. Взаимных упреков и обвинений было предостаточно.

Но, благодаря Ленину, до открытой конфронтации дело не доходило. Тухачевский после гражданской войны занял видное место в армии. Однако неприязнь между ним и Сталиным сохранялась. Когда начались массовые репрессии, то, наверное, Тухачевский был на прицеле. Кстати, он сам давал повод. Я не утверждаю, что Тухачевский учинял какие-то заговоры, а вот то, что свойственная ему прямота сослужила в итоге плохую службу, — это бесспорно. Тухачевский, например, во всеуслышание заявил: Ворошилов — слабый нарком обороны, он не годится для того, чтобы занимать этот высокий пост в государстве. Подобные разговоры еще больше усложняли его положение, поскольку, кроме давней неприязни со стороны Сталина, Тухачевский приобрел противника и в лице Ворошилова, которому, безусловно, было известно, что думает и говорит о нем его заместитель. Ну а когда Сталину подбросили материалы на Тухачевского через Прагу, то они оказались, как говорится, к самому времени. Политически эти материалы Сталину были очень нужны, и он не преминул ими воспользоваться. По-моему, произошло так.

Теперь о закономерностях прихода диктатур к власти. Это хорошо можно проиллюстрировать на примере Гитлера. Он поднялся на гребне всеобщего недовольства жизнью в период экономической разрухи, вялости правительства кайзеровской Германии. Вот причины, порождающие приход диктатур к власти. Устранение этих причин и есть устранение опасности диктатур.

РАДИО И ТЕЛЕВИДЕНИЕ АВСТРИИ. Уважаемый маршал, простите меня, что я хочу еще раз возвратиться к вопросу о Волкогонове. На заседании главной редакционной комиссии маршал Язов упрекал Волкогонова, я цитирую: «С ненавистью к Сталину написана первая глава». Мой вопрос: что, в военных кругах вообще не разрешается выражать нелюбовь к Сталину?

АХРОМЕЕВ. Благодарю вас за интерес к этой теме, но я из приведенной фразы маршала Язова такого вывода, как вы, не делал бы. Сталин очень противоречивая натура. Я давно собираюсь написать о нем — по-своему, но, откровенно говоря, не хватает времени, чтобы сесть за эту работу. Для ее завершения, наверное, и жизни не хватит.

Думаю, никто не будет отрицать, что Сталин принес огромные бедствия советскому народу, что он диктатор. Его действия против собственной партии, против собственных товарищей никаким иным словом, кроме как «преступление», не назовешь. Но наряду с этим бесспорным утверждением разве можно отрицать, что имя Сталина навсегда вошло в историю нашей страны, что с ним связаны многие выдающиеся победы

нашего народа? Я, например, глубоко убежден в том, что Сталин добился крупных военно-дипломатических успехов. Вспомним: около двадцати лет формировалась антисоветская коалиция в предвоенный период. Казалось бы, нигде никакого зазора, никакой трещинки. А в сорок первом на нашей стороне выступили Черчилль и Рузвельт. Антисоветская коалиция была расколота. На стороне Гитлера остался только Муссолини. Разве это не говорит о Сталине, как о выдающемся политике?

Еще пример из этого ряда. В годы войны прошли три международные конференции — в Тегеране, Ялте и Потсдаме. Разве результаты этих саммитов не свидетельствуют о силе военно-дипломатического таланта Сталина? Чтобы у вас не сложилось обо мне превратное впечатление, не буду превозносить способности Сталина, это сейчас немодно. Сразу попадаешь в разряд противников перестройки. Но истины ради должен отметить: подобных примеров можно привести немало и в области внутренней политики. Это если быть объективным до конца. К сожалению, объективности как раз и не хватает в первом томе истории Великой Отечественной войны. Впрочем, как и в политической биографии Сталина «Триумф и трагедия», написанной Волкогоновым. Хотя спору нет, его труд о Сталине очень серьезный. А вот исторической объективности в нем мало, и он от этого только теряет.

(Пресс-конференция продолжалась уже около часа, но время не ощущалось. Активность присутствующих в зале была невероятная. Как только Сергей Федорович заканчивал ответ, в рядах поднимался густой лес рук. Очередность желающих вступить в диалог с маршалом было трудно соблюдать. Некоторые журналисты выстраивались в очередь возле установленных в зале микрофонов. Дирижируя залом, ведущий уже несколько раз обращался с просьбой формулировать вопросы как можно короче, поскольку желающих их задать становилось все больше и больше).

ГАЗЕТА «ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ». Сергей Федорович, скажите, где вы встретили войну? Как она началась для вас? Кем и когда вы ее закончили? И второй вопрос: не исключаете ли вы возможности нападения на Советский Союз в настоящее время? Или, по крайней мере, наличия военной угрозы для Советского Союза сегодня?

АХРОМЕЕВ. Ваши вопросы несколько разномастные, их довольно трудно совместить, ну да ничего. Я начал службу в 1940 году в Высшем военно-морском училище имени Фрунзе.

Собирался стать моряком. Войну встретил в Либаве, куда приехал на практику после окончания первого курса. Воевать пришлось с первых дней. До конца сорок первого года находился на Ленинградском фронте. А потом судьба так повернулась, что моряка из меня не вышло. Присвоили мне звание лейтенанта и уже на Сталинградском фронте я стал командиром стрелковой роты. Войну закончил командиром батальона, капитаном, в Австрии.

В отношении угрозы новой войны. Видите ли, любое государство, имеющее свои интересы в мировом сообществе, независимо от степени военной напряженности, должно иметь вооруженные силы, соответствующие реальной мере опасности. За сорок лет — с 1 945-го по 1 985 год — мы и Запад сделали немало для того, чтобы усилить военное противоборство, которое обеим сторонам обошлось весьма дорого. Я считаю, что сегодня непосредственной угрозы войны для Советского Союза нет, как нет ее для любого другого крупного государства — США, Великобритании, Франции, Германии. Это касается не только европейских, но и азиатских стран. Непосредственной угрозы войны сейчас нет, она отодвинута. Но военная опасность существует. Я настолько часто об этом говорил, откуда она исходит, что мне не хотелось бы еще раз сегодня это повторять.

ЖУРНАЛ «ИЗВЕСТИЯ ЦК КПСС». Сергей Федорович, у меня тоже два вопроса. Здесь касались роли Сталина в годы Великой Отечественной войны. А как вам видится роль КПСС, высшего партийного руководства, тех коммунистов, которых приходилось видеть на фронте? Второй вопрос скорее частный: роль Ленинграда в Великой Отечественной войне. Разделяете ли вы ту точку зрения, что, если бы пал Ленинград, не устояла бы и Москва, и, возможно, итоги войны были бы иными?

АХРОМЕЕВ. Во-первых, я считаю, что Коммунистическая партия Советского Союза, или, как она тогда называлась, Всесоюзная Коммунистическая партия большевиков, достойно выполнила свой долг перед народом и доблестно защитила страну. Если говорить о потерях, то из тех трех миллионов человек, погибших в первые полгода войны, полмиллиона были коммунистами. А всего из восьми миллионов погибших в партии состояли 2 миллиона 300 тысяч человек. Почти каждый третий.

Я сам вступил в партию в 1942 году на Ленинградском фронте, будучи командиром стрелковой роты. Не для того, чтобы куда-то уйти на штабную или тыловую работу, а чтобы оставаться на передовой, чтобы мне больше верили солдаты и сержанты.

Если говорить о роли крупных партийных руководителей, то она, несомненно, была велика. Возьмем, к примеру, Хрущева,

Жданова, Булганина. Это ближайшие сподвижники Сталина, в войну они были членами военных советов решающих фронтов. Они — первые, кого я вспомнил. Хрущев, Жданов, Булганин, другие представители ЦК вели себя мужественно, смело. Все, что им положено было делать, как членам военных советов, они делали. Конечно, их нельзя отнести к числу полководцев, они не принимали каких-то крупных оперативно-стратегических решений, не управляли непосредственно боевыми действиями, да этого от них и не требовалось. Перед ними стояли другие задачи, и они с ними успешно справлялись.

Какие это задачи? Партийные представители в войсках помогали обеспечивать личный состав всем необходимым, поддерживали должное политико-моральное состояние, повышали боевой дух людей, проявляли о них повседневную заботу. Вот сейчас о Жданове всякое пишут. А я, между прочим, его лично в окопах видел. Правда, один только раз, но ведь Ленинградский фронт большой был, до каждого командира стрелковой роты не доберешься.

О роли Ленинграда в войне. У немцев на советско-германском театре боевых действий было три крупнейших группировки войск — Ленинградская, Московская и Южная. Если бы Ленинград пал, то освободилась бы миллионная группировка вражеских войск. Ленинградский фронт — это не только город Ленинград, это Кронштадт, Ораниенбаум, где на пятачке мне пришлось воевать, это Карельский перешеек, Синявино, Тихвин, район Новгорода. Рухнула бы гигантская линия обороны. Прорвав ее, немцы хлынули бы с севера за Москву на восток. Положение сложилось бы уже не просто критическое, а скорее катастрофическое. Роль Ленинграда, на мой взгляд, должным образом еще не оценена. Именно его военно-стратегическая роль. То, что сделали ленинградцы, — это поистине величайший подвиг. Они отстояли не только свой город, они отстояли всю страну. Вместе с народом, конечно. Поэтому нет большего цинизма и глумления, чем утверждать, как это делают некоторые публицисты, что необходимости в обороне Ленинграда не было. Что такое Ленинград? — вопрошают иные поборники общечеловеческих ценностей. — Горы камней. Так стоило ли из-за каких-то камней жертвовать столькими жизнями? Вот вам ярчайший образчик неисторического подхода.

МОСКОВСКОЕ РАДИО. У меня вопрос к вам как к советнику президента. Есть ли у вас расхождения с президентом по военным вопросам? Если есть, то в чем их суть, в чем они заключаются?

(Вопрос показался ведущему настолько

неожиданным и щекотливым, что он, пытаясь сгладить его остроту, вслух пошутил: «Да, Сергей Федорович, кажется, это на засыпку…»)

АХРОМЕЕВ. А почему на засыпку? Нормальный и вполне закономерный вопрос. Я таких двух человек не знаю, у которых не было бы расхождений. И у меня с президентом есть расхождения. Только у меня с ним разное положение. Я советник, а он президент. Я могу советовать, могу убеждать его, а решения принимает он. И, кстати, нести за них ответственность. Как вы догадываетесь, у советника сложная работа, но у президента гораздо сложнее.

НЕЗАВИСИМЫЙ ЖУРНАЛИСТ САФОНОВ. Сергей Федорович, вы человек военный, и потому ответить на мой вопрос вам не составит труда. Во многих странах существует порядок, по которому юноши-призывники могут проходить военную службу в армиях других государств. Ну, например, парни из Австрии могут служить в Германии. Или, предположим. юноши из Канады — в войсках Англии и США. Практикуется ли такое у нас? На мой взгляд, это полезное дело, поскольку такой обмен способствовал бы развитию контактов между нашими военными и вооруженными силами других стран.

АХРОМЕЕВ. Товарищ Сафонов, извините мен. я, ради Бога, но, к моему стыду, мне неизвестен порядок, о котором вы говорите. Чтобы канадские юноши служили в британской армии? Не знаю, не знаю… безусловно, бывают случаи, правда, не совсем уж часто, когда курсанты военных училищ или слушатели академий направляются в зарубежные страны на стажировку — в аналогичные учебные заведения. А чтобы служить — таких случаев не припомню! Не о наемниках же, надеюсь, идет речь? Ведь человек дает присягу служить своей родине, в каком же качестве он поедет в чужую страну? Переприсягнет? Но у военных не принято дважды принимать присягу. Мне это не понятно, я бы, например, не поехал.

Иное дело — стажировки. В армии стран — участниц Варшавского договора наши роты уходили иногда на две-три недели. Жили в их казармах, вместе учились, отрабатывали боевое взаимодействие, участвовали в спортивных состязаниях. Но это, безусловно, нельзя считать военной службой в пользу какого-то иностранного государства. Служба для военного человека, по-моему, дело принципа. А он во все времена для честных людей был один: кому присягал, тому и служу.

ТЕЛЕКАНАЛ СИ-БИ-СИ (Канада). Реформа экономики год-полтора назад у вас была представлена таким образом, что это

ключ перестройки. Но, похоже, она идет очень медленно, во всяком случае, результатов не видно. Как вы относитесь к этому сегодня?

АХРОМЕЕВ. Здесь я откровенно должен вам сказать, что это выходит за рамки моей компетенции. Вы задали чисто экономический вопрос, хотя, конечно, в какой-то степени его можно считать и военным. Но я не экономист, и поэтому не берусь компетентно ответить на ваш вопрос. Не хотелось бы дилетантскими рассуждениями вводить вас в заблуждение.

ЖУРНАЛ «ТАЙМ». Давайте все же вернемся к генералу Волкогонову. 17 марта в Москве был митинг, на котором звучали определенные нападки в адрес этого человека. Притом не в плане осмысления им истории, а политических и идеологических взглядов. Пожалуйста, прокомментируйте этот вопрос. И второй момент. Вы говорите, что в довоенные годы в СССР в основном был построен социализм. Вы назвали себя антикапиталистом. Но, насколько мне известно, многие депутаты Верховного Совета уже не верят в социализм. Как вы это прокомментируете?

АХРОМЕЕВ. Прокомментирую, разумеется. Вы говорите, что 17 марта на коммунистическом митинге генерал Волкогонов был подвергнут нападкам как политик, а не как историк-исследователь. Что я могу по этому поводу сказать? Только то, что если кто не хочет нападок, пусть не лезет в политику. Я тоже имел несчастье в нее втянуться, и теперь вот получаю каждый день удары — притом со всех сторон. Однако вы у меня не спрашиваете: а почему на вас, Ахромеев, так интенсивно нападают, почему мое имя с завидным постоянством полощут в печати? Если занимаешься политической борьбой, значит, должен уметь дать сдачи. Поэтому я не вижу ничего особенного в том, что политические оппоненты нападают на Волкогонова. Это — нормальное состояние для всякого политика. Однако его вы почему-то выделяете и, как мне представляется, даже защищаете. Вот я задал вам вопрос о себе. Правда, ответа добиваться не буду.

Теперь относительно того, что многие депутаты не верят в социализм. Хочу еще раз обратить ваше внимание на следующее обстоятельство: я ведь свое мнение высказываю, свою позицию излагаю. Конечно, многие утратили эту веру. Первым среди них я бы назвал Бориса Николаевича Ельцина. Российский президент ведь был секретарем ЦК КПСС, кандидатом в члены Политбюро. А сейчас вот открыто говорит, что не верит в социализм и коммунизм и считает неправильным все, что делали коммунисты. И не только один Ельцин на старости лет вдруг «прозрел». Есть и другие. Их, кстати, не так уж и мало. Но вы-то обращаетесь ко мне, и я вам отвечаю: я глубоко убежден в том, что в двадцатые-

тридцатые годы у нас были построены основы социализма, и мое поколение защищало их в годы Великой Отечественной войны. И, как имеете возможность убедиться, защитило. Другое дело, что они были деформированы, а нередко и извращены сталинизмом. Ущерб был нанесен крупный, за это нам приходится сейчас расплачиваться.

ИНФОРМАЦИОННАЯ СЛУЖБА СОВЕТСКИХ ПРОФСОЮЗОВ. Сергей Федорович, не скрою, что ваш рассказ о том, как пишется сейчас история Великой Отечественной войны, вызывает достаточно серьезное беспокойство… Не будет ли снова создана заказная история войны? Из вашего объяснения следует, что вы, как советник президента, и маршал Язов, как министр обороны и руководитель главной редакционной комиссии, можете взять и своей властью отменить не понравившуюся вам трактовку целого тома. При всем моем уважении к вам, и вы, и маршал Язов — участники тех событий и, стало быть, ваше мнение не свободно от субъективности и даже, если хотите, предвзятости. Простите меня, это не в упрек вам сказано. Люди в силу определенных обстоятельств подвержены идеализации своего прошлого и того, что с ним связано. В связи с этим не разумнее было бы объявить конкурс на создание такого научного труда? Пускай ученые и группы ученых соперничают между собой. Стимулом могли бы стать хороший гонорар, солидная премия. И тогда лучший вариант получил бы признание народа.

АХРОМЕЕВ. Либо я не совсем четко изложил свою мысль, либо у вас сложилось неполное представление о моем ответе. Однако при любом варианте спасибо вам за поставленный вопрос, он поможет нам устранить недоразумение. Хуже было бы, если бы оно осталось.

Так вот, решение о первом томе истории войны принималось не Язовым и не Ахромеевым. Кстати, Язов выступает не в качестве министра обороны, а в качестве председателя главной редакционной комиссии, назначенного государством. И я являюсь заместителем председателя комиссии отнюдь не как советник президента, а как Маршал Советского Союза и участник войны. Никакого отношения к советничеству это не имеет. Не нами двумя принималось решение об оценке представленной рукописи. В его выработке принимали участие все члены комиссии. А я уже говорил, что их около 50 человек — ученых, общественных деятелей, политиков. И, прежде чем прийти к окончательному заключению, дали год на доработку спорных мест. По — моему, все делалось демократично.

А теперь относительно высказанного предложения объявить конкурс на написание десятитомника. Но ведь это

колоссальнейший труд, он не по плечу не только одному человеку, но даже и иному ˆколлективу. Притом издание рассчитано на десять лет. Небольшая группа ученых этот труд не вытянет. С подобной задачей может справиться только большой творческий коллектив. Я считаю, что в данном случае метод принят правильный.

ИНФОРМАЦИОННОЕ АГЕНТСТВО «ИНТЕРФАКС». Сергей Федорович, во вступительном слове вы сами как бы поставили вопрос, на который хотелось бы услышать ответ. Как увязывается 1941 год с нынешним, 1991-м? Следует ли это понимать так, что вы проводите аналогию с тем, как Сталин выслушивал советы военных в 1941-м году?

АХРОМЕЕВ. Первый вопрос я бы принял без оговорок. А вот что касается второго, то я оставлю его на вашей совести. Какую аналогию я провожу? В 1941-м году возникла опасность самого существования Союза Советских Социалистических Республик. Сегодня тоже налицо опасность его существования как социалистического федеративного советского государства. Вот какую аналогию я провожу. Да, сегодня совершенно иная ситуация, совершенно иная обстановка, но тем не менее угроза, будет ли существовать наша страна, — наяву. Она ныне такая же, что и в сорок первом.

ИНФОРМАЦИОННОЕ АГЕНТСТВО «КИОДО ЦУСИН» (Япония). Как вам известно, переговоры по стратегическим наступательным вооружениям затягиваются, и это мешает определить конкретную дату советско-американской встречи на высшем уровне. Что, по вашему мнению, является причиной этого, какие конкретные причины мешают? И второй вопрос. В конце второй мировой войны, несмотря на то, что по международному праву запрещалось расширение территории, к сожалению, Советский Союз оккупировал некоторые территории Японии. Считаете ли вы это ошибкой Сталина?

АХРОМЕЕВ. Первый ваш вопрос не по теме пресс-конференции, но я могу вам сказать, что остался один-единственный вопрос, если его можно считать таковым, в проблеме стратегических наступательных вооружений Советского Союза и Соединенных Штатов. И хотя по нему есть разногласия, договоренность должна быть достигнута. Нужна добрая воля с обеих сторон. А вот ее, к сожалению, пока нет. Думаю, что она все-таки проявится, ибо в конце концов перевесит общая заинтересованность обоих государств в успешном завершении переговоров. Полагаю, это произойдет уже скоро. В какой именно вопрос уперлись переговоры? Дело в том, что ни американская, ни советская сторона его не называет. Говорят общо, в целом, а

конкретно — ни-ни. Что касается проблемы Курильских островов, то я придерживаюсь той позиции, которую занимает Советское правительство. И всегда ее придерживался.

ИНФОРМАЦИОННОЕ АГЕНТСТВО ПАП (Польша). У меня вопрос о Советской Армии. Ваши военные силы до сих пор принимают участие в межнациональных конфликтах. Считаете ли вы, что снижение имиджа Советской Армии связано с этим обстоятельством?

АХРОМЕЕВ. Нет, не считаю. И, вообще, мне кажется, что падения имиджа Советских Вооруженных Сил в глазах нашего народа нет. Большинство советских людей как уважало свою армию, так и уважает, как понимало ее необходимость, так и сейчас понимает. Дело в другом — в политической борьбе, которая сейчас идет в стране.

В том виде, в котором она сейчас есть, армия вполне устраивает политические интересы одних сил и абсолютно не устраивает других. Поэтому последние столь рьяно и выступают против армии. Вот в чем, на мой взгляд, главная причина.

Относительно участия армии в погашении межнациональных конфликтов я должен сказать следующее: во всех горячих точках, кроме Вильнюса, Вооруженные Силы СССР использовались по решению Верховного Совета СССР и президента СССР. А для армии это высшие органы власти, которым она подчинена и волю которых обязана выполнять.

«НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗЕТА». Вы неоднократно сегодня говорили о том, что в нашем обществе существует немало различных сил, которые стремятся использовать спорные предвоенные события в своих политических целях. Не могли бы вы вкратце охарактеризовать эти политические силы? Относите ли вы себя, а также группу генеральных инспекторов и вообще высшее военное руководство к таким политическим силам?

АХРОМЕЕВ. К каким?

«НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗЕТА». Которые пытаются использовать предвоенные события в своих нынешних политических целях. И второе. Вы только что сказали, что в 1941 году создалась и сейчас тоже возникла угроза существованию СССР как социалистического государства. Как нам спастись? Как в 1941 году?

АХРОМЕЕВ. Этот вопрос выходит за пределы сегодняшнего разговора и не является моей прерогативой. Спасение страны — дело Верховного Совета, Съезда, президента СССР, а также Верховных Советов союзных республик. Они за это отвечают. И пока народ им верит, они обязаны выводить его на путь истинный. С них мы должны за это спрашивать. Вы — гражданин,

и я — гражданин. Мы здесь с вами абсолютно равны.

А теперь о политических силах. Я откровенно скажу: они сейчас борются за власть. Их наличие не вызывает у меня никаких сомнений — страна-то ведь стала многопартийной. И если бы борьба шла конституционным путем, путем выборов, то никаких проблем не было бы. Но когда с трибуны заявляют: президента долой, а власть передать Совету Федерации, то это не что иное, как призывы к государственному перевороту. Как к ним относятся вооруженные силы, которые по своей природе являются защитниками конституционного строя и самой Конституции? Конечно же, отрицательно. Вот где корни разного отношения политических сил к армии. Я не хочу сказать, что вооруженные силы занимают какую-то особую политическую позицию, нет. Но они являются орудием существующего государства, существующей государственной власти. Те, кто законно избран — а это высшие органы власти и первые лица государства, — руководят вооруженными силами в соответствии со своими правами, представленными законом.

ИНФОРМАЦИОННОЕ АГЕНТСТВО ЭФЭ (Испания). Господин маршал, в ответе японскому коллеге по поводу северных территорий вы сослались на позицию нынешнего советского правительства.

Я бы хотел поставить вопрос шире и исключительно в историческом плане. Как вы знаете, Ленин говорил, что только тот мир долговечен, который строится на принципе: без аннексий и контрибуций. Советский Союз во второй мировой войне отличился тем, что получил наибольшие аннексии. Как вы считаете, это было правильным и справедливым решением Сталина, это тоже проявление его дипломатических талантов?

АХРОМЕЕВ. В смысле проявления дипломатических талантов — это верно. Другой вопрос, на какие цели эти таланты были направлены. Я с вами не согласен, что Советский Союз получил наибольшие аннексии. В большинстве случаев были восстановлены исторические границы — только *и* всего. Это, в частности, касается Западной Украины и Западной Белоруссии, Молдавии, республик Прибалтики. Если вы имеете в виду Калининградскую область, то да, здесь вопрос особый. Эта область — немецкая. Но не мы нападали на Германию, не немцы потеряли 27 миллионов человек в войне. Пруссия была цитаделью, которая угрожала России много столетий. Вопрос о бывшем Кенигсберге между нами и Германией решен давно, подписан договор, упразднивший имеющиеся противоречия. Да и германская сторона, насколько мне- известно, считает этот вопрос исчерпанным. Территориальный спор имеет место лишь с

Японией по поводу островов Курильской гряды. Но и здесь нельзя не учитывать наличия самых разных факторов, в том числе исторического, а не только политического, как это упрощенно пытаются представить некоторые оппоненты.

СОВЕТСКОЕ ИНОВЕЩАНИЕ. Сергей Федорович, у меня вопрос, который как бы обобщает все здесь сказанное, а также возвращает к современности. Вы вполне Справедливо утверждаете, и эту точку зрения разделяют военные историки, что одним из факторов победы в Великой Отечественной войне было морально-политическое единство, неотъемлемой частью которого являлось единство армии и народа, доверие народа к своей армии. Мне кажется, что в наше время, и результаты последних российских выборов это показали, единство оказалось нарушенным. В основном армия высказалась против кандидатов от КПСС. А ведь почти все офицеры — это члены партии. Не кажется ли вам, что средством восстановления доверия народа к армии в наше время могла бы стать ее департизация?

АХРОМЕЕВ. Частично этот вопрос я уже осветил, отвечая корреспонденту «Независимой газеты». Сейчас, пожалуй, лишь уточню: вооруженные силы уважают любое решение народа, лишь бы оно было произведено демократическим путем.

У нас сейчас союзные органы, в которых большинство принадлежит коммунистам. Эти властные структура, а также президент, руководят вооруженными силами. Будут новые выборы, случится что-то другое — вооруженные силы подчинятся воле народа, будут действовать под руководством новых высших органов власти, независимо от того, чье там будет партийное большинство.

Глава 4
НЕПРОИЗНЕСЕННЫЕ РЕЧИ

Снова обратимся к тайне смерти Ахромеева.

Что же это за таинственные бумаги, над которыми маршал работал 23 августа и, как показали сотрудницы его секретариата следствию, всякий раз, когда кто-либо заходил в кабинет, включая их, прикрывал чистыми листами? Такой осторожности за ним раньше не наблюдалось.

В январе *\992* года эти документы были обнародованы дочерьми маршала — Натальей и Татьяной Ахромеевыми.

Они обратили внимание на то, что ни в дни августовских событий, ни сразу после них имя их отца не упоминалось в связи с ГКЧП. Действительно, имели место лишь неуверенные предположения, основанные на невзначай оброненных словах тогдашнего генерального прокурора СССР Трубина.

Ясность в этот вопрос решил внести сам Ахромеев. По свидетельству дочерей, он намеревался публично заявить о своей причастности к ГКЧП на сессии Верховного Совета СССР, которая открывалась 26 августа. Черновой вариант заявления им был подготовлен вечером 23 августа, накануне трагической гибели в Кремле. Именно над этим документом и работал маршал, пряча его от посторонних глаз.

По словам дочерей Ахромеева, у них есть своя собственная версия гибели отца. Однако версией этой они с журналистами пока не поделились. Единственное, что они постоянно подчеркивают, — отцу никогда не были присущи малодушие и боязнь ответственности за свои поступки. В качестве еще одного подтверждения этому они приводят его решение выступить на сессии. Выступить б тот момент, когда вся пресса истерично клеймила гэкачепистов как «мракобесов, фашистов и подонков».

При тщательном анализе стилистики заявлений Натальи и Татьяны Ахромеевых, их интервью журналистам, бросается в глаза одна закономерность, свойственная публичным выступлениям дочерей маршала: в них нет слова «самоубийство». Дочери говорят о «трагической гибели в Кремле».

Уходя на работу в день своей смерти, отец показал на подготовленные к сессии тексты и сказал, что обязан на ней выступить, поскольку никакому другому депутату со сходными взглядами слова не предоставят. На чем основывалось это его убеждение, дочери не выясняли. Они считают, что выступать он собирался не в оправдание, не в надежде на снисхождение. По их

мнению, отец ясно дал им понять, что трибуна сессии нужна ему исключительно для обнародования своей точки зрения на происшедшее.

Дочери рассказали также, что отец не был близко знаком со всеми членами ГКЧП, но о тех, кого он знал, отзывался высоко. А Дмитрия Тимофеевича Язова называл своим товарищем и считал на редкость сильным и честным человеком. К сотрудничеству с ГКЧП отца никто не принуждал и даже никто не приглашал. Он принял участие в его работе по собственной инициативе, хотя и не верил в успех затеянного.

Наталья и Татьяна Ахромеевы заявили, что в свой последний день отец сказал им: «Если бы 19 августа не прилетел из Сочи в Москву, я проклинал бы себя всю жизнь». Для него было важно именно участие в деле спасения страны — деле, пусть и заведомо обреченном, — ибо иного способа протеста против сокрушении СССР он не видел, а мириться с этим не мог.

Неспроста в одной из его тетрадей 21 августа появилась такая запись: «Пусть в истории хоть останется след — против гибели такого великого государства протестовали. А уж история оценит — кто прав, а кто виноват». Не потому ли именно по этой причине вокруг имени маршала устроен заговор молчания? Последний солдат империи принял мученическую смерть, и все делается для того, чтобы он не стал знаменем, символом святости и преданности Отечеству в новейшее время.

Истинную суть трагедии, разыгравшейся 24 августа 1991 года в служебном кабинете № 19-а корпуса № 1 московского Кремля, может быть, помогут понять вот эти два предсмертных документа.

Они из ряда тех, которые в большей степени принадлежат истории, и в меньшей — семье, поскольку сами уже стали частичкой истории.

Председателю Верховного Совета СССР
товарищу А. И. ЛУКЬЯНОВУ

Уважаемый Анатолий Иванович!

Прошу вас довести до сведения членов Верховного Совета СССР мою просьбу о снятии с меня полномочий члена Верховного Совета и народного депутата СССР по следующей причине.

С 6 по 19 августа я находился в отпуске в Сочи. О подготовке заговора группой Г. И. Янаев — Д. Т. Язов и других лиц мне ничего известно не было. В подготовке и осуществлении этого противоправного действия я никак не участвовал.

Однако во второй половине 19 августа я по собственной инициативе прибыл в Москву и с утра 20 до середины дня 21 августа в качестве советника Г. И. Янаева включился в работу по сбору обстановки и ее анализу.

Я приехал в Москву (хотя из Сочи меня никто не вызывал) и начал работать по сбору обстановки, хотя и был уверен заранее, что эта авантюра потерпит поражение. 20 августа в Москве я еще раз убедился в этом..

Такое решение я принял потому, что, начиная с середины 1990 года, был убежден, как убежден и сегодня, что наша страна идет к гибели. Вскоре она окажется расчлененной. Обычные выступления не помогали — я искал способ, как громко заявить об этом, и посчитал, что участие на заключительном этапе этой авантюры на вспомогательном участке даст мне возможность громко сказать о своей тревоге на Верховном Совете СССР и при ведении следствия. Остальные последствия для меня имеют второстепенное значение. Наверное, это звучит неубедительно, но это правда.

Если Верховный Совет СССР посчитает возможным, просил бы дать мне слово в течение 7–8 минут для более обстоятельного объяснения моих действий.

АХРОМЕЕВ 23 августа 1991 года

Это, так сказать, преамбула, объяснение необходимости выступить на собрании парламента.

Что же собирался сказать парламентариям маршал и герой все еще великой державы в конце ее безжалостного сокрушения — парадоксально, но факт! — этими же самыми парламентариями? Маршал и герой, защитивший страну в самой жестокой и кровопролитной из войн, которые когда-либо знала история, отчаянно дравшийся и победивший врага на самых трудных ее фронтах?

Давайте вместе прочитаем эту непроизнесенную речь.

«Уважаемый товарищ председатель!

Уважаемые товарищи народные депутаты!

Существо вопроса изложено в заявлении, которое зачитал А. И. Лукьянов. (Ахромеев предполагал, что Лукьянов огласит процитированную выше записку.) *Исхожу из того, что, поскольку, по всей видимости, я буду находиться под следствием, а преступление —*

нарушение военной присяги мной совершено, независимо от того, какими мотивами я при этом руководствовался, обязанности члена Верховного Совета и народного депутата СССР с меня необходимо снять.

Я сегодня нахожусь в таком положении, что защищаться не могу. Моему решению включиться в преступную деятельность так называемого «Государственного комитета по чрезвычайному положению» правового оправдания нет. Можно объяснить только моральными мотивами, которыми я руководствовался. Иногда моральные мотивы даже у пожилого военного человека становятся определяющими.

Наверное, у каждого из нас есть свое понимание Отечества. У меня это понятие ассоциируется с великим единым национальным государством. Сегодня такое государство нами утрачено. Для меня утрачена Родина. И я не верю, что на основе отработанного Союзного договора, подготовленного и подписанного (а в нем не учтены пожелания Верховного Совета СССР) можно построить единый обновленный федеративный Советский Союз. Ведь недалек тот день, когда людям все станет безразличным. Что мы тогда будем делать?»

Как в воду глядел старый маршал. Время безразличия и апатии наступило очень быстро — и об этом свидетельствует вся наша сегодняшняя жизнь. Глубокая пропасть разверзлась между нынешними политиками и народом. Все говорят об отсутствии объединяющей идеи, которая сплачивала бы народ. Ощущение такое, что сам воздух, которым мы дышим, разрушается, дробится на частички и молекулы, само пространство, в котором мы движемся, расслаивается, а время рассекается на множество дробных отрезков. В 1993 году даже вооруженное противостояние представительной и исполнительной ветвей власти не отражало глубинных интересов большинства населения. Это была верхушечная борьба. Для основной массы населения, а тем более сельчан, пустым звуком были споры о том, должен ли президент иметь право распускать парламент, а парламент — отрешать президента от должности, кто должен назначать министров и кому должен подчиняться генеральный прокурор. Разочарованным в реформах людям куда ближе афоризм мудрого Дэн Сяопина: неважно, какого цвета кошка, лишь бы она ловила мышей.

Сбывается предвидение Ахромеева: равнодушие и апатия становятся нашими отличительными чертами, психологическими

нормами. Как для отдельного человека, так и для населения в целом, как для отдельного чиновника, так и для всех форм общественной жизни. Все чаще люди задумываются: кто в этом повинен?

> *«Ведь если распадется государство,* — предупреждал Ахромеев, — *то первыми виновниками этого будут руководители, одной рукой подписывающие Союзный договор, а другой — ведущие дело к его официальному распаду.*
>
> *Наверное, у каждого из нас есть понимание своего народа, сыновьями и дочерьми которого мы являемся. У меня понятие моего народа ассоциировалось с многомиллионным советским народом. Горько и страшно говорить, что теперь понятие «единый советский народ» тоже утрачено. Мы имеем много десятков больших и малых народов, противоречия и даже вражда между которыми все более нарастают.*
>
> *И я не вижу возможности восстановить существовавшую ранее дружбу народов в новых условиях».*

Горькое, отчаянное признание. Но — честное. И снова — прозорливое.

> *«Наверное, у каждого из нас есть свое понимание, какими должны быть защитники Родины — Вооруженные Силы страны. Смолоду я понимал, что они народу необходимы, народ их уважает, заботится о них, но предъявляет к ним большую требовательность. Теперь все наоборот. Вокруг Вооруженных Сил кипят страсти, их очерняют и травят. Одной из важных причин происшедшего на прошлой неделе является как раз то, как общество относится к Вооруженным Силам.*
>
> *И мне даже трудно вообразить, что может быть с нашими Вооруженными Силами через некоторое время.*
>
> *У меня складывается убеждение, что мы уже теряем Отечество, не создав на его месте ничего другого.*
>
> *Но ведь в этих трех понятиях — государство, народ, вооруженные силы — для меня, как и для миллионов других людей, заключается смысл жизни. Выходит, что он теперь утрачивается.*
>
> *Нужно же, наконец, по-настоящему задуматься над этим, опомниться и сохранить Родину, пока над ее живым телом идет противоборство враждующих сил.*
>
> *Вот почему я пошел на такую крайнюю меру, как*

работа в аппарате так называемого «комитета» в течение полутора суток на заключительном этапе его действий, хотя никогда не верил в успех любого переворота в Советском Союзе. Не верил я и в этот заговор Янаев — Язов, видел, как он час от часа терпит крах.

Но. лично у меня сегодня появилась возможность громко сказать все, что я сейчас сказал. Многие из вас могут мне не поверить, искать в моих словах хитрость. Ее нет. Говорю чистую правду — как она есть.

Прошу снять с меня обязанности народного депутата СССР.

Я действовал лично сам, один человек, никем не руководил. Поэтому и ответ буду держать за свои слова сам. Окончательные выводы сделает следствие.

Благодарю за внимание».

Шляпы — долой! Обнажим и склоним головы перед памятью человека, для которого понятие чести, долга и самопожертвования были стержнем нравственной системы координат до последнего вздоха!

Бог судья тем, кто увидел в этой мученической смерти еще один пример агонии интеллектуально ограниченного, обманутого и духовно нищего псевдожречества. Древние мудрецы учили: народ, лишенный связи со своими мертвыми, не может быть подключен к высшим измерениям, где только и может быть сформировано понятие о подлинных целях и ценностях.

Глава 5
ЕЩЕ ОДНА НЕПРОИЗНЕСЕННАЯ РЕЧЬ

«Тяжело говорить о случившемся. Горько и больно сознавать ту правду сегодняшнего дня, от которой никому из нас уже не удастся спрятаться. В Москве танки. Уже погибли люди. Погибли в результате действий тех, которых уже нельзя назвать иначе как, экстремисты. В городе и стране крайне опасная обстановка. В Москве и некоторых других районах введено чрезвычайное положение. Смертельная угроза нависла над теми хрупкими ростками демократии, которые с таким трудом выращивались в эти последние тяжелые, но и счастливые годы.

И трудно вдвойне отдавать приказы, прерывающие демократические реформы. Прерывать все, чему служил, во что верил, в чем видел смысл своей политической, гражданской, человеческой жизни. И порою кажется, что все происшедшее за последние дни — это дурной сон.

Проснешься — и нет ни танков, ни баррикад. Нет ни проклятий, ни призывов к кровавой расправе. И нет указов, тобою подписанных, с проходящими через их текст словами «запретить», «ограничить», «временно прекратить»… Словами, которые так мучительно режут слух, особенно после пятилетних разрешений, освобождений, допущений и начинаний.

Но это не сон. Это реальность. И нам всем предстоит в ней жить, определяясь, где ты, с кем ты и против кого.

Страна ввергнута в катастрофу. Развал государства, развал экономики, раскол и нравственное падение общества — это факты. Должных мер, адекватных ситуации, не принималось. Думаю, для вас это тоже очевидно. Хотя все понимали, что нужно делать. Я подчеркиваю — все!

Рано или поздно кто-то должен был взять ответственность на себя. И это не логика путча, как это хотят преподать, это суровая необходимость…»

В таком же духе написана вторая, третья страница. Всего их шесть. Отпечатанных на прекрасной бумаге. На такой до сих пор. пишут в Кремле, несмотря на дефицит. Дефицит бывает только вне кремлевских стен.

На некоторых страницах — правки, сделанные от руки. Вот вычеркнут целый абзац: «Сейчас все страшно возбуждены — не случилось ли чего плохого с Михаилом Сергеевичем. Хочу успокоить — с ним все в порядке».

Наверное, в момент, когда писались эти строки, мало кто

знал, что с Горбачевым. К моменту озвучивания текста необходимость в успокоении отпала, поскольку было сделано официальное разъяснение. Поэтому, очевидно, вычеркнута и следующая фраза: «Еще раз подчеркиваю, это мой друг!»

Еще вычерк: «Задачи, стоящие перед страной, надо решить любыми, даже жесткими мерами. Как только эти задачи будут решены, я уступлю штурвал корабля любому, кого сочтет достойным страна. В том числе и, еще раз повторю, своему другу Михаилу Сергеевичу». Скорее всего, автор не осмелился столь категорично затрагивать такой щекотливый вопрос, как передача государственной власти. И снял первоначально написанный абзац, предоставив возможность самому оратору осветить эту деликатную тему.

Что это за тезисы? Кто их готовил и для кого?

На первой странице шестистраничного выступления в правом углу прерывистой линией подбито оглавление: «Проект выступления и. о. Президента СССР товарища Янаева Г. И. на сессии Верховного Совета СССР».

Автором этих тезисов был маршал Ахромеев.

На допросе 12 сентября 1991 года следователь спросил у Г. И. Янаева, раскрыв одну из красных папок:

— Вам предъявляется проект выступления на Верховном Совете СССР на шести листах, изъятый при обыске в Вашем кабинете. Что можете пояснить?

Арестованный ответил:

— 19 августа, вернувшись из отпуска, ко мне зашел Ахромеев и спросил, «чем может служить». Я попросил его подготовить проект моего выступления на Президиуме ВС СССР, а затем на сессии ВС СССР. Тема ему была задана следующая: обоснование необходимости всех тех мер, которые были приняты ГКЧП. Он принес мне свой проект в таком виде, какой он имеет сейчас, т. е. машинописный текст и правка от руки. Правка эта самого же Ахромеева. Хочу заметить, что в таком виде я не стал бы использовать этот проект для своего выступления…

НЕСНОСНЫЙ ХАРАКТЕР

Глава 1.
СНЯТИЕ С ПОСТА

Высадив министра обороны СССР, Маршала Советского Союза Г. К. Жукова на югославском берегу, командир крейсера «Куйбышев» капитан первого ранга В. Ми-хайлин взял курс на Сплит. Министр распорядился ждать его там — оттуда он намеревался идти в Албанию, как и предусматривалось программой визита.

Едва крейсер отчалил от берега, радист вручил командиру только что полученный приказ из Москвы — немедленно следовать в Албанию. «Без министра?» — удивился Михайлин.

В открытом море он получил новый приказ — возвращаться в Севастополь. Оставив своего министра в чужой стране, недоумевающие военные моряки послушно повернули домой.

Шел октябрь 1957 года.

Хитроумная ловушка

О срочно отозванных в Севастополь крейсере «Куйбышев» и других кораблях сопровождения Жуков, конечно же, не знал. В Югославию он прибыл с дипломатической миссией для налаживания контактов с маршалом Тито. Посылая Жукова в Белград, Хрущев сказал на Президиуме ЦК:

— Тито на нас в крепкой обиде. Точнее, на Сталина, записавшего Иосипа в фашисты. Тито маршал, и Жуков маршал. Оба выдающиеся полководцы второй мировой и, уверен, найдут общий язык. Думаю, что лучшей кандидатуры для этой миссии мы не найдем.

Члены Президиума поддержали пербого секретаря. Жуков, а он тоже был членом Президиума ЦК, никакого подвоха в этом предложении не узрел.

В Югославию шли с комфортом. На лучшем крейсере Черноморского флота гордо развевался штандарт министра обороны СССР. «Куйбышев» шел в сопровождении надежного эскорта надводных кораблей. Бесперебойно работала радиосвязь с субмаринами, обеспечивавшими безопасность кортежа с морских глубин. В безоблачном небе, покачивая крыльями, проносились звенья краснозвездных истребителей.

Встречные порты откликались залпами приветственных салютов. Эскадра с флагом прославленного полководца победно закончившейся войны собирала на рейдах десятки тысяч

восторженных жителей. Фотоснимки и репортажи о радушных встречах публиковались в «Красной звезде» и других центральных газетах.

Только потом, снятый со своего поста, он понял, почему инициаторы визита отправили его морем, а не, скажем, самолетом. Морем — дольше. Потому и предусмотрели заход в крупные порты, чтобы растянуть время. Самолетом от Москвы до Белграда пара часов лету. Морем — несколько суток ходу. И вот, когда он пожимал руки приветствовавшим толпам радостно улыбавшихся людей, с восторгом скандировавших его имя, в кремлевских кабинетах зазвучали по его адресу совсем иные слова.

Как только Хрущеву доложили, что крейсер с Жуковым на борту вышел из Севастополя, Никита Сергеевич, не теряя зря времени, приступил ко второй части задуманной хитроумной операции. Срочно было созвано внеочередное заседание Президиума ЦК. Слово для важного сообщения Хрущев предоставил начальнику Главного политического управления Желтову. По его сообщению Президиум принял решение провести по всей стране собрания партийного актива военного ведомства, на которых развенчать Жукова как нарушителя партийных норм, узурпировавшего власть в войсках, насаждавшего в армии культ своей личности, принижающего значение партийно-политической работы.

Многое зависело от того, какую позицию займут центральные органы армии и войска Московского гарнизона, и потому собрание их партактива решили проводить не как обычно в Доме Советской Армии, а в Кремле. Докладчиком утвердили начальника ГлавПУРА Желтова, хотя на таких мероприятиях, как правило, выступал секретарь МГК. На партактив Московского гарнизона пришел — небывалый случай! — сам Хрущев и произнес речь, вслед за Желтовым, значительно превосходящую докладчика по продолжительности. Сидящие в зале должны знать, что думает о зарвавшемся министре обороны первый секретарь ЦК!

Аналогичные собрания с участием местных первых лиц и эмиссаров из Москвы прошли во всех республиках, краях и областях, в военных округах и на флотах. Портреты полководца снимались в домах офицеров и солдатских клубах. Газета «Красная звезда», до того широко освещавшая визит министра обороны в Югославию, внезапно утратила интерес к этой теме.

Находясь в Югославии, Жуков не подозревал о начавшейся над ним на родине тайной расправе. Иностранные дипломаты первыми заметили, что московские газеты неожиданно

прекратили освещение визита советского министра обороны. Представители принимающей стороны тоже как-то странно начали поглядывать на высокого гостя. Среди окружения маршала прошелестел слух, будто крейсер «Куйбышев» отбыл в Севастополь, оставив их на чужой земле.

Слухи достигли ушей Жукова. Он попытался связаться с Москвой, но безуспешно. На его недоуменные вопросы никто толком не мог ответить. Министр обороны с небольшой группой сопровождавших его лиц оказался отрезанным от родины, в полнейшей изоляции. Связь с Москвой отсутствовала. Она прервалась с уходом «Куйбышева», на котором был оборудован узел связи министра. Ни в Югославии, ни в Албании советских посольств тогда не было.

И все же Жукову стало известно о том, что происходило в Кремле. Каким образом? Он не раскрыл свой источник информации даже на пленуме ЦК в октябре:

— Всего три недели тому назад, перед тем, как мне было поручено поехать в Югославию и Албанию, я со всеми членами ЦК, вернее, с большинством, распрощался как с близкими друзьями. Не было мне ни одного слова сказано в претензию… 23-го, 24-го или 22-го, я сейчас не помню точно, мне кто-то сказал, что происходит совещание актива в Москве, было заседание Президиума, разбираются такие-то и такие-то вопросы. Я полагал, что меня немедленно вызовут, все-таки я вроде бы как главный обвиняемый, должен дать объяснения…

«Мне кто-то сказал…» Взбешенный Хрущев приказал хоть из-под земли достать ему того, кто допустил утечку секретной информации и предупредил находившегося в Югославии Жукова о начавшейся против него кампании. Этим человеком оказался генерал-лейтенант Штеменко, начальник Главного разведывательного управления Генштаба. Четыре года назад он был снят с поста начальника Генерального штаба и снижен в воинском звании с генерала армии до генерал-лейтенанта. Штеменко оказался единственным военачальником, сохранившим преданность Жукову. Об этом больно говорить, но даже Рокоссовский не щадил поверженного полководца. Штеменко сохранил верность, и по каналам военной разведки предупредил Жукова о том, что происходило в Москве. За это снова поплатился должностью — разгневанный Хрущев приказал снять Штеменко с поста начальника ГРУ и назначить на другую работу с понижением.

Получив по линии военной разведки тревожное сообщение от Штеменко, озабоченный Жуков сразу же вылетел в Москву.

Георгий, спасай!

На аэродроме в Москве Жукова встречали… Да, сегодня с полной уверенностью можно применить глагол во множественном числе. Распространенная версия о том, что министра встречал только один его адъютант, возникла из-за отсутствия достоверных сведений. Далеки от истины и утверждения многих «знатоков», рассказывающих о будто бы отключенных телефонах в кабинете Жукова, куда он приехал прямо с аэродрома.

Все происходило не так. И мы расскажем как. Но ведь Жуков пока — в воздухе! И покуда он преодолевает пространство от Балкан до Москвы, пытаясь понять, что же произошло за время его отсутствия, рассмотрим, в каких отношениях он находился с Хрущевым.

Полководец оказал ему как минимум две крупные услуги, благодаря чему звезда Хрущева, которая, казалось, вот-вот закатится, снова ярко вспыхивала на кремлевском небосводе.

Первая услуга относится к июню 1953 года, когда Жуков, три месяца назад возвращенный в Москву с должности командующего Уральским военным округом и назначенный первым заместителем министра обороны, решительно встал на сторону Хрущева и Маленкова в их борьбе за власть с Берией. После семилетнего отсутствия в столице Жуков несколько отстал от кремлевских интриг, но почему-то сразу согласился играть ключевую роль в аресте Берии.

Отрабатывал за возвращение в Москву? Жуков прекрасно знал, что этим он обязан Хрущеву с Маленковым. Булганин, возглавлявший тогда министерство обороны, был против назначения Жукова своим заместителем. Так и заявил: с Жуковым работать будет трудно, он не признает меня как военного деятеля. Однако Хрущев с Маленковым настояли на своем.

Жуков возглавил группу генералов, которым предстояло обезвредить Берию, и лично объявил Лаврентию Павловичу об аресте. Операция была очень рискованная, и авторитет Жукова, безусловно, обеспечил ей успех. Хрущев, таким образом, вышел победителем из групповой схватки и, окончательно укрепив свои позиции в Кремле, не забыл того, кто привел его на трон. В 1955 году Жуков становится министром обороны вместо Булганина, который возглавил Совет Министров.

Второй раз Жуков спас Хрущева в 1957 году. К июню некогда «монолитный» Президиум ЦК окончательно раскололся на два лагеря. Против Хрущева и небольшой группы его сторонников выступила старая гвардия — Молотов, Маленков, Каганович,

Булганин. Оба противостоящих лагеря, конечно же, старались привлечь на свою сторону министра обороны, от позиции которого во многом зависел исход схватки.

Позднее Жуков вспоминал, что неоднократные попытки прозондировать его точку зрения предпринимал Маленков. Против Хрущева старая гвардия решила выступить 19 июня. Утром Маленков снова пригласил Жукова для обработки: Хрущев крайне груб, никого не слушает, с Президиумом не считается, руководит страной неправильно.

Жуков, по его словам, предложил Маленкову уладить взаимоотношения с Хрущевым мирным путем, по-товарищески. Но дело зашло слишком далеко. Через несколько часов после разговора с Маленковым Жукова, в ту пору кандидата в члены Президиума ЦК, пригласили на заседание Президиума. Старая гвардия пошла ва-банк: потребовала рассмотреть вопрос о Хрущеве немедленно. По предложению Маленкова председательское кресло занял Булганин. Растерявшийся Хрущев безропотно уступил ему свое место. Маленков, которому Булганин предоставил первое слово, произнес: есть мнение освободить Хрущева от обязанностей первого секретаря. Выступившие Молотов и Каганович поддержали Маленкова, предложив перевести Хрущева на другую работу.

Против высказались Микоян, Фурцева. Но силы были явно не равны. Хрущев воскликнул: если хотите меня снимать, то собирайте пленум, пусть он и решает. На что старая гвардия ответила: пленум соберем, но только после твоего снятия.

Поднялся молчавший Жуков:

— Я категорически настаиваю на срочном созыве пленума ЦК… И, если сегодня группой будет принято решение о смещении Хрущева, я не подчинюсь этому решению и…

Окончание фразы имеет два варианта. По одной версии, Жуков сказал, что он обратится к армии. По другой, которой он придерживался позднее, было сказано: «…и обращусь немедленно к партии через парторганизации вооруженных сил».

Стало тихо. Впечатление от слов министра обороны было сильнейшее. У Хрущева вырвался вздох облегчения.

В перерыве он подошел к Жукову:

— Георгий, спасай положение! Я тебе этого никогда не забуду. Делай все, что считаешь нужным.

Жуков отдал приказ ВВС выделить военные самолеты для срочной доставки в Москву членов ЦК — на пленум. Многие стали прибывать уже в тот самый день. Их встречали люди Хрущева, объясняли, что происходит в Кремле. Расстановка сил складывалась теперь уже не в пользу группы Маленкова —

Молотова.

На случай непредвиденных действий со стороны старой гвардии Жуков отдал необходимое распоряжение командующему войсками Московского гарнизона. Танки не на шутку испугали заговорщиков. Когда растерянный Сабуров спросил, не намеревается ли Хрущев производить аресты, вон и танки к Москве выдвигаются, Жуков произнес свои многократно цитировавшиеся слова о том, что танки не могут не только подойти к Москве, но и сдвинуться с места без приказа министра обороны.

Дорого обойдется маршалу эта опрометчивая фраза!

Но именно она спасла тогда ситуацию. Все поняли: Жуков на стороне Хрущева. Он и выступил первым на открывшемся 22 июня пленуме ЦК, где поведал такие вещи об оппозиционерах, что вопрос о смещении Хрущева не затрагивал ни один оратор. Разоблачали, клеймили, обвиняли Маленкова, Молотова и всю их антипартийную группу, которую и вывели из состава Президиума и ЦК.

Хрущев не забыл своего спасителя: из кандидатов перевел в члены Президиума. Как оказалось, всего на четыре месяца.

Предают свои

Вопреки досужим вымыслам об одинокой фигуре адъютанта на безлюдном аэродроме и отключенных телефонах в кабинете, по прибытии в Москву Жукова встречали все его замы, главкомы видов вооруженных сил. Зал ожидания был битком набит маршалами и четырехзвездными генералами.

— Меня, разумеется, на аэродроме в тот момент не было, — рассказывает один знакомый отставник-ген штабист, — но я слышал, что Жукова встречал только его порученец. Именно он и сообщил Жукову о его смещении с поста министра обороны. «Кого назначили?» — спросил Жуков. «Маршала Малиновского», — ответил порученец. «Ну, это еще куда ни шло, — сказал Жуков, — а то я подумал — Фурцеву».

Произносил эту фразу Жуков в действительности или народная молва приписала своему любимцу разлетевшийся по всей стране афоризм? Наверное, можно было бы принять остроумную реакцию Жукова за плод народного творчества, если бы не свидетельство доктора исторических наук А. Пономарева, рассказавшего о разговоре с маршалом И. С. Коневым, который в ту пору был первым заместителем Жукова.

«На другой день прилетает Жуков, еду его встречать, — рассказывал Конев историку. — Подхожу к нему, рядом с ним —

жена. До него, видимо, слухи о пленуме уже дошли. Поздоровались, направляюсь к своей машине, а он мне вслед: «Что, уже брезгуешь со мной в одной машине ехать?»

Отвечаю: «Ну что вы, товарищ маршал. Ведь так положено, мы всегда так ездили». Но состояние его понимаю. Преодолев себя, спрашивает: «А кого вместо меня назначают?» — «Говорят, Малиновского». — «Ну, слава Богу, я боялся — Фурцеву».

Сам Жуков, вспоминая возвращение из Югославии, утверждал, что на аэродроме его встречали все замы — главкомы видов вооруженных сил. Если присутствовал Конев, значит, был не один порученец, как настаивают некоторые.

Когда встречавшие обменялись рукопожатием с прибывшим, к нему подошел незаметный человек в штатском. Жуков его знал. Это был Чернуха, работник ЦК. Он всегда присутствовал на заседаниях Президиума и, кажется, отвечал за составление стенограммы.

— Георгий Константинович, — сказал он Жукову. — Вас ждут на Президиуме. Все уже в сборе.

— Прямо сейчас? — удивился Жуков и почувствовал, как напряглись окружавшие его маршалы. — Может, я все-таки заскочу домой, переоденусь?

Маршалы растерянно переглянулись. Что у Жукова на уме? Никому не хотелось брать ответственность на себя. Отпустить домой — значит, упустить. Не отпускать? Все знают крутой нрав министра — сдерет погоны с мясом. Тут же.

Ответственность взял на себя тихий Чернуха:

— Хорошо, Георгий Константинович, переоденьтесь. Только, пожалуйста, не задерживайтесь — Президиум ждет.

У маршалов отлегло на сердце:

— Конечно, Георгий Константинович, переоденьтесь.

Когда спустя час Жуков приехал в Кремль и вошел в зал заседаний Президиума, то увидел за столом не только тех, кому здесь положено было сидеть по рангу, но и всех встречавших его на аэродроме маршалов. Это не сулило ничего хорошего.

Однако начало заседания вроде беды не предвещало. Хрущев, сидевший в председательском кресле, попросил коротко доложить о поездке.

У Жукова словно камень с души свалился. Если бы задумали арестовать, кто стал бы слушать его отчет?

Слушали в полной тишине. Ни одного уточняющего вопроса, ни одного замечания. По всему было видно, что югославские проблемы никого не интересуют, что главное, ради чего собрались, впереди.

Худшие предчувствия сбылись. Без всякого обсуждения

Хрущев предложил утвердить отчет, внеся пару формальных поправок.

— За время вашего отсутствия Президиум ЦК провел партполитактив Министерства обороны…

Вот оно, главное.

— По этому вопросу доложит товарищ Суслов…

Суслов доложил. Вслед за ним выступили Микоян,

Брежнев, другие члены Президиума. Люди разные, а обвинения одни: зазнался, игнорирует Хрущева и Президиум, недооценивает ГлавПУР и Военные Советы. Свертывает военно-политическую работу в войсках. То есть, говоря современным языком, осуществляет деполитизацию армии.

Итоги короткого обсуждения подвел Хрущев: есть мнение освободить Жукова от поста министра обороны и вместо него назначить маршала Малиновского. А также провести пленум ЦК, на котором рассмотреть деятельность товарища Жукова.

«За» проголосовали все. Единогласно.

Пленум состоялся через день. Тот самый октябрьский (1957 г.) пленум ЦК КПСС, материалы которого были недоступны в течение более тридцати лет даже для исследователей истории партии. Поэтому и обходились общими формулировками: пленум рассмотрел вопросы укрепления партийно-политической работы в армии.

Рассекреченная ныне девяностостраничная стенограмма позволяет наконец составить представление об обвинениях, предъявленных выдающемуся полководцу. Не по слухам и рассказам второстепенных лиц, а по первоисточникам.

Итак, открываем стенограмму. В повестке дня пленума — один вопрос: «Об улучшении партий но-политической работы в Советской Армии и Флоте». Докладчик — М. А. Суслов. Что инкриминируется Жукову?

Огульное избиение командных и политических кадров. Любимые слова министра: снять, списать, уволить, выгнать, содрать лампасы, содрать погоны. О политработниках: привыкли болтать, потеряли всякий нюх, как старые коты.

Потеря чувства скромности. «Министр поручил купить и в целях личной рекламы поставить в музей Советской Армии написанную художником картину, представляющую такой вид: общий фон — горящий Берлин и Бранденбургские ворота, на этом фоне вздыбленный конь топчет знамена побежденных государств, а на коне величественно восседает товарищ Жуков. Картина очень похожа на известную икону «Георгий Победоносец».

Бонапартизм и тенденция к неограниченной власти. «Без

ведома ЦК принял решение организовать школу диверсантов в две с половиной тысячи слушателей… Товарищ Жуков не счел нужным информировать ЦК об этой школе. Об ее организации должны были знать только три человека: Жуков, Штеменко и генерал Мамсуров, который был назначен начальником этой школы. Но генерал Мамсуров, как коммунист, счел своим долгом информировать ЦК об этом незаконном действии министра».

Это все — из доклада Суслова. Небывалый по срав-нению-со сталинскими временами случай: после доклада Суслова и содоклада начальника ГлавПУРа Желтова слово предоставляется… Жукову. Вроде бы демократия… Маршал с негодованием отвергает большую часть приписываемых ему прегрешений. Для него главное — конечная цель. Неужели не видно, что армия под его руководством стала сильнее? — обращается к присутствующим оратор.

Он надеется, что сидящие в зале маршалы — главкомы видов войск и командующие округами — как никто другой знают, что такое Жуков для вооруженных сил. Укрепилась дисциплина, организованность, порядок. Резко сократились чрезвычайные происшествия. Ну давайте же смелее к трибуне, дорогие товарищи по оружию, внесите ясность, выручайте своего облыжно обвиненного министра.

На трибуне маршал Бирюзов. «С момента прихода тов. Жукова на пост министра обороны в министерстве создались невыносимые условия… У Жукова был метод — подавлять…» Примеры? Пожалуйста. Министр зарубил подготовленный Генштабом проект наставления по проведению крупных операций. Он заявил, что это несерьезно, что крупному военачальнику, а ими могут быть только единицы, не нужно никакого наставления, так как такой полководец является гениальным, а если это так, то всякие наставления могут ему мешать, вырабатывая у него шаблон.

Маршал Соколовский. «Я присоединяюсь к решению ЦК о снятии тов. Жукова с поста министра обороны, и вся армия поддерживает это решение. Поддерживаю я и те предложения, которые вносились здесь, чтобы исключить Жукова из членов Президиума и членов Центрального Комитета». Оратор произносит невероятные вещи: Жуков прибрал армию к рукам, чтобы через нее воздействовать на руководство партии, чтобы оно все делало по его, Жукова, желанию.

Маршал Тимошенко. У Жукова всегда как бы в крови тенденция к неограниченной власти и чувство личной непогрешимости. Это проявлялось и прежде в должностях командира полка, дивизии, корпуса. Глушил всячески

политические организации в армии и во флоте.

Маршалы Конев, Еременко, Чуйков, Захаров, генерал Казаков… Ни одного доброго слова, сплошные обвинения.

Рокоссовский. Жуков проводил неправильную линию, несмотря на то, что еще в 1946 году, когда его снимали с поста главкома сухопутных войск и замминистра вооруженных сил и отправили в Одессу командовать округом, признался в зазнайстве, тщеславии, честолюбии и дал слово, что исправит эти ошибки. Неужели это говорит Рокоссовский, тот самый Костя, друг? Жуков уговорил Сталина в 1941 году выпустить Костю из тюрьмы и направить в свое распоряжение, где сразу дал ему мехкорпус…

Выступления военачальников потрясли Жукова. Он не верил собственным ушам. А затем наступило новое потрясение, когда Хрущев обратился к приглашенным на пленум командующим округами, армиями, флотами, членам Военных Советов, не являвшихся членами ЦК:

— Спросим и ваше мнение. Кто за то, чтобы вывести товарища Жукова из состава Президиума ЦК, прошу поднять руки.

Жуков закрыл глаза, чтобы ничего не видеть, хотел зажать уши, чтобы ничего не слышать, но от торжествующего голоса Хрущева некуда было спрятаться:

— Прошу опустить. Кто против? Нет. Кто воздержался? Нет. Принимается единогласно.

Такого позора он не мог перенести. Маршал встал и под молчаливыми взглядами предавших своего полководца маршалов и генералов покинул зал.

От слащавости приторно

О маршале Жукове сказано и написано далеко не все. Всплывают новые подробности, обрастают легендами старые факты. Когда-то на вопрос, что составляет главную гордость его жизни, состарившийся полководец сказал:

— То, что свою родную столицу защищал, а чужую, вражескую, взял!

Недавно вышло новое издание мемуаров генерала Дуайта Эйзенхауэра, командовавшего в годы второй мировой войны союзными войсками в Европе. Первое издание на русском языке у нас было выпущено «Во-ениздатом» еще в 1980 году. Сравнив оба издания, легко заметить, что в первом были значительные купюры в той части книги, где речь шла о встрече двух полководцев летом 1945 года в Москве. Почему были сделаны

изъятия, станет ясно по прочтении опущенных в русском переводе 1980 года эпизодов. Вот один из них:

«Маршал был изумлен, когда я сказал ему, что каждая наша дивизия состоит из 17000 человек. Он сказал, что пытался поддержать состав своих дивизий приблизительно на уровне 8000 человек, но во время длительной кампании их численность часто истощалась до 3000–4000.

Но в наибольшей степени объясняющим этот факт для меня стало его описание русского метода наступления через минные поля. Немецкие минные поля, прикрытые оборонительным огнем, являлись боевыми препятствиями, ставшими причиной наших многочисленных потерь и задержек. Всегда было тяжким делом прорываться через них, невзирая даже на то, что наши специалисты изобретали все мыслимые разновидности механических приспособлений для безопасного обезвреживания мин. Маршал Жуков сделал мне сухое изложение своей практики. Оно звучало приблизительно так: «Существует два типа мин — противопехотная мина и противотанковая. Когда мы наталкивались на минное поле, то наша пехота атаковала точно так же, как будто бы его там не было. Потери, которые мы несем от противопехотных мин, мы считаем равными только тем, которые понесли от пулеметного огня и артиллерии, если бы немцы вместо минных полей решили защищать этот участок сильным войсковым соединением. Но атакующая пехота не подрывает мины противотанковые. И после того, как она проникает вглубь минного поля и создает плацдарм, подходят саперы и проделывают проходы, через которые может пройти наша боевая техника».

Я живо представил себе яркую картину того, что произошло бы с любым американским или британским командующим, если бы он следовал подобной тактике».

Да, принцип «любой ценой» сегодня у нас, поумневших и прозревших, вызывает неприятие. Но этим порочным правилом руководствовался не только один Жуков. Он ведь был сыном своего жестокого времени, безжалостного ко всем: что к рядовому, что к заместителю Верховного Главнокомандующего.

Жуков изображается вторым лицом после Сталина в высшем военном руководстве СССР. Это бесспорное утверждение. Однако заметили ли вы, как порой искусственно разделяют эти две фигуры — Сталина и Жукова? На Сталина сваливают все поражения в войне, а все победы связывают исключительно с именем Жукова. Одного сбросили с пьедестала (в буквальном смысле), а второго возводят (тоже буквально). Не может наш народ обойтись без идолов, без кумиров. Каждый новый

правитель копается в прошлом и извлекает из тьмы времен те исторические личности, которые по характеру напоминают его самого. Мягкотелый либерал Горбачев реанимировал Бухарина и Рыкова — таких же безвольных интеллигентов, как он сам. Нынешняя власть, грубая и малоинтеллигентная, произносящая «нептонов» вместо «невтонов», возводит памятники Жукову. Давно уже замечено, что памятники — это прежде всего образ правителя того времени, в какое ставится бронзовая фигура героя прошлого.

— Будучи писарем в штабе армии, — рассказывал один отставник, — оказался свидетелем вот такой сцены. Перед наступлением к нам приехал маршал Жуков. Увидел группу генералов, пальцем поманил одного из них. «Кто такой?» — спрашивает у рослого генерал-майора, командира дивизии, одной из лучших в армии. Тот докладывает: генерал-майор такой-то. «Ты не генерал, а мешок с дерьмом!» — гаркнул на него маршал. Ни за что ни про что оскорбил боевого командира — на глазах у всех. Был в плохом настроении, надо было на ком-то сорвать досаду. Сорвал на первом попавшемся…

Один мой знакомый москвич, Денисенко Иван Васильевич, собрал внушительную коллекцию баек и прочих жанров солдатского фольклора о маршале Жукове.

Некий генерал-лейтенант встречает Жукова и бодро докладывает ему об обстановке на своем участке фронта. Маршал слушает. Потом задает пару-тройку вопросов и, раздосадованный, произносит:

— Уезжаю к соседям. Прощайте, полковник!

Иван Васильевич уверяет, что слышал эту историю от шести человек, и каждый клялся, что она имела место именно в их армии. А вот еще байка, на этот раз из послевоенной жизни. Жуков — главком сухопутных войск — прибыл в один из округов для инспектирования. Собрал офицерский состав.

— Какие будут претензии, жалобы, просьбы?

— Непорядок, товарищ маршал, — высунулся какой-то полковник. — Всем офицерам выдают плащи бесплатно, а у нас, полковников, вычитают полную стоимость.

— Фамилия! — резко произнес маршал.

Полковник назвался. Жуков повернулся к командующему округом:

— Выдать подполковнику плащ бесплатно!

Около десятка человек из разных военных округов уверяли Денисенко в том, что данный случай имел место в их округе, и называли фамилию незадачливого полковника, в мгновение ока ставшего подполковником.

О Жукове сложено много легенд, и порой трудно отличить, реальное это событие или плод устного народного творчества. Отставной полковник Виктор Иванович Филатов, служивший в конце сороковых годов в одном из управлений Министерства обороны, рассказывал, что по их кабинетам гулял тогда такой вот слух. Будто бы во время первой опалы Жукова в 1946 году, когда его снимали с поста главкома сухопутных войск и отправляли в Одессу командовать округом, военачальники, завидовавшие его славе, набросились на него на заседании Политбюро с обвинениями в бонапартизме, заявляли, что он стал изображать из себя Наполеона.

— Наполеона? — возмутился Жуков. — Наполеон проиграл войну, а я выиграл!

Эта фраза, по мнению В. И. Филатова, запущенная в оборот высокопоставленными работниками ГлавПУРа, должна была представить Жукова в невыгодном для него свете, подчеркнуть манию величия, отсутствие скромности. А получилось вопреки замыслу — офицеры, собираясь в курилках, восхищались смелостью маршала, его остроумием. Старые наркоматовские работники вспоминают, как один генштабист, готовивший проект приказа Жукова, подписал его так: «Первый заместитель Верховного Главнокомандующего». Надеялся неприкрытой лестью заполучить расположение всемогущего Жукова. Однако маршал рассердился: «Я не первый заместитель товарища Сталина, я — единственный заместитель!»

— Виктор Иванович, — спросил я у Филатова, — годы минули, страсти улеглись. Как вы считаете, правильно снимали Жукова?

— Жуков не годился для командования вооруженными силами в мирное время. Война — вот стихия, для которой он был рожден. В мирное время нужны иные качества — больше дипломатичности, политеса, что ли. А какой из него политик. — с двумя классами образования? В том, что он крупный полководец, сомнений нет. А вот политик из него не получился. Проявил близорукость, не помог Молотову и Маленкову тогда, когда те хотели свалить Хрущева, а потом, когда через несколько месяцев Хрущев отправил его в отставку, кусал локти, каялся, что дожил до седых волос, а в людях разбираться не научился. Я неплохо знавал Молотова в его последние годы, так вот, он как-то сказал: у Жукова в политике ничего не вышло, хотя он в нее и рвался, но не для нее, мол, был рожден.

— А вы не можете допустить, что Молотовым двигала обида на Жукова, не поддержавшего старую гвардию в пятьдесят седьмом, отсюда и негативные оценки дипломатических

способностей полководца?

— Отчего не допускаю? Однако Жуков при всех его полководческих талантах все же не Суворов и не Кутузов. Те были искусными политиками, поднаторевшими в придворных интригах. Вон Ворошилов после неудачи под Ленинградом и на других фронтах не пропал, даже в Председатели Президиума Верховного Совета СССР вылез. А Жуков, Ленинград и всю страну спасавший, пал жертвой кремлевских козней.

Цена двух фраз

Только в феврале 1958 года, спустя четыре месяца после снятия, Совет Министров СССР принял постановление об его увольнении в отставку и материальном обеспечении. Маршалу предоставлялось право ношения военной формы одежды, устанавливалось денежное содержание в сумме 5500 рублей плюс оклад по воинскому званию и процентная надбавка за выслугу лет. За опальным маршалом сохранялось медицинское обслуживание и лечение, оплата и содержание занимаемой квартиры на равных основаниях с маршалами Советского Союза, состоявшими на службе в кадрах Вооруженных Сил СССР, закреплялась легковая машина для личного пользования и дача за счет Министерства обороны СССР.

С момента смещения с поста министра и до последних дней своей жизни, оборвавшейся в 1974 году в больнице на улице Грановского, Жуков находился под неусыпным оком КГБ. Сняли Хрущева, к власти пришел Брежнев, но опальный маршал по-прежнему был под колпаком спецслужб, не спускавших с него подозрительных глаз. Впрочем, об этом написано вполне достаточно и подробно.

Менее исследована другая тема: за что Хрущев сместил Жукова? В том, что маршал — выдающийся полководец, сомнений не было и тогда. К тому же он дважды спас Никиту Сергеевича лично и, по логике, последний должен быть благодарным ему навсегда. Что же произошло? Какая черная кошка перебежала между ними дорогу?

Эти вопросы становятся все более актуальными в год 50-летия Победы, когда наконец-то военный гений полководца оценен по заслугам, когда в центре Москвы взметнулся памятник и учрежден орден его имени. Пророческими оказались слова маршала, произнесенные в 1957 году по поводу изъятия картины, названной недоброжелателями «Георгием Победоносцем» и их усилиями запрятанной в запасники. «Все равно потомки ее найдут и будут славить», — произнес Жуков, что вызвало на

октябрьском пленуме массовый взрыв негодования, зафиксированный стенограммой.

Существует несколько версий мотивов расправы с Жуковым. Одна из них — маршал намеревался захватить власть. Очень, сильно и настойчиво насаждал ее Хрущев. Об этом свидетельствует, в частности, и такой вот фрагмент из его речи на октябрьском пленуме:

— Относительно школы диверсантов… Об организации этой школы знали только Жуков и' Штеменко… Думаю, что не случайно Жуков опять возвратил Штеменко в разведывательное управление. Очевидно, Штеменко нужен был ему для темных дел… Неизвестно, зачем было собирать этих диверсантов без ведома ЦК. Разве это мыслимое дело? И это делает министр обороны с его характером. Ведь у Берии тоже была диверсионная группа, и перед тем, как его арестовали, Берия вызвал группу головорезов, они были в Москве, и если бы не разоблачили его, чьи головы полетели бы…

Претендовал ли Жуков на роль главы государства? По своей популярности он, без сомнения, мог бы посоперничать с самим Сталиным, не говоря уже о Хрущеве. Некоторые исследователи допускают, что именно из этих соображений Сталин и отправил Жукова в 1946 году командовать войсками сначала Одесского, а затем Уральского военных округов — подальше от Москвы, от рычагов власти. Были ли у Хрущева основания опасаться Жукова? Есть сведения, что кое-кто из ближайшего окружения Никиты Сергеевича называл ему прецеденты, которые в то время становились едва ли не тенденцией. Речь шла о том, что многие крупные полководцы второй мировой войны, имевшие в народе огромную популярность, приходили к управлению государствами. Президентом США стал генерал Дуайт Эйзенхауэр, командовавший объединенными вооруженными силами союзников в Европе. В Югославии к власти пришел национальный герой маршал Иосип Броз Тито. В Албании — маршал Энвер Ходжа. Испанией управлял генералиссимус Франко. Францией — генерал де Голль. Северной Кореей — маршал Ким Ир Сен. Это были громкие имена! Словом, Хрущеву было о чем задуматься.

Однако, кроме как у Хрущева, политические мотивы расправы над Жуковым не встречаются больше ни у кого. Да, военачальники обвиняли полководца в грубости, несдержанности, игнорировании их мнения, но отнюдь не в посягательствах на захват государственной власти. Отсутствуют подобные обвинения не только у военных, но и в выступлениях партийной верхушки, которая не преминула бы об этом сказать.

Вторая версия — мотивы носили чисто психологический,

эмоциональный характер. Зависть — она и в Кремле зависть. Тогдашний кремлевский ареопаг почти на сто процентов состоял из лиц, имевших генеральские и маршальские звания. Многие члены Президиума ЦК и руководители Совмина находились на фронтах, принимали участие в осуществлении крупных боевых операций и, естественно, мнили себя выдающимися военными стратегами. Но всем им, безусловно, было далеко до Жукова. В 1946 году они инициировали приказ Сталина об освобождении Жукова от занимаемых постов и высылке его из Москвы. В приказе, рассекреченном только недавно, говорилось о том, что Жуков не имел отношения к планам ликвидации сталинградской, крымской, корсунь-шевченковской групп немецких войск, разгром которых он якобы приписывал себе, и даже взятие Берлина не только его рук дело.

Однако народная любовь рождается не по приказам даже такого министра вооруженных сил, как Сталин. Несмотря на строгие начальнические циркуляры, народ признавал только одного творца победы, и этим творцом победы был маршал Жуков. Было чему завидовать другим! Потому-то серые малоспособные люди ополчились против военного гения. Благо поводов для неприязни со стороны окружающих он давал предостаточно.

По третьей версии, Жуков относится к той редчайшей категории военачальников, которые появляются в моменты наивысшего напряжения страны и которые созданы лишь для битв и сражений. В мирное время нужны совсем другие министры обороны, не такие, каким был Жуков.

На октябрьском пленуме Суслов приводит такой пример:

— Группой наших войск в Венгрии командует генерал Казаков. Министр обороны решил без согласия ЦК отозвать и назначить товарища Казакова командующим одного из внутренних округов в СССР. Когда об этом было сообщено товарищу Кадару, то последний просил оставить товарища Казакова в Венгрии. Мы посоветовались в Секретариате ЦК и согласились с этим. Тогда товарищ Жуков предъявил претензию ЦК, заявив: надо считаться с престижем члена Президиума ЦК, раз сказал, что Казакова отзываю. Пленум ЦК вправе спросить товарища Жукова: а не является ли его святой обязанностью прежде всего заботиться о престиже Центрального Комитета партии?!

На фронтах, как известно, заместитель Верховного Главнокомандующего своих приказов не отзывал и решений не менял. Увы, мирная жизнь протекает по другим законам. Суровому и категоричному маршалу свои привычки менять не

хотелось.

Существует и четвертая версия. Помните, на заседании Президиума ЦК в июне 1957 года, когда группа Маленкова — Молотова потребовала отставки Хрущева, последнего спас Жуков, произнесший знаменитые слова о том, что если будет принято решение о снятии Хрущева, то он, Жуков, обратится к армии.

Эту фразу не забыли. Сам Жуков впоследствии признавался, что очень сожалел об этом своем решительном заявлении в защиту Хрущева, так как оно обернулось через четыре месяца лично против него. Тогда, на заседании Президиума сразу после возвращения из Югославии, Микоян сказал, что ему непонятна и очень волнует та самая злосчастная фраза.

— Как ее понимать? — спросил хитрющий кремлевский лис.

— Да, это было сказано, но я говорил, что обращусь через парторганизации армии к партии, а не к армии.

— Значит, вы сознательно об этом говорили, — загадочно заключил Микоян, — а я-то думал, что вы тогда оговорились.

Хрущев, напрягшись, слушал. Наверное, у них была договоренность, что Микоян задаст этот вопрос, который Хрущеву не давал покоя. А что, если в следующий раз Жуков возьмет сторону какого-либо нового Маленкова?

Не лучше ли не испытывать судьбу и поскорее освободиться от этого слишком строптивого министра обороны?

И последняя, почти невероятная версия. Ее приводит писатель В. Карпов в своей новой книге «Маршал Жуков. Опала» со ссылкой на Д. Н. Суханова, бывшего помощника Маленкова.

Так вот, Суханов поведал Карпову, что аресту Берии предшествовало два заговора. Первый готовил Берия на 26 июня 1953 года, намереваясь в этот день арестовать членов Президиума ЦК в Большом театре. Об этом намерении Берии знали и поддерживали его… Хрущев и Булганин.

Маленков, узнав по своим каналам о готовящейся акции, пригласил к себе Хрущева и Булганина и сообщил им, что ему все известно. Хрущев и Булганин подумали, что из кабинета Маленкова они уже не выйдут. Маленков сказал: они могут искупить свою вину только активным участием в аресте Берии. Оба дали согласие.

В. Карпов со слов Суханова описывает его версию ареста Берии. Она полна потрясающих подробностей, не вписывающихся в известную картину ареста Берии. А потому автор этой книги отсылает любопытных к карповскому произведению. Мне же важно вот это место, имеющее отношение к теме моего исследования.

Подняв Берию с кресла и завернув ему руки за спину, Жуков

спросил у Маленкова:

— Может быть, арестовать и членов Президиума ЦК, бывших в сговоре с Берией?

Маленков не принял предложения маршала, за что впоследствии сильно поплатился. Ну, а Хрущев якобы не мог забыть этой фразы Жукова.

Глава 2
ПЕРВАЯ ОПАЛА

В то прекрасное июньское утро 1946 года вся Одесса высыпала на Дерибасовскую. Знаменитая улица, по которой должен был проехать маршал Жуков, утопала в живых цветах.

Напрасно восторженные горожане нетерпеливо ожидали появления правительственного кортежа, чтобы приветствовать прославленного полководца. Он проследовал к штабу Одесского военного округа другим, незаметным маршрутом.

На этом настояла Москва. «Никаких торжественных встреч!» — такое строгое предписание получил первый секретарь Одесского обкома партии А. И. Кириченко.

Руководство области терялось в догадках: что бы это значило? А уже к вечеру весь город обсуждал потрясающую новость: Жуков теперь будет жить в Одессе, командовать военным округом.

За что такая немилость?

Инциденты… Инциденты… Кругом одни инциденты

В ночь с 31 мая на 1 июня Жуков спал плохо. Днем ему сообщили, что завтра состоится заседание Высшего военного совета. О повестке не было сказано ни слова, и это не предвещало ничего хорошего. Значит, снова у кого-то полетят головы.

Не исключено, что и его собственная. Мрачные предчувствия усилились после вечернего инцидента, когда на даче появились трое уверенных в себе людей в фуражках с синей окантовкой. Охрана преградила им путь. Услышав перебранку, Жуков, собиравшийся лечь в кровать, как был, в белой, нательной рубахе, выглянул из спальни.

— Кто такие?

Старший представился. Им, мол, приказано произвести обыск на этой даче.

— Ордер! — сурово насупил брови Жуков.

Ордера у троицы не было. Судя по всему, они понятия не имели, у кого намеревались производить обыск. Им назвали номер дачи в дачном поселке, вот они и пожаловали.

— А ну-ка вон отсюда! Немедленно покиньте помещение!

Вошедшие оторопели. Такого они еще не встречали. Обычно при виде их гебистских околышей люди сникали.

— Вон! — гремел маршал. — Или перестреляю, как бешеных

собак!

Угроза подействовала — наверное, поняли, кто перед ними. Ретировались в смятении.

Остаток ночи провел, обуреваемый тяжкими предчувствиями. Неспроста пожаловали эти архаровцы, неспроста…[1] Наверняка что-то плетется.

В памяти всплыл начальник, «Смерша» Абакумов — правая рука Берии, могущественный генерал с Лубянки, перед котором тряслись все военные. Сводит счеты? Не исключено.

В декабре сорок пятого года Абакумов прибыл в Берлин. Жукова проигнорировал: не представился по случаю прибытия, не доложил о цели приезда. Ладно, мы не гордые, переживем. Формально они были на равных — оба являлись заместителями наркома обороны. Жуков — как Главнокомандующий советскими оккупационными войсками в Германии, Абакумов — как начальник «Смерша», входившего тогда в систему НКО, хотя и располагавшегося территориально на Лубянке. У обоих был один начальник — нарком обороны товарищ Сталин.

Когда Жукову доложили, что Абакумов пачками арестовывает его генералов и старших офицеров, пришел в ярость:

— Доставить его ко мне!

Ничто так не сбивает спесь с московских паркетных генералов, как томительное ожидание в приемной. Продержав Абакумова в «предбаннике» пару-тройку часов, Жуков наконец велел впустить его в кабинет, и когда тот вошел, с ходу атаковал жесткими вопросами:

— Почему вы не изволили представиться мне как Главнокомандующему советскими оккупационными войсками в Германии? Почему без моего ведома как главноначальствующего арестовываете моих подчиненных?

Лубянский генерал, хотя и был не робкого десятка, но струхнул основательно. Жуков не стал выслушивать его маловразумительный ответ о цели приезда и конфиденциальности поручения, властно прервал:

— Слушайте мой приказ. Первое: всех арестованных генералов и офицеров немедленно освободить из-под стражи! Второе: самому в течение двадцати четырех часов убыть туда, откуда прибыли! Приказ ясен?

Абакумов пытался возразить, что он все же как-ни-как начальник «Смерша», замнаркома обороны, и с ним непозволительно разговаривать в подобном тоне, но Жуков, приподнявшись с кресла, угрожающе произнес:

— Если мне доложат, что приказ не выполнен, отправлю в Москву под конвоем!

Абакумов улетел в тот же день. Можно представить, что понарассказывал выдворенный таким необычным путем генерал своему патрону Берии, а может и самому Сталину.

Выпущенные арестованные вернулись в свои армии и корпуса. Среди них было немало тех, кто накануне приезда Абакумова принимал участие в военно-научной конференции, которую проводил он, Жуков, и выступал на ней с основным докладом. Конференция проходила с 27 ноября по 1 декабря 1945 года в немецком городе Бабельсберге. Кроме командования армий, корпусов и некоторых дивизий Группы советских оккупационных войск в Германии, туда приезжали и приглашенные из Москвы представители Генерального штаба и военных академий.

Да, с этой конференцией неладно получилось. Жуков, лежа в постели с открытыми глазами, досадливо поморщился. Хотел ведь как лучше — обобщить боевой опыт, пока свежи впечатления участников сражений, а недоброжелатели нашептали Сталину черт знает что. Приписывает, мол, Жуков себе все победы. Кремлевские друзья предупредили: Сталин затребовал материалы конференции и тщательно изучает основной доклад. Жуков перечитал его — вроде все нормально, крамолы как будто нет. За исключением, пожалуй, одной фразы, где он, говоря о том, что влияет на успех боя, сражения и операции, произнес: «Я останавливаюсь на этих вопросах потому, что на протяжении всей войны я лично руководствовался ими при подготовке всех операций»*. Можно, понять так, что именно он, Жуков, их готовил. Там, в Германии, в новогоднюю ночь, он обдумал объяснение по поводу стилистической оплошности на случай, если Верховный затронет эту тему. Не затронул… Но по некоторым признакам Жуков понял — злосчастная фраза не осталась незамеченной. Верховный любил повторять, что история — это прежде всего детали. Выуживать и держать их в цепкой памяти он был искусным мастером.

Сон не шел. Маршал ворочался в постели, мысленно перебирая в памяти инциденты последнего времени. В войну были стычки с Верховным, были. Доходило до матерщины. После войны — так, по мелочам. Но чтобы обыск — такого не припомнит. Плохая примета.

Жуков гнал из головы тревожные мысли, но они снова возвращались и упрямо роились в мозгу. Внешне отношение Сталина к нему вроде не изменилось. Тот же уважительный тон, то же вежливое «вы», что и прежде. В самом конце марта, вернувшись с какого-то заседания, узнал, что его искал Сталин и просил перезвонить. Соединили, как всегда, быстро. Верховный

расспросил об обстановке. Жуков доложил — кратко и четко. Выслушав, Сталин произнес своим глуховатым голосом:

— Домой не хотите, товарищ Жуков? Как вы считаете, не пора ли вам возвратиться в Москву?

И, не дав собраться с мыслями, продолжил:

— Эйзенхауэр и Монтгомери из Германии отозваны. Настал черед и нам последовать примеру союзников. Готовьтесь.

Через пару-тройку дней позвонил опять:

— Какую должность вы хотели бы занять?

Жуков хотел ответить, что его вполне устраивает нынешний пост заместителя наркома обороны, поскольку наркомом является сам Сталин, но Верховный не сделал паузы.

— Поскольку боевых действий больше не предвидится, — продолжал он, — мы приняли решение о реорганизации наркомата обороны, переводе его на мирные рельсы. В связи с этим должность первого заместителя наркома упраздняется. Булганин становится заместителем наркома обороны по общим вопросам. Товарища Василевского мы решили назначить начальником Генерального штаба. Кузнецов становится Главнокомандующим военно-морскими силами. Как вы посмотрите на то, если мы предложим вам должность Главнокомандующего сухопутными войсками?

— Положительно, товарищ Сталин.

— Вот и хорошо. Тогда приступайте к новым обязанностям. Ждем вас в Москве.

Вернувшись из Берлина, Жуков вступил в должность главкома сухопутных войск… Едва он покинул пределы

Германии, как там начались аресты близких к нему генералов и старших офицеров. Среди них было немало и тех, кого арестовывал Абакумов и кого Жуков приказал ему немедленно освободить. За ними снова захлопнулись дверй следственных камер.

Волна арестов прокатилась и в Москве. И снова хватали тех, у кого с Жуковым были дружеские отношения. 23 апреля под стражу был взят главком ВВС А. А. Новиков — главный маршал авиации, дважды Герой Советского Союза, два месяца назад избранный депутатом Верховного Совета СССР. Арестованный входил в число близких друзей Жукова, участвовал с ним в нескольких фронтовых операциях.

— Ну, рассказывай, как маршалу Жукову в жилетку плакал, он такая же сволочь, как и ты, — такими словами встретил Новикова замначальника следственной части МГБ Лихачев. — Мы все знаем…

Злополучная папка

Плохо выспавшийся, с глубоко сидевшим чувством тревоги, Жуков приехал на заседание Высшего военного совета.

В «предбаннике» — небольшой комнатенке с одним окном было светло от сияния геройских звезд на кителях и маршальских — на погонах, от бритых голов собравшихся военачальников. Громко здоровались, обменивались крепкими рукопожатиями.

В назначенное время пригласили проследовать в зал заседаний. Расселись по своим местам. Стол секретаря Совета занял генерал Штеменко.

Через несколько минут вошли Молотов, Маленков, Каганович и другие члены Политбюро. Молча ожидали Сталина, который задерживался.

Вот и он. Хмурый, в довоенном френче, с папкой под мышкой. Значит, быть грозе. Жуков давно приметил, что Сталин облачается в старый френч, будучи в прескверней шем настроении.

Вождь неторопливо подошел к столу Штеменко и медленным взором прошелся по лицам маршалов. Жукову Показалось, что глаза Сталина задержались на нем на несколько мгновений дольше, чем на соседях.

Все следили за каждым его движением. Он молча положил папку на стол, и с сильным грузинским акцентом, так что фамилия Штеменко прозвучала как «Штименко», произнес:

— Товарищ Штименко, прочитайте, пожалуйста, нам эти документы.

Секретарь Совета раскрыл папку.

«Министру Вооруженных Сил СССР И. В. Сталину, — вслух прочел Штеменко, — от бывшего главнокомандующего ВВС, ныне арестованного Новикова. Заявление. Я лично перед вами виновен в преступлениях, которые совершались в Военно-Воздушных Силах, больше, чел! кто-либо другой…»

— Читайте, товарищ Штименко, дальше, — сказал Сталин, когда Штеменко на какое-то мгновение остановился, чтобы перевести дух.

Новиков признавался, что попал в болото преступлений, чересчур много занимался приобретением различного имущества с фронта и устройства своего личного благополучия. У него вскружилась голова, он возомнил себя большим человеком, считал, что известен не только в СССР, но и за его пределами, в разговорах со своей женой Веледеевой называл себя крупной личностью, заявлял, что его знают Черчилль и другие главы западных государств.

Назвав свое поведение подлым, покаявшись во вражеских выпадах против Сталина, Новиков сообщал, что он виновен в еще более важных преступлениях. «Я счел теперь необходимым в своем заявлении на Ваше имя рассказать о своей связи с Жуковым, — читал Штеменко вслух, — взаимоотношениях и политически вредных разговорах с ним, которые мы вели в период войны и до последнего времени… Пора положить конец такому вредному поведению Жукова, ибо если дело так далее пойдет, то это может привести к пагубным последствиям».

Новиков характеризовал Жукова как человека исключительно властолюбивого и самовлюбленного, безмерно любившего славу, почет и угодничество перед ним, не терпящего возражений. Вместо того, чтобы сплачивать командный состав вокруг Верховного Главнокомандующего, он ведет вредную, обособляющую линию, сколачивает людей вокруг себя, приближает их к себе.

«Жуков очень хитро, тонко и в осторожной форме в беседе со мной, — продолжал чтение Штеменко, — а также среди других лиц пытается умалить руководящую роль в войне Верховного Главнокомандующего и в то же время не стесняясь выпячивает свою роль в войне как полководца и даже заявляет, что все основные планы военных операций разработаны им. Так, во многих беседах, имевших место на протяжении последних полутора лет, Жуков заявлял мне, что операции по разгрому немцев под Ленинградом, Сталинградом и на Курской дуге разработаны по его идее и им, Жуковым, подготовлены и проведены. То же самое говорил мне Жуков по разгрому немцев под Москвой».

Далее Новиков сообщал, что Жуков высказывал ему обиды: мол, он, являясь представителем Ставки, провел большинство операций, а награды и похвалы получают командующие фронтами. Приказы на проведение тех или иных операций адресуются командующим фронтами, а он, Жуков, остается в тени. Несмотря на блестящий успех операций под Сталинградом, Ленинградом и на Курской дуге, его до сих пор не наградили, в то время как командующие фронтами получили уже по несколько наград.

В интерпретации Новикова рассказ Жукова о назначении его на должность главкома сухопутных войск звучал так. Сталин позвонил ему в Берлин и спросил, какое назначение он хотел бы получить. По словам Жукова, он ответил, что хочет пойти главкомом сухопутных войск. При этом, по мнению Новикова, Жуков руководствовался не государственными интересами, а тем, что, находясь в этой должности, он по существу будет руководить

почти всем наркоматом обороны, всегда будет поддерживать связь с войсками и тем самым не потеряет свою известность. Если же пойти заместителем наркома по общим вопросам, то придется отвечать за все, а авторитета в войсках будет меньше.

В конце письма Новиков объяснял, почему Жуков умело привязал его к себе: «Я являюсь сыном полицейского, что всегда довлело надо мной и до 1932 года я все это скрывал от партии и командования». В Жукове он увидел опору, в беседах с ним один на один вел политически вредные разговоры.

Штеменко закончил чтение, огласил дату написания заявления — 30 апреля 1946 года. В зале повисла гнетущая тишина.

Жуткий момент

Существуют три версии того, что произошло дальше. Точнее, в заключительной части заседания Высшего военного совета, поскольку в описании обсуждения заявления Новикова особых разночтений нет.

После нескольких минут тягостного молчания Сталин предложил сидящим в зале высказаться по поводу услышанного. Первыми выступили члены Политбюро. Маленков не сомневался в виновности Жукова. Дважды поднимался Молотов, и оба раза приводил факты, свидетельствующие о бонапартистских замашках Жукова.

Многое зависело от позиции военных. Что они скажут? В 1937-м на таком же заседании Главный военный совет единогласно сдал Тухачевского, Уборевича, Якира и других военачальников. А через год на скамью подсудимых сели требовавшие смертной казни Блюхер, Егоров, Дыбенко, Алкснис.

— Ну, думаю, пан или пропал! — рассказывал в 1965 году заместителю директора института истории партии при МГК и МК КПСС А. Пономареву Маршал Советского Союза И. Конев. — Сегодня — его, завтра — меня. Если не защитим Жукова, опять начнется 37-й год. К тому же за годы войны посмелее стали. «Разрешите…» — обращаюсь к Сталину. — «Давай», — говорит он. Говорю: «Да, Жуков человек тяжелый, грубый, плохо воспитанный. С ним не только работать, но и общаться тяжело. Но я категорически возражаю, товарищ Сталин, против того, что ему не дороги Родина, партия, что он неуважительно относится лично к вам. Это неверно. Я видел его в деле. На Курской дуге он вместе со мной буквально на животе ползал в 300–400 метрах от фашистских позиций, лично проводил рекогносцировку. Он — маршал, ваш первый заместитель — не имел права так рисковать

жизнью, выполнять функции обыкновенного офицера. Человек, которому не дороги Родина и партия, никогда бы на это не пошел».

По словам Конева, Сталин его перебил. «А вы знаете, что он пытался присвоить себе заслуги в осуществлении Корсунь-Шевченковской операции?» — «Ну, это мелочи, товарищ Сталин, историю ведь не обманешь».

Конев рассказал, что тогда его поддержали другие маршалы:

— Помню, что выступали Рокоссовский, Василевский, Рыбалко. Единственно, кто пытался нажить себе политический капитал на критике Жукова, — генерал Ф. И. Голиков. Мол, он его зажимал, придирался, освободил от командования Воронежским фронтом и т. д.

Пономарев приводит фразу, произнесенную Коневым в 1965 году: «Вот Георгий обижается на меня, а неизвестно, чем бы для него все это кончилось, не получи он тогда от своих товарищей поддержки».

Конев имел в виду опубликованную за его подписью статью в «Правде» по итогам октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС, на котором Хрущев снимал Жукова с поста министра обороны. В статье Конев утверждал: нелепо говорить о какой-то особой роли Жукова в Великой Отечественной войне, возлагал на него значительную долю ответственности за неудачи 1941 года, пытался доказа-ть, что план Сталинградской операции принадлежал не Жукову и Василевскому, а Хрущеву и Еременко.

Статья сильно обидела Жукова, и он в который раз подивился человеческой неблагодарности: в начале войны он спас Конева, которому угрожала судьба расстрелянного командующего Западным фронтом генерала армии Павлова. А Конев отплатил ему разносным пасквилем в газете и разгромным выступлением на пленуме в октябре 1957 года. На том пленуме, кстати, «отличились» многие маршалы, даже Рокоссовский вылил на него не один ушат грязи.

Но тогда, в июне 1946-го, военачальники не сдали Жукова. Наверное, и в самом деле, за годы войны посмелее стали. Безусловно, критика в выступлениях Конева, Василевского, Рокоссовского, Соколовского и других маршалов присутствовала, говорили они о недостатках и ошибках Жукова немало, но напрочь отметали даже саму возможность его заговорщической деятельности.

По свидетельству участников заседания, Сталин никого не перебивал, каждому давал высказаться. Похоже, он сам колебался с принятием решения, а мнение военных для него было важно. Последним выступил начальник Генштаба Соколовский, который

тоже дал Жукову в целом положительную оценку, хотя и отметил его необычайное тщеславие и властолюбие.

На этом совпадения в описании происходившего на заседании Высшего военного совета заканчивается. Дальше начинаются расхождения.

В книге «Маршал Жуков: полководец и человек», изданной в 1988 году, приводится заключительная сцена заседания, изложенная самим Жуковым в беседе с полковником Светлишиным из «Военно-исторического журнала». Беседа происходила в 1965 году.

После того как Сталин, выслушав всех желающих, предложил прекратить обсуждение этого вопроса, он подошел к Жукову и спросил:

— А что вы, товарищ Жуков, можете нам сказать?

По словам маршала, он посмотрел удивленно и твердым голосом ответил:

— Мне, товарищ Сталин, не в чем оправдываться, я всегда честно служил партии и нашей Родине. Ни к какому заговору не причастен. Очень прошу вас разобраться в том, при каких обстоятельствах были получены показания на меня…

Сталин спокойно выслушал, внимательно посмотрел Жукову в глаза, и затем сказал:

— А все-таки вам, товарищ Жуков, придется на некоторое время покинуть Москву.

Жуков ответил, что готов выполнить свой солдатский долг там, где прикажут партия и правительство.

По-иному излагал заключительную сцену заседания маршал Конев. В его интерпретации историку А. Пономареву это выглядит так.

— А что будем с ним делать? — спросил Сталин, кивнув в сторону Жукова.

Конев, по его словам, почувствовал, что нужно ковать железо, пока оно горячо, осмелел и говорит:

— Это ваше право, товарищ Сталин, в крайнем случае можно понизить в должности.

Сталин походил по кабинету, затем подошел к Жукову. Тот поднялся, стоит бледный — жуткий момент. Вытянув руки и поводя пальцем у самого лица Жукова (это обычно бывало в моменты сильнейшего раздражения), Сталин зло произнес:

— Все великие русские полководцы — Суворов, Кутузов, даже Скобелев — были скромны. Вам же этого качества не хватает. Ишь ты, Наполеон какой нашелся, один войну выиграл!

Помолчал и бросил последнюю фразу:

— Послать командующим Одесским округом!

Конев затруднился ответить: экспромт это был, или решил он вопрос о Жукове еще раньше.

Есть и третья версия. По рассказам главного маршала авиации А. Е. Голованова, которые обнародовал накануне 50-летия Победы поэт Феликс Чуев, Жуков, почувствовав на заседании Высшего военного совета негативное отношение к себе многих военачальников, сам попросился в отставку с поста главкома сухопутных сил.

Косвенные свидетельства того, что и такое могло быть, находим в выступлении Рокоссовского на октябрьском пленуме 1957 года. Вспоминая разбор дела Жукова при жизни Сталина, Рокоссовский сказал:

— Он тогда прямо признал, что да, действительно, за ним были такие ошибки. Он, мол, зазнался, у него известная доля тщеславия и честолюбия, и дал слово, что исправит эти ошибки на другом месте работы…

Жертва или любимец

Отсутствие достоверной информации всегда порождает много домыслов, предположений, инсинуаций. Обстоятельства смещения Жукова и высылки его из Москвы никогда не комментировались на официальном уровне. И по сей день гуляют самые невообразимые слухи по этому поводу. А поскольку масштаб личности Жукова многомерен и неординарен, то каждое политическое движение использует его имя в своих целях. При этом зигзагам судьбы полководца дйют самую необычную, а порой и взаимоисключающую трактовку.

В период особо жесткой критики культа личности Сталина — при раннем Хрущеве и позднем Горбачеве — Жукова изображали жертвой кровожадного кремлевского дракона. Из свидетельств живших тогда участников заседания Высшего военного совета брались лишь те аргументы, которые подтверждали именно эту версию. Инициатором расправы над Жуковым однозначно называли Сталина.

Мотивы лежали на поверхности — зависть к полководцу Победы, подозрительность относительно его замыслов, беспокойство из-за его растущей популярности в армии и народе. По всей прессе прокатился вал публикаций, вскрывающих подоплеку того, почему Сталин сам не поехал в Берлин принимать капитуляцию, а поручил подписать исторический акт Жукову, почему Жуков, а не генералиссимус, выехал из ворот Кремля на белом коне для принятия парада Победы… Перечень этих «почему» можно продолжать бесконечно, и на все даются

вполне исчерпывающие ответы.

Сталин удалил Жукова из Москвы в 1946-м году и продержал его вдали от столицы до самой своей смерти в силу своей преступной натуры, злобной и ненавидящей все истинно талантливое. Для него высшим наслаждением было сломить сильного соперника, принизить его, подмять своей властью и насладиться победой — такова точка зрения тех, кто считает Жукова жертвой сталинского произвола.

Есть и другое, прямо противоположное мнение. Оно окрепло при Брежневе и, похоже, имеет немало сторонников сегодня. Суть его в том, что Жуков был любимцем Сталина. Кому он поручил принимать капитуляцию? Жукову. Кто принимал парад Победы? Жуков. Кому вручил два ордена «Победы»? Жукову. Кого, единственного из своих маршалов, удостоил трех' Золотых Звезд Героя? Жукова. Кто был единственным заместителем Верховного Главнокомандующего? Жуков.

Если Сталин так его вознес и выделил; то чем тогда объяснить высылку из Москвы? Любовь к полководцу, — отвечают, как ни парадоксально, приверженцы этой версии.

Аргументы? У каждого народа должен быть образ непобедимого полководца. Плох тот глава государства, который не лепит такой образ. Это понимал и Гитлер. Когда его любимого Роммеля, не знавшего поражений, англичане начали теснить в Северной Африке, Гитлер отозвал его оттуда. Фюрер исходил оттого, что Роммель не изменит там ход боевых действий в свою пользу, а у нации должен быть образ полководца, не проигравшего ни одной битвы. Так поступали многие европейские монархи в прошлом, не были исключением и русские цари.

Сталин тоже отозвал Жукова из-под Ленинграда, когда не получилось полного снятия кольца блокады. Обстоятельства оказались сильнее Жукова, и Сталин понимал, что полководца нельзя подставлять, он не должен иметь поражений.

С этим, наверное, можно согласиться, но ведь приведенные аргументы относятся к военному периоду. А тогда, как известно, шел 1946-й год. Из какого сражения, крайне опасного для Жукова, выводил его Сталин, заботясь о репутации непобедимого полководца?

У сторонников этой версии есть ответ: после окончания большой войны началась малая — между маршалами. О ней мало кто знает. Высшие военачальники схватились между собой, деля славу после 1945-го. Каждый претендовал на свою особую роль в достижении Победы, каждому казалось, что именно его войска находились на направлении главного удара. Жуков, как

заместитель Верховного Главнокомандующего обладавший наибольшей полнотой информации о рождении того или иного стратегического замысла, снисходительно, с высоты своего знания предмета споров, наблюдал за тщеславными потугами маршалитета. Нередко со свойственной ему резкостью обрывал спорщиков, рассказывая, как было на самом деле. Выходило так, что все начиналось с его приезда на фронты. Военачальники зашептались, зашушукались: Георгий связывает все победы исключительно со своим именем, никого ни в грош не ставит.

Маршальские размолвки и обиды, копившиеся со времен войны, выплеснулись наружу. В интриги втянули и Сталина, умело сыграв на его подозрительности. Мол, Жуков в разговорах с подчиненными приписывает себе разработку и проведение всех основных операций войны, даже тех, к которым не имел отношения. В его интерпретации истории не нашлось места даже для него, Сталина. Но вождь якобы не поверил дворцовым интригам. Однако понимая, что уязвленный маршалитет не успокоится, пока не съест Жукова, принял решение о его временном переводе из Москвы, чтобы таким образом уберечь от расправы делящих славу военачальников, которым он — кость в горле.

Истина отдаляется

Сторонники первой версии считают, что поводом для расправы Сталина над Жуковым в 1946 году-стали выбитые на него следователями показания арестованного главного маршала авиации Новикова. Много написано в целом об этом деле и о том, как, в частности, добывались признания главкома ВВС. Коротко о сути «авиационного» дела. Новикова, а также незадолго до него арестованного министра авиационной промышленности Шахурина, группу генералов ВВС и работников ЦК ВКП(б), обвинили в том, что авиапромышленность выпускала партии недоброкачественных самолетов, а руководство ВВС принимало их, что приводило к авариям и даже гибели летного состава.

Существует легенда, что арест и последующее осуждение руководства авиапромышленности и ВВС произведено по указанию Сталина под влиянием его сына Василия, который, будучи генералом авиации, рассказал отцу о большом количестве аварий по техническим причинам. Будто бы между Василием Сталиным и Новиковым пробежала черная кошка, возникла напряженность, вызванная нежеланием Новикова представлять Василия, как того требовал отец, к генеральскому званию. Мол, молод и слабо подготовлен.

Документального подтверждения этим слухам нет. Зато есть заключение государственной комиссии, членами которой были видные авиатору-маршалы К. А. Вершинин, А. Е. Голованов, С. И. Руденко, В. А. Судец и другие, которые подтвердили: да, имели место неправильная техническая политика, поспешность в приемке самолетов, что приводило к многим авариям. Заметим, госкомиссия приступила к работе за месяц до ареста главкома Новикова. А участие в ней отменных воздушных асов, сослуживцев главкома, исключало некомпетентность или. предвзятость. Другое дело, что заводские недостатки, присущие производству в военное время, когда ГКО требовал как можно больше самолетов для фронта, возвели в степень вредительства.

В массовом сознании укоренилось, что Новиков был освобожден из заключения только в хрущевские времена, после смерти Сталина. Однако документы свидетельствуют: Новиков, отсидев по решению суда шестилетний срок, был выпущен на свободу 14 февраля 1952 года — т. е. при жизни Сталина.

Полностью реабилитированный в мае 1953 года, восстановленный в маршальском звании и в прежних наградах, Новиков в декабре 1954 года, выступая по делу Абакумова, рассказал, как следователи вынудили его подписать заявление на Жукова. Бесконечные допросы, доведение до отчаяния несправедливостью обвинения, моральная надломленность — и Новиков подписал напечатанный на машинке текст.

До последнего времени никто не имел доступа к этому документу, сыгравшему, по общему мнению, роковую роль в жизни Жукова. Никогда не видел его и сам маршал. Только слышал то, что зачитывал Штеменко на Высшем военном совете. Считалось — у Новикова выбили такие показания, что сомнений в заговорщической деятельности Жукова не осталось.

И вот теперь злосчастное заявление Новикова (кстати, в архиве Сталина сохранился и его рукописный вариант, исполненный Новиковым лично чернилами) рассекречено. Там немало неприятного для Жукова, но прямых обвинений в организации заговора против Сталина не найти даже при очень сильном желании.

Стало быть, Жуков не жертва Сталина? Неужели любимец, как считают оппоненты?

И снова документы не позволяют безоговорочно принять и эту точку зрения.

Рассекречен документ, с которого за полвека только четыре раза снимали копии и лишь в одном случае не сделали запись — для кого. «Снята копия в одном экземпляре для тов. Абакумова 19.6.46 г.», «Отпечатана копия в одном экземпляре для тов.

Ворошилова 15.6.», «Снималась копия в одном экземпляре 10.6.46». «2.2.47 г. для генерала армии Булганина, печатал генерал-лейтенант Ломов».

Что же это за секретная бумага государственной важности, копию с которой делают генерал-лейтенанты, собственноручно печатая на машинке?

Это приказ министра Вооруженных Сил СССР генералиссимуса Советского Союза Сталина от 19 июня 1946 года, подписанный им лично. В приказе изложены обстоятельства, послужившие основанием для освобождения Жукова от занимаемых им постов и назначения его командующим войсками Одесского военного округа. Определен круг должностных лиц, кому следует объявить секретный приказ. Это главнокомандующие, члены Военных советов и начальники штабов групп войск, командующие, члены Военных советов й начальники штабов военных округов и флотов.

Объем документа довольно солиден, поэтому ограничимся основными положениями.

Маршал Жуков, несмотря на созданное ему правительством и Верховным Главнокомандованием высокое положение, считал себя обиженным, выражал недовольство решениями правительства и враждебно отзывался о нем среди подчиненных лиц. Утеряв высокую скромность и будучи увлечен чувством личной амбиции, считал, что его заслуги недостаточно оценены, приписывал при этом себе в разговорах с подчиненными разработку и проведение всех основных операций Великой Отечественной войны, включая и те операции, к которым он не имел никакого отношения.

Среди этих операций называются Сталинградская — она была выработана и началась зимой 1942 года, когда Жуков находился на другом фронте вдали от Сталинграда, Корсунь-Шевченковская — спланированная и проведенная маршалом Коневым, Крымская, а также Берлинская, в которой без удара с юга войск маршала Конева и удара с севера маршала Рокоссовского Берлин не был бы окружен и взят в тот срок, в который он был взят.

Будучи назначенным Главнокомандующим сухопутными войсками, маршал Жуков продолжал высказывать свое несогласие с решением правительства в кругу близких ему людей, а некоторые мероприятия правительства, направленные на укрепление безопасности сухопутных войск, расценивал не с точки зрения интересов обороны Родины, а как мероприятия, направленные на ущемление его, Жукова, личности.

А вот и строки, послужившие почвой для легенды о том, что Жуков сам попросился в отставку с поста главкома и

замминистра вооруженных сил: «Под конец маршал Жуков заявил на заседании Высшего военного совета, что он действительно допустил серьезные ошибки, что у него появилось зазнайство, что он, конечно, не может оставаться на посту главкома сухопутных войск и что он постарается ликвидировать свои ошибки на другом месте работы».

Даже если допустить, что Сталин разыграл эту сцену, чтобы создать видимость своего раздражения по отношению к Жукову, что действительно в мягкой форме сказал о необходимости на некоторое время покинуть Москву, то дальнейшие действия не вписываются ни в какую логику/ С момента отъезда Жукова в Одессу пресса забыла о нем, а к очередным годовщинам взятия Берлина «Правда» даже не упомянула его имени. Впрочем, со страниц газет исчезли также и имена других знаменитых полководцев — Рокоссовского, Конева, Толбухина, Воронова, Малиновского. Сталин цыкнул на всех, велев прекратить междоусобицы, дележку военной славы?

С другой стороны, если Сталин исходил из того, что непобедимого полководца нельзя подставлять, и перевод в Одессу был не более чем тактическим ходом, то почему в следующем — 1947 году — Жукова вывели из состава ЦК ВКП(б)? Выводили на пленуме, специально вызвав из Одессы.

Персональное дело члена ЦК Жукова шло восьмым по списку. Семеро исключенных уже покинули зал. Назвали фамилию Жукова, зачитали перечень его прегрешений — все те же, что и на Высшем военном совете. От предложенного ему слова маршал отказался. Проголосовали — как всегда — единогласно. Как только руки голосовавших опустились, Жуков поднялся со своего места и, как он сам рассказывал, строевым шагом вышел из зала Большого Кремлевского дворца, где проходил пленум.

Снятие опалы с Жукова связывают с хрущевскими временами, когда маршала вызвали в Москву и назначили заместителем министра обороны. Это не совсем так, примирение началось гораздо раньше: в 1952 году Сталин дал указание, чтобы Жукова избрали делегатом XIX съезда партии, на котором в списке кандидатов в члены ЦК тот услышал и свою фамилию. Позднее Жуков рассказывал, что Сталин хотел назначить его министром обороны, да не успел — смерть помешала.

Таинственный узник

— Мы победили потому, что нас вел от победы к победе наш великий вождь и гениальный полководец Маршал Советского Союза Сталин! — произнес Жуков на параде Победы 24 июня

1945 года.

— Наконец-то эту рябую… вывели на чистую воду! — сказал он в перерыве после доклада Хрущева на XX съезде, что подтверждал в свое время писателю В. Карпову слышавший эти слова бывший командующий Туркестанским военным округом генерал армии Н. Г.Ляшенко.

Увы, отзывы Жукова о его взаимоотношениях со Сталиным разные — в зависимости от того, кто сидел в данный момент на кремлевском троне. При шумном антисталинисте Хрущеве маршал объяснял высылку из Москвы завистью Сталина к своей славе. При тихом сталинисте Брежневе, чутко улавливая новые веяния, осторожничал:

— Сталин меня снимал, понижал, но не унижал. Попробуй меня кто-нибудь обидь — Сталин за меня голову оторвал бы…

По неопубликованным при жизни Жукова, но сохранившимся до наших дней его записям, маршал считал, что дело против него раскручивали Абакумов и Берия. Однако Сталин не дал санкции на арест, поскольку не верил, что Жуков пытался организовать военный заговор:

— Он человек прямолинейный, резкий и может в глаза любому сказать неприятность, но против ЦК он не пойдет.

И далее: «А когда арестовали самого Абакумова, то выяснилось, что он умышленно затеял всю эту историю, так же, как он творил в 1937–1939 годы. Абакумова расстреляли, а меня вновь на XIX съезде партии Сталин лично рекомендовал ввести в состав ЦК КПСС. За все это неблагоприятное время Сталин нигде не сказал про меня ни одного плохого слова. И я был, конечно, благодарен ему за такую объективность».

Концы, похоже, сходятся. Действительно, Сталин сделал первый шаг к примирению с Жуковым после ареста министра государственной безопасности Абакумова в 1951 году. Видно, недавний хозяин Лубянки поведал на допросах нечто такое, в результате чего Сталин пересмотрел свое отношение к Жукову и дал указание вернуть его к активной общественно-политической жизни.

Что имел в виду Жуков, говоря об умышленно затеянной Абакумовым всей этой истории? Какие подробности открылись следователям и через них Сталину от секретного узника за номером 15, содержавшемуся в Бутырке закованным в наручники, которые снимались только во время принятия пищи, в дневное время с руками за спину, а в ночное на животе? О подлинных причинах попытки скомпрометировать Жукова? О том, что побудительным мотивом расправиться со строптивым маршалом послужила личная месть за давнишний инцидент в Берлине,

когда его, основателя и начальника «Смерша», Жуков выставил из Германии в течение-24 часов?

О правдоподобности такого предположения говорит и тот факт, что Абакумов активно участвовал в политических интригах среди высших кругов власти, знал сильные и слабые стороны тогдашнего кремлевского истеблишмента. Судили его аж в декабре 1954 года, уже при Хрущеве, и расстреляли — оставлять в живых было опасно и для стороны, победившей в схватке с Берией.

Знающие люди, работавшие в то время в «Смерше», рассказывали, что аресты, произведенные их шефом в Берлине в декабре 1945 года, касались исключительно тех лиц, которые были замешаны в казнокрадстве и присвоении трофейного имущества. Явление, по их словам, было весьма распространенное: генералы, мол, отправляли домой награбленное самолетами и эшелонами. Зная крутой нрав Жукова, заинтересованные лица представили дело совсем в ином свете, обвиняя «Смерш» в самоуправстве и игнорировании Главнокомандующего.

Расчет был точный: взбешенный Жуков выдворил Абакумова из Берлина, приказав выпустить арестованных. Ну, а потом Абакумов стал министром госбезопасности.

Жуков был великим полководцем, но по части придворного политеса выглядел новобранцем..

Глава 3
ЧЕМОДАН С ДРАГОЦЕННОСТЯМИ

Четвертого февраля 1948 года министр вооруженных сил СССР Булганин подписал приказ об освобождении маршала Жукова с поста командующего войсками Одесского военного округа. Опальному полководцу предписывалось прибыть в город Свердловск и вступить в командование Уральским военным округом. Никаких разъяснений о мотивах перемещения лично Жукову сделано не было.

Высылка за Большой Каменный пояс была столь же громкой, как и первая опала в 1946 году, закончившаяся удалением маршала из Москвы в Одессу. Как и в первом случае, здесь тоже немало легенд, слухов, наслоений.

Офицерам раздать оружие!

О причинах перевода Жукова из веселой и солнечной Одессы в мрачный и неуютный Свердловск вы не найдете ни в одной публикации, посвященной жизни маршала. Хотя их, и особенно в год 50-летия Великой Победы и 100-летия со дня рождения полководца, напечатано немалое количество. Я уже не говорю ни о застойных, ни даже о перестроечных годах. В те времена свердловский период опалы Жукова обозначался через запятую. Специальным исследованием никто не занимался.

Что же произошло в действительности?

Собранная мозаика сведений получилась довольно многокрасочной. От утверждения о том, что Жуков все-таки вынашивал план заговора против Сталина, до его несносного характера, который и послужил основным поводом для слезного обращения одесских властей в Москву с просьбой убрать из их города этого новоявленного диктатора. Сторонники версии личной неприязни Сталина к полководцу, вызванной завистью к его военной славе, утверждают: генералиссимус опасался держать Жукова вблизи границы, неровен час — ускользнет за бугор. В этом случае идеальным представлялся какой-либо внутренний военный округ. Остановились на Уральском.

Сразу оговорюсь: последняя версия самая уязвимая, поскольку никаких документальных подтверждений ее существования найти не удалось. Есть лишь косвенное свидетельство, будто бы министр вооруженных сил Булганин, вернувшись из Одессы, куда выезжал с проверкой, во время

доклада Сталину то ли в шутку, то ли с намеком обронил: граница с Турцией рядом, а от этого гордеца Жукова всего можно ожидать. Так было или нет, сегодня сказать трудно, да, пожалуй, уже и невозможно — из-за давности лет. Кстати, серьезные исследователи Считают эту версию выдумкой досужих газетчиков. Жуков, убегающий в Турцию, — эго из области больного воображения.

Самое удивительное, что по-прежнему существует весьма стойкое убеждение в причастности Жукова к созревавшему в среде военных заговору против Сталина. Эту точку зрения разделяет довольно большой слой из числа бывших работников МГБ. Основание: полученные из Одессы шифровки о том, что Жуков вооружает офицеров. Командующий округом якобы подписал указ о выдаче большому количеству людей табельного оружия с правом его ношения и во внеслужебное время.

По рассказам ветеранов Лубянки, ряд этих офицеров был арестован контрразведкой. Нити из штаба Одесского округа потянулись в другие города — туда, где на малозаметных должностях прозябали опальные генералы, пониженные Сталиным в званиях и снятые с высоких постов за присвоение трофейного имущества в Германии. Обиженные генералиссимусом искали авторитетную фигуру, вокруг которой можно было бы сплотиться. Их взоры обращались к Жукову, тоже обиженному Сталиным.

— Абакумов под руководством Берии подготовил целое дело о военном заговоре, — рассказывал автору этой книги высокопоставленный в прошлом генерал с Лубянки. — После ареста ряда офицеров округа, которым командовал Жуков, встал вопрос об аресте самого командующего. Однако Сталин выслушал предложение Берии и сказал: «Нет, Жукова арестовать не дам. Не верю во все это. Я его хорошо знаю. Я его за четыре года войны узнал лучше, чем самого себя».

И снова никаких документальных подтверждений. Только слова, ссылки на неких знакомых, которые слышали об этом от своих знакомых. И убедительная просьба — не включать диктофон.

Хотя — стоп! Не отсюда ли сигналы в Кремль и на Лубянку, не отсюда ли слухи о том, что маршал вооружает офицеров? Он действительно издал приказ о выдаче оружия и разрешил круглосуточное его ношение. Но вовсе не потому, что готовил свержение Сталина, а совсем по иным причинам.

В сорок шестом Одесса кишела бандитами и ворьем. Они наводили страх на мирных жителей. Раздевали прямо на улицах. Чуть что — финкой в бок. Нападениям подвергались и

военнослужащие.

Чтобы обезопасить их жизнь, Жуков приказал выдать личное оружие. Бдительная агентура, денно и нощно следившая за маршалом, тут же сообщила в Москву: Жуков вооружает офицеров. Столичные чины, к которым стекалась эта информация, преподносили ее наверх в той интерпретации, в какой ее хотели услышать недоброжелатели Жукова из числа ближайшего сталинского окружения. Счастье маршала, что Сталин не поверил этим наветам.

Гром грянул совсем с другой стороны, не с высоченного кремлевского Олимпа, а со здания несколько пониже, но тоже властного, хотя и местного значения.

Уберите от нас этого диктатора!

История с раздачей военнослужащим оружия, о чем распорядился командующий округом Жуков, имела неожиданное продолжение.

Приказ был отдан исключительно с целью обезопасить жизни офицеров, которые становились жертвами грабежей, а при сопротивлении — тяжелых увечий и даже убийств. Жуков чернел лицом, когда ему докладывали об очередном ЧП. Люди прошли войну, вернулись живыми и невредимыми из величайших в мире сражений, чтобы погибнуть на темной одесской улице от бандитского ножа? — выговаривал он в трубку начальнику милиции.

Увы, справиться с преступным миром у городских стражей порядка силенок явно не хватало. Убедившись в этом, Жуков подписал приказ о выдаче офицерам на руки табельного оружия — для самообороны.

Однако это новшество не охладило пыл уголовников. Нападения на военных даже участились — по мнению руководства милиции, в целях завладения оружием. Выслеживали и нападали на одиночек-офицеров втроем-вчетвером. Отобранное оружие пополняло арсеналы бандитских шаек.

Городские власти не преминули использовать нарекания милиции против строптивого командующего. Тем более что у горкома и обкома партии были свои счеты с Жуковым.

Начало конфликта относится к первым месяцам пребывания Жукова в Одессе. Он объездил все военные городки, лично ознакомился с условиями боевой учебы и быта офицеров и солдат. Проблемой номер один было жилье для командиров. Его катастрофически не хватало. Бессемейные жили в казармах с солдатами. Семейные ютились в палатках.

Грипповали взрослые, не вылезали из лазаретов дети. От сырости и простуд то в одном гарнизоне, то в другом вспыхивали очаги туберкулеза. Некоторых военнослужащих приходилось комиссовать по болезни. Иногда без выслуги лет, что сказывалось на размере пенсии.

Жуков едва сдерживался, видя такое безобразие. Провел специальное заседание Военного совета округа — как решить жилищную проблему? Большие надежды возлагал на помощь местных властей, поскольку военное ведомство жилых домов для офицеров отпускало крайне мало. Что же касается Одесского округа, то выделяемая ему и без того скудная смета расходов урезалась в пользу других округов, поскольку пройдохи финансисты и интенданты знали, что им за это ничего не будет, что Жуков уже не пользуется прежним влиянием в Кремле.

Местные власти в Военном совете округа представлял первый секретарь обкома партии Алексей Илларионович Кириченко. Будучи по должности членом Военного совета, он прибыл на заседание, хорошо и складно говорил о святом долге помочь военным в решении жилищной проблемы, но никаких конкретных предложений не внес. Строительство новых домов потребует немало расходов, а городская и областная сметы по этим статьям давно исчерпаны. Залезать в другие — суши сухари и жди «воронка».

— Как? — изумился Жуков. — В городе нет резервного фонда?

— Ни одного метра, — не моргнул глазом секретарь обкома.

Он и в мыслях не допускал, что его словам не поверят. Партийный наместник Сталина в Одессе, Кириченко олицетворял там всю полноту власти. Его мнение — истина в последней инстанции, его решение — закон. Правда, еще недавно Жуков был на такой немыслимой верхотуре, что дух захватывало, и вряд ли знал о существовании какого-то Кириченко, но теперь роли поменялись. К тому же Кириченко был единственным во всей Одессе человеком, который знал истинную причину смещения Жукова со всех его постов в Москве и высылке из столицы. Одесский партийный вождь присутствовал на том пленуме ЦК, на котором маршала топтали все, кому не лень. И потому Кириченко явно переоценил свое положение, полагая, что опальный маршал будет вести себя в ссылке тише воды, ниже травы.

Не таков Жуков. Для него по-прежнему не существовало никаких авторитетов.

Можно представить гнев и возмущение сталинского партийного наместника в Одессе, когда ему доложили, что какие-то военные ходят по городу и выявляют незанятые квартиры и

излишки жилой площади. Кириченко связался с Жуковым:

— Кто дал им право?

— Я, — ответил маршал. — Они действуют по моему приказу.

— Но ведь это вопиющее самоуправство! — запротестовал секретарь обкома.

— Никакого самоуправства, — отрезал маршал. — Они являются членами комиссии по выявлению излишек жилплощади. Между прочим, в комиссии есть и депутаты горсовета. Насколько мне известно, они имеют право проверять.

Комиссия обнаружила немало пустовавших квартир, предназначенных для номенклатурных работников. Резерв обкома, горкома, областного и городского исполкомов, крупных предприятий составлял не одну тысячу квадратных метров. Подсчитали количество квартир, в которых проживали одинокие старушки. Почему бы не определить к ним постояльцев — офицеров? Пусть хозяева не боятся потерять жилплощадь — офицеры поселятся временно, без прописки. На кого-то уговоры потесниться действовали, кто-то сразу побежал жаловаться в обком.

Недовольных встречали с распростертыми объятиями. Наверное, это был первый случай в чиновничьей практике, когда жалобщикам откровенно радовались. Их долго и участливо расспрашивали, терпеливо протоколировали претензии, ненавязчиво, но настойчиво выуживали детали, которые можно было бы интерпретировать как произвол.

Получив обобщенную справку о характере жалоб обиженных, на которых и вправду в ряде случаев военные слишком сильно нажимали, заставляя взять на постой офицерские семьи, первый секретарь обкома позвонил в Москву: мол, командующий округом попирает советские законы, рвется к власти, игнорирует местное руководство. О звонке Кириченко в ЦК стало известно Жукову. Их личные отношения расстроились.

Жуков, взбешенный упреками обкома в наводнении города оружием, которое бандиты отбирали у военнослужащих, решил раз и навсегда покончить с преступностью в Одессе. Штаб округа получил указание командующего: разработать наступательную операцию по уничтожению бандформирований. Город был разделен на сектора, за которыми закрепили командиров воинских частей. Крупные силы были брошены на самые криминогенные зоны — вокзалы, рестораны, парки, скверы, окраинные районы. Вели круглосуточное патрулирование на улицах. Проводили одновременные засады, налеты, проверки в подвалах и на чердаках. Врывались в пользовавшиеся дурной

славой квартиры — конечно, без всяких там прокурорских ордеров и постановлений следственных органов. Задерживали всех, кто вызывал подозрение, везли в комендатуру, а утром передавали милиции. Иногда за ночь отлавливали до сотни лиц — нигде не работавших, без документов.

Случались и досадные проколы. Нередко жертвами облав становились случайные прохожие. Да и военные занимались не свойственными им функциями. Ловить бандитов должны сыщики. И снова местное партийное руководство сигнализировало в Москву: Жуков фактически установил в городе свою личную власть, подменил штабом округа областные и городские учреждения, включая органы внутренних дел, насаждает свой культ в войсках, вызывает к себе на «ковер» первого секретаря обкома. «Уберите от нас этого диктатора!» — взывал Кириченко.

Доклад Булганина

Для проверки сигналов, поступивших из обкома, в Одессу была направлена представительная комиссия министерства вооруженных сил во главе с недавно назначенным министром Н. А. Булганиным.

По протоколу командующий округом должен был встречать военного министра на вокзале. Жуков на перроне не появился. В момент прибытия спецпоезда из Москвы он находился на учениях в поле.

Приехавшая с Булганиным свита пребывала в растерянности. Безусловно, генералы, сопровождавшие министра, знали, что их патрона Жуков ни в грош не ставит. Да и некоторые из них тоже не были в восторге от полководческих талантов нового министра. Однако такое явное пренебрежение правилами приличия задело многих. Можно не уважать Булганина как личность, но военный министр — прямой начальник командующего округом, и последнему положено оказывать предусмотренные военным этикетом знаки внимания.

Вернувшись в Москву, Булганин так обмолвился относительно этого щекотливого момента на докладе у Сталина:

— Наш гордец не избавился от прежних замашек…

Сталин с усмешкой взглянул на Булганина. Этот эпизод его явно позабавил. Вытянутый в струнку Жуков, подобострастным рапортом встречающий Булганина? Нет, это был бы уже не Жуков. В стране только один человек, перед которым полководец мог стоять навытяжку, и этот человек — он, Сталин. Перед Булганиным навытяжку Жуков, да еще принародно, не встанет.

— Рассказывайте, товарищ Булганин, что вы увидели в

Одессе, у Жукова…

Доклад министра состоял из двух частей: военной (Жуков и округ) и гражданской (Жуков и обком).

— В боевой подготовке, товарищ Сталин, особых недостатков нет. Устройство войск улучшается. Больше всего претензий к стилю руководства командующего. Члены комиссии, побывавшие в гарнизонах, слышали одно и то же: Жуков жесток, беспощадно расправляется с командным составом. В одном полку, увидев грязные умывальники, вывел командира части на проходную и приказал дежурному выпроводить за ворота и в полк больше не пускать. Выгнал с совещания своего заместителя, генерала, только за то, что тот опоздал на две минуты — мол, надо являться вовремя, а не когда вздумается.

Булганин привел еще несколько примеров, свидетельствующих о необузданном нраве Жукова. Все перед ним трепещут, все ходят на цыпочках. Чуть что — сдирает погоны.

— С обкомом как? — глухим голосом спросил Сталин.

— Плохо, товарищ Сталин. Кириченко прав: городом и областью управляет штаб округа, вернее, сам Жуков.

— Захват жилья был?

— Был, товарищ Сталин. Очень много недовольных. К тем, кто упирался, не соглашаясь на подселение, применялось принуждение. Самовольно заселил пустовавшие квартиры, в том числе и из резервного фонда города и промышленных предприятий.

Доложив ряд других фактов, подтверждающих сигналы обкома партии о диктаторских замашках командующего округом, военный министр решил, что пора закругляться:

— У местного руководства никакой власти. Люди знают, кто решает вопросы. По самым пустяковым делам идут к Жукову, в штаб округа. Одесса — город курортный, десятки тысяч приезжих развозят слухи по всему Союзу о справедливом Жукове, пекущемся о простом народе, борющемся с произволом чиновников.

— И с преступностью, — то ли вопросительно, то ли утвердительно вставил Сталин.

— Насчет преступности, товарищ Сталин, такая картина. Действительно, пару месяцев после облав и налетов, чистки чердаков и подвалов на улицах было относительно спокойно. Армейские патрули похватали мелкую шушеру. Авторитеты преступного мира уцелели. Они ведь профессионалы своего дела, и ловить их должны тоже профессионалы. Матерые уголовники ушли на дно, затаились, а простодушные одесситы поверили, будто Жуков сделал то, чего не удалось городским властям —

уничтожил преступность. Он лишь очистил улицы от шпаны — это безусловно так. Но разве это входит в задачи округа?

— Пока вы были в Одессе и там проверяли товарища Жукова, мы тут, в Москве, тоже кое-что проверили, — внезапно сузил желтые зрачки Сталин.

Булганин вздрогнул. Проверяли проверяющего?

Секретный конверт

Через несколько минут военный министр понял, что ему лично беспокоиться не о чем. Вождь имел в виду вовсе не его.

Кого? Булганин терялся в догадках, но Сталин не возвращался к своей зловещей фразе. Попросив министра изложить доклад в письменном виде, он встал из-за стола, давая знать, что аудиенция окончена.

Оставшись один, подошел к сейфу и взял тоненькую папку с несколькими листками. Она будет обнаружена после смерти Сталина в его личном архиве, внимательно прочитана Хрущевым и по его указанию запечатана в. конверт. После устранения Хрущева пакет вскрывался несколько раз — каждый новый генсек проявлял любопытство к засургученным конвертам, недоступным даже «полным» членам Политбюро.

Гриф «Совершенно секретно». Сегодня он снят. Адресат — Совет Министров СССР, товарищ Сталин И. В.

«В соответствии с вашим указанием, 5 января с. г. на квартире Жукова в Москве был произведен негласный обыск.

Задача заключалась в том, чтобы разыскать и изъять на квартире Жукова чемодан и шкатулку с золотом, бриллиантами и другими ценностями…»

Когда Сталину доложили, что арестованный бывший адъютант Жукова майор Семочкин, показывая на следствии о грабежах и мародерстве некоторых советских генералов и офицеров в Германии, сообщил, что немало драгоценностей перепало и бывшему Главнокомандующему советскими оккупационными войсками, вождь не поверил. По словам Семочкина, уникальные золотые изделия чета Жуковых хранит в чемодане, который находится в их московской квартире. Семочкин дал подробное описание чемодана — габариты, цвет, материал.

Получив ошеломляющее заявление, следователи тут же доложили о нем наверх своему руководству. Министр госбезопасности Абакумов располагал к тому времени агентурными сведениями о причастности некоторых крупных генералов к барахольству в Германии. Упоминались имена

генерал-лейтенантов К. Ф. Телегина и В. В. Крюкова, жены последнего Лидии Руслановой, популярной в то время певицы. Компромат имелся на многих военных чинов. Но чтобы был замешан Жуков — это не укладывалось в голове.

Абакумов принес Сталину письменное заявление Семочкина. Сталин прочел, задумался.

— Жукова мы перевели в Одессу. По имеющимся данным, он глубоко переживает удаление из Москвы. Конечно, можно затребовать у него объяснения…

— Но тогда может исчезнуть главная улика, — несмело откликнулся Абакумов.

— Какая улика? — не понял Сталин.

— Чемодан с драгоценностями.

— Пожалуй, вы правы, — согласился Сталин. — Да травму нанесем, если выяснится, что это оговор. Надо бы поаккуратнее, потоньше. Зачем товарища Жукова раньше времени беспокоить?

— Понял, товарищ Сталин, — торопливо произнес Абакумов. — Разрешите произвести негласный обыск?

Сталин молча кивнул.

И вот донесение Абакумова о результатах поиска чемодана с вывезенными из Германии драгоценностями.

«В процессе обыска чемодан обнаружен не был, — вновь вчитывался Сталин в составленную лично самим Абакумовым конфиденциальную записку, — а шкатулка находилась в сейфе, стоящем в спальной комнате.

В шкатулке оказалось:

часов — 24 шт., в том числе: золотых — 17 и с драгоценными камнями — 3;

золотых кулонов и колец — 15 шт., из них 8 с драгоценными камнями;

золотой брелок с большим количеством драгоценных камней;

другие золотые изделия (портсигар, цепочки и браслеты, серьги с драгоценными камнями и пр.).

В связи с тем, что чемодана в квартире не оказалось, было решено все ценности, находящиеся в сейфе, сфотографировать, уложить обратно так, как было раньше, и произведенному обыску на квартире не придавать гласности.

По заключению работников, производивших обыск, квартира Жукова производит впечатление, что оттуда изъято все, что может его скомпрометировать. Нет не только чемодана с ценностями, но отсутствуют даже какие бы то ни было письма, записи и т. д. По-видимому, квартира приведена в такой порядок, чтобы ничего лишнего в ней не было».

Об обыске на даче Жукова разговора с Абакумовым не было.

Имелась в виду лишь московская квартира. Но Абакумов не был бы Абакумовым — энергичным, инициативным, что и помогло к 40 годам сделать головокружительную карьеру, — если бы действовал только в строго ограниченных рамках. Любое указание вождя он истолковывал в расширительном плане. В ночь с 8 на 9 января был произведен негласный обыск на даче Жукова в подмосковном поселке Рублево.

«В результате обыска обнаружено, что две комнаты дачи превращены в склад, где хранится огромное количество различного рода товаров и ценностей. Например: шерстяных тканей, шелка, парчи, пан-бархата и других материалов — всего свыше 4000 метров;

мехов — собольих, обезьянних, лисьих, котиковых, каракульчевых, каракулевых — всего 323 шкуры; шевро высшего качества — 35 кож; дорогостоящих ковров и гобеленов больших размеров, вывезенных из Потсдамского и др. дворцов и домов Германии — всего 44 штуки, часть которых разложена и развешена по комнатам, а остальные лежат на складе…»

Сколько же их было — работников, производящих обыск? Это же надо, с такой тщательностью все сосчитали: ценных картин и классической живописи больших размеров — 55 штук, дорогостоящих сервизов столовой и чайной посуды (фарфор с художественной отделкой, хрусталь) — 7 больших ящиков, серебряных гарнитуров столовых и чайных приборов — 2 ящика, аккордеонов с богатой художественной отделкой — 8 штук, уникальных охотничьих ружей фирмы «Голанд-Голанд» и других — всего 20 штук. На даче обнаружено более 50 громадных сундуков с добром! Кроме лежавшего навалом.

«…Дача Жукова, — читал далее Сталин, — представляет собой по существу антикварный магазин или музей, обвешанный внутри различными дорогостоящими художественными картинами: причем их так много, что 4 картины висят даже на кухне… Есть настолько ценные картины, которые никак не подходят к квартире, а должны быть переданы в государственный фонд и находиться в музее… Вся обстановка, начиная от мебели, ковров, посуды, украшений и кончая занавесками на окнах — заграничная, главным образом немецкая. На даче нет буквально ни одной вещи советского происхождения, за исключением дорожек, лежащих при входе в дачу. На даче нет ни одной советской книги, но зато в книжных шкафах стоит большое количество книг в прекрасных переплетах с золотым тиснением, исключительно на немецком языке. Зайдя в дом, трудно себе представить, что находишься под Москвой, а не в Германии…»

Абакумов докладывал, что по окончании обыска

обнаруженные меха, ткани, ковры, гобелены, кожи и остальные вещи сложены в одной комнате, закрыты на ключ и у двери выставлена охрана.

В Одессу направлена группа оперативных работников МГБ СССР для производства негласного обыска в квартире Жукова, о результатах которого Сталину будет доложено дополнительно.

«Что касается не обнаруженного на московской квартире Жукова чемодана с драгоценностями, о чем показал арестованный Семочкин, то проверкой выяснилось, что этот чемодан все время держит при себе жена Жукова и при поездках всегда берет его с собой.

Сегодня, когда Жуков вместе с женой прибыл из

Одессы в Москву, указанный чемодан вновь появился у него в квартире, где и находится в настоящее время.

Видимо, следует напрямик потребовать у Жукова сдачи этого чемодана с драгоценностями.

При этом представляю фотоснимки некоторых обнаруженных на квартире и даче Жукова ценностей, материалов и вещей».

Дата — 10 января 1948 года.

Фотоснимки в архиве не сохранились. Есть сведения, что Сталин, глубоко равнодушный к вещам, выбросил труд лубянских фотографов в урну еще при первом, беглом ознакомлении с запиской Абакумова.

Дочитав до конца, он в задумчивости потянулся к трубке прямого телефона, соединявшего с Абакумовым.

Кто брал рейхстаг, а кто Рейхсбанк

— Обыском на вашей квартире в Ленинграде обнаружено около сотни золотых и платиновых изделий, тысячи метров шерстяной и шелковой ткани, около 50 дорогостоящих ковров, большое количество хрусталя, фарфора и другого добра.

— Я не отрицаю, что привез из Германии много ценностей и вещей.

— Вам предъявляются фотоснимки изъятых у вас при обыске пяти уникальных большой ценности гобеленов работы фламандских и французских мастеров XVII и XVIII веков. Где вы утащили эти гобелены?

— Гобелены были обнаружены в подвалах германского Рейхсбанка, куда их сдали во время войны на хранение какие-то немецкие богачи. Увидев их, я приказал своему коменданту Аксенову отправить их ко мне на ленинградскую квартиру.

— 15 золотых часов, 42 золотых кулона, колье, брошей, серег и цепочек, 15 золотых колец и другие золотые вещи, изъятые у

вас при обыске, где вы украли?

— Так же, как и золотые браслеты, я похитил эти ценности в немецких хранилищах.

Представлю участников диалога. Вопросы задавал старший следователь следственной части по особо важным делам МГБ СССР подполковник Путинцев. Отвечал бывший начальник оперативного сектора МВД в Берлине, на момент ареста — министр государственной безопасности Татарской АССР Сиднев. Генерал-майор.

После отъезда Сиднева из Берлина в ноябре 1947 года были вскрыты крупные хищения ценных вещей и золота, в которых он был замешан. Сиднев показал на следствии, что в Берлине были захвачены огромные трофеи. В разных частях города ежедневно обнаруживались хранилища золотых вещей, серебра, бриллиантов и других ценностей. Вместо того, чтобы немедленно организовать их охрану и учет, трофеи разворовывались. Только один Сиднев вывез для себя более 40 битком набитых чемоданов, ящиков и тюков, в которых было много различного белья, высших сортов материи, меховых шуб, предметов антиквариата. Генерал выписал в Берлин своего родственника и назначил его в свой сектор оперуполномоченным. На самом же деле он занимался исключительно переправкой трофеев в Ленинград.

Оторопь берет при чтении протокола арестованного генерала. Кто-то штурмовал рейстаг, кто-то до сих пор спорит о смельчаках, первыми водрузивших красное знамя над поверженной имперской канцелярией. А кто-то брал рейхсбанк — тихо, без помпы, без шума. Мешки с деньгами и драгоценностями перевозили в подвал здания, которое занимал оперативный сектор МВД. Сиднев признал: да, значительная часть захваченных денег пошла на личное обогащение генералов. Ими присваивались астрономические суммы.

— Вряд ли найдется такой человек, который был в Германии, — показывал на следствии Сиднев, — и не знал бы, что Серов являлся, по сути, главным воротилой по части присвоения награбленного. Его самолет постоянно курсировал между Берлином и Москвой, доставляя без досмотра на границе всякое ценное имущество, меха, ковры, картины и драгоценности для Серова. С таким же грузом он отправлял в Москву вагоны и автомашины… Серов относился ко мне очень хорошо, потому что в подвале моего сектора хранились деньги и ценное имущество, которое я выдавал ему, когда он собирался в Москву. А ездил он часто, увозя с собой большое количество ценностей. Это были специальные радиолы, охотничьи ружья, изготовленные самим стариком Зауэром, которого отыскал где-то Серов, цейсовские

фотоаппараты, отделанные золотом сервизы.

— Кому Серов дарил изготовленные им по заказу ружья, радиолы, сервизы и фотоаппараты? — спросил следователь.

— Мне известно, что одну из радиол Серов подарил маршалу Жукову, несколько радиол было отправлено кому-то в Москву.

Имя Жукова появляется на последней странице протокола допроса.

Трудно сказать, сам Сиднев вспомнил, или умелый следователь направил разговор в нужное русло.

— Серов, помимо того, что занимался устройством своих личных дел, — продолжал арестованный, — много времени проводил в компании маршала Жукова, с которым он был тесно связан. Оба они были одинаково нечистоплотны и покрывали друг друга.

— Разъясните это ваше заявление, — встрепенулся следователь.

— Серов очень хорошо видел все недостатки в работе и поведении Жукова, но из-за установившихся близких отношений все покрывал… Серов и Жуков часто бывали друг у друга, ездили на охоту и оказывали взаимные услуги. В частности, мне пришлось по поручению Серова передавать на подчиненные мне авторемонтные мастерские присланные Жуковым для переделки три кинжала, принадлежавшие в прошлом каким-то немецким баронам. Несколько позже ко мне была прислана от Жукова корона, принадлежавшая по всем признакам супруге немецкого кайзера. С этой короны было снято золото для отделки стэка, который Жуков хотел преподнести своей дочери в день ее рождения.

Подписанный Сидневым протокол допроса Абакумов препроводил в тот же день на имя Сталина. В сопроводительном письме министр госбезопасности информировал об аресте бывшего начальника финансового отдела аппарата Серова в Германии Сачкова и бывшего начальника финотдела берлинского оперативного сектора МВД Новчина, которые «для того, чтобы замести следы преступлений, участвовали в сожжении документов о количестве наворованных Сидневым и другими ценностей и германских марок». Одновременно Абакумов просил разрешение на арест Тужлова, «активного жулика», бывшего секретаря Серова, в. то время слушателя Военного института МВД СССР.

В архиве Сталина сохранилась объяснительная записка Серова, в которой он напрочь отметает приписанные ему обвинения в присвоении трофейных ценностей, и полагает, что Абакумов сводит с ним счеты, пытаясь дискредитировать через

показания десяти арестованных им лиц, близких к Серову, включая двух его адъютантов.

У Абакумова тоже рыльце в пушку! Как известно, лучший способ защиты — нападение. Серов — Сталину: «Мне неприятно, товарищ Сталин, вспоминать многочисленные факты самоснабжения Абакумова во время войны за счет трофеев, но о некоторых из них считаю уместным доложить.

Наверное, Абакумов не забыл, когда во время Отечественной войны прибыл эшелон более 20 вагонов с трофейным имуществом, в числе которого ретивые подхалимы Абакумова из «Смерш» прислали ему полный вагон, нагруженный имуществом с надписью «Абакумову».

Вероятно, Абакумов уже забыл, когда в Крыму еще лилась кровь солдат и офицеров Советской Армии, освобождавших Севастополь, а его адъютант Кузнецов (ныне «охраняет» Абакумова) прилетел к начальнику Управления контрразведки «Смерш» и нагрузил полный самолет трофейного имущества. Командование фронтовой авиации не стало заправлять бензином самолет Абакумова на обратный путь, т. к. горючего не хватало для боевых самолетов, ведущих бой с немцами. Тогда адъютант Абакумова не растерялся, обманным путем заправил и улетел. Сейчас Абакумов свои самолеты, прилетающие из-за границы, на контрольных пунктах в Москве не дает проверять, выставляет солдат МГБ, несмотря на постановление правительства о досмотре всех без исключения самолетов».

И так далее'в том же духе. О трусливом поведении Абакумова в сорок первом, когда немцы стояли под Москвой — пошил себе и своим генералам болотные сапоги, чтобы легче было удирать из столицы. О том, как в тяжелые дни войны ходил по городу, выбирал девушек легкого поведения и водил их в гостиницу «Москва».

Такую вот защиту выбрал генерал Серов, топя генерала Абакумова. Рыльце в пушку, оказывается, было у обоих!

Интересно, а как оправдывался Жуков?

«Я исправлю допущенные ошибки…»

Сталин поручил Жданову встретиться с Жуковым и, как предлагал Абакумов, напрямик спросить у маршала насчет таинственного чемодана с драгоценностями.

Встреча состоялась 12 января 1948 года, на второй день после того, как Жуков приехал с женой из Одессы.

К сожалению, характер беседы секретаря ЦК с полководцем неизвестен. Она проходила с глазу на глаз и не

стенографировалась. Что сказал Жуков по поводу пресловутого чемодана, о котором ходило и поныне ходит столько слухов, в документальных источниках не зафиксировано.

В архиве сохранилась лишь объяснительная записка Жукова на имя Жданова, написанная маршалом в тот же день, 12 января, и скорее всего, в здании ЦК, после того как Жданов ознакомил его с заявлением Семочкина. В первом же абзаце объяснения Жуков называет заявление своего бывшего адъютанта клеветническим. Маршал отрицает все пункты обвинений — от враждебной настроенности к Сталину до разврата с женщинами в служебном кабинете, за что он награждал их орденами и медалями. Правда, интимную связь с 3-вой, которая во время войны числилась в команде охраны его поезда, честно признал.

По-военному четко Жуков излагает свою позицию и по главному вопросу — приписанных ему Семочкиным «алчности и стремлении к присвоению трофейных ценностей».

«Я признаю ошибкой то, что много накупил для семьи и своих родственников материала, — читаем в объяснительной маршала, — за который платил деньги, полученные мною как зарплату. Я купил в Лейпциге за наличный расчет:

1) на пальто норки 160 шт.,

2) на пальто обезьяны 40–50 шт.,

3) на пальто котика (искусств.) 50–60 шт. и еще что-то, не помню, для детей. За все это я заплатил 30 тысяч марок.

Метров 500–600 было куплено фланели и обойного шелку для обивки мебели и различных штор, т. к. дача, которую я получил во временное пользование от госбезопасности, не имела оборудования.

Кроме того, т. Власик просил меня купить для какого-то особого объекта метров 500. Но так как Власик был снят с работы, этот материал остался лежать на*даче.

Мне сказали, что на даче и в других местах обнаружено более 4-х тысяч метров различной мануфактуры, я такой цифры не знаю. Прошу разрешить составить акт фактическому состоянию. Я считаю это неверным.

Картины и ковры, а также люстры действительно были взяты в брошенных особняках и замках и отправлены для оборудования дачи МГБ, которой я пользовался. 4 люстры были переданы в МГБ комендантом, 3 люстры даны на оборудование кабинета Главкома. То же самое и с коврами. Ковры были частично использованы для служебных кабинетов, для дачи, часть для квартиры.

Я считаю, что все это поступает в фонд МГБ, т. к. дача и квартира являются в ведении МГБ. Все это перевозилось и

использовалось командой МГБ, которая меня обслуживает 6 лет. Я не знаю, бралось ли все это в расчет, т. к. я полтора года отсутствую (Жуков имеет в виду свое пребывание в Одессе с 1946 года. — *Авт.*) и моя вина, что я не поинтересовался, где, что состоит на учете…»

Относительно золотых вещей маршал заявил, что в основном это подарки от различных организаций. «Кольца и другие дамские безделушки приобретены семьей за длительный период и являются подарками подруг вдень рождения и другие праздники, в том числе-несколько ценностей, подаренных моей дочери дочерью Молотова Светланой. Остальные вещи в большинстве из искусственного золота и не имеют никакой ценности».

Любопытный штрих: в архиве сохранилось объяснение Молотова на имя Жданова от 21 января 1948 года. Жданов организовал тщательную проверку буквально каждого пункта, изложенного Жуковым в свое оправдание. Проверялся и факт дарения ценностей дочери маршала Светланой Молотовой. «Мною выяснено, что моей дочерью Светланой, — сообщал Молотов, — в 1945 году

был сделан один ценный подарок ко дню рождения подруги — дочери Жукова — золотое кольцо с бриллиантом, купленное в комиссионном магазине за 1200 рублей. Остальные подарки в аналогичных случаях — невинные безделушки».

Однако вернемся к объяснительной записке Жукова. «О сервизах. Эти сервизы я купил за 9200 марок, каждой дочери по сервизу. На покупку я могу предъявить документы и может подтвердить т. Серов, через кого и покупались сервизы, т. к. он ведал всеми экономическими вопросами.

О 50 тысяч, полученных от Серова и якобы израсходованных на личные нужды.

Это клевета. Деньги, взятые на случай представительских расходов, были полностью в сумме 50 тысяч возвращены начальником охраны МГБ Бедовым. Если б я был корыстен, я бы мог их себе присвоить, т. к. никто за них отчета не должен был спросить. Больше того, Серов мне предлагал 500 тысяч на расходы по моему усмотрению. Я таких денег не взял, хотя он и указывал, что т. Берия разрешил ему, если нужно, дать денег, сколько мне потребуется».

Далее — отчет о происхождении серебряных ложек, вилок и ножей. Они были присланы поляками в честь освобождения Варшавы и на ящиках имеется надпись, свидетельствующая о подарке. Часть тарелок и еще что-то было прислано как подарок от солдат армии Горбатова. «Все это валялось в кладовой и я не

думал на этом строить свое какое-то накопление. Я признаю себя очень виновным в том, что не сдал все это ненужное мне барахло куда-либо на склад, надеясь на то, что оно никому не нужно».

Обвинение в том, что Жуков соревновался в барахольстве с Телегиным, маршал называет клеветой. «Я ничего сказать о Телегине не могу. Я считаю, что он неправильно приобрел обстановку в Лейпциге. Об этом я ему лично говорил. Куда он ее дел, я не знаю».

В конце объяснительной Жуков дает «крепкую клятву большевика» — не допускать подобных ошибок и глупостей, просит оставить его в партии и заверяет, что исправит допущенные ошибки. Документ подписан не высоким воинским званием и не должностью. Под текстом стоит скромная подпись: «Член ВКП(б) Жуков».

Сталин, несомненно, прочел объяснительную. И окончательное решение было за ним, о чем свидетельствуют адресованная ему сопроводиловка Абакумова на бланке МГБ к следующему документу. В сопроводиловке есть фраза: «В соответствии с вашим указанием…».

Сам же документ имеет длинное название: «Акт о передаче Управлению делами Совета Министров Союза СССР изъятого Министерством государственной безопасности СССР у Маршала Советского Союза Г. К. Жукова незаконно приобретенного и присвоенного им трофейного имущества, ценностей и других предметов». Так официально было квалифицировано то, что хранилось у него в квартире и на даче.

К акту приложено 14 описей изъятого. Столовое серебро (ножи, вилки, ложки и другие предметы) — 713 штук, кольца золотые с драгоценными камнями — 16 штук, шерстяные ткани, шелка, парча, бархат, фланель — 3420 метров, меха — 323 штуки, художественные картины в золоченых рамах, часть из них представляет музейную ценность — 60 штук. Дворцовый золоченый художественно выполненный гарнитур гостиной мебели из 10 предметов, антикварные вазы, статуи, хрусталь…

Акт о передаче государству изъятого у Жукова незаконно припрятанного и присвоенного им трофейного имущества составлен 3 февраля. На следующий день появился приказ о переводе Жукова в Свердловск.

Ну и в чем здесь загадка, пожмет плечами читатель. Приведенные документы говорят сами за себя.

Однако документы создаются людьми. Вовлеченными в интриги своего времени.

Что же послужило первопричиной перемещения

Жукова из Одессы в Свердловск? Игнорирование партийного

руководства в Одессе? Демонстративное неуважение к военному министру Булганину? Или запутанная история с чемоданом, полным драгоценностей, который, похоже, так и не нашли?

Как попало имя выдающегося полководца в списки барахольщиков? Кому это было выгодно: Серову, Абакумову? Всплыло оно случайно, когда руководители спецслужб сводили между собой счеты, или главным объектом «трофейного» дела изначально был намечен Жуков?

Вот и не верь после этого утверждениям, будто Сталин любил Жукова. По «трофейному» делу тогда проходило много генералов с громкими именами. В тюрьму были брошены К. Ф. Телегин, В. В. Крюков и его жена Лидия Русланова, у которой тоже изъяли все незаконно приобретенные ценности. У Крюковой-Руслановой описали 110 полотен художников, множество золотых изделий с бриллиантами. Тайник с драгоценностями обнаружили у ее домработницы. Получается, правы те, кто считает: Сталин спасал полководца, уводя его подальше. от Москвы, где схваченные за руку генералы-барахольщики строчили доносы друг на друга и втягивали в свою мелкую мышиную возню военного гения XX века?

Глава 4
ОДИНОК, НО ОПАСЕН

Второго июня 1953 года заместитель министра обороны Маршал Советского Союза Г. К. Жуков обратился к Н. С. Хрущеву с письмом следующего содержания.

«Ко мне поступило заявление бывшего командира кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта Крюкова В. В., арестованного в 1948 году, с просьбой передать его в ЦК КПСС, — сообщал Георгий Константинович. — Крюкова В. В. знаю с 1931 года как одного из добросовестнейших командиров, храброго в боях против гитлеровских захватчиков. Прошу Вас, Никита Сергеевич, по заявлению Крюкова дать указание».

Времена изменились. Сталина уже не было в живых. Новые кремлевские правители вернули Жукова из Свердловска и назначили заместителем к Булганину. Весть о переменах долетела и до сибирской глуши, где отбывал наказание бывший генерал и Герой Советского Союза, а ныне заключенный п/я № 215 (603) г. Тайшет Иркутской области Крюков Владимир Викторович. Приговоренный к 25 годам исправительно-трудовых лагерей, Крюков обрел надежду на освобождение.

«Обязать Военную коллегию… полностью реабилитировать»

В архивах сохранилось письмо, с которым заключенный из Тайшета обратился к Жукову. «Прошу прощения, — говорится в нем, — что отрываю Вас от Ваших дел своим письмом, но мое положение, вынуждает меня к этому. Я направил 28.IV.53 г. по команде (через начальника лагеря) заявление в ЦК КПСС, но боюсь, что оно может по дороге «потеряться», а поэтому копию этого заявления направляю Вам с просьбой передать его в ЦК. Прошу Вас, наберитесь терпения и прочтите его, и тогда Вам станет ясно, какой я «преступник». И, если сможете, окажите посильную помощь в деле моем и помогите восторжествовать правде».

Сохранилось и заявление Крюкова в ЦК КПСС. Оно написано по «форме», принятой в местах отбывания наказания. Сверху фамилия, имя и отчество, год рождения. Осужден по статье 58–10 ч. 1 и Закону от 7.VIII.32 г.

По словам Крюкова, следователь капитан Самарин потребовал:

— Брось, не упорствуй и начинай давать показания. Нам все известно. Рассказывай о своей антисоветской деятельности и своих сообщниках…

— Я никогда не занимался никакой антисоветской деятельностью, а, следовательно, у меня не может быть никаких сообщников, — ответил подследственный.

— Врешь, нам все известно.

— Ну, раз вам все известно, так начинайте допрос по тем фактам, какие вам известны. Но я знаю, что у вас их нет, так как я не занимался антисоветской деятельностью.

Вскоре генералу пришлось сбавить тон. Бессонные ночи в кабинете следователя в течение месяца выдержать было трудно. Тем более что, как понял подследственный, его обвиняли в каком-то заговоре, во главе которого якобы стоит маршал Жуков.

Можно представить, что чувствовал Жуков, читая эти строки.

«Следователь сразу набросился на меня с криками и матом, чтобы я давал показания или он начнет меня избивать и при этом вынимает из портфеля резиновую палку и показывает ее мне, говорит: «Видишь? Или начнешь говорить или же она сейчас «походит» по тебе». Я заявил: «Я не отказываюсь давать показания, но я не знаю, что вам показывать, я ничего не знаю о заговоре и сам никакого участия в нем не принимал, давать же ложные показания я категорически отказываюсь». Следователь задает вопрос: «Бывал на банкетах у Жукова и Буденного и др.?» — «Да, бывал». — «Какие вопросы решались там?» — «О каких вопросах вы говорите? Были банкеты, как и каждый банкет: пели, ели, веселились, вот и все». — «Врешь, перестань упорствовать, нам все известно». — «Если вам все известно, что же вы от меня хотите? Уличайте меня тогда фактами». — «Я буду уличать тебя не фактами, а резиновой палкой. Восхвалял Жукова? Какие тосты говорил за него?» — «В чем же заключается мое восхваление Жукова? Я не знаю, где бы это воспрещалось участие на банкетах, причем официальных». — «Все ваши банкеты это только фикция одна, это не что иное, как собрание заговорщиков. Будешь говорить или нет? Даю 10 минут на размышление, после чего эта резиновая палка «походит» по тебе». Я сидел у стола и ждал своей участи, следователь разгуливал по кабинету с резиновой палкой в руке. «Ну, — говорит следователь, — будешь давать показания?» — «Никаких ложных показаний я давать не буду». Следователь позвонил по телефону, на его звонок явился майор, как видно, тоже следователь. Капитан Самарин схватил меня за плечи, ударил по ногам и повалил меня на пол. И началось зверское избиение резиновой палкой, причем били по очереди, один отдыхает, другой бьет, при этом сыпались различные оскорбления

и сплошной мат. Я не знаю, сколько времени они избивали меня. В полусознательном состоянии меня унесли в «бокс». На следующий день часов в 11–12 меня снова повели к следователю. Когда ввели в кабинет, меня снова капитан Самарин и тот же самый майор начали избивать резиновой палкой. И так меня избивали в течение четырех дней и днем и ночью. На пятый день меня вызвал зам. н-ка следственной части полковник Лихачев в присутствии следователя кап. Самарина. Первый вопрос, который задал мне Лихачев, был: «Ну, и после этого ты будешь упорствовать? Я заявил: «Я ложных показаний давать не буду». — «Ну, что же, начнем опять избивать. Почему ты боишься давать показания? Всем известно, что Жуков предатель, ты должен давать показания и этим самым облегчишь свою участь, ведь ты только «пешка» во всей этой игре. Подумай о своей участи и начинай давать показания». — «Сколько бы вы меня не били, я никаких ложных показаний давать не буду. Я категорически вам заявляю, что я ни в какой организации не состоял и ни о какой организации ничего не знаю…»

Далее Крюков сообщал, что следователь составлял протоколы допросов произвольно, так, как сам считал нужным. «Примером могут быть следующие протоколы: на вопрос следователя «Бывал ли я на квартире у Жукова?» — я ответил: «Да». — «О чем велись разговоры и в частности, что Жуков говорил о контрударе под Москвой?» — Я ответил: «Жуков не распространялся в подробностях об этом контрударе. Он сказал очень коротко. Вызвали к Верховному Главнокомандующему и сказали: вот задача, вот план, вот средства. Москву надо во что бы то ни стало удержать, вот и. все». Из моего ответа у следователя в протоколе появилось (примерно): Жуков умалял достоинство Верховного Главнокомандующего. Принимать парад 1 мая 1947 года был назначен маршал Жуков, а потом военный министр приказал в порядке очереди всем маршалам. Следователю были якобы известны какие-то высказывания Жукова по этому вопросу. Следователь настоятельно требовал от меня показаний по высказываниям. Я заявил, что я ничего не знаю, кроме того, что маршал Ж/ков перестал тренироваться в верховой езде. В протоколе следователя появилось совершенно другое. Будто бы Жуков выразил большое неудовольствие решением военного министра. На вопрос следователя: «Какие неудовольствия и высказывания сделал Жуков, когда вы ехали с совещания, которое было у командующего бронетанковыми войсками», я ответил, что я не слышал никаких высказываний Жукова, кроме того, что он сказал: «Бронетанковые войска, артиллерия, инженерные войска выходят из подчинения Главнокомандующего сухопутными

войсками». В протоколе записано, что Жуков выразил большое неудовольствие решением военного министра…»

По словам Крюкова, протоколы были составлены таким образом, будто он везде и всюду восхвалял Жукова и наконец, что он укрывал преступления Жукова, неизвестно какие. «Вначале я категорически отказался подписать эти протоколы. Посыпались вновь различные репрессии и я, надо прямо сказать, смалодушничал. Уж очень тяжелое состояние у меня было. Избитый, голодный, приниженный, бессонные ночи тоже давали себя знать. Я не выдержал и подписал. До сих пор я себе простить не могу. Но у меня теплится надежда, что придет время и я смогу сказать правду, почему я подписал».

Вторым обвинением против Крюкова было присвоение трофейного имущества. В письме из лагеря в ЦК КПСС он утверждает, что большая часть вещей, обнаруженных у него при обыске, не присвоена, а куплена. «Три автомашины, обнаруженные у меня, тоже значатся как присвоенные, а на самом деле нет». По его словам, значительная часть имущества принадлежала его жене Руслановой, и приобретена ею была еще до войны.

«Виновен ли я в присвоении трофейного имущества?» — дважды спрашивает он самого себя в заявлении из лагеря. И отвечает: да, виновен, но не в том количестве, которое ему приписали. И тут же признается: «Дело не в том, в каком количестве я присвоил трофейное имущество, дело в самом факте присвоения. Не к лицу коммунисту и советскому генералу заниматься подобными делами и этим самым позорить и то и другое. Я заслужил наказание, но за эти «тряпки», какие, как говорят, и «выеденного яйца не стоят», меня лишили доверия партии и правительства, лишили свободы на 25 лет (а это значит пожизненно, ибо мне уже 56 лет). Меня лишили семьи, звания и наград, кровью заработанных на поле брани. И я не верю, что это меня покарала партия и Советская власть. Это сделали враги партии и советского правительства…»

Письмо заканчивалось такими словами: «Я верил в то, что придет время, когда правда восторжествует и методы ведения следствия в быв. МГБ будут партией и Советской властью вскрыты. Это время настало и я решил теперь смело писать, зная, что мое заявление попадет по назначению, а не в папку следователя капитана Самарина. Я прошу ЦК КПСС назначить комиссию по пересмотру как моего дела, так и дела моей жены Руслановой».

Хрущев внимательно прочел как записку Жукова, так и приложенную копию письма тайшетского заключенного Крюкова.

Уже на следующий день, третьего июня, он рассылает полученные материалы членам Президиума ЦК КПСС. Маленков, Берия, Молотов, Ворошилов, Булганин, Каганович, Микоян, Сабуров и Первухин, каждый в отдельности, ознакомились с мнением Никиты Сергеевича, изложенным им лично: «Посылаю вам заявление Крюкова. По этому вопросу необходимо обменяться мнениями. Следовало бы проверить и пересмотреть это дело».

Пересмотрели. 11 июля 1953 года в Президиум Совета Министров СССР на имя Маленкова поступает документ за подписью министра обороны Булганина, генерального прокурора страны Руденко и главного военного прокурора Чепцова. Вносится предложение: «Обязать Военную коллегию Верховного суда Союза ССР пересмотреть дела на осужденных генералов и адмиралов». В числе находившихся в заключении генералов, в отношении которых предлагается прекратить дела и полностью реабилитировать, фамилия Крюкова В. В. Здесь же, в этом списке, уже знакомый нам генерал Сиднев, бывший заведующий оперативным сектором МВД в Берлине.

Раньше, при Сталине, Политбюро принимало решение: «Арестовать, судить и расстрелять». При Хрущеве — «Обязать Военную коллегию прекратить дела и полностью реабилитировать». Законы, судебные процедуры — все по боку. Главное — мнение верховного правителя.

Предоставляю возможность читателю самому поразмышлять над природой приведенных выше явлений. Эпизод с Крюковым и его женой Руслановой важен для прояснения той обстановки, которая в будущем сложится вокруг Жукова, снятого в октябре 1957 года с поста министра обороны.

Инцидент на поминках

Седьмого сентября 1959 года председатель Комитета государственной безопасности Шелепин прислал на имя Хрущева совершенно секретную записку. Глава государства счел необходимым обсудить ее на заседании Президиума ЦК КПСС. После обмена мнениями Президиум решил поручить секретариату ЦК «принять необходимые меры в связи с фактами, изложенными в записке, КГБ (т. Шелепина) от 7 сентября 1959 года № 2668-ш».

Что же это за факты? «19 августа сего года, — докладывает шеф КГБ, — по случаю смерти генерал-лейтенанта Крюкова жена последнего, известная певица Русланова, устроила поминки, на которых в числе других были Маршалы Советского Союза тт. Буденный С. М. и Жуков Г. К.

В процессе беседы среди присутствующих был поднят вопрос и о принятом Постановлении Совета Министров Союза ССР № 876 от 27 июля 1959 года о пенсиях военнослужащим и их семьям.

Тов. Жуков по этому вопросу заявил, что если он был бы Министром обороны, он не допустил бы принятие Правительством нового Постановления о пенсиях военнослужащим и их семьям.

Далее он сказал, что тов. Малиновский предоставил свободу действий начальнику Главного Политического Управления генералу армии Голикову, а последний развешивает армию.

«В газете «Красная звезда», — продолжал Жуков, — изо дня вдень помещают статьи с призывами поднимать и укреплять авторитет политработников и критиковать командиров. В результате такой политики армия будет разложена».

Высказывания Жукова по этому вопросу были поддержаны тов. Буденным».

На поминках Крюкова были тайные осведомители КГБ! Можно представить, в каких высоких воинских званиях они пребывали, если в тризне участвовали маршалы и генералы.

Первым на ковер в ЦК потащили старика Буденного. Л. И. Брежнев и А. И. Кириченко (тот самый, старый знакомый Жукова по Одессе) потребовали объяснений от маршала: какие такие крамольные разговоры он вел с Жуковым? Не удовлетворившись устными расспросами, два секретаря ЦК вынудили сесть старого рубаку за перо.

«На поставленные мне тт. Л. И. Брежневым и А. И. Кириченко вопросы, — выводил негнувшимися пальцами Буденный, — о том, что был ли я 19 августа на похоронах и на поминках генерала Крюкова вместе с маршалом Жуковым, где он якобы в моем присутствии говорил о развале армии, о необоснованном возвышении тов. Голикова В. Ф. и принижении тов. Малиновского Р. Я., а также по пенсиям военнослужищих?

Отвечаю. 1. На похоронах генерала Крюкова не был (был занят на заседании президиума ЦК ДОСААФ).

2. Жукова я видел всего минут 5—10, во дворе дачи Руслановой, когда я вечером (около 7 часов) с женой пошел к Руслановой, чтобы оказать человеку внимание в тяжелую минуту. В то время присутствующие на поминках разъезжались. Среди них был и маршал Жуков.

При этой встрече маршал Жуков ни о чем подобном не говорил».

Ай да Семен Михайлович! Светлая голова, даром что премудростям изящной словесности не обучен.

В ЦК вызвали и Жукова. Объяснений потребовал сам Шверник, глава Комитета партийного контроля. Разбирательство инцидента шло почти два месяца. Итогом его стал такой вот документ.

«Комитету партийного контроля при ЦК КПСС стало известно, — докладывал запиской в ЦК КПСС Шверник 27 ноября 1959 года, — что во время похорон генерал-лейтенанта Крюкова во 2-м доме Министерства обороны СССР, между Маршалом Советского Союза т. Жуковым Г. К. и генерал-майором запаса т. Ревякиным В. А. зашел нездоровый, принявший политически вредный характер разговор о постановлении Совета Министров СССР от 27 июля 1959 года о пенсиях военнослужащим и их семьям.

По объяснению в КПК т. Жукова, вопрос о сокращении пенсий поднял т. Ревякин, который обратился к нему с заявлением, что «обижать нас, стариков, стали, и теперь тяжеловато будет с новой пенсией». Продолжая разговор, т. Ревякин заявил т. Жукову, что среди отставников и запасников ведется много нежелательных разговоров и что «в снижении пенсий обвиняют Малиновского».

Однако т. Жуков, как старший по званию и тем более как бывший министр обороны СССР, не разъяснил т. Ревякину весь вред подобного его политически нездорового поведения и, зная, что т. Ревякин обеспечен в материальном отношении более чем достаточно, не сделал из всего этого необходимых выводов. Он даже поддержал этот непартийный разговор, направленный, с одной стороны, против мероприятий партии и правительства по упорядочению пенсионного дела, и, с другой, — на дискредитацию нового руководства Министерства обороны СССР.

В своем объяснении в КПК т. Ревякин по этому поводу так и заявил: «Слушая мое мнение, т. Жуков сказал, что когда разбирался вопрос еще о первом снижении пенсии, то имелось в виду первое снижение сохранить на более длительное время. Я тут же сказал, что видимо министр, маршал Малиновский, недостаточно твердо отстаивал перед правительством сохранить еще на некоторое время существующие пенсии. На этом разговор о пенсиях кончился».

Вопрос о неправильном поведении члена КПСС с 1918 года т. Ревякина В. А. и члена КПСС с 1919 года т. Жукова Г. К. обсужден на заседании КПК в их присутствии.

В своем объяснении т. Жуков дал правильную оценку своему поведению, заявил, что вначале он не придал разговору с Ревякиным должного значения и что в настоящее время сделал для себя необходимые выводы. Не отрицал своего неправильного поведения и т. Ревякин.

Учитывая все это, Комитет партийного контроля решил ограничиться обсуждением этого вопроса».

Как видим, была предпринята мера воспитательного, профилактического характера. В ЦК дали понять: нам все известно. Намекнули: ваша песенка, товарищ маршал, спета. Играйте в домино и ловите рыбку.

Надо отдать должное интуиции Хрущева. Опасаться Жукова были основания. Прославленного полководца войска помнили. Шелепин постоянно докладывал в ЦК о настроениях в армии и особенно среди офицерского состава. Симпатии командиров были явно не на стороне нового политического и военного руководства. В разговорах офицеры постоянно вспоминали Сталина и Жукова, называли их защитниками, не дававшими военных в обиду. Недовольство новым пенсионным законодательством сквозило в агентурных данных КГБ из всех военных округов. В иных частях звучали призывы к забастовкам, к протестам против ущемления офицерских прав. Предлагалось завалить ЦК письмами и рапортами об увольнении из армии.

Шелепин приводил некоторые высказывания, зафиксированные агентурой. «Пока ты нужен, тебя держат, не нужен — выталкивают на все четыре стороны и иди, хоть в банду, никто не думает о ненужном человеке», — заявил молодой офицер В. Рощупкин. «У нас что хотят, то и делают, — произнес полковник П. Диков. — В любом капиталистическом государстве этого не допустили бы». Полковник Морозов: «Сейчас приравнивают всех к одной мерке — и тех, кто воевал, и тех, кто торговал газированной водой».

В докладах Шелепина отмечалось: многие военнослужащие сожалеют, что министр обороны не Жуков. Он бы не допустил такого, не дал бы армию в обиду. По некоторым данным, наиболее отчаянные головы собирались обратиться за помощью к любимому полководцу. Возможно, Хрущев не стал испытывать судьбу и приказал держать опального маршала под колпаком, контролировать каждый шаг, каждый разговор.

Сменивший Шелепина на посту председателя КГБ Семичастный неуклонно следовал хрущевской установке, регулярно информируя Никиту Сергеевича о настроениях Жукова и его контактах с окружающими. Позднее Жуков вспоминал, что, опасаясь обвинения в заговоре, не встречался даже с маршалом Василевским, чей сын, майор, был женат на Эре, старшей дочери Георгия. Константиновича. Ограничивал общение лишь телефонными звонками по случаю праздников.

«Жучки» в спальне

12-го июня 1963 года Жукова вызвали в Москву, в ЦК КПСС. Оставшаяся на даче в Сосновке жена с беспокойством ждала возвращения мужа.

Наконец он появился — темнее тучи. Долго молчал. Разговорился только ближе к ночи, когда укладывался спать.

— Брежнев снова мозги пудрил. Вместе с Сердюком…

— А это кто такой? — спросила жена.

— Заместитель Шверника, председателя Комитета партийного контроля.

— И что им было нужно?

— Мы вызвали вас для того, сказал Брежнев, чтобы поговорить с вами и предупредить вас о некоторых вещах. У вас бывают всякие друзья, и вы бываете у друзей. Мы, конечно, не против того, что вы с кем-то встречаетесь, но вот при встречах у вас ведутся непартийные разговоры. Вы рассказывали, как готовился Пленум в 57-м году и при этом давали весьма нелестные характеристики Хрущеву, Брежневу и другим членам ЦК. Значит, у вас до сих пор нет согласия с решением ЦК, и вы где-то нелегально пытаетесь вести борьбу с линией Центрального Комитета. Если это так, то это дело довольно серьезное.

Жуков помолчал, вспоминая трудный разговор на Старой площади.

— Второй вопрос, что ведутся непартийные разговоры в отношении космоса. Что правительство ведет неразумную политику в отношении чрезмерных затрат на ракеты, чтобы Гагарин полетел, эта ракета стоила 4 миллиарда рублей. Что вообще у нас нет бережливости, руководство с купеческим размахом разбрасывает средства на помощь слаборазвитым странам. Что устраивают разные приемы, по несколько тысяч людей созывают, всякие подарки дорогие раздают и прочее. Что, мол, при Сталине было по-другому. Все осудили Сталина, его оторванность от народа и прочее. В то время как весь народ, вся партия радуется нашим достижениям в отношении космоса, у вас получается несогласие с линией партии в этом вопросе.

Жуков снова замолк, потом решительно загнул очередной палец на руке:

— Третье. Вы, говорят, продолжаете разговор о Малиновском, что он угодник, подхалим и всякая такая штука. Малиновский пользуется доверием ЦК. Он член ЦК, министр, пользуется доверием Хрущева и что такие непартийные разговоры подрывают авторитет ЦК.

Жена слушала молча, давая выговориться.

— Четвертый вопрос. Что у нас неправильно пишется история Великой Отечественной войны, что она лакируется, что пишется

она в интересах определенных людей, что умалчиваются заслуги одних и выпирают заслуги тех, кто не заслужил их. Особенно подчеркиваете, кто привел немцев на Волгу. Кто неудачно руководил операцией. И что немецкие генералы пишут историю гораздо правдивее, чем пишут наши, комиссия ЦК. Затем, что я не согласен с оценкой помощи, которую оказывали американцы. В отношении, дескать, транспортных средств, металла и прочего. В то время, мол, когда каждому ясно, какие жертвы понесли мы и какие американцы.

— Шестой вопрос…

Жуков забыл, что не загнул пятый палец при упоминании об американцах.

— Шестой вопрос, — жестко повторил он. — Что мы вас вызвали поговорить по-товарищески, что эти вещи недопустимы и что если они будут продолжаться, то мы вынуждены будем поставить вопрос на Президиуме ЦК о суровой партийной ответственности. Кажись, все.

— И что ты им сказал? — спросила жена.

— Я сказал, что постановление 1957 года я принял как коммунист и считал для себя законом это решение. И не было случая, чтобы я его где-то в какой-то степени критиковал. Я хорошо знаю Устав партии и нигде никогда не говорю за исключением того, что я лично до сих пор считаю, и это тяжелым камнем лежит у меня на сердце. Я не могу смириться с той формулировкой, которая была в постановлении. Постановление было принято без меня, и я не имел возможности доказать обратное, это вопрос об авантюризме. Где же и когда я был авантюристом? В каких делах я был авантюристом? Я, 43 года находясь в партии, отвоевав четыре войны, потерял все здоровье ради Родины, я где-нибудь позволял какие-нибудь авантюрные вещи? Где факты? Фактов таких нет. И, откровенно говоря, эта неправдивая оценка до сих пор лежит тяжелым камнем у меня на сердце. Я вам прямо об этом и заявляю.

— Правильно, — одобрила жена.

— Относительно оценки, критики Пленума сказал, что я никаких разговоров не вел. Пусть придет этот человек, и заявит здесь в моем присутствии. Я даю голову на отсечение, что я таких разговоров не вел, я вообще никуда не хожу, ни с кем не встречаюсь. Мало ли меня люди приглашали зайти побеседовать, но я чувствую, что моей особой интересуются, видимо, хотят что-то узнать, послушать, поэтому я избегаю всяких встреч и нигде не бываю, за исключением Карманова — соседа по даче, еще там пара человек, полковник один с женой, человека четыре у меня знакомых и больше никого нет. Я нигде не бываю, вообще ушел

от мира сего и живу в одиночестве, так как чувствую, что меня на каждом шагу могут спровоцировать… Месяца три спустя после Пленума я встретил Конева. Он спросил, почему я не захожу? Я ответил: «Чего мне заходить, я нахожусь в отставке». Он поговорил как, что, а потом заявил: «Ты все-таки наш старый товарищ, почему не зайдешь поговорить?». Я говорю: «Какой же старый товарищ, когда ты всенародно там сказал, что я никакой тебе не товарищ и не друг». — «Ну тогда мало ли что было, знаешь, какая обстановка была. Тогда нам всем казалось, что дело пахнет серьезным…»

— А о войне? — напомнила жена.

— Да, относительно истории Отечественной войны. Это, говорю, разговор в пользу бедных, я по этому вопросу ни с кем не разговаривал. Может быть, в какой-то степени разговор был, но его переиначили. И преподнесли именно так, как говорится здесь. Относительно того, кто привел немцев на Волгу. Персонально никто не может привести, вы же сами понимаете.

Что же касается немецких генералов, как они пишут, правдиво или нет. Я сказал: вы можете посмотреть мои заметки на книгах, которые я прочитал, а их очень много. Я считаю, что более неправдивой истории, чем написали немецкие генералы, я никогда не встречал, не читал. У меня такие заметки, правда, имеются. Так что это, говорю, вещь, безусловно, натянутая. Видимо, человек, который об этом говорил или сообщал, он передает свое мнение и приписывает мне. Насчет американской помощи то же самое. Я, говорю, много выступал, много писал статей, в свое время выступал публично и давал соответствующую оценку американской помощи и жертв во второй мировой войне. Так что это то же самое натянутая откуда-то вещь.

— И о Малиновском кто-то наплел. Кому это все надо? — произнесла жена.

— Относительно Малиновского я сказал прямо — эту личность не уважаю. Как человека я его не уважаю. Это мое личное дело. Мне никто не может навязать, чтобы я его уважал, чтобы я ему симпатизировал. Что касается вот этих разговоров относительно Малиновского. В свое время его старая жена написала такое тревожное письмо, и мне было поручено вести следствие, я его вызвал с Дальнего Востока и расследовал. Этот материал был передан министру обороны Булганину. Где эти материалы, не знаю. О чем там сообщалось? О том, что Малиновский вопреки тому, чтобы вернуться на Родину, задержался во Франции в марокканских частях, якобы поступил туда добровольно служить до 20-го года. И тогда, когда уже разгромили Колчака, он почему-то через Дальний Восток, через

линию фронта Колчака поступил добровольцем в Красную Армию.

Эти вещи достаточно известны были в Главном управлении кадров. Щаденко об этом говорил. И Сталин не доверял Малиновскому. Он в свое время был у меня начальником штаба. Я его просил на Халкин-Гол к себе, но мне было отказано по политическим соображениям, что он не может быть назначен. Какой же это человек? Пользуясь присутствием Хрущева на Дальнем Востоке, он позволил в отношении меня провокационные вещи. Говорил: «Вы смотрите там за Жуковым. Он вас всех там за горло возьмет». Разве я могу уважать этого человека, который так провокационно такую вещь позволил по отношению ко мне? А потом выступает с трибуны съезда и ему вторит Голиков, что это, мол, Бонапарт, это Наполеон, который стремился к захвату власти сначала в армии, потом в стране. Если я стремился, если у меня были какие-то акты в этом отношении, какие-то акции, тогда почему же меня не арестовали? Если действительно какие-то организационные начала в этом деле были заложены. Ясно, что я его не только не уважаю, я ему не доверяю. Это мое личное дело.

— А они? Георгий, что они говорили?

— Мол, не мы же сами все выдумали. Может быть, что-то прибавлено лишнее, но какие-то разговоры были, значит, что-то такое есть. Они меня обвиняли в том, что я как коммунист должен был пресечь, резко оборвать этих людей и не допускать разговоров. Раньше обходилось без последствий, меня оставили в партии, создали соответствующие условия, и сейчас, мол, они со мной разговаривают не в порядке какого-нибудь такого, а в порядке предупреждения.

— А ты им?

— Сказал, что не боюсь, пожалуйста. Понимаю, что моей личностью многие интересуются, знают, что я много знаю, поэтому каждый старается где-то слово какое-то услышать. Я это совершенно отчетливо понимаю, поэтому я больше всего боюсь провокаций и всяких сочинительств. Можете, говорю, в партийной организации завода справиться. Никогда там таких разговоров не велось, несмотря на то, что со мной пытались многие заговорить. Я уклонялся от ответа, или давал такие ответы, какие полагается. Но вот что касается вашего вызова, вашего разговора, то я считаю, что он, безусловно, полезен. Во всяком случае он заставляет меня присмотреться к людям, к моим товарищам, которые меня окружают. Я вам весьма благодарен за то, что меня пригласили. У меня спросили: «Значит вы довольны, что мы вас вызвали?».

Я говорю: «У меня нет оснований быть недовольным». Они добивались признания, доволен я или нет, как я реагирую. Я сказал, что я весьма признателен. Беседовавшие сказали: «Вот видите, мы достаточно чутко и уважительно к вам относимся». Я сказал им: «Спасибо вам за такую чуткость и за такое уважение». Но потом я говорю: «Вот я пять-шесть лет по существу ничего не делаю, но ведь я еще работоспособный человек». Это я в порядке разведки. «Я физически, слава богу, чувствую себя хорошо и умственно до сих пор чувствую, что еще не рехнулся и память у меня хорошая, навыки и знания хорошие, меня можно было бы использовать. Используйте. Я готов за Родину служить на любом посту».

— И что они сказали?

— Что это будет зависеть от моего дальнейшего поведения. Я говорю: «Поведение у меня всегда партийное, но вот видите, тут не совсем хорошо получается. А потом, почему меня, собственно, отбросили, я не понимаю. Я Родине отдал почти всю жизнь. Меня даже лишили возможности работать в этой группе». (Жуков имел в виду группу генеральских инспекторов Министерства обороны, куда автоматически зачисляли маршалов и четырехзвездных генералов после оставления ими своих постов. — *Н.З.)* Объясняю им: «Я читаю и пишу. Я могу показать, что я пишу. Ничего плохого я не пишу. Передайте, говорю, привет Никите Сергеевичу, поблагодарите его за внимание».

— Они дружелюбно к тебе отнеслись? Как ты понял? — поинтересовалась жена.

— Нет, ничего. А Сердюк особенно хорош. Я бы сказал, разговор велся правильно. К Ним поступили материалы, они обязаны были разобраться, в чем дело, почему вдруг такие разговоры с моей стороны. Им надо было выяснить лично у меня.

Такой вот разговор состоялся у Жукова с женой. Он был записан службой прослушивания КГБ, распечатан и 17 июня 1963 года доложен Хрущеву специальным сообщением за подписью председателя КГБ Семичастного. «Жучки» стояли даже в маршальской спальне.

А теперь о материалах, которые послужили поводом для вызова Жукова в ЦК. Их снова обсуждал Президиум ЦК КПСС и вынес решение: «Поручить тт. Брежневу, Швернику и Сердюку вызов в ЦК Жукова для предупредительного разговора с ним в соответствии с состоявшимся обменом мнениями на заседании Президиума ЦК». На выписке из протокола заседания Президиума ЦК КПСС от 7 июня 1963 года рукой Брежнева написано: «В соответствии с поручением я и тов. Сердюк вызывали Жукова и провели необходимую беседу. Л. Брежнев. 12.06.63.».

И последний документ, послуживший основанием для обсуждения вопроса на Президиуме ЦК и вызове Жукова на Старую площадь. Он носит гриф «Сов. секретно» и отпечатан на бланке КГБ СССР.

Товарищу Хрущеву Н. С.

Докладываю Вам некоторые сведения, полученные в последнее время о настроениях бывшего Министра обороны Жукова Г. К.

В беседах с бывшими сослуживцами Жуков во всех подробностях рассказывает о том, как готовилось и проводилось заседание Президиума ЦК КПСС, на котором он был отстранен от должности Министра обороны, и допускает резкие выпады по адресу отдельных членов Президиума ЦК:

«Все это дело можно было по-другому отрегулировать, ~ говорил Жуков, — если бы я мог низко склониться, но я не могу кланяться. А потом, почему я должен кланяться? Я ни в чем не чувствую вины, чтобы кланяться. Все это приписано было конечно с известной целью…»

В разговоре с одним из своих сослуживцев по армии Жуков следующим образом отозвался о Малиновском Р. Я..

«… Это хитрый человек, он умеет подхалимничать. Он никогда против слова не скажет. «Слушаю». «Есть». Он свое мнение прячет далеко и старается угодить. А такие сейчас как раз и нужны…»

В беседе с генерал-майором в запасе И. М. Кармановым Жуков заявил: «У нас… неразумно купеческий размах в отношении помощи. В космическое пространство вылетают миллиарды. На полет Гагарина израсходовано около 4 миллиардов рублей. Никто ни разу не задал вопроса, во что обходятся все эти приемы, все эти поездки, приезды к нам гостей и прочее. Жене Бидо сделали соболью шубу, я видел. Жене другого члена делегации был подарен бриллиантовый набор, в котором находилась бриллиантовая брошь в 12 карат… Это все сейчас доходит до широких масс людей… У Сталина было много нехороших черт, но в небе-релсливости государственной копейки его никто не может упрекнуть. Приемов он не

так много сделал, подарки он никому не давал, кроме своего автографа на книге…».

В другой беседе по поводу издания «Истории Великой Отечественной войны» Жуков говорил:

«… Лакированная эта история. Я считаю, что в этом отношении описание истории, хотя тоже извращенное, но все-таки более честное, у немецких генералов, они правдивее пишут. А вот история Великой Отечественной войны абсолютно неправдивая.

Вот сейчас говорят, что союзники никогда нам не помогали… Но ведь нельзя отрицать, что американцы нам гнали стольно материалов, без которых мы бы не могли формировать свои резервы и не могли бы продолжать войну… Получили 350 тысяч автомашин, да каких машин!.. У нас не было взрывчатки, пороха. Не было чем снаряжать винтовочные патроны. Американцы по-настоящему выручили нас с порохом, взрывчаткой. А сколько они нам гнали листовой стали. Разве мы могли быстро наладить производство танков, если бы не американская помощь сталью. А сейчас представляют дело так, что у нас все это было свое в изобилии.

Это не история, которая была, а история, которая написана. Она отвечает духу современности. Кого надо прославить, о ком надо умолчать… А самое главное умалчивается. Он же был членом Военного совета Юго-Западного направления. Меня можно ругать за начальный период войны. Но 1942 год — это же не начальный период войны. Начиная от Барвенкова, Харькова, до самой Волги докатился. И никто ничего не пишет. А они вместе с Тимошенко драпали. Привели одну группу немцев на Волгу, а другую группу на Кавказ. А им были подчинены Юго-Западный фронт, Южный фронт. Это была достаточная сила. Я не знаю, когда это сможет получить освещение, но я пишу все как было, я никого не щажу. Я уже около тысячи страниц отмахал. У меня так рассчитано: тысячи 3–4 страниц напишу, а потом можно отредактировать…».

— По имеющимся у нас данным, Жуков собирается вместе с семьей осенью выехать на юг в один из санаториев МО. В это время нами будут приняты меры к ознакомлению с написанной им частью воспоминаний.

Председатель Комитета госбезопасности В. Семичастный

У Хрущева началась новая головная боль: а как напишет о нем Жуков? Ведь членом Военного совета Юго-Западного направления был он, Никита Сергеевич.

Сталин, Хрущев, Брежнев… Абакумов, Шелепин, Семичастный…

Менялись генсеки, руководители тайных политических служб. Но подозрения, негласные обыски и подслушивания не прекращались. Неординарный это был человек — Георгий Константинович Жуков.

Наверное, еще не скоро улягутся споры о его месте в отечественной истории.

СТО ДНЕЙ И ВСЯ ЖИЗНЬ ЛАВРЕНТИЯ БЕРИИ

Глава 1
ПРЕДТЕЧА ПЕРЕСТРОЙКИ?

О личности этого человека писать крайне трудно. Вот уже сорок лет к его фигуре прочно приклеился ярлык «зловещая». Исторически правильнее было бы сказать: загадочная, интригующая и, не побоюсь этого слова, в чем-то даже провидческая.

Увы, не факты определяют нашу историю, а мифы и вымыслы. И раньше до меня доходили приглушенные разговоры о том, что Берия был отцом атомной бомбы в СССР, что именно ему было поручено курирование разработки этого страшного оружия. Второе лицо в государстве — и вдруг иностранный шпион! Все это более-менее самостоятельно мыслящим людям казалось, мягко говоря, неубедительным.

Традиционно сложившийся и даже окрепший в перестроечной литературе и публицистике взгляд на Берию как на исчадие ада, отвратительную, мерзкую личность, злого тирана и палача первым поколебал писатель Иван Щеголихин, проживающий в Алма-Ате. Правда, случилось это уже в постперестроечные времена. Во втором номере за 1992 год в казахском журнале «Простор» появилась его повесть «День Лазаря» — о судьбе интеллигенции в годы горбачевской смуты.

Чем же поверг в шоковое состояние своих читателей русскоязычный писатель из столицы суверенного Казахстана? Его главный персонаж, литератор Лисин, собирается дать интервью журналистке молодежной газеты. В преддверии встречи он размышляет: о чем вести диалог? Может, о Берии? А что? Но не про лагеря, это пошлость, они были и будут, в России все возвращается. Может, поговорить о лжесвидетельстве как методологии нашей журналистики, а если шире, то и всей советской истории? Только заранее оговорить, что все факты подтверждаются документами. Итак…

Кто первый на уровне ЦК партии назвал Сталина тираном и предложил членам ЦК ознакомиться с многочисленными фактами жестокости Сталина, злоупотребления властью, насилия и произвола?

Хрущев, конечно же, на XX съезде в 1956 году, уверенно скажете вы. Но это ложь. Начал — только не пугайтесь — Берия. И на три года раньше Хрущева. Верхушка партии сразу же начала роптать: как это так, правая рука самого Иосифа Виссарионовича позволяет себе такое коварство, такое предательство. Так что

вовсе не Хрущев первым начал разоблачение культа личности. И об этом прекрасно знали многие члены ЦК, славословя мужество и смелость Никиты Сергеевича. Собственно, ничего нового Хрущев не изобрел — он воспользовался идеями Берии, точь-в-точь как в свое. время Сталин — идеями Троцкого. С той лишь разницей, что Сталин убил своего соперника не сразу, а спустя несколько лет после высылки из Советского Союза, Хрущев же не стал испытывать судьбу и, учитывая урок истории, безжалостно расправился со своим конкурентом, не откладывая.

Пойдем дальше. Кто предложил объединить обе Германии? Горбачев с Шеварднадзе? Так могут считать только дилетанты. Более чем за тридцать лет до горбачевской перестройки, в 1953 году на Пленуме ЦК Берия заявил, что не надо нам строить социализм в Германии, пусть они объединятся как мирные буржуазные государства. И снова эта идея повергла в ужас Молотова, Маленкова, но более всего маршалов и других военачальников: за что сражались?

Берия предлагал наладить отношения с Югославией — с гневом отвергли. Предлагал ограничить власть партии и все государственные вопросы: промышленности, сельского хозяйства, внешней и внутренней политики — решать не в ЦК, а в Совете Министров. Первым против выступил Хрущев, закричал: это не марксистский взгляд на партию, не этому учили нас Ленин и Сталин. Вспомните десять лет, которые Хрущев пробыл у власти. Он ведь действовал, как самодур, как и его предшественник Сталин. У курицы тоже сохраняется инстинкт орла-стервятника.

Берия прекратил дело врачей, но даже это ему поставили в вину. Берия выпустил из лагерей огромную массу бытовиков, всех женщин, имеющих детей, надо бы., спасибо сказать, но их впоследствии всех подряд назвали уголовниками, а Берию обвинили в том, что он умышленно хотел дестабилизировать обстановку. Ни в одной стране мира никогда не осуждалась обществом ни одна амнистия заключенных — только у нас, в нашей печати, устами нашей неумолимо, неистребимо передовой интеллигенции. Это к вопросу о лжесвидетельстве как методологии советской журналистики.

На читателя обрушивался целый град сногсшибательных сведений. Берия, оказывается, первым заговорил о перегибах в раскулачивании, предложил сокращение аппарата госбезопасности и чистку его кадров, предлагал урезать финансирование военно-промышленного комплекса — хватит уже оборонщикам громоздить бомбы. Предлагал не разукрашивать наши демонстрации, не вывешивать и не носить портреты вождей.

«И что же теперь получается?» — спрашивает себя главный персонаж повести. Основные положения перестройки, так смело высказанные в 1985 году, Центральный Комитет партии услышал на тридцать два года раньше. Но не дрогнул. Именно за это — прежде всего за это! — Берию тогда взяли за жабры, расстреляли за попытку урезать власть партии, за перестройку в стране, а не за репрессии, не за лагеря (они были до него и остались после), не за каких-то бабенок по списку, иной райпрокурор где-нибудь в Нахичевани или в Намангане имел их в три раза больше.

Можно ли было тогда узнать народу про эти факты? Нет, нельзя. Ни по радио, ни в газетах, ни в книгах. У нас нет заблуждений общественного мнения, у нас была и есть четкая, грубая и простая программа определенной группы людей. И не было и нет мужественного и отважного нежелания поддакивать. Стенограмма выступлений на пленуме ЦК в июле 1953 года была известна, в том числе и выступления самого Берии, но говорить о ней нельзя было, это выглядело бы попыткой его реабилитации, что исключено. «Он посадил моего отца или моего деда, дядю или тетю — мою!» А все «мое» — превыше любой исторической правды. Даже если не он сажал, даже если сами дяди-тети до этого пересажали уйму людей, все равно «м о и х» не тронь. Вся истина собралась и сжалась в жалкое и злобное слово и дело мести. Конечно, сидели не все. Но и те, кто не сидел, одного поля ягоды с сидевшими, родовая особенность наших людей — иметь врага, с пеной у пасти грызть хоть кого.

Неожиданно? Не то слово! Зло? Еще как! Обидно? Но ведь правда! Алмаатинский писатель ошибался только в одном: в июле 1953 года на пленуме ЦК Берия не выступал, следовательно, никакой стенограммы быть не могло. По некоторым свидетельствам, в дни, когда в Кремле проходил пленум (2–7 июля) Лаврентия Павловича в живых уже не было. И появившееся в «Известиях» 24 декабря 1953 года сообщение «В Верховном Суде СССР» о том, что приговор Специального судебного присутствия Верховного Суда СССР в отношении Берии, осужденного к высшей мере наказания — расстрелу, приведен в исполнение 23 декабря, предназначалось скорее всего для легковерных простаков.

Относительно обстоятельств кончины бывшего всесильного сталинского монстра существует множество версий. Наиболее полно их изложил А. Авторханов в книге «Загадка смерти Сталина». Поскольку ныне это исследование доступно массовому российскому читателю, не буду подробно на нем останавливаться, в надежде, что основные варианты известны многим читателям этого очерка. Коротко напомню версии, собранные Авторхановым. Берия был застрелен в день ареста — в

пятницу, 26 июня, и сделал это собственноручно не кто иной, как сам Никита Сергеевич. Во всяком случае, такие признания имели место, когда его особенно заносило. Происходило это за границей, во время обильных возлияний.

Вряд ли, конечно, следует всерьез воспринимать сделанные под воздействием хмельных паров подобные заявления. Куда более правдоподобно выглядит версия о расстреле Берии в бункере штаба Московского военного округа, куда он был помещен после ареста в Кремле. Долго держать его живым в ожидании суда было опасно. Кстати, об этом варианте до сих пор в народе ходит много слухов. Молва упорно не хочет верить в официальную версию — расстрел Берии вместе с его сподвижниками после вынесения приговора. Не убедил и кинофильм, где зрителям показали даже жутковатую процедуру кремации тела — картина-то игровая.

Люди склонны больше доверять документальным источникам. Особенно если они исходят от ближайшего окружения исторических лиц, их друзей и родственников. Если бы, к примеру, предположение о том, что Берия жив, поскольку ему удалось бежать в Аргентину, высказал какой-либо киношник или журналист, вряд ли кто-нибудь поверил бы отважному фантазеру. Ну а если версия принадлежит сыну Лаврентия Павловича?

Глава 2
ЧТО РАССКАЗАЛИ СЫН И ЖЕНА

Представьте, сын Лаврентия Павловича Берии уцелел. Известный ученый-оборонщик, директор и главный конструктор одного из космических научно-исследовательских центров в Киеве, Серго Гегечкори опубликовал сенсационную статью в выходящей в Грузии еженедельной независимой газете «Дрони» (№ 15 за 18 апреля 1992 года). Пусть никого не смущает неизвестная фамилия Гегечкори — ее носила Нина Теймуразовна, до недавних пор здравствовавшая вдова человека, объявленного одним из самых страшных людей в советской истории. Это ее девичья фамилия.

Итак, слово сыну Лаврентия Павловича. В тот день утром было запланировано заседание Президиума ЦК, вспоминает Серго Лаврентьевич, где с речью должен был выступить и Берия. Накануне он дома сказал, что намерен раскритиковать тогдашнего министра госбезопасности Игнатьева, считая, что именно министром были инспирированы так называемые мингрельское дело и дело врачей и что это было направлено против него, Берии.

Здесь я никак не могу удержаться от зуда нетерпеливости и даже вынужден буду прервать воспоминания Серго Лаврентьевича для небольшого комментария. Сын Берии говорит святую правду: действительно, к делу кремлевских врачей и мингрельскому делу его отец непричастен. Понимаю, что этим неслыханно смелым заявлением вызываю на себя огонь массового негодования и страшных обвинений, ведь почти сорок лет людям вдалбливали: именно кровавый палач Берия виновен в аресте и пытках старых профессоров, лечивших Сталина, именно по требованию Берии из них выбивали признания в зловещих замыслах умертвить вождя и его верных соратников, что должно было послужить началом новых, невиданных прежде, репрессий. Увы, исторические факты не подтверждают этого прочно усвоенного массовым сознанием обвинения-мифа. Для чего и кто запустил его в оборот, станет ясно несколько позднее, когда речь пойдет о противоборстве среди старой гвардии Сталина после его смерти.

Тех, кто все еще сомневается в непричастности Берии к аресту кремлевских врачей, адресую к такому заслуживающему доверия авторитетному источнику, как стенограмма июльского Пленума ЦК КПСС 1953 года — до недавнего времени строго секретная, недоступная для исследователей, надежно упрятанная

в партийный спецхран. Пленум был посвящен исключительно одному вопросу — «делу Берии». Так вот, я внимательно изучил многие сотни страниц этого уникальнейшего документа, о допуске к которому и мечтать не могли даже крупнейшие специалисты по истории партии, и ни в одном из выступлений членов тогдашнего кремлевского ареопага, соревновавшихся друг с другом, кто больше обвинений предъявит отступнику, не обнаружил этого, казалось бы, самого выигрышного. Оно присутствовало разве что в прямолинейных обличительных речах мало осведомленных партийных секретарей с мест, далеких от тайных кремлевских интриг.

Что касается верхушки партийной и государственной власти, то из выступлений ее представителей вытекает: именно Берия настоял на опубликовании в массовой печати сообщения об освобождении незаконно арестованных врачей и о признании выдвинутых против них обвинений беспочвенными. Настоял, несмотря на яростное сопротивление других членов Политбюро. Казалось бы, если дело кремлевских врачей инспирировано самим Берией, то какой смысл добиваться ему обнародования этого эпизода, явно свидетельствующего не в его пользу?

Тогдашний секретарь ЦК КПСС Н. Н. Шаталин, как явствует из стенограммы его выступления на пленуме, даже обвинил Берию в том, что той злополучной публикацией он нанес большой урон советскому государству, партии. «Государственные, партийные интересы его, разумеется, не беспокоили, — гневно говорил отвечавший за партийные кадры секретарь ЦК, лично проверявший содержимое сейфов в кабинете арестованного Берии. «Как известно, их (врачей. — *Н. З.)* арестовали неправильно. Совершенно ясно, что их надо было освободить, реабилитировать и пусть себе работают. Нет, этот вероломный авантюрист добился, опубликования специального коммюнике Министерства внутренних дел, этот вопрос на все лады склонялся в нашей печати и т. д. Надо сказать, что все это на нашу общественность произвело тягостное впечатление. Ошибка исправлялась методами, принесшими немалый вред интересам нашего государства. Отклики за границей тоже были не в нашу пользу. В свете материалов, которыми мы сейчас располагаем на Берию, совершенно ясно, что преподнесение дела о врачах было выгодно только ему и его покровителям. Он на этом деле хотел заработать капитал гуманиста и смелого инициатора. Какое дело этому прохвосту до интересов государства?».

В унисон выступил и А. А. Андреев, потребовавший, как старый чекист, вытянуть из Берии «все жилы», чтобы была ясная картина его отношений с заграницей. «Появление материалов за

подписью Берии в протоколах Президиума по делу врачей, по Грузии и др., где на имя товарища Сталина бросается тень — ведь это же его дело. Он делал это сознательно, чтобы имя товарища Сталина похоронить и чтобы легче прийти к власти. Я не сомневаюсь, что под его давлением вскоре после смерти товарища Сталина вдруг исчезает в печати упоминание о товарище Сталине. Это же позор для работников печати. Раньше чересчур усердствовали, и там где нужно и не нужно вставляли имя т. Сталина, а потом вдруг исчезло имя т. Сталина. Что это такое? Я считаю, что это его рука, его влияние, он мог запутать и запугать некоторых работников печати».

Андрееву вторит Тевосян: «Со смертью товарища Сталина он решил форсировать события. В этих целях, чтобы возвысить себя, свое имя, Берия начал чернить имя товарища Сталина, имя, священное для всех нас, коммунистов, для всего нашего народа. Спрашивается — для чего понадобилось ему неоднократно подчеркивать в записках МВД по делу врачей и работников Грузии, разосланных по его настоянию всем партийным организациям, что избиение арестованных производилось по прямому указанию товарища Сталина».

Возмущение Берией, который осмелился обнародовать тайны Кремля, сквозит и в других обличительных речах членов высшего партийного и государственного ареопага. К этому увлекательнейшему документу мы еще вернемся, ибо многое из того, что там предъявлялось в качестве обвинений Берии, через тридцать с небольшим лет, наоборот, ставилось в заслугу другому реформатору — Горбачеву. Увы, зигзаги истории непредсказуемы. И в этом смысле алмаатинский писатель Иван Щеголихин, безусловно, прав.

Итак, прерываем на время экскурс в архивный источник и снова обращаемся к источнику живому. О последних днях Берии свидетельствует его сын Серго Гегечкори. Напомню читателю: мы остановились на предполагаемом заседании Президиума ЦК КПСС, куда с утра отправился Лаврентий Павлович, чтобы раскритиковать тогдашнего руководителя госбезопасности за инспирирование дела врачей и мингрельского дела, направленных против Берии.

Однако, по рассказу сына, заседание Президиума почему-то отложили, и отец вернулся домой пообедать. Он всегда старался принимать пищу дома.

В полдень в кабинет Ванникова, где в тот момент находился инженер-полковник Серго Берия — в Министерстве вооружения он занимал тогда должность начальника конструкторского бюро, ему позвонил дважды Герой Советского Союза летчик-испытатель

Анохин и сказал, что их дом на улице Качалова окружен армейскими частями. Шел настоящий бой. Это означало заговор против Берии и не сулило сыну ничего хорошего. Анохин предложил Серго вариант побега. Но Берия-младший ответил отказом.

Он вместе с генералом Ванниковым тотчас же отправился на улицу Качалова. Их одноэтажный дом и целый квартал по соседству были окружены солдатами. Серго показалось, что сюда направили целую дивизию — так много было вокруг военных. Бой был уже закончен, свидетельствует Берия-младший. С его отцом тогда было пятеро лучших телохранителей.

Авторитет Ванникова спас Серго от немедленного ареста. В тот же день очевидцы сказали ему, что после короткой стычки из его дома вынесли человека, накрытого брезентом. Он был или убит, или тяжело ранен. После этого Берия исчез. Ни мертвого, ни живого никто его не видел.

Вскоре Серго и его мать все же арестовали, Серго сидел в Лефортовской тюрьме, мать — на Лубянке. После 16 месяцев заключения их освободили и выслали в Свердловск. Затем разрешили жить в Киеве.

Спустя несколько лет к Серго пришел бывший секретарь ЦК ВЛКСМ Михайлов. Он был одним из членов тогдашнего состава суда, который рассматривал дело Берии. Михайлов сказал сыну Берии, что это был судебный фарс и что сидящий в темном зале человек, который говорил лишь «да» и «нет», не был Берией.

Концовка публикации была и вовсе фантастической: летом 1958 года неизвестное лицо прислало Серго Гегечкори фотоснимок, на котором был запечатлен гуляющий на одной из улиц столицы Аргентины Буэнос-Айреса… Лаврентий Павлович Берия.

Неожиданности в этом крайне запутанном деле сопровождали меня в течение всего времени работы над материалом. Без малого через сорок лет после описываемых событий вдруг заговорила вдова Берии — Нина Теймуразовна Гегечкори. Ее следы обнаружились в Киеве. Тридцать лет она была женой человека, чье имя до сих пор вспоминают со страхом. Действительно ли он был зловещей фигурой, деспотом и тираном? Или эти распространенные представления — еще одно подтверждение того, что мы и сегодня мыслим стереотипами?

Свидетельства девяностолетней вдовы представляют особый интерес еще и потому, что они плод мучительных и горьких раздумий, пришедших в период, когда люди ее возраста, итожа прожитое, как правило, не лукавят, предельно искренни и честны. Признания Нины Теймуразовны камня на камне не оставляют от

сложившегося образа ее мужа.

По ее словам, они переехали в Москву в конце 1938 года, когда репрессии 37-го уже ушли в прошлое. А Берию обвиняют в этих репрессиях, не учитывая такого важного факта. Действительно, так удобнее — есть человек, на которого можно повесить все грехи. Нина Теймуразовна уверена: когда-нибудь напишут объективную историю и она все расставит по своим местам. Вот только она уже вряд ли доживет до этого дня. А молодым повезет — они доживут…

Будучи супругой Берии, она никогда не вмешивалась в его служебные дела. У нее был свой круг интересов — агрохимия. Нина Теймуразовна не какая-то там домохозяйка — звание доцента и ученую степень кандидата сельскохозяйственных наук получила еще до войны. Так что она не может ничего сказать о служебных делах мужа, он с ней не обсуждал их. А то, в чем его официально обвиняют — в антигосударственной деятельности, — это просто демагогия. Ведь что-то нужно было придумать. В 1953 году организовали переворот — испугались, что Берия станет преемником Сталина. Она хорошо знала своего мужа и его характер. Она уверена, что ему хватило бы ума не бороться за это место. Он был рациональным и практичным человеком, он знал, что после Сталина грузина во главе государства не поставят. Никто не мог представить себе такого исхода событий. Лаврентий Павлович, наверное, помог бы человеку, который претендовал на пост главы партии и государства. Таким человеком мог быть, например, Маленков…

В июне 1953 года ее, а также сына Серго внезапно арестовали и посадили в разные тюрьмы. И только семью Серго не тронули — жена с тремя детьми осталась дома. Жену Серго звали Марфа, а ее девичья фамилия Пешкова, потому что она приходилась внучкой Максиму Горькому. Сначала они думали, что произошел государственный переворот или что-то наподобие контрреволюции и к власти пришла антикоммунистическая клика. Каждый раз жену Берии вызывали на допрос, и следователь требовал, чтобы она давала показания против мужа. Он говорил, что народ возмущен действиями Лаврентия Павловича. Нина Теймуразовна категорически заявила, что никаких показаний — ни хороших, ни плохих — она давать не будет.

В тюрьме она просидела больше года. Какие ей предъявили обвинения? На полном серьезе ее изобличили в том, что из Нечерноземья она привезла ведро… краснозема. Но так как самолет был государственный, то получалось, что она использовала государственный транспорт для личных целей.

Действительно, когда-то по ее просьбе на самолете привезли ведро красного грунта.

Нина Теймуразовна тогда работала в сельскохозяйственной академии и занималась исследованием почв.

Еще одно обвинение — в использовании наемного труда. В Тбилиси жил известный портной Саша. Он приехал к Нине Теймуразовне в Москву и сшил ей платье, за которое она заплатила. Наверное, это и называлось «наемным трудом».

Среди прочих обвинений она услышала и то, что будто из Кутаиси в Тбилиси ездила на лошадях с золотыми колокольчиками. На лошадях она когда-то ездила, но золотые колокольчики — это из области фантастики. Люди любят много выдумывать.

В камере ей жилось очень трудно. В карцере-одиночке нельзя было ни лежать, ни сидеть. Вот в таких условиях она и провела больше года.

Между тем по Москве поползли инспирированные кем-то слухи о том, что жена Берии от потрясения, вызванного разоблачением мужа, сошла с ума и находится в психбольнице. Об аресте и содержании в тюремной камере-одиночке знали считанные люди.

Однажды следователь заявил, что у них якобы есть данные о том, что 760 женщин назвали себя любовницами ее мужа. В исторической литературе приводится и другая цифра — 228. Кстати, о любовных похождениях Лаврентия Павловича сложены легенды. О том, как красивых девушек и молодых женщин хватали прямо на улице, а потом они бесследно исчезали. Что здесь правда, а что вымысел? Ведь увлечения прекрасным полом были преподнесены общественности в качестве одного из серьезнейших прегрешений Берии.

Снова обратимся к наиболее достоверному источнику — уже упоминавшейся здесь секретной стенограмме июльского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС. Вот что сказал по этому поводу тогдашний секретарь ЦК КПСС Н. Н. Шаталин, поведав о результатах обыска в кабинете арестованного: «Наряду с документами мы обнаружили в больших количествах всевозможные, как уж их назвать, атрибуты, что ли, женского туалета… В описи значится: дамские спортивные костюмы, дамские кофточки, чулки дамские иностранных фирм — 11 пар, женские комбинации шелковые — 11 пар, дамские шелковые трико — 7 пар, отрезы на дамские платья — 5 отрезов, шелковые дамские косынки, носовые платки иностранных фирм и т. д. — целый список в 29 порядковых номеров. Нами обнаружены многочисленные письма от женщин интимно-пошлого содержания. (Ну а их, что, тоже писали по

принуждению? А может, Лаврентий Павлович действительно нравился женщинам? — *Н. З.*). Нами также обнаружено большое количество предметов мужчины-развратника».

Далее Шаталин зачитал показания Саркисова, на протяжении 18 лет работавшего в охране Берии, а последнее время ее возглавлявшего. Саркисов показал, что по указанию Берии он вел специальный список женщин, с которыми сожительствовал его шеф. После этих слов в стенограмме зафиксировано: «Смех в зале». Далее начальник охраны сделал существенную оговорку: впоследствии, мол, по предложению' Берии этот список он уничтожил. Однако один список Саркисов сохранил. В этом списке указаны фамилии, имена, адреса и номера телефонов более 25 таких женщин. Где этот список? На квартире охранника, в кармане его кителя.

Правда, тут получилась неувязка. Список, о котором говорил Саркисов, был обнаружен. Однако в нем значилось не 25, а 39 фамилий женщин. Кого-кого, а начальника охраны Берии в забывчивости упрекнуть трудно. И он, и его шеф обладали феноменальной памятью. Список был составлен после признания Саркисова?

Шаталин огласил и следующее показание охранника: год или полтора тому назад он совершенно точно узнал, что в результате связей с проститутками Берия подхватил сифилис. Лечил его якобы врач поликлиники МВД Ю. Б. Однако фамилию Саркисов снова запамятовал. Не странна ли такая повторяющаяся забывчивость?

Обратимся к комментарию Нины Теймуразовны касательно пикантных подробностей биографии ее супруга, обнародованных на пленуме и повторенных потом в закрытом письме ЦК, давших повод утвердиться широко распространенному мнению о Берии как о развратнике, аморальном, разложившемся типе. Кто-кто, а уж жена, надо полагать, прожившая с ним 30 лет, наверняка знает о дурных увлечениях мужа и, как никто другой, может пролить свет на обвинение, которое тянется за Берией вот уже 40 лет. Тем более что смакование интимной жизни расстрелянного первого заместителя Председателя Совета Министров СССР, члена Президиума ЦК КПСС, Маршала Советского Союза, Героя Социалистического Труда продолжается в средствах массовой информации и поныне. В одной из газет я прочел о некоей Д., которую в шестнадцатилетнем возрасте изнасиловал Берия, и она родила от него. Признанная его гражданской женой, эта Д. якобы четыре года пользовалась всеми благами, фактически была повелительницей Грузии. По ее рассказу, когда Берию арестовали, она пришла в суд и потребовала для него страшной

кары. Суд как будто признал ее жертвой репрессий, назначил пожизненную пенсию и оставил ей с дочерью квартиру Берии на улице Горького в Москве, где она и живет по сей день. История душещипательная и вполне правдоподобная, если бы не одна деталь: Берия жил в отдельном особняке на улице Качалова. Не мог человек такого ранга, как он, занимать квартиру в обыкновенном жилом доме. Видно, фантазии некоторых особ ограничивались рамками квартиры, на отдельный дом воображения не хватало. Десятки подобных историй кочуют по страницам свободной прессы, которая продается в переходах московского метро.

Что здесь правда, а что вымысел? Безусловно, Лаврентий Павлович не был похож в этом плане на своего знаменитого предшественника — аскетичного Феликса Эдмундовича. Несомненно, повышенный интерес к прекрасному полу у хозяина Лубянки отрицать не следует. К тому же не надо сбрасывать со счетов и такое немаловажное обстоятельство, как происхождение Берии. Он ведь кавказцем был. С точки зрения какого-нибудь выходца из среднерусской равнины, поведение горца с горячей кровью и-южным темпераментом не вписывалось в рамки привычных представлений о возможностях мужчины. Впрочем, и среди равнинных жителей нередко попадаются любвеобильные особи. Прославленный романист Жорж Сименон признался как-то итальянцу Феллини, что у него было 10 тысяч любовниц, которые подпитывали его творческое воображение, без этого допинга он не написал бы столько. 10 тысяч! А тут всего несколько десятков… Если честно, то почти у каждого нормального мужчины — рядового — не меньше…

Еженедельник «Аргументы и факты» в номере 32 за 1993 год опубликовал результаты исследования, посвященного вопросам секса в США. Был опрошен 3321 американец мужского пола в возрасте от 20 до 30 лет. Опрос установил, что у американских мужчин в среднем было за всю жизнь по 7,3 партнерши. А 23 процента сказали, что спали с 20 и более женщинами.

Но это, так сказать, к слову. У нас на эту тему не принято распространяться, поскольку, как известно, в СССР секса не было.

Супруга Берии, знавшая его с этой стороны, наверное, лучше всех, не оставляет пищи для сомнений в искренности ее свидетельств. Муж день и ночь проводил на работе. Когда же он целый легион женщин успел превратить в своих любовниц, спрашивает Нина Теймуразовна. На ее взгляд, все было по-другому. Во время войны и после он руководил разведкой и контрразведкой. Так вот, эти женщины были работниками разведки, ее агентами и информаторами. И связь с ними

поддерживал только Лаврентий. У него была феноменальная память. Все свои служебные связи, в том числе и с этими женщинами, он хранил в своей голове. Но когда этих сотрудниц начали спрашивать о связях со своим шефом, они, естественно, заявили, что были его любовницами. Не могли же они, в самом деле, назвать себя стукачками и агентами спецслужбы! На сей счет в органах было строгое правило — никто не имел права засвечивать свою связь с Лубянкой.

На склоне лет, итожа жизнь, супруга всесильного когда-то человека пришла к поразительно точному заключению, которое во многом помогает понять трагедию личности Берии. Человек должен думать только о своей Родине, считает Нина Теймуразовна. Никакой другой народ не оценит его труд. Перед ней пример Джугашвили, Орджоникидзе, Чхеидзе, Церетели, Енукидзе, Гегечкори, Берии и многих других. Они свято верили в то, что боролись за счастливое будущее всех народов Земли, ради какой-то общей благородной цели. Ну и что вышло из этого? Они ни в чем не пригодились ни своей Родине, ни своему народу. А другие народы отвергли их труды. Вышло, что все эти грузины умерли без Родины…

Неожиданная мысль, не правда ли? Хотя судьбу названных Ниной Теймуразовной грузин разделили сейчас многие известнейшие в советскую эпоху армяне и азербайджанцы, татары и башкиры, белорусы и украинцы. Рухнули памятники героям-интернационалистам, улицы получили новые (нет, старые!) имена, закрываются музеи. Действительно, труды людей, сгоревших в пламени борьбы за осуществление великой идеи, оказались ненужными никому — ни Центру, ни своей малой Родине…

Глава 3
ПУТЬ НАВЕРХ-1

Путь Берии к кремлевским высотам — типичный путь функционера из глубинки. Чтобы заметили в Москве, надо было прежде всего зарекомендовать себя пламенным интернационалистом, то есть интересы «старшего брата» ставить выше интересов своего народа. Берия поступал как сотни, тысячи других подобных ему не лишенных честолюбия молодых людей из провинции. Жажда власти притягивала их, как магнит. С приходом большевиков на Кавказ стало ясно каждому здравомыслящему человеку: самореализоваться можно только в одной-единственной — служебной — деятельности. Частная собственность отменена, всякая торговля, кроме государственной, запрещена, предпринимательство подпало под уголовный кодекс. Остается лишь одно — служебная карьера. И вот у каждой лестничной ступеньки сгрудились толпы мускулистых, поджарых людей, стремившихся забраться как можно выше. Само собой, без взаимного расталкивания тут не обойтись. Как и без хитроумных уловок, затейливых подсечек, неожиданных подножек, с помощью которых каждый норовил обойти соперника.

Вот почему не выдерживают серьезной критики попытки изобразить Берию недалеким, лишенным интеллекта субъектом. На пресловутом партийном пленуме, о котором уже упоминалось, бывшие соратники Берии утверждали, что он был невеждой, не прочитал ни одной книжки, не представлял, что такое марксизм, никогда не заглядывал в труды Ленина. Представления о Берии как о полуграмотном, крайне примитивном и чрезвычайно ограниченном самодуре живучи по сей день. Не будем выяснять, что их питает, это, по-моему, и так понятно. Попробуем разобраться, имеют ли они под собой основания.

Говорят, что коммунистическая пропаганда была лобовой, а потому и неэффективной. Полноте! Ничего не зная, например, о Берии, мы уже испытывали к нему антипатию, а то и ненависть, считая олицетворением зла, называя деспотом, тираном, палачом. Не был в свое время исключением и автор этой книги. Поэтому для меня потрясающим открытием стало то, что два полукруглых здания на площади Гагарина в Москве, увенчанные наверху статуями, построены по проекту… Берии. Сотни тысяч москвичей, ежедневно снующих мимо этих домов, уверен, поныне не подозревают, кто задумал, а затем воплотил их на ватмане. Лаврентий Павлович, оказывается, был весьма разносторонним

человеком, довольно щедро одаренным от природы разными талантами. Он прекрасно рисовал и пел, очень любил музыку, слыл крупнейшим знатоком оперного искусства. Когда люди, близко знавшие Берию, рассказали мне, что у него была уникальная коллекция пластинок классической музыки, а грозного хозяина Лубянки видели плачущим, когда он слушал прелюдию Рахманинова, я воскликнул: а как же тогда быть с распространенной версией о нравственной пустоте его души? Невероятно!

Я побывал в селе под Сухуми, где он родился. Там еще недавно жили старики, которые помнят его подростком. В рассказах земляков он предстает способным, умным от природы пареньком. Никакой злости или неприязни — исключительно доброжелательное отношение сохранилось и у бывших его соседей по большому тбилисскому дому, где Берия жил до переезда в Москву, занимая крупные посты в Грузии. С трудом верится, но ведь это факт: будучи первым секретарем ЦК компартии Грузии, он в свободное время самолично установил во дворе дома турник, кольца, другие спортивные снаряды. Ну, ладно, этому еще можно не удивляться — каких иногда чудачеств не отмачивают знаменитости! Но чтобы каждое утро делать в построенном своими руками спортгородке зарядку с соседскими ребятишками — согласитесь, на такое способен далеко не каждый нынешний представитель власти, считающий себя чистокровным демократом.

Поистине таинственна объявленная мрачной душа этого человека. И никто еще не пытался заглянуть в ее потаенные закутки. Одно несомненно, и в этом я убедился в ходе своих архивных изысканий: если Берия дьявол, то дьявол с человеческим сердцем.

Свой среди чужих, чужой среди своих?

Представляете мое состояние, когда мне удалось отыскать совершенно иное, отличное от официального, толкование знаменитой бериевской амнистии 1953 года? Ни за что не догадаетесь, кому оно принадлежит! Клименту Ефремовичу Ворошилову, который не жалел самых черных, самых оскорбительных эпитетов в адрес недавнего соратника. «Негодяй», «мерзавец», «подлый авантюрист» — вот словесные перлы, которыми изобилует речь Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Но и Ворошилов вынужден был признать, что амнистия — благородное, гуманное дело. Оценка неслыханная, ведь все осуждали Берию именно за то, что наводнил страну выпущенными из тюрем уголовниками. Эта версия имеет хождение и в наши дни — вспомним хотя бы

перестроечный кинофильм «Холодное лето 1953-го».

Надо ли удивляться, что вырвавшиеся нечаянно слова Ворошилова на пленуме сорок лет общественности были неизвестны. Их тщательно скрывали от огласки. И было за что. Отметив в унисон другим выступающим — да, в акте амнистии много такого, что может быть названо от «лукавого», Ворошилов тем не менее назвал его до известной степени полезным. Эта оценка дана на основании личного ознакомлений Климента Ефремовича с судебной практикой и ее результатами. Он убедился, что в этой области дела обстоят, прямо нужно сказать, неважно. Суды работали много и, как признавал Ворошилов, применяя законы, в особенности указы от 4 июня 1947 года об охране общественной и личной собственности, выносили не в меру жестокие приговоры часто за пустяковые преступления и даже простые проступки большому количеству людей.

Амнистия в основном и относилась именно к этой категории правонарушителей, подчеркнул глава государства. Он вынужден был признать, что об уголовниках-рецидивистах говорят излишне много. Выпущены-то были не они, а те, кто сидел за «колоски». Ворошилов отверг также как беспочвенные разговоры и особенно анонимные письма в ЦК и Верховный Совет об участившихся случаях убийств, насилий и других преступлений, якобы в связи с амнистией. Запросы на места, откуда поступали тревожные сообщения, свидетельствовали: ничего подобного тому, о чем сообщалось, не было.

Только сейчас стало известно, сколько людей было выпущено из тюрем по предложенному Берией Указу Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 года. Амнистированию подлежали 1 миллион 181 тысяча 264 человека — из 2 миллионов 526 тысяч 402 лиц, находившихся в местах отбытия наказания. Домой возвращались те, кто не представлял особой опасности для населения: осужденные на срок до 5 лет, осужденные независимо от срока наказания за должностные, хозяйственные и некоторые воинские преступления, женщины, имеющие детей до 10 лет, беременные женщины, несовершеннолетние, пожилые мужчины и женщины, а также больные.

Из выступлений на пленуме следовало, что именно эти категории амнистированных дестабилизировали обстановку в стране, и это было частью дьявольского плана Берии по захвату власти. Мол, с целью наведения порядка он готовился всю полноту власти передать возглавляемым им органам внутренних дел, а сам намеревался объявить себя диктатором.

Как уже много раз бывало, зернышки правды, однако,

утонули в потоке обвинений даже в выступлении Ворошилова. Климент Ефремович, как будто спохватившись, тут же сменил пластинку и дальше уже говорил, как и другие, о чудовищных мерзостях Берии. Не забыл поблагодарить товарищей, которые сидели здесь же, в зале, что они его разоблачили. Сам же' Ворошилов, оказывается, узнал об этом последним, что вызвало смех в зале. Узнаете хитрющего кремлевского лиса? Вот так же он будет вилять в этом зале через четыре года, на июньском (1957 г.) Пленуме ЦК КПСС, будет каяться, что поддержал антихрущевскую группу и в оправдание произнесет свои знаменитые, облетевшие страну, слова: «Бес попутал».

Пленум установил, что начало преступной деятельности Берии и тайной связи с иностранными разведками относилось еще ко времени гражданской войны, когда в 1919 году он, находясь в Баку, совершил предательство, поступив на секретно-агентурную должность в разведку контрреволюционного мусаватистского правительства в Азербайджане, действовавшего под контролем английских разведывательных служб. В докладе Маленкова упоминалось, что об этом говорилось еще на пленуме ЦК в 1938 году, но Берия, получив такое страшное обвинение, тем не менее не счел нужным найти подтверждение хотя бы у одного из бакинских работников, которые все тогда были живы, для того, чтобы смыть с себя это пятно. Микоян тоже заявил: Берия на эту тему с ним никогда не заговаривал, а ведь, как мы помним, он был весьма щепетилен в отношении своей собственной личности в таких вопросах. Кто-кто, а Берия никогда не упустил бы возможности опровергнуть любой упрек в свой адрес. Раз этого не сделал — значит, чувствовал свою вину.

Далее Микоян рассказал следующее. С Берией он впервые встретился в 1920 году в Баку после установления советской власти. Берия был подобран Бакинским комитетом партии для посылки в Грузию в качестве курьера по доставке секретного письма. До этой встречи Микоян его не знал. Маленков спросил Микояна, были ли еще какие-либо большевистские организации, которые могли использовать Берию для выполнения секретных поручений, в том числе для засылки к мусаватистам с целью добычи нужных сведений. Ответ Микояна дает историкам большой простор для архивных изысканий. Анастас Иванович честно признался, что верхушку руководящих работников посылал лично он сам, а остальных — другие. Мог посылать, например, Касьян Тер-Каспарян, а мог и Виктор Нанейшвили. Впрочем, не только они.

Но ведь не нами подмечено: каждый слышит то, что хочет услышать. Точку над «и» поставил Хрущев, заявив: был или не

был Берия послан партийной организацией, это не увеличивает доверия, когда он раскрыт в наших глазах. Тут и Анастас Иванович, вспомнивший, что его и Орджоникидзе, и Сталин расспрашивали, а вот Берия ни разу не поднимал эту тему — интересно, почему? — усомнился: действительно, не была ли работа Берии в контрразведке ширмой для выполнения поручений? Не только от большевиков, а от других хозяев? А может, от нескольких одновременно?

С твердостью ответить на этот вопрос не может сегодня ни один историк. Никому пока не дано сказать ни утвердительно, ни отрицательно. «Ранний Берия» — это до сих пор мало исследованная тема. И чем больше углубляешься в архивные источники, по наивности полагая, что приближаешься к истине, тем, как выясняется, сильнее от нее отдаляешься.

Считалось, что о связях Берии с мусаватистской разведкой вопрос впервые был поднят на пленуме ЦК в 1938 году, на котором после снятия Ежова и назначения вместо него Берии вслух заговорили о перегибах в репрессиях. По воспоминаниям Н. С. Хрущева, это был очень самокритичный пленум: «Выступали тогда все, и каждый выступающий должен был кого-то критиковать».

Берию осмелился критиковать Г. Каминский, тогдашний нарком здравоохранения. Он выступил и сказал: «Все выступают и все говорят, что знают о других. Я тоже хотел бы сказать, чтобы в партии было известно. Когда я работал в Баку (он работал секретарем Бакинского горкома' партии в первые годы советской власти, еще при жизни Ленина. — *Н. З.),* то ходили упорные слухи, что Берия во время оккупации Баку английскими войсками, когда было создано мусаватистское правительство, работал в органах разведки мусаватистов, а мусаватистская контрразведка работала под руководством английской контрразведки. Таким образом, говорили, Берия в то время являлся агентом английской разведки через мусаватистскую контрразведку».

Хрущев свидетельствует: никто не выступил с опровержением или с разъяснением. От Берии тоже не поступило никакой справки. Каминский через некоторое время был арестован и исчез бесследно. По Хрущеву выходит, что разоблачение Берии стоило наркому здравоохранения жизни.

Однако здесь возникает несколько вопросов. Почему столь серьезному обвинению в адрес Берии, новичка в кремлевском ареопаге, не был дан ход? Почему не создали комиссию для расследований? Не потребовали объяснений от подозреваемого? Каминский был в Баку секретарем горкома — не являлось ли это

заявление отголоском каких-то служебных трений в годы совместной работы? И еще. В исторической литературе арест и уничтожение Каминского связываются с медицинским заключением о смерти Орджоникидзе, которое подписал нарком и группа кремлевских профессоров. Они якобы знали подлинную причину смерти Серго. Действительно, могли Берия единолично принять решение о физическом уничтожении наркома да еще после того, как он выступил с таким заявлением? Видно, кому-то выгодно было взваливать все беззакония на одного человека. Вон и Катынское дело повесили на Берию. Теперь-то мы знаем, кто принимал решение о расстреле 20 тысяч польских офицеров и, кажется, другими глазами начали смотреть на Берию.

Версия о том, что Берия — давнишний агент империалистических разведок, и раньше не очень пользовалась доверием у населения, не говоря уже об историках. Член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, Маршал Советского Союза — и вдруг самый заурядный шпион? А почему же тогда он не затягивал создание атомной бомбы — ведь это было бы на руку империалистам, не выдал другие наши оборонные тайны Западу? Не вел курс на поражение СССР в Великой Отечественной войне, будучи заместителем председателя ГКО, то есть самого Сталина? Более удобного момента, кажется, для этого не придумаешь — немцы стояли у стен Москвы. Что мешало ему открыть ворота столицы ударной силе международного империализма — войскам гитлеровского вермахта?

Впрочем, на следствии ему предъявили обвинение в попытке сблизиться с Гитлером. В приговоре суда от 23 декабря 1953 года в числе других преступлений было записано, что в 1941 году Берия пытался установить связь с фюрером, предлагал ему уступить ряд территорий СССР, в 1943 году пытался открыть врагу Главный Кавказский хребет, чтобы немцы оккупировали Закавказье. Объяснения подсудимого о том, что действительно осенью 1941 года по заданию Сталина, вспомнившего обстоятельства Брестского мира, он пытался через другие страны прозондировать, на каких бы условиях Гитлер мог прекратить дальнейшее наступление, приняты во внимание не были.

Нелепость обвинений в шпионаже очевидна. С кем, как и когда осуществлял свои преступные связи обвиняемый до и после войны — а это главный вопрос, — из разосланных в партийные организации материалов по делу Берии видно не было. Стенограмма пленума ЦК по этому вопросу тоже убеждает в отсутствии фактической стороны обвинения. Все больше историков и даже потомков политических деятелей той эпохи

вынуждены констатировать: увы, Берию зачислили в агенты «под горячую руку». Такой точки зрений придерживается, в частности, доктор исторических наук Серго Микоян. Победившая летом 1953 года во внутрикремлевской борьбе за власть группа поступила с побежденным точно так же, как это делалось и во время судебных процессов 1936–1938 годов, когда низвергнутые с пьедесталов объявлялись наймитами буржуазных разведок. Помните яростные дискуссии в прессе в горбачевские времена о том, был ли Сталин осведомителем царской охранки? Не звенья ли это одной цепи, не следствие ли одномерности нашего мышления?

Вы уже вздохнули с облегчением? Погодите, дело вовсе не прояснилось, как следовало ожидать. Похоже, еще больше запуталось!

Едва только я хотел перейти к другим загадкам биографии молодого Берии, как неожиданно всплыло, что впервые обвинение в связях с мусаватистской разведкой ему было предъявлено не в 1938 году на пленуме ЦК, а значительно раньше — в 1926-м. Сведения об этом содержатся в небольшой публикации Н. Кванталиани, сына репрессированного начальника Берии, бывшего сначала председателем ЧК, а затем ГПУ Грузии, члена партии с 1906 года, достаточно известного самому Сталину. Берия будто бы представил тогда документы и свидетелей, которые подтвердили, что он выполнял партийное поручение. Однако, пишет Кванталиани, не все поверили этим утверждениям. Некоторые считали, что представленные документы — липа. Тем не менее обвинение с подозреваемого сняли. По мнению Н. Кванталиани, основанном на рассказах его отца, исходили из того, что Берии тогда было 19–20 лет — возраст, в котором говорить о сложившемся мировоззрении весьма затруднительно. Если и были какие-то контакты с мусаватистской разведкой, то вовсе не в силу идейных убеждений. Время было тревожное, смутное, советская власть далеко — в России.

И тем не менее итогами разбирательства были удовлетворены далеко не все. Вопрос якобы доложили самому Дзержинскому. Однако через несколько дней — 20 июня 1926 года — Феликс Эдмундович скончался. Берии ошеломляюще повезло — дело закрыли. Впрочем, Н. Кванталиани не особенно настаивает на своей версии — даже если Берия и имел компрометирующие его связи, то он был мелкой сошкой, а его интересы в большой политике ограничивались скорее всего попытками предугадать, кто победит.

Но и этот случай предъявления столь серьезного обвинения, оказывается, тоже не был первым! Другой сын другого

репрессированного отца, секретаря МЧК в 1918–1921 годах и начальника административной части ГПУ — ОГПУ в 1922–1924 годах Я. Берзина, описал потрясающий факт: в декабре 1921 года Дзержинский вызвал его и вручил ордер на арест Берии. При этом Феликс Эдмундович сказал, что Кедров написал докладную, в которой есть факты о провокаторской деятельности Берии — ответственного работника Азербайджанской ЧК.

Отец рассказывал Берзину, что для задержания и ареста Берии был назначен наряд из четырех чекистов. Ни старший по наряду, ни трое бойцов не знали, кого им предстояло арестовать.

Однако за несколько часов до прихода ночного поезда из Баку Дзержинский вновь вызвал Берзина и сказал, что арест отменяется, попросил сдать ордер и уничтожил его. «Что случилось?» — спросил Я. Берзин. «Позвонил Сталин и, сославшись на поручительство Микояна, попросил не принимать строгих мер к Берии», — ответил Дзержинский. Берия в ту ночь не прибыл в Москву. Докладная Кедрова осталась у Дзержинского, в аппарате ЧК она не была зарегистрирована, и дальнейшая ее судьба неизвестна.

Сегодня многие исследователи сходятся во мнении, что Сталин познакомился с Берией лишь в 1924 году. Получается, что ходатаем за него выступал Микоян, знавший его с 1919 года? А как же тогда понимать выступление Анастаса Ивановича на пленуме ЦК, рассматривавшего дело Берии?

Загадка? И да, и нет.

Глава 4
ПУТЬ НАВЕРХ-2

Хранящиеся в личном деле Берии документы свидетельствуют о том, что Микоян был далеко не единственным покровителем рвавшегося к власти честолюбивого горца. К моменту суда над Берией не было в живых многих, кто способствовал его стремительному продвижению по ступеням служебной лестницы — довольно крутой и опасной. Интересно, как отнеслись бы эти люди к документам, подписанным ими, если бы их, скажем, огласили на упомянутом пленуме?

Что сказал бы в свое оправдание Р. Ахундов — секретарь ЦК КП(б) Азербайджана, ученый и публицист, государственный деятель, подписавший в 1923 году вот этот документ: «Удостоверение дано сие ответственному партийному работнику тов. Л. П. Берии в том, что он обладает выдающимися способностями, проявленными в разных аппаратах государственного механизма… Работая управделами ЦК Азербайджанской компартии, чрезвычайным уполномоченным регистрода Кавказского фронта при реввоенсовете 11-й армии и ответственным секретарем Чрезвычайной комиссии по экспроприации буржуазии и улучшению быта рабочих, он с присущей ему энергией, настойчивостью выполнял все задания, возложенные партией, дав блестящие результаты своей разносторонней деятельности, что следует отметить как лучшего, ценного, неутомимого работника, столь необходимого в настоящий момент в советском строительстве…»? Увы, мы никогда уже не узнаем, за что молодой партийный работник Лаврентий Берия удостоен столь непривычной для его ранга оценки — как человек, обладающий «выдающимися способностями». ˆПодписавший эту необычную характеристику Ахундов, виднейший партийный деятель, один из первых переводчиков трудов Маркса, Энгельса и Ленина на азербайджанский язык, был репрессирован в 1938 году. Неужели такой кристально честный человек, как он, был способен на обман и фальсификацию?

Неужели признал бы ошибкой свой приказ за № 45, изданный в 1923 году, Иосиф Уншлихт — виднейший советский государственный и военный деятель, входивший в октябрьские дни 1917 года в состав Петроградского военно-революционного комитета, три года бывший заместителем председателя ВЧК Дзержинского, пять лет — заместителем председателя

Реввоенсовета и наркомвоенмора СССР Ворошилова, с 1935 года до ареста в 1938-м занимавший высокую должность секретаря ВЦИК? Вот он, этот приказ, аккуратно подшитый в личное дело Берии: «За энергичное и умелое проведение ликвидации Закавказской организации партии социал-революционе-ров начальник секретно-оперативной части Бакинского губотдела тов. Берия и начальник секретного отдела тов. Иоссем награждаются оружием — револьвером системы «Браунинг» с надписями, о чем занести в их послужные списки…»

Бил ли бы себя в грудь, каялся ли бы в издании постановления о награждении Берии золотыми часами с монограммой председатель Совнаркома Азербайджана Гасанфар Мусабегов, отмечая заслуги начальника секретно-оперативного отделения республиканской ЧК в умелом руководстве блестяще выполненной в государственном масштабе операции по разгрому врагов советской власти?

Никго сегодня не знает, как повели бы себя эти известнейшие в прошлом люди, что говорили бы они в защиту или в осуждение человека, возвышению которого сознательно или косвенно способствовали. Смущает, конечно, одна деталь: все трое погибли в одном, 1938-м году. Именно тогда их выдвиженец перебрался в Москву и стал сначала заместителем Ежова, а спустя три месяца пересел в его кресло. Была ли прямая связь между трагической кончиной тех, кто служил «буксирами» и «буксирчиками» в его карьере, и стремительным взлетом «буксируемого»? Мистика какая-то: вместо благодарности — месть за поддержку? За отличные рекомендации и характеристики?

Истины ради следует отметить, что бытует и такая точка зрения. Правда, историки относятся к ней довольно сдержанно, поскольку выдвинули ее и разделяют в основном родственники пострадавших, а тут возможен и некоторый перехлест, вполне объяснимый и по-человечески вполне понятный. Но эмоции эмоциями, а история опирается лишь на хорошо проверенные, достоверные факты.

Люди, подметившие странную бериевскую черту, которая проявлялась в болезненном стремлении преследовать и уничтожать всех, кто когда-либо его поддерживал и двигал вверх, кроме примеров из тридцатых годов, обнаруживают еще более ранние случаи аналогичного характера. Самый громкий из них — загадочная гибель А. Ф. Мясникова, по поводу которой было много слухов и пересудов. Действительно, в личном деле Берии есть характеристика, подписанная в 1924 году Мясниковым, тогдашним первым секретарем Закавказского крайкома партии. «Берия — интеллигент… Заявил себя в Баку как способный чекист

на посту заместителя председателя ЧК Азербайджана и начальника секретно-оперативной части. Ныне начсот (начальник секретно-оперативной части. 7 *Н. З.)* Грузинской ЧК». Ангельская характеристика дьяволу, негодуют в начале девяностых годов, спустя семьдесят лет после происшедшего.

Остановлюсь подробнее на этой истории еще и потому, что Александр Федорович Мясников (Мясни-кян) хорошо известен и в Беларуси: участвовал в установлении советской власти в Минске, в августе 1917 года основал ныне выходящую газету «Звязда».

Согласно правительственному сообщению, 22 марта 1925 года вблизи Дидубийского ипподрома вследствие аварии аэроплана «Юнкере-13» трагически погибли заместитель Председателя Совнаркома ЗСФСР, член Президиума ЦИК СССР, член РВС СССР Александр Федорович Мясников, председатель Закавказской Ч К Соломон Григорьевич Могилевский и заместитель наркома РКИ в ЗСФСР Георгий Александрович Атарбеков. Вместе с ними погибли два летчика — Шпиль и Сагарадзе.

А. Антонов-Овсеенко, сын знаменитого-революционера, репрессированного в сталинские времена, приводит подробности аварии, описанной в акте технической комиссии. В 11 часов 50 минут самолет поднялся в воздух. В 12 часов 05 минут дежурный центральной телефонной станции передал: «В воздухе «Юнкере». Самолет горит». Через пять минут самолет сел на землю.

К месту аварии на грузовике направились военные летчики. Свидетели показали: на высоте 20 метров из самолета выпали один за другим два пассажира. Перед самой землей из кабины вывалился пилот. При ударе о землю взорвались баки с горючим. Под обломками обнаружили обгоревшие трупы Мясникова и второго пилота Сагарадзе.

Технический осмотр показал, что мотор и системы управления вполне исправны. Причина пожара не установлена.

Отталкиваясь от этого первого сообщения, опубликованного через день после аварии в республиканской газете «Заря Востока», А. Антонов-Овсеенко высказывает догадку о том, что Александр Мясников якобы располагал сведениями, политически компрометирующими Сталина, и потому набиравший силу генсек начал опасаться нежелательного свидетеля. По версии А. Антонова-Овсеенко, Мясников был обречен, и кто бы с ним ни поднялся в мартовское утро в воздух, должен был погибнуть. Берия узнал о живой угрозе для генсека и оказал ему первую, не стоящую больших усилий услугу.

На чем основано это предположение? А. Антонов-Овсеенко пишет: несколько старых партийцев, товарищей Мясникова по

дореволюционному подполью, знали о некоей жгучей сталинской тайне, в которую был посвящен Мясников. Но фамилий свидетелей не называет. Кто они, эти люди? Неизвестно. Столь же глухо и неопределенно, одной фразой, старый чекист Сурен Газарян вспоминал после XX съезда партии: когда-нибудь история прольет свет на это дело и выявит роль Берии. Снова никаких прямых улик. Вряд ли в качестве доказательства можно принять и такой аргумент: после гибели Мясникова агенты ГПУ еще долгое время не спускали глаз с его товарищей и родных. Равно как и постоянное дежурство у подъезда дома, где жила его больная жена. Подобный интерес мог быть вызван как раз обстоятельствами сохранения безопасности этих лиц — время-то в Закавказье было неспокойное, нападения на советских и партийных активистов не являлись тогда редкостью. Не случайно ведь Троцкий, отдыхавший в Сухуми в ту пору, когда случилось несчастье, прибыл в Тбилиси и заявил публично: «Надо еще спросить о причине гибели трех товарищей у грузинских меньшевиков».

Пожалуй, единственный заслуживающий внимания аргумент в пользу версии А. Антонова-Овсеенко — это ссылка на вдову пилота Иосифа Шпиля. Но насколько он убедителен, судите сами. Впоследствии жена летчика вспоминала, что муж, предчувствуя недоброе, просил начальство заменить его кем-нибудь. Такое могло быть, подтвердили мне сведущие в авиации люди. Случаи, когда летчик как бы предчувствует недоброе и в полете оно обязательно происходит, нередки. Но правомерно задать и такой вопрос: а если причина аварии вовсе не в преднамеренном злом умысле, а в элементарном отказе техники? Неужели летчик способен нутром ощутить именно замышляемую диверсию, а не сам факт катастрофы?

Только недавно стало известно, что создавалась авторитетнейшая экспертная комиссия по выяснению обстоятельств авиакатастрофы. Комиссия, возглавляемая командующим Краснознаменной Кавказской армией Августом Корком, подтвердила выводы первой — несчастный случай. Но и это не все. Поскольку случай был не из рядовых, и погибли не простые, а довольно известные пассажиры, да и происшествие получило международную огласку, самолет-то ведь был немецкий, создавалась и третья комиссия. В ее работе участвовали виднейшие авиаинженеры. Тот же результат: пилоты действовали правомерно, немецкая фирма — надежна, причина — несчастный случай.

Как бы там ни было, но заключения трех комиссий не опровергнуты до сих пор. Да и по прошествии стольких лет вряд

ли кто сейчас будет требовать этого. СССР нет, а его былые герои, похоже, никого не интересуют.

Единственное, в чем можно согласиться с авторами, придерживающимися мнения о маниакальной мести Берии всем его бывшим «буксирам» и малым «буксирчикам», так это в том, что молодого честолюбивого горца действительно «вели», проталкивали наверх безупречные большевистские деятели того времени. К списку имен, уже известных читателям, добавлю и Кирова. «Тов. Берия хороший и энергичный чекист, проявил себя на чекистской работе с хорошей стороны», — такую характеристику дал ему Сергей Миронович.

Ну вот и Киров, удовлетворенно хмыкнет кто-либо из читателей, найдя в этом имени подтверждение версии сыновей репрессированных. Киров-то ведь был убит, и, как писали в конце восьмидесятых годов некоторые публицисты из демократического лагеря, к выстрелу в Смольном несомненно-приложил руку Лаврентий Павлович — стараясь угодить Сталину, избавить его от соперника с нарастающей популярностью. При этом глухо намекали и на личную неприязнь Берии к Кирову.

Действительно, в мае 1922 года в их отношениях возникли некоторые шероховатости. Киров, возглавлявший тогда ЦК Компартии Азербайджана, издал в июне строгую директиву в адрес органов ЧК республики и лично Берии о недопустимости вести агентурную слежку за партийными работниками, вмешиваться во внутреннюю жизнь парторганизаций. Более того, оба обменялись довольно колкими письмами по этому поводу. Правда, Берия отрицал свою вину, и Киров, похоже, поверил ему. Но Лаврентий Павлович, считают некоторые, той «переписки» не забыл.

Однако комиссия Александра Яковлева документального подтверждения версии о причастности Берии к убийству Кирова не нашла. Историки все более склонны признать версию, выдвинутую петербургскими исследователями: в Кирова стрелял отчаявшийся одиночка, восставший против абсолютизма партийной власти, уволенный с партийной работы партийной же инстанцией, нигде не нашедший понимания и поддержки: ни в Смольном, ни в ЦК, ни у самого Сталина, к которому безуспешно обращался за помощью. Найдены скрывавшиеся долгие годы во мраке неизвестности дневники Николаева, убийцы Кирова, и они вполне проливают свет на подлинные причины рокового выстрела в Смольном.

На мой взгляд, есть две главные причины объяснения того, почему Берию постоянно проталкивали наверх. Во-первых, это среда. Ни в одной стране, кроме нашей, не ценится так высоко

рекомендация высшего начальника. А зародилась эта традиция в подполье. Стиль и методы деятельности партии долгое время несли отпечаток, наложенный условиями нелегальной работы. Отсюда вполне понятная подозрительность и недоверие ко всякому новому в партийной среде человеку, особенно после того, как партия пришла к власти — в карьеристских целях к ней примазывалось немало случайных людей. На первый план в кадровой работе выступало поручительство какого-нибудь авторитета. Для вступления в партию требовались рекомендации трех человек, лично знавших кандидата и несших за него ответственность. Чем выше ранг у поручителя, тем надежнее, тем больше шансов для продвижения. Так что никакого исключения Берия не представлял. Он жил по законам того круга, в котором вращался.

Во-вторых, нельзя, конечно, недооценивать и личностных качеств нашего, скажем так, антигероя. Как всякий восточный человек, он в полной мере обладал тончайшим искусством лести, умением оставить о себе самое благоприятное впечатление, мастерством ненавязчиво приблизиться к тем, кто обладал силой и властью. Берия льнул ко всем, кто мог влиять на судьбы других. Достоверно известно, например, что его сына, родившегося в 1925 году, сначала нарекли Отаром. Но стоило Орджоникидзе через год переехать в Москву, как Берия срочно «перекрестил» сына в Серго.

Лаврентий Павлович, несомненно, умел играть на свойствах характера и других сильных мира своего. Возвращаясь к версии о покровительстве со стороны Орджоникидзе, можно сослаться на мнение историка Дмитрия Волкогонова, который считает, что в начале карьеры Берия использовал знакомство своей жены Нины Гегечкори (как и ее дяди — революционера) с Орджоникидзе. Возможно, допускает этот исследователь, Берии такое знакомство помогло. Но тот очень скоро «раскусил» авантюриста и крайне неприязненно и настороженно относился к выдвижению Берии. «Раскусил» в смысле понял, что конкурент может обскакать? Не ясно…

Безусловно, Берия в этом плане был далеко не оригинален. Стоило в семье Сталина появиться дочери по имени Светлана, как молодожены Молотовы тут же нарекли свою чадунюшку точно таким же именем. Я уже не говорю об униформе, которую кремлевские жильцы копировали с главного кремлевского хозяина, о режиме дня, который все большие и малые начальники от Бреста до Камчатки подстраивали под одного единственного человека.

Выдерживают ли критику обвинения Берии в интригантстве

сегодня, когда стало известно, что каждый лидер, приходивший к власти после Ленина, добивался этого исключительно путем заговоров и отчаянной борьбы с использованием далеко не парламентских методов? Хитроумную сеть закулисных интриг против своих бывших единомышленников по антибериевскому блоку плел Хрущев, прежде чем свалил такие мощные фигуры, как Молотов, Булганин, Ворошилов, Каганович, Маленков. Вспомним, как освобождались в свою очередь от Хрущева, как рвались к власти Брежнев, Черненко, Андропов, как расчищал себе дорогу Горбачев, устраняя с дороги таких потенциальных соперников, как Гришин и Романов.

И только ли в Кремле такое происходило? Вспомним историю восхождения к вершинам власти лидеров многих европейских и заокеанских держав. Подлости, коварству, лицемерию, предательству на пути к вожделенной цели нет числа!

Послужной список Берии как чекиста, предшествовавший выдвижению на партийную работу, абсолютно чист! Его венчал приказ председателя ОГПУ В. Менжинского, изданный в 1931 году по случаю десятилетия Грузинской ЧК. «Коллегия ОГПУ, — говорится в приказе, — с особым удовлетворением отмечает, что вся… огромная напряженная работа в основном проделана своими национальными кадрами, выращенными, воспитанными и закаленными в огне боевой работы под бессменным руководством тов. Берии, сумевшего с исключительным чутьем всегда отчетливо ориентироваться и в сложнейшей обстановке, политически правильно разрешая поставленные задачи, и в то же время личным примером заражать сотрудников, передавая им свой организационный опыт и оперативные навыки, воспитывая их в безоговорочной преданности Коммунистической партии и ее Центральному Комитету».

Эта блестящая характеристика, данная ближайшим сподвижником и преемником железного Феликса, была своеобразным пропуском в партийный аппарат, мандатом на высокие партийные должности, ярлыком на княжение в Грузии и Закавказье. Москва устами главы тайной полиции провозгласила: доверия достоин!

И уже спустя восемь месяцев Берия становится первым секретарем ЦК КП(б) Грузии, вторым секретарем Закавказского крайкома. Менее чем через год он возглавил всю Закавказскую партийную организацию.

Молодой Берия мало известен не только массовому читателю, но и историкам. Кроме отдельных обвинений в сотрудничестве с мусаватистами и через них с английской разведкой, мы практически ничего о раннем периоде его жизни

не знаем. В какой семье он родился, где учился, чем занимался в юности? Что формировало его характер?

Глава 5
ЮНОСТЬ

В личном деле Берии хранится автобиография, написанная им самим. Четыре страницы убористого текста. Внизу — подпись и дата: 1923 год, 27/X. Документ интереснейший во всех отношениях. Хотя бы потому, что составлял его 24-летний молодой человек, вряд ли подозревавший тогда о том, что судьба вознесет его на самый верх кремлевского ареопага, и потому мало заботившийся об особом интересе будущих исследователей к его личности. Молодой Берия, надо полагать, пишет обо всем без утайки, без замалчивания некоторых спорных моментов своей короткой, но уже довольно бурной жизни.

Воспроизведем же этот мало известный даже профессиональным историкам документ, если он хоть в какой-то мере поможет нарушить заговор зловещего молчания вокруг этого объявленного дьяволом человека, если устранит вакуум информационной пустоты, образовавшийся в официальной историографии и не преодоленный даже в годы горбачевской гласности, если поможет взглянуть непредвзято на то, что тщательно скрывалось в течение многих десятилетий. Что может быть приятнее для скромного исследователя, ставящего превыше всего торжество исторической истины?

Итак, какие ведьмовские соки вскормили и вспоили его пресловутый демонизм?

Обращаемся к самому раннему детству. Подобно миллионам своих дерзких сверстников, отученных от старомодной формулы: «Рожден тогда-то и там-то», 24-лет-ний Берия использует новую, отражавшую массовое сознание молодого советского поколения: «Родился я 17 марта 1899 года в селе Мерхеули (в 15 верстах от города Сухума) в бедной крестьянской семье». Обратили внимание? «Родился я…» Горделивое местоимение не на первом, ныне привычном, месте, а на втором, что при внимательном прочтении говорит о многом.

Ввиду того, что плата за обучение была в тягость родителям, продолжает составитель автобиографии, будучи еще учеником Сухумского городского училища, он готовил учеников младших классов, помогая таким образом семье, и это продолжалось с перерывами до 1915 года. В том году шестнадцатилетний юноша — один! — покидает родительский кров и переезжает в Баку, где начинает свою самостоятельную жизнь. В Баку Лаврентий поступает в техническое училище, и вскоре к нему приезжают

мать, глухонемая сестра и пятилетняя племянница. Отныне заботы об их содержании полностью ложатся на его плечи, он — единственный их кормилец.

Об образовании. В Сухуми окончил высшее начальное училище, в которое поступил восьмилетним мальчиком. В Бакинском среднем механико-строительном техническом училище обучался четыре года. В 1919 году окончил его, а в 1920-м, когда училище преобразовали в политехнический институт, поступил на первый курс. Занятия в институте продолжались с перебоями до 1922 года, когда Заккрайком перевел его из Баку в Тифлис. Учение пришлось прекратить. К тому времени он числился студентом третьего курса.

Началом своей партийной работы Берия назвал в автобиографии 1915 год. Правда, это были зачаточные формы, признается он. В октябре 1915 года ими — группой учащихся Бакинского технического училища — был организован, нелегальный марксистский кружок, куда входили и учащиеся других учебных заведений. Кружок просуществовал до февраля 1917 года. В этом кружке Лаврентий состоял казначеем. Читали рефераты, разбирали книги, получаемые из рабочих организаций. В марте 1917 года совместно с В. Егоровым, Пуховичем, Аванесовым и еще одним товарищем Берия организовал ячейку РСДРП(б), где являлся членом ее бюро.

Во время летних каникул 1916 года служил в качестве практиканта в главной конторе Нобеля в Балаханах — зарабатывал на пропитание себе и семье.

«В ходе дальнейших событий, начиная с 1917 года, в Закавказье я вовлекаюсь в общее русло партийносоветской работы, — продолжает Берия, — которая перебрасывает меня с места на место, из условий легального существования партии (в 1918 г. в г. Баку) в нелегальные (19 и 20 гг.) и прерывается выездом моим в Грузию». В июне 1917 года в качестве техника-практиканта поступил в гидротехническую организацию армии Румынского фронта и выехал с последней в Одессу, а оттуда в Румынию, где работал в лесном отряде села Негуляшты.

Вокруг времени вступления Берии в партию ходило немало кривотолков. Впрочем, только ли его одного? Вспомним Щорса, других участников революции и гражданской войны. Кто сегодня с полной определенностью скажет, как проходил тогда прием в партию? В нее принимали или люди сами определяли свое членство? В дореволюционные годы, как мы знаем, процедура приема была совершенно иная, чем, скажем, в пятидесятые или шестидесятые годы. Если бы вопрос ставился столь сурово, как к Берии, думаю, что ни один деятель из высших партийных

эшелонов не смог бы подтвердить свой партийный стаж необходимыми документами. Собственно, о каких документах могла идти речь, если партия действовала в условиях глубочайшей конспирации?

Тем не менее Берии инкриминировали и это. Очень выгодно было провести водораздел между ним и партией. В многочисленных публикациях о злодеяниях Берии подчеркивалось: у него ничего общего не было с партией. Именно такие, как он, дискредитировали ее.

Стремлением отделить его от партии, попытками доказать, что он вовсе и не вступал в нее, проникнуты протоколы допросов арестованного Берии в июне 1953 года. Вот только одна выдержка.

«ВОПРОС. Как могло случиться, что вы, будучи членом партии с марта 1917 года, в июне этого года добровольно вступили практикантом в гидротехническую организацию и выехали в Одессу? Было ли это поступление согласовано вами с партийной организацией?

ОТВЕТ. Что я поступил в эту организацию, Пуринов (Цуринов-Аванесов — соученик по техническому училищу, с которым создавали ячейку РСДРП) знал, но я ни с кем из партийной организации этого не согласовывал…»

Протокол допроса датирован 19 июля. Как видим, следствие отчаянно, изо всех сил старалось наскрести хоть что-нибудь! Копались даже в сугубо внутрипартийных вопросах: а вдруг членство в партии и членство в партбюро были сфальсифицированы?

Однако продолжим жизнеописание Берии. В Румынии он был, по его словам, выборным от рабочих и солдат, председателем отрядного комитета. В качестве делегата от отряда часто бывал на рабочих съездах. В начале 1918 года возвратился в Баку, восемь месяцев работал в секретариате Бакинского Совета рабочих, солдатских и матросских депутатов, вплоть до занятия города турками. В первое время турецкой оккупации — конторщик на заводе «Каспийское товарищество».

«В связи с началом усиленных занятий в техническом училище, — пишет он, — и необходимостью сдать некоторые переходные экзамены я принужден был бросить службу. С февраля 1919 г. по апрель 1920 г., будучи председателем ком. ячейки техников, под руководством старших товарищей выполнял отдельные поручения райкома, сам занимаясь с другими ячейками в качестве инструктора…»

Стоп! «С февраля 1919 г.» Именно этот год считает А. Антонов-Овсеенко подлинным временем вступления Берии в

партию, а вовсе не март 1917-го. Приписал себе два года партстажа? Если даже и так, то он был далеко не единственным в те отдаленные времена, не говоря уже о более близких.

Сколько людей, приехавших издалека, можно было наблюдать в коридорах КПК при ЦК КПСС. Многие были по вопросам партстажа. Посетителей значительно прибавилось, когда вышло положение о ветеранах партии, награждаемых значком «50 лет в КПСС».

А вот и строки об эпизоде, который преследовал Берию до конца его жизни и остался позорным пятном после кончины. Оказывается, еще в 1923 году он рассказал, не утаивая, об этом в своей автобиографии. Стало быть, он и сам не скрывал? «Осенью того же 1919 года, — чистосердечно признается будущий хозяин грозного ведомства, — от партии Гуммет поступаю на службу в контрразведку, где работаю вместе с товарищем Муссеви. Приблизительно в марте 1920 года, после убийства тов. Муссеви, я оставляю работу в контрразведке и непродолжительное время работаю в Бакинской таможне».

Я уже касался этой темной страницы в биографии своего антигероя, приводил на сей счет разные суждения. В конце концов, Берия не отрицает факта работы в мусаватистской разведке. Кто возьмется установить, на каких хозяев работал Берия, спрашивает А. Антонов-Овсеенко. И далее продолжает: известно, что мусаватистская разведка находилась под контролем английской, а ее тесная связь с турецкой обусловила контакт с немецкой. Но «добытые Берией данные Багиров передавал в Царицын, в штаб X армии». Это — утверждение А. Антонова-Овсеенко, которого, как вы догадываетесь, к числу симпатизирующих Берии никак не отнесешь.

И снова — об аналогиях. Разве Берия был единственным в Кремле, кто запятнал себя в молодости компрометирующими связями?' Если бы единственным! Вспомним Вышинского, который дослужился до поста заместителя Председателя Совета Министров СССР, а в молодости был меньшевиком и даже подписывал печально известный ордер на задержание Ленина в летнее безвременье 1917 года. Грех поболе!

Далее Берия рассказывает о себе следующее: «С первых же дней после Апрельского переворота в Азербайджане краевым комитетом компартии большевиков от регистрода (регистрационный, т. е. разведывательный отдел. — *Н. З.)* Кавказского фронта при РВС 11-й армии командируюсь в Грузию для подпольной зарубежной работы (в то время в Грузии у власти находилось меньшевистское правительство. — *Н.* З.) в качестве уполномоченного. В Тифлисе связываюсь с краевым комитетом в

лице тов. Амаяка Назаретяна, раскидываю сеть резидентов в Грузии и Армении, устанавливаю связь со штабами грузинской армии и гвардии, регулярно посылаю курьеров в регистрод г. Баку. В Тифлисе меня арестовывают вместе с центральным комитетом Грузии, но согласно переговорам Г. Стуруа с Ноем Жордания освобождают всех с предложением в 3-дневный срок покинуть Грузию».

Однако Берии удается остаться в Тифлисе. Под вымышленной фамилией Лакербая он поступает на службу в представительство РСФСР, которое возглавлял Киров. В мае 1920 года Берия выезжает в Баку в регистрод за получением директив в связи с заключением мирного договора России с Грузией, но на обратном пути в Тифлис его арестовывают. Хлопоты Кирова не помогают, и молодого разведчика препровождают под охраной в Кутаисскую тюрьму. Весь июнь и июль он провел в заключении. Условия там были невыносимые, и политзаключенные объявили голодовку. Она продолжалась четыре с половиной дня. Отказ от приема пищи вынудил власти этапировать несломленного, узника в Азербайджан.

В августе 1920 года ЦК РКП назначает его управляющим делами ЦК Компартии Азербайджана.

«На этой должности я остаюсь до октября 1920 года, — пишет Берия в своей автобиографии, — после чего Центральным Комитетом назначен был ответственным секретарем Чрезвычайной Комиссии по экспроприации буржуазии и улучшению быта рабочих. Эту работу я и т. Саркис (председатель комиссии) проводили в ударном порядке вплоть до ликвидации Комиссии (февраль 1921 года). С окончанием работы в Комиссии мне удается упросить Центральный Комитет дать возможность продолжать образование в институте, где к тому времени я числился студентом (со дня его открытия в 1920 году). Согласно моим просьбам ЦК меня посылает в институт, дав стипендию через БакСовет. Однако не проходит и двух недель, как ЦК посылает требование в Кавбюро откомандировать меня на работу в Тифлис. В результате ЦК меня снимает с института, но вместо того, чтобы послать в Тифлис, своим постановлением назначает меня в АзЧека заместителем начальника секретно-оперативного отдела (апрель 1921 г.) и вскоре уже — начальником секретно-оперативного отдела — заместителем председателя АзЧека».

Можно ли обнаружить в этих страничках нотки самолюбования? Безусловно. Особенно при строгом прочтении. Яркие перышки мелькают в распущенном павлиньем хвосте то в одном месте, то в другом. К концу их становится все больше. Не буду останавливаться на напряженном и нервном характере

работы в АзЧека, приближается к завершению своего жизнеописания 24-летний Берия. Без излишней скромности он делает вывод: положительные результаты такой работы налицо. В качестве примеров приводится разгром мусульманской организации «Иттихат», которая «насчитывала десятки тысяч членов», ликвидацию Закавказской организации правых эсеров, за что, как мы уже знаем, молодому сотруднику ГПУ (ВЧК) своим приказом от 6 февраля 1923 года объявляет благодарность, а также награждает его оружием. Итоги этой же работы отмечены Совнаркомом АзССР в похвальном листе от 12 сентября 1922 года. Не забывает составитель автобиографии даже такой мелочи, как упоминание своего имени в местной печати — с положительной, разумеется, стороны. Затем идет перечисление всевозможных общественных постов, участие в Азербайджанской межведомственной комиссии, в комиссиях Высшего экономического совета и по обследованиям ревтрибунала. Немало места занимает перечисление общественной работы по партийной линии: член бюро ячейки ЧК, делегат всех съездов и конференций Азербайджанской компартии. Состоял также членом Бакинского Совета.

Ярких перьев в хвосте заметно прибавляется по мере описания перехода на работу в Грузию, где Берия занимает пост начальника секретно-оперативной части и заместителя председателя ЧК республики. «Здесь, — пишет он, — принимая во внимание всю серьезность работы и большой объект, отдаю таковой все свои знания и время, в результате в сравнительно короткий срок удается достигнуть серьезных результатов, которые сказываются во всех отраслях работы: такова ликвидация бандитизма, принявшего было грандиозные размеры в Грузии, и разгром меньшевистской организации и вообще антисоветской партии, несмотря на чрезвычайную законспирированность. Результаты достигнутой работы отмечены Центральным Комитетом и ЦИКом Грузии в виде награждения меня орденом Красного Знамени…»

Да уж, чего-чего, а честолюбия у кавказского молодого человека хватает! Хотя, кажется, не обделен и самокритичностью. В самом конце автобиографии читаем: «За время своей партийной и советской работы, особенно в органах ЧК, я сильно отстал как в смысле общего развития, так равно не закончив свое специальное образование». Двадцатичетырехлетний заместитель председателя ЧК Грузии, орденоносец, замеченный московской Лубянкой и отмеченный ею именным оружием, вкусивший пьянящей, почти безграничной власти над жизнями десятков тысяч людей, находит в себе силы расстаться с достигнутыми немалыми высотами. Что

повлияло на это решение, да еще в таком возрасте, когда власть застилает глаза и гасит всякие сомнения, шевелящиеся в душе?

Молодой чекист просит ЦК предоставить возможность продолжить образование в техническом институте, поскольку имеет призвание к этой отрасли знаний. Законченное специальное образование, подчеркивает он, даст ему возможность отдать свой опыт и знания советскому строительству именно в этой области, а партии — использовать после завершения учебы так, как она найдет нужным.

Вам симпатичен этот молодой человек? Нравятся его душевные порывы, стремление учиться, приобрести знания, строить новую жизнь? Мне, например, такие качества весьма по душе!

Откуда же тогда появился дьявол, тиран, палач, имя которого сродни проклятью?

Еще не было на земле человека, который, обуреваемый жаждой и стоя у воды, не испытал бы искушения напиться. Тем более что все на его глазах утоляли жажду. Никогда еще и никому не приходилось видеть белую ворону. Ее черные сородичи ни за что не приняли бы такую в свою стаю. А что такое человек, как не животное, пускай себе и социальное? Он тоже живет по внутривидовым законам.

Были ли до Берии в Советском Союзе главнокомандующие заплечных дел? Да сколько угодно — Ягода, Ежов. А после Берии? Ладно, не будем называть имен, скажем дипломатично, что тюрьмы и лагеря существовали во времена хрущевской оттепели и позднее, что неправосудные приговоры выносились и вовсе недавно, скажем, даже в эпоху неудавшейся попытки построить в СССР правовое государство. А весь фокус в том, что маршал и вице-премьер был расстрелян не за пытки в кабинетах НКВД, не за превращение в лагерную пыль ни в чем не повинных людей, не за разнарядки на аресты й не за «черные воронки». Берию расстреляли за преступления, предусмотренные статьями 58-1 «б», 58-8, 58–13, 58–11 тогдашнего Уголовного кодекса РСФСР — т. е. за измену Родине, за организацию антисоветского заговора, за совершение террористических актов и т. д.

Не все ли равно, за что расстреляли Берию, воскликнет иной читатель. Разве он, душегуб и палач, не заслуживает этого?

Может быть, и заслуживает. Не следует исключать и такого варианта. Но ведь расстреляли-то за другое! А как же тогда быть не только с моральными, но и с юридическими основаниями?

Каждое время живет по своим законам. Пленум ЦК, разбиравший дело Берии, состоял из людей, подобранных еще Сталиным. Это была монолитная, сплоченная партийная гвардия.

Пройдет некоторое время, и в составе членов ЦК, судивших Берию, произойдут крутые перемены.

Окажутся в «антипартийной группе» Маленков, Молотов, Каганович и «примкнувший к ним Шепилов», застрелится Фадеев, снимут с поста министра обороны Жукова, а через десять лет отправят на пенсию и самого Хрущева. Но тогда, в июле пятьдесят третьего, через четыре месяца после смерти Сталина, весь состав ЦК был сталинским. Он плотно сидел плечом к плечу в креслах кремлевского зала и дружно спихивал вину на одного человека. Его «сдали».

Глава 6
ПУТЬ НАВЕРХ-3

В который раз перечитываю стенограмму пленума. Если свергнутый с пьедестала могущественный соратник занимался антипартийной и антигосударственной деятельностью еще при жизни Сталина, то почему «руководящее ядро» не апеллировало к ЦК раньше — хотя бы после смерти покровителя, которого, допустим, все боялись? Почему Берии позволили занять самые высокие посты в государстве и партии? Почему «руководящее ядро» не могло ждать созыва пленума и решило пойти на скоропалительный арест? И, наконец, в чем все-таки конкретно заключалась его антипартийная и антигосударственная деятельность? Увы, четких и ясных ответов на эти и другие вопросы нет. Внимание в основном концентрируется на отдельных эпизодах биографии, которые, по мнению разоблачающих, показывают его подлинную сущность.

Много места в выступлениях занимала тема, связанная с выходом брошюры Берии «К вопросу об истории большевистских организаций Закавказья», выпущенной в свет в 1936 году и выдержавшей девять изданий. Появление этой работы способствовало политическому вознесению руководителя закавказских большевиков и переводу его в Москву. Таково общее мнение всех ораторов.

Первым эту догадку высказал Микоян. «Вот эту свою брошюру Берия сделал трамплином для прыжка на вышку общепартийного руководства, — читаем в стенограмме, — что ему, к сожалению, удалось. Его брошюру стали прорабатывать во всех кружках. Он получил ореол теоретического работника и верного сталинца. Отсюда и дальнейшее — все это помогло ему втереться в доверие Сталина. "Видишь, Берия — молодец, подобрал материал, изучил, работал над собой, написал хорошую книгу," — говорил товарищ Сталин».

Далее оратор вел речь о фальсификации Берией истории, о непомерном возвеличивании роли Сталина в революционных событиях в-Закавказье. Спору нет, Анастасу Ивановичу эта тема знакома больше, чем кому-либо, ведь он сам был непосредственным участником описываемых в брошюре событий. Однако возникает крамольная мысль: а почему только сейчас наконец-то решился об этом сказать вслух?

Сенсационное заявление сделал Молотов: книга, оказывается, составлялась вовсе не Берией, подлинное авторство принадлежит

не ему. Первый секретарь ЦК Компартии Армении Г. А. Арутюнов дополнил Вячеслава Михайловича: не мог арестованный преступник создать такой труд. Он ведь не прочитал ни одной книги. Как он мог поднять партийные архивы, документы, возмущался оратор из Еревана. Арутюнов бросил в притихший зал имена настоящих авторов брошюры. Это «некий Бедия» и «ренегат, известный в Грузии меньшевик Павел Сакварлидзе». Вот кто в действительности писал книгу!

Однако история ее создания довольно темна и по нынешний день. Единственное, что не вызывает сомнений, — в подготовке этого труда участвовали не только двое названных выше лиц. Их круг был значительно шире — не менее двадцати. А с учетом поиска и расспросов участников событий — и того более, до сотни. Ведь архивные материалы отличались скудостью, в годы подполья, как известно, протоколы и стенограммы не велись.

Вот как выглядит история создания этого нашумевшего в середине тридцатых годов научного труда в интерпретации А. Антонова-Овсеенко — автора одного из первых в советской историографии жизнеописаний Берии'. Антонов-Овсеенко считает, что идея создания книги истории революционного движения в Закавказье принадлежит Сталину. Там еще помнили мнение старой гвардии социал-демократов, яркий представитель которых Ной Жордания называл Сталина не иначе как варваром. Да и признанные грузинские большевики Миха Цхакая, Филипп Махарадзе, Шалва Элиава, Мамия Орахелашвили недоумевали: какой же это «вождь»? Досадный диссонанс на фоне начавшегося в Москве, Ленинграде, Киеве, на Урале славословия в адрес генсека. В сладкой патоке восхвалений не хватало голосов из Закавказья — родины Иосифа Виссарионовича.

Прозрачный намек якобы был сделан Мамии Орахелашвили — руководителю партийной организации Закавказской Федерации, образованному марксисту, имевшему институтский диплом. Однако интеллигентный Орахелашвили от предложения вождя отказался. Что, конечно же, не было забыто. В тридцать седьмом его объявили врагом народа. В тюрьму бросили и жену — наркома просвещения Грузии. Дочь Кетеван, у которой было двое маленьких детей, отправили в лагеря на 18 лет. В тюрьме замучили ее мужа. Помните Кетеван Барателн из кинофильма «Покаяние», зарабатывавшую на жизнь после возвращения из лагеря приготовлением тортов? Так вот, создавая ее образ, Тенгиз Абуладзе помнил о Кетеван Орахелашвили.

В отличие от несговорчивого интеллигента Орахелашвили, за героизацию прошлого кремлевского горца взялся более покладистый и молодой Лаврентий Берия. Первым делом он

распорядился пригласить к себе Ивана Александровича Джавахишвили — одного из создателей Тифлисского университета в 1916–1918 годах. К 1934 году — времени описываемых событий — его отстранили от педагогической и научной деятельности с ярлыками «чуждый элемент» и «столп грузинского-национализма». В беседе с ним Берия заверил, что неприятности теперь позади, что старое никто не вспомнит, а ему, автору фундаментальных трудов по истории Грузии, будет оказано всяческое содействие в научной деятельности. Чем нужно помочь уважаемому ученому, какие книги издать в первую очередь?

По версии А. Антонова-Овсеенко, Берия был слишком умен и хитер, чтобы прямо, в лоб, предложить работу над его, Лаврентия Павловича, книгой. Расчет был тонким и дальновидным: чтобы заручиться поддержкой такого крупного авторитета, надо было втереться к нему в доверие. Замысел якобы удался. Неспроста, замечает автор, через четыре года Джавахишвили удостоили звания академика, а к концу его жизни, к 1940 году, вышли из печати почти все основные труды. Факт невероятный, если принять во внимание, что в момент вызова к Берии в 1934 году опальный ученый полагал: путь оттуда лежит прямиком в тюремную камеру.

Антонов-Овсеенко считает, что подлинным автором злополучной книги был Малакия Торошелидзе — ректор Тбилисского университета, историк и специалист по диамату, некоторое время возглавлявший Госплан ЗСФСР. ЦК КП(б) Грузии поручил ему руководить изданием трудов Маркса, Энгельса и Ленина на грузинском языке. Именно Малакия Торошелидзе вызвал Берия к себе осенью 1934 года и предложил написать книгу о первых большевистских организациях Закавказья, отразив в ней, разумеется, руководящую роль товарища Сталина. В какой-то мере оправдывая сговорчивого ректора, Антонов-Овсеенко замечает: предложение историку было сделано таким тоном, что оставалось лишь согласиться.

Антонов-Овсеенко полагает, что Сталин сам подробно проинструктировал Торошелидзе: о ком писать, как писать, что выделить, что опустить. Однако другими свидетельствами, подтверждающими версию о прямом инструктировании грузинского историка лично Сталиным, мы не располагаем. — Равно как и свидетельствами о том, каким образом и через кого именно Берии было передано пожелание Сталина о подготовке книги. И было ли оно? Обратившись к событиям более близкого времени, зададимся вопросом: кто, например, возьмет смелость утверждать, что Леонид Ильич Брежнев был инициатором

создания знаменитой тетралогии, за которую получил Ленинскую премию в области литературы или, по-старому, в области изящной словесности? Кто докажет, что именно он сделал прозрачный намек об этом верному своему Санчо Пансе — Черненко и тот сколотил группу из числа видных писателей и публицистов, которые с энтузиазмом взялись за дело? Да так, что даже члены Политбюро ничего не знали о развернувшейся работе.

В случае с «Малой землей» хождение имеет одна-единственная версия: идея о мемуарах Брежнева родилась в кругу его самых доверенных приближенных. Престарелый генсек не нашел в себе сил устоять перед очередным сладкоустым соблазном кремлевских льстецов. Как было на самом деле? Боюсь, что правду мы узнаем не скоро. Тайны, связанные с жизнью небожителей, имеют обыкновение долго оставаться неразгаданными, и случай с написанием книги Берии — момент, с которого исследователи справедливо ведут отсчет политического вознесения Лаврентия Павловича, — еще одно тому подтверждение.

Возраст этого «белого» пятна истории неуклонно приближается к семидесятилетней отметке. Старые партийные пропагандисты рассказывали мне о небывалой шумихе, развернувшейся вокруг книги «К истории большевистских организаций Закавказья». Труд товарища Берии глубоко изучался во всех парторганизациях, в кружках партийной учебы, в агитпунктах по месту работы и жительства коммунистов Закавказья. Постепенно пропагандистская кампания захлестнула Москву, Ленинград, Украину, Белоруссию. Не без помощи прессы, разумеется. Газеты пестрели заголовками: «За большевистское изучение истории парторганизаций Закавказья!», «Учиться круглый год!», «Ценнейший вклад в летопись большевизма». Спустя сорок пять лет, превознося до небес «высокоталантливое» произведение товарища Леонида Ильича Брежнева, газеты использовали по сути старые трафареты, наработанные в прежние годы. Не исключено, что, приступая к широкой пропаганде и разъяснению идей и положений, изложенных в «выдающейся» тетралогии Леонида Ильича, кое-где в редакциях извлекли из архивов старые подшивки своих газет. Держала же за образец минская группа по составлению приветственного письма товарищу Брежневу в связи с его 70-летием аналогичное послание в стихах, составленное ведущими белорусскими поэтами, посвященное точно такой юбилейной дате в жизни Сталина. Заглянув как-то в кабинет, где пекли сие творение, своими глазами увидел лежавшую на столе газету «Звязда» с огромным стихотворным текстом.

Снова вернемся в год 1935-й. Согласно версии А. Антонова-Овсеенко, главным помощником ректора Тифлисского университета Малакии Торошелидзе в написании книги, которую участники пленума сочли одним из главных свидетельств лицемерия и подлости обвиняемого, был Эрнест Бедия. Ему Берия поручил сбор воспоминаний участников революционных событий. Дело весьма непростое, если учесть, что рассказы очевидцев должны были стать основным источником для создаваемой книги, поскольку других материалов: картотек, протоколов, стенограмм — не сохранилось в силу конспиративных условий, в которых протекала деятельность большевиков. В помощь Бедии отрядили несколько расторопных аспирантов, среди которых оказалась одна москвичка.

Не понимаю, что здесь предосудительного? С какой стати подобная практика сбора материала для документальной книги представляется порочной? Вспомним опубликованные в советской прессе признания тех, кто участвовал в подготовке «Малой земли», «Возрождения», «Целины». Правдист Александр Мурзин поведал о том, как ему поручили поехать в Казахстан, встретиться с целинниками и записать их воспоминания о Леониде Ильиче. Что он сделал — добросовестно и профессионально. Без встреч и бесед с участниками исторических событий не обходится ни один мемуарист, ни один историк, какими бы богатыми архивными источниками он ни располагал. Живого рассказа очевидца не заменит никакой самый обстоятельный отчет, доклад, никакая самая добросовестная справка.

Другое дело, если свидетельства очевидцев подгонялись под определенную схему, а сами воспоминания обрабатывались в нужном ключе. А. Антонов-Овсеенко, к примеру, пишет, что группа Бедии находила покладистых (и нуждающихся) стариков — «свидетелей» и «участников» революционной борьбы. А сам Бедия вручал каждому пакет с деньгами, 200–300 рублей, с лестным присловием: дескать, товарищ Сталин все помнит, вот просил вам передать…

Скоро густая патока сладкоречивых воспоминаний наполнила все папки на столе Торошелидзе. Сталин в них представал великим вождем уже в начале века, большевиком от рождения, а ленинцем — задолго до знакомства с трудами Ленина и личной встречи с ним.

Внимание к создаваемой в Тифлисе книге не отвлекло даже убийство Кирова. Погруженный в важнейшие партийные и государственные дела, Сталин не забывал о поручении, данном Берии. Последний, чувствуя нетерпение Хозяина, торопил группу. Наконец в начале января 1935 года Торошелидзе повез рукопись

-250 страниц — в Москву.

Следующий ниже эпизод автор жизнеописания Берии сопровождает ссылкой: «По воспоминаниям А. И. Папа-вы». В прошлом ректор Кутаисского пединститута, отбывший два лагерных срока, Папава рассказывает о том, что Сталин оставил привезенный текст у себя — для прочтения. Торошелидзе остался в Москве ждать решения. Оно последовало через несколько дней. Сталин прочел рукопись быстро и вернул ее со своими пометками. Торошелидзе показывал некоторые страницы с правками вождя своему другу. Там, где упоминалось его имя, Сталин усилил эпитеты: «с блестящей речью», «исключительная принципиальность», «беспощадно боролся» и т. д. В абзаце об Авеле Енукидзе, которого автор лягнул в угоду Хозяину, сказав, что Енукидзе исказил исторические факты и преувеличил свою роль в революционном движении, Сталин перед словом «преувеличил» вписал: «чрезмерно».

«Беседа подошла к концу, — читаем дальше. — Хозяин поднялся из-за стола и, будто только что вспомнив, спросил:

— Слушай, а как быть с авторством? Знаешь что, пусть автором будет Лаврентий Берия. Он молодой, растущий… Ты, Малакия, не обидишься?

Вождь отечески потрепал Торошелидзе по плечу. И вопрос был решен».

В этой во многом темной истории ясно лишь то, что Берия действительно огласил чужие изыскания на собрании актива Тбилисской парторганизации. Произошло это 21 июля 1935 года. Чтение продолжалось пять часов. Оно много раз прерывалось овациями в честь Сталина, и тогда докладчик рукоплескал вместе с неистовавшим залом. Зачитанный Берией текст занял два полных номера республиканской газеты «Заря Востока» за 24 и 25 июля.

Вот какой путь пришлось пройти научным изысканиям группы грузинских историков и аспирантов, пре'ж-де чем собранный материал воплотился в книге, о которой было столько разговоров на пленуме 1953 года!

Путь в общем-то типичный для такого рода литературы. Вспомним доклады кремлевских руководителей по случаю очередной годовщины со дня рождения Ленина, Октябрьской революции, других памятных дат в истории Коммунистической партии и Советского государства. Над текстами, как правило, работала большая группа крупнейших академиков, работников партийного аппарата, публицистов. После оглашения на торжественном собрании доклады обычно издавались отдельными брошюрами и затем включались в сборники

избранных трудов членов Политбюро. Таким образом готовились доклады и речи Хрущева, Брежнева, Андропова, Черненко, Суслова, Кириленко, Громыко, Тихонова, Рыжкова, Лигачева. После Ленина и его интеллигентской гвардии, а затем Сталина, тексты своих выступлений писали единицы, последним из них был Александр Яковлев.

Если такая традиция существовала в высшем эшелоне партийной власти в Кремле, то можно представить, что делалось на местах… Пишущий самолично первый секретарь ЦК союзной республики или обкома партии, по-моему, не встречался еще никому. Писали речи и книги даже за такого популярного в Белоруссии лидера, как Машеров, не говоря уже о других руководителях калибром помельче. Почему же тогда лидер закавказских коммунистов должен быть исключением из общего правила? Но именно ему и предъявили бывшие соратники обвинение в присвоении результатов чужого труда — сами будучи «авторами» бесчисленного количества докладов, речей, брошюр и книг, сочиненных за них другими людьми.

Знали ли в редакции центрального теоретического журнала «Пролетарская революция», как сочинялись подобные трактаты? Безусловно. И тем не менее откликнулись хвалебной статьей «Крупнейший вклад в сокровищницу большевизма». Сколько там восторженных оценок, суффиксов превосходной степени! Новый всплеск торжественного «аллилуйя» последовал в центральной печати, как только «Правда» опубликовала статью Берии «К вопросу о Пражской конференции». Небывалый случай: газета «Заря Востока» перепечатала эту статью аж дважды — сразу после выхода в «Правде» (1 ноября 1935 года) и 18 января 1937 года, к 25-летию Пражской конференции. С легкой руки прессы цитирование Берии стало обязательным, если речь шла о партийной историографии. В число источниковедческих работ попал даже его доклад «О мерах по дальнейшему укреплению колхозов Грузии», имевший сугубо узкоприкладное значение. В лизоблюдах и пресмыкавшихся недостатка не было — ни в центре, ни тем более в Грузии.

Ушлые пропагандисты, всегда умевшие держать нос по ветру, четко соблюдали правила игры. По всей стране открывались художественные выставки, проводились научно-практические конференции. Тема одна: история большевистских организаций в Закавказье. Товарищ Сталин среди своих соратников. Товарищ Сталин — руководитель рабочего кружка в Тифлисе. Демонстрация батумских рабочих под руководством товарища Сталина в 1902 году. Товарищ Сталин на митинге в 1905 году разоблачает меньшевиков.

И в центре внимания — книга товарища Берии. И он сам — боевой соратник вождя.

В 1953 году бывшие его товарищи поставили ему это в вину: потерял партийную скромность, возвеличивал свою личность, купался в лучах славы Сталина. Сегодня, спустя более сорока лет, мы только иронично улыбаемся: разве это прегрешение? Ладно, сталинского монстра расстреляли, навешали на него всех собак, предали анафеме, прокляли навечно. Восстановили ленинские нормы, осудили большой культ и заодно маленькие культи-ки. Партии, всему народу сказали: смотрите, вот до чего доводит вера в свою исключительность и непогрешимость, слепое послушание дутым авторитетам.

Десятка лет не прошло, и вот, пожалуйста, знаменитый фильм «Наш Никита Сергеевич», поиски шахты, где работал в молодости видный наш горняк, фимиам на всех перекрестках. Еще десяток лет, и в Минске, в доме на улице Карла Маркса, дают команду срочно искать следы пребывания под Оршей прославленного землемера. И хотя обнаружить ничего не удалось, как старательно ни прочесывали местность, в Кохоново, в блистательном Дворце культуры проводят научно-практическую конференцию, на которой доярка, многодетная мать, с трудом одолевает сочиненный для нее сложноватый текст о непреходящем значении выдающихся произведений дорогого Леонида Ильича. И опять — выставки по всей стране, торжественные «аллилуйя» в прессе и по телевидению, Ленинская премия автору за произведения, написанные другими людьми.

И никто не возмутился вслух, никто не сказал, что это потеря партийной скромности.

Действительно, в свете того, что мы пережили и узнали за последние годы, многое из отдаленного прошлого сегодня кажется наивным и смешным. А ведь тогда, более сорока лет назад, отцы и матери нынешнего взрослого населения страны искренне негодовали и возмущались. Это же надо, какой мерзавец Берия, присвоил себе труд зависящих от него людей! Да ведь и сегодня подчиненные пишут своим начальникам не только служебные доклады и выступления — кандидатские и докторские диссертации, научные статьи и монографии, сочиняют для отпрысков власть предержащих повести и драмы, по которым великовозрастные оболтусы становятся членами престижных творческих союзов. А кто может с уверенностью сказать, что пришедшие сегодня к власти на волне борьбы с привилегиями новые деятели не прибегают к помощи своего аппарата, ученых и публицистов?

Практика, сложившаяся в странах развитой демократии,

свидетельствует о том, что там институт спичрайтеров, составителей речей государственных деятелей, — вполне законен и вписывается в рамки цивилизованных обществ. В США, например, широко известны имена составителей речей президентов. Никакой тайны из этого не делается. И, представьте, рейтинг хозяев Белого дома от этого нисколько не уменьшается. Литературная помощь оказывается также конгрессменам, сенаторам, губернаторам, которые имеют в своих аппаратах людей, превосходно владеющих словом.

И только у нас указывать в сборниках речей и докладов имена помогавших в их составлении до сих пор считается неприличным. Что же тогда говорить о довоенных годах, когда формировалась и крепла командно-административная система. Начальники всех уровней в глазах простого люда должны выглядеть самыми умными, самыми мудрыми, самыми прозорливыми!

Конечно, ни один из них не обходился без помощи литературных помощников или секретарей — штатных. А сколько журналистов, историков, социологов работало на хозяина области, края, республики на общественных началах! Вниманием главного дома в городе не был обойден ни один сколько-нибудь талантливый труженик пера. Иные публицисты больше времени проводили в партийном комитете, чем в родной редакции. Так. что «заавторство» было весьма распространенным и поощряемым явлением, а вовсе не единичным и антинравственным, как пытались представить его на пленуме 1953 года.

Правда, судьба тех, кто писал за своих шефов, в разное время была разной. От всех требовалось одно — держать язык за зубами. В отличие от западных стран, где никогда не скрывали имен спичрайтеров, у нас это была большая тайна. Применительно же к высшим органам партийного руководства и государственного управления — тайна особой важности, уступающая разве что только сведениям о здоровье кремлевских вождей. Законспирированные советские спичрайтеры разделяли участь своих хозяев: уходили в небытие вместе с ними.

Берии ставили в вину, что он жестоко расправился с теми, кто писал за него книгу «К вопросу об истории большевистских организаций в. Закавказье». Теперь мы знаем, что это был доклад на торжественном собрании, вышедший после зачтения отдельным изданием, — практика, которая продолжалась вплоть до августа 1991 года, когда указом Ельцина была приостановлена, а вскоре и вовсе запрещена деятельность организационных структур КПСС. То есть Берия придерживался традиций, существовавших тогда в партии. Что же случилось на

самом деле с его спичрайтерами? Действительно ли он поспешил уничтожить их, чтобы замести следы, избавиться от нежелательных свидетелей?

Судя по официальной версии, да. В 1936 году авто-ров-составителей бериевской фальшивки арестовали и., обвинив в террористическом заговоре против Сталина, казнили. Единственный, кто уцелел, — московская аспирантка. Вернувшись в 1955 году из лагеря, она пришла в ЦК и написала краткую историю создания знаменитой книги.

По записанным А. Антоновым-Овсеенко воспоминаниям Кетеван Орахелашвили (прототип известной героини нашумевшего в 1986 году кинофильма «Покаяние»), дело приняло следующий оборот. Поскольку разговоры о подлинных авторах книги Берии не прекращались, Лаврентию Павловичу пришлось бросить в подвал Эрнеста Бедию, того самого, которого он ранее принимал в партию, приблизил к своему трону. Но на свободе оставалась жена Бедии, несдержанная на язык, с независимым характером, мингрельская княжна Нина Чичуа. Когда за ней пришли, она достала из-под подушки браунинг и приказала агентам: «Руки вверх!». И засмеялась: «Я в таких не стреляю. Видите, я уже приготовила вещи…».

В камеру ее приводили после допросов избитую, истерзанную. Допрашивал Берия лично, начиная с одного и того же вопроса: «Ну, кто написал книгу о революционном движении в Закавказье?». Нина неизменно отвечала: «Эрик, мой муж». И получала очередную порцию побоев. Однажды она схватила со стола тяжелую, оправленную в металл стеклянную пепельницу и бросила в мучителя… Берия пристрелил ее на месте.

Интересно, а что говорят по этому поводу архивные источники? Если Берии инкриминировался подлог со злополучной книгой, то в следственном деле наверняка должны быть материалы допросов и его показания. И точно — такие сведения в деле есть!

Странные чувства ощущаешь при чтении этого уникальнейшего документа. А что, если бы подобное обвинение было предъявлено любому члену партийного или государственного руководства, выступившему с докладом, который готовили другие? Ну, например, Кириленко. Или Тихону Яковлевичу Киселеву. Или — на выбор — любому первому секретарю ЦК союзной республики. Не укладывается в голове? То-то же. Действительно, разве это преступление?

Из протокола допроса от 23 июля 1953 года:

ВОПРОС… Вы признаете, что, объявив себя автором книги «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье»,

совершили плагиат и присвоили чужой труд?

ОТВЕТ. Ничего подобного.

Следователь оглашает показания арестованного по делу Берии Меркулова — человека не без литературных способностей, подвизавшегося в молодости в журналистике, писавшего, будучи уже на Лубянке, пьесы. Меркулов — он тоже участвовал в редактировании книги и, как считают историки, Б. Попов и В. Оппоков, вполне мог предложить Берии идею о подлоге — резко осуждает своего шефа за присвоение чужого труда, который был написан Бедией и другими авторами. Меркулов заявляет, что выходку Берии считает «более чем плагиатом», что ему «стыдно за Берию, поставившего свою подпись под чужой работой».

ВОПРОС. Признаете ли вы, что вы присвоили чужой литературный труд для того, чтобы обмануть И. В. Сталина и, пользуясь такими махинациями, показать, что вы якобы преданы ему, втереться в доверие Сталину?..

ОТВЕТ. Не признаю. Хочу добавить, что этот доклад готовился по моей инициативе, я был главным участником подготовки материалов к докладу, помогал мне в сборе материалов филиал ИМЭЛ города Тбилиси.

Принимало участие в подготовке этого доклада около 20 человек, и около 100 человек было принято бывших участников революционного движения того времени. Я отрицаю, что я делал это с целью втереться в доверие к Сталину. Я считал совершенно необходимым издание такой работы…

Из протокола допроса от 7 августа 1953 года:

ВОПРОС. Эрика Бедию вы знаете?

ОТВЕТ. Знаю. Он работал в Закавказском крайкоме партии заведующим отделом агитации и пропаганды.

ВОПРОС. Бедия был арестован по вашему распоряжению?

ОТВЕТ. Никогда.

ВОПРОС. Вам известно было, за что арестован Бедия?

ОТВЕТ. Не помню, за что арестован Бедия.

ВОПРОС. Фамилия Орагвелидзе вам известна?

ОТВЕТ. Мне известен Орагвелидзе Карло, работавший заведующим отделом ЦК партии Грузии.

ВОПРОС. Вам оглашается из архивного дела Бедии заявление Орагвелидзе по поводу Бедии, явившееся основанием к возбуждению дела против последнего: «На квартире у меня в 1936 году в связи с болтовней Сефа о том, что он писал доклад Л. Берии, Э. Бедия заявил, что не Сеф, а он сам, Бедия, сделал этот доклад, который прочитал Л. Берия». Признаете, что арестовали Бедию из мести за то, что он стал говорить о том, что является автором присвоенного вами труда?

ОТВЕТ. Не признаю… Указаний я об аресте не давал, но о деле Бедии докладывали мне, наверное, докладывал Гоглидзе.

ВОПРОС. Из дела Бедии усматривается, что он был обвинен в подготовке совершения террористического акта над вами?

ОТВЕТ. Впервые слышу.

ВОПРОС. Почему дело Бедии не было направлено в суд и на каком основании оно было направлено для рассмотрения во внесудебном порядке на тройку?

ОТВЕТ. Первый раз слышу.

ВОПРОС. Вам известно, что по решению тройки Бедия был расстрелян?

ОТВЕТ. Первый раз слышу, что Бедия был расстрелян по постановлению тройки…

Проходят четыре долгих месяца. Наконец следствие окончено. Начинается суд.

Из показаний Л. П. Берии ка судебном заседании 21 декабря 1953 года:

ЧЛЕН СУДА МОСКАЛЕНКО. Вы признаете, что присвоили себе авторство книги «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», а затем расстреляли по решению тройки под председательством Гоглидзе одного из основных ее авторов — Бедию, который был обвинен в подготовке к совершению террористического акта над вами?

БЕРИЯ. Несколько человек бралось написать книгу «История большевистских организаций в Закавказье», но никто не написал. Бедия и другие лица составили книгу, а я по ней сделал доклад. Затем эта книга была издана под моим авторством. Это я сделал неправильно. Но это факт, и я его признаю. Бедия был связан с Ломинадзе. На основании этих данных он был арестован и расстрелян. Но это ни в коей мере не связано с его участием в составлении книги…

Член суда Москаленко огласил показания одного из бериевских подручных — Савицкого, который принимал участие в аресте Бедии. «Об аресте Бедии Берия не только знал, но он, Бедия, был арестован по его (Берии) указанию, — сказал на следствии Савицкий. — Бедия до ареста работал редактором газеты «Коммунист» и без санкции Берии Бедия арестованным быть не мог…»

Является ли это свидетельство уличением Берии во лжи, когда он отрицал свою причастность к аресту и тем более к направлению его дела на рассмотрение тройки, что уже само по себе считалось равносильным смертному приговору? Несомненно. Но вот закавыка: Савицкий в своих показаниях говорит о Бедии как об участнике антисоветской организации

правых. Обвинительное заключение по делу Бедии подписывали Савицкий, Парамонов и Кобулов, а утверждал Гоглидзе. Кто возьмет на себя сегодня смелость утверждать, что подлинным мотивом ареста и последующего расстрела Бедии было стремление Берии избавиться от нежелательного свидетеля, оказавшегося на свою беду болтливым?

Помните дружеские посиделки на квартире заведующего отделом ЦК Грузии Орагвелидзе, хвастливое заявление Сефа о том, что это он писал прогремевший на всю страну доклад Берии, неосмотрительное вмешательство Бедии, имевшего неосторожность оспорить это утверждение и огласить свою собственную причастность к созданию сего творения? Вожди не любили болтливости. Бедия нарушил принятые в той среде правила игры и поплатился жизнью.

О кремлевский огонь многие обжигали крылья. Судьба составителей речей была печальна и в послебериевские времена. Конечно, до физического уничтожения не доходило, но неприятностей хватало. Со сменой правителей прежних спичрайтеров сразу же отлучали от издательств и редакций. Перебрался в Кремль Горбачев, и на имена литературных помощников Брежнева наложили табу. Фамилии людей из окружения экс-президента СССР, еще недавно чуть ли не ежегодно издававших свои книги, печатавшихся в ведущих журналах, напрочь исчезли из тематических планов. А это разве не продолжение прежней традиции? А ведь Берии-го нет в живых уже больше сорока лет.

Глава 7
ПУТЬ НАВЕРХ-4

Еще более запутанной и противоречивой выглядит история переезда Берии в Москву. На секретном Пленуме ЦК КПСС в июле 1953 года этой темы касались очень немногие и очень осторожно. Представитель старейшей части членов ЦК Микоян, например, ограничился весьма обтекаемой фразой о том, что Берии еще до приезда в Москву «удалось ловко, всеми правдами и неправдами втереться в доверие к товарищу Сталину». Конкретных фактов, подтверждающих, как это делалось, Анастас Иванович, к сожалению, не приводит. Не находим таких фактов и в стенограммах других выступивших.

Зато их достаточно в беллетризованных источниках. В уже упоминавшемся жизнеописании Берии, принадлежащем перу А. Антонова-Овсеенко, вниманию читателей предлагается такой эпизод.

Дорога на озеро Рица, проложенная в горных ущельях, поднималась круто вверх, продираясь сквозь скалы и оползни. Там, на высоте полутора километров, на берегу дивного озера, обрамленного мощными вершинами, проводил иногда свой отпуск Сталин. Дачу для него построили в самом устье реки Лашупсе, впадающей в озеро.

Сколько их было у него, так называемых государственных дач на Кавказе? В Сочи, под Гагрой — на Холодной речке, в Мюссерах (около Пицунды), в Цхал-тубо. И еще в Кисловодске. В последние годы Берия приучил Хозяина к своей роли непременного спутника-охранителя. Минувшей осенью он сопровождал Сталина на озеро Рица. Поехали внушительным кортежем на пяти ЗИСах. Впереди — охрана, за ней — Сталин, следом Берия вместе с наркомом внутренних дел Грузии Сергеем Гоглидзе. В четвертой машине ехали несколько человек обслуги, в последней — замыкающие охранники. На полпути, когда миновали место впадения Геги в Бзыбь, Берия остановил колонну, вышел из своей машины и предложил Сталину пересесть из второй в последнюю. Сам тоже перебрался туда. У него было предчувствие, возникли какие-то сомнения, один агент сообщил нечто… Нет, в своих сотрудниках Берия абсолютно уверен, но «береженого бог бережет»…

Дорога петляла, перепрыгивала с левого берега на правый, потом обратно. Миновали один мост, на втором произошло то, что должно было произойти. Передняя машина переехала

благополучно на тот берег, а под следующей мост рухнул. Взрыв был не бог весть какой, но горы многократно усилили эхо. Автомобиль упал в воду и застрял меж валунов. В эту пору река менее бурлива, одному из четверых пассажиров удалось спастись. Часть охранников кинулась в ущелье искать злоумышленников, другие остались на месте.

До озера добирались обходными дорогами. Первая неделя прошла спокойно. Но вот Хозяину захотелось совершить прогулку по воде на полуглиссере, и, когда они подошли к правому лесистому берегу озера, раздался выстрел. Берия мгновенно вскочил и заслонил собой Вождя. Моторист прибавил ходу, из-за сосен выстрелили еще несколько раз, но опасность уже миновала. Берия лично возглавил поисковую группу. Террористов настигли в тот же день на горном перевале и отправили в Тбилиси.

Многого достиг тогда Лаврентий Берия с помощью своих провокаций, пишет автор публикации «Карьера палача». Очень многого. Теперь Сталин знал, что на товарища Лаврентия можно положиться решительно во всем. Однако Берия выполнил лишь первую часть намеченного плана.

Летом 1937 года он поехал по делам в Сухуми, продолжает повествователь. В машине с ним был местный партийный секретарь, водитель и телохранитель Борис Соколов. На окраине города остановились, Лаврентий Павлович решил выйти, размяться немного после утомительной дороги. Не успел он сделать и двадцати шагов, как из-за кустов вышли трое неизвестных с пистолетами в руках. Соколов успел загородить Берию и выхватить из кобуры свой «вальтер». На помощь Берии уже спешили водитель и секретарь. Нападавшие скрылись. Соколова пришлось срочно доставить в больницу: правая рука оказалась простреленной четырьмя пулями. Сталину, разумеется, доложили об этом происшествии, и акции Лаврентия Берии еще более поднялись.

О последнем эпизоде мой знакомый историк в полковничьем звании, доктор и профессор, отозвался так:

— А если провокации не было? Нелепых случайностей — сколько угодно. Инцидент с автомобилем Ленина помните? Классический пример. Бандит Корольков высадил самого председателя Совнаркома. Более того, отобрал у него пистолет. Почему бы не предположить, что и в случае с Берией — досадная ошибка?

Действительно, почему бы и не предположить? Мы так зациклены на шпиономании, коварных происках инакомыслящих, что без подозрений уже не можем существовать. Поехал в тридцатых годах Молотов в Прокопьевск, занесло машину в кювет

— значит, дело вражьих рук, готовивших покушение на московского гостя. Сколько людей пострадало, а выяснилось, что никакого теракта не было, просто машина съехала передними колесами в кювет из-за скользкой дороги — недавно прошел дождь. Столкнулся представитель президента России в Конституционном суде Сергей Шахрай с частными «Жигулями» — не иначе, как коммунисты подстроили аварию, чтобы избавиться от опасного противника. А выяснилось — водитель «жигуля», владелец частной парикмахерской, подсек «волжанку» Шахрая по пьяному делу.

Что же касается двух первых эпизодов, тут дело запутаннее и темнее. Почему мост рухнул именно под вторым автомобилем, из которого незадолго до происшествия пересел в предпоследний Хозяин — в соответствии с настоятельным советом Берии? Случайность или с дьявольской хитростью проведенная операция? Историк-полковник пожимает плечами: возможен как первый, так и второй вариант. Мост-то деревянный, старый, прогнивший. Вполне возможно, что он отслужил свой век, не выдержав тяжести двух машин, проследовавших на большой скорости одна за другой. Двойная нагрузка, и опоры не выдержали. Не так уж часто сновали через тот мостик автомобили — не надо забывать, когда все это происходило.

С другой стороны, не следует сбрасывать со счетов и дьявольскую изобретательность бериевского ума. Способен ли был Лаврентий Павлович на организацию столь блестящей провокации? Несомненно, иначе какой из него после этого руководитель спецслужбы? Все, кто его хорошо знал, единодушно отмечают изощреннейшие фантазии непревзойденного в интригах и виртуозность в их осуществлении. Люди, лишенные таких качеств, для работы в столь специфических органах не годятся. И Берия, надо полагать, исключением не был.

Боюсь, что правду об этом мостике никто никогда не узнает, сказал мой знакомый историк-полковник. Экспертизу по свежим следам происшествия не проводили. Сваи, опоры не обследовали. Ничего не фотографировали. Никаких актов не составляли.

Подозрительно? Да. Но — если подозревать. Хотя основания вроде бы есть: все-таки двух происшествий для одного озера да еще за такой короткий промежуток времени — в течение недели — многовато. Опять случайность, нелепое стечение обстоятельств? Или тщательно разработанный план, цель которого — с максимальной выгодой использовать пребывание вождя на отдыхе, выложиться, лечь костьми, разбиться в доску, но показать ему все, на что способен? Вождь живет далеко, когда еще представится такая возможность?

О втором происшествии мы знаем из версии Антонова-Овсеенко: катер со Сталиным на борту обстреливают с берега, Берия картинно заслоняет собой вождя, а затем возглавляет поисковую группу по поимке террористов, которых настигли в тот же день на горном перевале.

А сейчас посмотрим, как описывают это происшествие историки Б. Попов и В. Оппоков, авторы материала «Бериевщина», подготовленного по документам следствия по делу Берии. Последнее обстоятельство интригует: наверняка использованы недоступные многим исследователям материалы.

В сентябре 1933 года, пишут историки, начальник пограничных войск НКВД Закавказья Гоглидзе был срочно вызван в Гагру, на правительственную дачу. О причине столь экстренного вызова он догадывался. Ему уже доложили, что катер, на котором был Сталин, обстреляли пограничники.

Догадка Гоглидзе подтвердилась. На даче, где находились председатель Совнаркома Абхазии Нестор Лакоба, первый секретарь Закавказского крайкома ВКП(б) Лаврентий Берия, а также Иосиф Сталин, Сергей Гоглидзе получил задачу незамедлительно, сохраняя полную секретность, расследовать чрезвычайное происшествие.

Вскоре Гоглидзе представил Берии отчет о деле, расследованном им лично. Вероятнее всего, что с самого начала эта акция планировалась как покушение. На

Сталина, разумеется. Короче, отчет готовился согласно заказанному сценарию.

Названные выше авторы пишут далее: но тут вмешался Ягода, который убедил Берию представить все происшедшее как недоразумение, оплошность или разгильдяйство отдельных лиц. Однако здесь напрашивается вопрос: зачем это было ему нужно? Если в самом деле было покушение на вождя, зачем наркому внутренних дел представлять случившееся в искаженном свете, уговаривать Берию списать на досадный прокол? Уж больно рисковал Ягода, учитывая, что объектом покушения был сам Сталин. Проще было бы доложить правду, свалив вину на местные власти — они, мол, недосмотрели, не обеспечили безопасность вождя.

Мотивация поведения наркома довольно уязвима. Боялся за свою репутацию? Но ведь не он непосредственно охранял Сталина на отдыхе. Еще меньше поводов для вступления в сговор с Ягодой было у Берии. Ему-то ничего фактически не угрожало: лидер закавказской парторганизации всегда мог найти виновных среди чекистов и пограничников, непосредственно отвечавших за безопасность Сталина, не говоря уже о самих участниках

инцидента.

Допрошенные лично Гоглидзе пограничники показали, что они действовали по инструкции. Катер со Сталиным, мол, отсутствовал в представленной им заявке на прохождение судов в охраняемой зоне. Командир отделения пограничников Лавров дал такое объяснение: увидев движущийся незаявленный катер, пересекавший подведомственную зону, то есть погранзаставу «Пицунда», он сигналами повелел катеру пристать к берегу. А поскольку тот продолжал двигаться прежним курсом, произвел несколько выстрелов вверх.

Однако Гоглидзе сделал иное заключение. Из его доклада вытекало, что имело место покушение. Он нашел свидетелей, которые показали, что стрельба велась в сторону моря, то есть по катеру. Гоглидзе определил.

что «действия Лаврова при всех случаях были грубым нарушением уставных правил пограничной службы» и отдал его под суд. Несчастный командир отделения, волей рока ставший пешкой в большой игре, подлежал расстрелу.

И тут, как отмечают авторы публикации, написанной по материалам следствия 1953 года, вмешался Ягода, который уговорил Берию выдать случившееся за обыкновенное разгильдяйство. Лаврентий Павлович, который не хотел портить отношений с могущественным тогда наркомом внутренних дел, скрепя сердце подчинился. Видимо, поэтому, считают публикаторы, в показаниях Лаврова появились детали, существенно менявшие все дело: стрельба велась не преднамеренно, а по недомыслию и недисциплинированности командира отделения пограничников, пытавшегося заполучить катер, чтобы погрузить на него грязное белье.

Прозаично? Конечно. Допустимо? Вполне. Вспомним рассказанную в конце ноября 1992 года «Комсомольской правдой» историю тридцатилетней давности о четырех наших моряках, длительное время проведших на барже в открытом океане. Герои? Бесспорно. Четверка не потеряла самообладания, проявила мужество и отвагу. А вот то, что предшествовало героическому дрейфу среди бушующих волн, к категории возвышенного не отнесешь. Ребята накануне крепко выпили и пошли на баржу — отсыпаться. Под утро их вынесло в океан. Об этой прозаичной стороне их поступка предпочитали не упоминать.

Исторических параллелей хоть отбавляй.

Лаврову дали пять лет. Понес наказание начальник погранзаставы «Пицунда». Начальника оперативного сектора — председателя ГПУ Абхазии уволили из органов.

Но своего срока несчастный пограничник не отсидел. В 1937

году Лаврова, отбывавшего наказание в лагере, доставили во внутреннюю тюрьму НКВД в Тбилиси, где, допросив с пристрастием, «полностью изобличили» как врага народа и террориста. Его приговорили к расстрелу. Такую же меру наказания получил и бывший председатель ГПУ Абхазии, уволенный за допущенный инцидент с катером в 1933 году.

Что, открылись какие-то неизвестные прежде обстоятельства? Да нет, все объяснялось просто: к тому времени всесильный нарком внутренних дел Ягода находился под арестом, а заменивший его Ежов искал компромат на своего грозного предшественника. Тогда и всплыла вновь история с катером, с «покушением» на Сталина.

Сокрывший деятельность «контрреволюционной террористической группы» Ягода был расстрелян. А раскрывший эту группу Берия получил назначение в Москву. Сначала первым заместителем Ежова, а полгода спустя заменил и его.

Как бы ни было на самом деле, но оба инцидента — на мосту и особенно с катером — Берия мастерски разыграл в свою пользу, сумел извлечь из них большой политический капитал. Точь-в-точь как Сталин в ситуации с убийством Кирова. Оба были непревзойденными талантами в области интриг, закулисных сделок, что, видимо, и позволило им сойтись столь близко.

Уже упоминавшийся в этой публикации Н. Кванталиани считает, что личное знакомство Сталина с Берией состоялось в конце 20-х годов, когда Сталин приехал в Цхалтубо отдыхать. Берия — в ту пору председатель ГПУ Грузии — представился ему под предлогом проверки охраны, постарался заинтриговать его собой и втереться в доверие. Н. Кванталиани приводит такой пример, свидетельствующий о том, что Сталин еще в 1928 году был наслышан о бериевских способностях. В 1929 году, узнав о том, как Берия подсидел его шурина — С. Ф. Реденса, Сталин рассмеялся и похвалил Лаврентия Павловича: «Ну и молодец, ловко его обработал». После чего чекиста Реденса, скомпрометировавшего себя на пьянке в Грузии,' перевели в Московскую область, а затем в Белоруссию.

Исследователи делят попытки Берии приблизиться к Сталину на несколько этапов. Складывается впечатление, что у него существовал на сей счет некий дальновидный комплексный план, осуществление которого началось в 1923 году, когда он перебрался *из Баку в Тбилиси, сперва на должность начальника секретно-оперативного отдела ЧК, а затем заместителя председателя и председателя ГПУ Грузии. Б. Попов и В. Оппоков, например, пишут, что, приехав в Тбилиси, Берия начал осуществлять намеченный план с дальних подступов, проявляя

трогательную заботу о матери Иосифа Виссарионовича.

Сперва это были просто знаки повышенного внимания, позже — учреждение привилегий и почти что царских почестей. Мать Сталина определили на жительство в апартаменты на проспекте Руставели, где помещался Совнарком. Каждый ее выход в город превращался в шумное триумфальное шествие. Одновременно с этим Берия сконцентрировал свои недюжинные энергию и изворотливость на организации дома-музея И. В. Сталина в Гори, всячески пропагандируя это «общенациональное дело» и раздувая костер славословия так, чтобы искры от него заметили в Москве.

Эти и другие данные приводятся для того, чтобы разоблачить палача и душегуба, показать, какой мерзкой и отвратительной тварью он был. Но, увы, названные аргументы сегодня не срабатывают. Поступки, призванные зажечь у читателей благородный гнев, ожидаемого эффекта не производят. Читатель ныне иной, нежели в пятидесятые годы, когда пресловутое письмо с перечнем злодеяний Берии воспринималось как истина в последней инстанции. Нынешний читатель знает, как лизоблюдничали местные власти перед дальними родственниками Леонида Ильича, как носили на руках его боевых товарищей по Малой земле — а вдруг замолвят

словечко при удобном случае? О музеях и говорить не приходится, где их только не открывали.

В плане лести, подобострастия мы нисколько не изменились и за годы горбачевской перестройки. Уж на что Михаил Сергеевич демократ, реформатор, гуманист, а ведь не снял охрану, не приказал снести запрещающий шлагбаум с дороги, ведущей к дому матери. Ставропольские власти окружили ее небывалым почетом и вниманием. Стало быть, тоже рассчитывали, что их старание будет замечено в Кремле? А если оно продиктовано не корыстью, а обыкновенным человеческим вниманием к родителям первого лица в государстве? Где грань, отделяющая выгоду от отзывчивости? Как их отличить?.

Снова вынужден констатировать: Берии нет вот уже сорок с лишним лет, а то, что ему инкриминировалось как выродку и извергу, — живет. И в центре, и на местах. Лично я не встречал еще, чтобы живущие в провинции родители первых лиц республики, края, области, города и даже самого маленького района не были окружены заботой и вниманием руководителей местной власти. Значит ли это, что в каждом случае рассчитывают втереться в доверие высоким начальникам? Не надо, наверное, сбрасывать со счетов и чисто человеческие отношения, которые в Закавказье имеют свои давние и прочные особенности. Хотя, конечно, там, где власть, они, эти отношения,

довольно часто деформируются и приобретают довольно специфический оттенок.

Вторым этапом честолюбивого плана сблизиться со Сталиным считают попытки, и весьма успешные, внедрить в его окружение своих людей. В качестве примера называют «засылку» в семью Сталина двоюродной сестры жены Берии — Александры Накашидзе, длительное время работавшей хозяйкой в доме генсека. Об этом Нина Теймуразовна сообщила на допросе 24 июля 1953 года: «Она после войны вышла замуж и уехала в Тбилиси. Ее мужа я знала, фамилия его Циклаури Илья…».

Случайно ли родственница жены Берии оказалась в семье Сталина? Отнюдь, считают многие исследователи. Внедрив своего человека в штат «дворцовой челяди» вождя, Берия таким образом установил постоянный, почти что прямой контакт со Сталиным. Теперь Лаврентий Павлович во время своих приездов в Москву по вызову мог, точно узнав, что Сталин дома, навестить родственницу, передать ей многочисленные приветы и подарки от родни и, естественно, рассчитывая на известное кавказское гостеприимство, остаться отобедать или отужинать. А там — разговор совершенно иной, чем в кабинете. Опять же, прекрасная возможность получать от свояченицы свежую и достоверную информацию о впечатлении Хозяина от беседы, чтобы в следующий раз сделать еще более умный и эффективный ход.

Предполагают, что пристроить двоюродную сестру жены в дом Сталина Берия сумел через его мать — недаром он так ее превозносил в Тбилиси! Лаврентий Павлович до того очаровал сурового и подозрительного земляка, что тот поверил в его искренность и преданность, прощая даже серьезные проступки.

В «Ненаписанных романах» Юлиана Семенова есть несколько скупых строк о совершенно невероятной истории, связанной с переездом Берии в Москву. Весной 1938 года его хотели арестовать. Он упредил приехавших за ним из Москвы работников НКВД буквально на несколько минут и, меняя поезда, помчался в белокаменную, зная, что спасти его может только один человек на свете — Сталин.

А вот как выглядит эта почти детективная история в интерпретации А. Антонова-Овсеенко, который тоже подтверждает, что обстоятельства, связанные с переездом Берии в Москву, довольно запутаны.

Так вот, в кругах, близких к тогдашнему руководству НКВД, ходили слухи о предполагаемом аресте Берии. Совсем недавно генерал, имя которого автор не называет по его просьбе, сообщил, что один из ответственных сотрудников Ежова доставил в мае 1938 года в Тбилиси ордер на арест Берии. Лаврентий Павлович

вылетел в Москву объясняться с Хозяином. Зная характер Сталина, его пристрастие к провокации, можно не сомневаться в том, что Сталин, задумав заменить Ежова более близким по духу человеком, прежде всего хотел еще раз продемонстрировать свою власть над жизнью и смертью подручных. Не исключая фаворитов.

Сталин успокоил грузинского наместника: этот маленький нарком страдает ба-альшой подозрительностью. Ну что ж, Центральный Комитет поправит товарища Ежова.

Однако тем разговором дело не кончилось. Спустя два месяца он продолжился, и тоже в кабинете генсека, где, кроме него и Берии, присутствовал третий — Ежов. Маленький нарком получил материал, изобличающий Берию в измене, и должен исполнить свой долг.

Сидевший сторонним наблюдателем Сталин, выслушав обоих, объявил: он все же доверяет товарищу Берии и рекомендует его на пост первого заместителя наркома. У Ежова отвисла челюсть.

Об этом эпизоде рассказывал в 1964 году в тесном кругу своих аспирантов доктор философских наук Ф. Т. Константинов. Известен он ему от Георгия Димитрова, у которого Константинов работал секретарем.

Глава 8
ПРОФЕССИОНАЛ НА ЛУБЯНКЕ

7 декабря 1938 года Берия был назначен наркомом внутренних дел СССР и пересел в кресло Ежова. До Ежова его занимали Ягода, Менжинский, Дзержинский. Все они были дилетантами. Берия — первый профессионал, возглавивший знаменитое ведомство на Лубянке.

Напрасно искать в стенограмме июльского (1953 г.) пленума ЦК КПСС оценку деятельности Берии на посту наркома внутренних дел в довоенное время. Имена репрессированных — под запретом, в их виновности участники пленума, наверное, не сомневаются. Иначе Берии был бы предъявлен куда более строгий счет.

28 ноября 1938 года, будучи еще первым заместителем наркома, Берия лично прибыл на квартиру генерального секретаря ЦК ВЛКСМ Александра Косарева. Когда арестованного уводили, его жена крикнула: «Саша, вернись! Простимся…». Берия приказал забрать и ее. Жену Косарева увезли без ордера на арест, он был подписан прокурором задним числом — спустя два дня. Вернулась из лагерей через 17 лет.

«Вы же честный человек, зачем вы оговорили себя?» — спрашивает Берия в своем кабинете привезенного к нему из тюремной камеры генерала армии Кирилла Мерецкова. «Мне нечего вам добавить, у вас имеются мои письменные показания», — отвечает генерал. «Идите в камеру, отоспитесь и подумайте. Вы — не шпион».

На следующий день продолжение разговора: «Ну как, все обдумали?» Мерецков заплакал: «Я — русский, я люблю свою Родину». Его выпустили из тюрьмы, вернули генеральское звание.

Из протокола допроса Кобулова на судебном заседании: «Да, я бил заключенных по указанию Берии, так как он был полновластным хозяином-диктатором. Он давал указания Гоглидзе, тот мне — «крепко допросить». Если Берия дал указание «крепко допросить», то следователи знали, как это делать, и ни я, ни следователи не могли не выполнить этих указаний… Берия сам приезжал на допросы, допрашивал, приказывал избивать допрашиваемых…»

И вот этот человек, по определению вдовы Бухарина А. М. Лариной, «изначально бывший преступником», сменив Ежова, ставит на Политбюро ошеломляющий вопрос, звучавший приблизительно так: может, пора уже поменьше сажать, а то

скоро вообще некого будет сажать? Многие, по словам историка Серго Микояна, жившие в постоянном страхе, что за ними вот-вот «приедут», вздохнули с облегчением. Кое-кого даже начали выпускать. Это дало Берии определенную поддержку тех, кто, оставаясь формально в составе руководства, не мог и пальцем пошевелить, чтобы остановить запущенную на весь ход машину репрессий.

В парадоксах Берии, по-моему, еще никто не пытался разобраться. С одной стороны, беззаконие и безнаказанность, жестокое обращение с арестованными. При пересмотре 300 архивных дел в архиве МВД Грузии Прокуратура СССР обнаружила более 120 резолюций Берии на отдельных протоколах допросов и на бланках служебных записок. Вот некоторые образчики его резолюций: «Крепко излупить Жужанова Л. Б.», «Взять крепко в работу», «Взять в работу… и выжать все», «Взять его еще в работу, крутит, знает многое, а скрывает». Конечно, МВД — не институт благородных девиц, а лексикон его сотрудников — не язык изящной словесности, но все же, согласитесь, нормы элементарного приличия соблюдаться должны. А тут — вопиющие нарушения правил ведения следствия, пытки и издевательства.

С другой стороны, хотя карательные органы не сидели без «работы», однако такого безумия, как в 1937–1938 годах, в стране больше не было. Даже такой антисталинист и антибериевец, как Дмитрий Волкогонов, отмечает, что в общественном сознании приход Берии на Лубянку увязывался с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 ноября 1938 года «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», где прямо говорилось о перегибах в ежовском ведомстве. А после XVIII съезда партии реабилитировали немало невинно осужденных людей. Справедливость была восстановлена прежде всего в отношении лиц, связанных с обороной страны. Из тюрем и ссылок вернулись армейские командиры, ученые и конструкторы, посаженные при Ежове. Вскоре о них узнает вся страна. Эта — К. К. Рокоссовский, А. В. Горбатов, И. В. Тюленев, С. Н. Богданов, Г. Н. Холостяков, А. Н. Туполев, Л. Д. Ландау.

Кроме названных выше, после августа и до конца 1938 года было принято еще четыре постановления по репрессивным делам. Признавалось наличие фактов извращения советских законов, совершения подлогов, фальсификации следственных документов, привлечения к уголовной ответственности невинных людей. Запрещалось производство каких-либо массовых операций по арестам и выселению, предписывалось производить аресты только по постановлению суда или с санкции прокурора. С

приходом Берии на Лубянку — в это многие не поверят! — были упразднены судебные тройки. Повышалась требовательность к лицам, нарушающим законность.

Узники, сидевшие в то время в тюрьмах, отмечают некоторое ослабление режима и в местах отбытия наказания. Берия разрешил заключенным пользоваться в камерах книгами и настольными играми. В тюрьмах — невиданная при Ежове картина! — начали появляться прокуроры, интересоваться житьем-бытьем зэков.

Ключ к пониманию такой двойственности дает Серго Микоян. Слегка выпустив пар из котла, пишет он, сказав что-то о «перегибах», взвалив вину на Ежова, Берия спокойно продолжал совершенствование карательного механизма, сделав его всемогущим и универсальным.

Увы, начавшееся было потепление очень скоро остановилось. Существует версия — из-за осложнения международной обстановки, дыхания приближающейся военной грозы. Расслабляться больше нельзя…

Что знает рядовой читатель о деятельности Берии в годы Великой Отечественной войны? Только мрачную сторону. Она ассоциируется с расстрелом 28 октября 1941 года группы видных военных — Григория Штерна, Павла Рычагова, Якова Смушкевича и других, всего 22 человек. Немцы стояли у ворот Москвы, срочно высвобождались тюрьмы. Заключенных вывезли из столицы, и вблизи Куйбышева, где располагались эвакуированные центральные учреждения и дипломатические миссии, они встретили свои последние минуты.

Какой изуверской была стряпня на дьявольской кухне Берии в тот период, видно на примере трагической судьбы знаменитого советского летчика Якова Смушкевича и его семьи. После возвращения из Испании прославленный «генерал Дуглас» был назначен начальником Военно-Воздушных Сил Красной Армии. Его арестовали перед самым началом войны, в июне сорок первого, прямо в госпитале, где он находился после тяжелой операции ног. В тюрьму дважды Героя Советского Союза Смушкевича транспортировали на носилках.

В августе его дочь прорвалась к хозяину Лубянки. Он успокоил ее, сказав мягко, даже ласково:

— Не волнуйся, ни о чем плохом не думай. Ты ведь веришь, что он ни в чем не виноват, значит, он скоро вернется.

А через некоторое время юную посетительницу вместе с матерью отправили в тюрьму. Постановление об аресте дочери Смушкевича подписал Берия: «Ученицу средней школы Смушкевич Розу, как дочь изменника Родины, приговорить к пяти

годам лишения свободы с отбыванием срока в трудовых исправительных лагерях Карлага с последующей пожизненной ссылкой».

Благодаря последним публикациям, читатели наконец получили возможность узнать многое из деятельности Берии во время войны. Дмитрий Волкогонов, например, весьма скептически оценивает эту сторону. Он пишет, что Сталин поручил ведомству Берии во время войны восстановление мостов, прокладывание железнодорожных веток, создание новых рудников. «Боевые действия» Берии фактически ограничивались двумя выездами в качестве члена Государственного Комитета Обороны на Кавказ. Первый раз в августе 1942 года, второй — в марте 1943-го.

Ссылаясь на архивы, Волкогонов приходит к заключению: и здесь Берия от имени Сталина снимал неугодных ему людей, расстреливал, нагонял страх на военных. Как правило, он выезжал со свитой своих приближенных, среди которых известные имена: Кобулов, Цанава, Влодзимирский. Доставалось Тюленеву, Сергацкову, Петрову, другим генералам. Каждый из них имел не только противника перед собой, на фронте, но и коварного заплечных дел мастера в тылу. Его телеграммы Сталину, как правило, играли решающую роль при назначениях.

Д. Волкогонов приводит телеграмму от 1 сентября 1942 года: «Командующим Закавказским фронтом считаю назначить Тюленева, который, при всех недостатках, более отвечает этому назначению, чем Буденный. Надо отметить, что в связи с его отступлениями авторитет Буденного на Кавказе значительно пал, не говоря уже о том, что вследствие своей малограмотности безусловно провалит дело… Берия».

В трудную минуту, как докладывал Тюленев в Москву, он обращался к Берии за разрешением использовать большой контингент внутренних войск, дислоцированных на Кавказе. «Берия согласился выделить лишь малую часть, — писал Тюленев, — и то по указанию Сталина». Своей деятельностью нарком внутренних дел создавал в штабах обстановку напряженности, нервозности, подозрительности и взаимных доносов. Генерал Козлов был вынужден обратиться к Сталину с жалобой на начальника особого отдела Рухадзе, который с ведома Берии пытался оказывать давление на руководство фронта при принятии оперативных решений… Но все эти слабые протесты игнорировались в Москве. Само присутствие монстра парализовывало творческую мысль военачальников: никто не хотел оказаться его очередной жертвой. Когда Берия со своей длинной свитой уезжал, все вздыхали с облегчением.

Ни в коей мере не пытаясь посягнуть на аргументацию приведенных доказательств, позволю все же напомнить читателям о выезде маршала Ворошилова на Западный фронт в горькие дни тяжелейшей военной катастрофы, разразившейся на белорусской земле в июне — июле сорок первого года. Большая группа военачальников во главе с командующим фронтом генералом армии Павловым была обвинена в измене, снята со своих постов, отдана под трибунал и расстреляна. Сейчас мы знаем, что безвинно. Прошло некоторое время, и в Ленинград, оборону которого явно проваливал маршал Ворошилов, прибыл посланец Ставки Верховного Командования генерал армии Жуков, сменивший лихого рубаку времен гражданской войны. Действовавший от имени Сталина и получивший от него огромные полномочия, Жуков назначил на ключевые посты прибывших с ним из Москвы генералов. Каково было смещенным?

На фронты выезжали все члены ГКО и представители Ставки. Известны плачевные последствия пребывания в Крыму Мехлиса: наступление, начатое по его настоянию, закончилось катастрофой. Вспомним крупнейшую неудачу наших войск под Харьковом, окружение, пленение и гибель большой массы живой силы и техники. А ведь и там присутствовало недреманное кремлевское око.

Война — штука сложная. И страшная. Представители ГКО и Ставки ездили обычно на труднейшие участки, в переломные моменты. Хорошо сказал Лазарь Каганович в одной из бесед с Феликсом Чуевым: легко сейчас судить, когда нет нужды в твердой руке, и в борьбе, и в жестокости. Приезжает представитель Ставки на фронт, армия бежит… Трусы были и бежали. Надо было все эго собирать, проявить твердую руку. А вокруг люди. Конечно, обиженных было много. Но ведь посланцам Сталина надо было перед ним отчитываться. Конечно, иногда перебарщивали. А зачем тогда было приезжать из Москвы? Чайку попить? На фронтах должны знать: в Кремле за каждую сданную врагу пядь родной земли, за каждый проигранный бой спрашивают строго.

Действительно, нам, не воевавшим, тех людей и их взаимоотношений не понять. Мы-то подходим к ним с совершенно иными мерками, весьма смутно представляя, что такое всеобщая ожесточенность, привычка к смерти, обреченность, наконец.

Продолжим, однако, перечень «заслуг» Берии в годы Великой Отечественной войны. Слово «заслуги», следуя установившейся традиции, я беру пока в кавычки. Именно их, специфические заслуги перед Сталиным, расправу с его заклятым врагом

Троцким, например, имеют в виду многие авторы, объясняя присвоение Берии вскоре после окончания войны, в июле 1945 года, звания Маршала Советского Союза. Сталин и раньше не жалел для наркома внутренних дел высших отличий. Так, в январе 1941 года Берии было присвоено звание генерального комиссара государственной безопасности.

С 1943 года Лаврентий Павлович — Герой Социалистического Труда. К 1949 году у него уже четыре ордена Ленина и два — Красного Знамени. Берия удостаивается даже полководческого знака отличия — ордена Суворова 1-й степени. Как сказано в указе, «за образцовое выполнение специального задания правительства».

Исследователи докопались, что это было за «специальное» задание. Выяснилось — выселение народов Северного Кавказа и Крыма. Та самая операция, которая аукается до сих пор, осложняет и без того накаленную политическую обстановку в России и на Украине. И поныне не решены многие крайне запутанные вопросы реабилитированных народов — немцев Поволжья, карачаевцев, чеченцев, ингушей, балкарцев. А тогда..'. Тогда 19 тысяч оперативных работников НКВД, НКГБ и «СМЕРШ» и до 100 тысяч военнослужащих внутренних войск под руководством генерального комиссара государственной безопасности Берии в считанные сутки переселили с родных мест в восточные районы страны около 650 тысяч человек.

С началом войны к его должности наркома внутренних дел дополнительно добавляется еще несколько. Самые важные из них — заместитель Председателя Совнаркома СССР, заместитель председателя Государственного Комитета Обороны. Возглавлял эти два высших органа Сталин. Кроме того, Берия с 1939-го по 1946 год был кандидатом в члены Политбюро, а с 1946 года — членом Политбюро ЦК ВКП(б).

Сколько времени возглавлял он знаменитое ведомство на Лубянке? Первый раз — около семи лет, с ноября 1938-го по 16 января 1946 года. Эти даты, особенно первую, необходимо еще раз напомнить, ибо Берии приписывают пик репрессивной вакханалии, разразившейся в 1937–1938 годах. Так вот, действительно, в Москве его в то время еще не было. Это, как говорится, установленный факт. И приводится он вовсе не в оправдание — у него и без того достаточно больших и малых грехов, — а истины ради.

В январе 1946 года наркомом внутренних дел становится С. Н. Круглов. А что же Берия? Он оставляет этот пост, а сам сосредоточивается на работе в Совнаркоме и Политбюро ЦК. Правда, продолжая курировать свое грозное ведомство и

впридачу — МИД. После смерти Сталина происходит объединение МГБ и МВД (в четвертый раз за советскую историю!), и с 15 марта 1953 года Берия вновь становится министром внутренних дел с сохранением поста первого заместителя Председателя Совета Министров СССР.

К тому времени мы еще обратимся, а сейчас вернемся к основной теме этой главы: Берия в годы Великой Отечественной войны.

В вину ему ставят донесение, датированное 21 июня 1941 года, т. е. составленное в самый последний мирный день страны. Оно мало кому известно и потому заслуживает быть процитированным хотя бы в важнейших фрагментах: «Я вновь настаиваю на отзыве и наказании нашего посла в Берлине Деканозова, который по-прежнему бомбардирует меня «дезой» о якобы готовящемся Гитлером нападении на СССР. Он сообщил, что это «нападение» начнется завтра…» А вот эти слова настораживают: «…Но я и мои люди, Иосиф Виссарионович, твердо помним Ваше мудрое предначертание: в 1941 году Гитлер на нас не нападет!..».

Что хотел сказать этим Берия? Согласитесь, последнюю фразу можно воспринимать двояко: и как восхваление вождя, и как тонко закамуфлированное оправдание перед историей. Угождал генсеку не один наркомвнудел. Сегодня мы знаем, какую успокаивающую информацию, подтверждающую гениальную прозорливость вождя, представляло Сталину другое ведомство, подчинявшееся не Берии, а наркому обороны Тимошенко. Речь идет о Главном разведывательном управлении Генерального штаба, начальник которого генерал Ф. И. Голиков в докладах Сталину оценивал информацию о военных приготовлениях Гитлера как провокационную «дезу» англичан. Та же тенденция сквозила и в сообщениях военно-морской разведки. Берия тоже придерживался общих правил игры, но, как видим, был хитрее и дальновиднее, вписав в официальный текст донесения чужеродную фразу, годящуюся скорее для массовки, нежели для деловой бумаги. Не случайно, очевидно, выбрана и дата.

Кто знает, какие чувства в действительности клокотали в его груди, когда он вписывал эту многозначительную фразу? Кто-кто, а шеф Лубянки имел самые достоверные, самые свежие сведения о готовящемся вторжении Гитлера. Эти данные стекались к нему из самых разных источников, из самых разных уголков земного шара. Тайными путями в Москву доставлялась подобранная после стоянки немецких танкистов грязная ветошь, в специальных лабораториях тщательно исследовались оставшиеся на тряпках мельчайшие следы машинного масла — не морозостойкие ли

сорта? В самых отдаленных от будущего театра военных действий уголках мира внимательно и постоянно изучались цены на баранину — их колебания свидетельствовали бы о массовом забое скота: для похода на восток потребовалось бы много меховой одежды.

Если ведомство Берии учитывало даже такие тонкости, охотясь за брошенными немецкими танкистами промасленными тряпками, можно представить всю полноту информации, которой оно располагало. Сталину же подавалось то, что он хотел услышать. Безусловно, это не обеление его верного царедворца, это однозначно срабатывает против него, оттеняя угодливость и подобострастие. Но ведь никто из ближайшего окружения Сталина не посмел сказать ему правду! Стало быть, было что терять? Тогда было что терять и Берии. Увы, политика всегда безнравственное и грязное дело. А Берия, как мы убеждаемся, был политиком изощренным, поднаторевшим в кремлевских интригах.

Помните, едва он стал наркомвнуделом, как были отменены страшные тройки? Некоторые авторы считают это. хитрой уловкой, примером лицемерия. Не прошло и двух лет, как внесудебные органы снова были восстановлены. При этом обычно забывают уточнить, при каких обстоятельствах вновь были вынуждены пойти на столь непопулярную меру.

Так вот, Особое совещание при НКВД СССР появилось в соответствии с постановлением ГКО от 17 ноября 1941 года. Мотивация — в связи с напряженной обстановкой в стране. Компетенция — вынесение меры наказания вплоть до расстрела по результатам рассмотрения дел о контрреволюционных преступлениях и особо опасных преступлениях против порядка управления СССР.

Архивные данные, приведенные историком, профессором В. Некрасовым, несомненно, затронут чувства многих читателей. Из датированного 7 января 1944 года доклада Берии на имя Сталина узнаем, что Особым совещанием при НКВД СССР 5 января того же года было рассмотрено следственных дел на 560 человек. В следующих сообщениях, которые направлялись с иезуитской методичностью, называются такие данные: 8 января 1944 года рассмотрено дела 789 человек, 12 января г- на 558, 15 января — на 654, 19 января — на 533, 29 января — на 617, 2 февраля — на 404, 12 февраля — на 790 человек. Внизу каждого документа содержалась фраза о том, что все осуждены к разным срокам наказания, а в некоторых называлось число приговоренных к расстрелу.

Вас уже бросило в дрожь от благородного негодования?

Повремените с проявлением эмоций, ибо, как справедливо замечает исследователь, ради объективности надо сказать, что ˆосуждали не только невинных, как это стало модным писать в последнее время, хотя такие и были, но многих и за реально совершенные преступления. К примеру, с 1 июля 1943 года по 1 мая 1945 года на освобожденной от врага территории органами НКВД было арестовано 77152 человека, в том числе дезертиров из Красной Армии — 14254, полицейских — 10048, изменников, перебежавших на сторону врага, — 6223, бандитов — 6187, старост — 4638 и т. д.

Думается, эти данные говорят сами за себя и не нуждаются в комментариях.

Немало леденящих кровь строк написано о спецлагерях НКВД, куда направлялись на проверку бывшие в окружении и плену военнослужащие Красной Армии. Молвой создание этих «чистилищ» приписывается исключительно товарищу Берии. Документы же свидетельствуют о том, что они появились на основании постановления ГКО от 27 декабря 1941 года и СНК СССР от 24 января 1944 года. Вот ставшие известными цифры: на 20 октября 1944 года через спецлагеря НКВД прошло 354590 человек Какова их судьба? Неужели все превращены в лагерную пыль? Архивы свидетельствуют: после проверки в армию возвращено 249416 человек, находилось в стадии проверки 51651 человек, передано в промышленность и охрану 36630, арестовано органами «СМЕРШ» 11566, убыло по разным другим причинам, в том числе в госпитали наркомата обороны, и умерло 5347 человек.

Сегодня почти каждый самодеятельный исследователь занимается собственными подсчетами, вводя в оборот баснословные цифры наших потерь в годы войны, раскулачивания, голода, репрессий. Немало различных инсинуаций нагромождено вокруг численности ГУЛАГа и других производственных главков НКВД, основной рабочей силой которых были заключенные. Профессор В. Некрасов, основываясь на документах, приводит такие данные: к началу войны в лагерях и колониях НКВД состояло 2300 тысяч заключенных, прибыло в 1941–1944 годах 2550 тысяч, убыло 3400 тысяч, в том числе только в 1941–1942 годах 900 тысяч бывших заключенных были переданы в армию, состояло на 21 декабря 1944 года 1450 тысяч заключенных.

Не знаю, посмотрит ли читатель на приведенные выше цифры иными глазами, когда узнает, что за 194.1 — 1944 годы на строительные организации НКВД приходилось 14,9 процента всех выполненных в то время строительных работ по народному

хозяйству СССР в целом. То есть седьмая часть. НКВД СССР построил и сдал в эксплуатацию 612 оперативных аэродромов и 230 аэродромов со взлетно-посадочными полосами, группу авиазаводов в районе г. Куйбышева, 3 доменные печи обшей мощностью 980 тысяч тонн чугуна в год, 16 мартеновских и электроплавильных печей производительностью 445 тысяч тонн стали, угольные шахты и разрезы общей производительностью 1740 тысяч тонн кокса, 46 электрических турбин. Грозное ведомство построило 3573 километра новых железных и 4700 километров шоссейных дорог, 1056 километров нефтепроводов, 9 химических заводов. Производственные главки НКВД добывали золото, олово, молибден, никель, медь, нефть и много других нужных обороне полезных ископаемых.

Даже явные недоброжелатели Берии вынуждены признавать: да, Лаврентий Павлович умел, особенно в экстремальных ситуациях, работать четко и виртуозно. Другое дело, какой ценой для заключенных это достигалось.

Но в те годы наивысшего напряжения национального характера, когда вопрос «Кто кого?» встал во всей своей трагической остроте, разве было до сегодняшних сытых разглагольствований о гуманности? Неблагодарное это дело — судить прошлое сегодняшними мерками, ибо каждое время, повторю, живет по своим законам.

Я давно обратил внимание на одно странное обстоятельство. Клеймили авантюриста, шпиона и предателя Берию в основном журналисты, ну еще историки, — люди, которые его не знали и никогда с ним при жизни не встречались. Правда, особенно сильно злодею доставалось еще от детей и других родственников пострадавших в годы репрессий. Изобличали и некоторые крупные военные, у которых имелись основания быть обиженными на него. Но те, кто знал Берию лучше других, кто работал с ним бок о бок — почему-то отмалчивались. Ни за, ни против. Не спешили со своей вязанкой хвороста в общий костер проклятий, но и не пытались не то что погасить — хотя бы сбить рвущееся к самим небесам пламя.

Выжидали? Боялись? Помнили идущую из глубин веков народную мудрость о том, что молчание — золото? Может быть. Но время от времени на общем фоне единомыслия в обрисовке непременно негативного образа Берии вдруг проскальзывали отдельные неожиданные черточки, детальки, хотя и искусно закамуфлированные тканью повествования под общий бранный тон, но тем не менее дающие внимательному читателю пищу для размышлений. Несколько таких любопытных штришков наблюдательный глаз может легко обнаружить в вышедшей

недавно книге Владимира Новикова «Накануне и в дни войны».

Имя ее автора в свое время было известно довольно широкому кругу людей. В военные годы он был наркомом вооружения, возглавлял производство почти всего стрелкового оружия в стране. Затем был заместителем Председателя Совета Министров СССР. Герой Социалистического Труда.

Владимир Николаевич немало поведал о горькой чаше арестов, допросов, заключений, которая не миновала и некоторых его товарищей по работе. Однако он признает, что в годы войны репрессии в меньшей степени коснулись оборонной промышленности. И волей-неволей он пришел к выводу, что все упиралось в одного человека — в Л. П. Берию.

Сейчас часто вспоминают эту зловещую фигуру, пишет Новиков, которая, казалось, вечно сопровождала Сталина. Но подходят к его оценке упрощенно, не идя дальше «мрачной личности» и «кровавого палача». А был он, нарком НКВД, далеко не прост и не так примитивен, как кажется большинству писателей и других творческих людей, а с их легкой руки и миллионам читателей и зрителей.

Вот тут Владимир Николаевич попал в самую точку. Действительно, в результате отсутствия свидетельств знающих, компетентных людей, сильных своим художественным видением уходящей эпохи, но не обладающих всей полнотой исторической правды, образовался вакуум. Отсюда и окарикатуренный образ сталинского монстра: в пенсне и широкополой шляпе, с немигающим взглядом и отталкивающей внешностью.

Новиков рассказывает о таком эпизоде. В конце июля 1941 года Берия проводил совещание. Новиков с Д. Ф. Устиновым были приглашены по поводу необходимости резкого увеличения выпуска винтовок. Сидели от Берии сбоку шагах в семи-восьми. Производил он впечатление человека решительного. Лицо широкое, бритое, холеное, с бледным оттенком, очки-пенсне. Волосы темные, лысина. На руках кольца. По виду национальность определить трудно.

Вопрос к Новикову и Устинову:

— Товарищ Устинов, когда вы по Ижевску выйдете на выпуск пяти тысяч винтовок в сутки?

Дмитрий Федорович попросил, чтобы по этому вопросу доложил его заместитель — Новиков, который еще недавно был директором этого завода и меньше месяца как переведен в Москву.

Владимир Николаевич встал и доложил, что для достижения такого уровня потребуется не менее семи-восьми месяцев, так как сейчас выпускают порядка двух тысяч винтовок в сутки.

Берия нахмурился:

— Что ж это вы, товарищ Новиков, знаете, что на фронте одних убивают или ранят, а другие ждут освободившейся винтовки, а вы — семь месяцев. Это не годится, надо уложиться в три месяца. Вы завод знаете, кто еще может нам помочь?

Новиков ответил, что при любых условиях уложиться в названный срок невозможно.

Создали комиссию из двух заместителей председателя Госплана — В. В. Кузнецова, П. И. Кирпичникова, и В. Н. Новикова. Срок — два дня. Дать предложения, как выйти на пять тысяч винтовок в сутки за три месяца.

Сидела комиссия трое суток, почти не уезжая домой. Говорили с заводом, главком и так далее, но придумать ничего не могли. Кузнецов и Кирпичников склонялись согласиться с трехмесячным сроком. Новиков отказался подписывать бумагу, ссылаясь на нереальность такого решения. Документ ушел с пометкой: «Т. Новиков от подписи отказался».

Опять совещание у Берии, опять полный кабинет народа, включая не только наркомов оборонных отраслей, но и других.

Дошла очередь и до вопроса с Ижевским заводом. Берия читает бумагу. Обращаясь к Кузнецову, спрашивает, почему нет подписи Новикова.

Василий Васильевич (тот самый, первый заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР при Брежневе!) отвечает, что Новиков считает сроки нереальными.

Тогда Берия Новикову довольно сердито:

— Какой срок ставить, товарищ Новиков?

Владимир Николаевич еще раз подтвердил, что

минимальный срок — это с натяжкой семь месяцев.

Берия сплюнул в сторону, выругался и сказал:

— Принять предложение Новикова.

На этом инцидент был исчерпан.

Как-то Новиков поинтересовался у товарищей, почему Берия принял его предложение при другом мнении авторитетных членов комиссии. Новичку разъяснили: обмануть Сталина — значит потерять все. Сталин многое прощает, но обмана — никогда. А все, что касается вооружения, Берия докладывает Верховному.

Смалодушничай тогда Новиков, уступи Кузнецову и Кирпичникову, и информация о трехмесячном сроке ушла бы к «самому». А потом провал, трудное объяснение у Сталина и, как результат крупной разборки у Верховного, полетели бы головы у всех причастных. С обвинениями во вредительстве, связях с немецкой разведкой — словом, полный набор мнимых

преступлений, которые обычно инкриминировались в те приснопамятные времена. Нередко с этого и начиналось — с нереального обещания, вызванного плохим знанием дела либо стремлением прихвастнуть, выделиться звонкой фразой среди высоких лиц. А уж потом мастера по фабрикации дел выбивали необходимые для следствия признания. Сколько замечательных людей, в том числе директоров крупных оборонных заводов, попав на высокое совещание в Москву, терялись в присутствии видных руководителей, неосмотрительно соглашались с предложениями ускорить сроки, увеличить выпуск продукции. Их ждала печальная участь. Уцелевал тот, кто знал дело и не лебезил перед начальством.

Новиков приводит и другой, совершенно невероятный эпизод, раскрывающий образ «палача» и «дьявола» с совсем неожиданной стороны. Был конец 1943-го или начало 1944 года. Война покатилась уже в другую сторону. Руководимые Новиковым заводы программу выполняли образцово. Однажды В. М. Рябиков, первый заместитель наркома, проездом на артиллерийский завод остановился на один день в Ижевске. Все руководство Удмуртии его хорошо знало. Новиков в то время тоже находился там, подгоняя производство авиационных пушек.

Рябиков попал в воскресный день и утром, часов в одиннадцать, решил позавтракать вместе с руководством автономной республики. Были первый секретарь обкома, нарком внутренних дел, директор машиностроительного завода, Новиков и Рябиков. Владимир Николаевич признается: немного выпили. В разгар встречи директор завода шепнул Новикову, что в одной из комнат особняка, где собрались друзья, находится представитель КПК от товарища Шкирятова. Может быть, его пригласить? Новиков махнул рукой: «Куда уж теперь приглашать, когда все мы выпивши». В этот же день Рябиков уехал.

Через десять дней Новикова и Рябикова вызвали к Матвею Федоровичу Шкирятову, которого Сталии называл «совестью партии». Он зачитал им утрированную реляцию: мол, пьянка во время войны и так далее. Через три дня оба получили выписку из протокола, где им объявили по выговору за недостойное поведение. Подписал секретарь ЦК А. А. Андреев.

Неприятность, конечно, большая. Оба написали заявление Андрееву, что их оклеветали. Опять вызывают к Шкирятову. «Что же это, для вас, дорогие товарищи, решение ЦК — ложь и клевета?» Жалобщики слегка струсили от такого поворота и попросили заявление обратно, но в этом им отказали. Это вызвало дополнительное беспокойство. Через две недели получают новое решение за той же подписью: вынесенные

выговоры снять. В чем дело?

Оказывается, Берия звонил директору завода в Ижевск и попросил справку от своих органов в Удмуртии, как проходила встреча Рябикова в Ижевске. Директор, конечно же, все дал совершенно в другом свете, чем это представил работник КПК. А дальше было так: Берия позвонил Андрееву и сказал, что факт с Рябиковым и Новиковым работники КПК исказили, что он лично все проверил через наркома внутренних дел республики. Выговоры даны незаконно, и нужно их снять.

Неужели и таким был Берия? Выходит, что и таким.

После войны, отмечает мемуарист, «шефство» Берии над оборонным комплексом закончилось (в 1941 году «оборонку» подчинили Берии как члену ГКО). И сразу же посыпались аресты. Репрессировали друзей'Новикова военных лет заместителя наркома вооружения И… А. Мирзаханова, маршала артиллерии Н. Д. Яковлева. К счастью, их вскоре освободили, но судьбы все же искалечили. Любопытная деталь: такой крупный организатор военного производства, как В. Н. Новиков, репрессии в своей отрасли связывает вовсе не с именем Берии. Его мемуары полны описаний случаев, когда наркомвнудел, наоборот, все делал для того, чтобы оградить руководителей «оборонки» от необоснованных обвинений, клеветы и лжи. Ей-богу, стоит почитать эту книгу!

А вот сочинение господина Т. Виттлина, если кому попадется на глаза, благо оно сейчас переведено на русский язык, читать следует с превеликой осторожностью. Вышло сие сочинение в Лондоне под названием «Комиссар» лет двадцать назад. Большинство слухов, сплетен, анекдотов о сталинском монстре — из оной книжицы. Оттуда перекочевала и до сих пор ходит по страницам свободной эсэнговской прессы леденящая душу история женитьбы Лаврентия Павловича.

Глава 9
НЕ ПОСЛЕДНИЙ МИФ

Находясь в конце двадцатых годов в Абхазии, повествует Виттлин в расчете на негодующую реакцию западного добропорядочного буржуа, Берия жил в роскошном специальном поезде, в которое он приехал в Сухуми. Поезд стоял на запасных путях, на некотором расстоянии от здания станции, и состоял из трех пульмановских вагонов: спальни, салон-вагона с баром и вагона-ресторана.

В тот вечер, когда Берия собирался отправиться в Тбилиси, около станции к нему подошла девушка лет шестнадцати, среднего роста, с черными глазами и сдобной комплекции.

Девушка приехала из родной мингрельской деревни, соседствующей с селом Мерхеули, откуда родом был сам Берия. Она попросила его заступиться за ее арестованного брата.

Берия заметил красоту девушки. Якобы желая получить дополнительные сведения о брате, он пригласил ее в поезд, но не в салон-вагон и не в ресторан.

В спальном купе Лаврентий приказал девушке раздеться. Когда она, испуганная, хотела убежать, Берия запер дверь. Затем он ударил ее по лицу, скрутил руки за спиной, толкнул на кровать, навалился на нее всем телом.

Девушка была изнасилована.

Берия продержал ее всю ночь. На следующее утро он приказал своему ординарцу принести завтрак на двоих. Перед тем как уехать по делам, Лаврентий снова запер свою жертву. Берия был покорен свежестью и очарованием этой девушки, он также понял, что она именно тот тип, который полностью соответствует его чувственности. Она была молода и невинна, но выглядела созревшей. Она была скромна, изящна, но ни в коем случае не худа. У нее были маленькие груди, большие глаза, излучавшие добрый свет, и пухлый чувственный рот.

Было бы глупо с его стороны отказаться от такого создания природы. Берия провел еще несколько дней в Сухуми, проверяя выполнение пятилетнего плана 1928–1933 годов в деле строительства местных дорог и шоссе, нового жилья, больниц и школ. Все это время он держал свою пленницу запертой в поезде.

Так маленькая Нина стала его женой.

Теперь ясно, откуда «гносеологические» корни всевозможных слухов о необыкновенном любвеобилии Лаврентия Павловича. Еще в годы моего студенчества ходили легенды о его сексуальной

ненасытности. Рассказывали потрясающие истории о машинах, в которых прямо с улиц хватали красивых девушек и увозили в логово злодея. Наконец-то найден первоисточник, откуда пошла «клубничка».

Это — тот самый «Комиссар» Т. Виттлина. Читаем: «Обычно машина Берии останавливалась у Театра Красной Армии. Там недалеко была женская школа. Ученицы расходились с уроков. Берия, как черная пантера за оленятами, наблюдал за ними. Когда замечал пухленькую девочку 14–15 лет, розовощекую, с влажными губами и ослепительно белыми зубами, он указывал на нее кивком головы. Полковник Саркисов, высокий, худощавый человек, подходил к девочке, отдавал честь, просил следовать за ним. Берия из машины наблюдал в бинокль, как ужас в глазах жертвы нарастал, и это доставляло ему огромное удовольствие. Девушка понимала, что спасения нет. Она отделялась от группы ошарашенных сверстниц и, поникшая, как рабыня, шла за истязателем. Когда она садилась рядом в машину, Берия даже не глядел на нее, он знал все, что будет: рыдания, целования его рук, ботинок, просьбы отпустить.

Держа девушку за руку, Саркисов вталкивал ее на Лубянке в кабинет Берии, который садился за стол и тихо требовал, чтобы девочка разделась. Если она прирастала к полу, дрожала и ревела, Берия вытаскивал кнут из ящика и ударял девочку по икрам ног. Она могла кричать сколько угодно: в его кабинете все кричали и плакали — никто не смеялся. Он повторял приказ раздеться. Сдавшись, она раздевалась. Он бросал ее, голую, на диван, сминал своим весом. Если инстинктивно она сжимала ноги, он левой рукой брал ее за волосы и бил головой о деревянный подлокотник дивана. Девочка сдавалась. Наступал радостный миг для Берии, когда он входил в молодое невинное тело, словно разрывал его. Девочка кричала — он целовал ее слезы, катившиеся из молодых невинных глаз. Дефлорировать, то есть лишать невинности молодое женское тело, было для Берии высшим наслаждением. Девочку тошнило от запаха водки, чеснока, гнилых зубов…

Иногда Лаврентий был более благосклонен к жертве, улыбался, уговаривал, что нет смысла пугаться. Спрашивал о родителях, братьях, сестрах. Обещал послать их всех в лагеря, если она не согласится.

Иногда вместо Лубянки Берия приводил девочек в свой дом, там предлагал гостье стакан водки. После вина девочка засыпала, и он овладевал ею. Присутствие в доме жены не останавливало Берию, жене было раз и навсегда сказано, чтобы она не входила к нему в кабинет.

Бывало, девочки, использованные, выброшенные из его дома, тут же бросались в Москву-реку или вниз с крыши высокого дома».

В версию о сексуальной ненасытности Берии можно было бы поверить (история знает немало известных личностей, для которых женщины были сильнодействующим наркотиком, мощным импульсом творческой деятельности), но детали, которые приводит Виттлин, сильно колеблют веру в правдивость описанного. Откуда ему известно о деревянных подлокотниках дивана? Это у Берии-то были гнилые зубы? Да и манера письма у англичанина такая, будто он сам лично при сем присутствовал…

Но обыватель в таких тонкостях не разбирается. Многие до сих пор клюют на «жаревку». То в одном, то в другом издании вдруг появляются отнюдь не стыдливые воспоминания под крикливыми заголовками типа «Я была любовницей Берии». Опубликованы целые сериалы «любовниц» Есенина, Маяковского, Сталина и, конечно же, Берии. Да что говорить об умерших людях! Не так давно один еженедельник поместил «исповедь» 23-летней журналистки об интимных связях с действующими уже в наше время видными политическими деятелями России — с указанием фамилий и должностей. Мы почему-то по привычке всегда считаем пострадавшей стороной слабый пол. А между прочим, и среди женщин авантюристок предостаточно. Кстати, так было во все времена.

К тому же есть свидетельства вдовы Берии, Нины Теймуразовны. В начале этого очерка я приводил ее высказывания. Неужели история ее замужества такая, как описывает господин Виттлин?

«Я родилась в семье бедняка, — рассказывает она в интервью. — Особенно трудно стало матери после смерти отца. В то время в Грузии богатые семьи можно было пересчитать по пальцам. Время тоже было неспокойное — революции, политические партии, беспорядки. Росла я в семье своего родственника — Александра. Гегечкори, который взял меня к себе, чтобы помочь моей маме. Жили мы тогда в Кутаиси, где я училась в начальной женской школе. За участие в революционной деятельности Саша часто сидел в тюрьме, и его жена Вера ходила встречаться с ним. Я была еще маленькая, мне все было интересно, и я всегда бегала с Верой в тюрьму на эти свидания. Между прочим, тогда с заключенными обращались хорошо. Мой будущий муж сидел в одной камере с Сашей. Я не обратила на него внимания, а он меня, оказывается, запомнил.

После установления Советской власти в Грузии Сашу, активного участника революции, перевели в Тбилиси, избрали

председателем Тбилисского ревкома. Я переехала вместе с ними. К тому времени я была уже взрослой девицей, отношения с матерью у меня не сложились.

Помню, у меня была единственная пара хороших туфель, но Вера не разрешала мне их надевать каждый день, чтобы они подольше носились. Так что в школу я ходила в старых обносках и старалась не ходить по людным улицам — так было стыдно своей бедной одежды.

Помню, как в первые дни установления Советской власти в Грузии студенты организовали демонстрацию протеста против новой власти. Участвовала в этой демонстрации и я. Студентов разогнали водой из пожарного брандспойта, попало и мне — вымокла с головы до ног. Мокрая, я прибежала домой, а жена Саши Вера спрашивает: «Что случилось?». Я рассказала, как дело было. Вера схватила ремень и хорошенько меня отлупила, приговаривая: «Ты живешь в семье Саши Гегечкори, а участвуешь в демонстрациях против него?»

Однажды по дороге в школу меня встретил Лаврентий. После установления Советской власти в Грузии он часто ходил к Саше, и я его уже неплохо знала. Он начал приставать ко мне с разговором и сказал:

— Хочешь не хочешь, но мы обязательно должны встретиться и поговорить.

Я согласилась, и позже мы встретились в тбилисском парке Недзаладеви. В том районе жили моя сестра и зять, и я хорошо знала парк.

Сели мы на скамейку. На Лаврентии было черное пальто и студенческая фуражка. Он сказал, что уже давно наблюдает за мной и что я ему очень нравлюсь. А потом сказал, что любит меня и хочет, чтобы я вышла за него замуж

Тогда мне было шестнадцать с половиной лет. Лаврентию же исполнилось 22 года.

Он объяснил, что новая власть посылает его в Бельгию изучать опыт переработки нефти. Однако было выдвинуто единственное требование — Лаврентий должен жениться.

Я подумала и согласилась — чем жить в чужом доме, пусть даже с родственниками, лучше выйти замуж, создать собственную семью.

Так, никому не сказав ни слова, я вышла замуж за Лаврентия. И сразу же поползли слухи, будто Лаврентий похитил меня.

Нет, ничего подобного не было. Я вышла за него по собственному желанию».

Ау, где вы, сказочные три вагона Берии, бедная Золушка, пришедшая к восточному набобу просить за брата, и все

остальное, что вышло в этой связи из-под пера английского сочинителя?

В 1926 году Нина Теймуразовна закончила агрономический факультет Тбилисского университета и начала работать в Тбилисском сельскохозяйственном институте научным сотрудником. Заграничная командировка мужа не состоялась, и вскоре жизнь у них шла совсем по другой колее.

Глава 10
ДО АРЕСТА

16 января 1946 года, пробыв на посту руководителя НКВД — МВД более семи лет, Берия оставляет его. Отныне он — первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, член Политбюро ЦК ВКП(б). До 15 мая 1953 года, когда после смерти Сталина вновь возвратится на пост министра внутренних дел.

Семилетнее пребывание в роли первого заместителя Сталина в советской историографии не отражено никак. Как будто Берия и не оставлял своего зловещего кабинета на Лубянке. Чем же он занимался в течение столь продолжительного времени?

Вновь откроем рассекреченную стенограмму июльского пленума пятьдесят третьего года. Оказывается — вредительством, дезорганизацией, срывом планов улучшения жизни советских людей, осложнением международной обстановки.

Факты? Вот какие факты приводил А. И. Микоян.

По долгосрочному соглашению между Чехословакией и Советским Союзом, подписанному в 1950 году, чехословацкая сторона обязывалась поставить в 1953 году в СССР 800 дизелей для нефтедобычи. В проекте же соглашения на 1953 год было записано только 400 штук. Берия взбесился: на каком основании Микоян предлагает 400 дизелей, если по долгосрочному соглашению записано 800? Почему чехам такие поблажки? Ах, у них трудности…

Второй случай: Президиум. Совета Министров обсуждает вопрос о просьбе Индии отгрузить ей 300 тысяч тонн зерна в обмен на их товары. Президиум ЦК решил не отказывать индусам, чтобы уменьшить влияние американцев, и поручил Молотову с Микояном составить такой проект. Они и составили, найдя зерно из экспортных ресурсов за счет снятия продажи другим капиталистическим странам, считая это политически более выгодным. Берия предложил не принимать этого проекта и отложить его, пока не будет проверен хлебофуражный баланс страны и экспортный фонд зерна.

Третий, и вовсе беспрецедентный случай, связанный с несогласием с самим Сталиным, который предложил увеличить налог на колхозы и колхозников на 40 миллиардов рублей, в то время как весь доход исчислялся в 42 миллиарда, Берия возмутился: если примем предложение товарища Сталина о налоге, это приведет к восстанию крестьян.

Поведал Микоян и о таком факте. Он предложил закупить

некоторое количество высококачественных импортных шерстяных тканей для пошива костюмов и пальто, поскольку отечественная промышленность не может дать тканей сверх программы, а также закупить 30–40 тысяч тонн сельдей, так как рыбная промышленность не обеспечивает нужды населения.

И это дело Берия стал тормозить! Для чего? А «чтобы тем самым помешать дальнейшему улучшению снабжения нашего населения».

И далее в таком же духе. Надо ли объяснять, что в одном случае возобладали ведомственные амбиции, в другом был обыкновенный деловой спор, в третьем Берия выразил свое особое мнение, а в четвертом… Не знаю, право, что сказать по поводу злополучных сельдей, по вражьему умыслу не попавших на стол советских людей.

А ведь этих примеров оратору было достаточно, чтобы назвать бывшего соратника авантюристом не только политическим, но и экономическим, приносящим в жертву своим темным замыслам как крупные, так и малые вопросы политики, пытавшимся расстроить стройные ряды руководства и дезорганизовать его работу.

А. П. Завенягин, член ЦК КПСС, заместитель министра среднего машиностроения СССР, рассказал: «Помню, товарищ Косыгин много раз ставил вопрос — давайте нам тов. Орлова для представления на должность наркома бумажной промышленности. Тов. Орлов был в то время начальником главка в МВД, это очень крупный инженер и специалист в области бумажной промышленности. А в бумажной промышленности дело не шло. И, конечно, можно было начальника главка отпустить для назначения на должность наркома. Берия отвечает: «Никоим образом, нам самим нужны люди». Когда затем бумажную промышленность поручили Берии, то т. Орлов сейчас же был освобожден от работы в МВД и назначен наркомом целлюлозной и бумажной промышленности».

И это — серьезное прегрешение? Да таких примеров хоть пруд пруди. Или вот это, тоже рассказанное Завенягиным: «Бывали с нашей стороны попытки убедить Берию. Например, при организации Министерства геологии возник вопрос относительно разведок по урану. Надо сказать, что наше государство неплохо обеспечено урановым сырьем. Мы думаем, что обеспечено лучше, чем все наши возможные противники. Однако значительная доля этого сырья добывается за границей. Важно вести форсированную разведку отечественной сырьевой базы. Мы считали, что в Первом Главном управлении это будет обеспечено лучше. Берия решил: «Нет, вам не надо заниматься разведками урана, пусть т. Тевосян

занимается этим». Тов. Тевосян сам считал, что не следовало разведку урана передавать Министерству металлургической промышленности. Естественно — у него цветная металлургия, черная металлургия. Зачем ему поручать еще разведку уранового сырья? Я пытался убедить Берию, говорил ему, что, поскольку нам поручено все дело использования атомной энергии, мы будем лучше заниматься разведками урана, поскольку непосредственно заинтересованы в них и несем ответственность за создание отечественной сырьевой базы. Берия в грубой форме отклонил мои настояния, заявил, что найдет других руководителей в Первый Главк и прибавил к этому ряд оскорбительных замечаний».

Ну, что касается манеры изъясняться — то и другие советские наркомы отнюдь не были мастерами изящной словесности. Каганович, и тот под конец жизни каялся в излишней резкости — время такое было. Да и нынешние министры тоже небось любят крепкое словцо.

Прямо скажем, не шибко бьет по современному читателю, а тем более знакомому с практикой подготовки официальных документов высокого уровня, свидетельство Завенягина о том, как принималось решение по испытанию водородной бомбы. «Мы подготовили проект решения правительства, — рассказал он плenуму. — Некоторое время он полежал у Берии, затем он взял его с собой почитать. У нас была мысль, что, может быть, он хочет поговорить с товарищем Маленковым. Недели через две он приглашает нас и начинает смотреть документ. Прочитал его, внес ряд поправок. Доходит до конца. Подпись — Председатель Совета Министров Г. Маленков. Зачеркивает ее. Говорит — это не требуется и ставит свою подпись».

А может, и в самом деле не требовалась та подпись? Может, Берия действовал в рамках своей компетенции, обусловленной разделением обязанностей в Совете Министров, его регламентом? Это, конечно, если с сегодняшней точки зрения рассуждать. А тогда? Можно представить, что ощущала основная масса приехавших из отдаленных от Москвы мест периферийных членов ЦК, когда услышала слова выступавшего о том, что водородная бомба — это важнейший вопрос не только техники, не только вопрос работы бывшего Первого Главного управления, а тогда министерства среднего машиностроения, это вопрос мирового значения.

Далее Завенягин сказал, что в свое время американцы создали атомную бомбу, взорвали ее. Через некоторое время, при помощи наших ученых, нашей промышленности, под руководством нашего правительства мы ликвидировали эту

монополию атомной бомбы США. Американцы увидели, что преимущества потеряны, и по распоряжению Трумэна начали работу по водородной бомбе. Наша страна и наш народ не лыком шиты, мы тоже взялись за это дело, и, насколько можем судить, мы думаем, что не отстали от американцев. Водородная бомба в десятки раз сильнее обычной атомной бомбы и взрыв ее будет означать ликвидацию готовящейся второй монополии американцев, то есть будет важнейшим событием в мировой практике. И подлец Берия позволил себе такой вопрос решать помимо Центрального Комитета!

После этого полился поток обвинений, о характере которых можно судить по такому фрагменту: «С самого начала бросалось в глаза главное качество Берии — это презрение к людям, — делится своими впечатлениями Завенягин. — Он презирал весь советский народ, презирал партию, презирал руководителей партии. *И* в этом презрении он оказался слепцом. Он считал членов Президиума ЦК за простаков, которых он может в любой момент взять в кулак и изолировать. А оказался сам простаком, слепым бараном. Наш ЦК проявил прозорливость и этого подлеца, авантюриста вовремя изолировал».

Завенягин заявил, что с точки зрения того, чтобы понять вопрос, серьезно вникнуть в суть дела, Берия был… туповат. И тут же реверанс в сторону победителей: без лести можно сказать, что любой член Президиума ЦК гораздо быстрее и глубже может разобраться в любом вопросе, чем Берия.

Может, это было и так, но Сталин почему-то поручил возглавлять все работы по созданию атомной бомбы именно человеку, чье имя ассоциировалось на пленуме с синонимом тупости, неспособности и даже вредительства. Ему поставили в вину даже требование строжайшей экономии — он не давал денег сверх отпущенного! После победоносного завершения войны аппетит у генералов разгорался, а Берия — подумать только! — ратовал за конверсию, за сокращение бремени военных расходов, непомерной тяжестью ложившихся на плечи исстрадавшегося народа.

Ликвидировали атомную монополию США… А кто, позволительно спросить, ликвидировал? Да, наши ученые, да, наша промышленность, да, наш героический народ, наша славная страна. Но это все обобщенные понятия. Кто конкретно руководил работами, какими средствами достигнут небывалый успех?

Только последние год-два в прессе начали несмело указывать, что шефом атомного проекта в СССР был Берия. Именно он курировал сверхсекретное Первое Главное управление,

занимавшееся разработкой сначала атомной, а затем и водородной бомбы. В 1992 году ряд изданий опубликовал сенсационные материалы о том, как тайны атомного оружия из США попали в Советский Союз. Надо ли лишний раз напоминать, под чьим руководством была осуществлена эта блестящая операция? Выходит, Берия был не такой уж и тупой, а его ведомство занималось не только превращением в лагерную пыль внутренних врагов — явных и мнимых?

Эта сторона деятельности Берии, к сожалению, не раскрыта с достаточной полнотой. Но придет время, откроются архивы, наши и зарубежные, заговорят и люди, которым, очевидно, еще не пришел срок прервать молчание. Нет сомнений, что общественность ждет еще немало потрясающих сюжетов на тему о том, благодаря кому Россия стала второй после США ядерной державой.

Теперь же, когда Берия не мог их слышать и, главное, был неопасен, о нем говорили кто во что горазд.

Ворошилов, который несколько месяцев назад встретил Хрущева, приехавшего к нему поговорить о необходимости смещения Берии, словами: «Какой у нас, товарищ Хрущев, замечательный человек Лаврентий Павлович, какой это замечательный человек!», — во всю клеймил его преступления. Не случайно, сказал он, после ареста Берии ни один работник МВД не написал письмо, в котором было бы сказано: «Что вы сделали с нашим великим вождем, как мы будем обходиться без нашего Берии?..». После этой фразы стенограмма фиксирует: «Смех в зале». Как будто бы такие письма приходили, когда арестовывали Бухарина, Рыкова! Или когда сместили Хрущева! Или когда полоскали Ворошилова за причастность к антипартийной группе Молотова, Маленкова, Кагановича и примкнувшего к ним Шепилова.

Заставил смеяться и член ЦК А. А. Андреев. Рассказав об интригах Берии против Ворошилова, Хрущева, Микояна, которые подвергались большим нападкам и дискредитации в глазах Сталина, Андреев подчеркнул: Берия «добивался всячески, чтобы все члены Политбюро были чем-нибудь отмечены, чтобы были с пятнами, а он, видите ли, чист». Развеселила участников пленума неосмотрительно произнесенная фраза: «И на самом деле, смотрите, к нему ничего не предъявишь — чист».

Случайна ли эта оговорка? Услышав смех в зале, оратор спохватился и назвал поведение Берии тонким расчетом. «Он добивался, чтобы разоружить т. Сталина, лишить его друзей и остаться одному в качестве верного и безупречного друга т. Сталина, — прорывался оратор сквозь сложные словесные

конструкции. — Я считаю, что это надо было рассматривать как новый метод работы наших врагов. Раньше у наших врагов, всякого рода предателей, выглядывали ослиные уши их политических взглядов, у него же — ничего нельзя было заметить. Только в последнее время на германском и других вопросах сказалось его буржуазное перерожденчество».

Еще один оратор, Тевосян, поставил Берии в вину то, что он представил Сталину записку и проект постановления, подготовленные им со своим аппаратом, в обход Госплана и руководства других отраслей об использовании огромных запасов апатитов Кольского полуострова. Берия добился принятия в 1950 году решения правительства о строительстве там крупного химического комбината, хотя химики и цветники возражали против этого. К тому же, сетовал Тевосян, Берия влез не в свои вопросы, поскольку отрасли промышленности, занимающиеся производством удобрений, алюминия и цемента, ему не подчинялись и находились в ведении других членов Президиума.

Тогдашний министр нефтяной промышленности СССР Н. К. Байбаков рассказал, что все крупные инициативные вопросы, исходившие не от него, возвращались обратно в министерство для так называемого исправления и доработки. Таким образом, к нему шел новый документ, начинающийся словами: «В связи с вашим указанием…» или «По вашему поручению…». Только такие документы принимались им к рассмотрению.

У двурушника Берии, отмечал Байбаков, вызывало большое негодование, когда кто-либо пытался посылать письма в адрес Сталина или другим руководящим работникам ЦК или Совета Министров. Он не мог терпеть, когда секретари областных комитетов партии, секретари центральных комитетов компартий республик напрямую обращались со своими вопросами к товарищу Сталину, обходя Берию.

Интересно, а какой начальник терпит такое сейчас, в наше просвещенное время?

Глава 11
АРЕСТ

Советские граждане были немало озадачены, когда прочли 10 июля 1953 года в «Правде» такое вот сообщение: «На днях состоялся Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. Пленум ЦК КПСС, заслушав и обсудив доклад Президиума ЦК — тов. Маленкова Г. М. о преступных антипартийных и антигосударственных действиях Л. П. Берии, направленных на подрыв Советского государства в интересах иностранного капитала и выразившихся в вероломных попытках поставить Министерство внутренних дел СССР над Правительством и Коммунистической партией Советского Союза, принял решение — вывести Л. П. Берию из состава ЦК КПСС и исключить его из рядов Коммунистической партии Советского Союза как врага Коммунистической партии и советского народа».

Прочитанное не укладывалось в головах. Об этом человеке слагались песни: «О Берии поют сады и нивы, он защитил от смерти край родной. Чтоб голос песни, звонкий и счастливый, всегда звучал над солнечной страной», детвора на школьных утренниках декламировала стихи: «Что за праздник у ребят? Ликует пионерия: это к нам пришел в отряд Лаврентий Палыч Берия», защищались кандидатские диссертации на тему: «Лаврентий Павлович Берия — верный друг и соратник товарища Сталина». И вдруг — враг советского народа…

В начале этого очерка мимолетно упоминалось о разных вариантах ареста и конца Берии — для затравки, что ли. Углубимся в данную тему более основательно, ибо в ней и поныне немало неясного и запутанного.

Итак, Сталин умер. Существуют версии, кстати, не только на Западе, что «помог» ему в этом Берия. Не будем затрагивать непростую проблему, она столь объемна и спорна, что требует отдельных, посвященных только ей изысканий. После смерти вождя роли в высшем эшелоне власти распределяются следующим образом: Берия предлагает на пост Председателя Совета Министров Маленкова. В ответ тот называет Берию своим первым замом — одним из четырех. И предлагает Министерство внутренних дел слить с Министерством государственной безопасности, поставив во главе Берию. Пост Сталина в секретариате ЦК отдается человеку, сточки зрения Берии, второстепенного масштаба — Хрущеву. Идея Берии, таким образом, сводилась к тому, чтобы главную роль в руководстве

страной играл Совет Министров, чтобы ЦК не занимался впредь оперативным управлением народным хозяйством.

Вот такая началась перестройка. Чем не предтеча перемен, начатых в середине восьмидесятых годов? Однако бериевской реформе был уготован куда более короткий век — сто дней, до 26 июня 1953 года. Хитроумный Лаврентий Павлович не разобрался до конца в личности и характере Никиты Сергеевича, что и стало одной из причин его падения.

Хрущев любил рассказывать своим иностранным собеседникам, как проводилась акция против Берии. Несмотря на некоторые вариации, сюжет в основном один и тот же.

Согласно одному из рассказов, пишет А. Авторханов в пришедшей к нам с Запада книге «Загадка смерти Сталина», конец Берии был такой. Хрущев убедил сначала Маленкова и Булганина, а потом остальных членов

Президиума ЦК, что если Берию не ликвидировать сейчас же, то он ликвидирует всех членов Президиума. Так, вероятно, думали все, хотя каждый боялся сказать об этом другому. Хрущев не побоялся. Трудна была лишь техника проведения операции против Берии. Нормальная процедура — свободное обсуждение обвинения против него в Президиуме ЦК или на его пленуме — совершенно отпадала. В опасении, что как только Берия узнает об обвинениях против него, то немедленно произведет государственный переворот и перестреляет всех своих соперников.

Оставалось, пишет А. Авторханов, только классическое оружие всех подлецов: обман, засада, ловушка. А поскольку по этой части сам Берия был великим мастером, надо было ловкость обмана помножить на искусность ловушки. Поэтому операцию против Берии приурочили к началу летних маневров армии.

В маневрах Московского военного округа должны были участвовать и несколько сибирских дивизий (на всякий случай, если в московских дивизиях окажутся сторонники Берии). На заседании Совета Министров министр обороны, его заместители и начальник Генерального штаба должны были докладывать о ходе маневров, и поэтому было приглашено много военных.

Повестка дня этого заседания, как обычно, была заранее разослана членам Совета Министров со всеми проектами решений и с указанием имен всех приглашенных докладчиков и экспертов. Словом, рутина рутин. Явились все. Члены правительства собрались в зале заседаний Совета Министров, а приглашенные, в том числе и военные, расположились, опять-таки как обычно, в комнате ожидания, откуда приглашенных вызывают в зал только во время обсуждения их вопроса.

Первым поставили на обсуждение вопрос о ходе маневров Советской Армии. В зал вошла группа военных во главе с маршалом Жуковым и командующим войсками Московского военного округа генералом Москаленко. Маленков объявил объединенное заседание Президиума ЦК и Совета Министров открытым. И тут же обратился к Жукову:

— Товарищ Маршал Советского Союза, предлагаю вам от имени Советского правительства взять под стражу врага народа Лаврентия Павловича Берию!

Военные берут Берию под стражу и уводят в соседнюю комнату. Президиум ЦК начинает обсуждать вопрос о его дальнейшей судьбе.

Теперь, по рассказам Хрущева в интерпретации Авторханова, присутствовавшие стали перед сложной дилеммой: держать Берию в заключении и вести нормальное следствие или расстрелять его тут же, а потом оформить смертный приговор в судебном порядке. Принять первое решение было опасно, ибо за Берией стоял весь аппарат чекистов и внутренние войска и его легко могли освободить. Принять второе решение и немедленно расстрелять Берию не было юридических оснований. После всестороннего обсуждения минусов и плюсов обоих вариантов пришли к выводу: Берию надо немедленно расстрелять, поскольку из-за мертвого Берии бунтовать никто не станет. Исполнителем этого приговора (в той же соседней комнате) в рассказах Хрущева выступает один раз генерал Москаленко, другой раз Микоян, а в третий даже сам Хрущев. Он подчеркнуто добавлял: «Наше дальнейшее расследование дела Берии полностью подтвердило, что расстреляли его правильно».

Виттлин в своей книге «Комиссар» пишет: «Трудно сказать определенно, был ли он расстрелян Москаленко или Хрущевым, задушен Микояном или Молотовым при помощи тех трех генералов, которые схватили его за горло, как об этом уже говорилось. Также трудно сказать, был ли он арестован на пути в Большой театр 27 июня (где все члены Президиума, кроме него, присутствовали на опере «Декабристы») или он был арестован на заседании Президиума ЦК… Поскольку Хрущев пустил в ход несколько версий о смерти Берии и каждая последующая разнится от предыдущей, трудно верить любой из них».

О научной добросовестности Виттлина мы уже кое-что знаем! Хорошо хоть, что он не настаивает ни на одной из версий, а только их перечисляет. Авторханов, пожалуй, ближе к истине, за исключением предположения о немедленном расстреле вдень ареста, 26 июня 1953 года. Оно не подтверждается свидетельствами лиц, принимавших участие в аресте, а также

членов специального судебного присутствия, утверждающих, что суд над живым Берией и его сообщниками состоялся 16–23 декабря 1953 года и что из зала судебного заседания в кабинет Хрущева была проведена специальная связь, чтобы он мог слушать показания подсудимых — как Сталин во время процесса над Бухариным.

В книге есть еще одна любопытная деталь: автор говорит — со ссылкой на откровения Хрущева с иностранными собеседниками — о приуроченных к моменту ареста Берии военных маневрах. Наши беллетризованные источники полны описаний передислокации военных частей и боевой техники, выдвигавшихся по направлению к Москве — это, мол, Берия, готовясь к перевороту, стягивал верные ему внутренние войска. Хрущев и его единомышленники не допустили военного путча, арестовав заговорщика прямо в Кремле.

Обратимся к свидетельствам военных, принимавших непосредственное участие в организованной Хрущевым акции.

Г. К. Жуков, Маршал Советского Союза, в то время был заместителем министра обороны СССР.

Его вызвал Булганин, тогдашний министр обороны, и сказал:

— Садись, Георгий Константинович.

Он был возбужден, даже не сразу поздоровался. И только потом подал руку, однако не извиняясь.

Помолчали. Затем Булганин, ни слова не говоря по существу дела, сказал:

— Поедем в Кремль, есть срочное дело.

Поехали. Вошли в зал, где обычно проходили заседания Президиума ЦК партии.

Потом Жуков узнал, что в тот день было назначено заседание Совета Министров. И министры действительно были в сборе. На заседании с информацией должен был выступить Берия. И он готовился.

Жуков оглянулся. В зале находились Маленков, Молотов, Микоян, другие члены Президиума. Берии не было.

Первым заговорил Маленков — о том, что Берия хочет захватить власть, что Жукову поручается вместе с его товарищами арестовать его.

Потом стал говорить Хрущев, Микоян лишь подавал реплики. Говорили об угрозе, которую создает Берия, пытаясь захватить власть в свои руки.

— Сможешь выполнить эту рискованную операцию?

— Смогу, — ответил Жуков.

Маршал отмечает, что задавшие вопрос знали: у него к Берии давняя неприязнь, перешедшая во вражду. У них еще при Сталине

не раз были стычки.

Решено было так. Лица из личной охраны членов Президиума находились в Кремле, недалеко от кабинета, где собрались члены Президиума. Арестовать личную охрану самого Берии поручили Серову. А Жукову предстояло арестовать Берию.

Маленков сказал, как это будет сделано. Заседание Совета Министров будет отменено, министры отпущены по домам. Вместо этого он откроет заседание Президиума.

Жуков вместе с Москаленко, Неделиным, Батицким и адъютантом Москаленко должны сидеть в отдельной комнате и ждать, пока раздадутся два звонка из зала заседаний в эту комнату.

Жуков пишет: его предупредили, что Берия физически сильный, знает приемы джиу-джитсу.

— Ничего, справлюсь, нам тоже силы не занимать.

Потянулось долгое молчание. Наконец раздается один звонок, второй. Жуков входит в зал первым, подходит к Берии сзади и командует:

— Встать! Вы арестованы.

Не успел Берия встать, как Жуков заломил ему руки назад и, приподняв, встряхнул его. Глянул на него — бледный-пребледный. И онемел.

Еще бы! Разве мог он ожидать такого коварства от соратников?

При обыске у него не обнаружили никакого оружия. У заговорщика не было даже завалящего пистолетика! Впрочем, у Жукова и его генералов, прибывших в Кремль для ареста путчиста, было на всех… два пистолета. Это — по версии Жукова.

Арестованного Берию держали в соседней комнате до 10 часов вечера, а потом погрузили в ЗИС; его положили сзади, в ногах сидения, предварительно укутав в ковер. Сделали это для того, чтобы охрана не заподозрила, кто в машине.

Вез его Москаленко. Берия был определен в бункер Московского военного округа. Там он находился и во время следствия, и во время суда, там его и расстреляли.

Таково свидетельство человека, арестовывавшего Берию.

Не расходится с ним в главном и второй высокопоставленный военный — К. С. Москаленко, занимавший в то время пост командующего войсками Московского военного округа. В 9 часов утра 25 июня (т. е. когда Берия еще не вернулся в Москву из поездки в ГДР) по телефону АТС Кремля позвонил Хрущев и спросил, имеются ли в его окружении близкие и преданные люди. На что Москаленко ответил, что такие люди имеются.

После чего Хрущев сказал, чтобы Москаленко взял этих

людей и приехал с ними в Кремль к Маленкову, в кабинет, где раньше работал Сталин.

Тут же он добавил, чтобы Москаленко взял с собой планы ПВО и карты, а также захватил сигареты. Москаленко ответил, что заберет с собой все перечисленное, однако курить бросил еще на войне, в 1944 году. Хрущев засмеялся и сказал, что сигареты могут потребоваться не те, которые он имеет в виду.

Тогда генерал догадался, что надо взять с собой оружие. В конце разговора он сказал, что сейчас позвонит министру обороны Булганину.

Намек Хрущева на то, что надо взять с собой оружие, навел генерала на мысль, что предстоит выполнить какое-то важное задание Президиума ЦК КПСС…

Нажатием кнопки электрического сигнала Москаленко тут же вызвал офицера для особых поручений майора Юферева, начальника штаба генерал-майора Бак-сова, начальника политуправления полковника Зуба и сказал им: надо ехать в Кремль, взяв с собой оружие, но так как его ни у кого не было, то командующий вызвал коменданта штаба майора Хижняка и приказал ему принести и выдать пистолеты и патроны. Так как группа была маленькая, то Москаленко позвонил начальнику штаба ВВС (бывшему начальнику штаба Московского округа ПВО) генерал-майору Батицкому и предложил ему прибыть незамедлительно, имея с собой оружие.

Вскоре после этого последовал звонок министра обороны маршала Булганина, который сказал, что ему звонил Хрущев. Булганин предложил Москаленко сначала прибыть к нему. В беседе с глазу на глаз министр объяснил задачу: предстоит арестовать Берию. Охрана у него в Кремле сильная и большая, преданная ему. Сколько у тебя человек? Москаленко ответил: с ним пять человек, все они фронтовики, испытанные в боях и надежные люди, преданные Коммунистической партии, Советскому правительству и народу. На что он сказал: «Это все хорошо, но очень мало людей». Тут же спросил: кого можно еще привлечь, но без промедления? Москаленко ответил: вашего заместителя маршала Василевского. Булганин сразу же почему-то отверг эту кандидатуру. В свою очередь Москаленко его спросил, кто находится сейчас в министерстве из влиятельных военных. Он сказал: Жуков. Тогда Москаленко предложил его взять. Министр согласился, но чтобы Жуков был без оружия.

Москаленко отмечает еще одну любопытную подробность: после ареста Берии, при очередном докладе Маленкову он как-то сказал, что прежде чем обратиться к Москаленко, с аналогичным предложением обратились к одному из маршалов Советского

Союза, но тот отказался от участия в операции. Кто этот маршал, Москаленко уточнять не стал.

Почему Хрущев обратился именно к Москаленко? Сам мемуарист на этот вопрос ответить затрудняется. Хрущев знал его только по боевым действиям на фронтах. Изредка они встречались после войны. Отношение к нему Сталина, признается Москаленко, в то время также было хорошим, как и во время войны. Берию лично он не знал и ранее не встречался с ним, 'знал о нем только по печати. Поэтому предложение Хрущева, уточненное Булганиным, Москаленко воспринял как поручение партии, ЦК, его Президиума. Мемуарист отмечает также, что и все члены Президиума ЦК, как Молотов, Маленков, Ворошилов и другие, относились к нему хорошо.

И вот часов в одиннадцать дня 26 июня по предложению Булганина группа военных села в его машину и поехала в Кремль. Его машина имела правительственные номера и сигналы и не подлежала проверке при въезде в Кремль. Подъехав к зданию Совета Министров, Москаленко вместе с Булганиным поднялся на лифте, а Баксов, Батицкий, Зуб и Юферев поднялись по лестнице. Вслед за ними на другой машине подъехали Жуков, Брежнев, Шатилов, Неделин, Гетман, Пронин. Неужели и Брежнев? Получается — да. Всех Булганин провел в комнату ожидания при кабинете Маленкова, затем оставил военных и ушел в кабинет к Маленкову.

«Через несколько минут вышли к нам Хрущев, Булганин, Маленков и Молотов, — вспоминает Москаленко. — Они начали нам рассказывать, что Берия в последнее время нагло ведет себя по отношению к членам Президиума ЦК, шпионит за ними, подслушивает телефонные разговоры, следит за ними, кто куда ездит, с кем члены Президиума встречаются, грубит со всеми и т. д. Они информировали нас, что сейчас будет заседание Президиума ЦК, а потом по условленному сигналу, переданному через помощника Маленкова — Суханова, нам нужно войти в кабинет и арестовать Берию. К этому времени он еще не прибыл. Вскоре они ушли в кабинет Маленкова. Когда все собрались, в том числе и Берия, началось заседание Президиума ЦК КПСС.

Хотя заседание длилось недолго, нам казалось наоборот, очень долго. За это время каждый из нас пережил, передумал многое. В приемной все время находилось человек 15–17 людей в штатской и военной одежде. Это порученцы и лица, охраняющие и прикрепленные. А больше всего это люди от Берии. Никто, конечно, не знал и не предугадывал, что сейчас произойдет, все беседовали на разные темы».

После условленных звонков, о которых уже говорил Жуков,

«пять человек вооруженных, шестой т. Жуков» (так у Москаленко. — *Н. З.)* быстро вошли в кабинет, где шло заседание. Маленков объявил: «Именем советского закона арестовать Берию». По версии Москаленко, все обнажили оружие (помните, у Жукова — на всех было два пистолета). «Я направил его (пистолет. — *Н.* З.) прямо на Берию и приказал ему поднять руки вверх, — свидетельствует Москаленко. — В это время Жуков обыскал Берию, после чего мы увели его в комнату отдыха Председателя Совета Министров, а все члены Президиума и кандидаты в члены остались проводить заседание, там же остался и Жуков».

По версии Жукова, приказ поднять руки вверх отдавал он. В интерпретации Москаленко, как видим, именно он выступает в качестве главного действующего лица, а Жуков лишь обыскал оторопевшего Берию. В его портфеле обнаружили лист бумаги, весь исписанный красным карандашом: «Тревога, тревога, тревога». Видимо, когда начали о нем разговор на заседании, он сразу почувствовал опасность и имел в виду передать этот лист охране Кремля, делает догадку Москаленко.

Он же приходит к заключению по реакции присутствовавших, что, кроме членов Президиума Булганина, Маленкова, Молотова и Хрущева, по-видимому, никто не знал и не ожидал ареста Берии. В комнате отдыха Председателя Совета Министров Берию охраняли Москаленко, Батицкий, Баксов, Зуб и Юферев. Снаружи, со стороны приемной, у дверей стояли Брежнев (вот неожиданность!), Гетман, Неделин, Пронин и Шатилов. Когда стемнело, Берию вывезли из Кремля в правительственном ЗИСе…

На следующий день, в субботу, 27 июня, члены Президиума как ни в чем не бывало присутствовали на опере «Декабристы» в Большом театре. Берии среди них не было.

Следствие продолжалось шесть месяцев. 23 декабря 1953 года Берия был осужден и расстрелян, а труп сожжен.

На второй день, 25 декабря, Москаленко был вызван к министру обороны Булганину. Тот предложил написать реляцию на пять человек — Батицкого, Юферева, Зуба, Баксова и Москаленко для присвоения звания Героя Советского Союза. Первым трем — первичного, а последним двум — второго. Москаленко, по его словам, категорически отказался это сделать, мотивируя тем, что они ничего такого не сделали. Булганин, однако, сказал: «Ты не понимаешь, ты не осознаешь, какое большое, прямо революционное дело вы сделали, устранив такого опасного человека, как Берия, и его клику». Москаленко вторично отказался делать такое представление. Тогда Булганин предложил написать реляции на несколько человек для

награждения орденами Красного Знамени или Красной Звезды.

История повторяется: в августе 1991 года, празднуя победу над участниками попытки государственного переворота, тогдашний мэр Москвы, профессор и демократ Гавриил Попов предложил присвоить Борису Ельцину звание Героя Советского Союза. Бедный Советский Союз! Кого только не нарекали Героем от его имени!

Как видим, ни у Жукова, ни у Москаленко, ни у Зуба (полковника, тогдашнего начальника политуправления Московского военного округа, его рассказ о тех событиях тоже опубликован) о войсковых маневрах упоминаний нет. А как у военных рангом помельче? Записки «крупняка», скорее всего, предварительно читали «наверху». Может, у кого-то из чинов поменьше проскочили интересующие нас сведения?

Конечно, неблагодарная это работа — перелопатить многие десятки сборников военных воспоминаний, газетных подшивок. Но что поделаешь — охота, как говорится, пуще неволи.

И, представьте себе, нашел. Рассказ А. Скороходова, тогда подполковника, о том, как их гвардейский зенитный артиллерийский полк, находившийся в подмосковном поселке, «готовили на войну» с Берией.

Это произошло 20 июня 1953 года. Обратили внимание на дату? День, как обычно, шел по установленному распорядку. Скороходов, замещавший командира полка, уехавшего в отпуск, составлял план штабных тренировок на предстоящий месяц. Потом пошел пообедать. Успел съесть тарелку борща, как его срочно вызвали на КП. В телефонной трубке он услышал знакомый голос начальника штаба артиллерии округа полковника Гриба:

— Сейчас же снарядите машину с 30 автоматчиками и тремя офицерами. Всем выдать по полному боекомплекту. Через два часа быть в штабе округа. О выезде доложите.

Команду Скороходов выполнил через полчаса, взяв солдат в полковой школе. И сразу же новое приказание: выслать еще одну машину и тоже с 30 автоматчиками.

Между тем новый приказ:

— Развернуть батареи на огневых позициях, действовать по плану боевой работы!

Вой сирены привел в движение весь военный городок. Главный пост молчит, никаких донесений о появлении воздушных целей не передает. Из жилых домов выбегают офицеры. Солдаты под дружный вскрик «раз-два, взяли…» выкатывают из парка тяжелые пушки. Поступает новое приказание: объявить боевую тревогу и батареям, находящимся в

лагере.

Скороходов повел колонну сам. Сержант на проходной широко открыл ворота, полк трогается и почти сразу же останавливается. По шоссе мимо артиллеристов стремительно проносится головной танк. «Тридцатьчетверка» на большой скорости идет в сторону Москвы, из выхлопных труб вылетает черный дым, пушка и пулемет расчехлены, в открытой башне видна фигура танкиста в шлеме и черном комбинезоне. За ним движется большая колонна машин. Истошный рев моторов, дымный чад, резкий запах солярки. Неужели опять война? А может, это Берия стягивал к столице войска МВД для захвата власти? Но ведь танков-то они не имели…

Наконец и машины Скороходова выезжают на шоссе. Спустя некоторое время сворачивают и занимают огневые позиции. Устанавливают связь с КП дивизии и округа. Новый приказ: на все огневые позиции батарей завезти по полному комплекту боеприпасов, открыть склады, взять снаряды. По радио передают самые мирные известия — где-то убирают урожай, играют в футбол, Клавдия Шульженко поет о любви. А полк занял огневые позиции около Москвы.

Так (в боевой готовности!) провели три дня. Наконец с КП округа дали «отбой», и все батареи, кроме дежурных, возвратились в городок.

Только 2 июля дошел до них слух: всему причиной был Берия.

Скороходову в то время дважды приходилось приезжать в штаб Московского военного округа, на территории которого находился бункер с именитым арестантом. Даже в октябре 1953 года, когда Скороходов приехал туда в первый раз, на площадке с колоннами стояли два станковых пулемета. Полевой «газик» командира дивизии, на котором вместе с ним приехал Скороходов, остановили на углу. Дальше пришлось идти пешком. У пропускной вертушки, помимо дежурного, стояли еще по два автоматчика. Возле бюро пропусков — тоже вооруженные солдаты.

Четырехугольный двор штаба округа был ярко освещен прожекторами, установленными на стволах деревьев. Мощный свет выбеливал каждый камешек на дорожках, скамейки и низкую чугунную ограду, окружавшую небольшое возвышение в центре. Командир дивизии незаметно показал Скороходову глазами на невзрачный холмик, и подполковник понял, что это и есть тот бункер, куда запрятали всемогущего Берию.

Скороходов на всю жизнь запомнил подробность: во всех четырех углах двора стояли танки в полной готовности.

Много времени спустя, пишет Скороходов, полковник Зенкин, бывший рядовым караульным в команде генерала Батицкого, рассказывал:

— Поганая была работа, наверное, за все годы службы не было так погано. Редкий мерзавец попался, вел себя исключительно нагло. Приходилось стоять у двери — там окошко. Эта тварь и ругалась, и запугивала, и, можешь себе представить, бабу требовала! Такая пакость!

Разные мысли обуревали меня, признается Скороходов, в том числе и такая: зачем, скажем, Хрущеву нужно было поднимать войска противовоздушной обороны столицы? Ведь в частях, подчиненных непосредственно Берии, не было авиации. Видно, Хрущев не сбрасывал со счетов и того, что у Берии в войсках МВД и госбезопасности было немало сторонников, отнюдь не механически, а вполне сознательно защищавших хорошо отлаженную к тому времени карательную систему.

А если бы, задается вопросом автор, генерал Москаленко не успел прибыть в Кремль прежде, чем туда вошли бы верные Берии подразделения? Неужели офицеры и солдаты, генералы и маршалы, министры и рабочие — все ревностно и вполне сознательно стали бы подчиняться диктату Берии, на партсобраниях коммунисты негодующе осуждали бы антипартийные действия «оппозиции», вставали и аплодировали бы при имени нового вождя?!

Скорее всего, так бы и было. Вставали же и аплодировали при имени победителя в кремлевском поединке Хрущева, а спустя десять лет поступали точно так при имени того, кто победил Хрущева. И первого, и второго потом сбросили с пьедесталов: оба, как оказалось, были носителями многих пороков.

За десять дней до ареста в Кремле Берия отбыл в Берлин. В соответствии с решением Президиума ЦК и Совета Министров СССР его направили в ГДР — там резко обострилась обстановка.

Всегда осторожный и подозрительный, Берия на этот раз подвоха не учуял. Мотивы командировки опасений не вызывали. Действительно, его присутствие там было необходимо. В Восточном Берлине не прекращались демонстрации под антисоветскими и антикоммунистическими лозунгами. Митингующие жгли портреты Сталина, Вильгельма Пика и Отто Гротеволя, требовали объединения Германии и ее столицы. Берлинской стены тогда еще не было, и поток беженцев в ФРГ постоянно возрастал. Советским и восточногерманским пограничникам приходилось туго. Недовольство восточных немцев подогревалось извне. Пять крупнейших западногерманских радиостанций призывали население ГДР к

гражданскому неповиновению.

Берия находился в Берлине с 15 по 25 июня, координируя действия советских, а также восточногерманских политиков и военных.

Сегодня можно лишь гадать, был ли тайный умысел у «руководящего ядра» Президиума ЦК, когда оно инициировало поездку Берии за пределы страны. Никаких свидетельств на сей счет обнаружить не удалось. Впрочем, не исключается, что замысел избавиться от Берии окончательно созрел именно во время его отсутствия в Москве. «Руководящее ядро» осмелело, сговорилось, обсудило детали предстоящей операции. Если бы Лаврентий Павлович оставался в Москве, кто знает, хватило ли бы у заговорщиков духу на столь решительные действия.

Подругой, весьма распространенной версии, Берия хотел арестовать весь Президиум ЦК в Большом театре. Эту акцию он планировал на 27 июня, на премьере оперы «Декабристы». Утверждают, что. ближайшие приближенные Берии — Саркисов, Деканозов, Кобулов и другие — якобы лично развозили приглашения советскому руководству. Что, наверное, вряд ли правдоподобно, ибо изменение порядка приглашения вызвало бы по крайней мере недоумение, если не больше. По установившейся практике члены Президиума ЦК сообща принимали решение о посещении того или иного мероприятия.

В этой связи малоубедительным представляется ссылка на Булганина, Маленкова и Хрущева, которые якобы впоследствии вспоминали, будто бы Берия лично просил их «обязательно быть на премьере, отложив все дела». Тот, кто знает порядки в высших кремлевских сферах, только улыбнется снисходительно по поводу наивных представлений, спроецированных снизу на самую верхотуру власти. Там все несколько иначе, чем у обыкновенной публики.

Хотя слухи эти могли запускаться с определенной целью. Надо было убедить легковерных граждан, что злодей Берия сам готовил заговор против Президиума ЦК и его «ядру» не оставалось ничего, кроме упреждающего удара.

26 июня Берия вернулся из Берлина в Москву. На аэродроме Лаврентия Павловича встречал Микоян. Возбужденный Берия рассказывал Анастасу Ивановичу об обстановке в ГДР. Недовольство погашено. Беспорядки прекращены.

Микоян молча слушал, кивал головой. Ни один мускул не дрогнул на лице хитрого кремлевского лиса. Лимузин пролетел через всю Москву, подкатил к кремлевским воротам. В старинном желтом дворце с белыми колоннами уже собрались члены Президиума. По дороге Микоян объяснил, что они ждут рассказа

Берии о берлинских делах. Ничего не подозревавший Лаврентий Павлович бодро прошествовал в знакомый зал заседаний.

Глава 12
БЕРИЕВСКАЯ ПЕРЕСТРОЙКА: ПРАВДА И ВЫМЫСЛЫ

Третье, вечернее заседание ЦК КПСС, рассмотревшее вопрос «О преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берии», состоялось 3 июля 1953 года. Председательствовал Н. С. Хрущев. Первым слово получил Н. С. Патоличев — член ЦК КПСС, первый секретарь ЦК компартии Белоруссии.

Это выступление лидера белорусских коммунистов никогда прежде не публиковалось. И вот рассекреченная стенограмма передо мной. Она имеет гриф «Строго секретно» и довольно суровое предостережение: «Снятие копий воспрещается».

Думается, есть смысл полностью воспроизвести этот текст, неизвестный коммунистам республики, от имени которых держал речь их руководитель. Нет необходимости его комментировать, читатели сами разберутся, что к чему, посмотрят, какие аргументы приводились на пленуме. Итак, вот он, документ, полностью, без купюр.

Выступление Н. С. Патоличева на июльском (1953 г.) Пленуме ЦК КПСС

Товарищи, мы прослушали подробный доклад товарища Маленкова, выступления товарища Хрущева, Молотова, Булганина, Кагановича, и перед каждым из нас сейчас раскрыта полная картина.

и у меня, например, первой возникла та мысль, что 3 месяца — не такой уж большой срок, который потребовался, чтобы разоблачить и обезвредить столь хитрого и опасного врага партии и государства, каким оказался Берия.

Надо сказать, что руководители партии и правительства, члены Президиума Центрального Комитета в таком сложном деле проявили стойкость и решительность и, я бы сказал, необходимую гибкость и умение.

Больше всего, товарищи, радует то, что члены Президиума Центрального Комитета в сложный и ответственный момент для партии и государства действовали сплоченно, действовали так, как это и требовалось от ленинско-сталинского Центрального Комитета. Теперь наш Центральный Комитет будет еще

сильнее, еще монолитнее, а под его руководством и вся наша партия.

Мы, члены Центрального Комитета, одобряем действия Президиума Центрального Комитета.

Хотел бы сказать по национальному вопросу. Как известно, Берия в своих враждебных авантюристических целях выступил под флагом якобы ликвидации извращений национальной политики нашей партии, а на самом деле это было еще невиданное в истории советского государства извращение ленинско-сталинской национальной политики, извращение, рассчитанное на подрыв доверия к русскому народу, на разрыв великой дружбы народов нашей страны.

Я, например, считаю, что это была самая настоящая диверсия со стороны Берии. Видимо, впервые в истории нашего многонационального государства имеет место то, когда опытные партийные, советские кадры, преданные нашей партии, снимаются с занимаемых постов только потому, что они русские.

Начальник Могилевского областного управления МВД тов. Почтенный почти всю жизнь работает в Белоруссии и не менее 20 лет на чекистской работе. Тов. Почтенный снят Берией только за то, что он русский.

Берия одним махом без ведома партийных органов, а в Белоруссии без ведома ЦК Белоруссии, снял с руководящих постов русских, украинцев, начиная от министра МВД Белоруссии, весь руководящий состав министерства и областных управлений. Готовилась также замена до участкового милиционера включительно.

Берия своими враждебными действиями в национальном вопросе нанес огромный вред. Мне думается, что Президиум Центрального Комитета незамедлительно всё это поправит, даст правильные, четкие указания партийным организациям в национальном вопросе на основе учения Ленина-Сталина.

Что касается укрепления МВД и улучшения руководства со стороны партийных органов, необходимо, с моей точки зрения, решительно ликвидировать последствия враждебной деятельности Берии в деле расстановки кадров.

Надо восстановить на прежних местах изгнанные им, Берией, кадры и тем самым показать, что все это

никакого отношения не имеет к линии партии, к деятельности Центрального Комитета.

Далее, так как Берия изгнал из ЧК всех партийных работников, направленных партией в органы для их укрепления, необходимо возвратить эти кадры и послать дополнительно партийных работников.

МОЛОТОВ. Верно ли, что изгнаны все партийные кадры?

ПАТОЛИЧЕВ. Почти все, которые посылались за последнее время.

ГОЛОС С МЕСТА. Была директива отчислить.

ПАТОЛИЧЕВ. Берия засорил чекистские кадры политически сомнительными людьми. Он их подбирал не случайно, ему нужны были головорезы. Необходимо решительно очистить органы от этих людей.

Далее, я хотел сказать, товарищи, что в ЧК работает немало честных людей. Они, как могли, сопротивлялись действиям Берии, его-действиям на отрыв от партии. Я могу приводить очень много примеров по Белоруссии, но в этом нет необходимости. Остановлюсь только на нескольких. Дело доходило до того, что однажды министр МВД товарищ Баскаков был в кабинете первого секретаря ЦК. Ему позвонил Берия и говорит: «Ты где?» — «В ЦК, у первого секретаря». — «Иди к себе, позвони». Товарищ Баскаков доложил мне, что ему было сказано, пошел, позвонил. Ему было дано указание собрать данные о национальном составе партийных, советских и чекистских органов, не докладывая об этом ЦК Белоруссии. Но товарищ Баскаков немедленно доложил ЦК. Он отказался писать записку, тогда его вызвали в министерство в Москву и заставили писать, а затем как негодного прогнали.

Я хочу сказать, товарищи, что Берия не только в партии, в народе,‘но и в органах не имел и не мог иметь опоры. Этим и вызваны его действия по изгнанию партийных работников, честных чекистских кадров и засорение этих органов своими людьми, ему угодными.

Товарищи, я полностью согласен с высказываниями членов Президиума Центрального Комитета относительно необходимости усиления партийной работы, усиления политического воспитания коммунистов, трудящихся, более успешного решения целого ряда неотложных хозяйственных задач. Мы из этого сделаем для себя необходимые выводы.

В заключение хочу сказать. Разоблачение врага и авантюриста Берии еще и еще раз напоминает, как дорого нам единство рядов партии, единство и сплоченность руководящего ядра нашей партии.

Президиум Центрального Комитета, благодаря своему единству, сплоченности, сделал неоценимое дело — уберег партию и государство от большой беды. При таком единстве мы непобедимы. Это единство надо беречь, как зеницу ока.

Настоящий Пленум Центрального Комитета показывает непоколебимую сплоченность и стойкость ленинско-сталинского Центрального Комитета.

Товарищи, я считаю своим партийным долгом заявить, что партийная организация Белоруссии, как и вся наша партия, активно поддерживает действия ЦК, еще теснее сплотится вокруг нашего ленинско-сталинского Центрального Комитета. *(Аплодисменты.)*

Как и обещал, от комментариев воздержусь. Единственное замечание, которое позволю себе в связи с этим выступлением: каждый сидящий в зале знал, что выступающий русский, что Берия присылал ему на замену белоруса Зимянина из Москвы, но эта попытка не удалась: пленум ЦК партии Белоруссии Патоличева не отпустил.

Напрасно искать мотивы симпатий Берии к тому белорусу — их не было. Московский белорус случайно попал в поле зрения послесталинского перестройщика, и был им замыслен в качестве маленького звена в общей цепи реформистской концепции десталинизации межнациональных отношений. Относился этот замысел прежде всего к «коренизации» партийно-государственного аппарата и введению делопроизводства в союзных республиках на родном языке.

Основные положения своей концепции Берия изложил в докладе на заседании Президиума ЦК КПСС 12 июня 1953 года. Возражений ни у кого не было. Приняли постановление, в котором, в частности, было сказано:

«1) обязать все партийные и государственные органы коренным образом исправить положение в национальных республиках — покончить с извращениями советской национальной политики;

2) организовать подготовку выращивания и широкое выдвижение на руководящую работу людей местной национальности; отменить практику выдвижения кадров не из местной национальности; освобождающихся номенклатурных

работников, не знающих местный язык, отозвать в распоряжение ЦК КПСС;

3) делопроизводство в национальных республиках вести на родном, местном, языке».

При Сталине, а после него при Хрущеве, Брежневе и более чем до половины правления Горбачева в союзных республиках существовал институт вторых секретарей партийных комитетов — русских, которые привозились прямо из Москвы. По странному стечению обстоятельств Белоруссия, которая при Брежневе избежала этой участи (правда, приезжал В. И. Бровиков, но он белорус), при Горбачеве получила в качестве второго секретаря ЦК русского — белгородца, работавшего в ЦК КПСС заместителем заведующего орготделом. Может, в центре перепутали Белгород с Белоруссией? — иронизировала минская интеллигенция.

Посланцы Москвы, приезжавшие со Старой площади, как правило, ни языка, ни истории, ни культуры местного народа не знали. Но они были глазами и ушами Старой площади. При Сталине существовал длинный список должностей, которые предпочтительнее было отдавать русским или обрусевшим националам. Это — должности командующих военными округами, начальников гарнизонов и пограничных отрядов, председателей КГБ республик, министров внутренних дел, руководителей железных дорог и воздушных линий, министров связи, директоров предприятий союзного значения. Сюда же входили и должности заведующих ведущими отделами ЦК. Такое же правило распространялось и на Советы

Министров союзных и автономных республик, где первые замы непременно были русскими.

Берия, и сегодня это особенно отчетливо видно, одним из первых в высшем руководстве понял необходимость ломки железного правила, оправданного в условиях войны и других сложных периодов в истории советского государства. Тонкий политик, он уловил неизбежность грядущих перемен, к тому же, как шеф спецслужб, прекрасно знал о настроениях в обществе и особенно в национальных республиках.

Берия убедил членов Президиума ЦК в необходимости либерализации великодержавной политики. Начали с Украины, где первого секретаря ЦК русского Мельникова заменили украинцем Кириченко, с Латвии, где второй секретарь ЦК Ершов был заменен латышом Круминьшем, с Белоруссии, где, как известно, произошел непредусмотренный сбой. Национальные кадры выдвигались и в органах государственного управления, министерствах и ведомствах, включая и правоохранительные. В Белоруссии, хотя Патоличев и возмущался, эта проблема стояла

не так остро, как скажем, в республиках Средней Азии, где любой мало-мальски значимый чиновник был непременно русский. Даже участковый милиционер, что обижало национальную интеллигенцию, обостряло эмоции: вот, мол, дожили, как в захваченных колониях.

Мало кто знает, что Берия подготовил записку о положении в западных областях Украинской ССР. Выступая на Пленуме ЦК КПСС, Кириченко не оставил от нее камня на камне. Он против бериевских терминов «западноукраинская интеллигенция», «западноукраинские кадры», «русификация» и т. д. Зал откровенно веселился — и это зафиксировано в стенограмме, — когда Кириченко рассказывал о попытке Берии предоставить союзным республикам больше прав, расширить их компетенцию хотя бы в области культуры.

«Теперь хочу сказать здесь насчет орденов для республик, — разоблачал Берию этот оратор. — Звонок такой был и к нам одного из работников Совета Министров, не помню фамилии. Мне он звонил по такому вопросу — скажите, пожалуйста, кто является у вас самым крупным деятелем культурного фронта в прошлом, кроме Шевченко. Я назвал Франко, Коцюбинского, Лесю Украинку. Тогда он меня спрашивает: а побольше Шевченко есть кто-нибудь? *(Смех.)* Я говорю: нет. Он мне опять задает вопрос, а какой это у вас Шевченко есть? Я отвечаю: да, у нас есть Тарас Григорьевич Шевченко. *(В зале ожиаление, смех.)* Я спрашиваю: а в чем дело? Он отвечает: мне поручил товарищ Берия узнать, нет ли у вас более крупного деятеля, чем Шевченко? А я спрашиваю: а зачем это вам? Он отвечает: имеется в виду установить ордена для республики для работников культурного фронта. *(Оживление в зале, смех.)*

В выступлении А. И. Микояна постановление ЦК об исправлении искажений и перегибов в национальной политике в прибалтийских республиках и Западной Украине, подготовленное по инициативе Берии и разосланное вместе с его докладом, трактуется как используемое Берией в своих интересах — чтобы направить настроение народов молодых советских республик против русских! Такая же оценка дается и в выступлении Н. Н. Шаталина: Берия в преступно-карьеристских целях добился включения в протокол Президиума своих записок по западным областям Украины и Литве!

Берия, оказывается, задолго до горбачевской перестройки задумывался о разграничении функций партийных и государственных органов. Что и послужило поводом для обвинения в попытках уйти от контроля со стороны партийных

комитетов, поставить органы МВД над партией. Первый секретарь Московского комитета КПСС Н. Михайлов сетовал: в управление МВД Московской области Берия посылал работников, не считая нужным ни в какой степени посоветоваться с партийными органами, с Московским комитетом партии.

При реорганизации во всех министерствах должны быть проведены конференции и избраны партийные комитеты. Исключением до сих пор, продолжал Михайлов, является лишь Министерство внутренних дел. Несмотря на неоднократную постановку вопроса о необходимости созыва конференции, Берия срывал это дело. В течение почти трех месяцев секретарь парткома не мог попасть к Берии для того, чтобы решить вопросы партийной работы. В этом снова сказалось пренебрежение этого провокатора, агента иностранных разведок к нашей партийной организации, заключил выступающий.

Менее чем через сорок лет подобная ситуация снова повторилась — и снова в органах МВД. Правда, на этот раз — российского министерства. Оно первым приступило к департизации своих рядов. Что бы ни говорили, а предтечей был Берия, делавший ставку на профессионализм, замышлявший грандиознейшую перестройку, которую перепуганные соратники объявили авантюрой и заговором.

В выступлении А. П. Завенягина так прямо и сказано: рядовым членам партии, рядовым работникам непонятно, как можно пойти на объединение Западной Германии с Восточной Германией? Это ведь означает отдать 18 миллионов населения и Германскую Демократическую Республику в лапы буржуазных заправил. Кроме того, в ГДР добывается много урана, может быть, не меньше, чем имеют в своем распоряжении американцы. А ведь это обстоятельство кому-кому, а Берии, надо полагать, известно.

Припомнили и переписку с Тито. Это с врагом-то?! Ну, конечно, агент и предатель…

А. А. Андреев высказал догадку: не без влияния Берии было принято решение Президиума ЦК КПСС от 9 мая 1953 года «Об оформлении колонн демонстрантов и зданий предприятий, учреждений и организаций в дни государственных торжественных праздников». Почему предписано проводить демонстрации без портретов руководителей партии и правительства? Народ должен знать своих вождей!

Бурными аплодисментами зал встретил разъяснение Кагановича из президиума: Андрей Андреевич, это решение отменено как неправильное». Случилось это 2 июля — в день открытия пленума.

Андреев назвал инициированное Берией решение об отказе

от оформления колонн демонстрантов портретами членов Президиума ЦК КПСС подрывом основ марксизма-ленинизма и учения товарища Сталина. Тевосян спрашивал: для чего понадобилось Берии неоднократно подчеркивать в записках МВД по делу врачей и ленинградскому делу, разосланных по его настоянию всем партийным организациям, что избиение арестованных производилось по прямому указанию товарища Сталина? А Каганович заявил: Берия возражал, чтобы, говоря об учении, которым руководствуется партия, наряду с именами Маркса, Энгельса, Ленина называть имя товарища Сталина. Вот до чего докатился этот мерзавец!

Многие выступавшие сетовали, что после смерти Сталина его имя стало постепенно исчезать со страниц печати. И видели в этом руку Берии. С болью в душе, отмечали ораторы, приходится читать высказывания товарища Сталина без ссылки на автора.

Правда, Маленков в заключительном слове слегка пожурил Андреева и Тевосяна за их неправильное отношение к культу личности Сталина, отмечая, что он принял в последние годы жизни Сталина болезненные формы. Но на судьбе Берии это признание уже не могло отразиться. Она была предрешена заранее, еще до ареста.

К. Москаленко свидетельствует, что, находясь под следствием и будучи помещенным в подземном бункере, Берия писал письма в Президиум ЦК КПСС о своей невиновности. Потом адресатом избрал только одного Маленкова, с которым был очень дружен и которому однажды написал из бункера-тюрьмы: сначала они расправятся со мной, а потом с тобой.

Что, как мы знаем, и произошло.

Но победители, раздраженные письмами надоедливого арестанта, распорядились не давать ему больше ни бумаги, ни ручки. То есть запретили писать.

Что и было исполнено.

Глава 13
СУД

Берию судило Специальное судебное присутствие Верховного суда СССР.

Председательствовал Маршал Советского Союза И. С. Конев.

В состав суда входили: председатель ВЦСПС Н. М. Шверник, первый заместитель председателя Верховного суда СССР Е. Л. Зейдин, генерал армии К. С. Москаленко, секретарь Московского обкома КПСС

Н. А. Михайлов, председатель совета профсоюзов Грузии М. И. Кучава, председатель Московского городского суда Л. А. Громов, первый заместитель министра внутренних дел СССР К. Ф. Лунев.

Кроме Берии, на скамье подсудимых оказалось его ближайшее окружение — бывший министр госбезопасности СССР, занимавший перед арестом пост министра государственного контроля СССР В. Н. Меркулов; бывший начальник управления НКВД СССР, а в последнее время министр внутренних дел Грузии В. Г. Деканозов; бывший заместитель министра госбезопасности СССР, а перед арестом — заместитель министра внутренних дел СССР Б. З. Кобулов; начальник одного из управлений МВД СССР С. А. Гоглидзе; бывший начальник управления НКВД СССР, а в последнее время министр внутренних дел Украины П. Я. Мешик; начальник следственной части по особо важным делам МВД СССР Л. Е. Влодзимирский.

Суд длился шесть дней — с 16 по 23 декабря 1953 года.

От былого величия у именитого узника не осталось и следа. Полгода пребывания в подземном бункере без солнца и дневного света неузнаваемо преобразили его облик. Он мало чем напоминал того самоуверенного, привыкшего повелевать и властвовать человека, одно имя которого уже приводило в трепет миллионы людей. Неспроста, по-видимому, до сих пор живучи легенды о том, что на суде был совсем другой человек, загримированный под Берию, а сам Лаврентий Павлович давно был расстрелян. Суд, мол, не более чем инсценировка.

В 1990 году из членов Специального судебного присутствия в живых оставался только один — 84-летний М. И. Кучава. По свидетельству профессора В. Некрасова, встречавшегося с ним и описавшего с его слов детали судебного процесса для готовившейся книги «Берия: конец карьеры» (М., Политиздат, 1991 г.), Кучава опроверг слухи о загримированном двойнике

Берии. Единственный оставшийся в живых к тому времени член суда утверждал: перед судом предстал настоящий Берия. Он давал показания, а 23 декабря произнес последнее слово. Правда, был без пенсне, и отсутствие столь любимых им стекол показало, что он был косоглазым.

Конечно, Берия не строил иллюзий по поводу судебного процесса, но тем не менее, по словам Кучавы, много раз просил суд сохранить жизнь. Так уж, наверное, устроен любой человек — до последнего момента его не покидает надежда. А ведь, сидя в бункере, он знал, что еще в начале июля его вывели из состава ЦК и исключили из партии, а в начале августа сессия Верховного Совета утвердила принятый в июле указ Президиума о лишении его полномочий депутата Верховного Совета СССР, снятии с поста первого заместителя Председателя Совета Министров и министра внутренних дел СССР с лишением всех присвоенных ему званий и наград. И, несмотря на это, надеялся!

Перед концом ему пришлось пережить немало потрясений. На пленуме ЦК от него отреклись все высокопоставленные кремлевские соратники. На суде точно так же отреклись ближайшие помощники, которых он опекал и продвигал. Безусловно, такое поведение было ему не в диковинку: достаточно насмотрелся, будучи шефом Лубянки, как подчиненные, попав в камеру и спасая свою шкуру, топили начальников. Но тогда он вершил их судьбами, а теперь вот оказался в таком же положении.

С горечью и недоумением слушал показания Б. З. Кобулова.

— Берия — карьерист, авантюрист и бонапартист, — не жалел обвинений недавний его заместитель, которого он водил за собой, на какой бы пост ни назначал его Сталин. — Все это после смерти Сталина выявилось гораздо резче, чем раньше. Я объяснил бы эти черты, характеризующие Берию, тем, что после смерти Сталина честолюбие Берии получило более сильное развитие. В это время он уже перестал говорить «мы» и все чаще употреблял «я»… Это действительно заговорщик. Он присвоил себе партийный стаж, он не состоял в партии с 1917 года. Еще не зная всех документов дела, я сказал, что он далек от Коммунистической партии и что он фактически не был коммунистом. Если только взять тома дела о разврате Берии, то становится стыдно за себя. Это грязно, подло… Морально-политическое разложение Берии привело его к логическому концу. Ясно, что Берия пришел к этому еще в молодом возрасте. Гоглидзе и Меркулов старше меня и по возрасту, и по работе с Берией, они лучше его знают, но я, будучи еще мальчишкой, видел, что Берия не имел коммунистической скромности…

В. Г. Деканозов знал Берию в течение 32 лет. Владимир Георгиевич был тенью своего хозяина. Куда Берия, туда и Деканозов. В 1931 году Берия стал первым секретарем ЦК компартии Грузии и привел с собой группу чекистских работников, включая и Деканозова, которому дал пост секретаря ЦК по транспорту. Деканозов следовал за Берией, как нитка за иголкой. Диапазон служебной деятельности верного слуги могущественного хозяина простирался от поста наркома пищевой промышленности Грузии до дипломатической службы в качестве крупного мидовского руководителя в пору курирования Берией внешнеполитического ведомства страны.

И вот этот один из самых близких и надежных людей разоблачает своего прежнего хозяина, уличает его в том, что в молодости он дружил с лицами, впоследствии осужденными как враги народа. Называет фамилию Голикова, бывшего деникинского разведчика, который, по мнению Деканозова, не без помощи Берии проник в органы ЧК, фамилию чекиста Морозова, который был изобличен и осужден за фальсификацию следственных материалов.

Карьерист, властный и злобный человек. Интриган. Всеми силами рвался к деспотической диктаторской власти. Расчищал себе дорогу от соперников.

Это еще не самые сильные выражения из лексикона вчерашних друзей.

Меньше всего мне хотелось бы выступать в роли человека, ставящего оценки «за поведение». Кто знает, может, те люди отрабатывали обещанное снисхождение?

23 декабря председатель суда маршал Конев, предоставляя Берии последнее слово, выступил с резюмирующим заявлением. Вот его основные тезисы:

1. Подсудимый полностью признал свое морально-бытовое разложение. Многочисленные связи с женщинами, сказал он, «позорят меня как гражданина и как бывшего члена партии».

2. Не отрицал свою связь с мусаватистской контрреволюционной разведкой. Однако заявил, что «даже находясь на службе там, не совершил ничего вредного».

3. Признал, что ответствен за перегибы и извращения социалистической законности в 1937–1938 годах. Вместе с тем просил суд учесть, то контрреволюционных, антисоветских целей у него при этом не было. «Причина моих преступлений — в обстановке того времени».

4. Свою большую антипартийную ошибку видит в том, что дал указания собирать сведения о деятельности партийных организаций и составить докладные записки по Украине,

Белоруссии и Прибалтике. Однако подчеркнул, что и при этом не преследовал контрреволюционных целей.

5. Категорически отверг свою виновность в попытке дезорганизовать оборону Кавказа в годы Великой Отечественной войны.

6. Просил при вынесении приговора тщательно проанализировать его действия, не рассматривать как контрреволюционера, а применить к нему те статьи Уголовного кодекса, которых он действительно заслуживал.

Приговор суда был объявлен 23 декабря.

Специальное судебное присутствие квалифицировало действия Берии и его приближенных как измену Родине.

— Изменив Родине и действуя в интересах иностранного капитала, — зачитывал в звенящей тишине постановление суда маршал Конев, — подсудимый Берия сколотил враждебную Советскому государству изменническую группу заговорщиков, в которую вошли связанные с Берией, в течение многих лет совместной преступной деятельности подсудимые Меркулов, Деканозов, Кобулов, Гоглидзе, Мешик и Влодзимирский. Заговорщики ставили своей преступной целью использовать органы министерства внутренних дел против Коммунистической партии и правительства СССР, поставить министерство внутренних дел над партией и правительством для захвата власти, ликвидации советского рабоче-крестьянского строя, реставрации капитализма и восстановления господства буржуазии…

Огласив, что на протяжении многих лет, начиная с 1919 года и вплоть до своего ареста, Берия поддерживал и расширял тайные связи с иностранными разведками, председатель суда читал текст приговора далее:

— После кончины Сталина, делая ставку на общую активизацию реакционных империалистических сил против советского государства, Берия перешел к форсированным действиям для осуществления своих антисоветских изменнических замыслов… Став в марте 1953 года министром внутренних дел СССР, подсудимый Берия подготовил захват власти, начал усиленно продвигать участников заговорщической группы на руководящие должности как в центральном аппарате МВД, так и в его местных органах. Берия и его сообщники расправлялись с честными работниками МВД, отказывающимися выполнять преступные распоряжения заговорщиков…

Голос Конева, кажется, достиг наивысшей точки:

— В своих антисоветских изменнических целях Берия и его соучастники предприняли ряд преступных мер для того, чтобы

активизировать остатки буржуазно-националистических элементов в союзных республиках, посеять вражду и рознь между народами СССР и в первую очередь подорвать дружбу народов СССР с великим русским народом. Действуя как злобный враг советского народа, подсудимый Берия с целью создания продовольственных затруднений в нашей стране саботировал, мешал проведению важнейших мероприятий партии и правительства, направленных на подъем хозяйства колхозов и совхозов и неуклонное повышение благосостояния советского народа. Установлено, что, скрывая и маскируя свою преступную деятельность, подсудимый Берия и его соучастники совершали террористические расправы над людьми, со стороны которых они опасались разоблачений. В качестве одного из основных методов своей преступной деятельности заговорщики изобрели клевету, интриги и различные провокации против честных партийных и советских работников, стоявших на пути враждебных советскому государству изменнических замыслов Берии и его сообщников и мешавших им пробираться к власти…

Из приговора вытекает, что судом установлено: подсудимые Берия, Меркулов, Деканозов, Кобулов, Гоглидзе, Мешик и Влодзимирский, используя свое служебное положение в органах НКВД-МГБ-МВД, совершили ряд тягчайших преступлений с целью истребления честных, преданных делу Коммунистической партии и советской власти кадров.

Судом также установлены преступления Берии, свидетельствующие о его глубоком моральном разложении, и факты совершенных Берией преступных корыстных действий и злоупотреблений властью.

— Виновность всех подсудимых, — приближался к завершению чтения приговора маршал Конев, — в предъявленных им обвинениях была полностью доказана на суде подлинными документами, вещественными доказательствами, собственноручными записями подсудимых, показаниями многочисленных свидетелей. Изобличенные доказательствами подсудимые Берия, Меркулов, Деканозов, Кобулов, Гоглидзе, Мешик и Влодзимирский на судебном следствии подтвердили показания, данные ими на предварительном следствии, и признали себя виновными в совершении ряда тягчайших государственных преступлений…

Конев сделал паузу. Подсудимые замерли, ожидая самого страшного, уже предопределенного всем услышанным. Они не ошиблись.

— Специальное судебное присутствие Верховного суда СССР постановило, — произнес Конев, — приговорить Берию Л. П.,

Меркулова В. Н., Деканозова В. Г., Кобулова Б. З., Гоглидзе С. А., Мешика П. Я., Влодзимирско-го Л. Е. к высшей мере уголовного наказания — расстрелу с конфискацией лично им принадлежащего имущества, с лишением воинских званий и наград. Приговор является окончательным и обжалованию не подлежит.

В четверг 24 декабря 1953 года в газете «Известия» появилось краткое сообщение «Приговор приведен в исполнение». В сообщении всего восемь строк: «Вчера, 23 декабря, приведен в исполнение приговор Специального судебного присутствия Верховного суда СССР в отношении осужденных к высшей мере наказания — расстрелу — Берии Л. П., Меркулова,В. Н., Деканозова В. Г., Кобулова Б. З., Гоглидзе С. А., Мешика П. Я. и Влодзимирского Л. Е.».

Такая спешка объясняется тем, что дело Берии рассматривалось в порядке, "установленном законом от 1 декабря 1934 года. Это был день, когда убили Кирова. Тогда в пожарном порядке, без подписи главы государства Калинина, вышло постановление ЦИК СССР, подписанное лишь его секретарем Енукидзе, об изменениях в существовавшем Уголовно-процессуальном кодексе. В нем предусматривалось ускорение сроков расследования дел обвиняемых в подготовке или проведении террористических актов, слушание дел без участия сторон, а также приведение в исполнение смертных приговоров осужденным названной категории немедленно после вынесения этих приговоров.

Первый судебный процесс по закону от 1 декабря 1934 года состоялся 28 декабря того же года в Ленинграде по делу об убийстве Кирова. 14 человек приговорили к расстрелу, который был приведен в исполнение через час после объявления приговора. Спустя 55 лет тринадцать из четырнадцати казненных были реабилитированы, за исключением стрелявшего в Кирова убийцы-одиночки. Ладно, страной тогда правил тиран и душегуб Сталин.

Когда в последний раз судили по-закону от 1 декабря 1934 года — а это был процесс Берии в декабре 1953 года, — у руля государства стоял совсем другой человек, обвинивший своего предшественника в деспотизме и поклявшийся в верности демократии.

ОБОЛГАННЫЙ И ЗАБЫТЫЙ

КАК ЗАВЯЗЫВАЛИСЬ УЗЕЛКИ

Узелки интереса к этому человеку драматичной судьбы завязывались у меня давно и туго.

В самом начале шестидесятых- годов, я, в ту пору скромный студент, пробующий свои силы на ниве журналистики, сидел в «телевизоре» — так называли обитатели старого Дома печати в Минске стеклянное кафе «Молодежное» — со знакомым сотрудником молодежной газеты, через которого проходили мои публикации. Был день выдачи гонорара, и «телевизор» гудел многоголосым шумом богемной публики, читающей стихи, обсуждающей последние литературные и журналистские новости, беспрестанно ссорящейся и мирящейся, наполняющей и опустошающей фужер за фужером с дешевым сухим вином.

В гонорарные дни сюда приходили писатели, журналисты, художники, артисты. Здесь можно было встретить немало странных личностей, внешний облик которых ничего бы не сказал о характере их занятий даже проницательным инженерам человеческих душ. Одна из таких личностей подсела за наш столик. Мой компаньон плеснул в пустой фужер вина из ополовиненной нами высокой бутылки с длинным и узким горлышком, подвинул непрошеному гостю:

— Промочите горло, Аверьян Степанович! За успех нового газетера — крупно у нас выступил. Почти на полполосы…

Маленький, тщедушный, неопрятного вида человек, которого мой благодетель назвал по имени-отчеству, сначала с жадностью опрокинул содержимое фужера в редкозубый рот, вытер губы рукавом и только потом произнес:

— За удачу, молодой человек! К сожалению, не читал. О чем прописали?

— Да так, на военную тему. Вернее, на историческую, — неопределенно ответил я.

— На военную? Историческую? — насмешливо переспросил он. — Что вы в вашем возрасте можете знать о войне и об истории!..

Подсевший к нам человек явно был уже навеселе. Притом довольно сильно. От добавленного за нашим столиком вина его, похоже, совсем развезло. Он заговорил — сбивчиво, путано, перескакивал с одной темы на другую. Но вот проскользнуло что-то более-менее напоминающее связную мысль:

— Война, история… А вам приходилось видеть Маршала…

Икнул:

— Советского Союза в крестьянском зипуне? В лаптях?

Растерянного и жалкого?

Пьяно засмеялся:

— Каково, а? Бредет обросший черной цыганской бородой мужик в лаптях. Навстречу — военный патруль. Цыган подзывает военных, требует отвести его в ближайший штаб, строго спрашивает, из какой они части. «Да кто ты такой? — теряет терпение старший патруля. — Документы!» «Я Маршал Советского Союза Кулик, — сердито отвечает цыган. — А ты кто такой? Как стоишь перед заместителем наркома обороны?» Патрульные хохочут: ну и умора, вот так номер отмочил цыганище. А чернобородый лезет за пазуху, достает красную корочку и — в морду начальнику патруля: глаза разуй, над кем смеешься. Тот корочку в руки, раскрыл: и точно, физиономия цыгана, только на фото он с маршальской звездой в петлицах…

Аверьян Степанович потянулся к бутылке, сам вылил остатки в свой фужер и, зажмурив глаза, заглотнул содержимое.

— Может, хватит, Степаныч? — ласково спросил мой компаньон. — Вам больше нельзя…

— А я и не прошу. Моя душа меру знает, — обиделся непрошеный гость. Но по всему было видно, что уходить из-за стола не собирался. Добавленные два фужера к принятой до этого дозе были для него лишними. Его развезло.

По-заговорщически подмигивая и поминутно оглядываясь, словно в плохом детективе, он намекал на свою личную причастность к поиску маршала, потерявшегося-в Белоруссии в первые дни нападения нёмцев на Советский Союз. Якобы маршала прислал из Москвы сам Сталин для изучения обстановки и координации действий войск Красной Армии. Но по прибытии в район боев связь с ним прервалась. Никто не знал, куда девался личный посланец Сталина. Генштаб всполошился: неужели попал в плен? На поиски пропавшего были брошены специальные группы. Маршала Кулика, в крестьянском зипуне и в лаптях, случайно обнаружила одна из многочисленных поисковых групп, прочесывавших местность. В эту группу, судя по его рассказам, входил и Аверьян Степанович.

Мне показалось забавным сочетание смешной фамилии, обозначающей распространенную в Белоруссии болотную птицу, и громкого воинского звания. Маршал Советского Союза Кулик… Этим и запомнился давнишний эпизод из студенческой жизни. Да, кажется, я поинтересовался у журналиста, С которым сидел за столиком в «телевизоре»: а кто этот Аверьян Степанович? Оказалось, бывший партизан, после войны подвизался в журналистике, спился.

Ныне его нет в живых, но фамилию называть не буду, чтобы

ненароком не причинить боли его родным и близким.

Так бы и остался, наверное, этот эпизод невостребованным, если бы не еще одна случайная встреча.

Произошла она на заброшенном хуторе в Пружанском районе Брестской области. Там я познакомился с удивительной судьбы человеком, который пробудил в памяти впервые услышанную за столиком в минском кафе незвучную фамилию — Кулик, резко контрастирующую с другим титулом, громким и красивым воинским званием.

На хуторе проживал Павел Будько, капитан, воевавший в Испании в составе интербригады. Я видел фотографию, на которой он был снят вместе с Долорес Ибаррури — могучий, статный красавец в свитере грубой вязки, с мужественным правильным лицом. А тогда передо мною сидел сильно сдавший от болезней и старости, усталый, много натерпевшийся в жизни человек. Диктофонов у нас еще не было, и я не отрывался от блокнота, стараясь как можно полнее записать все, что он рассказывал об испанских событиях.

Будько был знаком с Михаилом Кольцовым, Ильей Эренбургом, много и талантливо писавшими о гражданской войне 1936–1939 годов в Испании, с военными советниками Павлом Батовым, Яковом Смушкевичем, Дмитрием Павловым, Николаем Вороновым, которые впоследствии стали крупными советскими военачальниками. Тогда об их участии в испанских боях писали крайне редко и скудно, а тут, на заброшенном лесном хуторе — человек, лично видевший их в деле! И — не боявшийся давать оценки, высказывать свои суждения, нередко не совпадающие с общепринятыми. Смелость по тем временам потрясающая. Ведь некоторые имена даже вслух опасались произносить — того же генерала армии Д. Г. Павлова, командовавшего Западным фронтом в июне 1941 года и расстрелянного с группой генералов по приговору военного трибунала за потерю управления войсками, их паническое бегство и сдачу врагу огромных территорий. А Павлов, оказывается, воевал в Испании. И воевал умело, грамотно. Но там он командовал полком, а вот с фронтом справиться не сумел,'не было у него для этого данных.

— А вот Кулик и в Испании ничем не отличился, — пренебрежительно махнул рукой Будько. — Знаешь, как его республиканцы называли? «Генерал но-но». То есть «нет-нет».

Кулик! Снова эта несолидная, вызывавшая насмешки в военной среде фамилия.

— Вы знали его?

— А как же! Он был единственным советским советником,

который не сумел освоить ни одного испанского слова. Малограмотный, ограниченный, недалекий…

— Но ведь он, кажется, Маршалом Советского Союза был… Или это другой Кулик?

— Тот самый. Сталин разжаловал его из маршалов. А потом приказал расстрелять. Правда, это уже после войны случилось. Кулик тогда заместителем командующего округом был. Приволжского, сдается. Или какого-то другого, но точно помню, что второстепенного.

Фамилия Кулика много раз всплывала во время встреч с участниками боев 1941 года. В 1971 году отмечалось тридцатилетие начала Великой Отечественной войны, и мне, в ту пору члену Белорусского республиканского штаба Всесоюзного похода молодежи по местам боевой славы, пришлось возглавить одну из экспедиций, прошедшей от Бреста до Москвы маршрутами, по которым советские войска отступали от западной границы. Нас принимали ветераны разных городов Белоруссии, а также бывшие фронтовики Смоленска, Вязьмы, Можайска. В их воспоминаниях было много горечи и боли за проигранные сражения, огромные жертвы, позор отступления.

Особенно не стеснялись в выражениях московские генералы. Больше всех доставалось маршалу Кулику.

— Какой у него кругозор, знаете? Как вести огонь из полевых орудий времен гражданской войны. А он заворачивал артиллерией всей Красной Армии. Вот и наворотил столько, что едва разобрались потом. Перед самой войной расформировал многие противотанковые артиллерийские части, механизированные корпуса. Словом, исправил «вред», нанесенный Тухачевским, — возмущался один из собеседников.

— Да, малограмотный был человек, — соглашался другой. — Выпуск автоматов объявил ненужным, в ущерб государственным интересам. Кому, мол, нужны эти «пукалки», которые и бьют-то всего на двести-триста метров? Прицельный огонь из них вести невозможно, а рассеивающий — это сколько же патронов потребуется, учитывая громадные российские просторы? А немцы поперли против нас не с винтовками, — со «шмайсерами».

— Предел, потолок Кулика — артиллерийский полк, не выше, — жестко говорил третий. — А он вознесся на головокружительную высоту, занимался вопросами вооружения всех наших войск. Не по Сеньке оказалась шапка. Сталин понял это, и довольно быстро, уже через несколько месяцев после начала войны. Снял Кулика со всех постов, разжаловал из Маршалов Советского Союза в генерал-майоры. Слишком много вреда принес этот незадачливый военачальник, слишком много.

С кем бы из военных я ни начинал разговор об этом человеке, никто не произнес ни одного доброго слова в его адрес. Поразительно! О Берии, кровавом палаче и злодее, и то иногда отзывались более-менее сочувственно. Относительно Кулика — никаких исключений в оценках. Почему? Как-никак — все-таки Маршал Советского Союза, да и звание получил при Сталине, в 1940 году.

В середине семидесятых годов мне довелось два года проучиться в одном престижном в ту пору московском учебном заведении. Через знакомых сокурсников нашел выход на знающих людей. Один из знатоков закулисном жизни сильных мира сего просветил простодушного провинциала:

— Чудак-человек! Так ведь Кулик из буденовцев!

Вместе с Ворошиловым и Сталиным оборонял Царицын в девятнадцатом. После изгнания Троцкого и смерти Фрунзе все ключевые военные посты начали занимать выдвиженцы из 1-й Конной. Тимошенко, Москаленко, Апанасенко, Рокоссовский, Тюленев — это ведь закадычные дружки Семена Михайловича. И Кулик из этой компании. Сталин доверял только тем, кого лично знал.

— И что, Кулик совсем бесталанным был?

— Ну, не совсем. Просто кое-кому удобно было многие неудачи на него списывать. Кулика расстреляли в пятидесятом. А сталинские маршалы за мемуары взялись в шестидесятые годы. Из могилы голоса не подашь, написанное не опровергнешь. Мертвые-то ведь сраму не имут.

— Стало быть, Кулик — жертва наветов? Козел отпущения?

— Никто всерьез им не занимался. По одним свидетельствам, Кулик — отчаянно храбрый человек, талантливый организатор. Действительно, у него было три ордена Красного Знамени. Как у знаменитых героев гражданской войны. Плюс три ордена Ленина и звание Героя Советского Союза. И награды, и звания в сорок первом были отобраны. По другим сведениям, наиболее распространенным. Кулик — малограмотный, не умевший широко и масштабно мыслить. Военная удача — дама капризная. Были крупные служебные неприятности у генерала армии Петрова, но они описаны Симоновым, Карповым, другими видными писателями. А о Кулике почему-то никто не написал ни строчки. Откуда он родом, как стал военным, за что был выделен и вознесен Сталиным — тайна сия велика есть. Мраком покрыты и причины опалы. Не говоря уже об аресте и расстреле. Есть предположение, что Кулик готовил заговор с целью смещения Сталина.

— Невероятно. В 1950 году?

— Именно тогда. Вроде кто-то подслушал его разговор и донес Сталину. В любом случае это драматическая личность. Но вот интереса к ней почему-то не проявляют. Разве это справедливо? Правда, ходили слухи, что он был отъявленным пьяницей и развратником.

Вот тогда-то я принялся развязывать туго затянувшиеся (или затянутые?) узелки недавнего прошлого.

Узелок 1
РОКОВАЯ ПОЕЗДКА

В ночь с 9 на 10 ноября 1941 года заместителя наркома обороны СССР Маршала Советского Союза Григория Ивановича Кулика, находившегося в Ростове в качестве представителя Ставки Верховного Главнокомандования, подозвали к телефону. Звонил Сталин.

— Северному Кавказу угрожает серьезная опасность со стороны Крыма, — сказал Верховный. — По имеющимся сведениям, державшая там оборону 51-я армия в беспорядке отступает к городу Керчь. Есть угроза, что противник сможет переправиться через Керченский пролив, овладеть Таманским полуостровом и выйти на северо-кавказское побережье и Кубань…

Кулик замер. Напряженно вслушиваясь в слова, приглушенные расстоянием, он пытался по тембру знакомого голоса определить настроение говорившего. Но оттенки скрывались протяженностью телефонной линии и специфическим воспроизведением звука аппаратурой высокой частоты — ВЧ.

— Выезжайте немедленно на Таманский полуостров и в город Керчь, — продолжал Сталин своим обычным глуховатым голосом. — Помогите командованию 51-й армии не допустить противника форсировать Керченский пролив, овладеть Таманским полуостровом и выйти на Северный Кавказ со стороны Крыма. Для усиления 51-й армии передается 302-я горная дивизия, расположенная по северо-кавказскому побережью, нужно скорее ее собрать и форсированным маршем двинуть к Керченскому проливу. Примите меры к ее правильному использованию. Да, еще. У нас имеются сведения, что вы беспробудно пьянствуете и ведете развратный образ жизни. Это недопустимо.

У Кулика перехватило дыхание. Он почувствовал на лбу холодный пот. Маршал хотел сказать, что это чудовищная провокация, что он требует немедленно ее расследовать, но связь неожиданно прервалась: в Москве положили трубку. Кулик знал манеру Сталина, который никогда не говорил «до свидания» по

телефону.

— Случилось что-то, товарищ маршал? — с любопытством спросил командующий 56-й армией Ф. Н. Ремезов, присутствовавший при разговоре и не догадавшийся покинуть помещение. Вопросительно смотрел на Кулика и член военного совета армии А. И. Мельников, который тоже оказался невольным свидетелем этого разговора. Насторожился первый секретарь Ростовского обкома партии Б. А. Двинский, доверенное лицо Сталина, бывший у него перед войной помощником.

И тем не менее Кулик не стал вдаваться в подробности только что закончившегося разговора:

— Приказано отбыть на другое направление, — сухо ответил представитель Ставки.

Ремезов, Мельников и Двинский незаметно обменялись взглядами. Они догадывались, кто мог отдать такое приказание заместителю, наркома обороны, маршалу, уже около месяца находившемуся в Ростове по личному распоряжению Верховного.

Буквально через несколько минут Москва снова потребовала Кулика к телефону. На этот раз звонил Шапошников.

— Григорий Иванович, Верховный просил передать вам его приказание об отбытии на Тамань.

— Борис Михайлович, он только что сообщил мне об этом сам.

Кулику доставляло удовольствие, что слушавшие его разговор с Москвой понимали, кто его собеседник. О миссии маршала Кулика в Ростове ходили разные слухи. Поговаривали, что Григорий Иванович попал в немилость к Сталину, что военная удача отвернулась от главного артиллериста Красной Армии с первых дней немецкого нападения, что посланный Сталиным в Минск Кулик попал в окружение и чудом избежал плена. Не добился перелома он и под Ленинградом, где командовал армией. Заверяя Шапошникова, что приказание Сталина будет выполнено, маршал хорохорился перед слушавшими его телефонный разговор генералами:

— Борис Михайлович, по приезде на место после ознакомления с состоянием фронта и войск я вам немедленно донесу свои соображения.

Генералы и Двинский сидели молча. Лицо у Двинского было непроницаемо: он еще не успел получить от своих кремлевских друзей последние новости, в том числе и об отъезде Кулика из Ростова. Значит, решение созрело у самого Сталина.

Закончив разговор с Шапошниковым, Кулик вызвал адъютанта и приказал готовиться к отъезду.

Мы не знаем, как провожали маршала высокопоставленные

ростовчане — со спиртным или без, хотя этот вопрос вскоре будет расследоваться самым строжайшим образом, но командующему и члену военного совета 56-й армии в душе было искренне жаль расставаться с Григорием Ивановичем. Кулик по сути был ее крестным отцом. в соответствии с личным указанием Сталина сформировал крупную войсковую единицу из разрозненных, порядком потрепанных полков и батальонов, снабдил ее оружием, которое собиралось в других гарнизонах его властью заместителя наркома обороны и представителя Ставки. Отъезд маршала перекладывал ответственность за положение дел на военный совет армии. За спиной представителя Ставки Верховного Главнокомандования было все же безопаснее…

Одиннадцатого ноября Кулик прибыл в Тамань. Обстановка здесь, как и на всем юге страны, была сложной. Если Ростову угрожала 1-я танковая армия Э. Клей-ста, вышедшая на подступы к городу, то в Крым рвались танкисты 11-й армии Э. Манштейна. Им противостояли ослабленные 51-я Отдельная армия генерал-полковника Ф. И. Кузнецова и части эвакуированной из Одессы Приморской армии генерал-майора И. Е. Петрова. Пытаясь сдержать танковые полчища, они отступали с тяжелыми боями на Керченский полуостров и Севастополь. Чтобы улучшить управление сухопутными и морскими силами, действующими в Крыму, Ставка Верховного Главнокомандования объединила их, создав командование войск Крыма во главе с вице-адмиралом Г. И. Левченко.

За день до прибытия Кулика в Керчь, 10 ноября, вице-адмирал Г. И. Левченко доносил на имя Сталина: положение исключительно тяжелое и ежедневно осложняется. Обороняющиеся части совершенно деморализованы и небоеспособны. Они не в состоянии удержать Керченский полуостров. Вызывала большое опасение возможность потери всей материальной части артиллерии и техники. Командующий объединенными крымскими войсками просил разрешения у Верховного приступить к эвакуации с Керченского полуострова войск, матчасти и техники.

Что увидел Кулик в Тамани? По дорогам тянулись в беспорядке отходившие тылы, группами и в одиночку брели бойцы. Замнаркома пришел в ярость, наткнувшись на отступавший в беспорядке целый стрелковый полк во главе с командиром, который бросил фронт три дня назад, переправился через Керченский пролив и уже подходил к городу Темрюку. Дрожавшим от страха голосом командир полка лепетал бессвязно, что армия разбита, все бегут.

Кулик из этого полка создал несколько заградотрядов,

приказал останавливать отступавших, приводить их в чувство. Иного способа прекратить дальнейший отход Деморализованных остатков частей он не видел.

Изучение обстановки повергло его в глубокое уныние. Выяснилось, что нет ни одной воинской части, которая могла бы прикрыть полуостров. Наблюдатели-пограничники, конечно, не в счет. Обнаружилось полнейшее отсутствие оборонительных сооружений, за исключением одиночных окопов, вырытых бойцами горного полка, который был уже переброшен в Керчь и втянут в бой. Противник каждую минуту мог совершенно безнаказанно высадить десант.

Еще в большее расстройство Кулик пришел, когда прибыл на следующий день в Керчь. Подходя к городу со стороны моря, он догадался, что бой идет уже в районе крепости. Это — катастрофа, поскольку крепость расположена на господствующих высотах. Противник обстреливал город и южные пристани артиллерийским и минометным огнем. Моряки взрывали огнеприпасы. Полыхало пламя.

Командующего крымскими войсками Левченко Кулик обнаружил в пещере, недалеко от пристани. Там же находился и штаб 51-й армии. Выслушав доклады, Кулик понял, что ни командующий, ни начальник штаба армии подлинного положения не знают. Они доложили, что крепость в их руках. Но Кулик — опытный артиллерист, по разрывам определил, что на территорий крепости рвутся наши снаряды. Пришлось брать с собой члена военного совета армии Николаева и везти его на главное направление. Оттуда хорошо была видна почти вся линия фронта наших войск и противника. Николаев имел возможность убедиться, что крепость в руках врага. А также господствующие высоты юго-западнее города.

Поездка в штабы двух обороняющихся дивизий оставила удручающее впечатление. Командиры доложили маршалу, что держатся главным образом благодаря артиллерии, что пехоты у них очень мало, и та собрана в основном из тыловиков, части перемешаны и **плохо** управляемы, никаких резервов нет.

— Ловим бегущих по городу, сажаем в оборону, а они через два-три часа убегают, — жаловался командир первой дивизии. — Или при малейшем нажиме противника отходят.

Именно поэтому немцами была занята крепость. Ее оборонял батальон морской пехоты, состоявший из разношерстных бойцов. Группа автоматчиков противника в количестве 50–60 человек полностью его разогнала, батальон разбежался кто куда. Кулик темнел лицом, давал волю своим чувствам: где это видано, чтобы неприступную крепость захватывали несколько десятков

вражеских автоматчиков! И почти без боя! Какой позор!

Панику и неразбериху обнаружил представитель Ставки и на пристанях. Мало управляемая толпа вооруженных людей производила посадку. Каждый стремился как можно быстрее попасть на Таманский полуостров. Бросали технику, личное оружие, вещевые мешки. Беспорядок усиливал артиллерийский и авиационный огонь противника.

Вернувшись в пещеру к оставшемуся там Левченко и еще раз оценив с ним соотношение сил и действия немцев, Кулик пришел к выводу: больше двух дней армия оборонять город и пристани не сможет. Выход один — войска организованно перебросить на Таманский полуостров, спасти все вооружение, в первую очередь артиллерию, а также технику. Если этого не сделать, то немцы разобьют остатки армии, которых и без того осталось всего ничего — одиннадцать с половиной тысяч бойцов, около 2000 орудий и столько же автомобилей да тысяча лошадей, заберут всю технику и вооружение и на плечах отступающих ворвутся на Таманский полуостров, а оттуда — на Северный Кавказ. Сдержать противника нечем, а из Закавказья раньше 12–15 суток ждать подхода двух-трех дивизий нельзя.

Приняв такое решение, Кулик объявил его Левченко. Командующему войсками Крыма было предложено немедленно составить план перехода армии на Таманский полуостров и как моряку самому лично возглавить Переправу. На генерала Батова и члена военного совета

Николаева возлагалась организация обороны Керчи и пристаней. Начальнику штаба со вторым членом военного совета ставилась задача перейти в Тамань и обеспечить прием войск, а главное — укреплять оборону Таманского полуострова. На подготовку к отходу дал два дня.

Обсудив детали предстоящей эвакуации войск, Кулик на следующий день, 13 ноября, уехал в Тамань.

Тогда же с пометкой «Особо важная» он передал шифрограмму в Ставку о состоянии армии и предпринятых шагах. Сегодня трудно сказать, совпадение это или нет, но и адмирал Левченко именно в тот же день направил Сталину доклад о том, что войска, не имея достаточного количества автоматического оружия и минометов, потеряли всякую сопротивляемость. Фронт фактически сдерживается двумя полками прибывшей 302-й стрелковой дивизии. Что касается других частей, то боеспособны лишь отдельные группы устойчивых бойцов. «Сегодня мною принято решение на переправу с Керченского на Таманский полуостров: ценной техники, тяжелой артиллерии, специальных машин, излишнего

автотранспорта», — сообщал Левченко.

В ночь с 15 на 16 ноября главные силы армии были переброшены с Керченского на Таманский полуостров. Вывезли все вооружение, артиллерию, технику. В течение трех последующих суток переброшенные из Керчи бойцы зарывались в таманскую землю.

И вдруг 16 ноября Кулик получает ответ из Ставки на свой доклад от 13-го. Ему и Левченко предписывается во что бы то ни стало удержать плацдарм на восточном берегу Керченского полуострова. Телеграмму подписал Шапошников.

Кулик повертел ее в руках. Как это сделать, если вся армия уже переправлена на Таманский полуостров? Холодный пот прошиб маршала: а не подумают ли в Кремле, что он струсил, сбежал из Керчи? Но ведь он лично занимался подготовкой укреплений, где надлежало развернуть оборону, сам выбирал место для артиллерийских позиций, руководил инженерными работами. Чушь какая-то лезет в голову…

Гром пока еще не грянул над его головой, но тучи уже грозно сгущались.

18 ноября он доложил в Ставку о том, как развернуты войска переброшенной на Таманский полуостров армии. Одновременно поставил вопрос о замене Левченко генерал-лейтенантом Батовым («армией с 12.11 фактически командую я»). Проинформировал, что завтра, судя по обстановке, если она будет осложняться в районе Ростова, вылетит туда.

Действительно, все говорило о том, что танковая армия Клейста перешла в генеральное наступление на Ростов и переправы через Дон. В тот критический момент соседняя 9-я армия Южного фронта открыла правый фланг 56-й армии Ремезова, неожиданно уйдя в район Шахтинского. 56-я по сути осталась одна перед наступающим противником. Ей пришлось заново перестраивать оборону. Вместо фронта на запад пришлось повернуться на северо-запад, север и даже северо-восток. Длина обороны вместо прежних 20 километров увеличилась в три с половиной раза. Плотность обороны заметно разжижилась.

Противник вел наступление на фронте 15 километров тремя танковыми и тремя мотодивизиями. Кулик, собираясь в Ростов, переключил всю авиацию крымской группы войск, а также воздушную мощь Черноморского флота на поддержку Ремезова. На 19-е он поставил задачу сделать минимум три самолето-вылета всей авиации. Однако немецкие танковые колонны неудержимо рвались к Ростову. Угроза прорыва фронта в полосе 56-й армии стала реальностью.

Прилетевший в Ростов за день до катастрофы встревоженный

Кулик увидел, что измотанные войска занимали оборону уже на последнем рубеже — в двух-трех Километрах от окраин города. Ремезов навсегда запомнил, как ранним утром разъяренный маршал потребовал везти его на главное направление. Он встречался с бойцами и командирами, воодушевлял их, передавал приказ и просьбу Сталина: город ни в коем случае не сдавать. Кое-где он исправил недочеты в обороне, особенно силен был замйаркома в организации артогня.

Когда немцы перешли в решительное наступление, Кулик был на тех участках, где противник вклинивался либо прорывал оборону. Ремезов и Мельников были свидетелями того, как маршал лично водил пехотные подразделения в контратаки, отбивал артогнем танки противника. До глубокой темноты он находился в войсках, на самых угрожающих направлениях.

Было несколько критических ситуаций, когда казалось, что маршал не останется невредимым. Иногда складывалось впечатление, что он сознательно ищет смерти на передовой. Однажды так припекло, что пришлось ввести в бой последнюю роту охраны штаба армии. За винтовки взялись высшие командиры. «Очень нехорошо с нашей точки зрения ведет себя Григорий Иванович, сегодня его жизнь неоднократно была на волоске», — беспокоился Ремезов во время разговора по прямому проводу с Б. М. Шапошниковым.

Самым благоразумным в том безвыходном положении было, пожалуй, просить у Ставки разрешения на отход. Эта мысль все чаще возникала у командования армии, и кто-то осмелился даже высказать ее первым вслух. Кулик так свирепо зыркнул глазами на смельчака, что у того душа в пятки ушла. Маршал надеялся на перелом. Каждая отбитая атака, каждый временный успех казался ему началом перевеса над противником.

Но ближе к вечеру случилось непоправимое: 80 танков противника стремительным броском прорвали оборону и с ходу ворвались в город с северо-запада. Стрелковый полк и два артиллерийских дивизиона погибли под гусеницами и пулеметным огнем. И хотя около 20 танков были подбиты, остальные решили судьбу города. Измотанные в боях части отходили к переправам через Дон.

Кулик с руководством армии покинул здание обкома, где располагался Военный совет, последним, когда противник занимал уже ближайшие к обкому кварталы.

Отступали в Батайск. На Кулика без страха нельзя было смотреть. Его лицо словно омертвело, глаза остекленели. Предстояло объяснение с Москвой. Кто знает, как бы все повернулось, если бы он внял советам и попросил Ставку о

разрешении на отход еще в Ростове. Теперь же сообщать о том, что войска сдали город, приходилось из Бата й с ка. То есть ставить Москву перед свершившимся позорным фактом предстояло ему, как высшему военному начальнику на данном участке фронта. И это после аналогичной ситуации в Керчи!

Надо было срочно возвращать Ростов, бесславно сданный врагу 21 ноября. В Батайске Кулик спешно готовил план контрнаступления. По его замыслу. Ростов должна была отбить все та же 56-я, ремезовская, армия.

29 ноября ее части освободили город от захватчиков. Менее чем через месяц началась Керченско-Феодосийская десантная операция, в результате которой был возвращен и Керченский полуостров.

Но Кулику не довелось испытать триумфа победителя. В канун контрнаступления советских войск под Ростовом маршала отозвали в Москву. Его звезда закатилась. Впереди были позор ареста и суда, лишение маршальского звания и всех наград.

Узелок 2
БЕЙ СВОИХ, ЧТОБ ЧУЖИЕ БОЯЛИСЬ
(Начало)

Первого декабря 1941 года в 2 часа 45 минут ночи из Москвы в Ростов на имя первого секретаря обкома ВКП(б) Б. А. Двинского ушла шифрованная, с грифом «Совершенно секретно», телеграмма следующего содержания:

> *«Теперь можно считать доказанным, что ростовские военные и партийные организации оборону Ростова вели из рук вон плохо и преступно легко сдали Ростов. Оборонительная линия перед Ростовом была уступлена противнику без сколько-нибудь серьезного сопротивления. В самом Ростове не было сделано необходимых заграждений. Чердаки, крыши, верхние этажи домов не были использованы для уничтожения противника ручными гранатами, пулеметным и ружейным огнем. Никакого сопротивления рабочих в Ростове Вами организовано не было. Все это является грубейшей ошибкой ростовских военных и партийных организаций. Все это надо немедля исправить, чтобы не повторилось еще раз позорной сдачи Ростова. Сообщите, что Вы предпринимаете для этой цели. Мы хотели бы также выяснить, какую роль играл во всей этой истории сдачи Ростова Кулик. Как он вел себя — помогал защите Ростова или мешал? Мы бы*

хотели знать и о роли Ремезова и Мельникова. Ждем Ваших сообщений. И. Сталин».

Ответная телефонограмма из Ростова, датированная 5 декабря 1941 года, передана в 17 часов 20 минут.

«Тов. Сталин! — говорится в ответе. — Первое — сейчас вокруг кратковременного оставления Ростова, а затем успеха существует самая разнообразная и не всегда правильная информация. Длинно рассказывать все детали, но факт тот, что одни части были смяты, другие уже в самом городе отступали, дрогнув. Город был окружен с трех сторон, по всем направлениям сил не хватало, наступление 37-й и 9-й армий страшно запоздало, и у нас не было ни одного человека в резерве во время внутригородской обороны. Грозило беспрепятственное открытие дороги на другой берег.

Нынешний успех удался, так как враг был сильно истощен борьбой за Ростов и нам было чем ударить с юга.

Второе — в самом Ростове дрались, и крепко. Были и заграждения, устроенные по указанию военных специалистов, с учетом, что в город войдут полевые части. Теперь их считают недостаточными. Среди рабочих мы проводили подготовительную работу, но все оружие (винтовки, пулеметы и т. д.) было отдано полевым частям. Рабочих, которые еще оставались в городе, нечем было вооружить. Коммунисты и лучшие рабочие заранее, еще до эвакуации предприятий, были организованы в полк народного ополчения, прошли заблаговременно обучение и получили главным образом старое оружие (около тысячи человек). Они сражались честно внутри города всюду-, где могли.

Третье — сейчас работу направляем: а) восстановить необходимые предприятия, чтобы можно было работать;

б) выявить пособников врага, чтобы не били в спину;

в) усилить учреждения, учтя имеющийся опыт и указания в Вашей телеграмме. Решение Военного совета по этому вопросу будет сообщено особо. Новые отряды рабочих нечем вооружить. Прав я или нет, но считаю, по нашему опыту, что город может быть защищен главным образом полевой армией, ибо, когда враг уже на окраинах или частично внутри города, все, как показал опыт, страшно дезорганизуется (связь, свет, перевозки и т. д.) и вышибить врага тогда трудно. И надо обязательно иметь под рукой резервы, так как в процессе городского боя

возникают тысячи неожиданностей.

Четвертое — маршал Кулик руководил всей операцией, для чего мы и считали его призванным, рассматривая как безусловный военный авторитет. Я считаю, что он несколько суматошный человек, работает вразброс. В дальнейшем, в случае необходимости, следует послать другого, поспокойнее и рассудительнее.

Ремезов и Мельников во всем без спора следовали за Куликом. Оба эти товарища друг без друга никуда, мое мнение как члена Военного совета и секретаря обкома в таком положении всегда останется изолированным, а длительно спорить некогда, так как время острое. Мне передали все громадное войсковое хозяйство, очень запущенное, и мне же надо усиленно заниматься областью; я разбрасываюсь, получается нехорошо. Считаю, что Реме-зова и Мельникова для пользы дела следовало бы рассадить (переведя Мельникова), так как слишком велика спайка.

Товарищ Сталин! В 65 километрах от Таганрога врага сдерживали в течение 43-х дней, и он был потом наказан. Тяжело слышать слова о позорной сдаче, когда впервые отняли обратно крупный город и гнали врага.

Прошу разрешить мне зачитать Вашу телеграмму, кроме персональных вопросов, Военному совету и обкому партии.

Двинский

P. S. Ответ запоздал из-за непорядка в связи».

Как видим, бывший помощник Сталина тактично, но довольно твердо отводит обвинения, которые можно принять и на свой счет. Сталин упрекает его в отсутствии сколько-нибудь серьезного сопротивления, отмечает, что не были использованы чердаки и крыши, верхние этажи домов. Скорее всего, он вспомнил свой опыт обороны городов в годы гражданской войны, и особенно Царицына. Двинский осмеливается не согласиться, доказывая, что в новых условиях судьба городов решается полевыми армиями, а не рабочими ополчениями в уличных боях.

Однако прямого ответа на вопрос Сталина — помогал Кулик защите Ростова или мешал — секретарь обкома не дает. Хотя чутье бывшего обитателя Кремля подсказывает ему, что интерес Верховного к роли Кулика в сдаче города не случаен. Партийный секретарь, несомненно, искусный царедворец. Он уклоняется от категорических оценок, прячется за общей, ни к чему не

обязывающей фразой: мы-де рассматривали его, маршала и героя, как безусловный военный авторитет. С формальной точки зрения к такой характеристике не придерешься. Ни к чему не обязывает и личностная оценка маршала, касающаяся его суматошности, несобранности. Это еще не криминал.

А теперь самое время познакомиться с другим документом Двинского — его запиской Сталину от 22 февраля 1942 года. В отличие от выше приведенной телефонограммы, данный документ готовился не по запросу из Кремля, а по личной инициативе ростовского секретаря. Куда девались осторожность, выжидательность, умелое лавирование при обходе острых углов, свойственные первому документу!

«Товарищ Сталин! — предваряя свои запоздавшие откровения, пишет Двинский. — В связи с постановлением ЦК ВКП(б) о Кулике и тем, что до сдачи Ростова 21 ноября 1941 года он целый месяц был в Ростове и я три недели работал под его начальством в армии, необходимо, мне кажется, сказать, как он выглядел в Ростове в свете фактов, изложенных в постановлении ЦК».

Первый раздел запоздалых откровений имеет красноречивое название «Пораженческое поведение», подчеркнутое автором жирной чертой.

«На словах Кулик все время подчеркивал свою веру в конечную победу Советского Союза под Вашим руководством, — доносит патрону не на шутку испуганный неожиданным поворотом дела партсекретарь, — лишь бы только производилось больше оружия («вот, не слушали меня, старого артиллериста, когда я требовал отпускать больше средств на вооружение»). На деле он, да и другие военные, не верили в защитимость от танковой атаки врага и в эффективность простейших средств борьбы против них. Так, 17 октября меня как секретаря обкома партии вызвали в штаб СКВО, и Кулик, только что приехавший с поля боя, заявил мне, что силы наши после упорного сражения под Таганрогом истрачены, противник идет танками на Ростов, что задержать противника до города нельзя, будем давать городской бой, а я, как секретарь обкома, должен вывести безоружное население из города, чтобы не мешали бою и не гибли зря. Так и было сделано — не без паники в городе: кого могли, вывели за Дон, причем некоторые «активисты» убежали значительно дальше. Однако никакие танки на

Ростов не пошли; видимо, противник понес такие потери, что ему пришлось потом долго собираться с силами».

Удивительно, не правда ли? Два месяца назад лично Сталин требовал у ростовского секретаря, который был когда-то его

помощником в Кремле, правдивую информацию о поведении Кулика, и вот только сейчас вспомнились потрясающие факты.

«Такие настроения возникали при каждой танковой атаке врага, особенно когда 9-я армия убежала (иначе-назвать нельзя) далеко на восток и дала тем самым возможность ударить на Ростов по всем направлениям, — продолжает автор „записки, демонстрируя вождю прекрасные возможности своей памяти. — За день или два до сдачи Ростова мне позвонил т. Микоян в штаб и как раз попал в момент таких «танковых настроений»ˆ о чем я ему и сказал, не стесняясь присутствия военных, чем вызвал их возмущение. Но факты таковы. Я не все знаю, что Вам писал или говорил Кулик, но думаю, что он преувеличивал как насчет танков у врага, так и насчет числа уничтоженных нами танков».

Вот так-то! Приписками даже тогда занимались!

«Второй вариант — это постоянное опасение большой реки позади, — разоблачает поверженного Кулика Двинский. — Вслух не говорили, но боялись судьбы Днепропетровска, когда и город был потерян, и паника была с большим ущербом на переправах, и враг проскочил на другой берег. Слов нет, реку надо учитывать, но не надо увеличивать опасения замечаниями вроде: «А плавать умеешь?» Тогда это расценивалось как шутка храброго и видавшего виды человека над неопытными еще в боях людьми, но сейчас после описания поведения Кулика в Керчи это представляется иначе. Обо всем этом не думалось, пока была безусловная вера в маршала и героя, а теперь невольно начинаешь думать о том, что он был в Испании, где ряд наших людей свихнулся и подразвратился.

То, что Вы отозвали Кулика в момент, когда мы подготовляли наступление для отбития Ростова обратно, было сделано весьма кстати: суя всюду нос, он своим авторитетом мешал бы нам проводить по существу простые, но требующие веры в победу мероприятия (вперед — через лед — на гору!)».

Второй раздел этого любопытного документа, не печатавшегося полвека, хранившегося в анналах ЦК КПСС, носит еще более красноречивое название «Моральное разложение». И оно снова подчеркнуто жирной линией.

«Не знаю, как в Краснодаре (где он, говорят, жил отдельно на «даче Кулика»), — откровенничает Двинский, — но личное поведение Кулика в Ростове не выделялось чем-либо особенным. Возможно, что он учитывал постоянное присутствие подчиненных — членов армейского Совета, которые ввиду большой остроты обстановки и близости линии фронта старались чаще быть вместе, в штабе СКВО, на командных пунктах и на квартире командующего войсками, где на одной полови-не жил и Кулик

(правда; Военный совет не всегда «ночевал» дома — в зависимости от обстановки). К тому же, например, со мной он встретился впервые. Во всяком случае он вел себя здесь в отношении женщин осторожно, если не обманывал (во время наших отсутствий). Был такой случай, когда мы, члены Военсовета, застали его в обществе двух женщин, возраст которых исключал, однако, подозрения, и которых он отрекомендовал как своих старых знакомых времен гражданской войны. Кроме того, один раз он уезжал куда-то против обыкновения без адъютанта, чему тогда не придалось значения. Вот и все, что известно. Но, судя по трепотне на скользкие темы, обвинение в развратном образе жизни имеет все основания».

Каково? Виновен, но ни одного факта, вину подтверждающего!

О систематических пьянках. Признать их — значило признать свое в них участие. Однако полностью отрицать употребление спиртного нельзя. Лучше признаться честно: «Вино к столу всегда подавалось — и при Кулике, и без Кулика, — говорить о пьянстве никак нельзя, да это и не было возможно, так как все время надо было работать, в любой час дня и ночи принимать ответственные оперативные решения, вести переговоры со штабами, с Москвой и т. д.

Ваше предупреждение лично Кулику по телефону, при чем я присутствовал, также не могло остаться без последствий».

Далее следуют два абзаца, взятые Двинским в скобки — вроде бы не имеющие отношения непосредственно к Кулику. Но если Иосиф Виссарионович пожелает, бывший помощник может сообщить ему такое, но только доверительно, разумеется.

«Товарищ Сталин! — предлагает вождю свои услуги ростовский партсекретарь. — В армии командиры дивизий, комиссары, начальники штабов дивизий живут не хуже членов военных советов армий, а при хозяйственных способностях и лучше. Я опасаюсь, что сейчас вследствие затишья на нашем участке фронта вино употребляется командирами больше, чем дозволительно.

Дело не в вине, если только храбро и умело сражаются, а в том, что это сопровождается иногда развратом и подает повод к разговорам о начальнике, является плохим примером. Особый отдел армии или фронта обязан был сообщить в центр о поведении, например, командующего у нас группой войск генерала Козлова, смелого командира, но скатившегося до безобразия. Если вам не сообщили, следует затребовать, т. к. излагать мне это вам даже неудобно».

Ну, а дальше — дистанцирование от Кулика:

*«Мы, работники 56-й армии периода октябрь — ноябрь прошлого года, слишком доверяли руководству Кулика, — кается Двинский. — И лишь позже поняли, что наказаны за сдачу Ростова уже тем, что за одержанную вскоре большую совместную победу, прогремевшую на весь мир, ни один наш генерал не получил отличия, хотя, по-моему, генералы — начальники авиации и артиллерии это заслужили: и авиация, и артиллерия как при обороне, /*тш/ с *// при наступлении работали самоотверженно и с успехом (орден, полученный Ремезовым, дан ему отнюдь не за ростовскую битву). Очень неприятно в свете постановления ЦК, что пришлось познакомиться и общаться с Куликом, который оказался к тому же нечистоплотным. Как будто сам от него запачкался. Так могут подумать и другие, поскольку Кулик был в Ростове. Ростов и Дон имеют очень большое значение, вопросы Ростова — очень острые вопросы; здесь можно работать и воевать только при безусловной поддержке ЦК и авторитете в массах. В последнем приходится теперь усомниться, так как злопыхателей — после всех моих нажимов — более, чем достаточно. Я задумался о своем, как говорят военные, соответствии. Успешно работать и бороться (тем более, когда враг в каких-нибудь 40 километрах) можно только с высоко поднятой головой, задачи здесь огромные, и я хотел бы, товарищ Сталин, иметь ваше суждение в той или другой форме. Это нужно не для меня, как меня, а в интересах дела.*

Секретарь Ростовского обкома ВКП(б)

Б. Двинский 22 февраля 1942 года

P. S. Скоро разлив рек, а леса так и нет.
Б. Д»

Вовремя засвидетельствовал свое неуважение к маршалу Кулику, теперь уже бывшему, секретарь Ростовского обкома. С лихвой компенсировал осторожность, проявленную в ответ на запрос Сталина. Тогда многое было неясно в судьбе маршала. Сейчас, после постановления ЦК, все стало на свои места.

Что же произошло с Куликом? Почему стало возможным топтать его имя?

Узелок 3
«ЛИШИТЬ ЗВАНИЯ МАРШАЛА…»

В конце ноября 1941 года был арестован вице-адмирал Г. И. Левченко, командующий войсками Крыма.

25 января 1942 года Военная коллегия Верховного суда СССР осудила его на десять лет лишения свободы — «за оставление Керченского полуострова и г. Керчи». Однако через шесть дней Указом Президиума Верховного Совета СССР судимость с Левченко сняли и заменили посылкой на фронт с понижением в звании до капитана первого ранга. Должность ему дали обидно малую — командира Кронштадтской военно-морской базы. Сегодня мало кто знает, что Левченко в 1939–1942 годах одновременно являлся заместителем наркома Военно-Морского Флота. Впрочем, эту должность он вновь занял с 1944 года.

Передо мной подлинник записки наркома внутренних дел СССР Л. П. Берии на имя И. В. Сталина от 26 января 1942 года. В правом углу — гриф «Совершенно секретно». Слева наискосок — рукописная резолюция: «Т-щу Кулику. Прошу представить свои объяснения письменно. И. Сталин. 27. 1. 42 г.».

Воспроизвожу текст документа полностью:

Государственный Комитет Обороны СССР
Товарищу СТАЛИНУ

При этом представляю протокол допроса арестованного Левченко Г. И. — бывшего командующего войсками Крыма.

Левченко признал себя виновным в том, что под влиянием фашистской пропаганды о непобедимости германской армии и мощи ее техники был настроен пораженчески, поддался панике и, не организовав отпора врагу, вопреки приказу Ставки Верховного Главнокомандующего Красной Армии, — сдал противнику значительную часть территории Крыма с городом Керчь.

Кроме того, Левченко показал, что генерал-полковник Кузнецов своими действиями, выразившимися в последовательной сдаче Перекопа-Ишуньских позиций без оказания врагу серьезного сопротивления и, не организовав строительства обороны в глубину, — создал условия для захвата противником территории Крыма.

Маршал Кулик, являясь уполномоченным Государственного Комитета Обороны, как показывает Левченко, вместо принятия мер к обороне города Керчь, своими пораженческими настроениями и действиями способствовал сдаче врагу этого важного в стратегическом отношении города.

Следствие по делу Левченко закончено и дело передано

на рассмотрение Военной коллегии Верховного суда Союза СССР.

Народный комиссар внутренних дел СССР Л. Берия

В соответствии с резолюцией Сталина маршал Кулик пишет на его имя пространную объяснительную. Она датирована 30 января 1942 года. Написана собственноручно Куликом, в его своеобразном стиле — симбиозе докладной запуски с элементами беллетристики. Для доклада Сталину рукописный текст перепечатывался на пишущей машинке. В рукописном варианте первого письма Сталину Кулик делает ошибку — вместо ноября 1941 года неправильно указывает октябрь. В машинописной копии рукой Сталина октябрь исправлен на ноябрь.

Первое объяснение Кулика, я уже говорил, весьма пространно. Основные его идеи изложены в предыдущем разделе «Роковая поездка». Это был первый узелок, развязанный мной в захватившей меня теме. Поэтому нет смысла повторяться, обращусь лучше ко второй части объяснения, представляющей главный вывод всего письма.

Итак, квинтэссенция объяснительной, записки Кулика на имя Сталина в связи с обвинениями, вытекающими из допроса арестованного адмирала Левченко по поводу сдачи Керчи:

«1) Когда я прибыл в гор. Керчь, ознакомился с обстановкой, лично объехал фронт, посмотрел действия своих войск и противника, я пришел к выводу, что отстоять Керчь и пристани этими войсками при создавшейся обстановке невозможно, т. к. господствующие высоты непосредственно над городом с юга, юго-запада, с запада и северо-запада уже были заняты противником, сам же город не укреплен. Взять обратно эти высоты, т. к. без овладения их немыслима оборона города и пристани, было невозможно этими войсками, они были настолько деморализованы, что не в состоянии были обороняться, а о наступлении этими войсками и речи не могло быть. Привести их в порядок под непосредственным воздействием противника, который нахально наступал, было невозможно. Нужно было бы, чтобы решить задачу удержать пристани, город и плацдарм для дальнейшего контрнаступления «а Крым, минимум три стрелковые дивизии *свежих.*

Правильно было принято мной решение не дать добить остатки армии и ни в коем случае не отдать противнику артиллерии и вооружения, организованно переправить армию на Таманский полуостров и выполнить Вашу основную задачу не допустить противника овладеть Таманским полуостровом и

выйти на Северный Кавказ. *Эту задачу я и выполнил.* Фактически с этого момента руководил остатками армии и организацией обороны на Таманском полуострове я, т. к. Левченко настолько раскис, что он не мог провести эту довольно серьезную работу довольно в сложной обстановке. Армия была переброшена, вооружение и артиллерия были спасены, и полностью разгромить армию противнику не удалось. Если некоторые *«стратеги»* считают, что удержанием гор. Керчи с гаванью прикрыто движение противника на Северный Кавказ, т. е. на Таманский полуостров, то они глубоко ошибаются и не понимают обстановки. Когда противник занял Керченскую крепость, он мог переправляться на Тулузскую косу (так в тексте. Правильно коса Тузла. — *Я. З.)* и занять южный отрог Таманского полуострова, а это равноценно занятию всего Таманского полуострова и окружению гор. Керчь. Поэтому с теми силами, которыми мы располагали, решать две задачи было не в силах, т. е. удержать Керчь с гаванью й плотно занять Таманский полуостров. Несмотря на то, что я взял без Вашего разрешения 12-ю стрелковую бригаду и один стрелковый батальон с запасного полка, этих сил хватило только для занятия обороны на Таманском полуострове.

2) Если дающие это показание и составители этого письма называют правильную мою оценку обстановки, а исходя с оценки обстановки и правильное мое решение паникерским, пораженческим и даже преступным, то я не виновен в том, что они не понимают самых элементарных познаний в военном деле. Нужно было бы им усвоить, что самое главное преступление делает командир, если он отдает войскам заведомо невыполнимый приказ, войска его выполнить не в силах, гибнут сами, а приказ гак и остается невыполненным. В отношении же моей личной трусости я даже до сих пор не знал, что я *трус*, хотя воюю уже шестую войну в своей жизни. У меня к Вам, товарищ Сталин, одна просьба: прикомандируйте тех, кто называет меня трусом. Пусть они побудут при мне несколько боев и убедятся, кто из нас трус.

3) Я не знаю, почему довели до такого состояния армию, в каком я ее встретил, но я считаю, что руководить армией Левченко не мог, так как он совершенно ничего не понимал в сухопутной армии. Он представлял из себя раскисшего политрука, много говорящего, но никто его не слушал. Его назначение командующим была большая ошибка.

4) В отношении т. Батова, я его знаю более 10 лет, лично наблюдал его в боях в Испании, где он хорошо действовал, наблюдал его, когда он командовал 13-м корпусом против

финнов. В финскую войну он также руководил хорошо. Он хорошо подготовленный командир, боевой, с большой силой воли. Когда я начал выяснять причину, почему он не взял на себя главную роль по командованию, мне говорили, что Левченко вмешивался и мешал ему командовать».

Ни на машинописной копии, с которой знакомился Сталин, ни на рукописном оригинале письма Кулика никаких резолюций, поручений и пометок, кроме исправления рукой вождя октября на ноябрь, нет. Для него, очевидно, вопрос был уже ясен.

Можно только догадываться, что происходило с Куликом в этот промежуток — с 30 января по 6 февраля 1942 года. Надеялся ли он на понимание со стороны Сталина? Увы, объяснения маршала мало что изменили в его судьбе. И все же гром, грянувший над головой Кулика 6 февраля, был неожиданно раскатистый. Кулик, безусловно, понимал, что легким испугом не отделается, но такого страшного удара не ожидал.

Постановление Государственного Комитета Обороны от 6 февраля 1942 года, снабженное грифом «Сов. секретно», озаглавлено коротко и грозно: «О тов. Кулике». В нем пять пунктов:

«1. Государственный Комитет Обороны устанавливает, что т. Кулик был обязан в своих действиях по обороне Керчи и Керченского района руководствоваться следующими приказами Ставки Верховного Главного Командования:

а) «Главной задачей Черноморского флота считать активную оборону Севастополя и Керченского полуострова всеми силами» (приказ Ставки за подписью тт. Сталина, Шапошникова и Кузнецова — Наркомвоенмора — от 7 ноября 1941 года).

б) «Удерживать Керчь во что бы то ни стало и не дать противнику занять этот район» (приказ от 14 ноября 1941 года за подписью т. Шапошникова, данный по распоряжению тов. Сталина).

2. Вместо честного и безусловного выполнения этих приказов Ставки и принятия на месте решительных мер против пораженческих настроений и пораженческого поведения Командования Крымских войск тов. Кулик в нарушение приказа Ставки и своего воинского долга санкционировал сдачу Керчи противнику и своим паникерским поведением в Керчи только усилил пораженческие настроения и деморализацию в среде Командования Крымских войск.

3. Попытка т. Кулика оправдать самовольную сдачу Керчи необходимостью спасти находившиеся на Керченском полуострове вооружение и технику только подтверждают, что т. Кулик не ставил задачи обороны Керчи во что бы то ни стало, а

сознательно шел на нарушение приказа Ставки и своим паникерским поведением облегчил врагу временный захват Керчи и Керченского полуострова.

4. Государственный Комитет Обороны считает, что такое поведение л\ Кулика не случайно, так как такое пораженческое поведение имело место также при самовольной сдаче Ростова без санкции Ставки и вопреки приказу Ставки».

И, наконец, самый страшный, пятый пункт:

«На основании всего сказанного, Государственный Комитет Обороны постановляет привлечь к суду маршала Кулика и передать его дело на рассмотрение прокурора СССР. Состав суда определить особо».

Документ подписан председателем Государственного Комитета Обороны И. Сталиным.

Потрясенный, ошеломленный донельзя Кулик в отчаянии обращается с личным письмом к вождю. Оно датировано 8 февраля. Что ни строчка — то крик души, последняя попытка оправдаться, отвести от головы безжалостно занесенный меч.

«Т. Сталин! Проработав еще раз в деталях весь материал и документы, которые я знал, и даже те, которые я не знал по сдаче г. Керчи и перевоза остатков 5! — й армии на Таманский полуостров, — кается Кулик в напрасной надежде на милость вождя, — считаю себя виноватым в том, что я нарушил приказ Ставки и без Вашего разрешения сдал город Керчь противнику.

Я считаю, что моя вина в тысячу раз усугубляется в том, что я не оправдал Вашего доверия ко мне.

Я Вам лично, т. Сталин, обязан в моем росте. Вы с меня, с бывшего крестьянского парня в прошлом, вырастили в политическом отношении большевика и даже оказали самое большое доверие, что может быть в нашей стране, это ввели в состав ЦК ВКП.

В военном отношении я дорос до самого большого звания в Красной Армии — Маршала Советского Союза. Весь мой рост, я еще раз повторяю, был под Вашим личным руководством, начиная с 1918 года, поэтому я и считаю, что моя вина в тысячу раз усугубляется. Все то доверие, которое Вы мне оказывали долгие годы, я не оправдал невыполнением Вашего приказа. Поверьте, т. Сталин, что это я сделал не по злому умыслу и не потому, чтобы игнорировать Ваш приказ, нет, а потому, что мне на месте казалось, что я не смогу дать генеральный бой на Керченском полуострове и потопить противника в проливе, не допустив его на Таманский полуостров.

Правда, докладываю Вам, что там была исключительно тяжелая обстановка и быстро меняющаяся и, к моему сожалению,

когда я приехал в г. Керчь, не работала связь с Москвой и мы только связались через сутки после принятия моего решения на отход. В этот момент было в Керчи 11400 человек, из них дралось не более 2500–3000 штыков, да плюс артиллеристы, остальные представляли из себя сброд специалистов, тыловиков, дезертиров и более 20000 человек уже было переправлено на Тамань, неуправляемая масса, которую мы впоследствии ловили и организовывали.

Изучая сейчас в деталях Ваш приказ — активно оборонять Керченский полуостров, — я только сейчас понял, что в нем был заложен большой стратегический план контрнаступления, кроме политического значения г. Керчи.

Т. Сталин, я не хочу оправдать свою тяжелую вину перед ЦК ВКП и лично перед Вами — вышесказанной мною сложившейся обстановкой, — но только прошу мне поверить, что у меня даже и в мыслях не было игнорировать Ваш приказ».

Далее следует описание положения, сложившегося в Керчи, и мер, которые предпринимал Кулик для изменения обстановки в свою пользу. Эта картина читателям уже известна, поэтому процитирую только концовку:

«Т. Сталин! Я сознаю, что я сделал очень тяжелое преступление перед ЦК ВКП и лично перед Вами, нарушив приказ Ставки, и не оправдал доверия ЦК ВКП и лично Вашего.

Прошу ЦК ВКП и лично Вас, т. Сталин, простить мне мое преступление, и даю честное. слово большевика, что я больше никогда не нарушу приказа и указания ЦК ВКП и лично Ваши, а также прошу Вас, т. Сталин, дать мне возможность искупить мою тягчайшую вину перед партией и лично перед Вами, поручить мне в боевой обстановке самую ответственную боевую задачу — я ее выполню».

На первой странице машинописной копии личного послания проштрафившегося маршала имеется резолюция: «Т-щу Бочкову (для сведения). И. Сталин». Бочков в ту пору был прокурором СССР. Вождь не принял во внимание чистосердечное раскаяние одного из своих маршалов. Ему был уготован горький жребий.

Через день, 10 февраля, В. Бочков адресует Сталину следующий документ под грифом «Сов. секретно».

«Докладываю, — говорится в короткой прокурорской записке, — что расследование по делу Маршала Советского Союза КУЛИК Григория Ивановича закончено.

Расследованием установлено, что КУЛИК Г. И., будучи уполномоченным Ставки Верховного Главного Командования по обороне города Керчи и ее района и имея приказ об оказании помощи командованию Крымских войск, организации активной

обороны Керченского полуострова и несдачи его противнику, не выполнил приказа Ставки, чем нарушил свой воинский долг, самовольно санкционировав эвакуацию войск из города Керчи и полуострова и оставления их противнику.

Маршал КУЛИК Г. И. виновным себя признал и привлечен к ответственности по ст. 193-21 п. «б» Уголовного кодекса РСФСР.

Представляя при этом обвинительное заключение по делу, прошу распоряжения о назначении состава суда и указаний о порядке слушания дела.

Приложение: копия обвинительного заключения».

«Докладываю, что расследование по делу Маршала Советского Союза КУЛИК Григория Ивановича закончено…» Вот это темпы! 6 февраля выходит постановление ГКО о передаче дела в прокуратуру, а уже через три дня обвинительное заключение готово.

Не правда ли, интересно хоть одним глазком взглянуть на сей уникальный документ, полвека бывший недоступным историкам?

Вот он, передо мной. Две странички машинописного текста. «Обвинительное заключение по делу КУЛИКА Григория Ивановича». Воспроизвожу его полностью:

> *В ночь на 10 ноября 1941 года Маршалу Советского Союза КУЛИКУ Г. И. Ставкой Верховного Главного Командования было приказано вылететь в район Керчи, оказать там практическую помощь командованию Крымских войск (Керченское направление) и обеспечить выполнение приказа Ставки от 7. XI. 1941 г. об организации активной обороны Керченского полуострова всеми силами и несдаче его противнику.*
>
> *В Керчь Маршал КУЛИК Г. И. прибыл днем 12 ноября, застав панику в городе и полное отсутствие руководства боевыми операциями и управления войсками. Вместо организации обороны и насаждения жесткой дисциплины в войсках, а также вместо упорядочения руководства и управления ими — он без ведома и разрешения Ставки отдал приказание об эвакуации войск в течение двух суток и оставлении Керчи и ее района противнику.*
>
> *Это преступное распоряжение грубейшим образом нарушало приказ Ставки, для проведения которого в жизнь Маршал КУЛИК Г. И. и был послан.*
>
> *Прямой обязанностью и воинским долгом Маршала КУЛИКА Г. И. было принятие решительных мер по наведению порядка и ликвидации паники, организации из*

разрозненных групп военнослужащих подразделений и частей и внедрение в них необходимой дисциплины. Беспощадная ликвидация пораженческих настроений. Однако в этом направлении Маршалом КУЛИКОМ Г. И. ничего сделано не было. Больше того, своим распоряжением об эвакуации и своим паникерским поведением в Керчи он усилил пораженческие настроения и деморализацию среди войск и их командования.

Привлеченный к следствию в качестве обвиняемого Маршал КУЛИК Г. И. в нарушении воинского долга и приказа Ставки виновным себя признал полностью, показав:

«Я превысил срои права и без ведома и санкции Ставки, вместо организации обороны, принял решение об эвакуации Керчи и ее района.

По существу, это является нарушением с моей стороны воинского долга».

Отрицая, что сделано это в результате панических настроений, Маршал КУЛИК пытался объяснить эвакуацию Керчи и ее района тем, что приказ Ставки об обороне был основан на неправильной информации командующего войсками ЛЕВЧЕНКО, который якобы не донес Ставке о действительном состоянии войск, которые были измотаны, имели большие потери и не могли сопротивляться. Что положение, таким образом, с обороной Керчи и ее района было явно безнадежно и поэтому он, КУЛИК, хотя и не выполнил приказ Ставки, но это лишь формальный момент, так как обстановка вынуждала к принятию, якобы, единственно правильного решения об отходе, а не обороне, что он и сделал.

Эти объяснения КУЛИКА Г. И., однако, не нашли подтверждения, так:

а) допросом бывш. командующего крымских войск ЛЕВЧЕНКО установлено, что, прибыв в Керчь, Маршал КУЛИК Г. И. совершенно и не ставил задачи по обороне, а сразу же отдал приказ об эвакуации, дав на нее срок двое суток, хотя командование войск до приезда КУЛИКА Г. И. и не ставило вопроса об общем отступлении с полуострова;

б) документами Генштаба (шифртелеграмма Левченко) установлено, что он объективно доносил Ставке о положении в войсках.

Ставка 14 и 15 ноября 1941 года приказывала: «Удержать Керчь во что бы то ни стало и не дать

противнику занять этот район».

Этот приказ Маршал КУЛИК Г. И. получил, но игнорировал его, так как, распорядившись 12.XI.41 г. об эвакуации, он и после получения приказа Ставки от 14 и 15 числа, не отменил своего незаконного и самовольного распоряжения, хотя было еще не поздно, так как Керчь была в наших руках.

Дополнительно допрошенный 9.2.1942 г. Маршал КУЛИК Г. И. под тяжестью этих фактов вынужден был признать, что он не только не выполнил приказа Ставки об обороне Керчи и ее района, но и не ставил себе даже этой задачи и, прибыв на место, сразу же отдал распоряжение об эвакуации, ничего не изменив в той обстановке которая была в Керчи до него.

«Был ли план обороны у командования (Левченко, Батов), я не знаю, об этом я их не спрашивал. Прибыв в Керчь, я сразу же принял решение на отход… Я объективно ничего не изменил в создавшейся там обстановке».

На основании изложенного — ОБВИНЯЕТСЯ И ПОДЛЕЖИТ ПРЕДАНИЮ СУДУ:

КУЛИК Григорий Иванович, рождения 1890 года, уроженец хутора Куликовка, Пасковецкого района, Полтавской области, УССР, член ВКП(б) с 1917 г., Герой и Маршал Советского Союза, Заместитель Народного Комиссара Обороны СССР, Депутат Верховного Совета СССР, член ЦК ВКП(б)

— в том, что будучи уполномоченным Ставки Верховного Главного Командования по обороне Керчи и Керченского района и имея приказ организовать активную оборону этих районов и не сдавать их противнику, преступно отнесся к выполнению возложенных на него задач и, прибыв 12.XI.41 г. в Керчь, вместо организации обороны и оказания сопротивления противнику, самовольно и незаконно санкционировал эвакуацию Керчи и ее района и сдачу их противнику, не использовав имеющихся сил и средств для обороны, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 193-21 п. «б» Уголовного кодекса РСФСР.

Составлено в г. Москве, февраля «10» дня 1942 г.

Прокурор Союза ССР В. Бочков.

Спустя три дня постановлением ГКО в состав суда по делу Кулика были назначены: В. Ульрих (председатель), П. Артемьев,

Е. Щаденко (члены суда). А еще через три дня, 16 февраля, Специальным присутствием Верховного суда СССР Г. И. Кулик был приговорен к лишению званий Маршала Советского Союза и Героя Советского Союза, а также всех государственных наград.

18 февраля бывший маршал обращается в очередной раз с посланием на имя Сталина. Признав себя виновным в сдаче Керчи и Ростова, он, однако, категорически отмел предъявленные обвинения в давнишних связях с немцами, а также во вредительстве с тридцатых годов, когда занимался вопросами вооружения Красной Армии. К этому письму я еще вернусь, когда приступлю к рассказу о деятельности Кулика на посту заместителя наркома обороны в предвоенный период, а сейчас не могу обойти молчанием еще одно отчаянное послание на имя Сталина. Вызвано оно постановлением Пленума ЦК ВКП(б) «О Кулике Г. И.». В архиве ЦК КПСС этот документ датирован 24 февраля 1942 года, хотя включен в протокол январского (1944 г.) Пленума ЦК ВКП(б): Речь идет о постановлении Политбюро ЦК «О Кулике Г. И.», принятом 19 февраля, переданном на голосование членам и кандидатам в члены ЦК и оформленном как решение Пленума. Этот полвека назад строго секретный документ теперь можно публиковать в открытой печати, что я и делаю:

> *Утвердить следующее постановление Политбюро ЦК ВКП (б) от 19 февраля 1942 года:*
>
> *«Член ЦК ВКП (б) Маршал Советского Союза и зам. наркома обороны Кулик Г. И., являясь уполномоченным Ставки Верховного Главного Командования по Керченскому направлению, вместо честного и безусловного выполнения приказа Ставки от 7 ноября 1941 г. об активной обороне Севастополя и Керченского полуострова всеми силами и приказа Ставки от 14 ноября 1941 г. «удержать Керчь во что бы то ни стало и не дать противнику занять этот район», самовольно, в нарушение приказов Ставки и своего воинского долга, отдал 12 ноября 1942 года преступное распоряжение об эвакуации из Керчи в течение двух суток всех войск и оставлении Керченского района противнику, в результате чего и была сдана Керчь 15 ноября 1941 года.*
>
> *Кулик, по прибытии 10 ноября 1941 года в Керчь* (так в тексте. На самом деле Кулик прибыл в г. Керчь 12 ноября 1941 года. — *Н. З.*), *не только не принял на месте решительных мер против пораженческих настроений и пораженческого поведения командования Крымских войск, но своим пораженческим поведением в Керчи только*

усилил пораженческие настроения и деморализацию в среде командования Крымских войск.

Такое поведение Кулика не случайно, так как аналогичное его пораженческое поведение имело место также при самовольной сдаче в ноябре 1941 года гор. Ростова, без санкций Ставки и вопреки приказу Ставки.

За все эти преступные действия Государственный

Комитет Обороны отдал Кулика Г. И. под суд. Специальное присутствие Верховного суда СССР установило виновность Кулика Г. И. в самовольной сдаче Керчи в ноябре 1941 года, вопреки приказам Ставки, в преступном нарушении им своего воинского долга, во внесении деморализации в войска Керченского направления. Кулик Г. И. признал себя виновным в предъявленных ему судом обвинениях. Суд приговорил лишить Кулика Г. И. званий Маршала и Героя Советского Союза, а также лишить его орденов Союза ССР и медали «XX лет РККА». Кулик Г. И. обратился в Президиум Верховного Совета СССР с просьбой об отмене приговора. Президиум отклонил просьбу Кулика Г. И.

Кроме того, ЦК ВКП(б) стали известны также факты, что Кулик во время пребывания на фронте систематически пьянствовал, вел развратный образ жизни и, злоупотребляя званием Маршала Советского Союза и зам. наркома обороны, занимался самоснабжением и расхищением государственной собственности, растрачивая сотни тысяч рублей из средств государства.

В силу этого Политбюро ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Исключить Кулика Г. И. из состава членов ЦК ВКП(б).

2. Снять Кулика Г. И. с поста зам. наркома обороны Союза ССР.

Получив проект этого постановления, Кулик — о, наивный! — не зная, что предложенный текст был принят Политбюро без изменений еще 19 февраля, спустя три дня снова обращается к Сталину, пытаясь доказать, что в документе не совсем правильно указано в отношении его виновности в сдаче Керчи.

«Я признал на суде и признаю сейчас, — тщетно надеется на справедливость Кулик, — что я виновен в отношении нарушения выполнения приказа, но не в нарушении воинского долга в отношении Родины. Все то, что возможно было сделать в тех

условиях и с теми силами, которые я застал в г. Керчь, я сделал. Все силы, которые были способны драться, вели в очень тяжелой обстановке жестокий бой при минимум троекратном превосходстве противника, причем в тактически невыгодных условиях, т. к. противник захватил командные высоты над городом и своим прицельным огнем наносил тяжелые потери нашим войскам.

Мы пытались взять главную высоту, господствующую над городом — наше наступление было отбито. Мы могли только продержаться 3 дня и мною было доложено Ставке 14. 10. 41 г. через дежурного генерала обстановка, что мы сможем продержаться еще сутки. Я просил доложить т. Шапошникову и Вам лично и сказал, что я жду у аппарата ответа. Я получил ответ только 16. 10. 41. Прошу телеграмму прочесть, где т. Шапошников указывал план перевоза техники, артиллерии на Тамань, а стрелковые части оставить на восточном берегу Керченского полуострова. Этой директивой фактически была санкционирована сдача г. Керчи. Оставить стрелковые части на восточном берегу Керченского полуострова было невозможно, т. к. мы уже перешли, а главное, что главные прикрывающие силы 2-го полка 302-й дивизии понесли потери за 4–3 дня боя и у них осталось в одном полку 15–18 процентов, а во втором 25–30 процентов активных штыков, других сил у нас не было. Я просил следствие и суд допросить командиров, которые дрались, мне было отказано. Суд же происходил на основе материалов, директив Ставки, показаний Левченко и карательных органов.

Тов. Сталин! Я не хочу здесь умалить свою вину в невыполнении приказа Ставки, но я хочу, чтобы постановление ЦК ВКП(б) правильно отразило мою виновность. В проекте говорится, что я своим пораженческим поведением в г. Керчи и Ростове усилил пораженческое настроение армии и деморализовал ее в среде командования. Это неправильно. Никто никогда не видел и не слыхал от меня упаднического настроения ни слова. Пусть хоть один человек из этих обеих армий скажет, что я проявил трусость или паникерство. Это сплошная выдумка от начала до конца.

2) В отношении Ростовской операции: я просил, чтобы прокурор разобрал этот вопрос, т. к. в постановлении Комитета Обороны меня обвиняют также в сдаче Ростова. Я просил т. Бочкова допросить Военный совет 56-й армии, командиров и комиссаров дивизий, он отказался. Сказал, что никакого обвинения юридически мне предъявить не может.

Тов. Сталин! Я Вас убедительно прошу разобрать Ростовскую операцию только *обязательно* с допросом Военного совета 56-й

армии, командиров и комиссаров дивизий. Вы тогда убедитесь, кто же разбил группу Клейста. Это сделала 56-я армия, а не Южный фронт».

Южным фронтом в ту пору командовал маршал Буденный — соратник и давнишний, еще со времен гражданской войны, приятель Кулика. Но, видно, фортуна совсем отвернулась от незадачливого старого артиллериста.

Напрасно в отчаянии взывал он к общему знакомцу и покровителю, которому сильно помог когда-то в обороне Царицына, после чего за Сталиным прочно утвердилась слава человека, которому в критические моменты сопутствовал боевой успех. Ленин и посылал Иосифа Виссарионовича на труднейшие фронты, зная, что тот остановит бегущих, наладит крепкую оборону, а затем и разобьет противника.

Но старое забывается быстро. Прежняя дружба отступила на задний план. Нужно было проявить твердость, показать, что Сталин не остановится ни перед чем, не пощадит даже самых близких соратников. Пусть об этом хорошенько задумаются в армиях, корпусах, дивизиях, полках, батальонах. Ни шагу назад!

«3) Относительно предъявленного мне обвинения в пьянстве систематическом и развратном образе жизни, — безучастным взглядом скользил, наверное, Тю машинописной копии Сталин, — это гнуснейшая интрига.

Когда Вы позвонили мне в гор. Ростов по этому вопросу, я просил Вас расследовать эту провокацию, направленную против меня. В гор. Ростове мы жили все коммуной в одной квартире с Военным советом, нашими адъютантами и охраной. Прошу допросить этих лиц. В Краснодаре я был около 3 дней, жил *в даче* крайкома (так в тексте. — *Н.* J.), всегда обедал и ужинал вместе с секретарем обкома и председателем крайисполкома. Прошу также допросить, что я там делал.

В Тамани жил 6 дней у колхозника, где находился со мной председатель Краснодарского крайисполкома т. Тюляев. Прошу допросить этих лиц, чтобы избегнуть позорного провокационного обвинения.

3) *(По логике, это должен быть четвертый пункт. Но в тексте — опять 3. — Н. 3.)* В отношении злоупотребления званием маршала и зам. наркома обороны, о самоснабжении и расхищении государственной собственности докладываю. В Ростове мы жили все вместе с Военным советом армии, охраной, адъютантами, и питался с одной кухни. Питание организовывал интендант 56-й армии, прошу его допросить. В Краснодаре организовывал питание крайисполком. В Тамани организовывал питание начальник тыла Дунайской флотилии, прошу их

допросить, какие я давал распоряжения. Они сами меня питали. Я посылал продукты, главным образом фрукты, в Свердловск, мне дали в Краснодаре. В отношении снабжения моего вагона: я просил снабдить крайисполком Краснодара, а вино и фрукты мне прислали из Грузии товарищи. Никаких моих злоупотреблений по превышению власти в этом отношении никогда не было.

В соответствии с этим прошу учесть мои доводы в решении ЦК ВКП(б)».

Не учли. 2 марта 1942 года народный комиссар обороны СССР И. Сталин продиктовал следующий приказ:

> *Кулик Г. И., бывший маршал, Герой Советского Союза и заместитель наркома обороны, будучи в ноябре 1941 г. уполномоченным Ставки Верховного Главнокомандования по Керченскому направлению, вместо честного и добросовестного выполнения приказа Ставки «удержать Керчь во что бы то ни стало и не дать противнику занять этот район», самовольно, в нарушение приказа Ставки и своего воинского долга без предупреждения Ставки отдал 12 ноября 1941 г. преступное распоряжение об эвакуации из Керчи в течение двух суток всех войск и оставлении Керченского района противнику, в результате чего и была сдана Керчь 15 ноября 1941 года.*
>
> *Кулик по прибытии 12 ноября 1941 году в г. Керчь, не только не принял на месте решительных мер против панических настроений командования крымских войск, но своим пораженческим поведением в Керчи только усилил панику и деморализацию в среде командования крымских войск.*
>
> *Такое поведение Кулика не случайно, так как аналогичное его пораженческое поведение имело место также при самовольной сдаче в ноябре 1941 года Ростова, без санкции Ставки и вопреки приказу Ставки.*
>
> *Кроме того, как установлено, Кулик во время пребывания на фронте систематически пьянствовал, вел развратный образ жизни и злоупотреблял званием Маршала Советского Союза и зам. наркома обороны, занимался самоснабжением и расхищением государственной собственности, растрачивая сотни тысяч рублей на пьянки из средств государства и внося разложение в ряды нашего начсостава.*
>
> *Кулик Г. И., допустив в ноябре 1941 года самовольную сдачу противнику городов Керчи и Ростова, нарушил военную присягу, забыш свой воинский долг и нанес*

серьезный ущерб делу обороны страны. Дальнейшие боевые события на Южном и Крымском фронтах, когда в результате умелых и решительных действий наших войск Ростов и Керчь вскоре все же были отбиты у противника, со всей очевидностью доказали, что имелась полная'возможность отстоять эти города и не сдавать их врагу. Преступление Кулика заключается в том, что он никак не использовал имеющихся возможностей по защите Керчи и Ростова, не организовал их оборону и вел себя как трус, перепуганный немцами, как пораженец, потерявший перспективу и не верящий в нашу победу над немецкими захватчиками.

За все эти преступные действия Государственный Комитет Обороны отдал Кулика Г. И. под суд.

Специальное присутствие Верховного суда СССР установило виновность Кулика Г. И. в предъявленных ему обвинениях. На суде Кулик Г. И. признал себя виновным.

Верховный суд 16 февраля 1942 г. приговорил лишить Кулика Г. И. званий Маршала и Героя Советского Союза, а также лишить его орденов Союза ССР и медали «XX лет РККА».

Кулик Г. И. обратился в Президиум Верховного Совета СССР с просьбой об отмене приговора. Президиум отклонил просьбу Кулика Г. И. и 19 февраля 1942 г. вынес следующее постановление: «В соответствии с приговором Специального присутствия Верховного суда СССР лишить Кулика Г. И. воинского звания «Маршал Советского Союза», звания Героя Советского Союза, трех орденов Ленина, трех орденов Красного Знамени и юбилейной медали «XX лет РККА».

На основании изложенного Центральный Комитет ВКП(6) исключил Кулика Г. И. из состава членов ЦК ВКП(б) и снял его с поста зам. наркома.

Предупреждаю, что и впредь будут приниматься решительные меры в отношении тех командиров и начальников, невзирая на лица и заслуги в прошлом, которые не выполняют или недобросовестно выполняют приказы командования, проявляют трусость, деморализуют войска своими пораженческими настроениями и, будучи запуганы немцами, сеют панику и подрывают веру в нашу победу над немецкими захватчиками.

Настоящий приказ довести до военных советов Западного и Юго-Западного направлений, военных советов

фронтов, армий и округов.

Народный комиссар обороны

И. Сталин

Узелок 4
НЕУДАЧА ПОД ЛЕНИНГРАДОМ

Теперь мы знаем, что в действительности произошло в Керчи и Ростове, почему поездка в эти города стала для Кулика крахом его военной карьеры. Знаем не по слухам и домыслам, а по первоисточникам, уникальнейшим документам, предназначенным для высших лиц в государстве.

А сейчас из краев солнечных и благодатных обратим свой взор на промозглый и дождливый северо-запад России, посмотрим, какие события разворачивались там двумя месяцами раньше, попытаемся разобраться в причинах неудачи, свалившейся на голову Кулика под Ленинградом в сентябре 1941 года.

Немцам удалось полностью блокировать город на Неве к 8 сентября, когда они перерезали последнюю сухопутную коммуникацию, захватив Шлиссельбург. Об обстановке, царившей в штабе Ленинградского фронта, хорошо известно по многим книгам. Александр Верт, например, приводит такую деталь: командующий фронтом Маршал Советского Союза Ворошилов, потрясенный катастрофой, собирался на передовую во главе стрелкового батальона, чтобы погибнуть в бою. В войсках — растерянность и неразбериха.

Более или менее стабильно держалась 54-я армия. Хотя противнику удалось оттеснить ее от основных сил Ленинградского фронта, она не позволила немецким войскам двинуться далее на восток и даже остановила их на рубеже Липки — Рабочий поселок № 8 — Гайтолово.

Это была необычная войсковая единица. Командовал ею Маршал Советского Союза Кулик. Небывалый прецедент: военачальникам подобного калибра меньше чем фронт обычно не давали. Правда, 54-я состояла не из трех дивизий, как все армии, а из восьми. К тому же имела сильные вспомогательные части.

Сталин, разгневанный военными неудачами посланного командовать Северо-Западным направлением Ворошилова, с надеждой воспринял известие о стойкости Кулика. Вождя осеняет идея о деблокировании Ленинграда силами армии Кулика и одновременным контрнаступлением Ленинградского фронта. Кулик должен ударить по врагу с востока, Ворошилов — ему навстречу. Вот только сумеет ли Клим правильно распорядиться 54-й армией? Предыдущие события показали, что Кулик действовал решительнее, смелее.

И тогда Сталин принимает решение: армию Кулика вывести

из подчинения Ленинградскому фронту и пере-подчинить ее непосредственно Ставке Верховного Главнокомандования. Стало совершенно очевидно, что Ворошилов с задачей не справится, его необходимо заменить. Выбор пал на Жукова.

Утром 10 сентября Жуков вылетел в Ленинград с запиской Сталина: товарищу Ворошилову сдать дела фронта, товарищу Жукову принять Ленинградский фронт в течение 24 часов с часа прибытия в Ленинград. Рассказывают, что, прочитав записку, Ворошилов побледнел: ему предписывалось возвратиться в Москву. Как мы знаем, после Ленинграда Климент Ефремович больше не командовал фронтами. Его военная звезда закатилась навсегда. Такая же участь постигла и другого маршала — Буденного. Но об этом немного позже.

Итак, оборону Ленинграда возглавил генерал армии Жуков. В ряду мер, направленных на срыв плана противника по овладению городом, он правильно вычленил задачу более активной увязки действий войск фронта с действиями 54-й армии Кулика. О чем и сообщил в телеграфном разговоре Шапошникову 14 сентября. Одновременно попросил подкрепить Кулика двумя-тремя дивизиями — «чтобы он мог нанести мощный удар». По мнению Жукова, это была бы самая лучшая помощь фронту в создавшейся обстановке.

Выслушав нового командующего фронтом, Шапошников согласился, что центр внимания после ликвидации Красносельского выступа должен быть сосредоточен на взаимодействии с Куликом.

Жуков начал срочно искать район прорыва блокады. Больше всего, на его взгляд, для этой цели подходил Мгинский выступ, захваченный противником. Ширина его составляла всего 15–20 километров. Местность была лесистая и заболоченная, с обширными участками торфяных разработок. Небольшие высоты господствовали над окружающей равниной и могли быть отлично приспособлены для прочной и эффективной обороны. Именно сюда и обращались взоры посланца Сталина, как к наиболее благоприятному участку прорыва блокады.

Жуков впоследствии признавал, что Ставка основной упор делала на деблокирование Ленинграда ударами армии Кулика с востока. В мемуарах Георгия Константиновича можно найти свидетельства того, что Шапошников просил командующего фронтом выделить войска для встречных действий. Но разве мог самолюбивый Жуков согласиться на второстепенную роль, отдать лавры победителя другому военачальнику, хотя бы и маршалу? Полководческая звезда талантливого генерала Жукова еще только всходила.

Будучи в преклонном возрасте и находясь на покое, он так охарактеризовал свои тогдашние действия: «К сожалению, фронт не мог этого сделать, поскольку все, что было возможно, мы уже бросили на главное направление и снять оттуда какие-нибудь войска означало бы сдать город врагу. Поэтому было решено наступать навстречу 54-й армии всего одной дивизией и бригадой Невской оперативной группы».

Можно представить ярость Кулика, когда он узнал, что Жуков двинул навстречу ему только одну стрелковую дивизию да неукомплектованную бригаду. Под Невской Дубровкой этим частям предстояло форсировать полноводную Неву, ширина которой составляла до 800 метров, под сплошным огнем противника, затем атаковать врага, действуя через болота и лес. Задача не просто тяжелая, а, можно сказать, непосильная.

Не хотел генерал Жуков делиться лаврами победителя ни с кем! Но и Кулик сам себе на уме: маршал и герой, пять войн за спиной, негоже выглядывать из-за чужой спины. У обоих взыграли амбиции, никто не хотел уступить пальму первенства. В результате — холодок отчуждения, отсутствие взаимопонимания, напряженность и настороженность в отношениях. Не нашли взаимопонимания командующие — не удалось решить вопросы взаимодействия войск.

О том, что подлинные причины неудачной попытки деблокирования Ленинграда кроются в непомерной гордыне и честолюбии обоих военачальников, свидетельствует сохранившаяся в архиве Министерства обороны СССР запись телеграфных переговоров Кулика с Жуковым в ночь на 15 сентября 1941 года.

У АППАРАТА КУЛИК.

У АППАРАТА ЖУКОВ.

ЖУКОВ. Приветствую тебя, Григорий Иванович! Тебе известно о моем прибытии на смену Ворошилову? Я бы хотел, чтобы у нас с тобой побыстрее закипела работа по очистке. территории, на которой мы могли бы пожать друг другу руки и организовать тыл Ленинградского фронта. Прошу коротко доложить об обстановке. В свою очередь хочу проинформировать, что делается под Ленинградом.

(«Прошу коротко доложить об обстановке…» А ведь Кулик был в то время зам. наркома обороны — от этой должности его никто не освобождал. Да и званием повыше. Кто кому должен был докладывать?)

Информация Жукова — в его стиле:

Первое. Противник, захватив Красное Село, ведет бешеные атаки на Пулково, в направлении Лигово. Другой очаг юго-

восточнее Слуцка — район Федоровское. Из этого района противник ведет наступление восемью полками общим направлением на г. Пушкин, с целью соединения в районе Пушкин — Пулково.

Второе. На остальных участках фронта обстановка прежняя… Южная группа Астанина в составе четырех дивизий принимает меры к выходу из окружения.

Третье. На всех участках фронта организуем активные действия. Возлагаем большие надежды на тебя. У меня пока все. Прошу коротко сообщить обстановку на твоем участке.

КУЛИК. Здравия желаю, Георгий Константинович! Очень рад с тобой вместе выполнять почетную задачу по освобождению Ленинграда. Также жду с нетерпением момента встречи.

(Какова выдержка, а? И бровью не повел старый служака, не подал вида, что обижен таким обращением гордого генерала!)

Обстановка у меня следующая:

Первое. В течение последних двух-трех дней я веду бой на своем левом фланге в районе Вороново, то есть на левом фланге группировки, которая идет на соединение — с тобой. Противник сосредоточил против основной моей группировки за последние два-три дня следующие дивизии. Буду передавать по полкам, так как хочу знать, нет ли остальных полков против твоего фронта. Начну справа: в районе Рабочий поселок № 1 появился 424-й полк 126-й пехотной дивизии, ранее не присутствовавший на моем фронте. Остальных полков этой дивизии нет. Или они в Шлиссельбурге, или по Неве и действуют на запад против тебя, или в резерве в районе Шлиссельбурга.

Второе. В районе Синявино и южнее действует 20-я мотодивизия, вместе с ней отмечены танки 12-й танковой дивизии.

Третье. На фронте- Сиголово — Турышкино развернулась 21-я пехотная дивизия. Совместно с ней в этом же районе действует 5-я танковая дивизия в направлении Славянка — Вороново. В течение последних трех дней идет усиленная переброска из района Любань на Шипки — Турышкино — Сологубовка мотомехчастей и танков. Сегодня в 16.30 замечено выдвижение танков (более 50) в районе Сологубовка на Сиголово и северо-восточнее Турышкино. Кроме того, появилась в этом же районе тяжелая артиллерия. Сегодня у меня шел бой за овладение Вороново. Это была частная операция для предстоящего наступления, — но решить эту задачу не удалось. Правда, здесь действовали незначительные соединения. Я сделал это умышленно, так как не хотел втягивать крупные силы в эту операцию: сейчас у меня идет пополнение частей.

Линия фронта, занимаемая 54-й армией, следующая: Липка — Рабочий поселок № 8 — Рабочий поселок № 7 — поселок Эстонский — Тортолово — Мышкино — Поречье — Михалево.

Противник сосредоточивает на моем правом фланге довольно сильную группировку. Жду с завтрашнего дня перехода его в наступление. Меры для отражения наступления мною приняты, думаю отбить его атаки и немедленно перейти в контрнаступление. За последние три-четыре дня нами уничтожено минимум 70 танков… Во второй половине 13 сентября был сильный бой в районе Горного Хандрово, где было уничтожено 28 танков и батальон пехоты, но противник все время, в особенности сегодня, начал проявлять большую активность. Все.

Через несколько десятков лет, находясь на пенсии и итожа прожитое, опальный маршал, снятый Хрущевым, будто оправдываясь перед историей и потомками, предъявил Кулику претензию: мол, из первых же переговоров по «бодо» следовало, что в течение ближайшего времени его армия наступать не собиралась. Гордого Жукова это никак не устраивало: получалось, что с ним, личным посланцем и представителем Сталина в Ленинграде, не все считались. Самолюбие талантливого генерала было уязвлено поведением старого служаки Кулика, который, между прочим, тоже был личным посланцем и представителем Сталина, да еще в ранге замнаркома обороны. Но Жуков никаких других фигур рядом с собой терпеть не мог. Он честно признавался, что, помимо прямых действий со стороны 54-й армии, рассчитывал на привлечение авиации этой армии для ударов по важнейшим районам на подступах к Ленинграду.

Однако упрямый Кулик слишком много повидал на своем военном веку, чтобы вот так запросто согласиться на превосходство Жукова, играть при нем вспомогательную роль. Старый служака был не менее честолюбивым, чем его соперник! Это видно из дальнейшего текста их ночных переговоров по «бодо». Продолжим цитирование.

ЖУКОВ. Григорий Иванович, спасибо за информацию. У меня к тебе настойчивая просьба — не ожидать наступления противника, а немедленно организовать артподготовку и перейти в наступление в общем направлении на Мга.

КУЛИК. Понятно. Я думаю 16—17-го.

ЖУКОВ. 16-17-го поздно! Противник мобильный, надо его упредить. Я уверен, что, если развернешь наступление, будешь иметь большие трофеи. Если не сможешь все же завтра наступать, прошу всю твою авиацию бросить на разгром противника в районе Поддолово — Корделево — Черная Речка — Аннолово. Все

эти пункты находятся на реке Ижора, в 4–5 километрах юго-восточнее Слуцка. Сюда необходимо направлять удары в течение всего дня, хотя бы малыми партиями, чтобы не дать противнику поднять головы. Но это как крайняя мера. Очень прошу атаковать противника и скорее двигать конницу в тыл противника. У меня все.

КУЛИК. Завтра перейти в наступление не могу, так как не подтянута артиллерия, не проработано на месте взаимодействие и не все части вышли на исходное положение. Мне только что сообщили, что противник в 23 часа перешел в наступление в районе Шлиссельбург — Липка — Синявино — Гонтовая Липка. Наступление отбито/ Если противник завтра не перейдет в общее наступление, то просьбу твою о действиях авиации по пунктам, указанным тобою, выполню…

ЖУКОВ *(не скрывая раздражения).* Ясно, что вы прежде всего заботитесь о благополучии 54-й армии и, видимо, вас недостаточно беспокоит создавшаяся обстановка под Ленинградом. Вы должны понять, что мне приходится прямо с заводов бросать людей навстречу атакующему противнику, не ожидая отработки взаимодействия на местности. Понял, что рассчитывать на активный маневр с вашей стороны не могу. Буду решать задачу сам. Должен заметить, что меня поражает отсутствие взаимодействия между вашей группировкой и фронтом. По-моему, на вашем месте Суворов поступил бы иначе. Извините за прямоту, но мне не до дипломатии. Желаю всего лучшего.

Круто брал генерал, круто. Вместо первоначального дружеского «ты» — холодно-обидчивое «вы». Последние фразы и вовсе означали разрыв: «Буду решать задачу сам…»

Согласитесь, не совсем корректно и упоминание Суворова. Сравнение ситуаций тоже не выдерживает критики. Выдающийся русский полководец XVIII века не знал, что такое авиация и танки, военной техники в ту пору фактически не было никакой. Нельзя не прислушаться и к аргументам Кулика: артиллерия не подтянута, взаимодействие родов войск не отработано, рекогносцировка не проведена, на исходное положение вышли не все части… Разве в такой обстановке возможно наступление? Действительно, в случае провала операции все шишки упадут на голову Кулика. Его же обвинят в поспешности, неподготовленности к наступлению. Кулик был достаточно опытным военачальником, чтобы не понимать этого. С Жукова взятки будут гладки: не он начинал рискованную операцию. Хитер умный генерал, ох как хитер: в случае успеха — и мы

пахали, и его части двигались навстречу Кулику, в случае неудачи — это неудача армии Кулика, от фронта действовали лишь одна стрелковая дивизия да неполная бригада.

Впрочем, и объективно, как теперь считают военные историки, Кулик не имел возможности внезапно перейти в наступление, как того требовал Жуков. Это грозило большими человеческими потерями и, самое главное, успеха не сулило.

Узелок 2
БЕЙ СВОИХ, ЧТОБ ЧУЖИЕ БОЯЛИСЬ!
(Продолжение)

Между тем обстановка под Ленинградом продолжала ухудшаться. Гитлер торопил генерал-фельдмаршала фон Лееба: городом надо овладеть как можно быстрее, до начала наступления немецких войск под Москвой. К тому же вот-вот должны были закончиться последние погожие деньки, после которых приходил черед осенней распутицы. Над группой армий «Север» генерал-фельдмаршала фон Лееба нависла угроза застрять в непролазной грязи на бескрайних российских просторах. И он лез из кожи вон, чтобы покончить с Ленинградом.

Утром 15 сентября Лееб возобновил наступление на город. Четыре немецкие дивизии, усиленные танками и поддержанные ударами с воздуха, оттеснили части Жукова, отступившие к окраинам Урицка. Образовался прорыв, в который могли хлынуть танки и пехота противника. Сдерживать их было некому — регулярных частей не было. Навстречу, прорвавшемуся врагу бросили милицию, ополченцев, бойцов из нестроевых подразделений.

Докладывая о грозящей катастрофе Сталину, Жуков, по его признаниям, не умолчал о своем разговоре с Куликом, то есть пожаловался на несговорчивого маршала. Не хотелось бы писать об этом, но правда есть правда.

16 сентября Сталин связывается с Куликом по прямому проводу и напоминает о ночном разговоре с Жуковым.

«В своем разговоре с вами 15 сентября, — говорил Верховный, — Жуков обрисовал вам положение фронта, поэтому вашу операцию затягивать нельзя». Сталин рекомендует маршалу не задерживать подготовку к наступлению, а вести ее решительно, дабы открыть сообщение с Жуковым.

Кулик объясняет Верховному обстановку в полосе своей армии, но Сталин слушает его невнимательно: первичная информация, доложенная Жуковым, накрепко засела в голове вождя. Но ведь Жуков не был в 54-й армии, он не знает

сложившегося там положения и исходит из того, что видит, находясь в городе. Между прочим, Кулик тоже ведет бои.

СТАЛИН. Мы очень рады, что у вас имеются успехи. Но имейте в виду, что если вы завтра ударите как следует на Мгу, с тем, чтобы прорвать или обойти оборону Мги, то получите от нас две хорошие кадровые дивизии и, может быть, новую танковую бригаду. Но если отложите завтрашний удар, даю вам слово, что вы не получите ни двух дивизий, ни танковой бригады.

КУЛИК. Постараемся выполнить Ваши указания и обязательно получить Вами обещанное.

Итак, Сталин знал, что Кулик имеет успехи, что он продвигается вперед. Это ободрило Верховного. Он действует пока пряником — обещает усилить войска маршала новыми соединениями. К кнуту прибегнет позже, после очередной жалобы Жукова.

Впрочем, основания для беспокойства у последнего были. 17 сентября бои под Ленинградом достигли наивысшего напряжения. В этот день шесть дивизий противника при поддержке крупных сил авиации группы армий «Север» предприняли новую попытку прорваться к Ленинграду с юга. Военный совет фронта оценил ситуацию как исключительно опасную.

С утра 18 сентября Лееб нанес удар на стыке двух жуковских армий и захватил город Пушкин. 18-е и 19-е были страшными днями для защитников Ленинграда. На город один за одним обрушивались мощные артиллерийские и авиационные удары. 19 сентября, например, артиллерия била по улицам и кварталам в течение 18 часов подряд. Немецкая авиация совершила 276 самолето-вылетов.

Жуков нашел выход, пойдя на крайнюю меру, — снял все резервы с Карельского перешейка. Когда они полегли, пришлось снимать и основные полки, оголяя этот участок фронта.

20 сентября, внемля отчаянному обращению Жукова, Сталин снова вызвал к прямому проводу Кулика.

СТАЛИН. В эти два дня, 21-го и 22-го, надо пробить брешь во фронте противника и соединиться с ленинградцами, а потом уже будет поздно. Вы очень запоздали. Надо наверстать потерянное время. В противном случае, если вы будете еще запаздывать, немцы успеют, превратить каждую деревню в крепость, и вам никогда уже не придется соединиться с ленинградцами.

КУЛИК. Только вернулся из боя. Целый день шел сильный

бой за взятие Синявино и за взятие Вороново. Противник переходил несколько раз в контратаки, несмотря на губительный огонь с нашей стороны (я применял сегодня оба РС, ввел все резервы), но успеха не имел.

СТАЛИН. Новые дивизии и бригада даются вам не для взятия станции Мга, а для развития успеха после

взятия станции Мга. Наличных сил вполне достаточно, чтобы станцию Мга взять не один раз, а дважды.

КУЛИК. Докладываю, что наличными силами без ввода новых частей станции Мга не взять.

Сегодня из архивных материалов известно, что утверждения Сталина о том, какими силами можно взять станцию Мга, основаны на первичной информации Жукова. В самом деле, откуда бы знать такие подробности пребывавшему в Кремле вождю о какой-то затерянной на бескрайних российских просторах маленькой станции?

Сегодня мы располагаем сведениями о том, что, вопреки устоявшимся представлениям, основанным на официальной исторической концепции, Кулик дрался отчаянно, пытаясь ударить из Волхова в направлении Ленинграда. Но ведь и противник прекрасно понимал цель крупной армии, состоявшей из восьми дивизий, да еще — небывалый случай в советской военной истории — возглавляемой Маршалом Советского Союза. Вот почему фон Лееб сделал все возможное для того, чтобы не дать Кулику деблокировать Ленинград и соединиться с войсками Жукова. К сожалению, эта тема — операция немцев по недопущению деблокирования — до сих пор не находит отражения в военных исследованиях наших историков. А ведь против Кулика были брошены колоссальные силы. Но их никто не считал. Считают только силы, противостоявшие Жукову.

Такая вот историческая несправедливость.

Прошла неделя. 5 октября Сталин приказал Жукову срочно прибыть в Москву: обстановка на подступах к столице сильно осложнилась.

Жуков попросил разрешения на вылет 6-го утром.

— Хорошо, завтра днем ждем вас в Москве, — сказал Верховный.

Но к указанному сроку генерал не прибыл. Задержка на день объяснялась некоторыми важными обстоятельствами, возникшими в полосе 54-й армии. Так туманно напишет Жуков в своих знаменитых «Воспоминаниях и размышлениях».

Похоже, тогда честолюбивый генерал впервые понял, какие силы противостояли маршалу Кулику, какая там была

труднейшая обстановка. Представляете? Жуков не отважился оставить переподчиненную ему армию без своего присмотра, несмотря на приказ Сталина немедленно прибыть в Москву.

Кулик, сдавший армию Жукову, был отозван из-под Ленинграда в распоряжение наркомата обороны. Через несколько дней Сталин направил его на юг, в Ростов.

Узелок 5
МИНСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Утром 23 июня 1941 года Сталин распорядился срочно направить авторитетных представителей только что созданной Ставки на наиболее опасные Западный и Юго-Западный фронты. Так поступали в годы памятной ему гражданской войны, когда его и других видных деятелей партии часто использовали в качестве уполномоченных ЦК на различных фронтах. Вождь верил в эффективность энергичного нажима представителей из центра на штабы и командиров. Проверено на собственном опыте. Жесткие требования, повседневный контроль, чрезвычайные полномочия действовали устрашающе.

Верным старой, испытанной практике оставался Сталин и в начале новой войны.

— К Павлову поедут Шапошников и Кулик, — распорядился он. — К Кирпоносу — Жуков. Вылетать сегодня же. Немедленно.

Летевшие в Минск маршалы Кулик й Шапошников не знали, что Сталин после их отъезда из Кремля дважды пытался соединиться с Дмитрием Григорьевичем Павловым. Оба раза в штабе Западного фронта отвечали, что командующий находится в войсках. Ничего определенного не мог доложить начальник штаба фронта гене-рал-майор Климовских. Его растерянный голос пробудил у Сталина страшную догадку о том, что штаб потерял управление войсками и не контролирует развитие событий, которое приобрело катастрофический характер. Раздосадованный разговорами с Минском, Сталин позвонил наркому обороны Тимошенко и поделился с ним своими опасениями:

— Разыщите Павлова и передайте ему: место командующего фронтом — на командном пункте фронта.

Шапошников и Кулик благополучно приземлились в Минске вечером того же дня. Штаб Западного фронта по тревоге переехал в Красное урочище — лесок недалеко от города. Павлова в штабе не было, из доклада Климовских вытекало, что командующий уехал в 10-ю армию Голубева, расположенную в Белостокском выступе.

Это был самый опасный участок фронта, на котором разыгрывались главные события. Туда еще утром срочно вылетел заместитель командующего фронтом генерал-лейтенант И. В. Болдин.

Поздно ночью вернулся генерал армии Павлов. Автомобиль командующего фронтом буквально застревал в потоке транспорта, двигающегося в обратном направлении, на восток. Нескончаемые толпы беженцев запрудили все дороги. Жара, хаос, неразбериха. Непрерывные бомбежки с воздуха. До командного пункта 10-й армии добраться не удалось: каким-то чудом командующего разыскал на полпути связной мотоциклист и передал записку Климовских. Начальник штаба сообщал, что нарком обороны строго приказывает Павлову вернуться на командный пункт фронта.

Это была распространенная ошибка многих командиров высокого ранга в начальный период войны. Выдвинувшиеся на головокружительные высоты в конце тридцатых годов, недавние комбаты и комэски вместо того, чтобы организовать твердое управление со своих командных пунктов и поддерживать связь с соседями и вышестоящими штабами, бросались в части, где они чувствовали себя более уверенно, и отдавали привычные указания. Что оставалось делать командирам дивизий, корпусов и даже армий, лишенных устойчивой связи с вышестоящим командованием? Они вынуждены были действовать по своему разумению, как им представлялось целесообразным. Притом довольно часто в ущерб интересам соседей.

Маршал Шапошников сочувственно смотрел на сконфуженного Павлова, которого Тимошенко по приказу Сталина велел с полдороги вернуть в штаб.

— Дмитрий Григорьевич, вы уж не расстраивайтесь, — миролюбиво произнес Борис Михайлович. — Давайте предупредим командующих армиями и командиров корпусов: они должны не в дивизии и полки рваться, хотя такое рвение весьма похвально, а управлять войсками. То есть знать, где дивизии и полки, что делают, какие результаты.

Выяснилось, что сделать это не так просто: ни проводной, ни радиосвязи со штабами армий и корпусов не было, и все усилия ее наладить результатов не дали. Вот почему Павлов поспешно засобирался — вслед за Болдиным — на запад, поближе к армиям, уже ведшим бои. Командующий надеялся, что своим личным участием он хоть как-то повлияет на ход сражений, предпримет что-то важное и безотлагательное. Наконец, разберется, что же случилось.

Кулик, хорошо знавший Павлова по Испании и последующей

совместной работе в наркомате обороны, где они оба руководили важнейшими управлениями (Кулик — артиллерийским, Павлов — бронетанковым), поставил вопрос ребром:

— Докладывай, что предпринято командованием фронта.

В отличие от деликатного Шапошникова, Кулик терпеть не мог дипломатничания.

Павлов начал вводить гостей в обстановку. Директива Генштаба поступила в штаб округа в 01 час 20 минут. Какое-то время ушло на изучение документа и выработку необходимых указаний, распоряжений. Потом директиву начали передавать в нижестоящие штабы. Войскам на ее выполнение оставалось менее часа. А время, необходимое для подъема дивизии по тревоге, для сбора, марша и занятия указанных оборонительных позиций, колеблется от 4 до 20 часов.

— Стало быть, директива опоздала? — мрачно уточнил Кулик.

Павлов взглянул на него, потом перевел глаза на Шапошникова и ничего не ответил. Кулик удивился: Павлов отличался крутым нравом и обычно в запальчивых разговорах не щадил генштабистов.

— Все делалось в соответствии с директивой, — продолжал командующий. — Самое опасное направление. в зоне округа — Белостокское. Одновременно с посылаемой шифровкой за полчаса до начала нападения немцев я вызвал к телеграфному аппарату командующего 10-й армией генерала Голубева, прикрывающего это направление, и предупредил: в эту ночь ожидается провокационный налет фашистских банд на нашу территорию. Наша задача — пленить банды. Государственную границу переходить запрещается.

Ни Шапошников, ни Кулик, ни сам Павлов в ту минуту не подозревали, что командовать фронтом 44-летнему генералу армии осталось всего неделю. Вся верхушка командования пойдет под суд. На допросе Павлова спросят, почему он не приказал вывести гарнизоны из военных городков, ведь в ночь накануне войны нарком и начальник Генштаба предупреждали его по ВЧ о том, что директива подписана и необходимо действовать.

— Прямых указаний о боевом развертывании войск они по телефону не давали, — скажет следователю Павлов. — А согласно инструкции такие действия осуществляются только после поступления официального приказа правительства или наркома обороны… Но я скажу больше: директива Генштаба, полученная в ночь на 22 июня, не вводила в полной мере в действие наш план обороны государственной границы, а только требовала от войск прикрытия занять огневые точки укрепрайонов, а от авиации —

рассредоточиться по полевым аэродромам и замаскироваться. Представляете, что было бы, если бы я вывел гарнизоны из военных городков, а Гитлер не напал… Мне бы снесли голову.

— Скажите, Дмитрий Григорьевич, а если бы нарком по телефону прямо приказал вам действовать по боевой тревоге… Действовали бы?

— А если бы потом немцы не напали? И не поступила бы директива, которую в последний момент раздумали бы передавать в округа? Кто из нас ходил бы в провокаторах?

Эти чистосердечные признания были потом тоже поставлены ему в вину. Мол, за свою голову боялся. А как же сотни тысяч голов бойцов и командиров, погибших из-за генеральской нераспорядительности?

Однако возвратимся к разговору Павлова с приехавшими из Москвы маршалами. Дмитрий Григорьевич мог бы в свое оправдание немало рассказать о том, с какой строгостью Москва внушала ему о необходимости держаться осмотрительно: немецкая военщина не преминет воспользоваться любым предлогом для развязывания войны против СССР. Если Москва предупреждает столь строго, рассуждал Павлов, значит, ей виднее. Генштаб и наркомат обороны хорошо знают, военно-политическую ситуацию. Поэтому он и сам постоянно твердил командирам, работникам штаба и политуправления: наша задача — не поддаваться на провокации.

Павлов хмуро смотрел на Кулика, который наседал особенно рьяно. Почему войска, поднятые по тревоге, не заняли указанные им районы обороны, не развернулись в боевые порядки? Да потому, что, начав выдвижение, встречали на своем пути танковые колонны немцев и вынуждены были вступать в бой с ходу. Почему так много войск не успели своевременно уйти с учебных полигонов, оставить места работ и были захвачены врасплох? Почему отсутствует связь? Почему отступила 3-я армия из района Гродно и 4-я — из района Бреста, что резко осложнило ситуацию для 10-й, прикрывающей Белостокское направление? Давало ли командование фронта согласие на отход этих армий?

Вопросов было много — порой обидных, язвительных, во многом несправедливых. Павлов сдерживался изо всех сил, подавляя закипающий внутри гнев. Не он ли, маршал и замнаркома Кулик, сказал как-то в телефонном разговоре: «Не забывай, что округом командовать — не клинком махать». Оба когда-то начинали кавалеристами. «Вроде не забываю, — насторожился Павлов. — А вы о чем, товарищ маршал?» — «А о том, что слишком истеричные разведсводки из твоего округа поступают. — «Мы фиксируем факты, товарищ маршал», —

нашелся Павлов. — «Всегда поначалу фиксируют, а потом кто-нибудь возьмет да и пульнет по немецкому самолету… Смотри, казак, не сносить тебе головы, если дашь повод для военного конфликта». А теперь наседает: почему не все гарнизоны выведены из военных городков? Этак надо было уже с десяток раз их покидать… Атмосфера накалялась, но ее вовремя разрядил Шапошников:

— Григорий Иванович, давайте лучше попробуем разгадать замыслы противника. Как в сложившихся условиях связать ему руки, сковать и перемолоть его силы? Сейчас не до выяснения взаимоотношений.

Военачальники засели за карты и документы. Кулику такой род деятельности был в тягость, то ли дело живая организаторская работа в войсках. Узнав о готовящемся контрударе на Белостокском направлении, где находился заместитель Павлова генерал-лейтенант Болдин, маршал решил лично побывать там.

Как только он уехал в 10-ю армию, из Москвы в штаб Западного фронта прилетел еще один маршал — Ворошилов, Присутствие трех маршалов приободрило Павлова, но облегчения он не почувствовал: не мог же он переложить на них ответственность за развитие ситуации в полосе своего фронта. Весь груз тяжелейшей обстановки лежал на его плечах.

Увы, ни он, ни прибывшие из Москвы маршалы не могли постигнуть истинного положения дел. События стремительно усложнялись, сплавляясь в единый угрожающий поток. Стрелы — красные, желтые, синие — словно молнии, пронзали оперативную карту фронта в разных направлениях, и военачальники холодели от догадок, что они снова не успеют упредить противника, создать невыгодную для него ситуацию. Полной неожиданностью стала тактика немецкого командования, которую разгадали не сразу. Гитлеровский генералитет сделал ставку на решительное продвижение своих танковых клиньев в глубину советской территории, не-заботясь о том, что в тылу у них оставались целые корпуса и даже армии. Стремительный натиск врага позволил ему в первые два дня боевых действий захватить практически все наши склады с горючим, боеприпасами, различным военным имуществом. Скоро нечем стало заправлять танки, уцелевшие самолеты и автомашины. Они застыли на дорогах и полевых аэродромах немым укором своим командирам, не сумевшим разгадать оперативные замыслы врага.

И Павлов, и Ворошилов, и даже образованный генштабист Шапошников жестоко просчитались, предполагая, что противник будет действовать по классической схеме: замкнув в кольцо

группировку войск, он остановится, чтобы окончательно уничтожить ее, и только после этого продолжит наступление. Так было — во всех предыдущих войнах. Слишком опасно было оставлять у себя в тылу неразбитые части противника. Но эта война была войной моторов, и вопреки всем правилам боевого искусства немцы рвались в глубь советской территории, совершая танковыми клиньями все новые и новые охваты.

В Москве с нарастающим беспокойством следили за катастрофическим развитием событий на Минском направлении. Беспорядочный отход павловских частей нередко превращался в паническое бегство. Ни Сталин, ни Ставка не имели достоверной информации с Западного фронта. Поступали лишь отрывочные сведения авиаразведки и офицеров Генштаба, посланных в войска. Но и их было достаточно, чтобы Ватутину, оставшемуся за начальника Генштаба Жукова, который по распоряжению Сталина вылетел в Киев, прийти к неутешительному заключению: Западный фронт прорван, войска первого эшелона не смогли остановить противника у границы и обеспечить развертывание подходивших войск, 3-я и 10-я армии окружены, недалеко от Минска — немецкие танки.

Сталин и сам догадывался, что приграничные сражения проиграны. Но сообщение Ватутина о том, что немцы пропущены в глубь территории страны на 150–200 километров и всего за считанные дни, вывело его из равновесия. Непостижимо! Присутствовавшие на докладе Ватутина военные, бледнея, выслушивали гневные, злые тирады вождя. Почему Генштаб не руководит войсками? Где в конце концов Кулик и Шапошников? Для чего они посланы в Минск? Почему молчат?

Действительно, где Григорий Иванович и Борис Михайлович?

Обратимся к свидетельствам авторитетных военных деятелей, и прежде всего Г. К. Жукова. Как помнит читатель, на второй день войны начальнику Генштаба было приказано отбыть в Киев к командующему Юго-Западным фронтом генерал-полковнику Кирпоносу.

26 июня на командный пункт фронта в Тернополе Жукову позвонил Сталин:

— На Западном фронте сложилась тяжелая обстановка. Противник подошел к Минску. Непонятно, что происходите Павловым. Маршал Кулик неизвестно где. Маршал Шапошников заболел. Можете вы немедленно вылететь в Москву?

Итак, причина молчания Шапошникова ясна — болезнь. А что с'Куликом? Этот вопрос занимает и вернувшегося в тот же день в Москву Жукова. Сталин дал ему сорок минут для предложений, как поправить обстановку на Минском направлении. Из

сталинского кабинета Жуков вышел в соседнюю комнату со своим первым замом Ватутиным, остававшимся за начальника Генштаба, пока Жуков был у Кирпоноса.

— Положение под Минском следующее, — торопливо докладывал вернувшемуся начальнику Генштаба Ватутин. — Остатки 3-й и 10-й армий окружены западнее Минска. Но они продолжают бой и сковывают значительные силы противника. По непроверенным сведениям, там маршал Кулик. 4-я армия отходит в припятские леса. Общее отступление к реке Березине наблюдается с линии Докшицы — Смолевичи — Слуцк — Пинск. Войска несут серьезные потери.

Оценив обстановку, прикинув несколько возможных вариантов, Жуков через сорок минут вошел в кабинет Сталина и доложил предложения. Ясно было, что противник рвется к Москве. На пути к ней надо создать глубоко эшелонированную оборону, измотать немцев и, остановив их на одном из оборонительных рубежей, организовать контрнаступление, собрав для этого необходимые силы — главным образом за счет новых формирований и частично за счет дальневосточных дивизий. Где будет остановлен противник, какой рубеж определить в качестве исходного для контрнаступления, Жуков, как он после признавался, и сам не знал.

Сталин с ним согласился. Тотчас же были оформлены соответствующие распоряжения, переданные Жуковым по «бодо» как приказ Ставки Главнокомандования

Западному фронту. В два часа ночи 28 июня у Жукова состоялся дополнительный разговор по прямому проводу с начальником штаба фронта В. Е. Климовских.

ЖУКОВ. Доложите, что известно о 3-й, 10-й, 4-й армиях, в чьих руках Минск, где противник?

КЛИМОВСКИХ. Минск по-прежнему наш. Получено сообщение: в районе Минска и Смолевичи высажен десант. Усилиями 44-го стрелкового корпуса в районе Минска десант ликвидируется,

Авиация противника почти весь день бомбила дорогу Борисов — Орша. Есть повреждения на станциях и перегонах. С 3-й армией по радио связь установить не удалось. Противник, по последним донесениям, был перед УРом. Барановичи, Бобруйск, Пуховичи до вечера были наши.

(На прямой вопрос о судьбе 10-й и 4-й армий ответа нет. И это неспроста: в штабе фронта связи с окруженными армиями не имели. — *Н. З.)*

ЖУКОВ. Где Кулик, Болдин, Коробков? Где мех-корпуса, кавкорпус?

КЛИМОВСКИХ. От Кулика и Болдина сообщений нет. Связались с Коробковым, он на КП восточнее Бобруйска.

(Коробков командовал 4-й армией и вывел ее остатки из окружения. Его ждала неправедная кара — расстрел вместе с командованием Западного фронта. Свидетельствует генерал-полковник Л. М. Сандалов: «Почему был арестован и предан суду именно командующий 4А Коробков, армия которого хотя и понесла громадные потери, но все же продолжала существовать и не теряла связи с штабом фронта? К концу июня 1941 года был предназначен по разверстке (!) для предания суду от Западного фронта один командарм, а налицо был только командарм 4-й армии. Командующие 3-й и 10-й армиями находились в эти дни неизвестно где, и с ними связи не было. Эго и определило судьбу Коробкова. В лице генерала Коробкова мы потеряли тогда хорошего командарма, который, я полагаю, стал бы впоследствии в шеренгу лучших командармов Красной Армии»),

Далее Климовских доложил Жукову: завтра высылаем парашютистов с задачей передать приказы в 10-ю армию — Голубеву и в 3-ю — Кузнецову. Еще одно подтверждение отсутствия устойчивой связи штаба фронта с дравшимися в окружении войсками. А ведь там находился и Маршал Советского Союза, замнаркома обороны!

Это обстоятельство беспокоило Ставку, лично Сталина. Маршал — и вдруг потерялся. Исчез. Пропал. А вдруг попал в плен? Не хватало еще, чтобы советские маршалы попадали в плен в первые дни войны. Тревога за судьбу Кулика не давала покоя еще и потому, что маршал являлся носителем высших военных секретов страны.

Вечером 28 июня советские войска оставили Минск. Случилось самое худшее — танковые клинья противника вновь сомкнулись там, где их не ждали. Назавтра взвешенный Сталин дважды приезжал в наркомат обороны, и оба раза генералы, обливаясь холодным потом и бледнея, слушали все, что думает о них вождь.

О Кулике по-прежнему не было никаких вестей.

Ранним утром 30 июня Жуков снова связался по «бодо» с Павловым.

ЖУКОВ. Немцы передают по радио, что ими восточнее Белостока окружены две армии. Видимо, какая-то доля правды в

этом есть. Почему ваш штаб не организует высылку делегатов связи, чтобы найти войска? Где Кулик, Болдин, Кузнецов?

ПАВЛОВ. Да, большая доля правды. Нам известно, что 25 и 26 июня части были на реке Щаре, вели бой за переправы с противником, занимающим восточный берег реки Щары. Третья армия стремилась отойти по обе стороны реки Щары. 21-й стрелковый корпус — в районе Лиды. С этим корпусом имели связь по радио, но со вчерашнего дня связи нет, корпус пробивается из окружения в указанном ему направлении. Авиация не может отыскать конницу и мехчасти, потому что все это тщательно скрывается в лесах от авиации противника. Послана группа с радиостанцией с задачей разыскать, где Кулик и где находятся наши части. От этой группы ответа пока нет. Болдин и Кузнецов, как и Голубев, до 26 июня были при частях.

Следы Кулика пропали, его не могли найти даже специально посланные группы с радиостанциями!

30 июня Сталин позвонил Жукову и приказал вызвать Павлова. Командующий Западным фронтом прибыл в Москву на следующий день. Тогда же он был отстранен от должности, а вскоре и предан суду. Приговор вынесли 22 июля 1941 года. Предварительно с его проектом ознакомился Сталин. Он распорядился, чтобы выбросили всякую чепуху вроде «заговорщической деятельности» — ретивые следователи объявили Павлова и Климовских участниками антисоветского военного заговора, проводившими вражескую работу, выразившуюся в том, что в заговорщических целях не готовили к военным действиям вверенный им командный состав, ослабили мобилизационную готовность войск округа, развалили управление войсками и сдали оружие противнику без боя. Остальной текст приговора Сталин утвердил. По нему в ночь на 23 июля 1941 года осужденных Павлова, Климовских, а также генералов Григорьева, Коробкова и Клыча расстреляли.

Отстранение Павлова от командования фронтом положения, увы, не спасло. Не смог остановить противника и назначенный вместо снятого Павлова нарком обороны маршал Тимошенко. Мало проку было и от присланных Сталиным в качестве первого заместителя командующего Западным фронтом маршала Буденного, и от нового члена Военного совета фронта заместителя наркома обороны и наркома госконтроля Мехлиса, а также сменившего его вскорости Булганина. Красная Армия сдавала город за городом. Пал Смоленск, открывая прямую дорогу на Москву.

Ау, а где же герой нашего повествования? Где маршал Кулик,

которого безуспешно разыскивают Сталин, Жуков, штаб Западного фронта, в поисках которого сбились с ног парашютисты с радиостанциями?

Оставлен Минск, бронированные клещи вермахта вплотную нависли над Могилевом, а одиннадцать дивизий западнее Минска продолжают вести неравную борьбу в окружении. С ними маршал Кулик. Конечно, негоже Маршалу Советского Союза опускаться до уровня простого командира, не его дело управлять полком или даже дивизией, но если не было возможности возвратиться назад, на командный пункт фронта, что ему оставалось делать? Не бросать же части, оказавшиеся в мешке! Может, они и дерутся столь отчаянно, что знают: с ними замнаркома обороны.

Дорого обойдется Кулику усвоенное им еще в гражданскую войну правило быть рядом с бойцами. Тогда это было оправдано, ведь он командовал небольшими подразделениями. Назначенный на высокие должности через ряд промежуточных ступеней, он, как и большинство военачальников, выдвинувшихся в результате острого кадрового дефицита, не обладал достаточной подготовкой для организации боевых действий большой массы войск с превосходящими силами противника. Его личный патриотизм, храбрость, мужество не были подкреплены полководческой мудростью. И в этом плане Кулик не отличался от других скороспелых' выдвиженцев тридцатых годов.

Но им везло больше, чем ему.

Он оставался с войсками 10-й армии до последнего.

Обессиленные в боях, взорвав замершие без горючего танки и броневики, приведя в негодность оставшиеся без снарядов орудия, бойцы и командиры пробивались из окружения небольшими группами.

Я тщательно проверял версию о крестьянском зипуне и лаптях, в которые облачился Кулик, сбросив маршальский мундир. Действительно, охрана настояла на переодевании в целях безопасности, но — в обычный танковый комбинезон. Слишком уж заманчивой для диверсантов, которыми кишели все дороги, да и для любого недоброго глаза был человек с маршальскими звездами. Этот факт породил множество обидных легенд и насмешек над Куликом, как устных, так и печатных.

Но самой убийственной была ирония Сталина.

— Григорий Иванович, — сказал он в Кремле возвратившемуся маршалу, — Ставка посылала вас в Минск оказать помощь командованию Западного фронта. А вы почему-то помогали только 10-й армии. Говорят, наставляли даже командиров рот. Так вот, принимайте 54-ю армию — на Северо-западном направлении…

Кулик, сглотнув обиду, засобирался в дорогу. В пути его догнала весть: Киев сдан, Кирпонос и его штаб погибли. «Везет же людям, — тяжко вздохнул, наверное, маршал, вспомнив об отзыве Жукова с Юго-Западного фронта. — Вовремя в белокаменную уехал».

Военные историки по сей день спорят: удержал бы украинскую столицу Жуков, не отзови его Сталин 26 июня в Москву? Особенно любят посудачить на эту тему ветераны-фронтовики, которым в свое время досталось на орехи от Жукова.

Впрочем, ответ можно найти у самого Жукова. В знаменитых «Воспоминаниях и размышлениях» маршал пишет о том, как он с Шапошниковым предлагал Сталину отвести войска, то есть оставить Киев в виду безысходного, катастрофического положения, складывающегося на Юго-Западном фронте. Это был единственный шанс спасти войска, над которыми нависла угроза охвата с флангов. Сталин с ходу отверг предложение военачальников, приказав драться за Киев до последнего. Что из этого вышло, видно на примере трагической судьбы Кирпоноса и его фронта.

Узелок 6
ВРЕДИТЕЛЬ ИЛИ НЕМЕЦКИЙ ШПИОН?

За Куликом тянется устойчивый шлейф ярого противника автоматического оружия, новых артиллерийских систем, танковых и механизированных корпусов. Редкий генерал-мемуарист не помянет маршала недобрым словом, рассказывая с горечью, с каким вооружением вступали красноармейские части в бой против технически превосходящих полчищ врага. Мосинская образца 1891 года винтовочка против брызжущего огнем «шмайсера». «Коктейль Молотова» — бутылка с зажигательной смесью — против нагло прущих немецких танков, собранных в стальные клинья. А наши бронетанковые силы разбросаны по стрелковым дивизиям и, приданные пехоте, были лишены самостоятельного маневра.

Виновником слабой технической вооруженности Красной Армии считают маршала Кулика, в предвоенные годы занимавшего пост заместителя наркома обороны по вооружению.

В декабре 1940 года в Москве проходило совещание высшего командного состава армии с участием Сталина и других членов Политбюро. После совещания состоялась крупная оперативно-стратегическая игра, которой руководил нарком обороны С. К. Тимошенко и начальник Генштаба К. А. Мерецков. За «синюю» (западную) сторону играл Жуков, за «красную» (восточную) —

Павлов. «Синие». нападали, «красные» оборонялись. В основу стратегической обстановки были взяты предполагаемые события, которые в случае нападения Германии па Советский Союз могли развернуться на западной границе.

Общий разбор игры проходил в Кремле. Присутствовал Сталин. Выступили Мерецков, Тимошенко, Павлов, Жуков, начальник Главного управления ВВС генерал Рычагов, замнаркома обороны по вооружению Кулик. По мнению Жукова, выступление последнего произвело странное впечатление.

Кулик предложил усилить состав штатной стрелковой дивизии до 16–18 тысяч и ратовал за артиллерию на конной тяге. Из опыта боевых действий в Испании он заключил, что танковые части должны действовать главным образом как танки непосредственной поддержки пехоты и только поротно и побатальонно.

— С формированием танковых и механизированных корпусов, — сказал Кулик, — пока следует воздержаться.

Нарком обороны Тимошенко бросил реплику:

— Руководящий состав армии хорошо понимает необходимость быстрейшей механизации войск. Один Кулик все еще путается в этих вопросах.

Сталин, прервав дискуссию, осудил Кулика за отсталость взглядов.

— Победа в войне, — заметил он, — будет за той стороной, у которой больше танков и выше моторизация войск.

Нив коем случае не желая бросить тень на прославленного советского полководца, отважусь все же заметить, что Жуков над своими мемуарами работал спустя много лет после окончания войны, которая подтвердила правильность вывода о возрастающем значении танковых и моторизованных войск. Стало быть, жестоко заблуждался один недальновидный Кулик? Но если правильно мыслили все остальные — большинство! — включая самого Сталина, то неужто Кулик в противовес им гнул свою ошибочную линию? Трудно поверить в это, зная характер вождя, вникавшего во все тонкости, помнившего множество мелочей.

Действительно, было бы упрощением сваливать всю вину на одного Кулика. Хотел или не хотел этого Жуков, но и он не избежал застарелой нашей болезни — в случае какой-либо неудачи искать козла отпущения. История же формирования танковых и механизированных корпусов не одномерная. Были периоды, когда и Сталин соглашался с их расформированием. Он ведь тоже был человеком своего времени, которое постоянно меняется, а вместе с ним — и представления о будущей войне.

За Куликом, как уже говорилось, тянется шлейф ярого

противника механизации войск, ретрограда, не принимавшего научно-технического прогресса. Однако не все исследователи солидаризуются с этой утвердившейся в историографии точкой зрения. Существуют и иные мнения.

Поглубже вдуматься в предложения Кулика призывает, например, историк Б. В. Соколов. В своей книге «Цена победы. Великая Отечественная: неизвестное об известном», вышедшей в 1991 году в серии «Фонд правды» издательства «Московский рабочий», этот исследователь приходит к выводу, что предложения Кулика, на первый взгляд абсурдные, поражают именно своей абсолютной разумностью.

Начнем с того, пишет Б. В. Соколов, что у немецких пехотных дивизий в 1941 году был как раз тот штатный состав (16–18 тысяч. — *Н. З.*), какой предлагал для нас Кулик. И такие крупные дивизии вполне себя оправдали, оказавшись способными к самостоятельным наступательным действиям. Они имели все необходимое для ведения успешных боев, получали больший простор для маневра.

Что касается предложения Кулика воздержаться пока от формирования танковых корпусов, то оно, на взгляд Б. В. Соколова, тоже вполне оправданно. Ведь для танковых соединений и объединений не хватало ни кадров, обученных обращению со сложной техникой, ни самой новой техники, наконец, бензина для танков. Общеизвестно, как трагически окончились поспешные танковые контрудары, предпринятые по настоянию Ставки в начальный период войны.

Если'бы предложения Кулика прошли и те же танки использовали исключительно мелкими подразделениями в теснейшем взаимодействии с пехотой, то скорее всего, по мнению автора, ход пограничных сражений был бы несколько более благоприятным для советской стороны, хотя и здесь поражение Красной Армии на первых порах было предрешено.

И, наконец, артиллерия на конной тяге, за которую ратовал Кулик, — какой традиционный символ отсталости! Конечно, куда легче, когда войска катят на новеньких машинах по первоклассному стратегическому шоссе, иронизирует историк. Только вот состояние дорог тогда было еще хуже, чем теперь. Не случайно и немцы, у которых уровень моторизации был куда выше нашего, после начала вторжения столкнулись с необходимостью чаще использовать лошадь вместо машины.

В подтверждение Б. В. Соколов ссылается на Б. Мюллера-Гиллебранда, автора многотомного труда «Сухопутная армия Германии. 1933–1945». В 3-м томе сказано: «Выход из строя колесных автомашин из-за тяжелых дорожных условий и

незнания водителями театра войны был значительным. В середине ноября 1941 г. возникла необходимость экономного расходования автотранспорта путем заблаговременного проведения организационных мероприятий, например: замена автомашин лошадьми, поскольку из общего числа 500 тыс. колесных автомашин, находившихся в составе сухопутных сил на Востоке, до конца года вышло из строя 106 тыс». Что тут говорить о нашей армии, справедливо восклицает Б. В. Соколов, где не хватало автотранспорта, бензина, запчастей. Действительно, ей сам Бог велел менять машину на коня.

Самая распространенная наша ошибка: оценивать прошлое мерками сегодняшнего дня. Но ведь каждое время живет по своим законам. Да, далеко не все советские военачальники были талантливыми. Но не всегда они предлагали ерунду, как пытаются представить дело их более удачливые соперники, которым посчастливилось выжить и даже написать мемуары. Эта «ерунда» была в основном не от ограниченности и скудоумия маршалов и генералов, а от недостаточной экономической мощи страны в целом. Воюют-то не армии, а экономики. Уровень военного искусства полководца в итоге определяется экономическими ресурсами и возможностями страны. А мы, по горькому признанию маршала Жукова, встретили войну, еще продолжая быть отсталой в промышленном отношении страной по сравнению с Германией.

В этом убеждаешься, читая о беседе Сталина с генералами Я. Н. Федоренко и П. Л. Романенко, воспроизведенной во 2-м издании книги генерала-тан-киста С. И. Мельникова «Маршал Рыбалко», изданной в Киеве. Автор тоже был участником данной беседы. Итак, цитирую:

«Сталин неожиданно задал Романенко вопрос:

— Какова живучесть танков — наших и немецких?

— Наши танки, — помедлив, ответил Романенко, — живут от одной до трех атак, а потом выходят из строя. А сколько в среднем ходит в атаку немецкий танк, доложить не могу.

— А вы, товарищ Мельников?

Я тоже не знал этого.

— Может, начальник Главного автобронетанкового управления скажет? — обернулся Сталин к Федоренко.

— Такого учета у нас нет… Я не располагаю точными данными, — смутился Яков Николаевич.

Сталин покачал головой и, осуждающе поглядывая на нас, сообщил:

— Танки противника ходят в атаку минимально пять раз, максимально — до пятнадцати. Потом погибают. Об этом вы

обязаны знать. Скажите, товарищ Романенко, почему наши танки живут меньше? Они что, уступают немецким по качеству?

— Никак нет, товарищ Сталин, — поспешил с ответом Романенко. — У нас хуже подготовлены механики-водители. Они получают практику вождения от пяти до десяти моточасов, после чего идут в бой. Этого совершенно недостаточно, чтобы уверенно водить танк

— Что же вам мешает лучше обучать механиков-водителей и расходовать больше моточасов на их подготовку? — с недоумением спросил Сталин.

Романенко замялся, но ответил смело:

— В соответствии с приказом народного комиссара обороны запрещается расходовать на обучение механи-ков-водителей более десяти моточасов.

Взглянув на Федоренко, Сталин вновь обратился к командующему 3-й танковой:

— Сколько моточасов требуется, чтобы хорошо подготовить водителей?

— Не менее двадцати пяти.

— Необходимо, товарищ Федоренко, пересмотреть вопрос об обучении водителей танков, — распорядился Сталин».

Сталин, безусловно, поинтересовался у Тимошенко, с какой стати тот отводил на подготовку механиков-водителей танков пять часов, если требовалось не менее двадцати пяти. За это дорого приходилось расплачиваться на полях сражений. Отсутствие опыта вождения приводило к тому, что танки мешали друг другу, в их движении чувствовалась неуверенность, они то и дело наталкивались на немецкие противотанковые орудия. Танкистам не хватало смелости, тактического предвидения, способности принимать быстрые решения. Нередко в случае прорыва позиций противника они прекращали продвижение и останавливались, вместо того чтобы развивать успех.

Думаете, Тимошенко по глупости отдал тот злополучный приказ? Отнюдь. Распоряжение наркома обороны о жесткой экономии горючего было вызвано критическим положением, которое сложилось в стране из-за острого дефицита горючего для танков и другой автотехники. Основной экспортер стратегических материалов — Америка — ввела торговое эмбарго против Советского Союза. Так отреагировали в конце 1939 года за океаном на войну СССР против маленькой Финляндии. Отечественная промышленность в ту пору не могла производить горючее в достаточных количествах.

Американское эмбарго сохранялось вплоть до нападения Германии на Советский Союз. Потому-то и не были подготовлены

в предвоенные годы должным образом не только танкисты, но и летчики. Так, за первые три месяца 1941 года налет часов на одного человека в авиации Западного особого военного округа составлял девять, а Киевского — всего четыре часа. В начале войны боевые машины из-за неправильной эксплуатации быстро выходили из строя. А исправные танки и самолеты нередко приходилось бросать из-за отсутствия горючего.

Нет, далеко не абсурдным выглядело предложение старого вояки Кулика о развитии артиллерии на конной тяге!

На мой взгляд, наиболее глубоко, а главное, диалектично, подошел к рассмотрению этого вопроса военный писатель Иван Стаднюк. Первые механизированные корпуса в Красной Армии, указывает он, были сформированы еще в 1932 году — намного раньше, чем в других армиях. Однако через два года этот процесс приостановился. Количество танковых объединений удвоилось, но не все командиры были уверены, что найдена лучшая структура организации бронетанковых-войск. Аналогичные сомнения высказывали представители других видов и родов войск, где тоже происходили структурные изменения в связи с реорганизацией, затеянной танкистами. Перестройку приостановили и здесь. Проблему решили рассмотреть комплексно, для чего Главный военный совет в 1939 году учредил весьма авторитетную комиссию, которой поручил заняться улучшением организационных форм разных видов Советских Вооруженных Сил с учетом характера будущей войны.

Конечно же, наиболее обстоятельно комиссия стала изучать вопрос использования танковых войск. Автобронетанковое управление Красной Армии тогда возглавлял молодой комкор Павлов, только что вернувшийся из Испании. Основываясь на опыте тамошних боев, в которых он принимал участие, Павлов вдруг стал доказывать, что корпусная организация танковых войск слишком громоздка, и, поддержанный председателем комиссии маршалом Куликом, тоже воевавшим в Испании, предложил расформировать танковые корпуса.

«Неиспанцы» Шапошников, Тимошенко, Щаденко и другие члены комиссии воспротивились этому предложению. Шапошников приводил не менее убедительные аргументы: боевые действия в Испании не могут быть мерилом целесообразности применения крупных танковых соединений вообще, поскольку сражения там развертывались либо в гористой местности, либо на городских улицах.

«Испанец» Павлов особенно и не настаивал на своем предложении. Но, когда спустя некоторое время были отмечены недочеты в действиях двух танковых корпусов на территории

западных областей Белоруссии и Украины, соображения Павлова о расформировании танковых корпусов всплыли вновь, уже непосредственно на Главном военном совете, и 21 ноября 1939 года было принято решение вместо корпусов создавать отдельные моторизованные дивизии.

Когда дело было сделано и дискуссии улеглись, «неиспанцы» встревоженно призвали пристальнее вглядеться сквозь теоретическую призму стратегии в конкретную практику ведения немецкими войсками боевых действий в Западной Европе. «Испанцы» изумились, узнав, что германский вермахт решал задачи развития успеха в оперативной глубине главным образом усилиями соединений и объединений бронетанковых и механизированных войск. Павлов сразу почувствовал свою вину, хотя тогда его никто не корил, ибо в конечном счете решение о судьбе танковых корпусов принимал не он лично.

В начале июня 1940 года наркомат обороны, обобщив опыт боевых действий на Западе, доложил Сталину единодушное мнение: надо без промедления вновь приступать к формированию в Красной Армии механизированных корпусов. Сталин, упрекнув военных руководителей в скоропалительности прежних выводов, дал соответствующие распоряжения, а нарком обороны Тимошенко тут же утвердил план формирования девяти, а в начале 1941 года — еще двадцати механизированных корпусов. На декабрьском совещании 1940 года у Сталина генерал Павлов с легким сердцем говорил с трибуны: «… Наши взгляды в отношении применения танков оказались наиболее правильными и нашли свое подтверждение в действиях немецких танковых соединений в Польше и на Западе. Немцы ничего не выдумали, они взяли все, что у нас было».

С легким сердцем — потому что прошлая ошибка исправлена. Не будь войны, никто бы о том эпизоде и не вспомнил: мало ли какие структурные преобразования происходят или не происходят в войсках. Армия — в постоянных поисках, переменах. Но война случилась, и судьба обошлась с Павловым не столь милостиво. И с другим «испанцем», Куликом, тоже. Правда, маршалу досталось на орехи уже тогда — его отстранили от курирования всем вооружением, оставив лишь Главное артиллерийское управление, Управление химической защиты и Артиллерийскую академию. Но должность замнаркома сохранили — с приставкой «по артиллерии».

Жуков дает негативную характеристику Кулику и в этой области. «Маршал Г. И. Кулик, — пишет он, — являясь главным докладчиком Сталину по вопросам артиллерии, не всегда правильно ориентировал его в эффективности того или иного

образца артиллерийско-минометного вооружения.

К началу войны он, вместе с Главным артиллерийским управлением, не оценил такое мощное реактивное оружие, как БМ-13 («катюши»), которое первыми же залпами в июле 1941 года обратило в бегство вражеские части. Комитет обороны только в июне принял постановление о его срочном серийном производстве».

В беллетристике фразы похлеще. Насмешливые, обидные, они рисуют облик человека, возглавлявшего артиллерию Красной Армии, знавшего только, как вести огонь из полевых орудий — трехдюймовок и шестидюймовок — периода гражданской войны. Для него тут все ясно и понятно. А разоблаченный враг Тухачевский, иронизируют иные авторы, насаждал в нашей армии чуждые нравы, развивал артиллерию противотанковую. Какие-то «пукалки»: ни грохота, ни воронки, ни стрельбы на дальние расстояния. Ослабить хотел нас Тухачевский. Такова была логика малограмотного Кулика. А поскольку этот свежеиспеченный маршал «заворачивал» у нас всей артиллерией, он и «наворотил» столько, что едва разобрались потом. В частности, почти полностью прекратил выпуск противотанковых орудий, заменив их привычными полевыми орудиями. Расформировал многие противотанковые артиллерийские части. «Исправил», в общем, вред, нанесенный Тухачевским.

К вопросу о взаимоотношениях с Тухачевским отчаянных рубак-буденовцев, к числу которых принадлежал и Кулик, мы обратимся в следующей главе. А сейчас предоставим слово «тайному советнику вождя» — подполковнику Николаю Алексеевичу Лукашову, сокруг подлинности имени которого, а также достоверности его личности и должности еще недавно, по выходу одноименной книги Владимира Успенского, бушевали горячие страсти.

Рассказ в книге ведется от имени Лукашова, тайного советника Сталина. Автор записок (такой литературный прием выбрал В. Успенский) признается, что он вообще считал маршала Кулика по деяниям его истинным врагом народа. Он, утверждает Лукашов, упрямо проталкивал то, что было в гражданскую, что было известно Сталину, против чего особенно активно «воевал» Тухачевский. Основой артиллерийского вооружения Кулик считал 107-миллиметровую пушку, хорошо знакомую Ворошилову, Буденному и Сталину по боям гражданской войны. Добился: выпуск 45- и 76-миллиметровых пушек был прекращен. И того больше: оснастка для этих артиллерийских систем была вывезена из заводских цехов. Это уж война доказала: наши 76-миллиметровые пушки были самыми лучшими орудиями в мире в

течение всего периода с 1941-го по 1945 год.

Кулик добивался также снятия с вооружения противотанковых ружей, по его мнению, неэффективных. И в то же время всячески поддерживал проблематичное предложение Сталина о создании самозарядной полуавтоматической винтовки. И резко критиковал пистолет-пулемет, сконструированный В. А. Дегтяревым: кому, дескать, нужна эта «пукалка», которая бьет на двести-триста метров?! Зачем выпускать пистолет-пулемет (ППД) — в ущерб государственным интересам — вот как ставился вопрос. Но автомат Дегтярева был очень хорош для ближнего боя, и Лукашов советовал вооружить им конницу, разведывательные подразделения, пограничников, части войск государственной безопасности. Однако советник Сталина мог только вносить предложения, высказывать свое мнение, а решения принимались другими. А единое мнение Кулика, Ворошилова, Буденного было достаточно тяжеловесным.

Любопытна версия писателя Владимира Успенского о том, как автомат попал на вооружение Красной Армии вопреки воле Кулика.

Рассказ ведется все в той же форме записок Лукашова, тайного советника вождя.

Согласно этой версии, наркомат обороны настаивал на прекращении производства ППД и, более того, сообщил о том, что не заказывает заводам автомат как оружие, непригодное для армии, потребное разве что бандитам при ограблении банков. Так и сказано в официальном документе. Сострили. Ну а если армейских заказов нет, вопрос снимается сам собою (хотя производство ППД было уже отлажено, что потребовало больших затрат).

Конечно, делает существенную оговорку автор, в ту пору трудно было предположить, что автоматы, вытеснив винтовку, станут основным стрелковым оружием второй мировой войны и последующих лет. Для этого надо было быть провидцем, прорицателем. К их числу самокритично не относил себя и Лукашов. Это сегодня все ясно, все понятно. А тогда? Но он прав в том, что все технические новинки надо тщательно исследовать. Ведь когда-то и пулеметы внедрялись с трудом. А танки, парашюты, подводные лодки? Сколько скептически-язвительных отзывов современников сохранила история о применении непривычных средств вооружения — не счесть. В том числе и за рубежом. Можно представить, что сказали отчаянные рубаки гражданской войны, когда им сообщили о некоей штуковине, представляющей нечто среднее между пистолетом и пулеметом.

Тяжело переживавший отказ армии от автоматов нарком

вооружения Ванников обратился к генералу Власику, руководившему охраной Сталина. Попросил сохранить заказ на ППД хотя бы для пограничных войск. Мол, вы не армия, у вас своя система.

И, о чудо, стараниями Власика производство автоматов продолжалось. Не в таком количестве, конечно, но и это позволило уберечь от ликвидации соответствующее оборудование, промышленную базу.

Начавшаяся вскоре война с белофиннами показала, сколь велико преимущество подразделений, вооруженных автоматами. На одну нашу пулю противник отвечал десятью, а то и более. Это очень важно в бою на короткой дистанции: в населенном пункте, в лесу, в ближнем бою. Сталин довольно быстро уяснил эту истину. В его присутствии был испытан трофейный пистолет-пулемет «Суоми». Финский автомат настолько понравился, что вождь сразу предложил вооруженцам быстренько наладить выпуск такого же автомата. Но Ванников проявил характер, заявив: для чего копировать чужую модель, когда у нас есть, выпускается малыми сериями свой, ни в чем не уступающий финскому, а по некоторым показателям даже превосходящий пистолет-пулемет.

Сталин сказал: финский автомат имеет круглые дисковые магазины, вмещающие семьдесят патронов, а наши плоские коробчатые «рожки» в четыре раза меньше. Лукашов ответил: мы тоже можем использовать дисковые магазины для ППД, хотя они тяжелы, неудобны. Но какой смысл выпускать финский автомат, если он хуже нашего?

— Конкретно, в чем хуже? — спросил Сталин.

— Не всегда срабатывает подача патронов. Для устранения этой неисправности надо вскрыть крышку диска, а это требует времени и навыка. В бою трудно. Во-вторых: при сильном встряхивании, при ударе самоустраняется задержка и «Суоми» произвольно начинает стрельбу, это очень опасно.

— Значит, будем выпускать наши автоматы, — решил Сталин. — Как можно скорей. Фронт требует. Сколько автоматов у нас на складах?

— На армейских складах менее десяти тысяч. Кулик ликвидировал.

— Действительно, услужливый дурак опаснее врага, — произнес Сталин.

Лукашов напомнил:

— Благодаря Власику не был снят заказ на пистолеты-пулеметы для пограничников.

— Помню. Сколько в пограничных войсках ППД?

— В пределах пятидесяти тысяч.

— Немного, но хотя кое-что, — произнес Сталин и, вызвав Поскребышева, приказал немедленно изъять у пограничников все пистолеты-пулеметы Дегтярева и передать их в действующую армию. Одновременно распорядился выпускать не менее двадцати тысяч автоматов в месяц.

К концу войны с белофиннами производство ППД подняли до этого уровня. Еще одна ошибка была исправлена. Чья ошибка? Кулика? Да, и его тоже. Трудная война с белофиннами обнажила многие слабости Красной Армии. Увяли, поблекли легендарные конники Ворошилов, Буденный, Тимошенко. Они болезненно переживали срыв в Финляндии. Могучего удара не получилось, а крови пролилось много, и главным образом нашей.

А как дела у Кулика? Просчет с автоматами восполнила его артиллерия, сыгравшая решающую роль в войне с финнами. Пройдя вслед за пехотой по снегам, она взломала вражеские укрепления. Кулик выглядел орлом на фоне других посрамленных кремлевских маршалов. Еще бы! В марте 1940 года указом Президиума Верховного Совета СССР «за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с финской белогвардейщиной и проявленные при этом отвагу и геройство» ему присваивается звание Героя Советского Союза.

Но это был временный успех на малой войне. Большая оказалась ему не по силам.

Можно ли считать его «врагом народа»? Не надо усмехаться — в адрес незадачливого маршала звучали словечки и похлеще. Фронтовая молва относила его к числу вредителей и даже немецких шпионов. Когда его сняли с высокого поста замнаркома и лишили маршальского звания, поговаривали, что никакой он не Кулик, а немец, закончивший военную школу в Германии и засланный в СССР как шпион.

Что же, нелестных эпитетов и фактов наковыряно предостаточно. А теперь давайте, как говорили в Древнем Риме, выслушаем другую сторону.

Передо мной оригинал письма Г. И. Кулика Сталину. Письмо датировано 18 февраля 1942 года. Кулик уже не маршал-и не герой — обоих званий его лишили два дня назад.

«Т. Сталин!

1). Когда я был у Вас в последний раз, Вы мн_е сказали относительно моего руководства вооружением. Я считаю себя ответственным за вооружение с июня 37 года по 20 июня 1941 г. как за количество, так и за качество, т. к. я проводил всю систему вооружения новыми образцами. Прошу назначить авторитетную беспристрастную комиссию, которая должна установить, сколько

я принял вооружения от своих предшественников и сколько я сдал. Как была обеспечена армия согласно плану развертывания по утвержденным Правительством нормам с учетом плана заказа 41 года, качество вооружения новых систем, принятых на вооружение армии под моим руководством. Особенно прошу вскрыть системы прохода плана заказов на каждый год: что я предлагал и что фактически утверждали и что мы получали; как общее правило, нам давали после долгих мытарств, которые длились по менее 4~5 месяцев в наркоматах, Госплане, в разных комиссиях и подкомиссиях правительственных и в Комитете Обороны, не более 60–65 процентов от просимого нами.

Промышленность тоже урезала этот утвержденный план своими недоделками, которые исчислялись 20–30 процентов, смотря по какому виду вооружения. Я же отстаивал интересы армии упорно, по этому вопросу можно найти десятки моих жалоб, просьб ежегодно в аппарате Госплана, Комитете Обороны, Госконтроле, в наркоматах промышленности и у Вас в ЦК ВКП. Я думаю, никто не сможет отрицать, как я защищал интересы армии, где проходил наш план заказов, с членов Правительства.

Я был удивлен, когда Вы мне сказали насчет ППШ, что мы мало просили, а комиссия (председателем был т. Молотов) по предложению т. Вознесенского нам срезала. В этой же комиссии были срезаны и винтовки. Я защищал, бывший нарком т. Тимошенко меня не поддержал, т. к. в этих вопросах мало разбирался, и я остался в одиночестве. Я только говорю Вам об одном примере. Можно найти десятки примеров, когда мне удавалось доложить Вам и Вы проводили постановлением ЦК ВКП по отдельному виду вооружения, а когда начинался год, численность срезалась на ссылку, что нет металла.

Я предлагал за несколько месяцев перед войной перевести пороховую, снаряжательную, стрелкового вооружения промышленность по мобплану. Мое предложение есть в ЦК ВКП, у т. Молотова и в Комитете Обороны, но тогда отвергли, а также предлагал большую программу производства танков на 40-й и 41-й год, она тоже не прошла, этот документ есть в Комитете Обороны за моей и т. Федоренко подписью, тоже не прошел за недостатком брони и моторов.

Т. Сталин! Прошу Вас приказать детально вскрыть: кто же был виновником торможения вооружения, и Вы увидите, только не НКО».

Неожиданный поворот, не правда лй? Разжалованный, униженный маршал взывает к справедливости, ссылается на затерянные в недрах партийного и государственного аппарата документы, свидетельствующие о том, что их автор не такой уж

недалекий человек, как хотят представить его некоторые, что он своевременно и остро ставил вопросы, в забвении которых его сейчас обвиняют.

Где эти документы? Что в них говорится? Многотрудные поиски увенчались успехом. В архиве ЦК КПСС удалось обнаружить служебные записки, о которых Кулик упоминает в своем письме Сталину от 18 февраля 1942 года.

Вот одна из них.

«Сов. секретно».
ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СССР
тов. СТАЛИНУ И. В.

Постановлением СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б) №П-32/116 от 14 мая 1941 г. на наркома боеприпасов тов. ГОРЕМЫКИНА возложена обязанность выполнить дополнительный заказ 1941 года на бронебойные выстрелы. Пунктами 48 и 70 постановления особенно подчеркнута персональная ответственность директоров заводов за выполнение этого заказа и секретарей обкомов за контроль и обеспечение помощи директорам заводов.

Истекший месяц работы наркоматов и заводов со всей очевидностью показал, что несмотря на особую важность этого заказа и особенно резкую постановку вопроса о его обеспечении, ни Наркомат боеприпасов, ни директора заводов, ни обкомы партии не обеспечивают указанного постановления, и дело явно клонится к срыву заказа.

57-мм бронебойно-трассирующий снаряд. *Завод № 62 НКБ* (Народного комиссариата боеприпасов. — *Н. З.) — директор завода тов. ЗАВРАЖНОВ, имея задание на май 5000, на июнь — 15000, до 18 июня ничего не сдал; в мае завод не имел металла по вине Главснаба НКБ (начальник ТОЛСТО В), не давшего своевременных указаний по переводу проката на заводе Электросталь на сталь диаметром 65мм. Этот же завод имеет задание на июнь 15000 шт.; металл им получен, но время упущено и нет гарантии, что завод выполнит в июне весь недодел, если не принять решительных мер воздействия.*

Завод № 55 НКБ — директор т. АГАПОВ, имеет задание на июнь 20000 шт. Металл завод получил, но разворот производства запоздал.

Горьковский автозавод Наркомсредмаша — директор т. ЛОСКУТОВ, имеет задание на июнь 20000. До 18 июня завод совсем не получил металла. Наркомат боеприпасов позаботился об обеспечении металлом только своих заводов, а наркомсредмаш, по вине НКБ, не получил никаких фондов. Задание на июнь будет

сорвано.

76-мм бронебойно-трассирующий снаряд. *Завод № 73 НКБ — директор т. КАКУНИН имел на май задание на 21000 снарядов и на июнь 47000. Завод не сдал ни одного снаряда в мае и срывает также задание на июнь. В то же время этот завод обеспечен и металлом и оборудованием, имеет опыт по производству 76-мм бронебойных снарядов с 1939 года и находится в самых благоприятных условиях в производственном отношении по сравнению со всеми другими заводами. Срыв заказа директор завода объясняет неосновательными ссылками на разные объективные причины. Несмотря на мои личные ежедневные требования, тов. КА КУН И Н ограничивается обещаниями и ничего не предпринимает. Самая худшая организация производства на этом заводе, который должен был быть ведущим в производстве бронебойных снарядов, — заставляет считать, что главной причиной срыва заказа является саботаж директора и руководства завода. Горком партии ограничился выговором директору, а обком — предупреждением и никаких мер действительного контроля ц помощи в выполнении заказа не оказывают.*

Дальнейшее пребывание тов. КАКУНИНА на посту директора приведет к окончательному срыву Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б). Завод № 73, не выполняя заказа на корпуса снарядов, — срывает этим самым и всю работу снаряжательного завода № 55 НКБ.

88-мм бронебойно-трассирующий снаряд*. Завод № 70 НКБ — директор БАЗАРОВ, имеет задание на май 5000 и на июнь 15000. Завод впервые изготовляет этот снаряд и за две недели освоил производство, отгрузивши на 18 июня на снаряжательный завод 2000 шт. В то же время график развертывания производства нарушен и на этом заводе из-за нераспорядительности Наркомата боеприпасов, не обеспечившего своевременного решения вопроса об использовании имевшегося на заводе мобфонда металла.*

107-мм бронебойный снаряд к пушкам 1910/30 г. и М-60*. В Постановлении СНК и ЦК ВКП(б) по инициативе Наркомата боеприпасов заказ был поручен заводу № 112 Наркомсудпрома, не имевшему никакого опыта, в то время как раньше этого уже произведена подготовка производства на заводе № 259 НКБ.*

Только по моему настоянию заказ выполняется на заводе № 259 НКБ. Завод обеспечен всем необходимым для выполнения задания на июнь на 5000 корпусов, но с развертыванием производства медлит.

Размещение Наркоматом боеприпасов заказа на неподготовленном заводе затормозило это развертывание.

122-мм бронебойный снаряд к корпусной пушке обр. 1931 г.

Задание имеет на июнь месяц завод ***№ 63*** *НКБ — директор ДЕМИДОВ, на 500 корпусов. Завод располагает всем необходимым, но медленно развертывает производство. Необходимо решительное воздействие.*

Имеющие также задание на эти снаряды, — заводы Харьковский тракторный Наркомсредмаша, директор т. ПАРФЕНОВ, и «Красный Профинтерн» Наркомтяжма-ша, директор т. БЕБЕНИН, готовятся к производству, задания на июнь пока не имеют и совершенно не обеспечены металлом, так как Наркомат боеприпасов не предусмотрел для них фондирования металла.

152-мм морской полубронебойный снаряд к дивизионной гаубице обр. 1938 г. и пушке-гаубице обр. 1937 г. *Задание возложено на завод «Красный Профинтерн» Нарком-тяжмаша. Завод не имеет для этого заказа металла — по той же причине.*

Танки КВ, вооруженные 152-мм гаубицей обр. 1938 года, не обеспечены совсем бронебойными снарядами.

Необходимо предложить подать в июне 5000 снарядов, хотя бы за счет заказа Наркомфлота.

152-мм бронебойный снаряд к пушке БР-2. *Заказ поручен заводу № 72 НКБ — директор тов. СУХИХ. Завод начал выполнение заказа досрочно, но для дальнейшего производства (на июль) металла не имеет.*

Ввиду изложенного, прошу вас, тов. Сталин:

1. Поручить секретарю ЦК ВКП (б) тов. МАЛЕНКОВУ с вызовом народных комиссаров поставщиков, директоров заводов, секретарей обкомов и парторгов ЦК при заводах потребовать от них объяснений причин срыва задания на бронебойные снаряды и принять меры к немедленному обеспечению выполнения Постановления СНК и ВКП(б).

2. Обязать Народного Комиссара Черной Металлургии тов. ТЕВОСЯНЛ и Народного Комиссара Цветной Металлургии т. ЈЈОМА КО обеспечить бесперебойное снабжение заводов всех наркоматов-поставщиков необходимыми материалами.

3. Разрешить заводу «Красный Профинтерн» сдать НКО 5000 штук 152-мм морских полубронебойных снарядов за счет Наркомвоенморфлота.

4. Обязать Народного Комиссара Боеприпасов Союза ССР тов. ГОРЕМЫКИНА обеспечить немедленный разворот валового производства бронебойных снарядов и более оперативное руководство аппарата НКБ заводами.

5. Для ускорения большего получения 107-мм бронебойных снарядов к пушке М-60, обязать Народного Комиссара Судостроительной Промышленности обеспечить валовое производство этих снарядов на заводе № 112 НКСП с июля месяца

с. г. с последующим переходом по отработке чертежа к производству 107-мм бронебойных снарядов к пушке ЗИС-6.

6. За срыв Постановления СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б) от 14 мая с. г. директора завода № 73 НКБ тов. КАКУНИНА отстранить от работы и привлечь к судебной ответственности.

Маршал Советского Союза Г. Кулик

Я прочел и другие архивные документы и понял, что Кулик говорил чистую правду. Он действительно забрасывал докладными записками руководителей страны, включая самого Сталина.

Возможно, по этой причине никто упоминаемых им записок не затребовал. Запущенный маховик страшной машины вращался во всю мощь, безостановочно, он перемалывал огромные массы людей, и потому один-един-ственный человек, пусть даже в маршальском, геройском и депутатском звании, ровно ничего не значил. Не вступился за него никто из старых друзей — полководцы гражданской войны, удрученные своими собственными неудачами на фронтах, отодвинутые на задний план молодыми выдвиженцами, сами пребывали в напряжении и тревоге. Куда тут соваться с ходатайством за такого же брата-неудачника! Самим бы удержаться на плаву…

Я процитировал не всю записку Кулика Сталину от 18 февраля 1942 года. Оборвал ее, как помнит читатель, на том месте, где Григорий Иванович просил вождя отдать приказ детально вскрыть: кто же был виновником торможения вооружения. Во второй части записки есть потрясающие подробности.

«Когда меня судила Коллегия Верховного суда, — выводил неровные от волнения строки Кулик, — мне прокурор т. Бочков задал вопрос: «Почему же Вашу фотографию распространяют немцы у себя в тылу?». Я ему сказал, что я от вас первый раз слышу. Я только знаю по захваченному документу в 7-й танковой дивизии, что они меня разыскивают, думают, что я руковожу партизанами севернее Смоленска».

А далее идет такой текст, что место ему разве что в самом нелюбимом мною раздельчике, который, как вы, наверное, заметили, отличается от других небольшим размером и редкой повторяемостью. Уж больно противно к нему обращаться. И тем не менее он должен присутствовать — исторической истины ради.

Узелок 2
БЕЙ СВОИХ, ЧТОБ ЧУЖИЕ БОЯЛИСЬ!

(Продолжение)

Вот она, концовка записки Кулика Сталину от 18 февраля 1942 года:

«Т. Сталин!

Со второй половины 37 года я имею клеймо вредителя после показания Ефимова, Бондаря, Ванникова и других. Я точно знаю, что выпущенные командиры с тюрьмы (так в тексте. — Я. *З.)* принуждались органами НКВД дать на меня показания, что я вредитель. Я знаю, что меня даже хотели сделать немцем, что я не Кулик, а немец, окончил немецкую военную школу и заслан в СССР как шпион. Я чувствовал, что когда меня снимали с ГАУ (Главное артиллерийское управление. — Я. *З.)* тоже по политическим соображениям. Я знаю, что когда я был в окружении, распространили слухи, что я сдался немцам, и, наконец, мне говорят и сейчас, что я в связи с немцами.

Я еще со своих молодых лет вступил в подполье в ряды большевистской партии. Честно, как настоящий большевик, боролся за установление в нашем Советском Союзе Советской власти и социалистического строя. Был всегда на боевом посту, куда меня посылала партия, прослужил честно партии 24 года, ни в каких оппозициях против партии я не состоял.

Прошу вас, т. Сталин, назначить специальную комиссию ЦК ВКП и расследовать все обвинения против меня. Если я вредитель и веду какую подпольную работу, то меня нужно немедленно расстрелять. Если же нет, то строго наказать клеветников, вскрыть, кто они и чего они хотят. Пусть они знают, что никакая травля на меня не повлияет, я был, есть и умру большевиком».

Из книги Г. К. Жукова «Воспоминания и размышления». Сцена первой встречи победителя на Халхин-Голе со Сталиным в Кремле. Жуков дает оценку различным родам войск, принимавшим участие в боевых действиях. Отмечается, что наша, артиллерия во всех отношениях превосходила японскую, особенно в стрельбе.

— Как помогали вам Кулик, Павлов и Воронов? — спрашивает Сталин.

— Воронов хорошо помог в планировании артиллерийского огня и в организации подвоза боеприпасов. Что касается Кулика, я не могу отметить какую-либо полезную работу с его стороны. Павлов помог нашим танкистам, поделившись с ними опытом, полученным в Испании.

Вы хмыкнули, читатель?

Узелок 7
ВВЕРХ ПО ЛЕСТНИЦЕ, ПРИВЕДШЕЙ ВНИЗ

Все крупнейшие библиотеки в Москве, включая уникальное книгохранилище бывшего Центрального Дома Советской Армии, на мои письменные и устные запросы давали одинаково неутешительные ответы: литературы о маршале Кулике не существует, за исключением нескольких публикаций в «Военно-историческом журнале» в конце шестидесятых годов. Не оправдались мои надежды и на фонды спецхранов. Ни одной брошюрки, ни одного сборника, где бы упоминался Кулик, обнаружить не удалось.

Но этого не может быть, восклицал я библиотечным дамам. Кулик имел маршальское звание, полученное в 1940 году одновременно с Тимошенко и Шапошниковым, участвовал в гражданской войне, сражался вместе с Ворошиловым и Буденным. О первых красных маршалах выходили книги, брошюры, сборники воспоминаний. Куда они девались?

Дамы в ответ лишь пожимали плечами. Некоторые из них впервые слышали эту фамилию.

Помог один давний знакомый, служивший в начале пятидесятых годов в Главпуре:

— Когда Кулика арестовали, из библиотек была изъята вся литература, где упоминалось его имя. Военные — люди дисциплинированные и в точности исполнили поступивший приказ об уничтожении таких книг. Искать их бесполезно, ничего не сохранилось. Но они — были, это я точно помню. Особенно об участии Кулика в гражданской войне.

Из современной литературы, появившейся в перестроечное время, единственным печатным источником о начале военной карьеры Кулика является уже упоминавшаяся в этой публикации книга Владимира Успенского «Тайный советник вождя». Я прочел ее залпом, в один присест. Ну, конечно, головокружительное восхождение Кулика к захватывающим дух высотам освящено покровительством отца народов. Иначе и быть не могло: все первые красные маршалы были сталинскими, вождь выдвигал только тех, кому доверял, в чьей преданности не сомневался. Почти все они были, говоря фигурально, родом из Царицына, где уполномоченный ЦК Сталин показал твердую руку и железную волю.

Чем привлек внимание Сталина мало кому тогда известный Кулик? Оказывается, именно он сыграл под Царицыном выдающуюся роль, фактически спас Сталина от разгрома,

благодаря чему за представителем Ленина прочно укрепилась молва как о сильной и талантливой в военном смысле личности. Правда, Успенский глазами своего персонажа подполковника Лукашова, от имени которого ведутся записки, несколько принижает роль Кулика в обороне Царицына, представляя его простым, хотя и довольно способным исполнителем. Идею операции по разгрому белых под Царицыном Лукашов приписывает себе, правда, с оговоркой — вспомнил аналогичную операцию царского генерала Брусилова. Но ведь мы-то догадываемся: фигура тайного советника — явно литературный прием.

Боюсь, что мы никогда не узнаем, кто же в действительности был автором той идеи. При жизни Сталина биографы дружно приписывали план ему, а после смерти столь же дружно заговорили об отсутствии у него, сугубо штатского человека, военных знаний — особенно в пору гражданской войны. Кому пришла в голову блистательная идея? Ворошилову? Безвестному военспецу? Кулику?

Остановимся на версии Успенского.

Итак, 16 октября 1919 года. Под Царицыном — кризис. Белогвардейский генерал Денисов пробил брешь в обороне красных, расширил ее и ввел новые силы для развития успеха. Войска противника хлынули в образовавшуюся прореху, почти не встречая сопротивления — у командующего армией Ворошилова резервов нет и заткнуть дыру нечем.

К вечеру обстановка настолько ухудшилась, что настроение собравшихся в салоне поезда Сталина было близко к похоронному. Не исключалась возможность и оставления города, о чем свидетельствовали спешные приготовления. Пыхтел под парами паровоз, готовый в любую минуту двинуть с места поезд представителя ЦК. Вокзал оцепили стрелки с пулеметами — на случай, если противник вдруг прорвется сюда. За вокзалом расположился отборный эскадрон с запасными лошадьми, с легкими тарантасами — это на случай, если путь поезду будет отрезан и придется уходить фунтовыми дорогами. Предусмотрен был даже пароход, ожидавший на реке возле специального причала.

Внешне Сталин держался спокойно. А вот Ворошилов был близок к срыву. Военные неудачи совсем подкосили его. Безнадежно, отсутствующим взглядом смотрел он на карту. Собравшиеся понимали, что спасти положение может только чудо.

Возле Ворошилова неотступно, как привидение, держался начальник артиллерии армии Кулик. Облик его запоминающийся:

чернявый, похожий на цыгана, особенно когда оброс черной окладистой бородой. Лукашов сообщает, что он мало знал Кулика и не интересовался им, составив мнение после первого же разговора.

Мнение не в пользу Кулика: уровень не превышает фельдфебельский, в лучшем случае прапорщика военного времени. Он, считает сталинский тайный советник, вероятно, мог командовать артиллерийской батареей. При хорошем начальнике штаба справился бы кое-как и с дивизионом. Но командующий артиллерией армии? Он даже не знал, что это такое, каковы его функции. Есть пушки, есть цель: заряжай да пали — вот и вся стратегия Кулика. А поднялся он на свою высокую должность благодаря преданности Клименту Ефремовичу: Кулик не стеснялся подчеркивать это. И еще потому, что среди знакомых слыл храбрецом, не кланявшимся пулям.

Прервем на этом месте записи Лукашова и зададим себе вопрос: разве это характеристика только одного Кулика? Приведенные выше слова можно с полным правом отнести и к самому Ворошилову — луганскому слесарю с четырехклассным образованием, и к безграмотному крестьянину Буденному. Прапорщик Крыленко, фельдшер Фрунзе, рядовой солдат Блюхер, рядовые казаки Думенко и Миронов… Хватит или еще продолжать?

Однако вернемся к прерванным записям Лукашова. Глядя на аспидно-черную бороду Кулика, тайный советник Сталина думал о том, что Денисов и его офицеры полностью уверены в своем подавляющем превосходстве, в полном успехе, в быстрой победе. В этом сила Денисрва, но в этом же и его слабость. Он даже разведки не ведет. Он знает, что у Ворошилова со Сталиным никаких резервов нет. Значит, никаких неожиданностей со стороны красных он не ждет. Его войска движутся в колоннах, выслав лишь ближние дозоры. И этой самоуверенностью можно воспользоваться.

Поделившись соображениями, которые только что у него возникли, Лукашов увидел обращенные на него взгляды, полные надежд.

— Каким образом вы хотите воспользоваться самоуверенностью Денисова? — спросил Сталин.

— Одну минуту, Иосиф Виссарионович… Сколько у вас артиллерийских стволов? — повернулся Лукашов к Кулику.

У того аж борода дернулась от неожиданности. Наморщив лоб, он переспросил:

— Всего?

— Да, здесь, под Царицыном.

— Стволов двести наберется.

— Снаряды?

— Кое-где по сто на орудие.

— Так вот, — теперь Лукашов говорил, обращаясь к Сталину, — в нашем распоряжении вся нынешняя ночь. Это немало! Если начать прямо сейчас, к рассвету мы сумеем собрать все орудия возле Садовой. До последней пушчонки. Нет сомнений, что Денисов утром всеми силами обрушится на нас именно под Садовой, где ему сопутствует удача, чтобы проложить прямой путь к Царицыну. И вдруг по плотным боевым порядкам его частей — сосредоточенный огонь двухсот орудий. Десять, пятнадцать тысяч снарядов! Представляете, что будет?

— Сразу двести орудий? — усомнился Ворошилов. — Такого и на германской наверняка не бывало!

— Мы оголим весь остальной фронт, — полувопросительно произнес Сталин.

— Надо рискнуть. Если мы и отступим на других участках, это — не поражение, не разгром. Судьба Царицына решается под Садовой, генерал Денисов собрал там свои силы в крепкий кулак.

Чтобы развеять сомнения, Лукашов рассказал о такой же операции, проведенной Брусиловым. В шестнадцатом году его фронт не имел перевеса над противником ни в живой силе, ни в артиллерии. Но Брусилов решил наступать. Он пошел на обдуманный риск, он снял незаметно для немцев со всех участков артиллерию крупных и средних калибров, сосредоточил ее в районе главного удара и тем самым пробил, проломил оборонительные линии германцев, казавшиеся нерушимыми и непреодолимыми. Так начался Брусиловский прорыв, ставший примером…

— Успеем ли мы? — размышляя вслух, произнес

Сталин. — Товарищ Ворошилов, товарищ Кулик, сколько потребуется времени, чтобы доставить орудия с самых дальних участков?

Кулик колебался, медлил с ответом, зато Ворошилов уже загорелся, почувствовав возможность сделать нечто конкретное, рискованное, почти невыполнимое, но все же возможное. Вдохновлять, распоряжаться, вести за собой — это его стихия.

— Если прямо сейчас, успеем, товарищ Сталин! Пошлю самых надежных людей, подстегнем! Кулик, показывай, где батареи!

К рассвету все было готово. По тогдашним меркам сосредоточить двести орудий на узком участке казалось событием невероятным. Ничего подобного еще не было в гражданской войне. Конечно, больше всех отличился Кулик — пускай только способностью энергично выполнять приказы, надежностью и

расторопностью, хорошими организаторскими данными. Согласитесь, и этого немало, и это свойственно далеко не каждому командиру.

То, что произошло назавтра с белыми, можно назвать их форменным избиением. Части генерала Денисова наступали походными колоннами и лишь под огнем охранения начали неохотно разворачиваться в боевые порядки. Неприятельская пехота заполнила все видимое пространство. Сзади, в балках, скапливались казачьи полки, готовые хлынуть в прорыв, гнать красных, с ходу ворваться в Царицын.

И вот на головы этих уверенных в успехе людей, в эти плотные массы точными, прицельными залпами совершенно неожиданно ударили две сотни орудий. Страшный грохот сотрясал всю округу. Ошеломленные, оглушенные, перепуганные белогвардейцы в панике бросились назад, кидая винтовки. Артиллерия Кулика крушила бегущих до тех пор, пока остатки пехоты и конницы не скрылись за холмами.

Так начался перелом под Царицыном, надолго остудивший наступательный пыл белых. И пусть не Кулик задумал план красных, но план противника сорвал точно он. Организовать удар невиданной мощи за одну ночь не каждому под силу. Расторопный артиллерист запомнился Сталину. Это событие стало звездным часом в военной судьбе Кулика, с него начался отсчет его головокружительной карьеры, первой ступенькой лестницы; взбираясь по ней вверх, он, наивный, не подозревал, что она приведет его вниз.

Да, наверное, Кулик не блистал военными талантами. Скорее всего, не ему первому пришла умная мысль о концентрации в одном месте всей имеющейся в армии артиллерии. А разве именно Буденного осенила гениальная идея о создании конной армии? Историки склонны считать, что первым о формировании крупных кавалерийских соединений заговорил будущий маршал Егоров. И тем не менее в массовом сознании имя Буденного неотрывно от Первой Конной. И никто не ставил в вину Семену Михайловичу, что не он изобретатель этого замысла. А вот Кулика почему-то упрекают — не у него, мол, родился замысел массированного артиллерийского удара под Царицыном.

Буденный, Ворошилов, Кулик — деятели примерно одинакового уровня способностей. Но первым двоим повезло больше. Хотя оба — и Ворошилов, и Буденный — пережили немало горьких дней, хлебнули позора.

Мало кому известно о постановлении Политбюро ЦК ВКП(б), продиктованном лично Сталиным 1 апреля 1942 года, в котором Ворошилов предстает полностью несостоятельным военным

руководителем. Развенчанию «первого маршала» предшествовали следующие события. В феврале 1942 года, когда Кулик, уже лишенный маршальского звания, отчаянно бомбардировал письмами и записками своего высокого покровителя, Ворошилову было не до заступничества за попавшего в немилость дружка. Судьба самого Климента Ефремовича висела на волоске.

Сталин послал его, как раз в феврале, на Волховский фронт в качестве представителя Ставки. Но Ворошилов, за которым закрепилась слава слабого военачальника, не смог ничего изменить и на этот раз. Сталин вызвал его к прямому проводу и предложил стать командующим Волховским фронтом. Ворошилов, то ли растерявшись, то ли испугавшись, стал отказываться. Это переполнило чашу терпения Верховного. Убедившись в полной несостоятельности «первого маршала», Сталин продиктовал документ, который был оформлен как решение Политбюро.

Привожу его полностью:

Членам и кандидатам в члены ЦК ВКП(б) и членам комиссии партийного контроля. Сообщается следующее постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о работе товарища Ворошилова, принятое I апреля 1942 года.

Строго секретно

1. Война с Финляндией в 1939—40 гг. вскрыла большое неблагополучие и отсталость в руководстве НКО. В ходе этой войны выяснилась неподготовленность НКО к обеспечению успешного развития военных операций. В Красной Армии отсутствовали минометы и автоматы, не было правильного учета самолетов и танков, не оказалось нужной зимней одежды для войск, войска не имели продовольственных концентратов. Вскрылась большая запущенность в работе таких важных управлений НКО, как Главное Артиллерийское Управление, Управление Боевой Подготовки, Управление ВВС, низкий уровень организации дела в военных учебных заведениях и др.

Все это отразилось на затяжке войны и привело к излишним жертвам. Тов. Ворошилов, будучи в то время Народным комиссаром обороны, вынужден был признать на Пленуме ЦК ВКП(б) в конце марта 1940 года обнаружившуюся несостоятельность своего руководства НКО.

Учтя положение дел в НКО и видя, что т. Ворошилову трудно охватить такое большое дело, как НКО, ЦК ВКП(б) счел необходимым освободить т. Ворошилова от поста Наркома обороны.

2. В начале войны с Германией тов. Ворошилов был назначен

Главнокомандующим Северо-Западного направления, имеющего своею главною задачей защиту Ленинграда. Как выяснилось потом, тов. Ворошилов не справился с порученным делом и не сумел организовать оборону Ленинграда. В своей работе в Ленинграде т. Ворошилов допустил серьезные ошибки: издал приказ о выборности батальонных командиров в частях народного ополчения, — этот приказ был отменен по указанию Ставки, как ведущий к дезорганизации и ослаблению дисциплины в Красной Армии; организовал Военный Совет обороны Ленинграда, но сам не вошел в его состав — этот приказ также был отменен Ставкой как неправильный и вредный, так как рабочие Ленинграда могли понять, что т. Ворошилов не вошел в Совет Обороны потому, что не верит в оборону Ленинграда; увлекся созданием рабочих батальонов со слабым вооруж: ением (ружьями, пиками, кинжалами и т. д.), но упустил организацию артиллерийской обороны Ленинграда, к чему имелись особенно благоприятные возможности и т. д.

Ввиду всего этого Государственный Комитет Обороны отозвал т. Ворошилова из Ленинграда и дал ему работу по новым воинским формированиям в тылу.

3. Ввиду просьбы т. Ворошилова, он был командирован в феврале месяце на Волховский фронт в качестве представителя Ставки для помощи командованию фронта и пробыл там около месяца. Однако, пребывание т. Ворошилова на Волховском фронте не дало желаемых результатов.

Желая еще раз дать возможность т. Ворошилову использовать свой опыт на фронтовой работе, ЦК ВКП(б) предложил т. Ворошшюву взять на себя непосредственное командование Волховским фронтом. Но тов/ Ворошилов отнесся к этому предложению отрицательно и не захотел взять на себя ответственность за Волховский фронт, несмотря на то, что этот фронт имеет сейчас решающее значение для обороны Ленинграда, сославшись на то, что Волховский фронт является трудным фронтом и он не хочет проваливаться на этом деле.

Ввиду всего изложенного ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Признать, что т. Ворошилов не оправдал себя на порученной ему работе на фронте.

2. Направить т. Ворошилова на тыловую военную работу.

Секретарь ЦК ВКП(б) И. Сталин

На этом военная карьера «первого маршала» закончилась. В новых военных условиях он оказался неспособным на современные полководческие действия. Песня фронтового поколения «… Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин и первый

маршал в бой нас поведет» сама по себе умолкла.

Правда, в отличие от Кулика, Ворошилова не разжаловали. Старому кремлевскому лису повезет: после смерти Сталина он займет пост главы государства. Ворошилов был гибче, изворотливее Кулика, порядком поднаторел Климент Ефремович и в непростом искусстве плести дворцовые интриги, что помогало ему мастерски выкручиваться из довольно-таки пикантных ситуаций в хрущевскую эпоху. Взять хотя бы антибериевский заговор. Первая фраза, которую услышал Микоян, когда пришел к Ворошилову прощупывать его позицию в отношении Берии, потрясла даже хитроумного Анастаса Ивановича: «Ах, какой замечательный человек у нас Лаврентий Павлович!». А вдруг Микоян пришел к нему с провокационной целью?

Кулик такими уникальными способностями не обладал. Что думал, то и говорил. Рубил сплеча. И стал старый пушкарь жертвой своей же собственной неосмотрительности. Не подозревал, что близкие люди способны донести о его дерзких высказываниях.

Не оказался на высоте положения в годы Отечественной войны и другой приятель Кулика — маршал

Буденный. Сталин смещал Семена Михайловича неоднократно. Когда в результате неумелых действий советского командования немецкая группа армий «Центр» в начале октября 1941 года сумела, прорвав оборону, окружить значительную часть войск Западного (командующий генерал Конев) и Резервного (командующий маршал Буденный) фронтов, Сталин послал Жукова выправлять катастрофическое положение. Показав на карте, как вспоминает Жуков, Сталин с горечью бросил:

— Смотрите, что Конев нам преподнес. Немцы через три-четыре дня могут подойти к Москве. Хуже всего, что ни Конев, ни Буденный не знают, где их войска и что делает противник.

Бездарно руководил Буденный и Керченской операцией в мае 1942 года, будучи главкомом войсками Северо-Кавказского направления. Крымский фронт потерпел крупное, катастрофическое по масштабам поражение. Обладая значительным превосходством в силах, потерял более 175 тысяч убитыми, огромное количество танков и самолетов. Читая донесение, Сталин с гневом произнес: «Недоноски! Так провалить успешную операцию!».

Не помогли в этой войне Буденному и его старые легенды, привязанность к коннице. В «красном всаднике» крепко гнездилось анахроническое мышление. Понимая, что успеха на оперативно-стратегическом просторе ему уже не добиться, он обратил свой взор к любимой кавалерии. Сталин вроде поверил в

большие возможности легких кавалерийских дивизий, которые, по заверениям Буденного, смогут парализовать тылы немецких войск. Шапошников, правда, засомневался: кавалерия без авиационного прикрытия бессильна, стало быть, потребуются дополнительные самолеты. К тому же кавдивизии громоздки. Но Сталин сказал Шапошникову: пуская старый рубака играет во что угодно, лишь бы не лез в серьезные дела, которые непременно. завалит. И приказом Ставки в январе 1943 года Буденного назначили командующим кавалерией Красной Армии.

Мудрый Шапошников как в воду глядел. Легкие кавалерийские дивизии трехтысячного состава, создаваемые по настоянию Буденного, а их было сформировано ни много ни мало около 100, предпринимали попытки рейдов по тылам фашистских войск. Некоторым кавдивизиям сопутствовала удача. Однако былинные времена, родившие легенды о красных конниках, прошли. Эта война была войной моторов, и кавалерия оказалась способной выполнять лишь второстепенные, вспомогательные задачи. Но Буденный упрямо гнул свою линию — даже после того, как «летучие кавдивизии», не имевшие надежных средств ПВО и не обладавшие достаточной ударной мощью, понесли громадные потери. Он всячески сопротивлялся сокращению кавалерийских соединений. К концу войны их оставалось 26. Было в них что-то от петровских потешных полков — в угоду одному человеку, которого не хотели обидеть, оставив без любимых игрушек.

Итак, три маршала, выдвинутые и взращенные Сталиным, оказались неспособными руководить войсками, не выиграли ни одного сражения. Почему же он тогда сделал на них ставку, приблизив к себе?

Советская история до сих пор полна загадок и тайн. Менее всего исследована та неизвестная, тщательно замалчиваемая сторона взаимоотношений главных действующих лиц, которой определялись привязанности, симпатии и антипатии, сыгравшие немалую роль в расстановке политических сил. О зародившейся на гражданской войне неприязни между Сталиным и Троцким, постепенно переросшей в открытую вражду, сказано много. Но пишут об этом в основном с точки зрения общеполитической борьбы, совершенно не касаясь ее наиболее важной, решающей части — борьбы за армию. Ибо даже самый талантливый политик, не пользующийся поддержкой-военной среды, обречен на поражение.

Троцкий, несомненно, находился в более преимущественном положении по сравнению со Сталиным.

Сама должность — наркомвоенмор и председатель

Реввоенсовета республики — наделяла Льва Давидовича огромной, почти неограниченной властью. Под его началом была вся армия, он назначал и смещал командиров, сотни тысяч одетых в военную форму людей готовы были выполнить любой его приказ.

Сталин же был всего-навсего наркомом по делам национальностей, аппарат которого состоял из дюжины людей. Реальной власти у него не было. Даже в качестве представителя ЦК и лично Ленина Сталин обладал властью, ограниченной рамками определенных фронтов и тем коротким отрезком времени, в течение которого действовали его особые полномочия. Укрепиться, пустить глубоко корни, собрать вокруг себя многослойный круг преданных людей практически было некогда.

Но он понимал: без опоры на верных лично ему военных ни о какой собственной политической игре не может быть и речи. Троцкий силен, потому что у него — армия, его ставленники на всех ключевых командных постах. И Сталин начал внимательно присматриваться к авторитетным солдатским вожакам из тех, кто попроще, кто из рабочей и крестьянской массы, кого не приближают к себе многочисленные сторонники Троцкого. Надо сказать, что расчет был правильным. Революция выдвинула немало самородков, большинство из них, разумеется, не блистало ученостью и благородством манер. Но ведь и крестьяне чувствовать умеют! Многие вчерашние унтеры и фельдфебели, получив под свое начало полки и бригады, а то и дивизии, затаили обиду на образованных ставленников Троцкого, которые не принимали их в свой круг, держались надменно-снисходительно.

В одной из книг прочел: Первая Конная, мол, была кузницей кадров для всей Советской Армии. В числе ветеранов буденовской кавалерии — не только генералы, но и маршалы. Богданов и Лелюшенко, Стученко и Рябышев, Черевиченко и Москаленко, Рыбалко и Тимошенко, Гречко. Двое последних были министрами обороны СССР. Давно нет Первой Конной, а ее всадники стояли у руля Советских Вооруженных Сил до середины семидесятых годов.

Ну, а если бы Ленин не послал Сталина в Царицын? Скажем, направил бы в Сибирь, на разгром Колчака? Или на другой фронт? Неужели не было бы Ворошилова, Буденного, Кулика, перечисленных выше, и еще многих не названных здесь генералов и маршалов? Неужели роль «первого маршала» играл бы другой человек, вместо ворошиловских были бы, предположим, «кутяковские» или «лапинские» стрелки? Вы уже задумались, читатель? Думайте, дорогой, думайте…

Но Ленин послал Сталина именно в Царицын, к Ворошилову, у которого начальником артиллерии был Кулик. В тех краях подвизался и Буденный — сначала командир партизанского отряда, затем — эскадрона, помощник командира полка, комбриг, командир корпуса и, наконец, командующий армией. За этим головокружительным продвижением стоял Сталин, активно продвигавший по военным инстанциям идею создания мощного кавалерийского объединения. Но обязательно под руководством Ворошилова и Буденного, которые относились к Троцкому и его людям точно так же', как и сам Сталин.

Иосиф Виссарионович смотрел сквозь пальцы на шалости Семена Михайловича. Некрасивые истории с Думенко и Мироновым общеизвестны. А вот о тревожной телеграмме Ленина Тухачевскому: «Крайне обеспо-,коен состоянием наших войск на Кавказском фронте, полным разложением у Буденного», — долгое время по понятным причинам умалчивали. Буденный не выполнил приказа Тухачевского, которого люто ненавидел (лейб-гвардеец, дворянчик, на скрипке пиликает!), не двинул свою конницу в направлении, указанном юным комфронта, в результате чего возле станицы Мечетинской погибли две наши стрелковые дивизии. Одной командовал Гай, второй — Владимир Азин. Азина белые взяли в плен и казнили.

Сталин не дал в обиду своего выдвиженца, отстоял у Ленина. Понимал: Первая Конная — крепкий орешек, он не по зубам не только белым, но и Троцкому. Наконец-то появилась и у Сталина надежная военная сила — на всякий случай. Неужели стоит лишаться ее поддержки, «сдавать» преданного ему командующего? С кем же он останется? За спиной Троцкого — полтора десятка армий, многие десятки дивизий. К тому времени и Лев Давидович начал, кажется, догадываться, что главный его противник — Сталин. В усиливающейся борьбе кто-то должен взять верх, ужиться они уже не могли.

Сталин искал опору в военной среде. Чтобы еще больше укрепить позиции Буденного, на совместном заседании реввоенсоветов Южного фронта и Первой Конной Семена Михайловича приняли в партию. Заметьте, не в партячейке, как полагалось по уставу. И не кандидатом, а сразу членом партии. «Лично рекомендую», — первым сказал Сталин. Его поддержали Ворошилов и Пархоменко. За ними проголосовали остальные члены обоих реввоенсоветов.

Стаж Буденному установили с марта 1919 года, то есть задним числом. Именно тогда он подал заявление о желании вступить в ряды РКП(б), но политотдел десятой армии на его просьбу никак не отреагировал. Может, потому, что начались бои,

марши, переброски, а вскоре корпус Буденного вышел из подчинения армии.

Поздравив Буденного со вступлением в РКП(б), Сталин удовлетворенно подумал: пусть теперь Троцкий попробует снять командующего Конармией. Много ли в Красной Армии на таких должностях выходцев из самых низов, да еще с партийным билетом в кармане? Через несколько месяцев Сталин передаст Буденному по прямому провод: «Об одном прошу: берегите Конную армию,' это неоценимое золото Республики. Пусть временно пропадают те или иные города, лишь бы сохранилась Конная армия».

Несколько раз спасал Сталин і-Г другого своего приближенного — Ворошилова. После того как белые все-таки захватили Царицын, Ворошилов с Куликом ушли на Украину. Там они сформировали новую, 14-ю армию. Но успеха не добились, были разбиты. Тут уж мстительный Троцкий не упустил возможность расквитаться с ближайшим сподвижником Сталина. Они и раньше схватывались в словесных перепалках, невзлюбив друг друга с первой встречи. Не жаловал Ворошилов и Тухачевского, а также всех офицеров. В этом плане Ворошилов был даже жестче Буденного.

Лев Давидович приказал передать дело Ворошилова, потерявшего армию и сдавшего белым Украину, в трибунал. Началось следствие. Ждавшего решения своей судьбы командарма Сталин умыкнул из Москвы, подальше от Троцкого, в свою вотчину — на Южный фронт. Куда девать беглеца, чтобы не прознал всевидящий наркомвоенмор?

— Пускай временно возглавит дивизию, — решил Сталин. — Ничего, что армиями командовал и даже членом правительства Украины был. Скоро мы его членом реввоенсовета Первой Конной армии сделаем.

И сделал. Как и наркомом обороны. Впрочем, о деятельности Ворошилова на этом посту я уже рассказывал.

Своих людей Сталин в обиду не давал. Когда Троцкий снял Кулика с должности начальника артиллерии 14-й армии (вместе с командармом Ворошиловым), Сталин, находившийся в это время на Южном фронте, принял самое деятельное участие в судьбе своего выдвиженца и настоял, чтобы его восстановили в прежней должности.

Надо ли говорить, что люди, примкнувшие к Сталину в период противоборства с Троцким, признав безусловное лидерство этого спокойного, с неизменной трубкой в руках человека, становились благодарными ему на всю жизнь? Только на них он мог рассчитывать в смутное время, когда в период

болезни и смерти Ленина резко обострилась борьба за власть. Тогда Сталин фактически был единственным политиком, имевшим реальную, преданную ему вооруженную силу, каковой являлась Первая Конная. И хотя она дислоцировалась на Северном Кавказе, ниточки оттуда тянулись в Москву: к начальнику инспекции кавалерии РККА Буденному, командующему Московским военным округом Ворошилову, помощнику начальника артиллерии РККА Кулику, который до этого командовал артиллерией у Буденного. Все трое, сдавшие свои прежние должности надежным людям, были переведены в Москву по ходатайству влиятельного покровителя, сделавшегося к тому времени генсеком. Частенько собирались вместе, обменивались информацией.

А она была тревожной. Троцкий быстро и беспощадно сокращал армию, демобилизовывал даже опытных, заслуженных командиров. Нет сомнений, что он замахнется и на Первую Конную. Она ведь бездельничает на Северном Кавказе, зря зерно переводит. Какой смысл держать в одном месте такую мощную войсковую единицу?

Умный стратег, Сталин отлично понимал, в чем подлинный смысл военной реформы, затеянной Троцким. Это только наивные, не искушенные в политике люди могут искренне удивляться, отчего вдруг Лев Давидович решил рубить сук, на котором сидит сам? Сокращая армию, Троцкий преследовал далеко идущие цели. Ему необходимо было прежде всего избавиться от людей, поддерживающих Фрунзе, Сталина, Ворошилова. После чего он вновь сформировал бы полки и дивизии, поставив в руководство только своих сторонников.

Было ясно, что сохранить Конную армию как полноценное объединение не удастся. Остается одно: попытаться сберечь хотя бы ее дивизии или отдельные полки.

Поступили таким образом: одну дивизию перебросили в район Минска, в Слуцк. Повод удобный — для укрепления западной границы, которая тогда находилась в нескольких десятках километров от белорусской столицы. Другую дивизию передислоцировали в район Воронежа. Объяснение тоже вполне приемлемое — там довольно часто вспыхивают кулацкие восстания. И Минск, и Воронеж очень удобны еще и потому, что связаны с Москвой железной дорогой: в случае чего обе дивизии можно перебросить в столицу менее чем за сутки.

Третью кавдивизию, самую сильную и надежную, вызвался разместить в своем округе Ворошилов. Она попала в его непосредственное подчинение — лучшего и желать трудно было. Свою просьбу Климент Ефремович обосновал вполне логично: в

Московском округе девять дивизий, и все они слабые, территориальные, пусть будет хоть одно боеспособное соединение — столичный округ ведь! А чтобы хитроумный Троцкий не разгадал замысел, изменили номер этой дивизии:*из 14-й она стала 10-й.

Сталин повеселел: надежные кавалерийские части, многократно проверенные в боях, стали еще ближе, чем были раньше.

Кроме генсека только трое — Ворошилов, Буденный и Кулик — знали, что представляли собой безобидные на первый взгляд отдельные кавалерийские эскадроны, расположенные в узловых пунктах на пути к Москве. Официальное их предназначение — несение гарнизонной службы. Так оно, собственно, и было. Но в случае необходимости эскадрон мог за сутки превратиться в кавалерийский полк — сокращенные буденовцы жили в соседних селах, там же паслись их кони, а оружие, рассчитанное на полк, полностью хранилось в эскадронах.

К счастью, необходимости в развертывании этих замаскированных эскадронов в полки и бригады не было — Троцкого удалось свалить без кровопролития.

Подозревали ли маршалы о той роли, которую отводил им генсек, рассматривая в качестве средства достижения своей цели? Или они действительно верили в свою исключительность и полководческие таланты?

Думаю, что ответ на второй вопрос — скорее положительный. Особенно это касается Кулика.

На него навешано столько собак, что, боюсь, эта публикация вызовет чувство раздражения у читателей. Но какая же вина может быть у человека, если он не способен заниматься тем, что ему поручено? Разве только та, что не осознал своей неспособности, принял на себя громадную ответственность, которая оказалась, увы, не по плечу.

Узелок 8
ХОРОШО ЛИ БЫТЬ ГЕНЕРАЛОМ, ЕСЛИ ВЧЕРА БЫЛ МАРШАЛОМ

16 февраля 1942 года решением Специального присутствия Верховного суда СССР Григорий Иванович Кулик был лишен звания Маршала Советского Союза, Героя Советского Союза и всех боевых наград. Судили его трое, одним из судей был Е. А. Щаденко, дружок, приятель по Первой Конной. Заместитель наркома обороны в одночасье стал рядовым.

Как относиться к этому факту? Как к еще одному

подтверждению молвы о жестокости, бесчеловечности Сталина и его режима? Или, наоборот, как к свидетельству справедливости — ни для кого нет исключений, все для него равны?

В истории Великой Отечественной войны имел место случай, когда генерал-майор Н. А. Москвин приказом Сталина был разжалован в рядовые и отправлен на фронт. Но это однозвездный, «неполный» генерал, которых в Красной Армии тогда было более тысячи. А тут Маршал Советского Союза! Их в ту пору в стране было всего пятеро.

Уникальный, единственный в своем роде случай: из маршалов — в рядовые! Крупного военачальника, можно сказать полководца — в солдаты!

За годы существования Советского Союза 41 человек удостоился звания маршала этой великой державы. Имеются в виду «полные» маршалы. Маршалы родов войск не в счет. Так вот, подобный случай произошел только с одним из них — Булганиным, которого разгневанный Хрущев в 1958 году снизил в воинском звании до генерал-полковника. Но не в рядовые же разжаловал!

В повторении той бесспорной истины, что Сталин был крут, особенно в труднейшие годы войны, нового ничего нет. Но эта истина до сих пор слабо спроецирована на ту малодоступную большинству фронтового поколения среду, которой являлось высшее военное руководство страны. Обнаруженные совсем недавно в архивах неизвестные материалы по-новому высвечивают тему Сталина и его полководцев.

23 февраля 1943 года в соответствии с приказом Ставки в наступление перешла 16-я армия Западного фронта. Однако движение захлебнулось: оборона противника была очень крепкой. Армия четыре дня топталась на месте. Услышав об этом из очередного доклада Генштаба, Сталин, ни с кем не советуясь и ничего не уточняя, продиктовал приказ Ставки № 0045: «Освободить от должности командующего войсками Западного фронта генерал-полковника Конева И. С. как неспра-вившегося с задачами по руководству фронтом, направив его в распоряжение Ставки…».

За войну Конева смещали с командования шестью фронтами. Один раз его пытались даже отдать под трибунал. Десять раз снимали с поста командующего фронтами Еременко. Почти столько же раз освобождали от высоких постов генерал-лейтенанта Хозина. Формулировки были устрашающие: «за безынициативность и бездеятельность». А ведь Хозина привез в Ленинград Жуков и, уехав в Москву по вызову Сталина, оставил Хозина за себя — командующим фронтом. Заместители Хозина —

Запорожец и Мельников — пожаловались Жданову, что командующий ведет себя недостойно. «Запорожец обвинил меня в бытовом разложении, — читаю в объяснительной записке генерал-лейтенанта Хозина на имя Жданова. — Да, два-три раза у меня были на квартире телеграфистки, смотрели кино… Меня обвиняют в том, что я много расходую водки. Я не говорю, что я не пьющий. Выпиваю перед обедом и ужином иногда две, иногда три рюмки… С Запорожцем после всех этих кляуз работать не могу…»

Но всем троим — Коневу, Еременко, Хозину — Сталин давал шансы проявить себя. Первые двое, как известно, стали Маршалами Советского Союза. Хозина Сталин произвел в генерал-полковники, поручал ему возглавлять Крупные войсковые формирования. Правда, Хозин доверия не оправдал. Уже будучи генерал-полковником и заместителем командующего Западным фронтом, он был снят приказом Сталина «за бездеятельность и несерьезное отношение к делу».

Как бы коря себя за допущенный либерализм, ожесточался: «Командующему Кавфронтом т. Козлову… Немедленно арестовать исполняющего обязанности командующего 44-й армией генерал-майора Дашичева и направить его в Москву. Сейчас же принять меры к тому, чтобы немедленно привести войска 44-й армии в полный порядок, остановить дальнейшее наступление противника и удержать город Феодосия за собой…».

Можно ли было по-иному? Бывший заместитель начальника Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота Дмитрий Волкогонов приводит такой факт. Однажды во время очередного доклада Шапошникова Сталину маршал сказал: несмотря на принятые меры, с двух фронтов так и не поступило сведений. Сталин спросил начальника Генштаба:

— Вы наказали людей, которые не желают нас информировать о том, что творится у них на фронтах?

Борис Михайлович ответил, что он был вынужден объявить обоим начальникам штабов выговоры. Судя по выражению лица и тону, это дисциплинарное взыскание он приравнивал едва ли не к высшей мере наказания. Сталин хмуро улыбнулся:

— У нас выговор объявляют в каждой ячейке. Для военного человека это не наказание…

Однако Шапошников напомнил старую русскую военную традицию: если начальник Генерального штаба объявляет выговор начальнику штаба фронта, виновный должен тут же подать рапорт об освобождении его от должности.

Сталин посмотрел на Шапошникова, как на неисправимого идеалиста, но ничего не сказал. До него, наверное, уже начало

доходить, что многие из тех, кто был выдвинут перед войной в связи с огромным количеством вакансий, не знают элементарных основ военной этики. Это был новый слой командиров, которые пришли на место уничтоженных накануне войны. Куда им до таких тонкостей!

Слабость нового генералитета была очевидной. Об этом ему доносил Мехлис, посланный на Крымский фронт, требовавший немедленной замены командующего Д. Т. Козлова. «Вы требуете, чтобы мы заменили Козлова кем-либо вроде Гинденбурга. Но вы не можете не знать, что у нас нет в резерве Гинденбургов…»

Увы, и сам Мехлис, посланный в качестве представителя Ставки, оказался не на высоте положения. 8 мая 1942 года немецкая группировка, которая по численности и мощи почти вдвое уступала советским войскам, нанесла сокрушительный удар вдоль побережья Феодосийского залива. Началась трагедия Крымского фронта.

Сталин, которому был чужд идеализм Шапошникова, знал, как разговаривать со своими генералами, какой язык им наиболее близок и понятен:

«1. Снять армейского комиссара первого ранга т. Мехлиса с поста заместителя Народного комиссара обороны и начальника Главного политического управления Красной Армии и снизить его в звании до корпусного комиссара.

2. Снять генерал-лейтенанта т. Козлова с поста командующего фронтом, снизить его в звании до генерал-майора и проверить его на другой, менее сложной работе.

3. Снять дивизионного комиссара т. Шаманйна с поста члена Военного совета фронта, снизить его в звании до бригадного комиссара и проверить его на другой, менее сложной работе.

4. Снять генерал-майора т. Вечного с должности начальника штаба фронта и направить его в распоряжение начальника Генерального штаба для назначения на менее ответственную работу.

5. Снять генерал-лейтенанта т. Черняка с поста командующего армией, снизить его в звании до полковника и проверить на другой, менее сложной военной работе.

6. Снять генерал-майора т. Колганова с поста командующего армией, снизить его в звании до полковника и проверить на другой, менее сложной военной работе.

7. Снять генерал-майора авиации т. Николаенко с поста командующего ВВС фронта, снизить его в звании до полковника авиации и проверить на другой, менее сложной военной работе…».

Главкому направления было приказано наказать виновных

меньшего-калибра своей властью.

Жестоко? Но вот еще один документ:

Командующим войсками фронтов и отдельных армий

Шестого ноября командующий 44-й армией генерал-лейтенант Хомен ко и командующий артиллерией той лее армии генерал-майор Бобков при выезде в штабы корпусов потеряли ориентировку, попали в район расположения противника, при столкновении с которым в машине, управляемой лично Хоменко, заглох мотор и эти лица были захвачены в плен со всеми находящимися при них документами.

1. Запретить выезд командующих армиями и корпусами без разведки и охраны;

2. При выезде в войска, от штаба корпуса и ниже, не брать с собой никаких оперативных документовза исключением чистой карты района поездки…

4. Запретить высшему начальствующему составу личное управление автомашинами.

7 ноября 1943 г. И. Сталин

Сталин вынужден был в приказном порядке наставлять свой малообразованный генералитет, учить тому, что он должен знать как «Отче наш». О их же безопасности беспокоился, в Кремле сидя.

А вот этот приказ — тоже пример жестокости? Или справедливости?

Командующему ВВС Красной Армии маршалу авиации тов. Новикову

Приказываю:

1. Немедленно снять с должности командира авиационного полка полковника Сталина В. И. и не давать ему каких-либо командных постов впредь до моего распоряжения.

2. Полку и бывшему командиру полка полковнику Сталину объявить, что полковник Сталин снимается с должности командира полка за пьянство и разгул и за то, что он портит и развращает полк.

3. Исполнение донести.

Народный комиссар обороны И. Сталин

26 мая 1943 г.

Так отреагировал Верховный Главнокомандующий на сообщение Берии о пьяных выходках своего младшего сына. Общеизвестна фраза Сталина о старшем сыне Якове, попавшем в

немецкий плен в районе Лиозно Витебской области. Его, как помнят читатели, предлагалось обменять на Паулюса.

Приведенные выше примеры — лишь небольшая частица иллюстраций к неисследованной до сих пор теме, затрагивающей взаимоотношения Сталина и его полководцев. Но и этих разрозненных эпизодов вполне достаточно, чтобы понять: на фоне жестких мер, суровости и непреклонности даже в отношении собственных сыновей, история смещения Кулика выглядит не такой уж необъяснимой и бесчеловечной. Жестокое время много кратно ужесточало нравы, делало врагами недавних друзей, вынуждало забывать все доброе, что связывало их в прошлом. И Кулик, как видим, не был исключением. Неудачи на фронтах заставляли Сталина прибегать к самым экстраординарным мерам. На карту было поставлено существование великой державы. Что значили по сравнению с этой гигантской катастрофой судьбы и жизни отдельных людей, пускай даже и. лично знакомых Верховному?

Впрочем, вскоре Сталин дал шанс Кулику. В марте 1942 года, через месяц после смещения со всех постов и лишения маршальского звания, Кулик, ожидавший самого худшего, неожиданно узнает, что ему присвоено звание генерал-майора. Это был неплохой знак: угроза полного забвения отодвинулась. Новоиспеченный однозвездный генерал воспрянул духом, ожидая хоть какого-нибудь назначения. Оставаться не у дел он уже не мог. Всю жизнь находился при высоких должностях, в центре внимания — и вдруг пустота, вакуум. Никто не заходит, не звонит. Прежние многочисленные друзья отвернулись.

Интуиция не подвела бывшего маршала. Правда, ждать пришлось довольно долго: только в апреле сорок третьего Сталин приказал произведенному уже в генерал-лейтенанты Кулику вступить в командование 4-й гвардейской армией. Приказ был отдан через наркомат обороны, лично встретиться со старым знакомцем Иосиф Виссарионович не пожелал.

Бывшему маршалу, катастрофически не везло — на посту командующего этой армией он пробыл не более полугода. Скупая запись в послужном списке: назначен в апреле 1943 года, снят в октябре того же года. Что стоит за этой строкой, остается только догадываться. Однозначного ответа нет. Я расспрашивал некоторых оставшихся в живых ветеранов этой армии, близких к штабной верхушке. Одни говорят: командующий оказался не на высоте. Другие объясняют интригами и кознями, шедшими чуть ли не из самой Москвы, от прежних сослуживцев Григория Ивановича.

Сегодня трудно установить истину. Одно бесспорно: до конца

1943 года Кулик снова оставался не у дел. Вероятно, окончательно разуверившись в военных способностях бывшего маршала, Сталин решил не поручать ему больше никаких боевых операций.

На этот раз Верховный поступил по-божески. Старого артиллериста ждало новое назначение. В январе 1944 года Сталин распорядился назначить его заместителем начальника Главного управления формирования и укомплектования войск. Там, мол, он может использовать свой опыт, принести пользу. А на фронт посылать его больше нельзя.

В Главупраформе Кулик пробыл до весны 1945 года. 12 апреля он был снят с формулировкой: «За бездеятельность». В том же месяце его снова понизили в воинском звании — из генерал-лейтенанта перевели в генерал-майоры — и исключили из партии.

За что?

Узелок 8
Бей СВОИХ, ЧТОБ ЧУЖИЕ БОЯЛИСЬ!
(Продолжение)

Увы, и в этом случае причина несчастий Кулика довольно банальна — доносы. В последние годы жизни они сыпались на него, как осенние листья в ненастную погоду.

Понимал ли он, что каждый разговор, неосторожно, в запальчивости произнесенная фраза немедленно фиксировалась десятками доброхотов? Своеобразие ситуации заключалось и в том, что Кулик, привыкший к общению в высших сферах государственной и военной власти, нередко забывал, что его собеседники — совсем другого круга, а потому высказывания бывшего маршала, вполне терпимые в прежней среде с ее категориями и масштабами, вызывали у новых слушателей чувство страха и подозрительности. Нередко это относилось даже к лицам, облеченным большими полномочиями.

Передо мною записка председателя Комитета партийного контроля при ЦК КПСС Н. М. Шверника от 25 мая 1956 года, адресованная ЦК КПСС. Опускаю биографические данные Кулика, облеченные в сухие канцелярские фразы. Цитирую самое главное в этом документе.

«18 апреля 1945 г. Кулик был вызван в КПК Шкирятовым и ему было предъявлено основное обвинение в том, что он ведет с отдельными лицами недостойные члена партии разговоры, заключающиеся в восхвалении офицерского состава царской армии, плохом политическом воспитании советских офицеров,

неправильной расстановке кадров высшего состава армии».

Вот так интерпретировали откровенные высказывания Кулика, привыкшего к самокритичному обмену мнениями на самом высшем уровне, его новые сослуживцы!

Председатель КПК продолжает:

«Из материалов дела видно, что вопрос этот возник в связи с заявлением генерала армии Петрова И. Е. от 10 апреля 1945 г, написанным И. В. Сталину. Как теперь объясняет Петров, заявление он написал по предложению Абакумова, ему неизвестно, каким образом оно попало к Шкирятову, и сам он к Шкирятову не вызывался».

Петров И. Е.! Знакомая фамилия, не так ли? Для тех, кто забыл, напомню: трения между Куликом и Петровым начались в сорок первом, при неудачной защите Керчи.

«Это заявление и послужило Шкирятову для предъявления обвинения Кулику, — сообщает далее в докладной записке Шверник. — Подобного характера заявление 17 апреля 1945 г. написано генералом армии Г. Ф. Захаровым, адресовано в партколлегию».

И снова знакомое по керченским событиям имя — Г. Ф. Захаров!

«В своем объяснении, — читаю в записке Шверника, — Кулик разговоры с Петровым и Захаровым не считал недостойными и в заявлении от 23 апреля 1945 г. просил Шкирятова «свести его с Петровым и Захаровым и точно выяснить, что никакими мы антипартийными делами не занимались». Однако просьба Кулика не была удовлетворена.

Беседа Шкирятова с Куликом оформлена произвольной записью от 18 апреля 1945 г. Имеется два различных варианта записи этой беседы, одна из которых подписана Шкирятовым. Подписи Кулика на записях нет.

27 апреля 1945 г. решением партколлегии КПК Кулик был исключен из партии с формулировкой «как морально и политически разложившийся», и у него в КПК был отобран партбилет.

Протокола заседания партколлегии КПК от 27 апреля 1945 г. об исключении Кулика из партии в архивах КПК не найдено.

Кроме генералов армии И. Е. Петрова и Г. Ф. Захарова, давших показания против Кулика (Абакумов знал, к кому обращаться за компроматом на бывшего маршала, у кого не прошла обида на недавнего замнаркома обороны), к окончательному падению Кулика приложили руки и его непосредственные начальники. Речь идет о начальнике Главупраформа генерал-полковнике Смородинове и члене

Военного совета управления генерал-майоре Колесникове. Они направили на имя Булганина письмо, в котором Кулик обвинялся в «моральной нечистоплотности и барахольстве, потере вкуса и интереса к работе».

Ведомственники не могли понять душу несчастного военачальника, вынужденного заниматься рутинными военкоматовскими делами после разработки стратегических задач военной доктрины страны — вместе с первыми лицами крупнейшего в мире государства. Какой уж тут вкус и интерес к работе!

Узелок 9
СЕГОДНЯ ЭТО НАЗВАЛИ БЫ ОППОЗИЦИЕЙ…

Исключенного из партии, пониженного в звании до генерал-майора, Кулика, к его удивлению, не посадили, не расстреляли, а назначили заместителем командующего Приволжским военным округом. В июле сорок пятого он прибыл к новому месту службы — в город Куйбышев.

Войсками округа, где Кулику предстояло отбывать ссылку, командовал генерал-полковник В. Н. Гордов.

Имя этого человека многие годы замалчивалось военными историками. А между тем он был видным военачальником, незаурядной личностью. Гордов стремительно продвигался по ступенькам военной карьеры. Вскоре он обратил на себя внимание самого Сталина.

Гордов понравился Верховному. Именно Сталин настоял, чтобы молодого, перспективного генерала, Героя Советского Союза, назначили командующим Сталинградским фронтом. Правда, в этой должности Гордов пробыл всего два месяца, но, как сегодня известно, по причинам, от него не зависящим. После Сталинграда Гордов командовал рядом армий, освобождал Прагу, дошел до Берлина. Победно завершилась война, и Сталин дал ему округ — подальше от Москвы.

Как догадывается читатель, у, Гордова не было оснований относиться к Сталину с почтением. И вот в Куйбышев, к обиженному генералу, приезжает такой же обиженный на своего патрона Кулик. Оба генерала быстро нашли общий язык. Фронтовики, не раз смотревшие в глаза смерти, они нередко забывали о всякой осторожности, откровенно обсуждали послевоенное положение в армии и в стране. В застольных беседах участвовал и третий генерал — начальник штаба округа Ф. Т. Рыбальченко.

Им, опытным воякам, и в голову, наверное, не приходило, что

их разговоры могут подслушивать. Прежнее высокое положение виделось Кулику и Гордову охранной грамотой. Наивные! Похоже, что Кулика послали в Куйбышев, к Гордову, с провокационной целью, ибо те, кто это предложил, прекрасно знали, что опальные генералы начнут делиться за рюмкой обидами на Сталина. А это кое-кому как раз и требовалось.

Так и произошло. Первым отправили в отставку Кулика. Случилось это в июне 1946 года. В июле такая же участь постигла Рыбальченко. В ноябре уволили командующего округом Гордова — вроде бы по болезни. Старшим по возрасту среди них был Кулик — 56 лет, Гордову исполнилось 50, Рыбальченко — 48.

Можно понять, что чувствовали генералы, отлученные от военной службы. Никакому иному ремеслу, кроме армейского, они обучены не были. Сразу же свалилась масса чисто житейских забот. Непривыкшие к равнодушию, не говоря уже об откровенном хамстве со стороны мелких служащих, решавших бытовые проблемы, отставные генералы затосковалˆ. И если раньше, находясь при должностях и погонах, как-то еще сдерживались, то, лишившись в одночасье всего, не стеснялись в выражениях. Кому, мол, нужны отставники-пенсионеры, дай Бог уследить за теми, кто вершит мало-мальски важными делами.

Ошибались генералы, ох как ошибались! Следили и за ними.

Третьего января 1947 года министр госбезопасности Абакумов направил на имя Сталина десяток машинописных страниц с сопроводиловкой: «Представляю при этом справку о зафиксированном оперативной техникой 28 декабря 1946 года разговоре Гордова с Рыбальченко. Из этих материалов видно, что Гордов и Рыбальченко являются явными врагами Советской власти. Счел необходимым еще раз просить Вашего разрешения арестовать Гордова и Рыбальченко».

«Еще раз просить…» Стало быть, эта попытка была не первой? Совершенно верно. На прежние предложения Абакумова, чья служба располагала записью разговоров куйбышевских генералов, Сталин санкции на арест не давал. Вы удивлены, читатель? Я тоже. Кремлевские интриги настолько тонки, а борьба за власть такая изощренная, что было бы упрощением называть главным виновником устранения неугодных кому-то людей одного Сталина.

Резолюция на донесении от 3 января 1947 года сделана от руки лично министром госбезопасности. Она коротка: «Тов. Сталин предложил арестовать Рыбальченко. В. Абакумов». И еще, чуть ниже: «Передано по телефону 3.01.47».

В тот же день Рыбальченко был арестован. Первым. Почему именно он? Из него начали выбивать показания на Кулика и

Гордова.

О чем же говорили 28 декабря 1946 года бывший командующий округом и его бывший начштаба? Гордов жил в Москве, Рыбальченко — в Куйбышеве. Начштаба посетил квартиру сослуживца, прибывшего сдавать дела.

Эта папка сохранилась в архиве КГБ. Ее недавно обнаружили эксперты Конституционного суда России. О том, как подслушивали этот разговор, рассказала газета «Известия». Нам важнее содержание подслушанного разговора. А оно таково, что достойно хотя бы фрагментарного воспроизведения. Заглавной буквой «Г» обозначена фамилия Гордова, буквой «Р» — Рыбальченко.

«Р. Вот жизнь настала — ложись и умирай! Не дай бог еще неурожай будет.

Г. А откуда урожай — нужно же посеять для этого.

Р. Озимый хлеб пропал, конечно. Вот Сталин ехал поездом, неужели он в окно не смотрел? Как все жизнью недовольны, прямо все в открытую говорят в поездах, везде прямо говорят.

Г. Эх! Сейчас все построено на взятках, на подхалимстве. А меня обставили в два счета, потому что я подхалимажем не занимался.

Р. Да, все построено на взятках. А посмотрите, что делается кругом — голод неимоверный, все недовольны… «Что газеты — это сплошной обман», — вот так все говорят. Министров сколько насажали, аппараты раздули. Как раньше было — поп, урядник, староста, на каждом мужике 77 человек сидело, — так и сейчас! Теперь о выборах опять трепотня началась.

Г. Ты где будешь выбирать?

Р. А я ни х… выбирать не буду. Никуда не пойду. Такое положение может быть только в нашей стране, только у нас могут так к людям относиться. За границей с безработными лучше обращаются, чем у нас с генералами…»

Захмелевшие генералы не выбирали слов, коими выражали обиду и горечь. Встреча обострила чувства. Было жаль себя, семьи, оставшиеся без прежних удобств, к которым, честно говоря, привыкли.

Читаешь записанный почти полвека назад разговор, а ощущение такое, будто речь идет о сегодняшнем дне. Все те же проблемы — безработные офицеры, не имеющие крыши над головой, — массовые увольнения военнослужащих, отсутствие уверенности в завтрашнем дне. И горькие мысли о невостребованности своих способностей, о новом потерянном

поколении.

Однако вернемся в квартиру Гордова, где за рюмкой встретились смещенные со своих постов генералы.

«**Г**. Раньше один человек управлял, и все было, а сейчас столько министров, и — никакого толку.

Р. Нет самого необходимого. Буквально нищими стали. Живет только правительство, а широкие массы нищенствуют. Я вот удивляюсь, неужели Сталин не видит, как люди живут?»

Когда это сказано? Неужели в сорок шестом? Замените имя Сталина на Ельцина — как будто сегодня в подмосковной электричке едете. Сколько таких разговоров наслушаешься — на работе, в общественном транспорте, а ведь, слава Богу, никого еще пока не арестовали за инакомыслие.

«**Г**. Он все видит, все знает.

Р. Или он так запутался, что не знает, как выпутаться?! Выполнен первый год пятилетки, рапортуют — ну что пыль в глаза пускать?! Ехали мы как-то на машине и встретились с красным обозом: едет на кляче баба, впереди красная тряпка болтается, на возу у нее два мешка. Сзади нее еще одна баба везет два мешка. Это красный обоз называется! Мы прямо со смеху умирали. До чего дошло! Красный обоз план выполняет! А вот Жуков смирился, несет службу.

Г. Формально службу несет, а душевно ему не нравится.

Р. Я все-таки думаю, что не пройдет и десятка лет, как нам набьют морду. Ох и будет! Если вообще что-нибудь уцелеет.

Г. Безусловно…»

Как в воду глядели генералы! Ошиблись только во времени — морду набили не через десяток лет, а через четыре с половиной десятка.

«**Г**. Трумэн ни разу Молотова не принял. Это же просто смешно! Какой-то сын Рузвельта приезжает, и Сталин его принимает, а Молотова — никто.

Р. Как наш престиж падает, жутко просто! Даже такие, как венгры, чехи, и то ни разу не сказали, что мы вас поддерживаем. За Советским Союзом никто не пойдет…»

И эти слова как будто сегодня сказаны.

«**Г**. За что браться, Филипп? Ну, что делать, е… м…, что

делать?

Р. Ремеслом каким, что ли, заняться? Надо, по-моему, начинать с писанины, бомбардировать хозяина.

Г. Что с писанины — не пропустят же.

Р. Сволочи, е… м…»

Тоска и безысходность. Гордов знает кремлевские порядки — к хозяину и близко не подпустят. Но каково остаться в пятьдесят лет не у дел, постоянно испытывать чувство вины перед семьей, униженному и оскорбленному властями? От отчаяния в захмелевшие головы лезут авантюрные мысли:

«**Г**. Ты понимаешь, как бы выехать куда-нибудь за границу?

Р. Охо-хо! Только подумай! Нет, мне все-таки кажется, что долго такого положения не просуществует, какой-то порядок будет.

Г. Дай Бог!

Р. Эта политика к чему-нибудь приведет. В колхозах подбирают хлеб под метелку. Ничего не оставляют, даже посевного материала.

Г. Почему, интересно, русские катятся по такой плоскости?

Р. Потому что мы развернули такую политику, что никто не хочет работать. Надо прямо сказать, что все колхозники ненавидят Сталина и ждут его конца.

Г. Где же правда?

Р. Думают, Сталин кончится, и колхозы кончатся…»

От проблем большой политики собеседники все чаще переходят к личным. Обида и уязвленное самолюбие не дают покоя обоим. Из глубины души накатывает волна недоумения, ярости, мстительности.

«**Г**. Да, здорово меня обидели. Какое-то тяжелое состояние у меня сейчас. Ну, х… с ними!

Р. Но к Сталину тебе нужно сходить.

Г. Сказать, что я расчета не беру, пусть меня вызовет сам Сталин. Пойду сегодня и скажу. Ведь худшего уже быть не может. Посадить меня они не посадят.

Р. Конечно, нет.

Г. Я хотел бы куда-нибудь на работу в Финляндию уехать или в скандинавские страны.

Р. Да, там хорошо нашему брату.

Г. Ах, е… м… Что ты можешь еще сказать?!»

По словам Гордова выходило, что он надеялся на какое-то чудо — не торопился получать денежный расчет, тянул время: а вдруг наверху отменят решение? Вдруг направят на другую работу — скажем, на военно-дипломатическую? Ах, если бы в Финляндию!..

Надеялся, хотя понимал: шансов никаких. Если, конечно, не изменится общественно-политическая ситуация внутри страны. Она привлекала внимание обоих: а вдруг?

«**Р**. Народ внешне нигде не показывает своего недовольства, внешне все в порядке, а народ умирает.

Г. Едят кошек, собак, крыс.

Р. Раньше нам все-таки помогали из-за границы.

Г. Дожили! Теперь они ничего не дают, и ничего у нас нет.

Р. Народ голодает, как собаки, народ очень недоволен…»

Словно бальзам на изболевшуюся, истерзанную душу Гордова. Однако и здесь нет полной уверенности. Гордов сомневается в проявлении народного недовольства.

«**Г**. Но народ молчит, боится.

Р. И никаких перспектив, полная изоляция…»

Они еще долго изливали друг другу душу. Говорили о наболевшем: об ужасных ценах, о принудительном труде на заводах об опустошении деревень.

В тот же день Рыбальченко выехал из Москвы в Куйбышев. На вокзале его провожал Гордов. Обнявшись на прощание, боевые друзья не знали, что следующая встреча состоится через несколько дней и отнюдь не по их доброй воле. Вызванные на очную ставку к следователю, они сначала не узнают друг друга: их лица от побоев превратились в кровавые маски.

Но… никому не дано знать, что случится с ним в' следующую минуту. Гордов проводил Рыбальченко и вернулся домой.

Через три дня он с женой встречал Новый год. Гостей не было. Это был первый Новый год без шума и веселья, без друзей и их нарядных жен. Гордова теперь избегали многие из тех, кто раньше подобострастно ловил его взгляд, кто хвастался знакомством с ним.

Выпив в полночь без всякого удовольствия по бокалу шампанского и не услышав ни одного телефонного звонка с новогодними поздравлениями, Гордовы впервые за последние годы рано легли спать. Праздничного настроения не было.

Гордов тяжело ворочался в постели, мрачно думая о чем-то

своем. Внезапно он резко повернулся к жене и сказал:

— Я хочу умереть. Чтобы ни тебе, ни кому не быть в тягость.

Татьяна Владимировна ответила в темноту, не различая его лица:

— Ты не умирать должен, а добиться своего и мстить этим подлецам!

— Чем? — упавшим голосом спросил он.

— Чем угодно.

Супруги не подозревали, что в спальне включилась оперативная техника подслушивания. Запись новогоднего разговора, завизированная лично министром госбезопасности Абакумовы, адресовалась Сталину. Остается только догадываться, какие чувства испытывал он, читая то, о чем разговаривали в новогоднюю ночь Гордовы в своей супружеской спальне. В документе Гордов обозначен инициалом «Г», его жена Татьяна Владимировна — «Т. В.»

«**Г.** (продолжая разговор о необходимости мести). Ни тебе, ни мне это невыгодно.

Т. В. Выгодно. Мы не знаем, что будет через год. Может быть, то, что делается, все к лучшему.

Г. Тебе невыгодно, чтобы ты была со мной.

Т. В. Что ты обо мне беспокоишься? Эх, Василий, слабый ты человек!

Г. Я очень много думаю, что мне делать сейчас. Вот когда все эти неурядицы кончатся, что мне делать? Ты знаешь, что меня переворачивает? То, что я перестал быть владыкой…»

У него хватило самокритичности признаться: для жизни простого обывателя он не годится. После той верхотуры — и вдруг обыкновенный пенсионер? Магазины, очереди, жэки… От этих слов его бросало в ярость. Слава Богу, жена понимала его состояние.

«**Т. В.** Я знаю. Плюнь ты на это дело! Лишь бы Сталин тебя принял.

Г. Угу. А с другой стороны он все погубил.

Т. В. Может быть, то, что произошло, даже **к** лучшему.

Г. А почему я должен идти к Сталину и унижаться перед… (далее следуют непечатные выражения в адрес Сталина. — Я. З.).

Т. В. Я уверена, что он просидит еще только год.

Г. Я говорю — каким он был (идет ругательное слово. — Я. З.), когда вызвал меня для назначения… (снова непечатное выражение. — Я. З.), плачет, сидит жалкий такой. И пойду я к

нему теперь? Что — я должен пойти и унизиться до предела, сказать: «Виноват во всем, я предан вам до мозга костей», когда это неправда? Я же видеть его не могу, дышать с ним одним воздухом не могу! Это (опять непечатное выражение. — *Н.* З.), которая разорила все. Ну, как же так?! А ты меня толкаешь, говоришь, иди к Сталину. А чего я пойду? Чтобы сказать ему, что я сморчок перед тобой? Что я хочу служить твоему подлому делу, да? Значит, так? Нет, ты пойми сама!

Т. В. А тогда чего же ты переживаешь?

Г. Ну да, сказать, что хочу служить твоему делу? Для этого ты меня посылаешь? Не могу я, не могу. Значит, я должен себя кончить политически. Я не хочу выглядеть нечестным перед тобой. Значит, я должен где-то там все за ширмой делать, чтобы у тебя был кусок хлеба? Не могу, у меня в крови этого нет. Что сделал этот человек — разорил Россию, ведь России больше нет. А я никогда ничего не воровал. Я бесчестным не могу быть. Ты все время говоришь: иди к Сталину. Значит, пойти к нему и сказать: «Виноват, ошибся, я буду честно вам служить, преданно». Кому? Подлости буду честно служить, дикости? Инквизиция сплошная, люди же просто гибнут! Эх, если бы ты знала что-нибудь!

Т. В. Тогда не надо так все переживать.

Г. Как же не переживать, что же мне делать тогда? Ты думаешь, я один такой? Совсем не один, далеко не один.

Т. В. Люди со своими убеждениями раньше могли пойти в подполье, что-то делать. Такое моральное удовлетворение было. Работали, собирали народ. Они преследовались за это, сажались в тюрьмы. А сейчас заняться даже нечем. Вот сломили такой дух, как Жуков.

Г. Да. И духа нет.

Т. В. И он сказал — извините, больше не буду, и пошел работать. Другой бы, если бы был с таким убеждением, как ты, он бы попросился в отставку и ушел.

Г. Ему нельзя, политически нельзя. Его все равно не уволят. Сейчас только расчищают тех, кто у Жукова был мало-мальски в доверии, их убирают. А Жукова год-два подержат, и потом тоже — в кружку и все! Я очень много недоучел. На чем я сломил голову свою?..»

Гордов откровенно объясняет жене причину своего смещения:

«Я сломил свою голову на том, на чем сломили такие люди — Уборевич, Тухачевский и даже Шапошников.

Т. В. Его информировали не так, как надо, после того, как

комиссия еще раз побывала. (Речь идет о комиссии Министерства обороны, прибывшей в округ по доносу о высказываниях Гордова, Кулика и Рыбальченко против политорганов в армии. — *Н. З.)*

Г. Нет, эта комиссия его информировала, по-мое-му, правильно, но тут вопрос стоял так: или я должен сохраниться, или целая группа людей должна была скончаться — Шикин, Голиков и даже Булганин, потому что все это приторочили к Жукову. Значит, если нужно было восстановить Жукова, Гордова, тогда булганинщина, ши-ковщина и голиковщина должны были пострадать.

Т. В. Они не военные люди.

Г. Абсолютно не военные. Вот в чем весь фокус. Ты думаешь, я не думал об этом?

Т. В. Когда Жукова сняли, ты мне сразу сказал: все погибло. Но ты должен согласиться, что во многом ты сам виноват.

Г. Если бы я не был виноват, то не было бы всего этого. Значит, я должен был дрожать, рабски дрожать, чтобы они дали мне должность командующего, чтобы хлеб дали мне и семье? Не могу я! Что меня погубило — то, что меня избрали депутатом. Вот в чем моя погибель. Я поехал по районам, и когда я все увидел, все это страшное, — тут я совершенно переродился. Не мог я смотреть на это. Отсюда у меня пошли настроения, мышления, я стал их высказывать тебе, еще кое-кому, и это пошло как платформа. Я сейчас говорю, у меня такие убеждения, что если сегодня снимут колхозы, завтра будет порядок, будет рынок, будет все. Дайте людям жить, они имеют право на жизнь, они завоевали себе жизнь, отстаивали ее!

Т. В. Сейчас никто не стремится к тому, чтобы принести какую-нибудь пользу обществу. Сейчас не для этого живут, а только для того, чтобы заработать кусок хлеба. Неинтересно сейчас жить для общества.

Г. Общества-то нет.

Т. В. Если даже есть — кучка, но для нее неинтересно жить.

Г. А умереть тоже жалко.

Т. В. Хочется увидеть жизнь, до чего все-таки дойдут.

Г. Увидеть эту мразь?

Т. В. Нет, это должно кончиться, конечно. Мне кажется, что, если бы Жукова еще годика на два оставили на месте, он сделал бы по-другому…»

Узелок 2
БЕЙ СВОИХ, ЧТОБ ЧУЖИЕ БОЯЛИСЬ!
(Окончание)

Дорого обошлись откровения в новогоднюю ночь супругам Гордовым! Вместе с мужем в январе 1947 года была арестована и Татьяна Владимировна Гурьева-Гордова. Она не выдержала угроз и запугиваний следователя. Окончательно сломал ее допрос, проведенный лично министром госбезопасности Абакумовым.

Татьяна Владимировна подписала показания против своего мужа. Ее вынудили также дать компрометирующие сведения на заместителя Гордова генерал-майора Кулика и начальника штаба округа генерал-майора Рыбальченко.

Во время борьбы Хрущева с культом личности Сталина и его последствиями Татьяна Владимировна объяснила, что подписанные ею показания были получены незаконными методами. Работники прокуратуры СССР беседовали с ней на эту тему в 1956 году.

Компрометирующие материалы на трех генералов дали также арестованные Ворожейкин, Басс и Хейло. Позже выяснилось, что признания получены с помощью нещадных избиений подследственных.

Кулика арестовали в январе 1947 года. Ему предъявили в основном те же политические обвинения, что были предъявлены и в 1945 году Шкирятовым. В обвинительном заключении указано, то Кулик уличен в антисоветской деятельности, изменнических и террористических высказываниях, а также в том, что будучи заместителем командующего войсками Приволжского военного округа, в 1945 году установил преступную связь с командующим войсками этого округа Гордовым и начальником штаба округа Рыбальченко и вместе с ними на почве общности антисоветских взглядов организовал заговорщическую группу для борьбы с советской властью».

24 августа 1950 года Кулик, а также Гордов и Рыбальченко Военной коллегией Верховного суда СССР приговорены к расстрелу.

Где состоялось приведение приговора в исполнение — до сих пор тайна. Неизвестно и место захоронения.

Узелок 10
«СМЕЛЕЕ КЛАДИТЕ ГОЛОВУ НА ПЛАХУ, СЭР, НЕ ПРОЙДЕТ И ПОЛВЕКА, КАК ВАС РЕАБИЛИТИРУЮТ…»

Карикатура с такой подписью появилась в одной из советских газет во время пика массовых реабилитаций, проводимых в конце восьмидесятых годов комиссией Политбюро ЦК КПСС во главе с Александром Яковлевым. Никого не ввела в заблуждение якобы иностранная форма сюжета, советское содержание кричало в нем

в три горла.

От тюрьмы и смертной казни не был застрахован у нас никто — ни министры, ни писатели, ни маршалы. Горькую чашу исторической несправедливости пришлось до дна испить и Григорию Ивановичу Кулику, преданному и проклятому ближайшими друзьями, среди которых были Сталин и его маршалы Ворошилов, Буденный, Тимошенко.

Прошло шесть лет после расстрела. 1956 год. У руля партийной и государственной машины — Хрущев. 28 марта в ЦК КПСС поступает секретный документ, инициированный лично Никитой Сергеевичем. Это записка Генерального прокурора СССР Р. А. Руденко. Документ потрясающей силы. Он не нуждается в комментариях. Привожу его полностью.

Секретно

ЦК КПСС

По поручению ЦК КПСС Прокуратурой СССР проверено дело по обвинению бывшего командующего войсками Приволжского военного округа, Героя Советского Союза, генерал-полковника Гордова Василия Николаевича, его заместителя генерал-майора Кудика Григория Ивановича и бывшего начальника штаба этого округа генерал-майора Рыбальченко Филиппа Трофимовича.

Гордов, Кулик и Рыбальченко были арестованы в 1947 году бывшим МГБ СССР и 24–25 августа 1950 года Военной коллегией Верховного суда СССР осуждены к расстрелу.

Они были признаны виновными в том, что будучи антисоветски настроенными, якобы высказывали друг другу клеветнические суждения о мероприятиях партии и советского правительства, а также террористические угрозы по адресу бывшего главы советского правительства.

Кроме того, как указано в приговорах Военной коллегии, Гордов, Кулик и Рыбальченко заявили о своем намерении изменить Родине.

Свою вину о совершении этих преступлений Рыбальченко в суде не признал и заявил, что все его показания на

предварительном следствии о групповой антисоветской деятельности, изменнических и

террористических высказываниях являются вымышленными и получены от него в результате физических мер воздействия.

Кулик признал свою вину в суде только в том, что иногда, в присутствии Гордова и Рыбальченко, допускал отдельные нездоровые высказывания. В остальной части виновным себя не признал и заявил:

«Мои показания, данные на предварительном следствии, являются ложными и полученными от меня незаконными методами следствия, от которых я полностью отказываюсь…»

Гордов свои показания в суде также изменил и заявил, что вину свою он признает только в том, что допускал отдельные высказывания, направленные против Сталина.

Проверкой, проведенной Прокуратурой СССР, установлено, что Гордов, Кулик и Рыбальченко были осуждены необоснованно по сфальсифицированным следственными органами материалам.

Просмотром личных тюремных дел и оперативных материалов, имеющихся в Комитете государственной безопасности при Совете Министров СССР, а также допросом бывшего начальника следственной части по особо важным делам Леонова и его заместителей Комарова и Лихачева подтверждено, что по указанию Абакумова к арестованным Гордову, Кулику и Рыбальченко в процессе следствия применялись меры физического воздействия: их перемещали в карцер, избивали, допускали к ним угрозы, в результате чего они вынуждены были признать себя виновными в преступлениях, которые они фактически не совершали.

Арестованные Хейло (в 1946 г. — адъютант Кулика, старший лейтенант. — *Н. З.), Ворожейкин и Басс* (последний в 1945 г. — заместитель управляющего конторой снабжения Мосгорздравотдела, родственник Кулика. — *Н.* З.), *ранее уличавшие Гордова, Кулика и Рыбальченко в совершении государственных преступлений, от своих показаний также отказались и заявили, что дали их вынужденно, в результате применения к ним мер физического воздействия*.

В настоящее время Хейло, Ворожейкин и Басс реабилитированы и из-под стражи освобождены.

Жена Гордова — Гордова-Гурьева показала, что никаких антисоветских, изменнических и террористических высказываний со стороны Гордова,

Рыбальченко и Кулика она не слышала, а показания в отношении их в процессе предварительного следствия давала только в результате угроз и запугиваний со стороны следователя и Абакумова.

Таким образом, произведенной в настоящее время проверкой опровергнуты обвинения, выдвигавшиеся против Гордова, Кулика и Рыбальченко в организованной антисоветской деятельности, изменнических и террористических намерениях.

Прокуратура СССР считает возможным внести в Верховный суд СССР предложение об отмене приговоров Военной коллегии Верховного суда СССР и прекращении дел в отношении Гордова Василия Николаевича, Кулика Григория Ивановича и Рыбальченко Филиппа Трофимовича.

Прошу Вашего согласия.

Генеральный прокурор СССР Р. Руденко

Темпы, которыми велась реабилитация, поражают. Напомню, что записка Генерального прокурора СССР Руденко поступила в ЦК КПСС 28 марта 1956 года. А уже 3 апреля, то есть спустя пять дней, Президиум ЦК КПСС принял предложение Прокуратуры СССР об отмене приговоров и прекращении дел в отношении В. Н. Гордова, Г. И. Кулика и Ф. Т. Рыбальченко, изложенное в приведенной выше записке. А еще через шесть дней, 11 апреля, Военная коллегия Верховного суда СССР своим определением реабилитировала их за отсутствием состава преступления.

Останки расстрелянного маршала гнили неизвестно где, подобно зарытому в земле бродячему псу, а на земле начальники из разномастных ведомств суетились, торопясь задним числом вернуть оклеветанному и проклятому военачальнику его доброе имя.

25 мая 1956 года председатель Комитета партийного контроля при ЦК КПСС Н. М. Шверник обратился в ЦК КПСС с запиской о посмертной реабилитации Г. И. Кулика в партийном отношении. Неделей раньше КПК под председательством Шверника такое решение Принял и просил ЦК утвердить свое постановление о восстановлении расстрелянного маршала членом КПСС посмертно.

В записке Шверника подтверждается, что партбилет у Кулика был отобран прямо на заседании партколлегии КПК 27 апреля 1945 года. Одновременно отмечается, что протокол заседания партколлегии об исключении из партии в архивах КПК не обнаружен.

Впрочем, вышеупомянутый документ я уже цитировал.

Любопытно основание, которое, по мнению Шверника, требует пересмотра вопроса о партийности Кулика. «В апреле 1956 г. Прокуратурой СССР установлено, что Кулик был обвинен по сфальсифицированным материалам, и Военная коллегия Верховного суда СССР определением от 11 апреля 1956 г. реабилитировала его за отсутствием состава преступления», — говорится в документе КПК.

Остается лишь напомнить, что из партии Кулика исключили 27 апреля 1945 года с формулировкой «как морально и политически разложившегося». А арестовали его, как помнят читатели, лишь в январе 1947 года.

30 мая 1956 года Президиум ЦК КПСС утвердил решение КПК при ЦК КПСС от 17 мая 1956 года о посмертном восстановлении Г. И. Кулика в партии. Партийный стаж ему зачли с ноября 1917 года.

Итак, справедливость восторжествовала, хотя и с некоторым опозданием. В партии восстановлен, в гражданском плане реабилитирован. А как с лишением звания Маршала Советского Союза? Понадобилось еще полгода, чтобы наконец подняли и этот щекотливый вопрос.

Передо мною уникальный документ, который длительное время был недоступен историкам. О нем никогда не упоминали в печати.

Это записка заместителя министра обороны СССР И. С. Конева и Генерального прокурора СССР Р. А. Руденко от 4 января 1957 года, направленная в ЦК КПСС. Воспроизвожу ее полностью.

Секретно

ЦК КПСС

Генеральным штабом и Главной военной прокуратурой проверена обоснованность осуждения в 1942 году КУЛИКА Григория Ивановича.

Бывший заместитель наркома обороны СССР КУЛИК был осужден 16 февраля 1942 года Специальным присутствием Верховного суда СССР по статье 193-21 п. «б» Уголовного кодекса (воинское должностное преступление) по обвинению в том, что он в ноябре 1941 года, являясь уполномоченным Ставки Верховного Главнокомандования на Керченском направлении, вопреки приказам Ставки отдал войскам распоряжение об оставлении города Керчи.

Признав Кулика виновным, Специальное присутствие Верховного суда СССР возбудило ходатайство перед Президиумом Верховного Совета СССР о лишении КУЛИКА званий Маршала Советского Союза и Героя Советского Союза и правительственных наград.

В соответствии q этим приговором постановлением Президиума Верховного Совета СССР от 19 февраля 1942 года КУЛИК был лишен званий Маршала Советского Союза и Героя Советского Союза, трех орденов Ленина и трех орденов Красного Знамени.

Впоследствии, в 1950 году, КУЛИК был вторично осужден Военной коллегией Верховного суда СССР по обвинению в контрреволюционном преступлении к расстрелу. Однако, как теперь установлено, это обвинение было сфальсифицировано, в связи с чем КУЛИК в 1956 году был по этому делу посмертно реабилитирован.

Как видно из материалов дела, КУЛИК был назначен уполномоченным Ставки на Керченском направлении в ночь на 10 ноября и прибыл в город Керчь 12 ноября 1941 года, и к концу суток 15 ноября 1941 года город Керчь был оставлен нашими войсками.

На предварительном следствии и в суде КУЛИК показал, что в сложившейся в то время обстановке приказ Ставки Верховного Главнокомандования об обороне Керчи не мог быть выполнен, поэтому оставление Керчи и перенесение обороны на Таманский полуостров с целью преградить противнику путь на Северный Кавказ он считал единственно правильным решением.

Это диктовалось тем, как далее показал КУЛИК, что соотношение сил в Керчи в то время было один к трем в пользу немецких войск, что находившиеся в Керчи наши войска уже не могли удержать город и им грозило пленение. В то же время на Таманском полуострове надлежащей обороны создано не было, ввиду чего путь на Северный Кавказ, оборонять который также должны были войска Керченского направления, для противника мог быть открытым.

На основании материалов изучения дела и оперативных документов, относящихся к боевым действиям на Керченском направлении, Генеральный штаб пришел к заключению, что к 11–15 ноября 1941 года силы противника на этом фронте количественно превосходили наши войска в несколько раз и что в сложившихся

условиях командование войсками Керченского направления, а также бывш. Маршал Советского Союза КУЛИК с наличными и притом ослабленными силами и средствами удержать город Керчь и изменить ход боевых действий в нашу пользу не могли.

Таким образом, за оставление города Керчи КУЛИК Г. И. был осужден необоснованно.

В связи с изложенным считаем необходимым отменить приговор Специального присутствия Верховного суда

СССР> и постановление Президиума Верховного Совета СССР в отношении КУЛИКА Г. И. и полностью его реабилитировать с посмертным восстановлением КУЛИКА Г. И. в званиях Маршала Советского Союза и Героя Советского Союза и в правах на правительственные награды.

Просим Ваших указаний.

Генеральный прокурор СССР Р. Руденко

Зам. министра обороны СССР И. Конев

Документ серьезный. А потому и прорабатывался в верхних сферах довольно долго — четыре месяца. Но вот наконец 28 сентября 1957 года выходит соответствующий Указ Президиума Верховного Совета СССР. Г. И. Кулик полностью реабилитирован с посмертным восстановлением в званиях Маршала Советского Союза и Героя Советского Союза, а также в правах на государственные награды.

Такая вот история горестной жизни, нелепой смерти и полугласной реабилитации человека, с января 1939-го по февраль 1942 года занимавшего пост заместителя наркома обороны великой державы!

Он был маршалом, которых до момента его ареста в стране было всего 19, включая самого Сталина. Ужасная судьба, страшные соратники, жестокие нравы. И это — на самом верху военной и государственной иерархии. На фоне этой трагической истории с трудом верится в то, что в германской армии, начиная едва ли не с Фридриха, по уставу мера взыскания проштрафившемуся военнослужащему должна быть объявлена не ранее чем через сутки после того, как проступок стал известен непосредственному командиру. Чтобы сгоряча, в сердцах не превысить меру наказания! Мудрая норма устава оберегает права рядового солдата, стоит на страже справедливого к нему отношения. А тут такое — с маршалом!

Вы прониклись состраданием, а может, и сочувствием к

моему герою? Вам хочется узнать подробности его жизни — откуда он родом, кто его родители, чем он занимался в молодости? Потому я, как нетерпеливый, но упорный бумажный крот, все лето—93 рылся в архивных материалах, прокладывая ходы от одного хранилища к другому.

И, представьте, меня снова посетила удача.

Узелок 11
ЖЕРТВА РАССКАЗЫВАЕТ О СЕБЕ

В Подольске, в архиве бывшего Министерства обороны СССР, обнаружился редчайший документ: автобиография Кулика, написанная им собственноручно. Судя по дате, Григорий Иванович сочинял ее накануне утверждения в должности заместителя наркома обороны. Таков был строгий порядок, заведенный кадровиками — перед каждой новой ступенькой в послужном списке кандидат на должность заполнял разные анкеты, а также собственноручно писал автобиографию. И каждый раз дотошные кадровики тщательно сверяли новое жизнеописание с теми, которые хранились в личном деле. Если человеку было что скрывать, он попадался на разночтениях.

Описание своей жизни Григорий Иванович начинает с детства. «Я родился в 1890 году на хуторе Дуднико-во, около г. Полтавы, б. Полтавской губ. и уезда (ныне Полтавская обл.), — пишет он, — в семье крестьянина-бедняка. Отца своего я не помню, т. к. умер он в год моего рождения.

Наша семья, состоящая из 9 человек, занималась сельским хозяйством и имела две десятины земли. Я в семье из детей был самый младший. После женитьбы братьев и раздела земли мне с матерью досталась доля в размере 1/2 десятины земли.

В 1906 или 1907 году мать через банк с рассрочкой на 50 лет купила дополнительно две десятины земли, и вот на этой земле я работал до призыва в царскую армию, т. е. до 1912 г.»

Судя по началу, будущий маршал уже в детстве познал, почем фунт лиха. Труд на земле — не самый легкий.

Далее следует описание военной службы, на которую его, крестьянского парня, призвали в 22-летнем возрасте.

«В царской армии служил в артиллерийских частях от рядового солдата до старшего фейерверкера (унтер-офицера), командира взвода…»

В артиллерию брали парней смекалистых, знавших грамоту, сообразительных. И если парень из глухого хутора попал в пушкари, значит, был не таким уж неотесанным и примитивным деревенщиной, как изображают его иные авторы.

«В должности старшего фейерверкера убыл в 1914 г. на фронт и всю империалистическую войну в должности старшего фейерверкера пробыл на фронте.

Февральская революция меня застала на фронте, где сразу же я был избран председателем батарейного комитета, потом-дивизионного и бригадного и перед Октябрьской революцией был уже председателем солдатского комитета 9-й пехотной дивизии. Через газету «Окопная правда» начал знакомиться с большевистской партией.

В апреле 1917 г. я был избран делегатом на съезд Западного фронта, который состоялся в г. Минске».

Руководитель батарейного, дивизионного, бригадного комитетов. Затем возглавил солдатский комитет дивизии. Делегат съезда представителей солдатских комитетов фронта… Согласитесь, для этого требовалось обладать кое-какими данными. Так ли уж был недалек 27-летний фейерверкер?

Конечно, к числу партийных пропагандистов-подпольщиков его не отнесешь. Он честно, хотя и напыщенно, рассказывает, как произошло его знакомство с большевиками:

«На этом съезде я впервые услышал выступления большевиков, и тут у меня окончательно сформировалось большевистское мировоззрение, и на этом съезде я отстаивал линию большевиков.

Нужно отметить, что революционные взгляды, кровная ненависть к царскому самодержавию, помещикам, офицерам и попам у меня сложилась значительно раньше, еще в 1903 году, при следующих обстоятельствах. Район Полтавщины в 1903 году был охвачен крестьянскими восстаниями, и в это время было разгромлено поместье нашего помещика. Я еще мальчишкой видел, как жестоко и зверски расправлялись с крестьянами за эти крестьянские восстания карательные отряды, запарывая насмерть крестьян.

В 1905 году за участие в забастовке был арестован мой брат (старше меня на 18 лет), работавший в то время рабочим в железнодорожных мастерских на ст. Белгород, и был заключен в Курскую тюрьму.

В 1906 году моего брата с группой рабочих, арестованных по этому же делу, судили при закрытых дверях.

На этом суде разрешалось присутствовать по одному человеку из родственников, и от нашей семьи поехал на суд я. Этот судебный процесс, продолжавшийся три недели, был первой моей партийной школой, еще более выработавшей во мне ненависть к царскому самодержавию и его приспешникам. Мой брат был осужден на два года и восемь мес., и свое наказание он

отбывал в Петропавловской крепости. После подавления крестьянского восстания и ареста моего брата в нашей местности работали революционно настроенные студенты, которые, по всей вероятности, зная об аресте и заключении в крепость моего брата, сблизились со мной, и я помогал в их работе».

Такой вот экскурс в прошлое. Далее следуют подробности:

«Моя помощь этим студентам заключалась в том, что я прятал революционную литературу, а был один случай — и оружие, а также посещал массовки, которые организовывались в лесу около г. Полтавы, примерно в 10 километрах от нашего хутора.

С конца 1912 года, будучи солдатом, я встречался с революционерами и через них начал вести работу среди солдат.

Примерно около 10 раз за период с конца 1912 года до ухода на фронт, т. е. по август 1914 г., я был на массовках, организуемых революционерами, и при разгоне одной из таких массовок был избит нагайкой казаками, в результате чего спина около двух месяцев болела, и я не мог, чтобы не выдать себя, обратиться за оказанием медицинской помощи.

В этот же период, т. е. в начале 1913 года, в г. Полтаве я вступил в местную революционную организацию, а это решение явилось результатом того, что тот гнет и произвол, которые имели место в казарме и испытывали солдаты, испытывал и я».

Далее автор честно признается: «Если сейчас спросить меня, какая это была организация, меньшевистская или эсеровская, просто затрудняюсь точно ответить, т. к. в политике я в тот период очень плохо разбирался (обратили внимание? Не плохо, а очень плохо. — *Н. З.*). Что в тот период меня удовлетворяло в требованиях этих революционеров? Свержение царского самодержавия, передача земли крестьянам за плату и власти учр. собранию.

В 1914 году с уходом на фронт я всякую связь с революционерами до Февральской революции потерял. Но это не значит, что, будучи на фронте, я не вел революционной работы среди солдат. Ненависть к царскому самодержавию, к капиталистам, офицерам и попам я среди солдат всегда прививал, и это позднее сказалось при выборе меня председателем в солдатский комитет».

И все же точкой отсчета в своей революционной деятельности Кулик считает участие в съезде представителей солдатских комитетов Западного фронта в Минске.

«В 1917 году после возвращения со съезда делегатов Западного фронта, — вспоминает он, — я уже более уверенно повел революционную работу. В момент июньского наступления в

1917 году на Крево и Сморгонь, будучи председателем дивизионной комиссии 9-й пехотной дивизии, я выступил с призывом к солдатам против наступления, за что был арестован, а вскоре под нажимом солдатской массы был освобожден, а дивизия переброшена на Румынский фронт, как дивизия политически неблагонадежная.

В октябре 1917 года во время ухода войск с фронта я с группой вооруженных солдат отправился пешком домой на Украину, где в это время находилась у власти Украинская рада. Эти солдаты впоследствии были основным ядром созданного мной красногвардейского отряда.

В первых числах ноября 1917 года в г. Полтаве я вступил в подполье, в партию большевиков. В этот же период я по заданию партийной организации начал формировать красногвардейский отряд.

В январе 1918 года со своим отрядом выступил против гайдамаков и, нанеся им удар в тыл, облегчил наступление Красной гвардии со стороны Харькова на Полтаву.

Со своим отрядом участвовал в захвате г. Полтавы и далее г. Киева. В начале 1918 г., командуя отрядом, прикрывал с боями отход частей Красной гвардии при наступлении немецких оккупационных войск в направлении: Полтава, Харьков, Изюм, Ямы и Родаково.

В районе Луганска на ст. Родаково присоединился со своим отрядом к красногвардейским отрядам рабочих Донбасса, где в апреле 1918 года все отдельные красногвардейские отряды, отступавшие с Украины, были объединены в 5-ю Украинскую армию под командованием тов. Ворошилова, и я был выбран начальником артиллерии этой армии, одновременно командуя Харьковской батареей…»

Судьба случайно свела его с Ворошиловым, и с того момента они уже неразлучны. Впрочем, по некоторым источникам, отряд Кулика был насильно влит в 5-ю армию, а недобровольно присоединился к ней, как утверждает автор. Но это уже детали. Ворошилову, который сам в армии не служил даже в качестве рядового, понравился смышленый пушкарь с черной смоляной бородой и веселыми цыганскими глазами. Луганский слесарь доверил ему всю артиллерию своей армии.

«При подходе в июне 1918 года, — продолжает Кулик, — 5-й Украинской армии к Царицыну, эта армия и все отдельные отряды г. Царицына под руководством т. Сталина и тов. Ворошилова были реорганизованы в 10-ю армию, и я был назначен начальником артиллерии, под руководством тов. Сталина участвовал в обороне Царицына против белых и их

разгроме».

Кулик умалчивает (из скромности или из опасения?) о решающей роли, которую сыграл в царицынских событиях — сосредоточении всей артиллерии на одном участке, разгроме войск генерала Денисова, что принесло Сталину лавры победителя и твердо упрочило за ним славу выдающегося организатора боевых действий. После Царицына Ленин посылал Сталина в качестве своего личного представителя на наиболее трудные фронты гражданской войны.

«В марте 1919 г. после полученного ранения я до окончательного выздоровления в течение 1,5 мес. исполнял должность губернского военного комиссара и нач. гарнизона г. Харькова. В этот период времени, будучи председателем тройки, непосредственно руководил подавлением меньшевистских и эсеровских восстаний в Белгороде, Сумах и Харькове».

Здесь будет кстати напомнить, что в молодости Кулик участвовал в работе то ли меньшевистских, то ли эсеровских революционных организаций. Но — времена меняются…

«В мае 1919 года во время восстания банд Григорьева я был назначен начальником артиллерии этой вновь созданной под командованием тов. Ворошилова армии. За ликвидации григорьевского восстания был награжден первым орденом Красного Знамени.

После разгрома банд Григорьева эта армия в июне 1919 г. переформировывается в 14-ю армию под командованием тов. Ворошилова, и я назначаюсь начальником артиллерии этой армии.

С переводом тов. Ворошилова из 14-й армии я был по приказу Троцкого с должности начальника артиллерии армии снят и назначен комиссаром артиллерии 14-й армии, а вместо меня назначен бывший офицер, оказавшийся впоследствии предателем, который был расстрелян. Лишь с приездом в 14-ю армию тов. Серго Орджоникидзе по указанию тов. Сталина, находящегося в тот момент на Южном фронте, я вновь был назначен начальником артиллерии 14.-й армии.

В составе 14-й армии я, как начальник артиллерии армии, объединяя всю артиллерию армии, участвовал в разгроме под Кромами армии генерала Май-Маевского.

В июне 1920 г. я был назначен начальником артиллерии 1-й Конной армии и в составе Конной армии участвовал в разгроме Деникина, белополяков и Врангеля. За эти боевые операции я был награжден вторым орденом. Красного Знамени».

Где, в каких книгах беллетристов, военных историков или мемуарах полководцев гражданской войны описаны боевые

подвиги этого человека? Его имени вы не найдете даже в хрестоматийном «Пройденном пути» Буденного С. М..

«В 1921 году я был назначен начальником артиллерии Северо-Кавказского воен. округа (которым командовал Буденный. — *Н. З.),* где принимал участие в качестве командира и председателя тройки соединения, участвовавшего в подавлении контрреволюционного восстания на Дону в 1921 и в 1922 гг.»

Сегодня по поводу тех восстаний превалирует иная точка зрения. Но историю не перепишешь заново: да, Кулик принимал участие в расправах и неправедных судах над восставшими казаками. Когда он писал свою автобиографию, эти действия считались геройством…

Период после гражданской войны у Кулика был типичным в восхождении по ступенькам военной иерар: хии для выходцев из рядовой солдатской массы, отличившихся в братоубийственных битвах.

«В 1923 году я был направлен на учебу в Военную академию РККА. Это была первая школа, где я получил основательные политические и военные знания.

В ноябре 1924 года я был назначен помощником начальника артиллерии РККА. В этой должности проработал до конца 1925 года.

В конце 1925 года я был направлен для работы в Военно-промышленный комитет ВСНХ, где проработал в качестве зам. председателя комитета до конца 1926 года.

В 1926 году был назначен начальником Артиллерийского управления РККА, где работал до конца 1929 года.

С конца 1929 года по октябрь 1930 года командовал Московской Пролетарской дивизией. Вдень 10-й годовщины обороны Царицына за активное участие в обороне Царицына был награжден третьим орденом Красного Знамени.

Осенью 1930 года был направлен на учебу на Особый факультет академии имени Фрунзе, где учился до конца 1932 года. В конце 1932 года после окончания академии был назначен на должность командира-комиссара 3-го стрелкового корпуса, где и прослужил до июня 1937 года.

В 1937 году за особые заслуги по выполнению задания правительства награжден орденом Ленина.

В конце 1937 года был назначен начальником Артиллерийского управления РККА и в этой должности состою по настоящее время.

Состоял членом ЦИК СССР 7-го созыва.

В данное время состою депутатом Верховного совета СССР от Речицкого избирательного округа БССР.

В 1938 году к XX-летию РККА награжден вторым орденом Ленина.

В троцкистских и других контрреволюционных группировках не участвовал, всегда боролся за генеральную линию партии.

В плену у белых не был.

В период гражданской войны был пять раз ранен (из них два раза легко) и два раза контужен.

Образование до армии имел 4 класса.

Женат».

Так бесхитростно описал свой жизненный путь начальник артиллерийского управления РККА командарм второго ранга Г. И. Кулик. Под автобиографией стоит дата: «5 января 1939 года».

Последующая его жизнь предстает из документов, изложенных в этом исследовании.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

В 1940 году, получив маршальскую звезду, Григорий Иванович навестил земляков. Замнаркома-обороны прилетел на военном самолете в Полтаву, оттуда блестящий кортеж автомашин взял курс на маленький заброшенный хутор.

Маршал щедро одарил соседей богатыми подарками, устроил на поляне угощение.

Когда захмелевшие гости вышли из-за столов, чтобы размяться, к лоснившемуся от удовольствия маршалу подошло хуторское посмешище в образе припадочного деда, жившего в полуразвалившейся хибаре. Спившийся дед Грицко когда-то был закадычным дружком отца Кулика.

— Ох, высоко взлетел, Гришенька! Неужели с самим Сталиным — ясным соколом — за одним столом сидишь? В Кремле?

— Бывает, — скромно потупил очи осмотрительный земляк.

— Смотри, Гриша, кремлевский огонь горяч больно. Как бы крылышки не обгорели. А знаешь, что я тебе по-землячески скажу? Сидел бы ты лучше на отцовской печи, на хуторе. Детки, землица, внуки.

Лицо деда внезапно стало страшным:

— Сгинешь в Москве, пропадешь…

Старика-пропойцу оттеснили соседи:

— Опять перебрал, старый. Не слушай его, Григорий Иванович, простите, товарищ Маршал Советского Союза. С перепития у него это… Весь ум пропил.

Никто не расскажет, о чем он думал, когда его вели на расстрел. Мелькнули ли в его угасающем сознании слова старого

пьянчужки с родного хутора?

ДОПРОСЫ ГЕНЕРАЛА АРМИИ
Пьеса для чтения с прологом и эпилогом

Пролог

Знойным летним днем 1957 года, а если, как требует жанр избранного нами сочинения, быть точным, то 24 июля, возле здания Верховного суда СССР остановилась машина правительственной фельдсвязи. Человек в военной форме с портфелем в левой руке, вышедший из подкатившего автомобиля, привычно толкнул тяжелую дверь и, предъявив на входе постовому служебное удостоверение, поднялся на второй этаж, где находилась канцелярия.

Офицер фельдсвязи бывал здесь многократно, поэтому сразу же направился к знакомому кабинету, где сидел начальник канцелярии. Щелкнув замком портфеля, посетитель извлек из него тонкий пакет с сургучными печатями по краям и надписью «Прокуратура СССР» сверху.

Начальник канцелярии Военной коллегии привычно взглянул на наручные часы и проставил время получения пакета на приклеенном сверху квадратике белой бумаги, указал число и месяц, размашисто расписался. Затем оторвал наклейку и передал ее фельду.

Попрощавшись, офицер ушел.

Начальник канцелярии вскрыл конверт. Прежде чем зарегистрировать поступивший документ, бегло пробежал несколько страничек отпечатанного на машинке текста.

Это было заключение Генерального прокурора СССР Р. А. Руденко в порядке статьи 378 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР по делу бывшего командующего

Западным фронтом генерала армии Д. Г. Павлова, а также подчиненных ему генералов, расстрелянных 22 июля 1941 года по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР. Генеральный прокурор предлагал суду отменить приговор, вынесенный более четверти века назад в отношении генерала армии Д. Г. Павлова, генерал-майора В. Е. Климовских, генерал-майоров А. Т. Григорьева и А. А. Коробкова, а уголовные дела в отношении названных лиц прекратить — в связи с отсутствием в их действиях состава преступления.

Начальник канцелярии, поскольку был сравнительно новым работником Военной коллегии, не знал обстоятельств осуждения группы военачальников Западного фронта во главе с командующим. Поэтому с нескрываемым интересом ознакомился с представлением Генерального прокурора.

«Н-да», — наверное, произнес философски канцелярист, удивляясь превратностям человеческих судеб. Однако быстро

подавил возникшие эмоции, и в следующую минуту с совершенно невозмутимым видом проставил на поступившей бумаге красный штемпель и входящий номер. Это бесстрастное выражение лица и засвидетельствовала сотрудница канцелярии, которую начальник вызвал для того, чтобы дать ей необходимые распоряжения о дальнейшем прохождении документа.

Обычно медлительная, неповоротливая бюрократическая машина завертелась с невиданной быстротой! Такой темп задал ей звонок председателя Военной коллегии Верховного суда по внутреннему телефону начальнику канцелярии: поступил ли из прокуратуры документ относительно бывшего командующего Западным фронтом Павлова, и группы его генералов? Услышав, что поступил, звонивший попросил принести ему документ незамедлительно.

События развивались стремительно. Ровно через неделю, 31 июля, Военная коллегия собралась для обсуждения изложенного в письме Руденко предложения. Это было непохоже на прежних членов по старинке вызывавшего трепет карательного органа. Состав Военной коллегии Верховного суда СССР действовал во времена хрущевской оттепели. Определение было единодушным: заключение Генерального прокурора обоснованно, приговор от 22 июля 1941 года в отношении Д. Г. Павлова и трех подчиненных ему генералов отменить по вновь открывшимся обстоятельствам, дело на военачальников прекратить за отсутствием состава преступления.

Военачальники реабилитированы, им возвращены добрые имена.

За что их расстреляли, предварительно навесив позорные ярлыки трусов и предателей? Более четверти века эти имена были под запретом. Да и после реабилитации в 1957 году настоящая правда об их трагедии не сказана. Кое-какие детали проскользнули в «Войне» Ивана Стаднюка, но и он, как выяснилось, руководствовался лишь устными рассказами фронтовиков. К архивным материалам его так и не допустили.

И вот час пробил — передо мной подлинные протоколы допросов арестованного генерала армии Павлова, а также стенограмма судебного заседания, приговорившего его к расстрелу. Страшная картина суда — скорого и неправого. Тут, как говорится, ничего не прибавить и не убавить — документ есть документ. Единственное, во что я внес поправки — это названия географических объектов. В стенограммах некоторые белорусские населенные пункты зафиксированы с ошибками — наверное, на слух записывались. Остальное без изменений, в том числе и стилистика.

Уверен, это будет потрясающее чтение! Иному профессионалу-драматургу ни за что не додуматься до таких высот сценического напряжения. Я бы так определил этот жанр: пьеса для чтения. Все четыре ее действия и заключительное действие — похлеще иного детектива.

«ВЫ С УМА СОШЛИ! Я НЕ ПРЕДАТЕЛЬ…»

Допрос-действие 1. Начат 7 июля 1941 г. в 1 час 30 мин. Окончен 7 июля в 16 час. 10 мин.

Протокол донес до нас фамилии и должности допрашивавших. Их двое. Врид зам. начальника следственной части 3-го Управления НКО СССР старший батальонный комиссар Павловский. Инициалы отсутствуют. Следователь 3-го Управления НКО СССР младший лейтенант госбезопасности Комаров. Имени и отчества тоже нет.

Об этих людях ничего не известно. Мы не знаем, какая у них была внешность, молоды они были или в летах, хотя по воинскому званию — младший лейтенант — о втором этого не скажешь. Не сохранилось сведений об их привычках, увлечениях, семьях, родителях. Никто не может сказать, где и когда закончился их жизненный путь.

Известно только одно: первый допрос арестованного генерала армии Павлова, Героя Советского Союза, награжденного тремя орденами Ленина и тремя орденами Красного Знамени, сорокачетырехлетнего участника шести войн, длился 15 часов подряд. Начиная с половины второго ночи.

О подследственном в протоколе допроса сказано следующее: Павлов Д. Г., 1897 года рождения, уроженец Костромской губернии, из крестьян, бывший командующий Западным фронтом — генерал армии, член ВКП(б).

Допрашивали попеременно, уставшего следователя сменял другой. Правда, из стенограммы допроса не видно, кто какой вопрос задавал. Фамилии допрашивавших стоят в конце протокола, а в тексте безыменно зафиксировано: «Вопрос».

Итак, первый ВОПРОС. Вам объявили причину вашего ареста?

ОТВЕТ. Я был арестован днем 4 июля с. г. в Довске, где мне было объявлено, что я арестован по распоряжению ЦК.

Позже со мной разговаривал зам. пред. Совнаркома Мехлис и объявил, что я арестован как предатель.

ВОПРОС. В таком случае приступайте к показаниям о вашей предательской деятельности.

ОТВЕТ. Вы с ума сошли? Я не предатель. Поражение войск, которыми я командовал, произошло по не зависящим от меня причинам.

ВОПРОС. У следствия имеются данные, говорящие за то, что ваши действия на протяжении ряда лет были изменническими,

которые особенно проявились во время вашего командования Западным фронтом.

ОТВЕТ. Я не изменник, злого умысла в моих действиях, как командующего фронтом, не было. Я также не виновен в том, что противнику удалось глубоко вклиниться на нашу территорию.

ВОПРОС. Как же в таком случае это произошло?

Протокол допроса зафиксировал паузу, наступив-, шую после этого вопроса следователя. Допрашиваемый замолчал, о чем-то сосредоточенно думая. Остается только догадываться о чем. Может, о том, как бы понятнее объяснить этому младшему лейтенанту стратегическую обстановку, сложившуюся на Западном фронте? Способен ли он понять своим лейтенантским умом движение армий, корпусов, дивизий? А может, подследственный думал о своем унизительном положении?

Как-никак, генерал армии, командующий фронтом, а вынужден давать показания какому-то, извините, сопляку, мальчишке. Хотя бы следователя званием повыше подобрали.

Он пытался проявить характер еще там, в Довске, когда пожилой генерал-лейтенант в очках и с отвисшими усами, сопровождаемый двумя рослыми молодцами в военной форме без знаков различия, произнес зловещие слова: «Именем советского закона вы арестованы!». Побледневший Павлов скользнул взглядом по предъявленному ордеру на арест. Все на месте — печать, дата, подпись заместителя Генерального прокурора.

Случилось самое непредвиденное. Арест произошел в Довске, на пути к новому месту службы, куда его направил Тимошенко, министр обороны и одновременно новый командующий Западным фронтом, прибывший на смену Еременко, который пробыл в этой должности несколько дней. Обстановка после взятия немцами Минска ухудшалась с каждым днем, и Сталин вынужден был отправить на западное направление самого наркома обороны. Павлов вспомнил, как он сильно переживал в лесу под Могилевом, куда переехал штаб фронта из Красного урочища под Минском, когда к нему в блиндаж заявился Еременко и протянул приказ наркома Тимошенко о вступлении в должность командующего фронтом. Павлова потрясла даже не сама весть о снятии с должности, а то, что на смену ему, генералу армии и Герою Советского Союза, прислали всего только генерал-лейтенанта, шестью годами позже его кончавшего академию, выше дивизии и корпуса не поднимавшегося, если не считать недолговременного командования армией на Дальнем Востоке.

Уязвленное самолюбие несколько улеглось, когда фронт принял маршал и нарком Тимошенко. При встречах Семен Константинович отводил глаза. Ворошилов на правах старого

приятеля посоветовал после появления Еременко:

— Дима, надо ехать в Москву. К Сталину. Не объяснишься сам, это сделают за тебя. И не в твою пользу.

Павлов последовал совету многомудрого Клима. Только собрался в дорогу, а тут и шифрограмма из Генштаба: генералу армии Павлову прибыть в наркомат обороны.

По дороге в Москву сочинял в голове оправдания. Что скажет в наркомате, что в ЦК, что самому. Если, конечно, призовет пред свои очи, — шевельнулась обдавшая холодным потом мыслишка.

Не призвал. Более того, не захотели встретиться сколько-нибудь влиятельные люди в Кремле, на Старой площади, и что самое обидное — в наркомате обороны, где несколько лет оттрубил начальником автобронетанкового управления. Бывшие сослуживцы шарахались от него в коридорах, как от зачумленного.

Все попытки попасть на прием к руководству наркомата и Генштаба успехом не увенчались. Более недели околачивался по приемным, безуспешно пытаясь пробиться сквозь стену вышколенных адъютантов и порученцев, по бесстыжим глазам которых было видно: лгут. На месте были нарком и его замы, начальник Генштаба, не говоря уже о самом, путь к которому был для него заказан. Никто не пожелал выслушать, понять, посочувствовать.

Обескураженный таким отношением, Павлов ничего другого не придумал, кроме как вернуться назад, на свой Западный фронт. Не принял Тимошенко в Москве, на КП фронта разминуться трудно. Желанная встреча состоялась, и Тимошенко своей властью наркома направил Павлова на Юго-Западный фронт, к Кирпоносу, формировать новый механизированный корпус. Оставаться на Западном фронте бывшему командующему было больше нельзя — мозолил глаза. Да и бывшие подчиненные попадали в неловкое положение, видя каждый день бывшего командующего. Больше встреч не было.

Не знал снятый генерал, отчего Семен Константинович сторонился, избегая встреч. Маршал, как нарком обороны, дал санкцию на его арест.

Портупею с кобурой и пятизвездный мундир «полного» генерала сдал конвойным в Довске, памятном по 1940 году, когда здесь после крупных войсковых учений состоялся большой военный парад. Довск — старинный белорусский городок, расположенный на перекрестке дорог между Кричевом и Оршей. Там Павлова, маршала пехоты, обрядили в поношенную гимнастерку рядового красноармейца. Только гладко выбритая голова да холеное откормленное лицо напоминало о прежнем

высоком положении.

Он наотрез отказался отвечать на какие-либо вопросы допрашивавших. Уж больно низкие звания были у них. «Допрос возможен только в присутствии наркома обороны или начальника Генштаба!» — упрямо твердил он, не глядя на следователей-особистов.

После очередного такого вскрика дверь блиндажа отворилась настежь, и на пороге появился Мехлис. Следователи при его появлении встали.

— Это кто не хочет давать показания?! — зло сверкнул очками вошедший.

— Я опять повторяю: на вопросы буду отвечать только в присутствии наркома обороны или начальника генштаба, — устало произнес Павлов, не поднимаясь с табуретки.

— Ах, не будешь! — остановился перед ним Мехлис. — Тебе мало заместителя Председателя Совнаркома, наркома государственного контроля, члена Военного совета фронта? Самого товарища Сталина подавай? Много чести… От имени Совнаркома приказываю отвечать на вопросы следствия!

Выпалив все это прямо в лицо Павлову, Мехлис стремительно выбежал из блиндажа.

И Павлов повиновался. Понимая, что пауза после вопроса следствия угрожающе затянулась, собрал остатки воли в кулак и заговорил. Стенографист в углу бесстрастно фиксировал показания арестованного генерала, не считавшего себя виновным в страшной. катастрофе.

— Я вначале изложу обстановку, при которой начались военные действия немецких войск против Красной Армии, — глуховатым голосом заговорил Павлов. — В час ночи 22 июля сего года по приказу народного комиссара обороны я был вызван в штаб фронта. Вместе со мной туда явились член Военного совета корпусной комиссар Фоминых и начальник штаба фронта генерал-майор Климовских.

Первым вопросом по телефону народный комиссар задал: «Ну, как у вас, спокойно?». Я ответил, что очень большое движение немецких войск наблюдается на правом фланге, по донесению командующего 3-й армии Кузнецова, в течение полутора суток в Сувалковский выступ шли беспрерывно немецкие мехколонны. По его же донесению, на участке Августов — Сопоцкин во многих местах со стороны немцев снята проволока заграждения. На других участках фронта я доложил, что меня особенно беспокоит группировка в Бялоподляске.

На мой доклад народный комиссар ответил: «Вы будьте поспокойнее и не паникуйте, штаб же соберите на всякий случай

сегодня утром, может, что-нибудь и случится неприятное, но смотрите, ни на какую провокацию не идите. Если будут отдельные провокации — позвоните». На этом разговор закончился.

Согласно указанию наркома я немедленно вызвал к аппарату ВЧ всех командующих армий, приказав им явиться в штаб армии вместе с начальниками штабов и оперативных отделов. Мною также было предложено командующим привести войска в боевое состояние и занять все сооружения боевого типа и даже недоделанные железобетонные.

На это мое распоряжение Кузнецов ответил, что согласно ранее мною данных указаний, патроны войскам он раздал и в настоящее время приступает к занятиям сооружений.

Командующий 10-й армией Голубев доложил, что у него штабы корпусов после военной игры оставлены для руководства войсками на том месте, где им положено быть по плану. Я предупредил Голубева, чтобы он войска держал в полной боевой готовности и ждал моих дальнейших распоряжений.

Коробков — командующий 4-й армией, доложил, что у него войска готовы к бою. Боеготовность Брестского гарнизона он обещал проверить. На это я Коробкову указал, что гарнизон должен быть на том месте, где ему положено по плану, и предложил приступить к выполнению моего приказания немедленно.

Явившись ко мне в штаб округа, командующий ВВС. округа Копец и его. заместитель Таюрский доложили мне, что авиация приведена в боевую готовность полностью и рассредоточена на аэродромах в соответствии с приказом НКО.

Этот разговор с командующими армий происходил примерно около двух часов ночи.

Прервем на минутку показания Павлова. Итак, мы знаем, что в составе Западного особого военного округа накануне боевых действий было три армии. Одной, дислоцировавшейся в районе Гродно, командовал генерал Кузнецов. Вторая находилась в Белостокском выступе — ею командовал генерал Голубев. Третья, под командованием генерала Коробкова, прикрывала Брестское направление. Это мы уяснили. Теперь мы знаем и то, что в два часа ночи 22 июня командующий округом после звонка наркома обороны переговорил со всеми тремя командармами, выслушал их доклады об обстановке и предупредил о возможных осложнениях этой ночью. Что касается командующего авиацией округа, то он лично прибыл в штаб округа к Павлову. Таким образом, все были на своих местах, никто не сомкнул глаз в ту

тревожную ночь, и, следовательно, распространенные досужие упреки в беспечности высшего командного состава, который боевые действия застали сладко спящими дома в постелях, не имеют под собой оснований.

Продолжение показаний Павлова. В 3 часа 30 минут народный комиссар обороны позвонил ко мне по телефону снова и спросил — что нового? Я ему ответил, что сейчас нового ничего нет, связь с армиями у меня налажена и соответствующие указания командующим даны.

Одновременно я доложил наркому, что вопреки запрещению начальником ВВС Жигаревым заправить самолеты бензином НЗ и заменить моторы за счет моторов НЗ, я такое распоряжение отдал Копцу и Та-юрскому. Народный комиссар это мое распоряжение одобрил. Я обещал народному комиссару дальнейшую обстановку на моем участке доложить после вторичных переговоров с командующими армий.

В течение дальнейших 15 минут я получил от командующих следующую информацию:

от командующего 10-й армией — «Все спокойно», от 4-й армии — «Всюду и все спокойно, войска выполняют поставленную вами задачу». На мой вопрос — выходит ли 22-я танковая дивизия из Бреста, получил ответ: «Да, выходит, как и другие части». Командующий 3-й армией ответил мне, что у него ничего нового не произошло. Войска Иванова — начальника укрепрайона — находятся в укреплениях. 56-я стрелковая дивизия выведена на положенное ей место по плану; 27-я стрелковая дивизия тоже на своем месте, она примерно за месяц до начала военных действий мною была переведена из Сопоцкин — Гродно на Августов — Граево, Сухового. Эти места утверждены генеральным штабом.

Снова прервем допрашиваемого. От упреков, что советских командиров немцы брали в первую ночь войны тепленькими в мягких постелях, не остается камня на камне. В штабах шла интенсивная работа. Генералы не спали, войска выводились из городов и направлялись к местам боевого развертывания. Спрашивается, кому нужно было возводить напраслину на людей, честно и добросовестно выполнявших свой воинский долг?

Вопрос непростой, но мы попытаемся на него ответить. Немного погодя, по мере углубления в эту еще покрытую мраком тему.

Продолжение показаний Павлова. Я отправился доложить новую обстановку народному комиссару обороны и прежде чем

добился Москву, мне позвонил по телефону Кузнецов, доложив: «На всем фронте артиллерийская и ружейно-пулеметная перестрелка. Над Гродно — до 50–60 самолетов, штаб бомбят, я вынужден уйти в подвал». Я ему по телефону передал ввести в дело «Гродно-41» (условный пароль плана прикрытия) и действовать не стесняясь, занять со штабом положенное место. После этого я срочно позвонил в Белосток. Белосток ответил: «Сейчас на фронте спокойно».

Примерно в 4.10—4.15 я говорил с Коробковым, который тоже ответил: «У нас все спокойно».

Через минут 8 Коробков передал, что «на Кобрин налетела авиация, на фронте страшенная артиллерийская стрельба». Я предложил Коробкову ввести в действие «Кобрин 41 года» и приказал держать войска в руках, начинать действовать с полной ответственностью.

Все, о чем доложили мне командующие, я немедленно и точно донес народному комиссару обороны. Последний ответил: «Действуйте так, как подсказывает обстановка».

ВОПРОС. Через сколько минут вы доложили народному комиссару обороны сообщение Кузнецова о том, что противник открыл в районе расположения его армии артиллерийский и ружейно-пулеметный огонь?

ОТВЕТ. Доложил я сообщение Кузнецова наркому минут через 10–12.

Сделав это уточнение, следователь разрешил арестованному продолжать изложение дальнейшей обстановки.

Продолжение показаний Павлова. После доклада народному комиссару обороны мною было отдано распоряжение штабу вступить в связь в соответствии с нашим планом и особенно в радиосвязь. Примерно около 5 часов по междугородному телефону обходными линиями мне доложил обстановку Кузнецов. Он сообщил, что войска противника им сдерживаются, но что Сопоцкин весь горит, так как по нему была произведена особо сильная артиллерийская стрельба и что противник на этом участке перешел в наступление, пока атаки отбиваем.

Примерно в 7 часов прислал радиограмму Голубев, что на всем фронте идет ружейно-пулеметная перестрелка и все попытки противника углубиться на нашу территорию им отбиты.

Генерал Семенов — заместитель начальника штаба фронта — мне доложил, что Ломжа противником взята, но контрударом 6-й кавдивизии противник из Ломжи снова выбит. С этого времени радиосвязь со штабом 10-й армии начала работать с перерывами. На мой запрос точно указать положение наших частей штаб 10-й

армии шифром доложил, где какие дивизии находятся и обстановку, по которой было видно, что части на фронте успешно отражают атаки противника, нанося ему огромный урон. Против частей 10-й армии действует пехота противника со сравнительно небольшим количеством танков и что быстрым ударом в районе Семятичи был застигнут и окружен противником батальон связи 113-й дивизии. Противник на этот участок вывел крупные мехчасти, и наши войска ведут с ним упорный бой. В некоторых местах наша пехота под давлением танков противника отходит в общем направлении на Брест. В этой же сводке говорилось, что командующий 10-й армией бросает в атаку танкистов 13-го мех-корпуса (там было около 200 танков всего) и привлекает весь корпус для участия в общем бою и что он намечает использовать для удара и 6-й мехкорпус, который ему также был подчинен.

ВОПРОС. Как вы оценили это сообщение командующего' 10-й армией?

ОТВЕТ. Я оценил, что противник сковывает действия 10-й армии действиями своей пехоты, с незначительным количеством танков с фронта и стремился нанести более мощный удар с направления Дрогичин, Нагайновка или севернее к горловине между Беловежской пущей и Супреневскими лесами.

ВОПРОС. Какие указания вы дали в соответствии с этим командующему 10-й армией?

ОТВЕТ. Командующему 10-й армией было дано указание — противотанковую бригаду немедленно вывести на свое место и развернуть в районе западнее Михалово, рубеж южнее Белостока.

Я указал также Голубеву, что ввод 6-го мехкорпуса в бой должен быть произведен для самого сильного удара, предложив хорошенько разобраться в обстановке и в соответствии с ней действовать. В этом же сообщении я ему указал, что мой заместитель Болдин выезжает к нему.

ВОПРОС. Новую обстановку вы доложили народному комиссару обороны?

ОТВЕТ. Сводки в адрес народного комиссара обороны, в соответствии с указанием генерального штаба, посылались исправно.

ВОПРОС. От народного комиссара вам поступали какие-нибудь указания?

ОТВЕТ. Я получал директивные указания Ставки исправно в соответствии с обстановкой.

ВОПРОС. Как дальше развивались события?

Продолжение показаний Павлова. Получив очень отрывочные данные из штаба 4-й армии о том, что эта армия в районе

Жабинки собирается наносить контрудар противнику, я был поставлен этим сообщением в недоумение, не понимая, как могла в такой короткий срок 4-я армия отступить на 30 километров от Бреста. Запросил Коробкова и получил ответ от него, что связь с 49-й и 79-й стрелковыми дивизиями он потерял. Место расположения 75-й дивизии знает и поддерживает с нею связь делегатами. Коробков доложил, что он бросает корпус Оборина в контратаку против очень крупных механизированных сил противника и что результат атаки донесет.

Из последующих данных было видно, что Жабинка в этот день семь раз переходила из рук в руки, что наша пехота всюду выбивала пехоту противника, но все-таки Коробков под давлением мехчастей противника начал отходить в Кобрин.

Мною было отдано распоряжение сообщить Коробкову радиотелеграммно, чтобы он не самовольничал и не бросал бы так легко рубежи, а дрался на каждом рубеже до разрешения на отход штаба фронта.

Мною были посланы делегаты к Коробкову, которые имели прямое указание в категорической форме потребовать от штаба 4-й армии руководства и управления войсками, предложив командующему и начальнику штаба армии за обоюдными подписями сообщать — где какие части находятся и в каком состоянии. Одновременно с этим мною была тронута вперед на помощь Коробкову в его распоряжение в направлении на Картуз-Березу вся 113-я стрелковая дивизия. Для ускорения ее переброски был назначен весь автомобильный полк, находящийся в Старых Дорогах. Кроме того, было указано Коробкову, что рубеж района Картуз-Береза должен быть подготовлен для обороны и прикрытия выброски 55-й дивизии. Все эти мероприятия потом были своевременно доложены народному комиссару обороны.

Во второй половине дня Кузнецов донес, что из трех имеющихся у него радиостанций — две разбиты, а одна оставшаяся повреждена, он просит подбросить радиостанцию. За это же время от него же поступили данные, что нашими частями оставлен Сопоцкин, и Кузнецов с дрожью в голосе заявил, что, по его мнению, от 56-й стрелковой дивизии остался номер. Я ему ответил, что напрасно рано паникуешь, люди соберутся. Спросил Кузнецова — что он делает с 85-й стрелковой дивизией. Он ответил, что 85-я дивизия, развернувшись на рубеже западнее Гродно, под давлением тяжелых танков противника начала отход на юг, юго-восток, но что он, Кузнецов, бросает в контратаку танковую дивизию Стеклова и попытается этим самым восстановить положение 85-й дивизии. На мой вопрос, каково

положение на его правом фланге, Кузнецов ответил, что там положение, по его мнению, катастрофическое, так как разрозненные части в районе Козе (севернее Гродно) с трудом сдерживают натиск противника, а стрелковый полк, находящийся между Козе и Друскенике, был смят ударом с тыла очень крупных механизированных частей, но что он сейчас собирает все, что у него есть под рукой, и бросает в район Козе. Наконец Кузнецов спросил: «Я чувствую, что нам придется оставить Гродно, в случае чего как быть со складами и семьями начсостава, многие из них уже остались у противника». Я ответил, что при оставлении каких-либо пунктов — склады и все добро, которое нельзя вывести, уничтожить полностью. Кузнецов передал трубку члену Военного совета Бирюкову, который снова спросил — как же быть с семьями? Я ответил: «Раз застал бой, сейчас дело командиров не о семьях заботиться, а о том, как ведется бой».

В следующем донесении штаб 3-й армии сообщил, что противник подошел к Гродно, и наши части оставляют город. По приказанию Кузнецова склады взорвали, армия из этого склада пополнялась снарядами.

В этот же день Голубев, чувствуя сильно развивающееся давление противника со стороны Семятичи в направлении на Брест-Бельск, не разобравшись с обстановкой, донес, что противник находится на подступах к Вельску, в то время как противник фактически дрался еще под Брестом. Голубев принял решение ввести в действие мехкорпус.

Оценивая всю обстановку, я усматривал, что штаб 3-й армии оставил Гродно и перешел в Лунно, но противник особенного давления и преследования 3-й армии не проявляет. На левом фланге 10-й армии противник ценою больших усилий развивает успех, тесня наши части. На остальных участках 10-й армии все попытки противника перейти в наступление отбиты. В 4-й армии чувствуется полная растерянность командования, note-ряно управление войсками, и противник быстро развивает успех, имея осью движения Бобруйско — Брестское шоссе.

В соответствии с обстановкой мною было приказано 6-му мотомехполку нанести удар противнику из исходного положения в направлении на Брест с задачей разгрома мехчасти противника в районе Бреста и по выполнении задач сосредоточить все в районе Волковыск в мое распоряжение. Этот приказ был продублирован делегатами с самолетов и по радио.

На участке 3-й армии мы потеряли Августовский район. На участке 10-й армии части оставались в том же районе, где они должны были быть по плану, кроме левого фланга, где противник занял Цехоновец, подходы к Бресту.

Части 4-й армии дрались за Жабинку, но мне стало известно, что при выходе из Бреста части 42-й, 6-й и 22-й танковой дивизий были обстреляны огромным количеством артиллерии противника, который весь свой огонь сосредоточил в первую очередь по домам начсостава, во вторую очередь по улицам и по дорогам и по гаражному расположению. Мне известно, что этим огнем противник нанес значительные потери материальной части выходящей из Бреста артиллерии. Это мне известно из доклада командира корпуса и танковой дивизии.

ВОПРОС. Какие вы, как командующий фронтом, сделали выводы из исхода первого дня боя?

ОТВЕТ. Из результатов первого боя я сделал следующий вывод, что против 10-й армии дерется по преимуществу пехота и что наша пехота успешно отбивает все атаки противника. На правом фланге против Кузнецова, в направлении на Сопоцкин, введены тяжелые танки противника, которые не пробиваются 45-мм артиллерией, и что противник за этими танками ввел свою пехоту, поломав нашу оборону. На правом же фланге Кузнецова был разгромлен весь полк крупной механизированной частью противника, пришедшего с севера из Литвы в составе 2–3 мехдивизий и 2–3 мотодивизий. Это заставило меня очень сильно опасаться за возможность разворота удара этой механизированной частью в общем на Лиду.

ВОПРОС. Какие меры вами были приняты, как командующим, для предотвращения прорыва фронта?

ОТВЕТ. На правом фланге мною было указано 3-й армии — используя атаку 11-го мехкорпуса в направлении Сопоцкин, частям 85-й дивизии этой же армии занять второй оборонительный рубеж западнее Гродно на Суховоло, фронтом на север. Потрепанные части 56-й дивизии я приказал Кузнецову собрать, поставить на правый берег реки Неман и оборонять Гродно и направление на Лиду.

Почувствовав удар из Литвы, я приказал командиру 21-го стрелкового корпуса (штаб в Лиде) занять оборонительный рубеж западнее Лиды противотанковой бригаде, северо-западнее — 17-й стрелковой дивизии, дабы удержать рубеж для того, чтобы выиграть время и дать возможность 37-й и 24-й стрелковым дивизиям сосредоточиться в районе северо-западнее Лиды и обеспечить правый фланг от удара из Литвы с направлением Ораны, войдя в связь с литовскими частями, что командиром 21-го стрелкового корпуса и было выполнено, но никаких частей в районе Ораны им найдено не было.

ВОПРОС. Ваше решение вы передали в порядке приказа командиру 21-го стрелкового корпуса?

ОТВЕТ. Да, это же распоряжение было передано и командующему 3-й армии, которому указывалось, что с момента получения настоящего приказа командир 21-го стрелкового корпуса входит в ее состав.

По левому флангу я уже докладывал: выдвигалась из Слуцка в направлении Картуз-Береза 55-я стрелковая дивизия, которая перебрасывалась на автомобильном транспорте с задачей войти в состав 4-й армии и закрыть Слуцкое направление. Кроме того, заканчивала сосредоточение в районе Обус-Лесная прибывшая поэшелонно 143-я дивизия с задачей усиления частей 4-й армии для нанесения контрудара в направлении Картуз-Береза или Миловицы по обстановке. Кроме того, в этом же районе стояла 131-я дивизия, подготовив рубеж реки Щара и в готовности нанести удар по обстановке или на Ру-жаны, или на Пружаны.

Но 10-я армия после того, как мною было указано Болдину произвести удар мехкорпусом в направлении на Брест с задачей разгрома мехчастей противника в этом районе и по выполнении задачи отойти в мой резерв на Волковыск, получив директиву Ставки, должна была нанести удар в северном направлении конно-механизированной группой с задачей восстановить положение в районе Гродно. Поставив новую задачу конно-механи-зированной группе 10-й армии, для выполнения ее мною был назначен генерал-лейтенант Болдин, который своевременно и прибыл на место.

Одновременно для руководства действиями 3-й и 10-й армий и проконтролировать удар конно-механизированной группы отбыл и 23 июня прибыл в штаб 10-й армии маршал Кулик.

В дальнейшем мы имели о 6-м мехкорпусе донесение, что он первой задачи не выполнил, командующий 10-й армии Голубев по неизвестной для меня причине в атаку его не пустил. Корпус переменил район сосредоточения, стал восточнее Белостока в районе Валилы. 29-я мотодивизия заняла фронт Соколка и юго-западнее.

ВОПРОС. Меры эти вы считали достаточно исчерпывающими, чтобы восстановить положение?

ОТВЕТ. Нет, недостаточными, но большего я не мог ничего сделать, так как частей у меня не было.

ВОПРОС. Выступавшая против вас группировка сил противника была вам точно известна?

ОТВЕТ. Нет, не точно. Эти данные уточнялись в процессе боя и авиаразведкой. В первый день боя стало ясно о наличии крупных мехсоединений противника в районе Бреста, Семятич, Жабинки и крупных мехсоединений в Литве в районе западнее Ораны. Напротив 10-й армии наступали до четырех-пяти

стрелковых дивизий и в направлении Сопоцкин — Гродно наступало до трех стрелковых дивизий с тяжелыми танками.

ВОПРОС. Вы приняли все меры, чтобы обеспечить армию радиостанциями?

ОТВЕТ. Да, все меры на этот счет были приняты. Когда в первый день боя Кузнецов позвонил мне и просил прислать радиостанцию, так как имевшиеся у него три были разбиты, я затребовал их из Москвы самолетом. Москва сначала не отвечала, а после повторных моих требований ответила, что выслала 18 радиостанций, но до дня моего ареста эти радиостанции получены не были.

ВОПРОС. Почему же все-таки немцам удалось прорвать фронт и углубиться на нашу территорию?

ОТВЕТ. На Брестском направлении против 6-й и 42-й дивизий обрушилось сразу три механизированных корпуса, что создало превосходство противника как численностью, так и качеством техники. Командующий 4-й армией Коробков, потеряв управление и, по-видимому, растерявшись, не смог в достаточной мере закрыть основного направления своими силами, хотя бы путем подтягивания на это направление 49-й дивизии. На 6-ю и 42-ю дивизии на этом же Брестском направлении противником была брошена огромная масса бомбардировочной авиации. По докладу Коробкова, эта авиация со всей тщательностью обрабатывала расположение нашей пехоты, а пикирующие бомбардировщики противника выводили из строя орудие за орудием. Господство авиации противника в воздухе было полное, тем паче что наша истребительная авиация уже в первый день одновременным ударом противника ровно в 4 часа утра по всем аэродромам была в значительном количестве выбита, не поднявшись в воздух. Я лично не мог физически проверить, как была рассредоточена на аэродроме авиация, в то время как командующий ВВС Копец и его заместитель Таюрский, зам. по политчасти Листов и начальник штаба ВВС Тараненко доложил мне, что приказ наркома обороны о сосредоточенном расположении авиации ими выполнен.

ВОПРОС. Имели ли вы сообщение, что на границе появились самолеты противника?

ОТВЕТ. Такое сообщение я получил одновременно с началом бомбежки. Минский центральный пост ВНОС (воздушное наблюдение, оповещение и связь) получил сообщение о перелете государственной границы авиацией противника через четыре минуты, а приграничные аэродромы это сообщение получили значительно раньше, но подняться в воздух не смогли, так как новой техникой в ночных условиях не овладели.

После этих наводящих вопросов допрашиваемому было разрешено продолжить показания о том, как развивались события на фронте дальше — т. е. на второй день войны. Характер уточнений, производимых следователями, говорит сам за себя: допрашивающие пытались выяснить причины гигантской катастрофы, обрушившейся на Западный фронт.

Бывший командующий не уклонялся от прямых ответов, он и сам пытался разобраться, что привело к трагедии. Павлов, разумеется, не мог знать всех причин крупных поражений своих войск — слишком мало времени прошло с момента первых боев, всего каких-то две недели. Только сейчас, когда наконец открылись военные архивы, стало ясно, почему Западному фронту не сопутствовал успех.

Отвечая на вопросы следователей, Павлов оперировал теми сведениями, которыми он располагал, как недавний командующий фронтом. В принципе он правильно обозначил болевые точки Красной Армии, используя которые гитлеровскому командованию удалось перехватить стратегическую инициативу.

Павлов был совершенно прав, когда с негодованием отвергал обвинения следствия о беспечности командного состава в ночь, когда войска вермахта вторглись в пределы СССР. Командиры частей, подвергшихся нападению, не нежились в мягких постелях, как это и поныне изображают иные беллетристы. Все были на своих постах. Но этого оказалось мало — находились в войсках, а не в городских квартирах. Не уступая офицерам вермахта в личной храбрости, а в большинстве случаев даже превосходя их, красные командиры значительно отставали от своих противников по уровню военного искусства.

История формирования и Красной, и германской армии имеет немало общего. Самым сходным признаком является то, что обе армии возникли на основе старых. Однако вот здесь и начинаются различия: если новая германская армия почти на сто процентов сохранила преемственность военной традиции, идущей со времен Фридриха II, то Красная Армия не взяла почти ничего от старой военной традиции России. Поэтому и качество командного состава, да и сама военная культура в советских вооруженных силах накануне гитлеровского вторжения была значительно ниже, чем у немецких офицеров.

Это общепризнанный факт, который в последние годы существования СССР уже не оспаривался даже советскими историками в погонах. А они, как известно, твердо стояли на страже интересов своего ведомства. Но и они вынуждены были признать: да, летом 1940 года на сборах командиров полков

Красной Армии из 225 присутствовавших там человек ни один не имел академического образования, лишь 25 окончили военные училища, а остальные 200 — только курсы младших лейтенантов.

О репрессиях тридцатых годов среди командного состава написано предостаточно, скрупулезно подсчитано, сколько погибло маршалов, командармов, комкоров и комдивов. В Германии к участникам первой мировой войны отнеслись с невиданным почтением. Их боевой опыт ценили очень высоко. Не случайно в гитлеровском вермахте все без исключения командующие группами армий и непосредственно армиями воевали в четырнадцатом на командных и штабных должностях. Притом в звании не ниже капитана. В Красной Армии из всех командующих фронтами и других высших командиров служили в первую мировую войну лишь считанные единицы — Говоров, Василевский, Баграмян. Да и то в низших званиях, в основном прапорщиками. Высшее звание — полковник — было только у Шапошникова.

Павлов ведь тоже звезд с неба не хватал, на военную верхотуру взобрался в тридцатые, голодные на военные кадры, годы. В первой мировой участвовал, но в качестве рядового. Взлет военной карьеры крестьянского сына из Костромы начался после революции. Учиться было некогда, все брал практикой, сметкой, упорством. Вряд ли хватило бы знаний у бывшего командующего фронтом для оперирования такими сложными понятиями, как сравнение военных культур командного состава Красной Армии и гитлеровского вермахта. Да и небезопасно это было, сидя в поношенной красноармейской гимнастерке и шароварах без брючного ремня на привинченной к полу табуретке перед двумя строгими следователями.

Трудно предположить, возникала ли во время ночного допроса в усталом мозгу арестованного генерала армии крамольная мысль, скорее догадка, которая сегодня считается одной из причин тяжелых потерь в начальный период войны. Командиры всех уровней, начиная от него, командующего фронтом, и кончая безусым мальчишкой-взводным, у которого под началом десяток бойцов, боялись принимать самостоятельные решения, действовать нешаблонно, идти на оправданный риск. Эти издержки следовали из неэффективной системы общего руководства вооруженными силами, которая сдерживала инициативу командного состава, вынуждала их терять время и в итоге значительно уступать противнику в принятии решений. После войны об этом слабом звене адмирал Н. Г. Кузнецов выскажется так: «Сталин сам, не перепоручая никому, занимался Наркоминделом и НКВД. Лично руководил он

и наркоматом обороны. Положение наркомата Военно-Морского флота было более сложным. Фактически им занималось несколько человек… Нарком обороны не был Верховным Главнокомандующим, нарком Военно-Морского флота не являлся главнокомандующим флотами… Сталин решал, остальным предоставлялось действовать в соответствии с этим… Люди, приученные не действовать самостоятельно, а лишь ждать распоряжений и указаний свыше, чтобы, не задумываясь, выполнять их, принесут мало пользы, если наступит суровый час. Боязнь наказания и безответственность нередко живут рядом друг с другом. Работа военного аппарата в этом случае идет не планомерно, а словно бы спазматически, рывками. Выполнили одно распоряжение — и ждут следующего. А если оно не поступит вовремя?»

Подмеченный наркомом ВМФ Н. Г. Кузнецовым недостаток пронизывал весь военный организм — от наркомата обороны до взвода и отделения. Попытки преодолеть сложившуюся практику жестоко пресекались, что видно на судьбе самого адмирала, который, действуя вопреки шаблону, понес наименьшие потери в первые дни войны. Боязнь инициативы и ответственности, словно дамоклов меч, постоянно висела над головами командиров высшего и среднего звена. Безусловно, командный состав был смелым и преданным своему народу, но высокие морально-политические качества не могли заменить боевого мастерства, тактического предвидения, способности быстро принимать решения.

И хотя войск в Западном особом округе было немало, по уровню подготовки они значительно уступали противнику. У летчиков, например, налет часов за первые три месяца 1941 года составлял всего девять часов. Первые же приграничные бои показали слабую живучесть советских танков. В среднем они жили от одной до трех атак, а потом выходили из строя. Немецкие танки ходили в атаки от пяти до пятнадцати раз. И не потому, что превосходили наши, — это было бы фальсификацией и чудовищной ложью. Слабая живучесть советских танков, справедливо считавшихся лучшими боевыми машинами второй мировой войны, объяснялась недостаточной подготовкой экипажей. Танки нередко мешали друг другу, наталкивались на немецкие противотанковые орудия, а в случае прорыва вражеских позиций прекращали продвижение и останавливались, подставляя бока немецким пушкам, вместо того чтобы развивать успех. Личной храбрости у экипажей краснозвездных «коробочек» было не занимать, а вот опыта вождения не хватало. До войны механикам-водителям отводилось всего пять часов практического

вождения, в то время как в вермахте — не менее пятидесяти часов. Что это — вредительство, тупоумие или вынужденная мера?

Норма — пять моточасов — была введена наркомом обороны Тимошенко не от хорошей жизни. И не от глупости. Страна испытывала острейший дефицит горючего. Павлов, занимавший в 1939 году пост начальника автобронетанкового управления наркомата обороны, скрепя сердце, завизировал подготовленный Тимошенко приказ о жесточайшей экономии топлива. Пять моточасов — это же курам на смех. Но выхода не было: после начала войны СССР с Финляндией США ввели торговое эмбарго на поставку в Советский Союз стратегических материалов. Запрет коснулся прежде всего ввоза высокооктанового авиационного бензина и горючего для танков, а также и другой автотехники. Американское эмбарго сохранялось до нападения Германии на СССР.

Вот почему на первых порах советские летчики и танкисты уступали немецким. Многому ли научишься соответственно за девять и пять часов? Вот в чем причина того, что в первые дни войны наши боевые машины быстрее выходили из строя — из-за неправильной эксплуатации, а исправные танки и самолеты приходилось бросать на дорогах и аэродромах — не было горючего. Павлов сказал истинную правду о самолетах, которые не могли подняться в воздух в первую ночь войны. Дело даже не в том, что летчики не имели навыков ночных полетов. На новейших ИЛах и ЯКах и днем никто толком не успел полетать! Пикирующий бомбардировщик ПЕ-2 успели освоить не более 72 процентов летчиков, а истребители ЛАГГ — лишь 22 процента.

Только перед концом своей жизни маршал Жуков вынужден был чистосердечно сделать горькое, нелегкое для себя признание: «Мы вступили в войну, еще продолжая быть отсталой в промышленном отношении страной по сравнению с Германией».

К моменту, когда смещенного с поста командующего фронтом Павлова допрашивали двое особистов несколько часов кряду, уставший от многосуточного недосыпания мозг арестованного генерала уже свыкся со страшной догадкой: произошло то, чего опасались больше всего. Сталин просчитался в оценке направления возможного удара Гитлера. В Кремле полагали, что, если Гитлер все же осмелится напасть, то направлением главного удара выберет юго-западное — на Киев, на Украину, к сырьевым запасам страны.

Гитлер же направлением главного удара избрал западное! И этим смешал планы Сталина по отражению агрессора. Возникли хаос, растерянность, кавардак.

«Неужели особисты не понимают этого? Хотя откуда. С их-то кругозором? — подумал, наверное, с досадой

Павлов. И тут же вздрогнул от резкого голоса допрашивавшего, прервавшего его тяжелые думы:

— Рассказывайте, как дальше развивались события на фронте.

ПАВЛОВ *(продолжая показания об обстановке на 23 июня)*. Штабом фронта на 23 июня была получена телеграмма Болдина, адресованная одновременно и в 10-ю армию, о том, что 6-й мехкорпус имеет только одну четверть заправки горючим. Учитывая необходимость в горючем, ОСГ (отдел снабжения горючим) еще в первый день боя отправил в Барановичи для 3-го мехкорпуса все наличие горючего в округе, т. е. 300 тонн. Остальное горючее для округа по плану генштаба находилось в Майкопе. Дальше Баранович горючее продвинуться не смогло из-за беспрерывной порчи авиацией противника железнодорожного полотна и станций.

(А ведь напрасно Павлов так низко оценил способности особистов. У них хватило ума не придраться, почему в округе было всего 300 тонн горючего. Это же смехотворно ‘мало — для особого, тем более приграничного округа! Где тот Майкоп — это же за тридевять земель. Если 300 тонн, значит, не предполагалось, что округ станет решающим театром военных действий).

На фронте 4-й армии во второй день противник, используя исключительно авиацию и танковые части с мотоциклами, подошел к Кобрину. Наши части, слабо управляемые командующим 4-й армией Коробковым, вынуждены были под давлением превосходящих сил противника оставить Кобрин. Оставление Кобрина мною расценивалось как оголение левого фланга 10-й армии и угроза ее окружения. В армию был направлен мой помощник по вузам Хабаров с моим строжайшим приказом, если нужно, расстрелять любое количество людей, чтобы штаб армии взять в руки управления (так в протоколе. — *Н.* 3.) Одновременно было приказано для помощи 4-й армии выбросить в направлении на Ружаны 121-ю стрелковую дивизию на рубеже Картуз — Береза.

155-я дивизия, прочно занимающая рубеж Слоним, обязана была быть в готовности повернуть с Волковысского шоссе на Ружаны, т. е. тоже на помощь 4-й армии.

Это распоряжение было доставлено командирам дивизий и Коробкову делегатами через Барановичи и на самолетах.

Одновременно, в целях сохранения Барановичского направления 17-му механизированному корпусу (без

материальной части) было приказано обеспечить со стороны Обус-Лесная узел Барановичи, что очень добросовестно выполнено 17-м корпусом даже в условиях, когда он был полностью окружен.

Во второй день авиация противника целый день производила налеты на аэродромы, где был расположен истребительный полк 43-й авиационной дивизии, произведя 12 раз бомбардировку аэродрома.

В силу того, что аэродром Лошница был разбомблен и материальная часть, учебная и гражданская, не могущая летать, вся выведена из строя, командование ВВС перебазировало полк на аэродром Слепянка. Одновременно во второй день противник наносил разрушение железнодорожным узлам Орша, Борисов, Бобруйск, Осиповичи и разрушил полностью артиллерийский склад в Гайновке.

Авиация противника в этот день потеряла 27 самолетов.

Во второй день части 10-й армии, кроме штаба армии, остались на своих местах. Штаб армии сменил командный пункт, отойдя восточнее Белостока в район Валилы. Части 4-й армии, беспрерывно теснимые мех-частями противника и авиацией, продолжали отход на рубеж Пружаны и Береза-Картузская.

3-я армия за второй день продвинулась вперед на 13–17 километров по направлению Гродно.

Никаких данных о потерях живой силы и материальной части как за первый, так и за второй день я не имел, кроме общего доклада Кузнецова, который в первый день передал, что 56-я стрелковая дивизия перестала существовать, на самом же деле дивизия потеряла процентов 25 личного состава и к концу первого дня и к утру второго дня появилась — одна часть на левом берегу реки Неман, а другая часть на правом берегу реки Неман.

85-я дивизия 3-й армии оторвалась и прочно заняла оборону Сухового — Генионс, в связи со второй дивизией 10-й армии.

Выводы из третьего дня: противник быстрым темпом продвигался с Брестского направления крупными механизированными силами при поддержке очень сильной авиации, обрабатывающей нашу пехоту и артиллерию.

ВОПРОС. Что вами было предпринято для осуществления перелома на фронте?

ПАВЛОВ. Для того, чтобы избежать быстрого темпа наступления противника, в первую очередь мною 23 числа была брошена вся наличная бомбардировочная авиация исключительно для бомбежки наступающего противника в районе Кобрина, ускорился темп перевозки 55-й дивизии из Слуцка в район Береза

— Картузская, чтобы это направление можно было закрыть цельным организованным соединением. В распоряжение командующего 4-й армией передавались 121-я и 143-я дивизии. Последняя продолжала разгрузку и сосредоточение в районе Обус — Лесная.

ВОПРОС. Какие результаты дали вот эти проведенные вами мероприятия?

ПАВЛОВ. Результаты те, что противника мы смогли остановить на одни сутки в районе Береза — Картузская.

Последующие события развивались таким образом, что после нашего доклада Ставке о тяжелом положении на Брестском направлении и после доклада о том, что механизированные части противника ведут сильный удар по направлению Бельска и Городка, по-видимому, с задачей оторвать части 10-й армии, было получено приказание: все части быстро отвести на рубеж реки Щара. Этот приказ был вручен 10-й армии, дважды передан по радио, квитанция получена, продублирован во все армии на самолетах и парашютистами. За контролем выполнения этого приказа были отправлены в каждую армию специальные делегаты. Этой же группе делегатов было приказано разыскать в районе 10-й армии Маршала Советского Союза Кулика. Части приказ получили и приступили к его выполнению.

Одновременно, для обеспечения планомерного отхода частей на рубеж реки Щара, мною уже были подготовлены позиции в полном объеме частями 155, 121, 143-й дивизий, и они заняли этот рубеж.

55-я дивизия, действующая на Брестском направлении, выйдя на свой рубеж, была подвергнута атаке не менее трех танковых дивизий в сопровождении большого количества бомбардировщиков, была разрезана и отброшена в лес по обе стороны шоссе. Таким образом, одновременно с занятием фронта Щара, снова образовался прорыв на левом фланге. Противник устремился на Слуцк.

Мною лично начальнику штаба Сандалову были поставлены задачи: —УРовскими войсками (УР — укрепленный район. — *Н. З.)* занять и приспособить к обороне Слуцкий УР, лично вместе с командующим армией выехать в 55-ю стрелковую дивизию, навести жесткий порядок и заставить обороняться на бывшей госгранице, а частями 143-й дивизии нанести контрудар в южном направлении с задачей перерезать шоссе в районе Картуз-Береза.

Мне не удалось установить — как выполнялся этот приказ. Мне лишь стало известно, что части 55-й дивизии в этот день были атакованы на правом фланге, т. е. со стороны Баранович не менее чем 60 танками.

Атака противника была отбита как силами артиллерии, так и силами бойцов, но уже эти действия показали мне, что противник в какой-то части прорвался на Барановичи и тем самым вышел в тыл и второй группировке, т. е. 121, 155 и 143-й дивизиям. Однако принятыми мерами командиром 17-го мехкорпуса генералом Петровым до 45–50 танков противника, прорвавшихся на Барановичи, были разгромлены, а остальные ушли в южном направлении.

Мне было известно, что 24-го числа части 3-й армии начали отход на указанный Ставкой рубеж — реки Щара. Мне лишь не было известно, куда направляется штабом 10-й армии 6-й механизированный корпус. По моему же приказанию он должен был ускоренным броском выйти вперед пехоты и встать в районе Слонима, дабы быть готовым отрезать возможный контрудар противника с целью окружения 10-й армии с южного направления. Этот приказ был мною передан в Ставку и был одобрен.

25-го числа противник в направлении Вильно, по сведениям бежавших из Литвы, разгромил 5-ю механизированную дивизию, разбежалась национальная литовская дивизия, и механизированные части противника появились на правом фланге 21-го стрелкового корпуса, что заставило еще сильнее ускорить движение 50-й дивизии на Вилейку, 24-й дивизии на присоединение к 21-му стрелковому корпусу.

Северней Лиды 24-я дивизия была атакована не менее чем одной танковой дивизией противника, нанесла ему огромный урон и остановилась на занятом ею рубеже фронтом на северо-запад.

37-я дивизия с большими потерями для противника отбившая танковую и мотомехатаку, выровняла фронт, встав в одну линию с 24 и 17-й стрелковыми дивизиями.

Противник устремился на Молодечно, обходя части 21-го стрелкового корпуса, не встречая никакого сопротивления, так как войска на этом направлении отсутствовали и неоткуда их было взять. Попутно задев 50-ю дивизию в районе Вилейки, противник занял Молодечно и тем самым перерезал пути соединения 50-й дивизии с 21-м стрелковым корпусом.

Командир 50-й дивизии принял совершенно правильное и разумное решение отойти и занять район Плещениц для крепкой обороны минско-борисовского направления.

После захвата противником Слуцка и Молодечно были приведены в полную боевую готовность УРовские войска — Минского и Слуцкого УР, для усиления У Ров были выдвинуты: 64, 108 и 100-я дивизии, последней поручалось оборонять

северный фас Минска, 161-я дивизия была оставлена в резерве южнее Минска. Эти дивизии, кроме 100-й, к данному моменту только что заканчивали свое развертывание.

Отошедшему штабу 13-й армии было приказано создать Минский фронт примерно по линии Плещеницы — Минского и Слуцкого укрепрайонов. В состав армии вошли: 2-й, 44-й стрелковые корпуса и 20-й без материальной части механизированный корпус. Таким образом, создавался фронт, прикрывающий Минск, и накапливались силы для возможного контрудара в случае, если потребуется выводить из окружения Минско-Новогрудскую и Барановичскую группировки.

25-го числа штабом фронта была получена телеграмма из штаба 10-й армии: «Части вышли на реку Зельвянка, противником заняты все переправы, прошу поддержания со стороны Баранович».

Мною было приказано 10-й армии взять переправы или искать пути отхода через реку Неман или южнее по лесным массивам — по обстановке. Войскам было приказано более точно давать свое место расположения и указывать способ действия. Одновременно для правильных действий группы войск, находящихся уже на рубеже реки Щара, в штаб Петрова был направлен мой помощник по вузам Хабаров с группой параллельных делегатов, которые обязаны были возглавить содействие этой группировки выводу частей 10-й армии, а затем им было указано, куда выходить с этими группировками, по какому направлению.

К этому времени удачными боями в районе Слонима были разбиты передовые танковые части противника и была взята карта на убитом офицере, в которой точно указана вся наступающая группировка противника, начиная с реки Буг и до Баранович включительно. Из этой карты видно, что противник вел наступление силой трех механизированных корпусов и что по направлению удара вся эта группа обрушилась только на фронт сначала 2-х стрелковых дивизий.

Судя по ходу событий, можно было определить, что в районе Слонима и в районе Волковыска, по-видимому, была брошена противником механизированная дивизия левофлангового корпуса.

В боях на Минском У Ре был целиком разгромлен штаб немецкого корпуса и захвачена вся его документация. Из документов устанавливается, что на этом направлении действуют два мехкорпуса, усиленные двумя мотодивизиями.

По 13-й армии командующий армией отдал приказ на основании личного приказания народного комиссара обороны,

переданного через маршала Шапошникова, — «за Минск драться с полным упорством и драться вплоть до окружения». Этот приказ был доведен до всех, и этим объясняется то упорство, с каким войска дрались против многочисленных мехчастей, а, израсходовав бронебойные снаряды, части применяли обыкновенные бутылки и фляги, наполненные бензином, и зажигали немецкие танки. Таким способом только одной 100-й дивизией уничтожено не менее 100 танков. Этот способ мною преподан всем войскам был еще зимой этого года, как опыт боев на Халхин-Голе. Однако мехчасти противника обошли Минский УР и, выбросив группы парашютного десанта в районе Смолевич, соединились с этим десантом, перехватив шоссе Минск — Борисов.

Пути подвоза для частей остались — Минск — Оси-повичское шоссе и Могилевское шоссе.

Снова прервем показания допрашиваемого. «Однако мехчасти противника обошли Минский УР…» Представляете? Готовились к отражению врага, создали мощнейшую оборону, понастроили дотов и дзотов, сосредоточили огромные массы войск. А немцы не ринулись бездумно в атаку, они обошли препятствие, выбросили десант далеко в тылу оборонявшихся и замкнули кольцо окружения.

Обидно признавать, но ответные контрудары в первые дни войны эффекта не приносили. Действовали по шаблону, который немцы сразу же раскусили. «Наступление велось по принятому у русских принципу — уж если «Иван» решил что-то захватить, он бросает в бой крупные массы войск до тех пор, пока не достигнет поставленной цели или не исчерпает всех своих резервов», — писал немецкий генерал Ф. Меллентин.

Полезно взглянуть на себя глазами противника.

Генерал Бутлар:

— Наступление русские начинали обычно сильными ударами, наносившимися на широком фронте с целью прощупывания слабых мест в нашей обороне. Эти удары, кроме того, имели и другое назначение, а именно: ввести нас в заблуждение относительно истинного направления главного удара, сковать наши силы и вскрыть систему огня тяжелого оружия обороняющихся. Атаке русских всегда предшествовал сильный сосредоточенный огонь очень крупных сил артиллерии и тяжелого пехотного оружия, а русская авиация в это время наносила свои удары по выявленным огневым позициям артиллерии. Используя эту огневую и авиационную поддержку, пехота в сопровождении танков непосредственной поддержки, как

правило, густыми цепями, не обращая внимание на значительные потери, переходила в атаку и буквально вгрызалась в нашу оборону. Когда в каком-либо месте намечался прорыв, в бой вводились подвижные силы. Они должны были расширить прорыв и, обеспечив свои фланги, но не обращая внимания на бой, продолжающийся на главной полосе обороны, выйти глубоко в наш тыл. Возведенный в шаблон, этот способ наступления давал обороняющемуся большие возможности для сохранения и сбережения своих сил.

Генерал Меллентин:

— Командиры младшего и нередко среднего звена страдали нерасторопностью и неспособностью принимать самостоятельные решения — из-за суровых дисциплинарных взысканий они боялись брать на себя ответственность. Шаблон в подготовке командиров мелких подразделений приводил к тому, что они приучались не выходить за рамки уставов и наставлений и лишались инициативы и индивидуальности, что является очень важным для хорошего командира. Стадный инстинкт у солдат настолько велик, что отдельный боец всегда стремится слиться с «толпой». Русские солдаты и младшие командиры инстинктивно сознавали, что, если они будут предоставлены сами себе, они погибнут. В этом, инстинкте можно видеть корни как паники, так и величайшего героизма и самопожертвования…

Что правда, то правда: скованность оперативного и стратегического мышления командного состава Красной Армии с лихвой компенсировалась бессмысленными, убийственными лобовыми атаками. До самого конца войны русские, не обращая внимания на огромные потери, бросали пехоту в атаки почти в сомкнутых строях, в плотных боевых порядках. О сохранении жизни и тем более здоровья своих солдат не заботился никто. Особенно велики были потери из-за одной тактической ошибки, которую так и не удалось искоренить, несмотря на ее жестокие уроки. Имеется в виду метко подмеченное противником наше почти суеверное убеждение в важности овладения возвышенностями. «Они наступали на любую высоту и дрались за нее с огромным упорством, не придавая значения ее тактической ценности, — замечал уже знакомый нам генерал Ф. Меллентин. — Неоднократно случалось, что овладение такой высотой не диктовалось тактической необходимостью, но русские никогда не понимали этого и несли большие потери».

Обидно? Безусловно. Но, как говорится, факты — упрямая вещь. Безрассудности, упрямства, бездумных приказов было предостаточно в течение всей войны, что же тогда говорить о ее первых днях! Шаблонность решений объяснялась боязнью риска

(свой начальник страшнее противника!), а то и элементарным неумением мыслить нетрадиционно. Вот и получилось, что противник обходил целые УРы с их мощными дзотами и чудовищной силы артиллерийскими системами, как это случилось под Минском.

ПАВЛОВ. *(продолжение показаний).* Пути подвоза для частей остались — Минск — Осиповичское шоссе и Могилевское шоссе.

На левом фланге к моменту моего выезда на фронт противник подходил к Старым Дорогам, не имея перед собой сколько-нибудь организованного сопротивления, а по докладу начальника склада Уречье силой не менее полка танков в этот день подходил к Уречью, что побудило начальника склада поджечь и взорвать склад и уйти. Войск для прикрытия этого направления больше не было.

Мною на месте приказано — из людей разных дивизий, отъезжающих с тылов, формировать взводы, роты и батальоны и поставить на линию Старых Дорог. Одновременно было поднято Бобруйское тракторное училище, которое заняло оборону под Бобруйском. Все мосты через реку Березина были минированы, подготовлены к взрыву. Остатки 42-й дивизии, правда, очень слабые, и 21-й деповский полк занял оборону на левом берегу реки Березина.

По взрыву мостов мною была поставлена задача командиру 42-й дивизии Лазаренко — в случае появления танков противника и угрозы захвата переправ, все мосты подорвать, что генерал Лазаренко сделал при отходе наших частей.

Около 3 часов ночи 27 или 28 июня начальник штаба 13-й авиадивизии лично от меня получил приказ — с первым проблеском рассвета уйти с аэродрома, чтобы не подвергнуть себя полному поражению, что очень своевременно авиацией было проделано, и аэродром на рассвете был уже занят танковыми частями противника. Противник продолжал все время стремиться найти переправы через реку Березина в район Пташково — Доманово.

Для обеспечения наведения переправ противник применил массовый налет авиации пикирующих бомбардировщиков и огромное количество минометов. Наша авиация в течение двух дней имела основную задачу — бомбить бобруйскую группировку противника.

Для переговоров по телефону с командующим ВВС мною был составлен следующий код: Северная группа — это означало район Смолевичи, Северная 2-я — это означало район Плещениц и Южная — это Бобруйск.

Этот код был установлен для того, чтобы можно было всю авиацию, в зависимости от обстановки, простым распоряжением сосредоточить на любом из этих направлений.

С 25 по 28 число радиосвязи ни с 3-й, ни с 10-й армиями не было. Попытка полета делегатов на самолетах окончилась тем, что самолеты сбивались. Послано большое количество делегатов обходными путями на машинах.

Мне не известно, пробрались ли эти делегаты к штабам 10-й и 3-й армий или нет. Люди, появляющиеся из 3-й и 10-й армий, привозили данные о том, где находится штаб этих армий или части, обычно с опозданием на двое суток. Из 10-й армии с реки Зельвянка оторвалась и вышла 1-я противотанковая бригада. Вышла, не имея ни одного снаряда. Была остановлена на Березине и немедленно пополнена снарядами для того, чтобы оборонять переправу Березино.

В дальнейшем основной задачей ставилось — любыми мерами и любой ценой разыскать, где находятся наши части. Сбрасывались парашютисты в районе предполагавшегося нахождения наших частей с задачей — вручить зашифрованную телеграмму или передать на словах направление отхода.

В 10-й армии все время, вплоть до моего отъезда, находился Маршал Советского Союза Кулик, судьба которого мне по настоящее время неизвестна.

Накануне моего ареста мне стало известно в штабе фронта, что из окружения выходит конный корпус и якобы 113-я дивизия. Принятыми мерами по задержанию направления противника на Минск со стороны Слуцка был сохранен свободный промежуток выхода частей южнее Минска до Щацка включительно, куда и направились все части 155, 121, 143, 55-й дивизий и 21-го стрелкового корпуса, кроме 5-й дивизии, которой было приказано занять оборону левого берега реки Березина северней Борисова.

Выводя части на реку Березина, мною заблаговременно из разных сборных отрядов и школ были организованы отряды прикрытия переправ в районе Борисова, Березино и местечка Свислочь. Задача этих отрядов — пропустить все наши части за реку Березина, отошедшим частям, занявшим левый берег реки Березина, поручено удерживать левый берег, не допуская переправ противника.

47-й стрелковый корпус, 20-й мехкорпус намечались к использованию для контрудара в общем направлении Могилев — Бобруйск, чтобы совершенно отрезать прорвавшиеся на Рогачев танки противника.

Эти мероприятия не удалось осуществить, так как приехал новый командующий фронтом.

На день отъезда я не могу точно доложить состояние частей 3-й и 10-й армий, но знаю, что по состоянию войск они будут сопротивляться очень долго и упорно и примут все меры к тому, чтобы выйти из окружения.

За все время боев штаб фронта работал с полным напряжением, приходилось добывать сведения всякими возможными путями, так как проволочная связь совершенно бездействовала. Она рвалась в западных областях местным антисоветским элементом и диверсантами — лицами, сброшенными с самолетов.

Степень истощения начальника штаба генерала Климовских была настолько велика, что мне лично приходилось записывать отдаваемые распоряжения к себе в блокнот или самому лично проверять их выполнение, или отправлять для проверки специальных людей, подобранных из состава политработников.

Основной причиной всех бед считаю огромное превосходство танков противника и его новой материальной части и огромное превосходство авиации противника.

Отданный под суд командующий фронтом не мог, разумеется, располагать данными об этом давившем на психику превосходстве. Оно было видно и визуально. Павлов не знал, что только в первый день войны советские ВВС потеряли 1200 самолетов. Но о подлинных масштабах катастрофы он догадывался по колоссальным потерям, которые понесла авиация его округа. Не выдержав потрясения, застрелился командующий ВВС генерал Колец. Господство немецких летчиков в воздухе было полное. Германские генералы, обращаясь после войны к началу боевых действий, отмечали, что русские фактически не имели стратегической авиации, и те немногие удары, которые нанесла наша авиация дальнего действия, не причинила немцам никакого ущерба. Правда, советские самолеты-разведчики углублялись иногда в расположение противника на 50—100 километров, но истребители и бомбардировщики редко залетали за линию фронта более чем на 30 километров. Это было для противника большим облегчением, так как даже в самые тяжелые периоды войны передвижение войск и грузов в тыловых районах проходило беспрепятственно.

По мнению немецких генералов, советская авиация использовалась в основном для решения тактических задач, и даже после коренного перелома в войне, наступившего в 1943 году, самолеты русских в основном висели с утра до вечера над полем боя. Отдавая должное нараставшему в ходе войны качественному превосходству русской авиации, отставные

немецкие генералы вместе с тем упорствуют в том, что в тактическом отношении русские летчики все же уступали немецким.

Впрочем, кажется, и наши исследователи начинают понемногу соглашаться с этим, обидным для нас, мнением. В 1989 году журнал «Международная жизнь» поместил публикацию об итоговых цифрах за всю войну: из 45 тысяч советских самолетов, потерянных в воздушных боях, 24 тысячи сбили всего 300 немецких летчиков. То есть на каждого германского аса в среднем приходилось 80 сбитых самолетов. А у нас уже за 20 сбитых самолетов противника присваивали звание Героя Советского Союза. Даже прославленные асы И. Н. Кожедуб и А. И. Покрышкин, трижды удостоенные этого звания, сбили соответственно 62 и 59 машин противника. Разница несоизмеримая!

Павлов уже никогда не узнает: два военных года у летчиков уйдет на то, чтобы доказать ущербность тактики «роя», когда истребители летали группами по 6–8 машин в плотном боевом порядке. Это сковывало инициативу, мешало осуществлению главного оружия истребителей — скоростного маневра. «Стадность» преобладала и в воздухе. Только в 1943 году летчикам наконец было разрешено летать парами.

Опасаюсь вызвать бурю негодования ветеранов советской авиации, но против фактов не попрешь. А ведь это установленный факт: наша авиация не сорвала и даже существенно не замедлила ни одной оперативной переброски немецких войск — за всю войну!

Кого-кого, а Маршала Советского Союза И. Х. Баграмяна в очернительстве славной советской истории никак не обвинишь. Однако и он признавал, что противник не только превосходил нас в количестве боевых самолетов, но он имел и более удачное организационное построение своей авиации, и более гибкую систему централизованного управления ею в операциях. Имея единое командование, единые органы управления и аэродромного обеспечения, немцы без особого труда сосредоточивали основные усилия авиации для массированного боевого применения на тех направлениях, где, по их замыслам, решалась участь самых важных сражений и операций в целом. Наши же военно-воздушные силы на фронтах в организационном отношении были до предела раздроблены. Основная масса боевых самолетов фронта входила в состав армейской авиации, действия которой планировались и управлялись главным образом командующими общевойсковыми армиями исходя из оперативных задач, стоящих перед ними. Надо ли говорить о том,

что командующие общевойсковыми армиями находили тысячи причин, чтобы удержать авиацию у себя и не отдать ее для образования авиационного кулака.

Сконцентрировать значительные силы авиации в решающем месте было практически невозможно еще и потому, что авиадивизии имели не однородный, а смешанный состав самолетов. Каждое соединение имело в своем составе два штурмовых и два истребительных или два бомбардировочных и два истребительных авиаполка. Это крайне затрудняло, а иногда даже прямо исключало возможность массированного применения имевшихся истребителей, например, для завоевания господства в воздухе над районами, где происходили решающие боевые действия наземных войск или для нанесения мощных ударов большим количеством штурмовиков и бомбардировщиков по наиболее важным группировкам войск противника. Даже перебрасывать смешанные авиадивизии было непросто, поскольку скорости у истребителей и бомбардировщиков разные.

По подсчетам историка Б. В. Соколова, выпустившего на эту тему в 1991 году интереснейшее исследование «Цена победы», к 1 декабря 1941 года 2830 немецким самолетам противостояло только 2238 советских. Наши потери почти в семь раз превысили немецкие. Борьба за господство в воздухе была проиграна надолго. Потери, понесенные ВВС Красной Армии в первые дни войны, были такими ощутимыми, что они сказались в последующие годы — не месяцы!

Не лучше обстояло дело с танками. О них мы говорили достаточно и, полагаю, читателю ясно, почему не получилось разгрома немецких танковых клиньев. К сказанному следует, пожалуй, добавить еще одно замалчиваемое у нас обстоятельство. Танковые части, бросаемые в атаки общевойсковыми командирами, которые смутно представляли принципы боевого применения танков, нередко теряли до половины машин по техническим причинам. Почти 50 процентов танков выходило из строя в результате сверхфорсированных маршей, несоблюдения установленных требований обслуживания материальной части. Остальные вступали в бой, полностью израсходовав в пути запас моторесурсов. Экипажи не умели ремонтировать танки, которые к тому же не были укомплектованы необходимыми запчастями, не обладали навыками своевременной эвакуации поврежденных машин. Передвижение танковых колонн проходило беспорядочно, возникали гигантские «пробки», число аварий и несчастных случаев достигло огромных размеров, приближаясь к числу потерь в результате боевых действий, а иногда и превышая его.

Но это, как ни печально, всего лишь следствие. Причина

тяжелейшего поражения Красной Армии в первые дни и последующие месяцы войны в том, что войска, сосредоточенные на западной границе, не были готовы к оборонительным боям. Само расположение советских армий говорило о их наступательном характере. Например, в Белостокском выступе располагались сразу 3-я и 10-я армии. Именно под основание этого выступа нацелило германское командование главные ударные силы группы армий «Центр», достигнув там подавляющего превосходства сил и средств. В результате вся белостокская группировка советских войск оказалась в мешке и была почти полностью уничтожена. Что касается Брестского направления, которое прикрывала 4-я армия, то против нее немцы сосредоточили в 5,4 раза больше пехоты, в 2,9 раза больше танков, в 3,3 раза больше орудий и минометов, вдвое больше самолетов.

Тяжелейшее поражение и громадные потери были предопределены еще задолго до 22 июня 1941 года. Высшее политическое руководство страны, не подозревая этого, создало ловушку для своей же армии, когда в 1939 году, после изменения западной границы, рассматривался вопрос о расположении там наших войск. Командование Белорусского округа предложило два варианта строительства линии укрепленных районов. По первому варианту передний край предполагался по линии государственной границы. По второму — в удалении от нее на 25–50 километров.

Какой вариант был предпочтительнее? Военные стояли за второй. По их мнению, войска получили бы полосу местности, прикрывавшей их развертывание, строить укрепления можно было бы не опасаясь визуального наблюдения противника. Кроме того, в случае конфликта или войны армия оказалась бы вне артиллерийского огня противника.

Приняли же, как ни странно, первый вариант — наиболее невыгодный. Сказалось влияние господствовавшей в то время доктрины «Ни одного вершка своей земли не отдадим никому», понимаемой высшими военными руководителями в буквальном смысле слова. Отсюда громадные потери уже в первые часы после начала боевых действий.

Могли Павлов, как командующий округом, вывести гарнизоны из военных городков, чтобы избежать напрасных жертв? Мог, но для этого требовалось разрешение наркома обороны. А Тимошенко такого распоряжения не давал, более того, на просьбы Павлова отвечал односложно: твоя задача не поддаться на провокации.

ВОПРОС. Вы можете назвать потери людей и материальной части, которые понес Западный фронт во время вашего руководства?

ОТВЕТ. До дня ареста сведений о потерях как людей, так и материальной части у меня не было. Остались в окружении части 3-й армии и часть 10-й армии. Судьба их мне неизвестна. Остальные части принятыми мерами из окружения были выведены и были управляемыми.

ВОПРОС. Кто виновник прорыва на Западном фронте?

ОТВЕТ. Как я уже показал, основной причиной быстрого продвижения немецких войск на нашу территорию являлось явное превосходство авиации и танков противника. Кроме этого, на левый флаг Кузнецовым (Прибалтийский военный округ) были поставлены литовские части, которые воевать не хотели. После первого нажатия на левое крыло прибалтов литовские части перестреляли своих командиров и разбежались. Это дало возможность немецким танковым частям нанести мне удар с Вильнюса. Наряду с этим потеря управления штабом 4-й армии Коробковым и Сандаловым своими частями способствовало быстрому продвижению противника в Бобруйском направлении, а невыполнение моего приказа командующим 10-й армии генералом Голубевым о производстве удара на Брест 6-м мехкорпу-сом с целью разгрома мехгруппировки противника, после чего войти в мое расположение в районе Волковыс-ка, лишило меня возможности иметь надлежащую ударную группу.

ВОПРОС. Изменнические действия были со стороны ваших подчиненных?

ОТВЕТ. Нет, не было. У некоторых работников была некоторая растерянность при быстро меняющейся обстановке.

ВОПРОС. А в чем ваша персональная вина в прорыве фронта?

ОТВЕТ. Я предпринял все меры для того, чтобы предотвратить прорыв немецких войск. Виновным себя в создавшемся на фронте положении не считаю.

ВОПРОС. Сколько времени вы командовали Западным особым военным округом?

ОТВЕТ. Один год.

ВОПРОС. Части округа были подготовлены к военным действиям?

ОТВЕТ. Части округа к военным действиям были подготовлены, за исключением вновь сформированных — 17, 20, 13, 11-го мехкорпусов. Причем в 13-м и 11-м корпусах по одной дивизии было подготовлено, а остальные, получив новобранцев, имели только учебную материальную часть и то не везде. 14-й мехкорпус имел слабо подготовленную только одну мотодивизию

и стрелковые полки танковых дивизий.

ВОПРОС. Если основные части округа к военным действиям были подготовлены, распоряжение о выступлении вы получили вовремя, значит, глубокий прорыв немецких войск на советскую территорию можно отнёс-ти лишь на счет ваших преступных действий как командующего фронтом.

ОТВЕТ. Это обвинение я категорически отрицаю. Измены и предательства я не совершал.

ВОПРОС. На всем протяжении госграницы только на участке, которым командовали вы, немецкие войска вклинились на советскую территорию. Повторяю, что это результат изменнических действий с вашей стороны.

ОТВЕТ. Прорыв на моем фронте произошел потому, что у меня не было новой материальной части, сколько имел, например, Киевский военный округ.

ВОПРОС. Напрасно вы пытаетесь свести поражение к не зависящим от вас причинам. Следствием установлено, что вы являетесь участником заговора еще в 1935 году и тогда еще имели намерение в будущей войне изменить родине. Настоящее положение у вас на фронте подтверждает эти следственные данные.

ОТВЕТ. Никогда ни в каких заговорах я не был и ни с какими заговорщиками не вращался. Это обвинение для меня чрезвычайно тяжелое и неправильное с начала до конца. Если на меня имеются какие-нибудь показания, то это сплошная и явная ложь людей, желающих хоть чем-нибудь очернить честных людей и нанести этим вред государству.

Допрос окончен в 16 часов 10 минут.

Записано с моих слов правильно, мною прочитано.

Далее следует подпись арестованного.

«Я ПРЕДАТЕЛЬ И УЧАСТНИК ЗАГОВОРА»

Допрос — действие 2. Начат 9 июля 1941 г. в 12 час. 00 мин. Окончен 9 июля в 15 час. 10 мин.

Снова биографические данные арестованного: Павлов Д. Г., 1897 года рождения, уроженец Костромской губернии, Кологривского района, деревни Вонюх. До ареста командующий Западным фронтом, генерал армии, член ВКП (б) с 1919 года.

ВОПРОС. Следствие еще раз предлагает вам рассказать о совершенных вами преступлениях против партии и советского правительства.

ОТВЕТ. Анализируя всю свою прошлую и настоящую деятельность, я счел необходимым рассказать следствию о своих предательских действиях по отношению к партии и советскому правительству.

Еще в 1932 году, когда я командовал в Белоруссии мехполком, Уборевич меня отличал как хорошего командира.

В последующие годы Уборевич продолжал выделять меня из среды других командиров, что мне очень льстило, и таким образом я целиком подпал под его влияние, стараясь как можно лучше выполнять все его указания, одновременно и боялся его.

В 1937 году, будучи у меня на стрельбах, Уборевич в присутствии ряда командиров прямо сказал, что он меня как командира высоко ценит, вполне мне доверяет и уверен, что я и впредь буду выполнять точно все его указания. Это мое слепое доверие Уборевичу привело к тому, что в последующем, зная о его вредительстве, направленном на полный износ материальной части трех бригад, я промолчал, не доложил об этом Ворошилову.

Позже, насколько мне известно, Уборевич рекомендовал мою кандидатуру в Испанию для командования танковыми частями. Уборевич давал мне вредительское указание по использованию танков, приказав раздать все танки по 3–5 штук по всему фронту, что вело к полной гибели их.

Мне известно, что правой рукой Уборевича был Мерецков, который также выполнял все указания Уборевича. В бытность свою в Испании Мерецков по указанию Уборевича стянул все лучшие войска в Мадрид, создав таким образом положение, при котором в случае отреза Мадрида, эти войска окажутся в мешке и не смогут оказать никакого воздействия на общий фронт, т. е. подвергал лучшие части разгрому. Эти вредительские указания не были окончательно выполнены лишь благодаря вмешательству

военного советника Кулика.

Кроме этого, Уборевич и Мерецков всегда всему командному составу прививали германофильские настроения, говорили, что нам надо быть в союзе с Германией, так как германскую армию они очень высоко ценят и всегда ставили в пример немецких офицеров. Я разделял эту точку зрения.

ВОПРОС. Вы расскажите о своей организационной связи по линии заговора с Уборевичем и другими.

Вы в замешательстве, читатель? Прошли только одни сутки, и арестованный военачальник, категорически отвергающий участие в каких-либо заговорах, признается в «преступлениях, которые привели к поражению Западного фронта», дает показания о своих сомнительных связях с Уборевичем.

Кто такой Уборевич? Советский военачальник, командарм первого ранга, в тридцатые годы руководил войсками Белорусского военного округа. В двадцатилетием возрасте вступил в большевистскую партию. В гражданскую командовал армией на Южном фронте, потом на Кавказском и Юго-Западном. В 1922 году — военный министр и главком Народно-революционной армии Дальневосточной республики. Сорокалетний член Военного Совета Народного комиссариата обороны, кандидат в члены ЦК ВКП (б) и член ВЦИК был репрессирован в тридцать седьмом году.

Дальнейшие ответы допрашиваемого напоминают дурной сон. Еще вчера доказывал, что неудачи первых дней войны произошли по независящим от него причинам, толково и со знанием дела объяснял сложившуюся на фронте обстановку, а сегодня признается в своей преступной деятельности, в катастрофе на фронте. Хотя и пытается сопротивляться версии, навязываемой следствием. Он еще не до конца сломлен. Но это уже агония.

ПАВЛОВ. Организационно по линии заговора я связан ни с Уборевичем, ни с другими не был. Будучи приверженцем Уборевича, я слепо выполнял все его указания, и Уборевичу не нужно было вербовать меня в заговорщическую организацию, так как и без этого я был полностью его человеком.

ВОПРОС. Следствием по делу участников заговора установлена ваша организационная связь по линии заговора с Уборевичем и другими его соучастниками, но в этом вас будем уличать позже. В первую очередь нас интересуют ваши предательские действия в последний период, в бытность вашу командующим Западным фронтом, об этом сейчас и расскажите.

ОТВЕТ. После испанских событий мои отношения с Мерецковым до последних дней продолжали оставаться самыми хорошими. Мерецков по-прежнему оказывал на меня большое влияние, и все его указания по военной линии (он был тогда начальником генштаба и начальником боевой подготовки) я выполнял, не вникая в их сущность.

Как показали дальнейшие события, эти указания Мерецкова были вредительскими, так как они сводились к затягиванию сроков боевой подготовки вверенного мне округа, что в настоящее время было недопустимо.

Мерецков всегда внушал мне, что Германия в ближайшее время воевать с Советским Союзом не будет, что она очень глубоко завязла в своих военных делах на Западном фронте и в Африке. В связи с этим Мерецков предлагал мне не делать особого упора на ускорение боевой подготовки в округе, а вести все по годичному плану. В финскую кампанию, когда я выезжал на финский фронт в качестве начальника бронетанковых войск, обратил внимание Мерецкова, что все лучшие силы с западной границы стянуты на финский фронт и что этим мы оголяем границу с Германией. На это Мерецков еще раз заявил, что нападения со стороны Германии в ближайшее время ожидать не надо. Все эти убеждения Мерецкова я принимал за чистую монету и в своих дальнейших действиях, как командующий Западным особым военным округом, не торопился с повышением уровня боевой подготовки, что привело во время военных действий к предательству фронта, разгрому частей Красной Армии и материальной части, так как округ, которым я командовал, оказался неподготовленным к войне.

Прервем горький монолог допрашиваемого и зададимся вопросом: только ли один Мерецков, тогдашний начальник генштаба, убеждал других, что Гитлер в ближайшее время не нападет на Советский Союз? Павлов называет только его фамилию, безусловно, не без наводки следствия. Мерецков сидел в тюрьме, и обвинение именитого узника было беспроигрышным вариантом.

В вероятность нападения Гитлера не хотело верить все высшее политическое и военное руководство страны. Немало написано на тему о том, как Сталин боялся спровоцировать вторжение Гитлера. Кто-кто, а Павлов, командующий приграничным округом, знал, что значит оказаться между молотом и наковальней. Незавидная судьба соракачетырехлетнего генерала армии! С одной стороны — вот он, реальный враг, нагло рассматривавший тебя в цейсовские

бинокли с западного берега Буга. С другой — требовательно напоминающая Москва: смотри в оба, не дай спровоцировать тебя на вооруженное столкновение. Может, война, а может, и нет.

Все дни и ночи первой недели войны для Павлова наполнены работой и тревогами предельного накала. Командующий постоянно сидел у аппаратов связи, над картами и документами — в одиночку, а чаще всего с начальником штаба, с руководителями управлений и служб фронта. Нередко к нему присоединялись маршал Ворошилов и маршал Шапошников. Третий маршал — Кулик — уехал к генералу Голубеву, на самое опасное, Белостокское, направление. Ломали головы, как прикрыть подступы к Минску. Непрерывно маневрировали резервами, пытались связать противнику руки, как можно больше сковать и перемолотить его сил. Главная задача военачальников — создать ситуацию, которая привела бы немецкое командование к просчетам. Павлов, Ворошилов и Шапошников призывали на помощь все свои знания, все свое умение предвидеть, разгадывать, оценивать.

Увы, на восьмой день войны Минск пал. Московские маршалы и командующий фронтом просмотрели крупную танковую группировку, прорвавшуюся со стороны Вильнюса к белорусской столице. Группа неожиданно вклинилась между Западным и Северо-Западным фронтами. Она и решила судьбу Минска. Судьбу Павлова. Который, между прочим, за неделю до войны заверял Сталина по телефону, что лично выезжал на границу и никакого скопления немецких войск там не обнаружил, а слухи о готовящемся вторжении Гитлера назвал провокационными.

Кому сейчас объяснить, что он докладывал в Кремль ту информацию, которую там хотели услышать? Из наркомата обороны и генштаба весь май и начало июня шли сердитые звонки: смотри, Павлов, только из твоего округа поступает информация о сосредоточении немецких войск на границе. Непроверенная, паническая информация. Не сдобровать тебе, Павлов.

И командующий округом внял критике, лично доложил Сталину обстановку…

ПАВЛОВ *(продолжает показания).* Основное зло я нанес своей беспечностью и неповоротливостью, я слишком много доверял своим подчиненным и не проверял их. Эта беспечность передавалась моим подчиненным.

Так, например, мною был дан приказ о выводе частей из Бреста в лагерь еще в начале июня текущего года, и было

приказано к 15 июня все войска эвакуировать из Бреста.

Я этого приказа не проверял, а командующи-й 4-й армией Коробков не выполнил его, и в результате 22-я танковая дивизия, 6-я и 42-я стрелковые дивизии были застигнуты огнем противника при выходе из города, понесли большие потери и более, по сути дела, как соединения, не существовали. Я доверил Оборину — командир мехкорпуса — приведение в порядок мех-корпуса, сам лично не проверил его, в результате даже патроны заранее в машины не были заложены.

22-я танковая дивизия, не выполнив моих указаний о заблаговременном выходе из Бреста, понесла огромные потери от артиллерийского огня противника.

В отношении строительства УРов я допустил со своей стороны также преступное бездействие. В 1940 году строились только отдельные узлы, а не сплошная линия укреплений, и я поставил об этом вопрос только в 1941 году, перед событиями. Вопросы эти хотя и были разрешены положительно, но было уже поздно. В результате моей бездеятельности УРы к бою готовы не были. Из 590 сооружений было вооружено только 180–190 и то очень'редкими узлами. Остальные бетонные точки пришлось использовать как временные пулеметные гнезда и убежища. Такое положение с УРами дало возможность противнику безнаказанно их обходить и форсировать.

По связи. Я передоверил этот важнейший вопрос Григорьеву — нач. связи, в результате чего он не подготовил связь, а я не проверил ее, радиостанций в округе не было в достаточном количестве, последние были выбиты из строя, в то время как при моем настоятельном обращении в центральный склад НКО мою просьбу могли бы удовлетворить, так как радиостанции там были.

Я допустил беспечность с выдвижением войск к границе.

Вместо того чтобы, учитывая обстановку за рубежом, уже в конце мая месяца вывести все свои части на исходное положение и тем самым дать возможность принять правильные боевые порядки, я ожидал директив генштаба, пропустил время, в результате чего затянул сосредоточение войск, так что война застала большую половину сил на марше в свои исходные районы.

В отношении складов. Я допустил схематическое утверждение складов, приближенных к границе на 50–60 километров. В результате этого склады были в первые же два дня подожжены авиацией противника или наши войска вынуждены были, отходя, рвать их сами.

В отношении авиации. Я целиком доверил на слово рассредоточение авиации по полевым аэродромам, а на

аэродромах по отдельным самолетам, не проверил правильность доклада командующего ВВС Копца и его за-> местителя Таюрского, допустил преступную ошибку, что авиацию разместили на полевых аэродромах ближе к границе, на аэродромах, предназначенных для занятий на случай нашего наступления, но никак не обороны. В результате таких действий в первый же день войны авиация понесла огромные потери, не успев подняться в воздух из-за краткости расстояния от госграницы до аэродрома.

Также одним из вредных моментов является недостаток солярового масла для танковых дизелей, в результате чего 6-й мехкорпус бездействует. При проверке мною в 5-м отделе генштаба и УСГ (управление снабжением горючим) начальник Ермолин и в УСГ — начальник Котов мне доложили, что горючего для ЗАПОВО отпущено потребное количество и хранится в Майкопе, тогда как на самом деле оно должно было храниться в Белостоке. Практически получилось, что на 29 июня в ЗАПОВО недополучено 1000 тонн горючего. Надо полагать, что Котов и Ермолин доложили правительству, что ЗАПОВО обеспечено полностью горючим, не указав места его нахождения, тем самым ввели правительство в заблуждение.

Таким образом, я признаю себя виновным:

1. В том, что благодаря своей бездеятельности, я совершил преступления* которые привели к поражению Западного фронта и большим потерям в людях и материальной части, а также и к прорыву фронта, чем поставил под угрозу дальнейшее развертывание войны.

ВОПРОС. Все эти ваши предательские действия, о которых вы показали, являются результатом не благодушия, а умышленного предательства. Будучи участником антисоветского заговора, вы проводили вредительскую работу в округе, заведомо зная о ее последствиях в предстоящей войне с Германией. Предлагаем вам рассказать правдиво о вашем организационном предательстве — той системе, которую вы создали среди своих подчиненных.

ОТВЕТ. Ни от кого задание открыть Западный фронт я не получал, но мое преступное бездействие создало определенную группу командного, политического и штатного состава, которые творили в унисон мне. Так, например, начальник штаба Климовских своих прямых обязанностей по проверке, как выполняются отданные мной распоряжения, совершенно не выполнял. Совершенно неясно было, почему не состоялся удар из Ружан, выставлены ли и назначены ли заградительные отряды и работают ли посты в районах сборов отходящих частей и даже занятия переправ отрядом на реке Березина. Несмотря на

однократные мои указания Климовских проверить это положение, — он этого не сделал, и проверку произвели специально назначенные политработники.

Начальник связи Григорьев, ограничившись тем, что центр не дает до штатной потребности радиостанций, не принял должных мер к пополнению радиостанций за счет центра и не создал некоторых резервных запасов у себя, чтобы в случае вывода из строя радиостанций можно было бы пополнить их, перебросив на самолете или иным путем. Мне известно, что в центре имелась возможность удовлетворить округ радиостанциями по штатной потребности. Благодаря его — Григорьева — исключительной бездеятельности была утеряна связь с тремя армиями и только впоследствии с одной из них налажена.

Командир мехкорпуса Оборин больше занимался административными делами и ни в коей мере не боевой готовностью своего корпуса, в то время как корпус имел более 450 танков. Оборин с началом военных действий потерял управление и был бит по частям. Предательской деятельностью считаю действия начальника штаба Сандалова и командующего 4-й армией Коробкова. На их участке совершила прорыв и дошла до Рогачева основная мехгруппа противника и в таких быстрых темпах только потому, что командование не выполнило моих приказов о заблаговременном выводе частей из Бреста, чем подвергло эти части разгрому. Штаб потерял с первого дня боя управление частями и доносил только о своем местонахождении, не стараясь взять в руки управление армией вплоть до отхода на Рогачев.

Командующим ВВС Таюрским использование авиации, работа самого штаба является явно преступной. Контроля за выполнением поставленных задач не было. Сводки о своих потерях и об ущербе, нанесенном противнику, всегда приходилось добывать с величайшим трудом. Разведывательные задачи, как правило, не выполнялись. Приказ о сосредоточенном ударе авиацией по какой-либо колонне противника выполнялся не всей авиацией, работающей в этот день, а одним-двумя звеньями. Авиация удалялась на чрезмерно далекие аэродромы или оставалась в непосредственной близости. Так, например, Бобруйск — самолеты вылетели за 15 минут до подхода немецких танков. Начальник оперативного отдела штаба ВВС и начальник разведывательного отдела, фамилии их забыл, проявили полную бездеятельность, граничившую с преступлением, а начальник связи авиации, фамилии тоже не помню, не принимал никаких мер, чтобы обеспечить связь командования с армиями. Все это воспитанники генерала Копца.

ВОПРОС. Вы снова рассказываете о предательских действиях отдельных лиц. От вас требуют, чтобы вы рассказали об умысле этих действий. Вы, как заговорщик, открыли фронт врагу намеренно, противник знал всю вашу дислокацию и планы действий, еще раз предлагаем именно об этом рассказать сейчас следствию.

ОТВЕТ. Происшедшее на Западном фронте заставляет меня быть убежденным в большом предательстве на Брестском направлении. Мне неизвестен этот предатель, но противник рассчитал удар совершенно точно по тому месту, где не было бетонных точек и где наиболее слабо была прикрыта река Буг. Повторяю, что намеренно я фронт врагу не открывал. Прорыв немцев получился благодаря моей бездеятельности и невыполнению указаний ЦК о постоянной мобилизационной готовности.

ВОПРОС. Следствие убеждено, что вы умышленно предали фронт, и будет разоблачать вас в этом.

Допрос окончен в 15 часов 10 минут.

Стенограмма записана с моих слов правильно, мною прочитана.

Что и удостоверено собственноручной подписью допрашиваемого. Ниже — подписи допрашивающих. Все тех же зам. начальника следчасти 3-го управления НКО СССР старшего батальонного комиссара Павловского и следователя 3-го управления НКО СССР младшего лейтенанта госбезопасности Комарова.

Допрашиваемый, как видим, еще сопротивляется, отводит, хотя уже довольно слабо, обвинение следствия в умышленном открытии фронта, т. е. сговоре с немцами. Но воля Павлова уже заметно надломлена, он сделал первую уступку следствию, признав свое преступное бездействие вместо надлежащего отпора агрессору. Этого было достаточно, чтобы убедить следствие в необходимости дальнейшего разоблачения подследственного. Верный признак, что арестованный «расколется».

Почему следствие столь усердно раскручивало версию предательского сговора Павлова с фашистами? Ее заданность, сквозившая в вопросах следователей, видна невооруженным взглядом. Особисты сами додумались или выполняли чью-то волю?

Ответ находим в материалах одного из заседаний Военного совета Западного фронта, которым тогда командовал маршал Тимошенко, а членом Военного Совета был, как помнят читатели, зампред Совнаркома и нарком госконтроля Мехлис. В заседании

участвовали также маршалы Ворошилов и Шапошников.

Когда речь зашла о деле генерала армии Павлова и других арестованных видных генералах, Мехлис заявил, что он подозревает бывшего командующего фронтом в сговоре с немцами, перёд которыми Павлов открыл фронт.

Тимошенко не поверил:

— Какие у вас доказательства измены Павлова? — спросил у Мехлиса маршал.

— Надеюсь, что Павлов сам запираться не будет, — многозначительно ответил Мехлис.

Присутствовавшие притихли. Все знали, что Мехлиса на фронт прислал Сталин. А вдруг это поручение Сталина? Тогда понятно, почему следователи требуют от Павлова признаний в измене.

Неожиданно Тимошенко поддержал Ворошилов.

— На каком основании вы подозреваете Павлова в пособничестве фашистам? — сердито обратился он к Мехлису. — В чем, по-вашему, Павлов не будет запираться?

— Павлов часто впадает в невменяемость, — загадочно произнес молчавший человек со знаками различия бригадного комиссара. — В такие минуты он может подписать любое обвинение.

Все повернулись к сидевшему на приставном стуле рядом с начальником особого отдела фронта бригадному комиссару. Это был прилетевший из Москвы начальник управления особых отделов наркомата обороны.

Тревожную тишину нарушил Тимошенко, спросивший, какие показания дают арестованные.

— Павлов вину признал, — ответил бригадный комиссар. — Другие отрицают.

— В чем вину?

— В неподготовленности войск округа, в потерях авиации на пограничных аэродромах, в потере штабом округа связи с армиями, — перечислял бригадный комиссар. — Но продолжает упорствовать в отрицании предательства.

— А у вас есть основания для того, чтобы предъявлять Павлову подобные обвинения?

Начальник управления особых отделов пытался поймать взгляд Мехлиса, но тот отвернулся.

— Мы обязаны всесторонне ставить вопросы, — неуверенно произнес бригадный комиссар.

Мехлис перевел обсуждение в политическую плоскость:

— Товарищи, мы должны подумать над тем, как объяснить партии, народу, да и всему миру, почему Красная Армия

отступает.

Вот она, разгадка!

«ДА, Я УЧАСТВОВАЛ В ЗАГОВОРЕ»

Допрос — действие 3. Начат в 13 час. 30 мин. 11 июля 1941 г. Прерван в 17 час. 10 мин.

Биографическая «шапка». Та же, что и в предыдущих протоколах. Стандартная.

ВОПРОС. На допросе 9 июля с. г. вы признали себя виновным в поражении на Западном фронте, однако скрыли свои заговорщические связи и действительные причины тяжелых потерь, понесенных частями Красной Армии в первые дни войны с Германией.

Предлагаем дать исчерпывающие показания о своих вражеских связях и изменнических делах.

ОТВЕТ. Действительно, основной причиной поражения на Западном фронте является моя предательская работа как участника заговорщической организации, хотя этому в значительной мере способствовали и другие объективные условия, о которых я показал на допросе 9 июля с. г.

ВОПРОС. На предыдущем допросе вы отрицали свою принадлежность к антисоветской организации, а сейчас заявляете о своей связи с заговорщиками. Какие показания следует считать правильными?

ОТВЕТ. Сегодня я даю правильные показания и ничего утаивать от следствия не хочу.

Признаю, что в феврале 1937 года бывшим старшим советником в Испании Мерецковым Кириллом Афанасьевичем я был вовлечен в военно-заговорщическую организацию и в дальнейшем проводил вражескую работу в Красной Армии.

ВОПРОС. Не хотите ли вы сказать, что вражескую работу вы начали вести только с 1937 года? Так ли было в действительности?

ОТВЕТ. Не отрицаю, что еще в 1934 году я имел некоторые суждения о заговорщической работе, однако организационно с участниками заговора Красной Армии я тогда связан не был.

ВОПРОС. С кем вы имели суждения о заговорщической работе?

ОТВЕТ. В августе 1934 года в Бобруйск на учения, проводившиеся мною в 4-й танковой бригаде, которой я командовал, приехал бывший начальник автобронетанкового управления Красной Армии Халепский.

Халепского я знал с 1932 года. По рекомендации

Халепского я был назначен командиром 6-го мехполка и по его же представлению был награжден грамотой ВЦИК и золотыми часами.

Перед началом учений мы беседовали с Халепским на армейские темы. Халепский говорил, что в армии отсутствует твердый порядок, войсковая дисциплина развалена, а руководство не в состоянии перестроить надлежащим образом Красную Армию. В этих условиях трудно что-либо сделать, продолжал Халепский, так как попытки командиров навести порядок в частях встречают со стороны руководства армией резкое противоречие.

ВОПРОС. Как вы отнеслись к этому заявлению Халепского?

ОТВЕТ. К замечаниям Халепского я отнесся одобрительно, тогда он продолжил разговор и заявил, что в армии имеется уже группа решительных командиров, которая противопоставляет себя руководству Красной Армии и ставит перед собой задачу — добиться смены ее руководящей верхушки и выдвижения на высшие командные посты способных и решительных командиров. Вы здесь у себя также должны над этим подумать, заключил Халепский.

ВОПРОС. Изложенный вами разговор не дает ясного представления о том, что предложение Халепского носило заговорщический характер.

ОТВЕТ. Для меня было очевидно, что речь идет о заговорщической группе среди командиров, в задачу которой входило — добиться замены руководства Красной Армии и выдвижение на руководящие посты своих людей. Хотя Халепский и не упомянул лично Ворошилова, однако он недвусмысленно давал понять, что речь идет именно о нем. Антисоветский характер предложения Халепского не вызывал у меня никаких сомнений.

ВОПРОС. Этот разговор с Халепским у вас был наедине?

ОТВЕТ. Нет, вместе со мной была группа командиров, в частности: бывший начальник бронетанковых войск Белорусского округа Сурен Шаумян, бывший командир 3-й мехбригады того же округа Хрулев и бывший командир 5-й танковой бригады Тылтынь.

После отъезда Халепского вместе с Шаумяном, Тылтынем и Хрулевым мы обменивались мнениями по существу предложения Халепского и условились занять независимую по отношению к руководству армией линию и строить работу по своему усмотрению.

ВОПРОС. Возвратимся к вашему разговору с Халепским. Покажите, что вы ответили ему после его предложения

организовать группу командиров для противодействия руководству Красной Армии.

ОТВЕТ. Определенного ответа я Халепскому не дал, так как в это время мне доложили о чрезвычайном происшествии (танком был задавлен красноармеец), и пока я отдавал необходимые распоряжения, связанные с этим делом, Халепский уехал.

Не отрицаю, однако, что мое положительное отношение к предложению Халепского было выражено при обсуждении этого вопроса с Шаумяном, Хрулевым и Тылтынем.

Исходя из установок Халепского, я занял линию ограничения прав политработников, чинил препятствия в их работе и одновременно, не согласовывая, как это предусмотрено приказами, с наркомом обороны, начал самовольно отстранять от должности и отправлять из части командиров, совершавших незначительные проступки.

ВОПРОС. Выходит, что к заговорщической работе вы были привлечены Халепским, тогда как в начале допроса вы показали, что в военно-заговорщическую организацию вас вовлек Мерецков. Как это понимать?

ОТВЕТ. Я показываю так, как это было в действительности. После разговора с Халепским никто из заговорщиков ко мне не обращался, и я не считал себя организационно'связанным х заговорщической организацией в Красной Армий.

Лишь в f937 году б Испании я был посвящен Мерецковым о существовании в Красной Армии заговора и привлечен к вражеской работе.

ВОПРОС. Что связывало вас с Мерецковым? На какой почве он вовлек вас в заговорщическую организацию?

ОТВЕТ. С Мерецковым я познакомился в 1934 году, когда он был начальником штаба Белорусского военного округа, а я в том же округе командовал 4-й мехбригадой. По службе мне приходилось с ним сталкиваться.

Мерецков несколько раз проводил в моей бригаде учения, и у нас установились хорошие взаимоотношения.

В ноябре 1936 года я был направлен в Испанию, где к тому времени был и Мерецков. Встретил он меня очень радушно, представил главному советнику при военном министре Берзину и ходатайствовал о назначении меня генералом испанской армии. В дальнейшем мы часто разъезжали по фронтам и участвовали в боевых операциях. Это еще более сблизило нас и создало почву для откровенных разговоров.

В феврале 1937 года я приехал из Алкалы в Мадрид и посетил Мерецкова в гостинице. После деловых разговоров мы обменивались с Мерецковым мнением о положении в Красной

Армии.

В беседе выяснилось, что оба мы сходились в оценке состояния Красной Армии. Мы считали, что командный состав Красной Армии якобы бесправен, а политсоставу, наоборот, предоставлены излишние права. Существовавший, по нашему мнению, разброд среди комсостава вызывался якобы неправильной политикой руководства Красной Армии.

В Красной Армии, заявил Мерецков, нет единой доктрины, это хорошо понимают некоторые руководящие армейские работники, которые объединялись на почве недовольства существующим в армии положением. Тогда же Мерецков сообщил мне, что Тухачевский и Уборевич возглавляют существующую в Красной-Ар-мии заговорщическую организацию, которая ставит перед собой задачу — сменить негодное, с их точки зрения, руководство Красной Армией: «Вот приедем мы домой, сказал Мерецков, нужно и тебе работать заодно с нами».

ВОПРОС. Что вы ответили Мерецкову?

ОТВЕТ. Мерецкову я сказал, что глубоко уважаю военный авторитет Уборевича и готов поэтому примкнуть к группе командного состава, которая идет за Уборевичем.

ВОПРОС. Сомнительно, чтобы Мерецков, не заручившись предварительно вашим согласием примкнуть к заговорщической организации, раскрыл бы перед вами ее руководителей в лице Тухачевского и Уборевича. Правильно ли вы показываете?

ОТВЕТ. Я показываю правильно. Откровенной беседе о существовании в армии заговорщической организации предшествовали длительные разговоры, в процессе которых Мерецков убедился, что я разделяю его точку зрения о положении в армии. Кроме того, учитывая мое преклонение перед авторитетом Уборевича, Мерецков без риска мог сообщить мне о его руководящей роли в военно-заговорщической организации.

ВОПРОС. Какие практические задачи поставил перед вами Мерецков?

ОТВЕТ. В этот раз никаких практических заданий Мерецков мне не давал.

Далее в протоколе следует запись: «Допрос прерывается в 17 час. 10 мин.». Остается только догадываться, с какой целью.

Да, начиналась обработка подследственного. С применением мер физического воздействия, о чем стало известно из реабилитационных материалов в 1957 году.

Стенограмма дальнейших допросов Павлова — это тщательно запротоколированная хроника его самооговора. Приводить” ее дальше нет смысла, поскольку общая картина у читателя,

надеюсь, сложилась, а самые «забойные» места из самооговора арестованного будут процитированы в протоколе закрытого судебного заседания Военной коллегии Верховного суда СССР. Этот протокол есть смысл привести полностью.

Так кем же был Павлов? Бездарным военачальником, как представляли его иные писатели и историки, или предателем, намеренно открывшим фронт, как упорствовали дознаватели и следователи? В последнее время появилась и другая точка зрения, правда, весьма робкая: Павлов был заложником сталинской системы, поставившей его в такие условия, в которых иного развития событий и быть не могло.

Уже упоминавшийся историк Б. В. Соколов предложил смелую метаморфозу: уцелел ли бы Западный военный округ от разгрома, если бы им командовал, скажем, не Павлов, а Жуков? По мнению исследователя, войска округа совершенно неизбежно потерпели бы столь же тяжелое поражение в первые дни войны, даже если бы во главе их стоял не неудачник Павлов, а удачливый Жуков.

Соколов рассуждает так: невыгодное расположение армий округа Жуков изменить не смог бы — его определяли генштаб, наркомат обороны и лично Сталин в соответствии с тогдашней военной доктриной. Не смог бы Жуков улучшить и расположение укрепленных районов — этот вопрос тоже решался в центре, равно как и приведение войск округа в боевую готовность. Исследователь приводит любопытную деталь: 21 июня 1941 года Жуков, будучи начальником генштаба, специальной телеграммой отменил некоторые меры командования Прибалтийского военного округа по усилению боеготовности. В частности, предписывалось немедленно отменить введенную Светомаскировку, поскольку это могло вызвать нежелательные настроения среди гражданского населения, а также потому, что решение этого, вопроса являлось прерогативой центральных государственных и военных органов.

Не во власти Жукова, считает историк Соколов, также было бы предотвратить уничтожение большей части авиации Западного округа в первый же день войны, так как оно было вызвано серьезными недостатками в развитии советской авиации в целом. Не мог он как-либо повлиять и на то, что именно в Белоруссии Гитлер решил нанести главный удар и поэтому сосредоточил здесь свои основные силы. И тогда, по мнению исследователя, Жукова, а не Павлова постигла бы трагическая судьба: скорый и неправый суд и расстрел, дабы головами руководителей Западного фронта прикрыть ошибки центрального военного и политического руководства, приведшие к катастрофе.

Кстати, Павлов после первых дней боев, когда разобрался в обстановке, принял принципиальное и верное, как считают сегодня военные специалисты, решение: о скорейшем отводе войск, уцелевших от разгрома, на тыловые оборонительные рубежи. Но осуществить свой грамотный план уже не мог — был смещен и арестован.

Сам факт отступления был для Кремля настолько шокирующим, настолько затмил разум, что никто не оказался в состоянии спокойно и хладнокровно разобраться в случившемся. Немедленно прекратить отход! Перейти в контрнаступление! Выбить противника с захваченных позиций! Такие команды летели из Москвы в Минск и потом в Могилев, куда переехал штаб фронта. Но контратаки только уносили десятки тысяч жизней солдат. Требовалось нечто иное — стратегическое мышление, трезвый анализ обстановки.

Увы, печальный прецедент Западного фронта повторился и на Юго-Западном. В июньских, плохо подготовленных, контрударах генерал-полковник Кирпонос безвозвратно потерял больше половины своих танков. Контрудары предпринимались по настоянию Ставки и приехавшего на фронт Жукова, в ту пору начальника генерального штаба. Кирпонос осознал бесполезность контрударов и попытался вывести мехкорпуса из боя, чтобы организовать отход и занять прочные оборонительные позиции. Однако Ставка, и в том числе вернувшийся с фронта в Москву Жуков, этого решения командующего Юго-Западным фронтом не утвердила, и Кирпонос вновь начал безнадежные атаки, увеличивая счет потерь и почти не нанося их противнику.

Известна трагедия Юго-Западного фронта и его командующего, погибших в окружении. Потери в Киевском котле были страшными. А ведь Кирпонос просил Ставку дать разрешение на отход частей от Днепра на тыловой оборонительный рубеж по реке Псел. Но сама мысль об оставлении Киева показалась Сталину кощунственной, и он не дал добро на отвод войск. Жуков, поддержавший Кирпоноса, лишился поста начальника генштаба.

Положение в районе Киева между тем складывалось катастрофическое, и Сталин скрепя сердце дал согласие на отход и занятие оборонительных рубежей по реке Псел. Но было уже поздно. Юго-Западный фронт оказался в мешке. Только пленными было потеряно более 660 тысяч человек. Кирпонос со штабом погибли, выходя из окружения. Кто знает, останься он в живых, не повторил ли бы он трагическую участь Павлова?

Павлову не повезло, он уцелел и стал козлом отпущения за тяжелые поражения, понесенные в приграничном сражении.

Прием избрали безотказный и испытанный: просчеты и промахи списали на заговорщиков и других врагов народа.

«Я ОГОВОРИЛ СЕБЯ…»

Суд — действие 4. Начато 22 июля 1941 г. в 0 час. 20 мин.

Протокол закрытого судебного заседания Военной коллегии Верховного суда СССР отпечатан в одном экземпляре и имеет гриф «Совершенно секретно».

Судили генерала армии Павлова и подчиненных ему генералов в Москве. Председательствовал армвоен-юрист В. В. Ульрих, членами суда были диввоенюристы

А. М. Орлов и Д. Я. Кандыбин. Секретарь — военный юрист А. С. Мазур.

Протокол начинается с преамбулы о том, что в 0 часов 20 минут председательствующий открыл судебное заседание и объявил дело, которое предстоит рассмотреть. Обвинялись бывший командующий Западным фронтом генерал армии Павлов Дмитрий Григорьевич, бывший начальник штаба Западного фронта генерал-майор Климовских Владимир Ефимович, — оба в преступлениях, предусмотренных ст. 63-2 и 76 УК БССР; бывший начальник связи штаба Западного фронта генерал-майор Григорьев Андрей Терентьевич и бывший командующий 4-й армией генерал-майор Коробков Александр Андреевич, — оба в преступлении, предусмотренном ст. 180 п. «б» УК БССР.

Удостоверившись в самоличности подсудимых, председательствующий спрашивает их, вручена ли им копия обвинительного заключения и ознакомились ли они с ним.

Подсудимые ответили утвердительно.

Оглашается состав суда и разъясняется подсудимым право отвода кого-либо из состава суда при наличии к тому оснований.

Отвода состава суда подсудимыми не заявлено.

Судебное следствие начинается с того, что председательствующий оглашает обвинительное заключение и спрашивает подсудимых, понятно ли предъявленное им обвинение и признают ли они себя виновными.

ПОДСУДИМЫЙ ПАВЛОВ Д. Г.

Предъявленное мне обвинение понятно. Виновным себя в участии в антисоветском военном заговоре не признаю. Участником антисоветской заговорщической организации я никогда не был.

Я признаю себя виновным в том, что не успел проверить выполнение командующим 4-й армией Коробковым моего

приказа об эвакуации войск из Бреста. Еще в начале июня месяца я отдал приказ о выводе частей из Бреста в лагеря. Коробков же моего приказа не выполнил, в результате чего три дивизии при выходе из города были разгромлены противником.

Я признаю себя виновным в том, что директиву генерального штаба РККА я понял по-своему и не ввел ее в действие заранее, то есть до наступления противника. Я знал, что противник вот-вот наступит, но из Москвы меня уверили, что все в порядке, и мне было приказано быть спокойным и не паниковать. Фамилию, кто мне это говорил, назвать не могу.

УЛЬРИХ. Свои показания, данные на предварительном следствии несколько часов тому назад, то есть 21 июля 1941 года, вы подтверждаете?

ПАВЛОВ. Этим показаниям я прошу не верить. Их я дал будучи в нехорошем состоянии. Я прошу верить моим показаниям, данным на предварительном следствии 7 июля 1941 года.

УЛЬРИХ. В своих показаниях от 21 июля 1941 года (лд 82, том 1) вы говорите:

«Впервые о целях и задачах заговора я узнал еще будучи в Испании в 1937 году от Мерецкова».

ПАВЛОВ. Будучи в Испании, я имел одну беседу с Мерецковым, во время которой Мерецков мне говорил: «Вот наберемся опыта в этой войне и этот опыт перенесем в свои войска». Тогда же из парижских газет я узнал об антисоветском военном заговоре, существовавшем в РККА.

УЛЬРИХ. Несколько часов тому назад вы говорили совершенно другое и в частности о своей вражеской деятельности.

ПАВЛОВ. Антисоветской деятельностью я никогда не занимался. Показания о своем участии в антисоветском военном заговоре я дал будучи в невменяемом состоянии.

УЛЬРИХ. На том же лд 82, том I, вы говорите: «Цели и задачи заговора, которые мне изложил Мерецков, сводились к тому, чтобы произвести в армии смену руководства, поставив во главе армии угодных заговорщикам людей — Уборевича и Тухачевского». Такой разговор у вас с ним был?

ПАВЛОВ. Такого разговора у меня с ним не было.

УЛЬРИХ. Какие разговоры вы имели с Мерецковым об антисоветском военном заговоре по возвращении из Испании?

ПАВЛОВ. По возвращении из Испании, в разговоре с Мерецковым о вскрытом заговоре в армии, я спросил у него, куда мы денем эту сволочь. Мерецков мне ответил: «Нам сейчас не до заговорщических дел. Наша работа запущена, и нам надо, засучив

рукава, работать».

УЛЬРИХ. На предварительном следствии 21 июля 1941 года вы говорили по этому поводу совершенно другое. И, в частности, на лд 83, том 1, вы дали такие показания:

«По возвращении из Испании, в разговоре с Мерецковым по вопросам заговора, мы решили, в целях сохранения себя от провала, антисоветскую деятельность временно не проводить, уйти в глубокое подполье, проявляя себя по линии службы только с положительной стороны».

ПАВЛОВ. На предварительном следствии я говорил то, что и суду. Следователь же на основании этого записал иначе. Я подписал.

УЛЬРИХ. На лд 86 тех же показаний от 21 июля 1941 года вы говорите: «Поддерживая все время с Мерецковым постоянную связь, последний в неоднократных беседах со мной систематически высказывал свои пораженческие настроения, указывая неизбежность поражения Красной Армии в предстоящей войне с немцами. С момента начала военных действий Германии на Западе Мерецков говорил, что сейчас немцам не до нас, но в случае нападения их на Советский Союз и победы германской армии хуже нам от этого не будет». Такой разговор у вас с Мерецковым был?

ПАВЛОВ. Да, такой разговор происходил у меня с ним в январе месяце 1940 года в Райволе.

УЛЬРИХ. Кому это «нам хуже не будет»?

ПАВЛОВ. Я понял его, что мне и ему.

УЛЬРИХ. Вы соглашались с ним?

ПАВЛОВ. Я не возражал ему, так как этот разговор происходил во время выпивки. В этом я виноват.

УЛЬРИХ. Об этом вы докладывали кому-либо?

ПАВЛОВ. Нет, и в этом я также виноват.

УЛЬРИХ. Мерецков вам говорил о том, что Штерн являлся участником заговора?

ПАВЛОВ. Нет, не говорил. На предварительном следствии я назвал Штерна участником заговора только лишь потому, что он во время гвадалахарского сражения отдал преступное приказание об отходе частей из Гвадалахары. На основании этого я сделал вывод, что он участник заговора.

УЛЬРИХ. На предварительном следствии (лд 88, том 1) вы дали такие показания: «Для того, чтобы обмануть партию и правительство, мне известно точно, что генеральным штабом план заказов на военное время по танкам, автомобилям и тракторам был завышен раз в 10.

Генеральный штаб обосновывал это завышение наличием

мощностей, в то время как фактически мощности, которые могла бы дать промышленность, были значительно ниже… Этим планом Мерецков имел намерение на военное время запутать все расчеты по поставкам в армию танков, тракторов и автомобилей». Эти показания вы подтверждаете?

ПАВЛОВ. В основном да. Такой план был. В нем была написана такая чушь. На основании этого я и пришел к выводу, что план заказов на военное время был составлен с целью обмана партии и правительства.

УЛЬРИХ *(оглашает показания подсудимого Павлова, данные им на предварительном следствии (лд 89, том I) о его, Павлова, личной предательской деятельности и спрашивает у подсудимого, подтверждает ли он эти показания).*

ПАВЛОВ. Данные показания я не подтверждаю. Вообще командующий связью не руководит. Организацией связи в армии руководит начальник штаба, а не командующий. Этот пункт, что я сознательно не руководил организацией связи в армии, я записал для того, чтобы скорее предстать перед пролетарским судом.

Мои показания и в отношении УРов, что я якобы сознательно не ставил вопрос о приведении их в боеготовность, также не отвечают действительности. Подчиненные мне укрепленные районы были в лучшем состоянии, чем в других местах, что может подтвердить народный комиссар обороны СССР.

УЛЬРИХ. По этому поводу Климовских на предварительном следствии показал: «Работы по строительству укрепленных районов проходили чрезвычайно медленно. К началу военных действий из 600 огневых точек было вооружено 189 и то не полностью оборудованы» (лд 25, том 2).

ПАВЛОВ. Климовских говорит совершенно верно. Об этом я докладывал Центральному Комитету.

УЛЬРИХ. Когда?

ПАВЛОВ. В мае 1941 года.

УЛЬРИХ. О боеготовности укрепленных. районов вы сами на предварительном следствии показали: «Я сознательно не ставил резко вопроса о приведении в боеготовность укрепленных районов, в результате УРы были небоеспособны, а УРовские войска даже по плану мая месяца не были развернуты».

ПАВЛОВ. Эти показания я подтверждаю, только прошу вычеркнуть из них слово «сознательно».

УЛЬРИХ. Свои показания от 21 июля 1941 года вы заканчиваете так: «Будучи озлоблен тем обстоятельством, что многие ранее близкие мне командиры Красной Армии были арестованы и осуждены, я избрал самый верный способ мести — организацию поражения Красной Армии в войне с Германией». «Я

частично успел сделать то, что в свое время не удалось Тухачевскому и Уборевичу, то есть открыть фронт немцам» (лд 92, том 1).

ПАВЛОВ. Никакого озлобления у меня никогда не было. У меня не было основания быть озлобленным. Я был Героем Советского Союза. С прошлой верхушкой в армии я связан не был. На предварительном следствии меня в течение 15 дней допрашивали о заговоре. Я хотел скорее предстать перед судом и ему доложить о действительных поражениях армии. Поэтому я писал и о злобе и называл себя тем, кем я никогда не был.

УЛЬРИХ. Свои показания от 11 июля 1941 года вы подтверждаете?

ПАВЛОВ. Нет, это также вынужденные показания.

УЛЬРИХ *(оглашает выдержки из показаний подсудимого Павлова, данные им на предварительном следствии 11 июля 1941 года (лд 65, том 1), следующего характера: «… Основной причиной поражения на Западном фронте является моя предательская работа как участника заговорщической организации, хотя этому в значительной мере способствовали и другие объективные условия, о которых я показал на допросе 9 июля)».*

ПАВЛОВ. Все это записано неверно. Это мои вынужденные показания.

УЛЬРИХ. Что вы скажете относительно своих показаний от 9 июля 1941 года?

ПАВЛОВ. Эти показания также совершенно не отвечают действительности. В этот день я чувствовал себя хуже, чем 21 июля 1941 года.

УЛЬРИХ. 9 июля 1941 года на лд 59, том 1, вы дали такие показания: «В отношении авиации. Я целиком доверил на слово рассредоточение авиации по полевым аэродромам, а на аэродромах по отдельным самолетам, не проверил правильность доклада командующего ВВС Копца и его заместителя Таюрского. Допустил преступную ошибку, что авиацию разместили на полевых аэродромах ближе к границе, на аэродромах, предназначенных для занятий на случай нашего наступления, но никак не обороны». Эти показания вы подтверждаете?

ПАВЛОВ. Это совершенно правильно. В начале военных действий Колец и Таюрский доложили мне, что приказ народного комиссара обороны СССР о сосредоточенном расположении авиации ими выполнен. Но я физически не мог проверить правильность их доклада. После первой бомбежки авиадивизия была разгромлена. Копец застрелился потому, что он трус.

КАНДЫБИН, ДИВВОЕНЮРИСТ, ЧЛЕН СУДА. Создается впечатление, что вы не готовились к отражению нападения

противника. Знали ли вы о сосредоточении немецких войск у нашей границы?

ПАВЛОВ. Я своевременно знал, что немецкие войска подтягивались к нашей границе, и согласно донесений нашей разведки, предполагал о возможном наступлении немецких войск. Несмотря на заверения из Москвы, что все в порядке, я отдал приказ командующим привести войска в боевое состояние и занять все сооружения боевого типа. Были розданы войскам патроны. Поэтому сказать, что мы не готовились, — нельзя.

КАНДЫБИН. Подтверждаете ли вы свои показания в отношении командующего 4-й армией- генерала Коробкова?

ПАВЛОВ. Свои показания, данные в начале предварительного следствия, в отношении командующего 4-й армией Коробкова, я полностью подтверждаю.

После того как я отдал приказ командующим привести войска в боевое состояние, Коробков доложил мне, что его войска к бою готовы. На деле же оказалось, что при первом выстреле его войска разбежались.

Состояние боеготовности 4-й армии, находящейся в Бресте, я не проверял. Я поверил на слово Коробкову о готовности его частей к бою.

ОРЛОВ, ДИВВОЕНЮРИСТ, ЧЛЕН СУДА. Считаете ли вы, что война застала вас врасплох?

ПАВЛОВ. Я считаю, что все войска Западного фронта к войне были подготовлены. И я бы не сказал, что война застала нас врасплох. В период 22–26 июня 1941 года как в войсках, так и в руководстве паники не было, за исключением 4-й армии, в которой чувствовалась полная неорганизованность и растерянность командования.

ОРЛОВ. А при отходе?

ПАВЛОВ. При отходе на новые оборонительные позиции неорганизованности не было. Все знали, куда надо было отходить.

ОРЛОВ. Чем вы объясните сдачу Минска?

ПАВЛОВ. К противовоздушной обороне столица Белоруссии Минск была подготовлена, кроме того, она охранялась четырьмя дивизиями.

ОРЛОВ. Как, же она оказалась столь быстро в руках противника?

ПАВЛОВ. По стечению разных обстоятельств.

ОРЛОВ. Но ведь Минск уже 26 июня был брошен на произвол судьбы?

ПАВЛОВ. Правительство выехало из Минска еще 24 июня.

ОРЛОВ’. При чем здесь правительство? Вы же командующий

фронтом?

ПАВЛОВ. Да, я был командующим фронтом. Положение, в котором оказался Минск, говорит нам о том, что Минск полностью обороной обеспечен не был.

ОРЛОВ. Чем объяснить, что части не были обеспечены боеприпасами?

ПАВЛОВ. Боеприпасы были, кроме бронебойных. Последние находились от войсковых частей на расстоянии 100 километров. В этом я виновен, так как мною не был поставлен вопрос о передаче складов в наше распоряжение.

По обороне Минска мною были приняты все меры, вплоть до доклада правительству.

ПОДСУДИМЫЙ КЛИМОВСКИХ В. Е.

Предъявленное мне обвинение понятно. Виновным себя признаю во второй части предъявленного обвинения, то есть в допущении ошибок по служебной деятельности.

УЛЬРИХ. В чем именно вы признаете себя виновным?

КЛИМОВСКИХ. Я признаю себя виновным в совершении преступлений, изложенных в обвинительном заключении.

УЛЬРИХ. Свои показания, данные на предварительном следствии, вы подтверждаете?

КЛИМОВСКИХ. Показания, данные мною на предварительном следствии, о причинах поражения войск Западного округа, я полностью подтверждаю.

УЛЬРИХ. На предварительном следствии (лд 25, том 2) вы дали такие показания: «… Вторая причина поражения заключается в том, что работники штаба фронта, в то числе и я, и командиры отдельных соединений преступно халатно относились к своим обязанностям как до начала военных действий, так и во время войны». Эти показания вы подтверждаете?

КЛИМОВСКИХ. Подтверждаю полностью.

ЧЛЕН СУДА ОРЛОВ. Скажите, был ли выполнен план работ по строительству укрепленных районов?

КЛИМОВСКИХ. Работы по строительству укрепленных районов в 1939–1940 гг. были выполнены по плану, но недостаточно. К началу военных действий из 600 огневых точек было вооружено 189 и то не полностью оборудованы.

ОРЛОВ. Кто несет ответственность за неготовность укрепрайонов?

КЛИМОВСКИХ. За это несут ответственность: командующий войсками Павлов, пом. комвойсками по УРам Михайлин и в известной доле я несу ответственность, как начальник штаба.

ОРЛОВ. Кто несет ответственность за отсутствие

самостоятельных линий и средств связи для общевойскового командования, ВВС и ПВО?

КЛИМОВСКИХ. За это несет ответственность начальник связи Западного фронта и я, как начальник штаба.

ОРЛОВ. Вы располагали данными о том, что противник концентрирует войска?

КЛИМОВСКИХ. Такими данными мы располагали, но мы были дезинформированы Павловым, который уверял, что противник концентрирует легкие танки.

Первый удар противника по нашим войскам был настолько ошеломляющим, что он вызвал растерянность всего командного состава штаба фронта. В этом виновны: Павлов, как командующий фронтом, я — как начальник штаба фронта, начальник связи Григорьев, начальник артиллерии и другие командиры.

ОРЛОВ. Показания участников антисоветской заговорщической организации Симонова и Батенина, данные ими на предварительном следствии в отношении вас, вам известны? Если да, то что вы скажете в отношении их показаний?

КЛИМОВСКИХ. Показания Симонова и Батенина мне хорошо известны. Их показания я категорически отрицаю. Повторяю, что участником антисоветской заговорщической организации я не был.

ОРЛОВ. Как вы считаете, Минск в достаточной степени был подготовлен к обороне?

КЛИМОВСКИХ. Я считаю, что Минск к обороне был подготовлен недостаточно. В Минске действовала авиация, но ее было мало, фактически оборона Минска была недостаточной.

ЧЛЕН СУДА КАНДЫБИН. Подсудимый Павлов на предварительном следствии дал такие показания: «Командир мехкорпуса Оборин больше занимался административными делами и ни в коей мере не боевой готовностью своего корпуса, в то время как корпус имел более 450 танков. Оборин с началом военных действий потерял управление и был бит по частям. Предательской деятельностью считаю действия начальника штаба Сан-далова и командующего 4-й армией Коробкова». Что вы скажете в отношении показаний Павлова?

КЛИМОВСКИХ. Показания Павлова я подтверждаю.

ПОДСУДИМЫЙ ГРИГОРЬЕВ А. Т.

Предъявляемое мне обвинение понятно. Виновным признаю себя в том, что после разрушения противником ряда узлов связи я не сумел их восстановить.

УЛЬРИХ. Свои показания, данные на предварительном

следствии, вы подтверждаете?

ГРИГОРЬЕВ. Первые свой показания, данные в Минске, а также показания, данные 21 июля 1941 года, я подтвердить не могу, так как дал их вынужденно.

Свои собственноручные показания я полностью подтверждаю.

ЧЛЕН СУДА ОРЛОВ. На предварительном следствии 5 июля 1941 года (лд 24–25, том 4) вы дали показания, что признаете себя виновным:

1. В том, что не была бесперебойно осуществлена свйзь Штйба фронта с действующими частями Красной Армии.

2. В том, что не было принято вами решительных мер к формированию частей фронтовой связи по расписаниям военного времени.

3. В том, что вами не было принято решительных мер к своевременному исправлению повреждений проводов и пунктов связи как диверсантами, так и в результате бомбардировки самолетами противника.

ГРИГОРЬЕВ. Первый и третий пункт моих показаний я полностью подтверждаю. Второй же пункт, хотя я и признал себя виновным, но он ко мне совершенно не относится, так как я мобилизацией не занимаюсь. Правда, я несу косвенную ответственность и за это.

ОРЛОВ. Свои собственноручные показания от 15 июля 1941 года вы начинаете так: «Война, разразившаяся 22 июня 1941 года, застала Западный особый военный округ к войне не подготовленным» (лд 67, том 4). Эти показания вы подтверждаете?

ГРИГОРЬЕВ. Да, подтверждаю.

ОРЛОВ. Давая показания об обстановке в штабе округа перед началом войны, вы говорите: «Война, начавшаяся 22 июня, застала Западный особый военный округ врасплох. Мирное настроение, царившее все время в штабе, безусловно передавалось и в войска. Только этим благодушием можно объяснить тот факт, что авиация была немецким налетом застегнута на земле. Штабы армий находились на зимних квартирах и были разгромлены и, наконец, часть войск (Брестский гарнизон) подверглась бомбардировке на своих зимних квартирах» (лд 76, том 4). Эти показания соответствуют действительности?

ГРИГОРЬЕВ. Да.

ОРЛОВ. Чувствовалось ли в штабе округа приближение войны?

ГРИГОРЬЕВ. Нет. Начальник штаба округа — Климовских считал, что все наши мероприятия по передвижению войск к

границе есть мера предупредительная.

ОРЛОВ. Кто во всем этом виновен?

ГРИГОРЬЕВ. Виновны в этом: командующий — Павлов, начальник штаба — Климовских, член. Военного совета Фоминых и другие.

ОРЛОВ. На лд 79, том 4, вы дали такие показания: «Выезжая из Минска, мне командир полка связи доложил, что отдел химвойск не разрешил ему взять боевые противогазы из НЗ. Артотдел округа не разрешил ему взять патроны из НЗ, и полк имеет только караульную норму по 15 штук патронов на бойца, а обоз-но-вещевой отдел не разрешил взять из НЗ полевые кухни. Таким образом, даже днем 18 июня довольствующие отделы штаба не были ориентированы, что война близка… И после телеграммы начальника генерального штаба от 18 июня войска не были приведены в боевую готовность».

ГРИГОРЬЕВ. Все это верно.

ПОДСУДИМЫЙ КОРОБКОВ А. А.

Предъявленное мне обвинение понятно. Виноватым себя не признаю. Я могу признать себя виновным лишь в том, что не мог определить точного начала военных действий. Приказ народного комиссара обороны мы получили в 4.00, когда противник начал нас бомбить.

К исполнению своих обязанностей — командующего 4-й армией я приступил 6 апреля 1941 года. При проверке частей более боеспособными оказались 49, 75 и 79-я стрелковые дивизии. Причем 79-я стрелковая дивизия ушла в 10-ю армию. 75-я стрелковая дивизия находилась на левом фланге. Боеготовность остальных частей была слаба.

События развернулись молниеносно. Наши части подвергались непрерывным атакам крупных авиационных и танковых соединений противника. С теми силами, которые я имел, я не мог обеспечить отпор противнику. Причинами поражения моих частей я считаю огромное превосходство противника в авиации и танках.

УЛЬРИХ *(оглашает выдержки из показаний подсудимого Павлова, данных им на предварительном следствии (лд 30, том 1) о том, что Коробковым была потеряна связь с 49-й и 75-й стрелковыми дивизиями и (лд 33) о том, что в 4-й армии чувствовалась полная растерянность командования, которое потеряло управление войсками.)*

КОРОБКОВ. Показания Павлова я категорически отрицаю. Как может он утверждать это, если он в течение десяти дней не был у меня на командном пункте. У меня была связь со всеми частями,

за исключением 46-й стрелковой дивизии, которая подчинялась мехкорпусу.

На предварительном следствии меня обвиняли в трусости. Это неверно. Я день и ночь был на своем посту. Все время был на фронте и лично руководил частями, наоборот, меня все время обвиняло 3-е управление в том, что штаб армии был очень близок к фронту.

УЛЬРИХ. Подсудимый Павлов на предварительном следствии дал о вас такие показания: «Предательской деятельностью считаю действия начальника штаба Сан-далова и командующего 4-й армией Коробкова. На их участке совершила прорыв и дошла до Рогачева основная мехгруппа противника и в таких быстрых темпах только потому, что командование не выполнило моих приказов о заблаговременном выводе частей из Бреста» (лд 62, том 1).

КОРОБКОВ. Приказ о выводе частей из Бреста никем не отдавался. Я лично такого приказа не видел.

ПАВЛОВ. В июне месяце по моему приказу был направлен командир 28-го стрелкового корпуса Попов с заданием к 15 июня все войска эвакуировать из Бреста в лагеря.

КОРОБКОВ. Я об этом не знал. Значит, Попова надо привлекать к уголовной ответственности за то, что он не выполнил приказа командующего.

(Суд приходит к выводу, что подсудимые разбор дела больше ничем существенным не дополнили и принимает решение об окончании судебного следствия. Подсудимым предоставляется последнее слово).

Последнее слово подсудимого Павлова Д. Г.

Я прошу исключить из моих показаний вражескую деятельность, так как таковой я не занимался. Причиной поражения частей Западного фронта являлось то, что записано в моих показаниях от 7 июля 1941 года, и то, что стрелковые дивизии в настоящее время являются недостаточными в борьбе с крупными танковыми частями противника. Количество пехотных дивизий не обеспечит победы над врагом, надо немедленно организовывать новые противотанковые дивизии с новой материальной частью, которые и обеспечат победу.

Коробков удара трех механизированных дивизий, противника выдержать не мог, так как ему было нечем бороться с ними.

Я не смог правильно организовать управление войсками за отсутствием достаточной связи. Я должен был потребовать радистов из Москвы, но этого не сделал.

В отношении укрепленных районов. Я организовал все

зависящее от меня. Но должен сказать, что выполнение мероприятий правительства было замедлено.

Я прошу доложить нашему правительству, что на Западном особом фронте измены и предательства не было. Все работали с большим напряжением. Мы в данное время сидим на скамье подсудимых не потому, что совершили преступления в период военных действий, а потому, что недостаточно готовились в мирное время к этой войне.

Последнее слово подсудимого Климовских В. Е.

Участником антисоветской заговорщической организации я не был. Меня оговорили Симонов и Батенин. Их показания разбирались Центральным Комитетом и, если бы они были правдоподобны, меня никогда не направили бы на должность начальника штаба.

Я признаю себя виновным в ошибках, которые были мною допущены в своей служебной деятельности как до войны, так и во время войны, но прошу учесть, что эти ошибки в работе мною были допущены без всякого злого умысла.

Я прошу доложить высшему командованию Красной Армии о том, что во время военных действий высший командный состав находился при войсках и на месте исправлял те или иные ошибки.

Я прошу дать мне возможность искупить свою вину перед Родиной, и я все силы отдам на благо Родины.

Последнее слово подсудимого Григорьева А. Т.

Работа связи находилась в очень тяжелых условиях, ибо враг нанес решительный удар и нарушил как телеграфную, так и телефонную связь.

Я никогда не был преступником перед Советским Союзом. Я честно старался исполнить свой долг, но не мог его выполнить, ибо в моем распоряжении не было частей. Части не были своевременно отмобилизованы, не были вовремя отмобилизованы войска связи генштаба.

Если только мне будет дана возможность, я готов работать в любой должности на благо Родины.

Последнее слово подсудимого Коробкова А. А.

4-я армия по сути не являлась армией, так как она состояла из четырех дивизий и вновь сформированного корпуса. Мои дивизии были растянуты на расстоянии 150 километров. Сдержать наступление трех мехдивизий противника я не мог, так как силы были незначительными и пополнение* ко мне не

поступало.

Первые два дня начала военных действий моим частям двигаться нельзя было из-за огромного количества самолетов противника. Буквально каждая наша автомашина расстреливалась противником. Силы были неравные. Враг превосходил нас во всех отношениях.

Ошибки в моей работе были, и я прошу дать мне возможность искупить свои ошибки.

(Суд удаляется на совещание. По возвращении председательствующий в 3 часа 20 мин. огласил приговор. В 3 часа 25 мин. председательствующий объявил судебное заседание закрытым. Судьба генералов была решена за 5 минут).

ПРИГОВОР

Военной коллегии Верховного суда СССР

Москва 22 июля 1941 г.

Совершенно секретно

Именем Союза Советских Социалистических Республик Военная коллегия Верховного суда Союза ССР в составе: председательствующего — армвоенюриста

В. В. Ульриха, членов — диввоенюристов А. М. Орлова и Д. Я. Кандыбина,

при секретаре военном юристе А. С. Мазуре в закрытом судебном заседании в г. Москве 22 июля 1941 г. рассмотрел дело по обвинению:

1. Павлова Дмитрия Григорьевича, 1897 года рождения, бывшего командующего Западным фронтом, генерала армии;

2. Климовских Владимира Ефимовича, 1895 года рождения, бывшего начальника штаба Западного фронта, генерал-майора;

3. Григорьева Андрея Терентьевича, 1889 года рождения, бывшего начальника связи Западного фронта, генерал-майора, — в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 193-17/6 и 193-20/6 УК РСФСР.

4. Коробкова Александра Андреевича, 1897 года рождения, бывшего командующего 4-й армией, генерал-майора, — в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 193-17/6 и 193-20/6 УК РСФСР.

Предварительным и судебным следствием установлено, что подсудимые Павлов и Климовских, будучи первый — командующим войсками Западного фронта, а второй — начальником штаба того же фронта, в период начала военных

действий германских войск против Союза Советских Социалистических Республик проявили трусость, бездействие власти, нераспорядительность, допустили развал управления войсками, сдачу противнику оружия без боя и самовольное оставление боевых позиций частями Красной Армии, тем самым дезорганизовали оборону страны и создали возможность противнику прорвать фронт Красной Армии.

Обвиняемый Григорьев, являясь начальником связи Западного фронта и располагая возможностями к налаживанию, боеспособной связи штаба фронта с действующими воинскими соединениями, проявил паникерство, преступное бездействие в части обеспечения организации работы связи фронта, в результате чего с первых дней военных действий было нарушено управление войсками и нормальное взаимодействие воинских соединений, а связь фактически была выведена из строя.

Обвиняемый Коробков, занимая должность командующего, 4-й армией, проявил трусость, малодушие и преступное бездействие в возложенных на него обязанностях, в результате чего вверенные ему вооруженные силы понесли большие потери и были дезорганизованы.

Таким образом, обвиняемые Павлов, Климовских, Григорьев и Коробков вследствие своей трусости, бездействия и паникерства нанесли серьезный ущерб Рабоче-Крестьянской Красной Армии, создали возможность прорыва фронта противника в одном из главных направлений и тем самым совершили преступления, предусмотренные ст. ст. 193-17/6 и 19ˆ-20/6 УК РСФСР.

Исходя из изложен но го и руководствуясь статьями 319 и 320 УПК РСФСР, Военная коллегия Верховного суда СССР

Приговорила:

1. Павлова Дмитрия Григорьевича, 2. Климовских Владимира Ефимовича, 3. Григорьева Андрея Терентьевича и 4. Коробкова Александра Андреевича лишить военных званий: Павлова — «генерал армии», а остальных троих военного звания «генерал-майор» и подвергнуть всех четырех высшей мере наказания — расстрелу с конфискацией всего лично им принадлежащего имущества.

На основании ст. 33 УК РСФСР возбудить ходатайство перед Президиумом Верховного Совета СССР о лишении осужденного Павлова звания Героя Советского Союза, трех орденов Ленина, двух орденов «Красная Звезда», юбилейной медали в ознаменование 20-летия РККА и осужденных Климовских и Коробкова орденов «Красная Звезда» и юбилейных медалей «20-летие РККА».

Приговор окончательный и кассационному обжалованию не

подлежит.

Председательствующий
В. Ульрих

Члены
А. Орлов
Д. Кандыбин

Эпилог

Минутку, а почему в приговоре отсутствуют обвинения в военном заговоре? Ведь следствие настойчиво требовало от Павлова подтверждений, что он преднамеренно открыл фронт немцам, чем совершил изменническое деяние? Куда девались обвинения о связях с врагами народа Тухачевским, Уборевичем, Мерецковым?

Суд разобрался во всем и исключил обвинение в заговоре как недоказанное?

Отнюдь. В проекте приговора, представленном предварительно на ознакомление Сталину, Павлов обвинялся в антисоветском военном заговоре: «Проводил вражескую работу, выразившуюся в том, что в заговорщических целях не готовил к военным действиям вверенный ему командный состав, ослабил мобилизационную готовность войск округа, развалил управление войсками и сдал оружие противнику без боя…»

Прочитав проект, Сталин вызвал Поскребышева:

— Передайте, пусть выбросят всякую чепуху вроде «заговорщической деятельности». Остальной текст годится.

СПОТКНУВШИЙСЯ О ЖЕЗЛ

Глава 1
ЗНАК БЕДЫ

Рано утром 23 апреля 1937 года заместитель наркома Михаил Николаевич Тухачевский в безукоризненно сидевшей на нем маршальской форме, источая запах хорошего мужского одеколона, спустился к ожидавшей у подъезда служебной машине.

Водитель, услышав звук хлопнувшей двери, сразу же увидел высокую статную фигуру своего пассажира и поспешно вскочил с места, чтобы загодя открыть дверцу автомобиля.

Тухачевский шагнул к застывшему в приветствии у открытой дверцы водителю, протянул ему руку, чтобы поздороваться, и вдруг, нелепо взмахнув ею, потерял равновесие и растянулся прямо на асфальте, покрытом тонким ночным ледком.

Шофер помог подняться, заботливо спросил:

— Не ушиблись, товарищ маршал?

— Да нет, вроде все в порядке, — смущенно произнес Тухачевский, ощупывая правый бок и сердясь на себя за досадный конфуз. — Наверное, не повезет сегодня. Плохая примета…

Водитель все перевел в шутку. И Тухачевский, войдя в свой кабинет, через несколько минут уже забыл о случившемся с ним происшествии. Маршал окунулся с головой в водоворот наркоматовских дел.

В три принесли папку с документами на визу. Тухачевский переключил телефоны на приемную, отпустил начальника секретариата, как-то странно взглянувшего на него, и раскрыл папку.

По установившейся традиции начальник секретариата формировал стопку бумаг по степени их важности. Наверху всегда оказывались самые срочные. На этот раз первым лежало спецдонесение Ежова, адресованное Сталину, Молотову и Ворошилову.

Тухачевскому в силу его служебного положения приходилось читать и визировать сотни страниц важнейших документов ежедневно. Читал он быстро, схватывая самую суть, зная, где ее искать. Пространные преамбулы, как правило, просматривал беглым, рассеянным взглядом.

«Нами сегодня получены данные от зарубежного источника, заслуживающего полного доверия… — машинально скользнул он глазами по первой строке машинописного текста, собираясь перевести взгляд в конец, где обычно излагалась суть дела, но,

увидев дальше свою фамилию, впился в продолжение фразы: —… о том, что во время поездки тов. Тухачевского на коронационные торжества в Лондон над ним по заданию германских разведывательных органов предполагается совершить террористический акт».

«Однако!» — Недоверчиво хмыкнул Тухачевский. Но то, что он прочел дальше, говорило о серьезности намерений немцев. «Для подготовки террористического акта создана группа из 4 чел. (3 немцев и 1 поляка). Источник не исключает, что террористический акт готовится с намерением вызвать международные осложнения. Ввиду того, что мы лишены возможности обеспечить в пути следования и в Лондоне охрану тов. Тухачевского, гарантирующую полную его безопасность, считаю целесообразным поездку тов. Тухачевского в Лондон отменить. Прошу обсудить. 21 апреля 1937 года».

Тухачевский повертел в руках эту страничку, уже испещренную подписями читадших. В левом углу наискосок знакомым почерком Сталина красные карандашные слова: «Членам ПБ. Как это ни печально, приходится согласиться с предложением т. Ежова. Нужно предложить т. Ворошилову представить другую кандидатуру. И. Сталин».

Бумага уже побывала и у наркома Ворошилова, который наложил резолюцию: «Показать М. Н. 23. IV. 37 г. КВ». Тухачевский завизировал документ, подумав про себя, что Ежову с его агентурой виднее. Что ж, поездку придется отменить, хотя он уже рассказал о ней домашним. А впрочем, ничего особенного…

И он совершенно спокойно начал читать следующий документ — постановление Политбюро, принятое 22 апреля, т. е. вчера: «1. Ввиду сообщения НКВД о том, что т. Тухачевскому во время поездки на коронационные праздники в Лондоне угрожает серьезная опасность со стороны немецко-польской террористической группы, имеющей задание об убийстве т. Тухачевского, признать целесообразным отмену решения ЦК о поездке т. Тухачевского в Лондон. 2. Принять предложение НК обороны о посылке т. Орлова на коронационные праздники в Лондон в качестве представителя СССР по военной линии».

ЦК решение принял, ЦК и отменил. Пускай Орлов съездит, посмотрит, как будут короновать Георга VI. Ему, Орлову, это в диковинку. А он, Тухачевский, знает жизнь коронованных особ не понаслышке. И маршал размашисто завизировал документ.

Прошло немногим более двух недель. Уже и Орлов успел возвратиться из Лондона, уже и его сослуживцы перестали развешивать уши в наркоматовских курилках, внимая рассказам

побывавшего за границей товарища, как вдруг в тихих коридорах этажей, занятых отделами и службами наркомата, которые курировал Тухачевский, грянул гром.

10 мая Политбюро приняло решение: «Утвердить: Ь Первым заместителем народного комиссара обороны —

Маршала Советского Союза т. Егорова А. И., 2. Начальником Генерального штаба РККА — командующего войсками Ленинградского военного округа командарма 1 ранга т. Шапошникова Б. М., 3. Командующим войсками Ленинградского военного округа — командующего войсками Киевского военного округа командарма I ранга т. Якира И. Э.... 8. Командующим Приволжским военным округом — Маршала Советского Союза т. Тухачевского М. Н. с освобождением его от обязанностей заместителя наркома обороны».

Решение было принято на основании письма в Политбюро об утверждении новых назначений. С письмом обращался нарком обороны Ворошилов. Обращает на себя внимание невероятная быстрота, с которой это решение принималось. Ворошилов направил письмо 9 мая, а уже на следующий день вышло постановление.

Для Тухачевского такое понижение и перевод в Куйбышев было полнейшей неожиданностью. Никаких предварительных бесед с ним не проводилось, никаких объяснений высылки из Москвы не дано.

Встревоженный маршал понял, что дело худо. Знак надвигающейся беды был и в том, что прежние друзья моментально отвернулись от опального военачальника. Ясность мог внести только сам Сталин. Однако прорваться к нему было не так просто.

И все же чудо свершилось. Как свидетельствует книга регистрации лиц, принимаемых им лично, 3 мая 1937 года он дал аудиенцию Тухачевскому в Кремле. О чем был разговор, неизвестно. Суть состоявшейся беседы не зафиксирована ни в одном документальном источнике. Архивные изыскания пока не дали результатов.

Единственное упоминание об этой встрече удалось найти лишь в справке о проверке обвинений, предъявленных в 1937 году судебными и партийными органами Тухачевскому, Якиру, Уборевичу и другим военным деятелям в измене Родине, терроре и военном заговоре. Эта справка имела гриф «Совершенно секретно» и готовилась в течение трех лет комиссией КПК при ЦК КПСС под руководством Н. Шверника. Итог трехлетней работы был представлен заказчику — Н. С. Хрущеву — 26 июня 1964 года, за четыре месяца до его смещения.

В названном документе имеется ссылка на сообщение старого товарища Тухачевского, бывшего члена ВЦИК Н. Н. Кулябко, который в 1918 году рекомендовал Тухачевского в партию. В июне 1937 года персональное дело Кулябко рассматривалось в партийной организации, где он состоял на учете. Старому партийцу пришлось держать ответ, почему он способствовал проникновению в партию такого чуждого ей человека, как расстрелянный к тому времени Тухачевский.

Так вот, среди объяснений Кулябко есть такой штрих. Когда он узнал из газет о смещении Тухачевского с поста замнаркома обороны и понижении в должности до командующего Приволжским военным округом, то посетил опального маршала на его квартире. Тухачевский сказал Кулябко, что причиной его перевода в Куйбышев, как сообщили ему в Кремле, является то обстоятельство, что его знакомая Кузьмина и бывший порученец оказались шпионами и арестованы.

В справке Шверника содержится еще одна любопытная деталь. Касаясь обстоятельств отмены поездки Тухачевского в Лондон на коронацию Георга VI, комиссия докладывала Хрущеву: никаких материалов о готовившемся в Англии террористическом акте в отношении Тухачевского в КГБ СССР не имеется. Следовательно, утверждал Шверник, спецсообщеиие Ежова от 21 апреля 1937 года является сфальсифицированным. Тухачевского не выпустили за границу совсем по другим причинам' — его подозревали в организации военного заговора против Сталина.

С тяжелым грузом на душе, обуреваемый самыми мрачными предчувствиями, маршал отбыл в Куйбышев.

Глава 2
ЧЕСТНОЕ СЛОВО

Окончив чтение, Сталин почувствовал невероятную усталость. Ощущение было такое, словно сразу постарел на много лет.

Он закрыл глаза, как бы ограждая себя от этого жестокого мира, от неблагодарных, строивших злые козни, людей. Но иллюзию отрешенности удалось сохранить не более минуты.

Опостылевшая, мерзкая действительность вновь ворвалась в жизнь. В дверях кабинета бесшумно появился бритоголовый Поскребышев.

— В приемной Ежов! — хотел доложить он, но, увидев, что Сталин не открывает глаз, попятился назад и тихо прикрыл за собой дверь. За годы совместной работы помощник научился распознавать состояние хозяина.

— Подождать? — догадался приподнявшийся с кресла тщедушный Ежов, не дождавшись приглашающего жеста.

Поскребышев утвердительно кивнул головой и углубился в свои бумаги.

Ежов снова сел. В руках он держал записную книжку, куда заносил указания и поручения Сталина. Поскребышев, отрываясь от бумаг при каждом телефонном звонке, глядя на маленького наркомвнудела, гадал, какие фамилии появятся в ежовском блокноте после того, как нарком переступит порог большого кабинета.

Однако кнопка вызова молчала.

— У него кто-то есть? — шепотом спросил Ежов, показывая на дверь.

Поскребышев отрицательно помотал головой.

— Значит, думает, таким же почтительным полушепотом произнес Ежов.

Сталин и в самом деле пребывал в глубоком раздумье. Боль и гнев, горечь и обида клокотали у него в груди. Невидимые постороннему взгляду, они тем не менее раздирали его мозг и сердце. Только одному ему было известно, какой ценой достигались внешняя невозмутимость, умение держаться на людях спокойно и уравновешенно.

Итак, значит, все это не клевета, не наветы, не придворные интриги. Вот и Фельдман вчера признался. Сталин снова подвинул к себе лист, после прочтения которого так расстроился.

«Тт. Сталину, Молотову, Ворошилову, Кагановичу. Направляю

Вам протокол допроса Фельдмана Б. М., бывшего начальника Управления по начсоставу РККА, от 19 мая с. г.» Ну уж должность Фельдмана Коля мог и не указывать, разве мы не знаем, кто такой Фельдман… Старается новый нарком, старается. «Фельдман показал, что он является участником военно-троцкистского заговора и был завербован Тухачевским М. Н. в начале 1932 года».

Среди заговорщиков Фельдман назвал начальника штаба Закавказского военного округа Савицкого, замко-мандующего При ВО Кутякова, Егорова. Это который же Егоров? Ага, начальник школы ВЦИК. Сталин впился глазами в фамилии тех, кто готовил ему смерть: начальник инженерной академии Смолин, замначальника ав-тобронетанкового управления Ольшанский. Ну, эти уже не опасны — вовремя арестованы. К тому же они мелкие сошки.

На свободе остался крупняк: Тухачевский, Якир, Эйдеман. Сталин потянулся за синим карандашом, подчеркнул последнюю строку записки Ежова: «Прошу об-, судить вопрос об аресте остальных участников заговора, названных Фельдманом».

Большие настенные часы показывали половину двенадцатого ночи. Ежов, наверное, уже в приемной. В первой половине дня, прочитав протокол допроса Фельдмана, Сталин велел Поскребышеву, чтобы тот передал Ежову: пусть прибудет в одиннадцать тридцать, ему будет сообщено решение по поставленному им вопросу. Назначенное время наступило, Ежов в приемной, а окончательного решения нет.

Шесть дней назад в это же время, в этом же кабинете всегда надменно гордый Тухачевский униженно заверял в преданности.

— Товарищ Сталин, верой и правдой служу вам, партии, советской власти. За вас готов отдать жизнь, — пресмыкался раздавленный понижением маршал.

— Честное слово? — спросил Сталин.

— Честное слово! — не отводя взгляда, произнес Тухачевский.

Сталин после того разговора даже засомневался в достоверности сведений, поступивших на него еще раньше от Ежова. Может, и в самом деле наговаривают на удачливого военачальника завистливые людишки. А может, и ежовские следователи перестарались. Эти костоломы от кого хочешь добьются каких угодно признаний.

Все-таки известный в стране, популярный в армии военный. Победил белых под Симбирском, этого не отнимешь. Тяжелораненый Ленин радовался как ребенок, узнав об освобождении с вое га родного города. Разбил Колчака и чехов на

сибирских равнинах, отчаянно форсировал Уральский хребет. Добил и опрокинул на французские корабли армию Деникина. Беспримерным маршем пришел с криком «Даешь Европу!» к стенам Варшавы. Взял штурмом по льду Финского залива мятежный Кронштадт. И той же весной подавил вспыхнувшую восстаниями поволжскую мужицкую вольницу.

Таким он, конечно, представляется в массовом сознании. Мы же знаем кое-что из его славной биографии такое, о чем он предпочел бы забыть. Но в восприятии народа — он герой, красный маршал, талантливый полководец. И мнение это нелегко изменить.

Ворошилов с тех пор, как стал наркомом обороны, не слазит со своего любимого конька, постоянно напоминая Сталину о том, что Тухачевский был выдвиженцем Троцкого, его любимцем. Именно Лев Давидович приложил руку к тому, чтобы ввести 31-летнего Тухачевского в состав Реввоенсовета республики, председателем которого был сам.

Да, тогда, в годы ожесточенной борьбы с Троцким, это было сильнейшим компроматом. Поэтому Тухачевского после свержения Троцкого отправили из морозной Москвы в жаркий Туркестан командовать округом. Правда, через некоторое время пришлось снова вернуть в столицу — как следствие небольшого компромисса между Сталиным с одной стороны, и Зиновьевым с Каменевым, — с другой стороны. Тухачевский возглавил штаб РККА — по-нынешнему генеральный.

Звезда Тухачевского, вопреки возражениям Ворошилова и Буденного, снова блеснула полным блеском. И снова на непродолжительное время. Клим не мог терпеть рядом с собой воспитанного, образованного начштаба, не замечал и игнорировал его. Нарком действовал сам по себе, а штаб сам по себе. Противоестественность такого положения была очевидна всем членам РВС. В апреле двадцать восьмого Клим трясущимися руками бросил на стол Сталина скомканный лист бумаги:

— Полюбуйся на эти художества. Он уже мне письма присылает!

Сталин аккуратно разгладил лист, прочел. Тухачевский напоминал наркому, что штаб должен быть рабочим аппаратом в его руках, чем, к сожалению, не является.

— Правильное замечание, — промолвил Сталин.

— А что, я этого не знаю? — вспыхнул Клим. — Кто ему мешает быть этим самым аппаратом?

— Наверное, ты, — примирительно ответил Сталин.

— Я? Да он ни разу не предложил своей помощи! С какой стати мне стоять перед ним с протянутой рукой?' Перед

мальчишкой сопливым? Пусть лучше на своей скрипке пиликает… Тоже мне полководец. Тьфу…

Неприязненные отношения с Тухачевским были не только у Ворошилова. Постоянно на него жаловались старые рубаки Буденный, Дыбенко. Конфликтовал и грамотный Егоров.

Объединившись, они направили Ворошилову письмо с требованием освободить Тухачевского от должности начальника штаба РККА. Торжествующий Клим принес письмо Сталину:

— Читай.

Письмо было категоричным. Под сомнение ставились заслуги Тухачевского в гражданскую войну, умалялся боевой опыт. Успехи приписывались исключительно покровительству Троцкого, который искусственно раздувал авторитет своего протеже. Давалась уничижительная оценка деятельности Тухачевского на посту начальника штаба РККА. С точки зрения военной обвинения не выдерживали никакой критики. А вот с политической… Готовилась высылка Троцкого в Алма-Ату, от сторонников Льва Давидовича можно было всего ожидать. Кто знает, как поведет себя начальник штаба РККА, которого упорно не хотят признавать видные военачальники Красной Армии, вышедшие из Первой Конной.

К чести Тухачевского, он сам понял всю пикантность ситуации, и подал рапорт об освобождении с занимаемого поста. Решение состоялось в мае 1928 года. Ворошилов с Буденным настояли, чтобы и духу ненавистного им «красавчика-дворянчика» в Москве не осталось. Тухачевского заодно отстранили и от научной работы в Военной академии имени Фрунзе, где он руководил кафедрой стратегии.

Снятого начальника штаба РККА направили в Ленинград командовать округом. Не затих. Время от времени бомбардировал наркомат прожектами о военных реформах, об увеличении численности армии, оснащении ее танками, авиацией и артиллерией. Ворошилов бесился, получив очередное послание. Потом нашел оригинальное решение: посылал предложения Тухачевского на рассмотрение штаба, который он недавно возглавлял. Штаб, зная отношение наркома к автору записок, давал уничтожающие заключения. Злорадствуя, Клим тут же пересылал их Сталину: вот, мол, что за птица этот Тухачевский. Позер и авантюрист. Разве может дышащая на ладан экономика страны вытянуть его сумасбродные планы? Скажи, Коба, свое веское слово, а то он, мерзавец, мое мнение ни в грош не ставит.

В марте тридцатого Сталин уважил просьбу Клима, дал свое заключение. «План» Тухачевского — результат модного увлечения «левой» фразой, результат увлечения бумажным, канцелярским

максимализмом. Анализ заменен «игрой в цифири», а марксистская перспектива роста Красной Армии — фантастикой. «Осуществить» такой «план» — значит наверняка загубить и хозяйство страны, и армию. Это было бы хуже всякой контрреволюции.

Клим, конечно, хитрющий лис. Заготовил на основании его, Сталина, оценки ответ на предложения Тухачевского, но отправлять не стал, попридержал. И огласил на заседании Реввоенсовета СССР. Тухачевский сидел ни жив ни мертв. Бывшие конармейцы злорадно ухмылялись.

Тухачевский не выдержал экзекуции. Сразу же после заседания РВС передал Сталину обидчивое письмо: оглашение Ворошиловым сталинского отзыва совершенно исключает возможность вынесения на широкое обсуждение вопросов, касающихся проблем развития нашей обороноспособности. Поскольку после этой постыдной сцены его положение в данных вопросах стало крайне ложным.

Уже на следующий год стало ясно, что Тухачевский был прав. Его предвидение развития международной обстановки оказалось более точным, чем это выглядело у Ворошилова. Климу пришлось высказать в глаза, что он хороший танцор и певец, но специалист в области военного строительства никудышный. Обиженный нарком брякнул в сердцах:

— Ну и ставь этого красавчика-дворянчика на мое место.

— Пожалуй, ты прав, Клим. Только мы назначим его твоим заместителем и начальником вооружения.

Клим поперхнулся куском индейки.

Можно представить, как он встретил вернувшегося из Ленин града Тухачевского. Буквально за три месяца академия им. Фрунзе сварганила учебное пособие по итогам советско-польской войны двадцатого года. Конечно, Тухачевский тогда позорно провалил Варшавскую операцию, но отмечать его назначение на пост замнаркома обороны таким подарком чересчур жестоко. Мстительный Клим лично проследил, чтобы действия Тухачевского во время командования Западным фронтом расценивались как авантюристические. Собственно, так оно и было, но сказано не ко времени.

Против Тухачевского началась такая травля, что Сталину по-человечески стало жаль его. В тридцатом чуть не привлекли по очень крупному делу, условно названному «Весна». Тогда арестовали более трех тысяч офицеров и генералов — бывших военспецов. На Тухачевского дали показания Какурин и Троицкий — преподаватели военной академии, где он читал лекции по стратегии. Менжинский доставил протоколы допросов, настаивал

на аресте: Михаил Николаевич против колхозов, против ЦК, против большевистских темпов развития индустрии. Сталин тогда распорядился привезти профессоров из тюрьмы прямо к нему. Доставили. Увидели Тухачевского, побледнели. «Мы решили провести очную ставку», — медленно произнес Сталин. Кто же тогда еще. был? Ага, Клим и Орджоникидзе. Тухачевский держался молодцом, отбился. Профессоров повезли обратно в тюрьму, Тухачевского отпустили домой. Спросили у Гамарника, Якира и Дубового: Тухачевский — враг? Может, его арестовать надо? Нет, отвечают, не надо, это какое-то недоразумение. Послушался их, зачеркнул это дело. Теперь оказывается, что двое военных, показавших на Тухачевского, показывали правильно…

Помнится, в тридцать втором, кажется, в январе, ну да, конечно, в январе, Тухачевский обратился к нему с письмом, в котором ставил вопрос о прекращении травли со стороны Ворошилова и его дружков. Напомнил весну тридцатого. Сталин тогда отмолчался, но в мае, осерчав в очередной раз на недалекого Клима, и не видя вокруг себя ни одной светлой головы среди военных, кроме этого красавчика-дворянчика, обратился к нему с письмом, в котором признал ошибочность своей оценки его предложений и даже попросил извинения за нанесенную незаслуженную обиду.

Кстати, где-то должна быть машинописная копия того письма. Сталин поднялся, подошел к сейфу, закамуфлированному под дубовую панель кабинета, открыл ключом дверцу. Нужную папку нашел сразу. Раскрыл.

«В своем письме на имя т. Ворошилова, как известно, я присоединился в основном к выводам нашего штаба и высказался-о Вашей «записке» резко отрицательно, признав ее плодом «канцелярского максимализма», результатом «игры в цифры» и т. п. Так было дело два года назад. Ныне, спустя два года, когда некоторые неясные вопросы стали для меня более ясными, я должен признать, что моя оценка была слишком резкой, а выводы моего письма — не во всем правильными…»

Наблюдая за возней, которую вели под ковром военные, он старался быть объективным, никому не отдавая предпочтения. Послушался Клима, несправедливо обошелся с Тухачевским. И вот, исправляет досадный промах.

«Мне кажется, что мое письмо на имя т. Ворошилова не было столь резким по тону и оно было бы свободно от некоторых неправильных выводов в отношении Вас, если бы я перенес тогда спор на эту новую базу. Но я не сделал этого, так как, очевидно, проблема не была еще достаточно ясна для меня. Не ругайте меня, что я взялся исправить недочеты своего письма с

некоторым опозданием. С ком. приветом И. Сталин».

Проблема не была достаточно ясна… Сталин сделал несколько шагов по мягкому ковру. Откуда быть этой треклятой ясности? Он ведь не военный человек, никогда не служил в армии, не имеет военного образования. Тонкости стратегического развертывания, развития родов войск и вооружения, повышения мобилизационной готовности армии приходилось постигать в процессе управления страной.

Иное дело Тухачевский. В его роду все предки военные. Гусары, кавалергарды, кирасиры Тухачевские украшали царскую конницу, ходили с Суворовым в Италию, с Румянцевым за Дунай, с Кутузовым против Наполеона. И Михаил пошел по этой же стезе. Гимназия, потом кадетский корпус в Москве. Черный мундир, белые погончики с царскими вензелями. Привилегированное Александровское училище. По окончании — поручик лейб-гвардии Семеновского полка. Того самого, который вместе с Преображенским полком составлял костяк знаменитой Петровской бригады — личной гвардии российских императоров.

Конечно, не чета Климу. Но Клим — свой, простецкий, рубаха-парень. А этот — не перепьет, громко не смеется, корректен, туго затянут в форму, по-печорински оскорбительно-вежлив. Темный шатен, глаза странно разрезанные, навыкате. Клим, когда навеселе, язвит: «крещеный шляхтич».

Но — смел до безумия. Безудержная мания военного величия. Пять побегов из германского плена. Наградами не обойден. Первый орден — Владимира четвертой степени с мечами. Обиделся неимоверно, счел себя явно обойденным. Лично захватил горящий мост, а Георгий достался командиру роты, отношения к операции не имевшему. Очень может быть, что дюже дорого обошелся старой России этот Владимир с мечами. Кто знает, может именно он стал первым недовольством не по чину и возрасту заносчивого поручика, столкнувшегося с замершей в иерархии и бюрократизме старой армией, не оценившей способностей будущего красного Бонапарта.

Но уж мы-то их оценили. Одному из первых присвоили звание Маршала Советского Союза, назначили заместителем наркома обороны. Он достиг высшего положения в армии, имел все. Конечно, случались во взаимоотношениях некоторые шероховатости, да где их не бывает? И вот такая благодарность.

Сталин обдумывал решение, то прохаживаясь по кабинету, то снова садясь за стол. Было видно, что дается оно ему трудно. Ежов по-прежнему томился в приемной.

Сталин набил трубку очередной порцией «Герцеговины флор», придвинул к себе протокол допроса Фельдмана, уставился

в подчеркнутые синим карандашом строчки: «Прошу обсудить вопрос об аресте остальных участников заговора, названных Фельдманом».

Неужели все, что сказал Фельдман, правда? А почему бы и нет? Показания на Тухачевского дали такие разные люди, как Медведев и Волович, Гай и Примаков, Путна и Прокофьев.

Первыми Тухачевского к числу заговорщиков отнесли начальник Особого отдела НКВД Гай и замнаркома внутренних дел Прокофьев. На допросах в конце апреля каждый из них в отдельности дал показания о преступных связях Тухачевского, Корка, Эйдемана, Шапошникова и других с Ягодой. Арестованный к тому времени зам. начальника отдела НКВД Волович, заместитель Паукера, начальника правительственной охраны, тоже показал на допросе, что Тухачевский — участник заговора, подготавливавший войска к военному захвату власти.

Неожиданно заговорили арестованные еще в августе 1936 года комкоры Примаков и Путна. Девять месяцев запирались, отрицали вину, хотя в свое время активно примыкали к Троцкому. Примаков занимал пост заместителя командующего Ленинградским военным округом, очутившись в Лефортовской тюрьме, прислал несколько заявлений с протестами против своего незаконного ареста. Пришлось вызывать его в Кремль, на Политбюро — прямо из камеры.

Кажется, осознал. Торжествующий Коля Ежов в начале мая принес признания геройского предводителя червонного казачества. В своем запирательстве, писал Примаков на имя Ежова, я дошел до такой наглости, что даже на Политбюро перед товарищем Сталиным продолжал запираться и всячески уменьшать свою вину.

Было такое. Он, Сталин, тогда сказал ему на Политбюро:

— Примаков, вы трус. Запираться в таком деле — это трусость.

Запомнил эти слова, привел в письме Ежову. Согласился: да, с его стороны это была трусость и ложный стыд за обман. Заявил, что, вернувшись из Японии в 1930 году, связался с Дрейцером и Шмидтом, а через Дрейцера и Путну с Мрачковским, и начал троцкистскую работу, о которой обещал дать следствию полное показание.

На этот раз слово сдержал. Уже через неделю назвал своих соучастников — что-то около 20 человек. Важную роль заговорщики отводили командующему Киевским военным округом Якиру, которому прочили пост наркома обороны. По признанию Примакова, Якир — глубоко законспирированный троцкист и, вероятнее всего, лично связан с Троцким. Кроме того,

Якир выполняет совершенно секретные, неизвестные заговорщикам, самостоятельные задачи.

Раскололся и притворщик Путна, отозванный с поста военного атташе в Лондоне. Перемещенный из тюремной больницы Бутырок в Лефортово, дал показания в первую же допросную ночь. Вспомнил, что он лично вручал Тухачевскому два года назад письмо от Троцкого с прямым предложением принять участие в заговоре. Тухачевский, ознакомившись с этим посланием, поручил Путне передать, что Троцкий может на него рассчитывать. Путна назвал имена тех же соучастников, что и Примаков.

О существовании заговора в Красной Армии рассказал и арестованный в начале мая комкор Медведев. Три года назад его исключили из партии за разбазаривание государственных средств и уволили в запас с поста начальника управления ПВО. И правильно сделали — тоже оказался участником военно-троцкистской организации. И ему известно, что Тухачевский, Якир, Путна и Примаков входят в руководящее ядро заговора.

Пару недель назад Политбюро дало санкцию на арест начальника Военной академии им. Фрунзе командарма II ранга Корка. Первую ночь упрямый прибалт продержался стойко, а на вторую сломался. Написал на имя Ежова заявление: да, план проведения военного переворота в Кремле существует. Создан и штаб в составе его, Корка, Тухачевского и Путны.

А теперь вот и признание Фельдмана.

Раздался бой настенных часов. Двенадцать. Сталин нажал кнопку вызова, и в дверях возник Поскребышев.

— Скажите Ежову, пускай заходит.

Пропустив наркома, Поскребышев плотно закрыл за ним дверь.

— Товарищ Сталин, — сказал Ежов, — сегодня Примаков дал собственноручные показания о том, что во главе заговора стоит Тухачевский, связанный с Троцким. Кроме того, он назвал еще 40 видных военных работников, участвующих в заговоре.

Сталин взглянул на маленького наркома:

— Оглашайте список.

Ежов раскрыл свой знаменитый блокнот.

— Да, — задумчиво произнес Сталин, когда нарком закончил чтение своего очередного мартиролога. — Тухачевский-то каков фрукт, а? А ведь неделю назад здесь, в этом кабинете, честное слово давал, что не виноват. Дворянин, между прочим.

— Тухачевский? Честное слово? — Ежов рассмеялся, подобострастно заглядывая в желтые глаза вождя. — Что оно для него по сравнению с карьерой? Агентура сообщает: эмигрантская

пресса обнародовала обстоятельства побега поручика Тухачевского из германского плена.

— И какие они, эти обстоятельства?

— Комендатура офицерского лагеря, в котором содержался Тухачевский, разрешала военнопленным прогулки за оградой. При условии, если они давали подписку, скрепленную честным словом. Этим пользовались англичане и французы, и не бегали. Тухачевский дал честное слово и, воспользовавшись им, убежал. Пленные считали это неслыханным неджентльменством. С точки зрения офицерской чести — позорнейший поступок.

Сталин потемнел лицом.

Через четверть часа сияющий Ежов вышел из его кабинета. Вслед удалявшемуся наркому задумчиво смотрел Поскребышев. Нарком крепко прижимал к тощему боку большой блокнот.

Когда два года спустя Ежова арестовали, в его кабинете произвели обыск. В числе документов были изъяты записные книжки, в которые он заносил различные поручения по работе в НКВД.

В одной из таких книжек, обнаруженных в архиве ЦК КПСС в 1991 году, имеется запись: «1. Тухачевский, 2. Ефимов, 3. Эйдеман, 4. Аппога». Справа от этих фамилий стоит знак «(а)», что означало «арестовать».

Такое указание Ежов получил во время ночного приема у Сталина в Кремле 21 мая 1937 года.

Глава 3
«ЛИТЕРНЫЕ» НОМЕРА

Тухачевского арестовали на третий день после прибытия в Куйбышев — 22-мая 1937 года. Поздно вечером группа военных с малиновыми петлицами нагрянула в маршальский вагон, где ничего не подозревавшая супруга Нина Евгеньевна ждала мужа со службы.

Тухачевские не успели переехать в городскую квартиру. Впрочем, ее пока и не предлагали. Поэтому и оставались в служебном вагоне, в котором приехали.

При обыске изъяли ордена, маузер, охотничье ружье, семь шашек, стереотрубу, бинокль. Забрали документы, письма, фотографии.

В этот же день, 22 мая, в Москве были арестованы комкоры Ефимов, Эйдеман и Аппога.

Тухачевского, без маршальских звезд, вмиг осунувшегося и постаревшего, под усиленной охраной доставили к одному из заброшенных железнодорожных тупиков вблизи товарной станции и втолкнули в зарешеченный вагон, специально оборудованный для перевозки заключенных. 25 мая арестованный маршал переступил порог одиночной камеры внутренней тюрьмы НКВД на Лубянке. Поступивший обитатель мрачного узилища был зарегистрирован под «литерным» номером 94.

Это означало — тюремщики не должны знать, кто он такой. Ни фамилию, ни воинское звание, ни прежнюю должность. Только номер.

Тухачевский пребывал в неведении относительно мотивов своего ареста. До водворения в тюремную камеру никаких обвинений ему не предъявляли. Устраиваясь на ночлег в лубянской темнице, он не знал, что во время его следования в Москву Политбюро приняло такое вот постановление:

«Поставить на голосование членов ЦК ВКП(б) и кандидатов в члены ЦК следующее предложение: «ЦК ВКП получил данные, изобличающие члена ЦК ВКП Рудзутака и кандидата ЦК ВКП Тухачевского в участии в антисоветском троцкистско-правом заговорщическом блоке и шпионской работе против СССР в пользу фашистской Германии. В связи с этим Политбюро ЦК ВКП ставит на голосование членов и кандидатов ЦК ВКП предложение об исключении из партии Рудзутака и Тухачевского и передаче их дела в Наркомвнудел».

Опрос членов и кандидатов в члены ЦК прошел в течение

двух суток, и Тухачевский, забывшись коротким тревожным сном в ночь на 26 мая, встретил утро этого же дня уже будучи исключенным из партии.

Прямых документальных данных о том, как вел себя Тухачевский во время первого допроса на Лубянке, не сохранилось. Первичные протоколы либо вовсе не составлялись, либо были уничтожены следствием. Однако по отдельным документам можно сделать предположение, что в начальной, весьма кратковременной стадии следствия арестованный маршал отрицал участие в заговоре.

Этой линии поведения он придерживался и во время очных ставок с Примаковым, Путной и Фельдманом. К сожалению, протоколов очных ставок не обнаружено ни в архивно-следственном деле Тухачевского, ни в делах упомянутых лиц. Важнейшие для установления исторической истины документы исчезли.

Однако сохранились косвенные свидетельства о проведении очных ставок и о том, как вел себя на них Тухачевский. «Я догадывался наверняка, что Тухачевский арестован, — читаем в заявлении Фельдмана на имя Ежова, — но я думал, что он, попав в руки следствия, все сам расскажет — этим хоть немного искупит свою тяжелую вину перед государством, но, увидев его на очной ставке, услышал от него, что он все отрицает и что все выдумал…» Упоминание об очных ставках содержится и в заявлении самого Тухачевского от 26 мая: «Мне были даны очные ставки с Примаковым, Путной и Фельдманом, которые обвиняют меня как руководителя антисоветского военно-троцкистского заговора». Однако дальше следуют ошеломляющие своей неожиданностью строки: «Прошу представить мне еще пару показаний других участников этого заговора, которые также обвиняют меня. Обязуюсь дать чистосердечные показания без малейшего утаивания чего-либо из своей вины в этом деле, а равно из вины других лиц заговора».

Таким образом, отрицание предъявленного обвинения было крайне непродолжительным. Речь фактически идет о неполных сутках, скорее, даже нескольких часах. Об этом свидетельствуют в частности и сохранившиеся в его следственном деле два документа, написанные им собственноручно и датированные 26 мая. Это — заявление Ежову на одной страничке и показания следователю на шести с половиной страницах.

Из заявления Ежову: «Будучи арестован 22 мая, прибыв в Москву 24 (в ночь на 25-е. — *Н. З.),* впервые был допрошен 25-го и сегодня, 26 мая, заявляю, что признаю наличие антисоветского заговора и то, что я был во главе его. Обязуюсь самостоятельно

изложить следствию все касающееся заговора, не утаивая никого из его участников, ни одного факта и документа.

Основание заговора относится к 1932 году. Участие в нем принимали: Фельдман, Алафузов, Примаков, Путна и др., о чем я подробно покажу дополнительно».

В 6,5-страничных показаниях следователю Ушакову — девять пунктов. Обращают на себя внимание некоторые важные детали, никогда не приводившиеся в многочисленных публикациях прессы о трагической судьбе маршала. Наверное, потому, что публикаторы были лишены доступа к первоисточникам, гриф секретности с которых КГБ СССР снял лишь весной 1991 года. Это событие тогда прошло незамеченным: общественные страсти бушевали совсем по другим поводам. Ну а после августа и декабря девяносто первого умы просвещенной публики заняли темы, связанные с более актуальным кремлевским заговором в лице ГКЧП.

Какие же детали в показаниях Тухачевского обратили на себя внимание? Да, маршал признал наличие в армии группы лиц высшего командного состава, близких ему по духу. Да, они были подобраны с помощью его давнего сослуживца Фельдмана, ведавшего в наркомате обороны кадровыми вопросами. Однако никакого троцкистского духа первоначально не было. Сделано это было в связи с тем, что в 1932 году у Тухачевского возникли большие неудовольствия его положением в наркомате. Он преследовал цель усилить свое влияние в армии, не более. Потому что Ворошилов с друзьями делал его положение в РККА двусмысленным, демонстративно игнорируя как- своего заместителя.

Троцкистский дух в организацию привнесли Примаков с Путной, которые бывали за границей и поддерживали связь с Троцким. Цель заговора — захват власти в армии. Руководитель — Енукидзе, у которого в бытность того в 1918 году заведующим военным отделом ВЦИК начинал службу в Красной Армии бежавший из германского плена поручик Тухачевский.

27 мая, т. е. на другой день после этих показаний, Тухачевский обращается к следователю Ушакову с раскаянием. Вчера он сказал не все: «Но т. к. мои преступления безмерно велики и подлы, поскольку я лично и организация, которую я возглавлял, занимались вредительством, диверсией, шпионажем и изменяли Родине, я не мог встать на путь чистосердечного признания всех фактов… Прошу предоставить возможность продиктовать стенографистке, причем заверяю вас честным словом, что ни одного факта не утаю…».

Аресты военных производились ежедневно. В записной

книжке Ежова есть такая запись: «Якира по приезде в Москву». Рядом с этой фразой стоит «галочка», что означало исполнение полученного указания. Командарм 1 ранга Якир был арестован 28 мая. На следующий день по дороге к Москве на станции Вязьма прямо с поезда ссадили командующего Белорусским военным округом командарма I ранга Уборевича и привезли на Лубянку, во внутреннюю тюрьму НКВД. Оба арестованных военачальника получили «литерные» номера. Оба дали признательные показания.

29 мая Тухачевского допросил лично Ежов. Статный красавец маршал признавался карлику-наркому:

— Еще в 1928 году я был втянут Енукидзе в правую организацию. В 1934 году я лично связался с Бухариным. С немцами я установил шпионскую связь с 1925 года, когда я ездил в Германию на учения и маневры…

— Кто устроил вам свидание с Седовым?

— Путна. При моей поездке в Лондон в тридцать шестом году.

— С кем вы были связаны по заговору?

— С Фельдманом, Сергеем Сергеевичем Каменевым, Якиром, Эйдеманом, Енукидзе, Бухариным, Караханом, Пятаковым, Смирновым, Ягодой, Осепяном…

Число «литерных» номеров в Лефортово и во внутренней тюрьме на Лубянке росло с каждым днем.

30 мая Политбюро приняло решение: «Отстранить тт. Гамарника и Аронштама от работы в Наркомате Обороны и исключить из состава Военного Совета, как работников, находившихся в тесной групповой связи с Якиром, исключенным ныне из партии за участие в военно-фашистском заговоре».

Начальник Политуправления РККА Гамарник, одновременно занимавший посты замнаркома обороны и зам. председателя РВС СССР, в это время болел и находился у себя дома на постельном режиме. 31 мая Ворошилов вызвал к себе его заместителя Булина и начальника управления делами НКО Смородинова, приказав ехать к Гамарнику на квартиру и объявить ему приказ об увольнении из армии. Сразу же после их ухода из квартиры Гамарник застрелился. Назавтра газеты сообщили: «Бывший член ЦК РКП (б) Я. Б. Гамарник, запутавшись в своих связях с антисоветскими элементами и видимо боясь разоблачения, 31 мая покончил жизнь самоубийством».

Глава 4
ВОЕННЫЙ СОВЕТ

«Заговор маршалов» 1937 года благодаря односторонней трактовке в прессе и исторической литературе и по сей день воспринимается массовым сознанием как сфальсифицированная в узком кругу тайная расправа Сталина над невинными жертвами. Однако такой упрощенный взгляд, раньше вполне устраивающий общество, сегодня уже не годится.

В материальном мире не бывает следствий без причин. Непременно должен быть какой-то толчок, какой-то повод, приведший к конфликту. В данном случае конфликт возник в кругу своих людей, давно знакомых между собой, относящихся к высшей военной элите.

Соперничество Ворошилова, Буденного, Дыбенко и прочих выходцев из рядов красноармейской массы с Тухачевским, Егоровым, Якиром, Корком и другими, представляющими образованную часть командного состава РККА, ни для кого не было секретом в тридцатые годы. Отголоски этой скрытой, но острой борьбы доходили до самых отдаленных военных гарнизонов. Взаимная неприязнь противоборствующих группировок уходила корнями в глубь гражданской войны и обострилась после снятия с поста наркомвоенмора Троцкого. Постепенно она превращалась во вражду — по мере того как врагами становились гражданские политики, еще недавно считавшиеся соратниками. Водораздел среди военных в масштабе один к одному отражал водораздел между партийными функционерами.

Чтобы понять причины раскола комсостава, надо понять то время. Поколению шестидесятых-семидеся-тых годов, воспитанному в духе преклонения перед Политбюро и Советским правительством, трудно было представить, что в середине тридцатых, когда возникло дело Тухачевского и других крупных военных, члены Политбюро и даже сам Сталин часто отдыхали с военными — вместе, сиживали за одним столом, веселились, пели песни, плясали, обращались друг к другу на «ты». В такой непринужденной обстановке, когда были видны ум и способности всех, каждый вел себя раскованно и не сотворял кумира из сидевшего рядом соседа.

Не испытывали священного трепета и перед Сталиным. Другие, их сменившие, будут замирать в восторге, неметь от сладостного томления при виде вождя. А для этих он товарищ,

соратник. Они знавали его в разных ситуациях, не всегда красивых и приятных. В тридцать седьмом еще не вышел «Краткий курс истории ВКП(б)» с безудержными восхвалениями гениального вождя всех времен и народов, он не изображен еще единственным человеком, которого партия посылала на самые опасные и решающие для революции фронты, где он обеспечивал победы.

Участвовавшие в застольях по поводу годовщин революционных праздников военные, сражавшиеся на гражданской в качестве комбригов, начдивов, командармов и комфронтами, захмелев, шумно спорили, где шли главные бои. Каждый громко кричал, доказывал, что судьба революции решалась именно на том участке, где рубился он. Вспыхивали ссоры. Крепли обиды. Сгоряча обвиняли друг друга в протекционизме, в проталкивании своих однополчан.

Сталину надоели постоянные распри, вспыхивающие среди захмелевших военачальников. Первого мая 1936 года подвыпившие гости снова затеяли выяснение отношений. Случилось это после военного парада на праздничном обеде в квартире Ворошилова.

Обычно сдержанный, всегда производивший впечатление воспитанного человека, Тухачевский вдруг набросился на Ворошилова с Буденным, обвиняя их в том, что они группируют вокруг себя небольшую кучку людей, выходцев из Первой Конной, и с ними определяют всю военную политику.

Свидетелями инцидента были Сталин и Молотов.

Клим метал на них злорадные взгляды-молнии, в которых читалось:

«Вот вам и из благородных кровей! Гость на хозяина чтобы голос повышал — в каких салонах это видано?» Повернулся к обидчику — остер на язык:

— А вокруг вас разве не группируются?

Сталин тогда сказал:

— Надо перестать препираться частным образом. Нужно устроить заседание Политбюро, и на этом заседании подробно разобрать, в чем тут дело.

Заседание Политбюро состоялось на следующий день. После оглашения взаимных претензий и обмена упреками Тухачевский снял свои обвинения.

Рассказывая об этом случае, Ворошилов заметил:

— Тухачевский тогда отказался от своих обвинений. Хотя группа Якира и Уборевича на заседании Политбюро вела себя в отношении меня довольно агрессивно. Уборевич еще молчал, а Гамарник и Якир вели себя в отношении меня очень скверно.

Знаете, по какому случаю и где Ворошилов обнародовал данный эпизод? Ни за что не догадаетесь. Наверное, для многих читателей это будет открытием. Так вот, Климент Ефремович поведал о нем на расширенном заседании Военного Совета при. наркоме обороны с участием членов Политбюро. Кроме постоянных членов на Военном Совете присутствовало 116 военных работников, приглашенных с мест и из центрального аппарата НКО.

Заседание проходило в Кремле с 1 по 4 июня 1937 года. Оно было созвано специально для того, чтобы обсудить доклад Ворошилова «О раскрытом органами НКВД контрреволюционном заговоре в РККА».

Перед началом работы Военного Совета всем его участникам раздали показания Тухачевского, Якира и других заговорщиков. Протоколы допросов арестованных военачальников получили и приглашенные с мест. Как видим, утверждения о том, что все делалось келейно, с соблюдением секретности, притом самой строжайшей, опровергаются архивными источниками. Сталин вынес вопрос на открытое коллегиальное обсуждение, готов был выслушать любое мнение.

В первый день с докладом выступил Ворошилов:

— Органами Наркомвнудел раскрыта в армии долго существовавшая и безнаказанно орудовавшая, строго законспирированная контрреволюционная организация, возглавлявшаяся людьми, которые стояли во главе армии…

Зал блистал большими звездами в петлицах, свидетельствовавших о высочайших воинских званиях присутствовавших — маршальских, командармских первого и второго ранга, комкорских, комдивских, светился бритыми по тогдашней моде головами. В Кремле был собран весь цвет высшего комсостава Красной Армии. Что ни имя — то легенда, восторг и преклонение страны.

— О том, что эти люди — Тухачевский, Якир, Уборевич и ряд других людей — были между собой близки, это мы зцали, это не было секретом. Но от близости, даже от такой групповой близости до контрреволюции очень далеко…

Ворошилов взял на себя изрядную долю вины, покаявшись, что не разглядел за своей спиной сговора, за безобидной групповщиной — зловещих замыслов:

— Я, как народный комиссар, откровенно должен сказать, что не только не замечал подлых предателей, но даже когда некоторых из них — Горбачева, Фельдмана и других — уже начали разоблачать, я не хотел верить, что это люди, как казалось, безукоризненно работавшие, способны были на столь

чудовищные преступления. Моя вина в этом огромна. Но я не могу отметить ни одного случая предупредительного сигнала и с вашей стороны, товарищи… Повторяю, что никто и ни разу не сигнализировал мне или ЦК партии о том, что в РККА существуют контрреволюционные конспираторы…

Нарком в докладе призвал «проверить и очистить армию буквально до самых последних щелочек…», заранее предупреждая, что в результате этой чистки «может быть в количественном выражении мы понесем большой урон».

На следующий день, 2 июня, на Военном Совете выступил Сталин. Его речь никогда не публиковалась, не вошла она и в «Собрание сочинений». Неправленый машинописный экземпляр стенограммы недавно обнаружен в его личном архиве.

Сославшись на показания самих арестованных, Сталин сделал вывод, что в стране был «военно-политический заговор против Советской власти, стимулировавшийся и финансировавшийся германскими фашистами». По его утверждению, руководителями этого заговора были Троцкий, Рыков, Бухарин, Рудзутак, Карахан, Енукидзе, Ягода, а по военной линии Тухачевский, Якир, Уборевич, Корк, Эйдеман и Гамарник.

— Это — ядро военно-политического заговора, — медленно ронял в зал Сталин зловещие слова. — Ядро, которое имело систематические сношения с германскими фашистами, особенно с германским рейхсвером, и которое приспосабливало всю свою работу к вкусам и заказам со стороны германских фашистов.

Сталин уверял, что из 13 названных им руководителей заговора десять человек, то есть все, кроме Рыкова, Бухарина и Гамарника, являются шпионами немецкой, а некоторые и японской разведок. Каждому дал развернутую характеристику — по списку:

— Тухачевский… Вы читали его показания.

— Да, читали, — раздались голоса.

— Он оперативный план наш, оперативный план — наше святое-святых передал немецкому рейхсверу. Имел свидание с представителями немецкого рейхсвера. Шпион? Шпион. Для благовидности на Западе этих жуликов из западноевропейских цивилизованных стран называют информаторами, а мы-то по-русски знаем, что это просто шпион. Якир — систематически информировал немецкий штаб. Он выдумал себе эту болезнь печени…

Сталин поправил последнюю фразу:,

— Может быть он выдумал себе эту болезнь, а может быть она у него действительно была. Он ездил туда лечиться. Уборевич — не только с друзьями, с товарищами, но он отдельно сам лично

информировал. Карахан — немецкий шпион. Эйдеман — немецкий шпион. Карахан информировал немецкий штаб, начиная с того времени, когда он у них был военным атташе в Германии. Рудзутак. Я уже говорил о том, что он не признает, что он шпион, но у нас есть все данные. Знаем, кому он передавал сведения.

Оратор скользнул строгим взглядом желтых глаз по рядам военных:

— Есть одна разведчица опытная в Германии, в Берлине. Вот когда вам может быть придется побывать в Берлине, Жозефина Гензи, может быть кто-нибудь из вас знает. Она красивая женщина, разведчица старая. Она завербовала Карахана. Завербовала на базе бабской части. Она завербовала Енукидзе. Она помогла завербовать Тухачевского. Она же держит в руках Рудзутака. Это очень опытная разведчица — Жозефина Геьпи. Будто бы она сама датчанка на службе у германского рейхсвера. Красивая, очень охотно на всякие предложения мужчин идет, а потом гробит. Вы может быть читали статью в «Правде» о некоторых коварных приемах вербовщиков. Вот она одна из отличившихся на этом поприще разведчиц германского рейхсвера…

Зал знал, о какой статье идет речь. Сталин имел в виду нашумевшую статью С. Уранова «О некоторых коварных приемах вербовочной работы иностранных разведок», опубликованную в «Правде» 4 мая. В последний день работы Военного Совета, 4 июня, «Правда» поместит большую подборку читательских писем с откликами на эту статью.

— Могут спросить, — продолжал Сталин, — поставить такой вопрос: как это так, эти люди, вчера еще коммунисты, вдруг сами стали оголтелым орудием в руках германского шпионажа? А так, что они завербованы. Сегодня от них требуют — дай информацию. Не дашь, у нас есть уже твоя расписка, что ты завербован, опубликуем. Под страхом разоблачения они дают информацию. Завтра требуют: нет, этого мало, давай больше и получи деньги, дай расписку. После этого требуют — начинайте заговор, вредительство. Сначала вредительство, диверсии, покажите, что вы действуете на нашу сторону. Не покажете — разоблачим, завтра же передаем агентам советской власти и у вас головы полетят. Начинают они диверсии. После этого говорят — нет, вы как-нибудь в Кремле попытайтесь что-нибудь устроить или в Московском гарнизоне и вообще займите командные посты. И эти начинают стараться как только могут…

Сталин говорил не по бумажке, перед ним не было заранее подготовленного текста, простым, доходчивым языком,

рассчитанным на сидящих в зале красных командиров, академий не кончавших, премудростям юриспруденции не обученных. Сталинская логика, — обыденная, понятная, — творила чудеса.

— Дальше и этого мало, — развивал он свою мысль. — Им говорят: дайте реальные факты, чего-нибудь стоящие. И они убивают Кирова. Вот, получайте, говорят. А им говорят: идите дальше, нельзя ли все правительство снять. И они организуют через Енукидзе, через Горбачева, Егорова, который тогда был начальником школы ВЦИК, а школа стояла в Кремле, Петерсона. Им говорят, организуйте группу, которая должна арестовать правительство. Летят донесения, что есть группа, все сделаем, арестуем и прочее. Но этого мало — арестовать, перебить несколько человек. А народ, а армия? Ну значит, они сообщают, что у нас такие-то командные посты заняты, мы сами занимаем большие посты, я Тухачевский, а он Уборевич, а здесь Якир…

Схема, которая преподносится с трибуны, идет от жизни. В ней все просто и ясно. Никаких мудрствований, теоретизирований. А следующий пример и вовсе не в бровь, а в глаз:

— Требуют — а вот насчет Японии, Дальнего Востока как? И вот начинается кампания, очень серьезная кампания. Хотят Блюхера снять. И там же есть кандидатура. Ну, уж, конечно, Тухачевский. Если не он, так кого же? Почему снять? Агитацию ведет Гамарник, ведет Арон-штам. Так они ловко ведут, что подняли почти все окружение Блюхера против него. Более того, они убедили руководящий состав военного центра, что надо снять. Почему, спрашивается, объясните, в чем дело? Вот он попивает. Ну, хорошо. Ну, еще что? Вот он рано утром не встает, не ходит по войскам. Еще что? Устарел, новых методов работы не понимает. Ну, сегодня не понимает, завтра поймет, опыт старого бойца не пропадает. Посмотрите, ЦК встает перед фактом всякой гадости, которую говорят о Блюхере. Путна бомбардирует, Арон-штам бомбардирует нас в Москве, бомбардирует нас Гамарник. Наконец, созываем совещание. Когда он приезжает, видимся с ним. Мужик как мужик, неплохой. Даем ему произнести речь — великолепно. Проверяем его и таким порядком. Люди с мест сигнализировали, созываем совещание в зале ЦК.

Блюхер со своими дальневосточниками сидит во втором ряду. При слове «попивает» кожа на бритой голове заходила ходуном. Маршал напрягся, но вздохнул с облегчением — кажется, пронесло:

— Блюхер, конечно, разумнее, опытнее, чем любой Тухачевский, чем любой Уборевич, который является паникером, и чем любой Якир, который в военном деле ничем не

отличается… Возьмем Котовского, он никогда ни армией, ни фронтом не командовал. Если люди не знают своего дела, мы не обругаем — подите к черту, у нас не монастырь. Поставьте людей на командную должность, которые не пьют и воевать не умеют — нехорошо…

В яблочко, в самое яблочко попал товарищ Сталин! Зал-то на девять десятых был заполнен такими вот старыми рубаками, опасавшимися подросшей молодежи, которая дышит им в затылок.

— Это военно-политический заговор, — убеждал Сталин. — Это собственноручное сочинение германского рейхсвера. Я думаю, эти люди являются марионетками и куклами в руках рейхсвера. Рейхсвер хочет, чтобы у нас был заговор и эти господа взялись за заговор. Рейхсвер хочет, чтобы эти господа систематически доставляли им военные секреты и эти господа сообщали им военные секреты. Рейхсвер хочет, чтобы существующее правительство было снято, перебито, и они взялись за это дело, но не удалось. Рейхсвер хотел, чтобы в случае войны было все готово к обороне, этого хотел рейхсвер и они это дело готовили. Это агентура, руководящее ядро военно-политического заговора в СССР, состоящее из десяти патентованных шпиков и трех патентованных подстрекателей шпионов. Это агентура германского рейхсвера. Вот основное. Заговор этот имеет, стало быть, не столько внутреннюю почву, сколько внешние условия, не столько политику по внутренней линии в нашей стране, сколько политику германского рейхсвера. Хотели из СССР сделать вторую Испанию….

Сообщив, что по военной линии уже арестовано 300–400 человек, Сталин просто и доходчиво объяснил, почему их так легко завербовали:

— Среди них, несомненно, есть и хорошие люди. Сказать, что это способные, талантливые люди, я не могу. Сколько раз они поднимали открытую борьбу против Ленина, против партии при Ленине и после Ленина и каждый раз были биты. И теперь подняли большую кампанию и тоже провалились. Не очень уж талантливые люди, которые то и дело проваливались, начиная с 1921 и кончая 1937 годом. Не очень талантливые, не очень гениальные.

После небольшой преамбулы подошел к главному:

— Как это им удалось так легко вербовать людей? Это очень серьезный вопрос. Я думаю, что тут действовали таким путем. Не доволен человек чем-либо, например, недоволен тем, что он бывший троцкист или зиновьевец и его не так свободно выдвигают, либо недоволен тем, что он человек неспособный, не

управляется с делами и его за это снижают, а он себя считает очень способным. Очень трудно иногда человеку понять меру своих сил, меру своих плюсов и минусов. Иногда человек думает, что он гениален и поэтому обижен, когда его не выдвигают…

Сталин снова обвел взглядом военных, задержался на задних рядах. Слушают внимательно. По выражению лиц видно — вопросы не возникают.

— Начинали с малого, с идеологической группки, а потом шли дальше, — раскрывает оратор злые умыслы заговорщиков. — Вели разговоры такие: вот ребята, дело какое. ГПУ у нас в руках, Ягода в руках, Кремль у нас в руках, так как Петерсон с нами, Московский округ, Корк и Горбачев тоже у нас. Все у нас. Либо сейчас выдвинуться, либо завтра, а то ведь, когда придем к власти, можно остаться на бобах. И многие слабые, нестойкие люди думали, что это дело реальное, черт побери, оно будто даже выгодное. Этак прозеваешь, за это время арестуют правительство, захватят Московский гарнизон и всякая такая штука, а ты останешься на мели…

При этих словах в зале возникло веселое оживление, что и зафиксировала стенограмма. Контакт аудитории с оратором был полный, и эту взаимосвязь он сразу почувствовал. И закрепил:

— Точно так рассуждает в своих показаниях Петерсон. Он разводит руками и говорит: дело это реальное, как тут не завербоваться?

И снова зал весело зашевелился. Кто такой Петерсон, военные знали. Комендант Кремля!

Читая стенограмму, поражаешься: зал «весело оживлялся», когда Сталин презрительно-иронически сообщал, как ведут себя арестованные в тюрьме: многие из них плакали. Нет большей загадки, чем душа ближнего: ведь речь шла о тех арестованных, среди которых томились 20 членов Военного Совета, то есть четверть состава этого высшего военного органа. Трое смеялись над слезами попавшего в тюрьму четвертого, который еще вчера сидел с ними здесь, на самом верху военного Олимпа.

Обсуждение доклада Ворошилова началось в первый день работы Военного Совета и продолжалось до 4 июня. Выступили 42 человека. Боже мой, что это были за выступления!

Вчерашние соратники, вместе воевавшие в гражданскую, ходившие кавалерийскими лавами на врагов, сообща добывавшие в боях славу революции, не жалели оскорбительных, уничижительных слов, обличая подлых заговорщиков и шпионов. Герои легендарных походов, воспетые в песнях и поэмах, на полотнах и в кинофильмах, предавали анафеме, клеймили позором тех, с кем дружили семьями, отдыхали в Крыму,

собирались в дни праздников и торжеств за одним столом. И, слова из песни не выкинешь, требовали сурового наказания.

Из 42 — ни одного усомнившегося. Знаменитые маршалы Блюхер и Егоров, командармы и комкоры Дыбенко и Кулик, Федько и Алкснис, Мерецков и Грязнов, Дубовой и Белов, менее известные Бокис и Мезис, Гринберг и Магер, Троянкер и Хрипин обзывали отступников мерзавцами и фашистами, помещиками и поповичами, заверяли в своей безграничной преданности партии и правительству.

Сталин морщился, слушая ругань не в меру разошедшихся военных.

— Товарищи, сама по себе ругань ничего не дает, — вынужден был сказать он, остужая пыл ораторов. — Для того, чтобы это зло с корнем вырвать и положить ему конец, надо его изучить, спокойно изучить, изучить его корни, вскрыть и наметить средства, чтобы впредь таких безобразий ни в нашей стране, ни вокруг нас не повторялось. Я и хотел как раз по вопросам такого порядка несколько слов сказать.

Зал притих.

— Говорят, Тухачевский помещик, кто-то другой попович, — продолжал Сталин. — Такой подход, товарищи, ничего не решает, абсолютно не решает. Когда говорят о дворянах, как о враждебном классе трудового народа, имеют в виду класс, сословие, прослойку, но это не значит, что некоторые отдельные лица из дворян не могут служить рабочему классу. Ленин был дворянского происхождения — вы это знаете?

Из зала подтвердили, что этот факт им известен.

— Энгельс был сын фабриканта — непролетарские элементы, как хотите, — улыбнулся Сталин. — Сам Энгельс управлял своей фабрикой и кормил этим Маркса. Чернышевский был сын попа — неплохой был человек. И наоборот. Серебряков был рабочий, а вы знаете, каким мерзавцем он оказался. Лившиц был рабочим, малограмотным рабочим, а оказался — шпионом.

Порассуждав о том, что не каждое лицо из эксплуататорских классов может вредить, что марксизм не биологическая, а социологическая наука, Сталин остановился и на другой, тоже неправильной, точке зрения:

— Часто говорят: в 1922 году такой-то голосовал за Троцкого. Тоже неправильно. Человек мог быть молодым, просто не разбирался, был задира. Дзержинский голосовал за Троцкого, не только голосовал, а открыто Троцкого поддерживал при Ленине против Ленина. Вы это знаете? Он не был человеком, который мог бы оставаться пассивным в чем-либо. Это был очень активный троцкист и весь ГПУ он хотел поднять на защиту Троцкого. Это

ему не удалось. Андреев был очень активным троцкистом в 1921 году.

— Какой Андреев? — переспросили из зала.

— Секретарь ЦК, Андрей Андреевич Андреев. Так что, видите, общее мнение о том, что такой-то тогда-то голосовал, или такой-то тогда-то колебался, тоже не абсолютно и не всегда правильно… Самое лучшее судить о людях по их делам, по их работе. Классовое происхождение не меняет дела. В каждом отдельном случае нужно судить по делам.

В качестве примера он снова вспомнил Тухачевского:

— Тухачевский играл благородного человека, на мелкие пакости неспособного, воспитанного человека. Мы его считали неплохим военным, я его считал неплохим военным. Я его спрашивал: как вы могли в течение трех месяцев довести численность дивизии до 7 тысяч человек. Что это? Профан, не военный человек. Что за дивизия в 7 тысяч человек? Это либо дивизия без артиллерии, либо это дивизия с артиллерией без прикрытия. Вообще это не дивизия, это срам. Как может быть такая дивизия? Я у Тухачевского спрашивал, как вы, человек, называющий себя знатоком этого дела, как вы можете настаивать, чтобы численность довести до 7 тысяч человек. И вместе с тем требовать, чтобы у нас дивизия была 60… 40 гаубиц и 20 пушек, чтобы мы имели столько-то танкового вооружения, такую-то артиллерию, столько-то минометов. Здесь одно из двух, либо вы должны всю эту технику к черту убрать и одних стрелков поставить, либо вы должны только технику поставить. Он мне говорит: «Товарищ Сталин, это увлечение!». Это не увлечение, это вредительство, проводимое по заказу германского рейхсвера.

После перерыва в выступлениях тема происхождения арестованных угасла. Преобладала шпионская, вредительская тема.

К изложенному следует добавить, что из 42 выступивших по докладу Ворошилова военачальников 34 вскоре были арестованы как заговорщики и расстреляны.

Глава 5
ДА НЕ СУДИМЫ БУДЕТЕ

Пятого июня, на другой день после того, как Военный Совет закончил свою работу, Сталин принял в кремлевском кабинете Молотова, Кагановича и Ежова. Обсуждали, как и кого судить.

Собравшиеся у Сталина не скрывали приподнятого настроения. Военная верхушка беспрекословно сдала арестованных — без единого, хотя бы слабого, возражения, без малейшей тени сомнения. Сталин, между прочим, не ожидал, что все пройдет так гладко, без сучка и задоринки.

— Головку заговора надо судить отдельно, — как решенное дело, объявил Сталин.

Троица согласно закивала головами.

К «головке» единогласно отнесли Тухачевского, Якира, Корка, Уборевича, Эйдемана и Фельдмана. После непродолжительного обмена мнениями в список внесли Примакова и Пугну— для придания делу троцкистской окраски, поскольку оба комкора вплоть до 1927 года официально разделяли взгляды Троцкого. Ежов получил указание объединить в одно групповое дело индивидуальные уголовно-следственные дела на этих восьмерых лиц.

День 7 июня был насыщен важными событиями. Регистрационный журнал в приемной Сталина зафиксировал прием генсеком, а также Молотовым, Кагановичем и Ворошиловым Ежова с Вышинским. О чем они совещались, неизвестно, однако к вечеру уже было подписано постановление Президиума ЦИК СССР об утверждении запасными членами Верховного суда СССР Буденного, Шапошникова, Белова, Каширина и Дыбенко. Одновременно печатали и окончательный текст обвинительного заключения. Ночью его вручили Примакову, а назавтра — остальным обвиняемым. Статьи были у всех одинаковые — измена Родине, шпионаж, террор.

В личном архиве Сталина после его смерти обнаружили копии протоколов допросов, проведенных 9 июня Вышинским и помощником Главного военного прокурора Субоцким. Это были так называемые «передопросы», осуществленные Генеральным прокурором СССР и представителем военной прокуратуры для проверки достоверности показаний, данных арестованными на следствии в НКВД. На прокурорских «передопросах» присутствовали и следователи НКВД. Достоверность показаний прокуроры подтвердили своими подписями. На протоколе

«передопроса» Тухачевского имеется надпись: «Т. Сталину. Ежов. 9.VI.1937 г.».

В тот же день, 9 июня, Субоцкий объявил обвиняемым об окончании следствия по их делу. Как видим, соблюдались все процессуальные правила. Хотя нет, не все. Позднее комиссия Шверника отметит: в нарушение требований статьи 206 УПК РСФСР Субоцкий не предъявил им уголовное дело и не разъяснил право на осмотр всего производства по делу и на дополнение следствия.

Однако обвиняемым перед судом разрешили обратиться с последними покаянными заявлениями на имя Сталина и Ежова. Трудно сказать, с какой целью это делалось: создавалась иллюзия, что это поможет сохранить жизнь, или разрешавшие и впрямь верили в такую возможность? Во всяком случае, никто из обвиняемых не проигнорировал это разрешение.

Со времен хрущевской «оттепели» помнится, как негодовало общество, узнав со слов Никиты Сергеевича обнародованные им на одном из партийных съездов резолюции, которые учиняло сталинское окружение на письмах о помиловании. Поколение шестидесятых никогда не забудет этих циничных слов: «Подлец и проститутка. И. Ст.»; «Совершенно точное определение. К. Ворошилов»; «Мерзавцу, сволочи и б… одна кара — смертная казнь. Л. Каганович».

Архивы подтверждают: да, такие резолюции имеются на письме Якира от 9 июня 1937 года. Все правильно. Но Хрущев не процитировал самого письма, вызвавшего столь грубую и циничную реакцию. А ради исторической истины заявление Якира заслуживает быть обнародованным, ибо оно и резолюции — одно целое.

«Родной, близкий тов. Сталин, — писал Якир. — Я смею так к Вам обращаться, ибо я все сказал, все отдал и мне кажется, что я снова честный, преданный партии, государству, народу боец, каким я был многие годы. Вся моя сознательная жизнь прошла в самоотверженной честной работе на виду партии, ее руководителей — потом провал в кошмар, в непоправимый ужас предательства… Следствие закончено. Мне предъявлено обвинение в государственной измене, я признал свою вину, я полностью раскаялся. Я верю безгранично в правоту и целесообразность решения суда и правительства… Теперь я честен каждым своим словом, я умру со словами любви к Вам, партии и стране, с безграничной верой в победу коммунизма».

События между тем набирали оборот. В день окончания следствия, 9 июня, в регистрационном журнале отмечено, что Сталин дважды принимал Вышинского. Во время второго

посещения, которое состоялось поздно вечером, в 22 часа 45 минут, присутствовали Молотов и Ежов. Судя по всему, оттачивались формулировки обвинительного заключения.

В окончательном варианте они выглядели таким образом: в апреле — мае 1937 года органами НКВД был раскрыт и ликвидирован в г. Москве военно-троцкистский заговор, в «центр» руководства которого входили Гамарник, Тухачевский, Якир, Уборевич, Корк, Эйдеман и Фельдман. Военно-троцкистская организация, в которую вступили все обвиняемые по этому делу, образовалась еще в 1932–1933 гг. по прямым указаниям германского генштаба и Троцкого. Она была связана с троцкистским центром и группой правых — Бухарина — Рык<эва, занималась вредительством, диверсиями, террором и готовила свержение правительства и захват власти в целях реставрации в СССР капитализма.

Вышинский покинул кабинет Сталина в 23.25, а в 23.30 туда проследовал главный редактор «Правды» Мехлис. Обсуждался текст сообщения для печати, которое появилось в «Правде» 11 июня: следствие по делу Тухачевского и других военных закончено, предстоит судебный процесс, арестованные обвиняются в «нарушении воинского долга (присяги), измене Родине, измене народам СССР, измене Рабоче-Крестьянской Красной Армии».

Предстоит судебный процесс… По странному стечению обстоятельств, он состоялся как раз в тот самый день, когда подписчики получили номер газеты.

Однако не будем забегать вперед. Изложим события в той последовательности, в которой они развивались.

Десятого июня — чрезвычайный пленум Верховного суда СССР. Заслушивается сообщение Вышинского о деле по обвинению Тухачевского и других военных. Пленум принимает решение для рассмотрения дела образовать Специальное судебное присутствие Верховного суда СССР. Утверждается его состав — Ульрих, Апкснис, Блюхер, Буденный, Шапошников, Белов, Дыбенко, Каширин, Горячев. Маршалы и командармы, ниже нет. Члены Военного Совета при наркоме обороны, наиболее резко выступившие на июньском заседании Совета против арестованных.

Сразу же состоялось подготовительное заседание Специального судебного присутствия. Оно постановляет: дело назначить к слушанию в закрытом судебном заседании, без участия защиты и обвинения и без вызова свидетелей.

В этот же день начальник особого отдела НКВД Леплевский подписывает и передает Ежову план организации охраны и

обеспечения порядка судебного заседания. Секретарь суда вручает всем арестованным копии обвинительного заключения.

Одиннадцатого июня — закрытое судебное заседание. После оглашения обвинительного заключения все подсудимые, отвечая на вопросы председателя суда, заявляют, что они признают себя виновными и в основном подтверждают те показания, которые дали на следствии.

Весь процесс по делу стенографировался. Чтение этих стенограмм сегодня занятие малоприятное. У многих из нас представление о деле Тухачевского и других жертв тогдашнего произвола сформировалось в шестидесятые годы под впечатлением разоблачений сталинского террора. Образы невинно осужденных маршалов и командармов представали в ореоле романтизма, безупречной честности, стойкости и благородства.

Увы, эпоха реабилитации, как и эпоха репрессий, сплошь пропитана мифологемами.

Якир, выгораживая себя, вымаливая прощение, всячески выпячивал в заговоре роль Тухачевского. Фельдман обратился к суду со следующей просьбой:

— Я просил бы, гражданин председатель, позволить мне вкратце, а я долго не буду задерживать вашего внимания, рассказать то, что мне известно как члену центра, то, что я делал. Я думаю, что будет полезно не только суду, но и всем трем командармам, которые здесь присутствуют.

Разрешение, конечно, последовало. 12 страниц стенограммы этого выступления стали еще одним подтверждением того, что чужая душа — потемки.

Корк тоже взваливал вину на других, те, накидываясь, уличали его, обзывали вруном и провокатором, нехорошим человеком…

Утром в день процесса Примаков дал собственноручные показания на многих военачальников, не находившихся под арестом, и даже на Каширина, Дыбенко и Шапошникова, входивших в состав суда. В результате было арестовано 108 руководящих работников армии и флота, которых вскоре расстреляли.

Писать об этом невероятно трудно и невыносимо больно. Рушится еще одна идеология, согласно которой подсудимые вели себя по-рыцарски, без страха и упрека. И все-таки хочется пощадить чувства читателей. Пусть они узнают о поведении своих любимых героев не из стенограммы, что было бы слишком жестоко, а из других источников, объективность которых покажется кому-то сомнительной. Может, это хоть как-то смягчит

удар.

Члены военного суда после окончания процесса написали на имя Сталина и Ворошилова докладные записки о своих впечатлениях. Вот что докладывал командарм Белов:

«Буржуазная мораль трактует на все лады — «глаза человека — зеркало его души». На этом процессе за один день, больше чем за всю свою жизнь, я убедился в лживости этой трактовки. Глаза всей этой банды ничего не выражали такого, чтобы по ним можно было судить о бездонной подлости сидящих на скамье подсудимых. Облик в целом у каждого из них… был неестественный. Печать смерти уже лежала на всех лицах. В основном цвет лиц был так называемый землистый… Тухачевский старался хранить свой «аристократизм» и свое превосходство над другими… Пытался он демонстрировать и свой широкий оперативно-тактический кругозор. Он пытался бить на чувства судей некоторыми напоминаниями о прошлой совместной работе и хороших отношениях с большинством из состава судей. Он пытался и процесс завести на путь его роли, как положительной, и свою предательскую роль свести к пустячкам…

Уборевич растерялся больше первых двух. Он выглядел в своем штатском костюмчике, без воротничка и галстука, босяком…

Корк, хотя и был в штатском костюме, но выглядел как всегда по-солдатски… Фельдман старался бить на полную откровенность. Упрекнул своих собратьев по процессу, что они как институтки боятся называть веши своими именами, занимались шпионажем самым обыкновенным, а здесь хотят превратить это в легальное общение с иностранными офицерами. Эйдеман. Этот тип выглядел более жалко, чем все. Фигура смякла до отказа, он с трудом держался на ногах, он не говорил, а лепетал прерывистым глухим спазматическим голосом. Примаков — выглядел сильно похудевшим, показывал глухоту, которой раньше у него не было. Держался на ногах вполне уверенно… Путна только немного похудел, да не было обычной самоуверенности в голосе…

Последние слова все говорили коротко. Дольше тянули Корк и Фельдман. Пощады просили Фельдман и Корк. Фельдман даже договорился до следующего: «Где же забота о живом человеке, если нас не помилуют». Остальные все говорили, что смерти мало за такие тяжкие преступления… Клялись в любви к Родине, к партии, к вождю народов т. Сталину…

Общие замечания в отношении всех осужденных:

1. Говорили они все не всю правду, многое унесли в могилу. 2. У всех них теплилась надежда на помилование; отсюда и

любовь словесная к Родине, к партии и т. Сталину».

Командарм I ранга Белов Иван Панфилович, командующий Белорусским военным округом, был членом военного суда. Через тринадцать месяцев, в июле 1938 года, он сам окажется на скамье подсудимых и будет расстрелян. Кроме Буденного и Шапошникова, сия горькая чаша не обойдет никого из членов Судебного присутствия, скрепивших своими подписями смертные приговоры Тухачевскому и проходившим по его делу военным. Командарм II ранга Каширин, тоже член суда, через' год будет арестован, и Ежову напишет, что на том суде он «чувствовал себя подсудимым, а не судьей».

Так ли это? Во времена Хрущева и Горбачева пресса немало потрудилась над тем, чтобы обелить военачальников, назначенных членами военного суда. В публикациях подчеркивалось, что маршалы и командармы, зачисленные в состав Судебного присутствия с целью придания ему веса и убеждения населения в правильности приговора, тяготились своей незавидной ролью. Они, мол, в основном молчали, вопросов не задавали, а некоторые, как Блюхер и Алкснис, вообще не присутствовали в зале суда, придумывали разные неотложные дела, лишь бы не участвовать в постыдном спектакле, не посылать на плаху боевых товарищей.

Стенограммы Судебного присутствия этих версий не подтверждают. Наоборот, протоколы свидетельствуют о том, что все без исключения командиры проявляли необыкновенную активность в допросах, запутывали, уличали подсудимых. Вот несколько фрагментов наугад.

Дыбенко — Тухачевскому: «Непонятно, как у вас было организовано дело по отношению к дворцовому перевороту. Не может быть, чтобы вы, как руководитель центра, не интересовались планом».

Блюхер — Якиру: «Нельзя ли подробнее о роли Гамарника в контрреволюционном троцкистском заговоре? Я думаю, вы знаете больше, чем говорите».

Произнося последнее слово в суде, Тухачевский и остальные подсудимые полностью признали свою вину.

В 21 час 15 минут суд удалился на совещание.

Когда судьи приступили к рассмотрению дела, заработали кремлевские шифровальщики. В республики, края и области Сталиным была направлена следующая телеграмма:

«Нац. ЦК, крайкомам, обкомам. В связи с происходящим судом над шпионами и вредителями Тухачевским, Якиром, Уборевичем и другими, ЦК предлагает вам организовать митинги рабочих, а где возможно и крестьян, а также митинги

красноармейских частей и выносить резолюцию о необходимости применения высшей меры репрессии. Суд должно быть будет окончен сегодня ночью. Сообщение о приговоре будет опубликовано завтра, т. е. двенадцатого июня. 11.VI.1937 г. Секретарь ЦК Сталин».

В 23 часа 35 минут 11 июня председательствующий Ульрих огласил приговор: расстрел всех восьми осужденных с конфискацией всего лично им принадлежащего имущества с лишением присвоенных им воинских званий.

В ночь на 12 июня Ульрих подписал предписание коменданту Военной коллегии Верховного суда Игнатову о немедленном приведении приговора в исполнение. Акт о расстреле подписан присутствовавшими при исполнении приговора Вышинским, Ульрихом, Цесарским, Игнатовым и комендантом НКВД Блохиным.

По рассказам генерал-лейтенанта А. И. Тодорского, который ссылался на Ворошилова, во время расстрела осужденные выкрикивали: «Да здравствует Сталин!», «Да здравствует коммунизм!»

Глава 6
«ПРИЗНАТЕЛЬНЫЕ» ПОКАЗАНИЯ

22 мая—11 июня. Всего двадцать дней. Невероятно короткий срок от ареста до расстрела. И кого? Маршала, замнаркома обороны, члена ЦИК СССР, кандидата в члены ЦК ВКП(б).

Через 19 лет после расстрела Тухачевского и семерых проходивших по его делу военных — видных полководцев Красной Армии — находившийся тогда у власти Хрущев поручил КГБ и Главной военной прокуратуре проверить это уголовное дело. Проверка была скорее политическим, чем юридическим актом. До Хрущева Советский Союз не относился к числу правовых государств, не стал он таковым и при новом лидере, поступками которого, конечно же, двигало вовсе не благородное стремление к торжеству правосудия, а соображения чисто конъюнктурного, идеологического характера. Новый хозяин Кремля уверенно набирал очки, ему требовались громкие политические акции, которые бы принесли популярность среди населения.

В контексте разоблачения культа личности Сталина перспективным представлялось выяснение причин и условий массовых репрессий военных кадров в тридцатые годы. Дело Тухачевского, пожалуй, было самым громким, и Хрущев дал указание начать с него. Реабилитации в СССР, да и в царской России, всегда начинались с восхождения на трон нового государя, а вовсе не из-за свойственного гражданскому обществу стремления постоянно и целеустремленно, независимо от политических взглядов правителей, устранять допущенные судебные ошибки, от которых не застрахованы и в правовых государствах.

Подоплека хрущевского заказа следователям была ясна. Почти двадцать лет материалы следствия и суда по делу Тухачевского не подвергались сомнению. Но изменилась политическая погода, и хотя главными «метеорологами» оставались прежние персонажи, включая Хрущева, над архивным делом подули новые ветры.

Самый главный вывод, который сделали проверяющие — никаких законных оснований к аресту Тухачевского, Якира, Уборевича и других военных деятелей не было. Органы НКВД арестовали их в нарушение Конституции СССР, вопреки требованиям уголовных и уголовно-процессуальных законов, без санкции прокурора или постановления суда, по прямому

произволу Сталина и Ежова. В деле нет объективных доказательств, подтверждающих совершение кем-либо из обвиняемых государственных преступлений. Обвинения в этих преступлениях являются ложными и базируются лишь на противоречивых «признательных» показаниях арестованных, навязанных им работниками НКВД преступными методами проведения следствия по делу.

На основании этой проверки Прокуратура СССР сделала заключение, которое Генеральный прокурор внес на рассмотрение Военной коллегии Верховного суда СССР. 31 января 1957 года приговор Специального судебного присутствия от 11 июня 1937 года в отношении Тухачевского и семерых военачальников был отменен, а дело за отсутствием в их действиях состава преступления прекращено. В том же 1957 году КПК при ЦК КПСС все эти лица были реабилитированы и в партийном отношении. Гамарника реабилитировали еще раньше — в 1955 году.

К тому времени из тех, кто судил Тухачевского, в живых оставался только один Буденный. Дряхлевший, не занимавший крупного поста маршал хотя и разволновался страшно, ожидая репрессий, опасности для Хрущева не представлял. Чего нельзя было сказать о Ворошилове, Молотове и Кагановиче, причастных к расстрелу Тухачевского больше, чем Буденный, — поскольку вершили тогда вместе со Сталиным все дела. Старая гвардия была очень сильна, влиятельна и в штыки воспринимала новации Хрущева.

Эта троица категорически возражала против реабилитации Тухачевского.

— Зачем же они писали сами на себя?! — кипятился Ворошилов, убежденный в виновности рассхрелянных.

И хотя именами репрессированных военачальников стали называть улицы и предприятия, колхозы и военные учебные заведения, а страницы прессы и эфир заполнили их жизнеописания, в Кремле не утихала упорная борьба. Соратники Сталина не сдавались, обвиняя ослушника Хрущева в отступничестве.

Вражда разгорелась не на шутку. Дважды, пятого января и шестого мая 1961 года, Хрущев проводил через Президиум ЦК КПСС постановления, обязывающие КПК вновь и вновь возвратиться к делу Тухачевского. Формальным поводом было выяснение причин и условий возникновения этого дела. В действительности же — огромным потоком писем в ЦК, авторы которых утверждали, что Тухачевский и другие заговорщики осуждены правильно, а реабилитация преследует конъюнктурные цели. И подрывает авторитет советской власти.

Хрущев считал, что письма инспирированы Ворошиловым и Кагановичем. Он ухватился за понравившееся ему выражение «признательные показания»:

— Найдите костоломов, которые выбивали показания. Пусть расскажут, как было на самом деле, и мы заткнем глотки Климу и Лазарю.

Председатель КПК Шверник принял указание к исполнению. Срочно создали группу партийных следователей, которые связались с Лубянкой. Начали устанавливать фамилии, адреса. Многие оказались живы и здоровы. Самых-самых приводили лично к Швернику.

20 декабря 1961 года перед председателем КПК предстал Суровицких — бывший работник НКВД, лично допрашивавший заместителя начальника правительственной охраны Воловича.

— Расскажите, как Волович дал показания на Тухачевского, — обратился к вошедшему председатель КПК.

— Товарищ Шверник, все, что творилось в органах НКВД в то время, было от начала и до конца продуманной и подготовленной провокацией, — бойко, в духе новых веяний, заговорил вошедший. — Поведение Воловича на следствии свидетельствовало о том, что он был подготовлен к даче нужных показаний. Воловича допрашивал Ежов…

— Но ведь и вы допрашивали?

— Да, конечно, — растерянно пробормотал бывший следователь. — Абсолютное большинство фамилий подсказывалось Воловичу Ярцевым или… гм… мною. Но, прошу учесть, товарищ Шверник, по указанию'Ярцева. Это мой начальник. Я и Ярцев, как бы это сказать, «получили», что ли, от Воловича развернутые показания на Тухачевского как на участника заговора, готовившего армию для обеспечения военного переворота. То есть добились подтверждения о наличии воинской силы и закрепили нужную Ежову солидность и серьезность заговора.

Невозмутимо-спокойный Шверник предложил собеседнику изложить сказанное на бумаге.

О том, что Примаков и Путна на допросах подвергались физическому воздействию, показал бывший сотрудник Особого отдела НКВД Бударев:

— Замначальника отдела Карелин и начальник отдела Авсеевич давали мне и другим работникам указания сидеть вместе с Примаковым и тогда, когда он еще не давал показаний. Делалось это для того, чтобы не давать ему спать, понудить его дать показания о своем участии в троцкистской организации. В это время ему разрешали в день спать только два-три часа в

кабинете, где его должны были допрашивать, и туда же ему приносили пищу. Таким образом, его не оставляли одного. В период расследования дел Примакова и Путны было известно, что оба эти лица дали показания об участии в заговоре после избиения их в Лефортовской тюрьме…

Бывший заместитель министра госбезопасности СССР Селивановский нарисовал картину скупыми, но сильными мазками:

— В апреле 1937 года дела Путны и Примакова были переданы Авсеевичу. Зверскими, жестокими методами допроса Авсеевич принудил Примакова и Путну дать показания на Тухачевского, Якира и Фельдмана. Эти показания Путны и Примакова послужили основанием для ареста в мае 1937 года Тухачевского, Якира, Фельдмана и других крупных военных работников. Работа Авсеевича руководством Особого отдела ставилась в пример другим следователям. Авсеевич после этого стал эталоном в работе с арестованными. Так появился заговор в Советской Армии. После этого по указанию Сталина и Ежова начались массовые аресты крупных военных работников, членов ЦК КПСС, видных партийных и государственных деятелей.

Итак, всплыло имя истязателя Путны и Примакова — Авсеевич. И вдруг выясняется, что он жив. Бывшего следователя НКВД доставили на Старую площадь.

— Приходилось ли вам во время допроса избивать подследственных? — спросил невозмутимый Шверник.

— Так точно, в период массовых арестов военных работников мне приходилось принимать участие в допросах и избиении арестованных. На допросах вопросы и ответы формулировал Леплевский, мой начальник. Фамилии в протокол заносились те, которые называл Примаков, но значение разговоров и встреч, о которых говорил Примаков, в формулировках усиливалось и возводилось в степень заговорщической деятельности. Таким образом были сфабрикованы показания Примакова на большую группу крупных военных работников…

Услужливость, подобострастие, готовность быть полезным лезли, струились из каждой клеточки бывшего следователя.

Шверник задал новый вопрос:

— Вы считаете, что Примаков и Путна оговорили себя?

— Они морально были сломлены… Длительное содержание в одиночных камерах, скудное тюремное питание… Это очень действует на психику. Вместо своей одежды они были одеты в поношенное хлопчатобумажное красноармейское обмундирование, вместо сапог обуты были в лапти, длительное время их не стригли и не брили. Перевод из сносной внутренней

тюрьмы на Лубянке в Лефортовскую, вызовы к Ежову их сломили, и они начали давать показания…

— Расскажите о подготовке судебного процесса. Почему подсудимые не отказались от своих показаний, выбитых у них во время следствия?

— После того как следствие закончилось, было созвано оперативное совещание. Оно состоялось где-то за сутки-двое перед процессом. На совещании начальник отдела Леплевский дал указание всем нам, принимавшим участие в следствии, еще раз побеседовать с подследственными и убедить их, чтобы они в суде подтвердили показания, данные на следствии…

— С кем беседовали вы лично? — уточнил Шверник.

— С Примаковым. Он обещал подтвердить в суде свои показания. С другими подследственными беседовали другие работники отдела. Кроме того, было дано указание сопровождать своих подследственных в суд, быть вместе с ними в комнате ожидания… Накануне процесса арестованные вызывались к Леплевскому, который объявил, что завтра суд и что их судьба зависит от их поведения на суде. Примакова вызывал и Ежов, уговаривавший вести себя на суде так же, как и на следствии. Примаков обещал Ежову на суде разоблачать заговорщиков до конца.

Каждому доставленному к нему бывшему энкаведисту Шверник после беседы давал указание изложить рассказанное на бумаге. Те садились за стол и излагали. Работники КПК прочитывали, давали наводящие вопросы, акцентировали внимание на отдельных формулировках, усиливали их.

Реабилитировавшие действовали точно так же, как в свое время репрессировавшие. Последние, судя по показаниям Авсеевича в КПК, усиливали роль формулировок, возводивших заговорщическую деятельность в более высокую степень. Чутко держали нос по ветру и шверниковские следователи, остро чувствуя политическую конъюнктуру.

«Все, что наговорил Примаков и другие арестованные в то время, — читаем в объяснении Авсеевича, — является домыслом от начала до конца, вызванным нарушением элементарных норм законности при ведении следствия и самого суда». Какова лексика, а? Ну прямо-таки хрущевский реформатор-обличитель. Но ягодки еще впереди: «Нам, работникам органов НКВД, в то время было известно, что Сталин взял в свои руки руководство органами НКВД, и Ежов, минуя ЦК ВКП(б), подчинялся только Сталину и выполнял только его волю». Чем не иллюстрация к хрущевскому тезису о том, что при Сталине органы НКВД вышли из-под руководства партии? И дальше: «Такой порядок

подчиненности Сталину органов НКВД оставался при Берии и Абакумове и все, что делалось в органах НКВД, все было связано с именем Сталина». Вот вам и привязка к тогдашней ситуации.

Чтение этих объяснений сегодня, спустя несколько десятилетий, когда тогдашние события воспринимаются непредвзято, не с сиюминутных политических позиций, оставляет впечатление заданности, идеологического заказа. Снова поступками верховных голов в Кремле движут соображения конъюнктурного характера. Впрочем, они этого и не скрывают, торопя Шверника.

Шверник собрал между тем довольно приличное количество материала. Особую ценность представляли два документа: заключение Центральной судебно-медицинской лаборатории Военно-медицинского управления Министерства обороны СССР и показания бывшего сотрудника НКВД Вула.

Дело в том, что при изучении поднятого из архива дела Тухачевского на двух листах его показаний были обнаружены красно-коричневые пятна. Эти листы решено было отдать на экспертизу. Военные судмедэксперты дали следующее заключение: «В пятнах и мазках на листах 165–166 дела № 967581 обнаружена кровь… Некоторые пятна крови имеют форму восклицательных знаков. Такая форма пятен крови наблюдается обычно при попадании крови с предмета, находящегося в движении, или при попадании крови на поверхность под углом…». Вул, бывший энкаведист, показал: «Лично я видел в коридоре дома № 2 Тухачевского, которого вели на допрос к Леплевскому, одет он был в прекрасный серый штатский костюм, а поверх него был одет арестантский армяк из шинельного сукна, а на ногах лапти. Как я понял, такой костюм на Тухачевского был надет, чтобы унизить его. Все следствие по делу Тухачевского и других было закончено очень быстро… Помимо мер физического воздействия, определенную роль в получении показания сыграли уговоры следователей».

Непосредственно Тухачевского допрашивал следователь Ушаков (Ушамирский). Он был незаурядной личностью, большим мастером по части получения «признательных» показаний. Тонкий знаток человеческой психологии, он сумел установить с Фельдманом. довери-тельные отношения, создал ему облегченный режим содержания в тюрьме и склонил Фельдмана к даче показаний. О хитроумных приемах Ушакова дает представление вот эта записка арестованного комкора Фельдма

на: «Помощнику начальника 5 отдела ГУ ГБ НКВД Союза ССР тов. Ушакову. Зиновий Маркович! Начало и концовку заявления я написал по собственному усмотрению. Уверен, что Вы меня

вызовите к себе и лично укажете, переписать недолго… Благодарю за Ваше внимание и заботливость — я получил 25-го печенье, яблоки, папиросы и сегодня папиросы, откуда, от кого, не говорят, но я-то знаю, от кого. Фельдман. 31.V.37 г.». В деле Фельдмана есть и другие свидетельства того, что он сам, без всякого принуждения, подтверждал свою готовность в угоду следствию дать любые показания.

Ушаков был арестован в 1938 году, после снятия Ежова с поста наркома внутренних дел. Хозяином Лубянки стал Берия, который устроил в центральном аппарате НКВД грандиозную чистку. Ушаков, полагая, что его арестовали из-за процесса по делу Тухачевского и что маршала, наверное, реабилитируют, дал следующие собственноручные показания:

«На Фельдмана было лишь одно косвенное показание некоего Медведева… В первый день допроса Фельдмана… он написал заявление об участии своем в военной троцкистской организации, в которую его завербовал Примаков… Придерживаясь принципа тщательного изучения личного дела и связей арестованных, я достал из штаба дело Фельдмана и начал изучать его. В результате я пришел к выводу, что Фельдман связан интимной дружбой с Тухачевским, Якиром и рядом др. крупных командиров и имеет семью в Америке, с которой поддерживает связь. Я понял, что Фельдман связан по заговору с Тухачевским, и вызвал его 19.V рано утром для допроса. Но в это время меня вызвали к Леплевскому на оперативное совещание, на котором присутствовало около 30 сотрудников, участвующих в следствии. Мне дали слово о результатах допроса Фельдмана, примерно, десятым по очереди. Рассказав о показаниях Фельдмана, я перешел к своему анализу и начал ориентировать следователей на уклон в допросах с целью вскрытия несомненно существующего в РККА военного заговора… Как только окончилось совещание, я… вызвал Фельдмана. К вечеру 19 мая было написано Фельдманом на мое имя известное показание о военном, заговоре с участием Тухачевского, Якира, Эйдемана и др., на основании которого состоялось 21 или 22 мая решение ЦК ВКП(б) об аресте Тухачевского и ряда др.».

— Ну и где сейчас этот Ушаков-Ушамирский? — нетерпеливо спросил Хрущев у неестественно застывшего на краешке стула Шверника, когда председатель КПК закончил доклад первому секретарю ЦК.

— Расстрелян, Никита Сергеевич. Признался на следствии, что являлся агентом германских разведорганов.

— Тьфу! — смачно сплюнул Хрущев. — Вот служба, а? Не позавидуешь. Выбьют показания, а потом окажется — себе же на

голову!

Из показаний арестованного Ушакова следовало: «Мне казалось ранее, что ни при каких обстоятельствах я бы не давал ложных показаний, а вот вынудили меня… Мне самому приходилось бить в Лефортовской врагов партии и Советской власти, но у меня не было никогда такого представления об испытываемых избиваемым муках и чувствах».

Глава 7
НЕОЖИДАННЫЕ НАХОДКИ

С момента реабилитации Тухачевского историки спорят: был ли заговор военных в тридцать седьмом? Преобладают в основном две полярные точки зрения. Одна группа исследователей утверждает, вслед за Хрущевым, — не было. Вторая, наоборот, склонна считать, что был.

При внимательном рассмотрении аргументов обеих противоборствующих сторон бросается в глаза чрезвычайно важное обстоятельство, которое дает повод считать обе позиции уязвимыми. Речь идет об отсутствии ссылок на первоисточники, которые в течение десятилетий были для историков недоступными. Поэтому в дискуссиях преобладали эмоции и субъективизм, замешанные на политической конъюнктуре.

Сегодня наконец появилась невиданная прежде возможность взглянуть на предмет старого спора непредвзято, основываясь на источниках из закрытых архивов, ставших доступными для исследователей. И тут подстерегали неожиданные находки.

Что такое заговор? Словари дают следующее толкование: это тайное соглашение нескольких лиц о совместных действиях против кого-либо или чего-либо для достижения каких-либо определенных политических целей. Так вот, исходя из этой трактовки, с учетом обнаруженных в архивах данных, содержащихся в подлинниках, можно, наверное, хотя, разумеется, и с некоторой натяжкой, назвать данным термином те своеобразные отношения, которые- сложились среди масти тогдашних военачальников к Ворошилову.

Таким образом, речь может идти лишь о заговоре против конкретной фигуры конкретного функционера, а не против конституционного строя. Мнение о Ворошилове как наркоме обороны, не соответствовавшем должности по деловым качествам, было довольно распространенным в среде высших военных. Это подтвердилось уже через три года, когда в результате неудачной для Советского Союза войны с Финляндией Ворошилов с треском был снят с поста наркома. Рассекречен и обнародован относящийся к периоду Великой Отечественной войны приказ Сталина, которым «первый красный офицер» отстранялся от всякой фронтовой деятельности и переводился на тыловую работу из-за полнейшей неспособности руководить войсками.

Выходит, Тухачевский и его сторонники были правы, когда

ставили вопрос о замене Ворошилова на посту наркома обороны? Однако Ворошилов не считал себя слабым наркомом и маршалом, болезненно воспринимал критически-насмешливые отзывы в свой адрес, наносил ответные удары. К сожалению, эти непростые отношения на военном Олимпе Хрущевым не были открыты перед общественностью, в результате чего в массовом сознании сформировалось одностороннее представление о причинах трагедии.

В показаниях арестованных есть существенные детали, которые никогда не приводились в публикациях на эту тему, и которые по-новому проливают свет на происшедшее.

«Комкор Куйбышев говорил мне, — показывал на следствии Примаков, — что Ворошилов, кроме стрельбы из нагана, ничем не интересуется. Ему нужны холуи вроде Хмельницкого, либо дураки вроде Кулика, либо на все согласные старики вроде Шапошникова. Ворошилов не понимает современной армии, не понимает значения техники…» Еще раньше, в сентябре 1936 года, Примаков на допросе признал, что со своими старыми друзьями вел разговоры, «носящие характер троцкистской клеветы на Ворошилова, но никаких террористических разговоров не было. Были разговоры о том, что ЦК сам видит непригодность Ворошилова…». Объясняя причины недовольства Ворошиловым, Примаков писал Сталину из тюрьмы: «Я не троцкист и не знал о существовании организации… Я виновен в том, что… вплоть до 1932 года враждебно высказывался о тт. Буденном, Ворошилове… Мое враждебное отношение к ним сложилось на почве нездорового соревнования между Конармией и Червонным казачеством».

Всю суть заговора против Ворошилова изложил в судебном заседании Уборевич:

— Мы шли в правительство ставить вопрос о Ворошилове, нападать на Ворошилова, по существу уговорились с Гамарником, который сказал, что он крепко выступит против Ворошилова.

Такой вот обмен мнениями, а может быть и даже сговор, который несомненно стал известен Ворошилову, был выдан за противозаконный и преподнесен как измена Родине и террор. Ворошилов наносит упреждающий удар — рассказывает на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) 1937 года о готовившемся против него покушении во время проведения военных маневров в Киевском округе. Мотивировка теракта — исчезновение секретного экземпляра календаря-расписания пребывания наркома на киевских маневрах. По версии Ворошилова, расписание похитил комдив Шмидт, чтобы подготовиться к теракту.

Итак, обыкновенной склоке, перешедшей со временем в открытую вражду, причина которой — противоборство военных за влияние на Сталина, одна из сторон придала политическую окраску.

Версия вполне правдоподобная. Шансов на победу у Ворошилова и его команды было значительно больше, чем у Тухачевского. У Ворошилова с его людьми пролетарские биографии, безупречное боевое прошлое — плечом к плечу со Сталиным на фронтах гражданской. Тухачевский из дворян, его «однодельцы» скомпрометированы былой близостью к Троцкому, ездили по заграницам, имели там родственников, а некоторые даже и семьи.

По крайней мере два обстоятельства сыграли в этом деле роковую роль. Во-первых, чрезвычайно высокая степень политизации общества и армии. Армия — институт иерархический. Все назначения в ней производились Троцким в его бытность председателем Реввоенсовета и наркомвоенмором. После изгнания Льва Давидовича из страны близость и даже простое знакомство с ним были компроматом. Борьба с троцкизмом на обыденном уровне имела конкретные формы и проявления. Человек, метивший на место своего начальника, сигнализировал куда надо о его служебном положении во времена Льва Давидовича, и вожделенное место сразу оказывалось вакантным.

Феномен массовых репрессий среди военных кадров в 1937—38 годах как следует еще не изучен. Сверху давались далеко не все санкции. Вот статистика: более 90 процентов арестов инициированы снизу. Доносительство приобрело чудовищные масштабы. Вспоминали старые обиды, мстили за все — за то, что сосед быстрее продвигался по службе, за то, что у него красивая жена, за то, что слишком много о себе мнит. Все подлое и мерзкое, что копилось в мрачных подвалах души, выплескивалось наружу. Самым верным способом расквитаться с недругом был сигнал о политической неблагонадежности, связях с троцкистами и прочей оппозицией. Любому заурядному происшествию, любой болтовне во время дружеской пирушки придавали политическую окраску.

Такое было время. Все следили за всеми, все подозревали всех. Именно этим объясняется удивляющая последующие поколения спокойная реакция общества на сообщение о преступлениях разоблаченных и расстрелянных маршалов. Рецидивы чрезмерной политизации мы видим и сегодня в новой России. Стоит уличить государственного чиновника в злоупотреблениях, мошенничестве, воровстве, как он тут же

делает заявление: это политическая акция. До сих пор у нас все убийства исключительно политические, взятки тоже спровоцированы в политических целях.

Иностранные разведки, неустанно следившие за перипетиями закулисной борьбы среди видных советских военачальников и знавшие о существовании двух группировок, соперничавших за влияние на Сталина, в своих аналитических прогнозах не предрекали победу Тухачевскому. Хотя Сталин и вернул его в 1932 году обратно в наркомат обороны, да еще со значительным повышением, это сближение носило временный характер. Аналитики западных спецслужб оказались правы, полагая, что Ворошилов использует против своих оппонентов некоторые их научные труды.

Тут мы подходим к рассмотрению второго важного обстоятельства, сыгравшего роковую роль в судьбе Тухачевского, и давшего его противникам дополнительные козырные карты.

В 1932 году Тухачевский издал прочитанные им в Академии им. Фрунзе лекции «Поход на Вислу». Правда, осмотрительный автор не назвал конкретных имен, виновных в поражении Красной Армии под Варшавой в 1920 году, но мысль об ответственности руководства Юго-Западного фронта там присутствовала. Членом РВС фронта был Сталин, а членом РВС Первой Конной армии был Ворошилов.

Полузабытая брошюрка была извлечена на свет Божий. Она напомнила Сталину неприятную страницу его военной биографии, когда он отказался выполнить постановление Пленума ЦК и директиву главкома С. С. Каменева о передаче 12-й и 1-й Конной армий из состава Юго-Западного фронта, членом РВС которого он был, Западному фронту, которым командовал Тухачевский. Сталин полагал, что он был прав, а вину за поражение под Варшавой возлагал на Тухачевского и главкома Каменева.

Те, в свою очередь, виновными считали Сталина, командующего Юго-Западным фронтом Егорова, Ворошилова и Буденного. Ошибки Юго-Западного фронта были отмечены и в третьем томе «Истории гражданской войны», вышедшем в 1930 году под редакцией Бубнова, Каменева С. С., Тухачевского и Эйдемана. Ворошилов и Егоров пытались оказать воздействие на редколлегию с целью вынудить ее внести коррективы в рукопись тома, однако попытки оказались тщетными.

Нет сомнений в том, что Сталину постоянно, при каждом удобном случае, напоминали об этой истории, которая всегда портила ему настроение. Он хотел бы забыть ее, забыть укоризненные слова Ленина: «Ну, батенька, кто же на Варшаву

через Львов ходит…». Напомнили и перед выступлением на расширенном заседании Военного Совета второго июня 1937 года, где он камня на камне не оставил от книги Худякова «Киевские Канны». Прислал автор свою брошюру — мол, не печатают, прочти. О польской войне 1920 года.

— Я очень занят, спросил военных. Говорят — дрянная. Клима спросил — дрянная штука. Прочитал все-таки. Действительно, дрянная штука. Воспевает чрезвычайно польское командование, чернит чрезмерно наше общее командование. И я вижу, что весь прицел в брошюре состоит в том, чтобы разоблачить Конную армию, которая там решала дело тогда… В грязь растоптал наше командование…

А ведь это Клим посоветовал Худякову: не печатают? А ты Сталину пришли, вмиг напечатают… А сам небось подумал: вот и еще одно напоминание. Зернышко к зернышку.

Честолюбивый Сталин не хотел отдавать лавры взятия Варшавы Тухачевскому, сам желал войти в анналы военной истории этой блестящей операции. Но и Тухачевский покладистым характером не отличался. Наоборот, как свидетельствовали близко знавшие его люди, с юности бредил наполеонизмом, нечеловеческой манией военного величия, обожал Клаузевица, Мольтке, Бонапарта, Блюхера (немца), Суворова, Александра Македонского. Даже противники признавали его незаурядные военные способности.

Личность противоречивая, знавшая себе цену, с невероятным честолюбием; Тухачевский как никто другой из советских военачальников годился в качестве ключевой фигуры для тайных игр, которые вели органы ОГПУ — НКВД. В архивах обнаружены рассекреченные теперь материалы о том, что агентура ОГПУ — НКВД распространяла внутри страны и за рубежом слухи о несоветских, бонапартистских настроениях Тухачевского, о группировании вокруг него различных антисоветски настроенных элементов из числа бывших царских офицеров и генералов. Найденные документы свидетельствуют о создании спецслужбами версии о политической неблагонадежности Тухачевского и других военачальников. Нет, не с целью дискредитировать маршала с последующим его физическим уничтожением. Вы не поверите, для чего это делалось, — для дезинформации иностранных разведок и белоэмигрантских центров!

Агентурное дело под названием «Трест», которое велось органами ОГПУ в 1921–1927 годах, широко известно по одноименному многосерийному телевизионному фильму, с успехом демонстрировавшемуся в семидесятые годы. Напомню: основным назначением агентурного дела «Трест» являлась

разработка зарубежной белоэмигрантской военной организации, носившей название «Российский общевоинский союз» (РОВС). В целях обеспечения агентурного проникновения в монархические эмигрантские круги за границей и в разведки буржуазных государств органами ОГПУ было слегендировано существование на территории СССР нелегальной контрреволюционной организации под названием «Монархическое объединение Центральной России» (МОЦР).

ОГПУ принимало все меры к тому, чтобы представить МОЦР за границей как мощную заговорщическую шпионскую организацию, охватывающую значительную часть командного состава РККА и способную возглавить контрреволюционные силы и свергнуть Советскую власть. На самом же деле создание такой организации имело целью способствовать получению данных о белоэмигрантских воинских формированиях, их планах, а также для дезинформации иностранных разведок и пресечение деятельности их агентуры на территории СССР.

Представителями мнимой монархической организации выступали агенты ОГПУ, которые установили связь с царскими генералами Врангелем, Кутеповым и многими другими, проживающими во Франции и в Германии. МОЦР под видом шпионских сведений направлял дезинформационные данные о Красной Армии генштабам европейских государств, а также легендировал сведения о том, что большинство бывших царских офицеров, служивших в то время в РККА, и даже некоторые воинские части враждебно относятся к советской власти и ждут момента, чтобы принять участие в совершении контрреволюционного переворота в СССР.

В списке этих лиц — имя Тухачевского!

В декабре 1922 года агент ОГПУ Якушев отбывает в Берлин, где встречается с рядом видных белоэмигрантов, в том числе с генералом Марковым, председателем «Высшего монархического совета». Марков интересуется:

— Скажите, кто из видных советских военных, занимающих высокое положение в РККА, принадлежит к вашему монархическому объединению? Ну, скажем, Тухачевский, Каменев, Лебедев, Брусилов?

— Названные вами люди не входят в нашу организацию, — ответил Якушев, — но первые трое безусловно наши. Четвертый слишком состарился и не представляет ничего интересного.

По мере разрастания сведений о «деятельности» МОЦР из-за границы все чаще стали поступать требования к ее руководителям о вовлечении Тухачевского в эту организацию. Желая придать МОЦР более авторитетный и могущественный характер, ОГПУ

«выполнило» это требование и сообщило за границу о «вовлечении» его в МОЦР. Сегодня, к сожалению, мы не можем со всей определенностью сказать, был ли поставлен Тухачевский в известность об этой игре, или ОГПУ делало все тайно за его спиной.

Неизвестно также, посвящали ли в детали тайной операции высшее руководство. Если даже и посвящали, то наркомвоенмором тогда был Троцкий, который и унес с собой эту тайну. Ворошилов в ту пору занимал второстепенные роли, и вряд ли мог знать об игре, что несколько умаляет его вину. Правда, иногда возникает крамольная мысль: а если знал?

Однако в любом случае вовлечение Тухачевского в затеянную чекистами игру в итоге стоило ему жизни. Из документов ОГПУ следует, что нелегально прибывшие осенью 1923 года в Москву из Франции от генерала Кутепова его представители Захарченко и Радкович, введенные в заблуждение агентами и сотрудниками ОГПУ, МОЦР, в зашифрованных письмах из СССР Кутепову подтверждали: Тухачевский участник этой антисоветской организации.

Руководство ОГПУ, наряду с дезинформационными материалами о Красной Армии, передавало от имени

МОЦР за границу и некоторые подлинные документы за подписями высших военных — для пущей убедительности легенды! В агентурном деле «Трест» имеется переведенный с польского языка документ под названием «Оценка доклада начальника штаба Красной Армии за время с 9.XII.25 г. — 19.111.27 г. на имя Председателя Реввоенсовета». Из этого документа вытекает, что польская разведка получила доклад начальника штаба РККА Тухачевского от «монархической организации». Доклад раскрывал важные вопросы, касающиеся мобилизационной готовности РККА, железнодорожного транспорта и т. д. Неизвестно, в каком виде был передан документ полякам — копией, фотокопией или за подписью Тухачевского. Однако польская разведка отметила: «В отношении формы подлинность документа не вызывает сомнения».

«Трест» был не единственной слегендированной агентурной разработкой ОГПУ. Фиктивных антисоветских организаций было немало, и во многих из них использовалось имя Тухачевского. Показательна в этом плане агентурная разработка «Синдикат-4». Она велась с 1924 по 1930 год. И снова от имени вымышленной ОГПУ «Внутренней российской национальной организации», ставящей целью свержение советской власти. За границу «просачивается» имя военного диктатора — Тухачевский. Легендировались имена и других видных военных и

государственных деятелей.

Эти сведения, попадая за рубеж, конечно же, не оставались достоянием лишь белоэмигрантских организаций. Их разведслужбы делились полученными секретами с разведками стран пребывания. В результате информация, запущенная ОГПУ, многократно раздувалась и неузнаваемо искажалась. Она интерпретировалась и распространялась в выгодном для каждой из разведок направлении. И самое неприятное в том, что изобретенная ОГПУ легенда о Тухачевском как об антисоветски настроенном человеке в трактовке иностранных разведок приобретала характер «секретных сведений», которые подхватывались советской агентурой за границей и возвращались уже по другим каналам в Москву — и не всегда к авторам этой легенды. Полученный таким путем «компромат» на Тухачевского накапливался в архивах НКВД, чтобы через пятнадцать лет сыграть с маршалом злую шутку.

До мая 1937 года невостребованным лежал и собранный внутренней агентурой материал. Разработка Тухачевского, Якира, Корка, Буденного, Шапошникова и других видных военных органы ОГПУ — НКВД вели с 1924 года. Дело называется «Генштабисты», и проходило по нему свыше 350 человек. Столько было взято на учет в качестве «неблагонадежных».

Над Тухачевским «шефствовало» много агентов. Особенно усердствовала Зайончковская, дочь генерала царской армии, преподававшего в 1922—26 гг. в военной академии и с 1921 года являвшегося агентом ВЧК— ОГПУ. Зайончковская была агентом НКВД с 1922 по 1937 год, затем некоторое время находилась под следствием по обвинению в шпионаже. После освобождения вплоть до 1954 года продолжала быть сексоткой. На одном из ее донесений о готовившемся из военной среды выстреле в Сталина начальник Особого отдела ГУГБ НКВД СССР Гай 13 декабря 1934 года имел неосторожность начертать такую вот резолюцию: «Это сплошной бред глупой старухи, выжившей из ума. Вызвать ее ко мне». Однако вскоре вызвали его самого.

13 мая 1937 года Ежову представили справку по всем иностранным и внутренним агентурным материалам, имеющимся на Лубянке в отношении Тухачевского. Там был весь компромат, включая сводку Зайончковского о том, что Тухачевский еще в 1931 году «больше мечтал быть маршалом по воле Германии, чем советского правительства».

Единственное, чего там нет — это упоминаний об уликах против Тухачевского, якобы состряпанных и подобранных германской разведкой, которые чехословацкий президент Бенеш передал из добрых побуждений Сталину. Об этой версии у нас

писано-переписано — с легкой руки Хрущева, первым запустившего ее в оборот.

Нет упоминаний о сфабрикованной абвером фальшивке и в судебном деле.

Глава 8
НЕЖЕЛАТЕЛЬНЫЙ СВИДЕТЕЛЬ

А вот это свидетельство, наверное, удивит многих. В архиве Сталина обнаружены, но особенно не популяризируются данные о том, что так называемые компрометирующие материалы об амбициях Тухачевского, поступившие из-за рубежа, были не чем иным, как выдержками из зарубежной прессы. Они направлялись в ЦК ВКП(б) советскими посольствами и корреспондентами. Следует при этом иметь в виду, что вплоть до сентября 1991 года в СССР существовал порядок, при котором совпосольства и журналисты докладывали особо закрытой почтой в Политбюро все материалы о беседах за границей с представителями деловых и политических кругов, а также публикации зарубежной прессы, содержавшие отзывы о сильных и слабых сторонах советских военных и политических руководителей. По своему усмотрению руководство СССР использовало эти материалы в качестве компрометирующих в борьбе за власть наверху. Так было, в частности, при компрометации Жукова, Аджубея, Шелепина, и наконец, Ельцина.

Вот это новость! Получается, в расстреле Тухачевского виноваты журналисты?

— Причастность немецкой разведки к расправе Сталина над Тухачевским — это миф. Берия и Абакумов говорили мне, что Тухачевский стал врагом народа прежде всего потому, что осмелился поставить вопрос о смене военного руководства — Ворошилова, который был членом Политбюро. Намерение Тухачевского свидетельствовало о том, что он мог создать потенциально независимую от правительства военную силу, могущую стать угрозой для тогдашней системы власти правящего режима.

Человек, произнесший эти слова, называет сам себя «нежелательным свидетелем». Это 85-летний Павел Анатольевич Судоплатов, в 1939–1953 годах генерал-лейтенант, начальник службы разведывательно-диверсионных операций советских органов госбезопасности. Он единственный живом современник высокого уровня, посвященный в тайны спецслужб того времени.

Его имя стало известно совсем недавно благодаря вышедшей за границей книге «Особые задания: воспоминания нежелательного свидетеля — магистра советского шпионажа». 21 августа 1953 года он был арестован в своем служебном кабинете на седьмом этаже здания на Лубянке и приговорен к 15 годам

лишения свободы. Полностью реабилитирован лишь в 1992 году.

Крутится магнитная лента, записывает неторопливо произносимые слова:

— Вы спрашиваете о репрессиях в предвоенные годы в Красной Армии. Мне бы хотелось отметить два важных обстоятельства, мимо которых прошло внимание историков.

По поводу мифов о якобы подброшенных документах о связях Тухачевского с немецкими военными кругами. Они были запущены на Западе перебежчиком Кривицким, который вместе с сотрудником нелегальной разведки Райсом принял решение не возвращаться на Родину. Я не собираюсь вдаваться в суть событий, связанных с ними, скажу только, что эти лица замешаны в неблаговидных махинациях с расходованием крупных валютных средств. Конечно, в их невозвращении сыграло свою роль и чувство страха в связи с массовыми репрессиями на Родине. Нет никаких данных о том, что они были связаны с какой-либо антисталинской оппозицией. Это позднее Кривицкий в своих мемуарах сообщал, что он был сознательным противником Сталина, а Райс в троцкистской газете стал писать разоблачительные статьи, наивно надеясь, что эта оппозиция достаточно влиятельна за рубежом и сможет защитить его. Но это уже другая тема.

Так вот именно Райс, и высказал в книге «Я был агентом Сталина», выпущенной в 1939 году, версию о якобы двойной игре нашего крупного агента Скоблина по клинке «Фермер», внедренного в белоэмигрантскую организацию. Мол, это он подбросил материалы НКВД о сотрудничестве Тухачевского с немцами. Эта версия появилась таким образом.

— А мемуары Шелленберга? Там ведь тоже говорится об этом…

— Шелленберг ее подхватил и развил. По нашим материалам, а я был заместителем начальника разведывательной службы органов госбезопасности с 1939 по 1941 год и вел немецкое направление, не было никаких данных о сотрудничестве Тухачевского с немцами, никаких сигналов на этот счет.

Другой вопрос, конечно, это бфльшой конфликт в тогдашнем военном руководстве СССР между группами Тухачевского и Ворошилова. Сталин принял сторону Ворошилова. Он всегда поощрял нездоровые отношения и конфликты между руководителями не только военного ведомства, но и НКВД, МГБ, МВД, чтобы быть арбитром. Попытки этих групп получить поддержку на самом верху заканчивались весьма трагично для их участников. Хотел бы обратить внимание, что при проверке дела Тухачевского установлено ведь, что Тухачевский и лица, его

поддерживающие, намеревались ставить вопрос о смещении Ворошилова с должности наркома. Мне представляется, что это и послужило причиной решения Сталина расправиться с этими людьми и показать всем военным, что значит ставить такой вопрос без санкции

Политбюро, без согласования с политическим руководством.

— Вы убеждены в этом?

— Это моя версия. Я могу сказать, что в годы войны мельком слышал от Абакумова и Берии, что Тухачевский не был немецким шпионом, однако проводил линию, направленную на захват в свои руки НКО. Это понимали и руководители страны. Суть их преступных акций в 30—40-е годы заключается в том, что борьба за власть принимала такие трагические обороты. К сожалению, мы не имеем исследований, в которых на основе сохранившихся документов можно было бы увидеть личные мотивы трагических событий прошлого.

ДВОЙНАЯ ДОЗА ХЛОРОФОРМА

Беллетрист изобразил эту историю сначала в виде диалога.

Первый: Я тебя позвал потому, что тебе надо сделать операцию. Ты необходимый революции человек. Я позвал профессоров, они сказали, что через месяц ты будешь на ногах. Этого требует революция. Профессора тебя ждут, они тебя осмотрят, все поймут. Я уже отдал приказ. Один даже немец приехал.

Второй: Ты как хочешь, а я все-таки закурю. Мне мои врачи говорили, что операции мне делать не надо, и так все заживет. Я себя чувствую вполне здоровым, никакой операции не надо, не хочу.

Первый: Товарищ командарм, ты помнишь, как мы обсуждали, послать или не послать четыре тысячи людей на верную смерть. Ты приказал послать. Правильно сделал. Через три недели ты будешь на ногах. Ты извини меня, я уже отдал приказ.

Зазвонил телефон, не городской, внутренний, тот, который имел всего-навсего каких-нибудь тридцать-со-рок проводов. Первый снял трубку, слушал, переспросил, сказал: «Ноту французам — конечно, официально, как говорили вчера. Ты понимаешь, помнишь, мы ловили форелей? Французы очень склизкие. Как? Да, да, подвинти. Пока».

Первый: Ты извини меня, говорить тут не о чем, товарищ Гаврилов.

Командарм красными коврами вышел к подъезду, ройс унес его в шум улиц. Негорбящийся человек остался в кабинете. Никто больше к нему не приходил. Не горбясь сидел он над бумагами, с красным толстым карандашом в руках.

Затем беллетрист перенес действие в большой кабинет хирурга, профессора, к которому собрались его коллеги. Хозяин кабинета показал гостям разорванный конверт с сургучной печатью, произнес:

— Секретная бумага, почти приказ. Ее прислали утром.

Далее шли отрывки разговоров, из которых было видно, что дело предстоит спешное и архиважное.

— При чем здесь консилиум?

— Я приехал по экстренному вызову. Телеграмма пришла на имя ректора университета.

— Командарм Гаврилов, — знаете, тот, который.

— Да-да-да, знаете ли, — революционер, командир армии, формула, — и — пожалуйте.

— Консилиум.

И тогда в дверях громыхнули винтовки красноармейцев, топнули каблуки, красноармейцы умерли в неподвижности; в дверях появился высокий, как лозина, юноша с орденами Красного Знамени на груди, как хлыст, стал во фронт перед дверью, — и быстро вошел в приемную командарм, откинул рукой волосы назад, поправил ворот гимнастерки, сказал:

— Здравствуйте, товарищи! Прикажете раздеваться?

Председатель консилиума начал расспрашивать больного, когда он почувствовал приступы болезни и какие патологические признаки указали ему на то, что он болен. От консилиума остался лист бумаги, исписанный неразборчивым профессорским почерком, причем бумага была желта, без линеек, плохо оборванная, — бумага из древесного теста, которая, по справкам спецов и инженеров, должна истлеть в семь лет.

Далее приводится протокол консилиума в составе проф. такого-то, проф. такого-то (так семь раз). «Больной гр. Николай Николаевич Гаврилов поступил с жалобой на боль в поджелудочной области, рвоту, изжогу. Заболел два года назад незаметно для себя. Лечился все время амбулаторно и ездил на курорты — не помогло. По просьбе больного был созван консилиум из вышеозначенных лиц.

Теперешнее состояние. Общее состояние больного удовлетворительное. Легкие — N. Со стороны сердца наблюдается небольшое расширение, учащенный пульс.

В слабой форме неврастения. Со стороны других органов, кроме желудка, ничего патологического не наблюдается. Установлено, что у больного, по-видимому, имеется язва желудка и его необходимо оперировать.

Консилиум предлагает больного оперировать профессору Анатолию Кузьмичу Лозовскому. Проф. Павел Иванович Кокосов дал согласие ассистировать при операции.

Город, число, семь подписей профессоров».

Комментируя протокол консилиума, дотошный беллетрист отметил, что впоследствии, уже после операции, из частных бесед было установлено, что ни один профессор, в сущности, совершенно не находил нужным делать операцию, полагая, что болезнь протекает в форме, операции не требующей, — но на консилиуме тогда об этом не говорилось; лишь один молчаливый немец сделал предложение о ненужности операции, впрочем, не настаивал на нем после возражения коллег. Да рассказывали еще, что уже после консилиума, садясь в автомобиль, профессор Кокосов сказал профессору Лозовскому: «Ну, знаете ли, если бы такая болезнь была у моего брата, я не стал бы делать операции».

На что профессор Лозовский ответил: «Да, конечно, но… ведь операция безопасная…». Автомобиль зашумел, пошел. Лозовский уселся поудобнее, поправил фалды пальто, наклонился к Кокосову, сказал шепотом, так, чтобы не слышал шофер:

— А страшная фигура, этот Гаврилов, ни эмоции, ни полутона. — «Прикажете раздеться? — Я, видите ли, считаю операцию излишней, — но, если вы, товарищи, находите ее необходимой, укажите мне время и место, куда я должен явиться для операции». Точно и коротко.

— Да-да-да, батенька, знаете ли, — большевик, знаете ли, ничего не поделаешь, — сказал Кокосов.

В этот час негорбящийся человек в доме номер первый все еще сидел в своем кабинете. Он сидел над

книгами и блокнотом. Потом он стал диктовать стенографистке. Человек оперировал такими понятиями, как СССР, Америка, Англия, земной шар и СССР, английские стерлинги и русские пуды пшеницы, американская тяжелая индустрия и китайские рабочие руки. Негорбящийся человек говорил громко и твердо, и каждая его фраза была формулой.

Беллетрист не называет его имени, но иносказательные намеки уже понятны. Затем он переводит действие в операционную, где командарма в течение двадцати семи минут безуспешно пытаются усыпить хлороформом. Есть организмы, которые отличает повышенная чувствительность к определенным веществам. У Гаврилова, видно, была идиосинкразия к хлороформу. Тем не менее, несмотря на то, что в больнице был эфир, подлили еще хлороформу. Командарм заснул на сорок восьмой минуте — после того, как дозу хлороформа увеличили вдвое. Когда же Лозовский добрался с помощью скальпеля до желудка, повернул и обмял его, в том месте, где должна быть язва, его взгляду открылся белый, точно вылепленный из воска, похожий на личинку навозного жука рубец, свидетельствующий, что язва уже зажила и, следовательно, операция была бесцельна.

В это мгновение у оперируемого пропал пульс, исчезло дыхание. Холодали ноги. Наступил сердечный шок: организм, не принимавший хлороформа, был хлороформом отравлен. Это означало то, что человек никогда уже не встанет к жизни, что он должен умереть, что искусственным дыханием, кислородом, камфарой, физиологическим раствором можно отодвинуть смерть на час, на десять, на тридцать часов, не больше, что к человеку не придет сознание, что он, в сущности, умер. Было ясно, что Гаврилов должен умереть под ножом, на операционном столе.

Как и полагалось, делалось искусственное дыхание, вводили камфару, физиологический раствор, но это уже не помогало.

Командарма положили на стол с колесиками и отвезли в его палату, где он и умер — герой гражданской войны, герой великой русской революции, человек, обросший легендами, тот, который имел волю и право посылать людей убивать себе подобных и умирать. В коридоре швейцар сказал, что профессора Лозовского дважды вызывали по телефону из дома номер один.

Затем следовало описание приезда негорбящегося человека в больницу, сцена прощания с телом командарма.

В конце старый товарищ Гаврилова, с которым он встречался накануне операции, Попов, получил адресованную ему записку:

«Алеша, брат! Я ведь знал, что умру». И далее командарм завещал старинному другу поселиться со своей женой, вместе растить детишек.

А в начале было такое предисловие: «Фабула этого рассказа наталкивает на мысль, что поводом к написанию его и материалом послужила смерть М. В. Фрунзе. Лично я Фрунзе почти не знал, едва был знаком с ним, видел его раза два. Действительных подробностей его смерти я не знаю — и они для меня не очень существенны, ибо целью моего рассказа никак не является репортаж о смерти наркомвоена. Все это я нахожу необходимым сообщить читателю, чтобы читатель не искал в нем подлинных фактов и живых лиц. Бор. Пильняк».

Предисловие, написанное по требованию редакции журнала «Новый мир», не развеяло предположений, а, наоборот, укрепило их. Об этом говорит и тот факт, что весь тираж номера журнала «Новый мир» за 1926 год с «Повестью непогашенной луны» был конфискован. Полученные подписчиками экземпляры изымались, их хранение приравнивалось к контрреволюционной деятельности. Послевоенные поколения советских людей об этом рассказе не знали. И только благодаря журналу «Знамя», который в конце 1987 года опубликовал «Повесть непогашенной луны», читатели получили возможность сами убедиться в том, кого вывел в своем произведении Пильняк под именем командарма Гаврилова и негорбящегося человека. В 1989 году издательство «Книжная палата» выпустило в свет сборник избранных произведений Бориса Пильняка, неспроста открывающийся «Луной», которая из всего литературного наследия Пильняка вышла у нас первой. Кстати, за рубежом, включая и страны Восточной Европы, книги Пильняка обычно открывались именно этим рассказом.

Летом 1926 года вокруг него разгорелся скандал. Какое-то количество экземпляров «Нового мира» с «Повестью непогашенной луны» все же разошлось. Хотя Сталин и Фрунзе не были названы по именам, современники мгновенно разглядели

знакомые черты. О внезапной смерти Фрунзе ходило немало предположений и слухов. Словом, уже в шестом номере «Нового мира» за 1926 год публикация рассказа Бориса Пильняка была признана явной и грубой ошибкой. Писатель публикует покаянйое письмо, но покаяние носит странный характер: Пильняк не снимает главного в произведении.

«В мае этого года, — пишет он, — в «Новом мире» была напечатана моя «Непогашенная луна», получившая столь прискорбную для меня известность… Формальная сторона возникновения в печати этой повести такова. Написав «Луну», я собрал группу писателей и моих знакомых партийцев (как это я обыкновенно делаю), чтобы выслушать их критику, — в том числе был и редактор «Нового мира». Повесть была выслушана большим сравнительно количеством людей, одобрена и тут же взята к напечатанию для «Нового мира», — редактором же было предложено мне написать и предисловие, которого в первоначальном варианте не было… И позвольте сказать мне по существу. Сейчас, задним числом (я никак не хочу этим письмом себя оправдать) я вижу, что появление моего рассказа и напечатание его — суть бестактность. Но поверьте мне, что в дни написания его ни одной недостойной мысли у меня не было, — и, когда я, вернувшись из-за границы, услыхал, как был принят мой рассказ нашей общественностью, — ничего, кроме горького недоумения, у меня не было, потому что никак, ни на одну минуту я не хотел написать вещи «оскорбительной памяти тов. Фрунзе» и «злостью клевещущей на партию» (как было написано в июньском «Новом мире»)… Никогда, ни на одну минуту, я не хотел написать веши, которая могла бы быть оскорбительной для партии!

Все годы революции и по сегодняшний день я чувствовал и чувствую себя честным человеком и гражданином моей республики, — человеком, который делает по мере сил своих нужную революции работу…»

Ни клеветы, ни «оскорбительности повести для памяти Фрунзе» писатель, как видим, не признает. Июньскую книжку «Нового мира» он прочел в Шанхае, о конфискации пятого номера с «Повестью…» не знал, как и о том, что его имя попало в картотеку на Лубянку. Правда, арестовали его только в 1937 году в день рождения сына, которому исполнилось три года, на даче в Переделкино. В двадцать шестом году арест был бы преждевременным — его мотивы лежали бы на поверхности. Расправиться тогда с писателем означало бы признать правдивость изложенного в повести. Риск был слишком велик, и Сталин, как дальновидный политик, предпочел в данном случае

расчетливую сдержанность. «Вы беспощадно истребляете талантливых, но лично вам неугодных русских писателей. Где Борис Пильняк?» — спрашивал из Парижа Сталина в открытом письме Федор Раскольников. Сын Пильняка получил ответ на этот вопрос только в 1988 году. Военная коллегия Верховного суда СССР сообщила ему, что Пильняк-Вогау Борис Андреевич, 1894 года рождения, был необоснованно осужден 21 апреля 1938 года Военной коллегией Верховного суда по ложному обвинению в совершении государственных преступлений и приговорен к расстрелу, который произведен в тог же день. Жену Пильняка (он происходил из семьи немцев-колонистов, приехавших в Россию во времена Екатерины М) отправили в женский лагерь под Акмолинск, где она отбывала срок вместе с сестрой Тухачевского.

Сын писателя Борис Андроникашвили-Пильняк, написавший вступительную Статью к первому отдельному изданию «Повести непогашенной луны», считает, что она в своей основе документальна. Сопоставив повесть с воспоминаниями ближайших друзей и сподвижников Фрунзе, Пильняк-младший нашел в них много общего, обнаружил даже совпадения отдельных реплик. Это укрепило его веру в то, что отец получал материал от ближайшего окружения полководца. Писатель посмел вынести на всеобщее обозрение святая святых — сталинскую партийную кухню, где варились многие яды, которыми одни были отравлены, другие одурманены. В этом плане «Луна» воспринимается как гражданский подвиг писателя, который первым обнаружил складывавшуюся при Сталине систему, когда во имя ложного понятия партийного долга человек идет на бессмысленную смерть. Командарм Гаврилов, не желая операции и чувствуя себя здоровым, покорно ложится под нож во имя партийной дисциплины. Действительно, почва, которая породила диктатора, механизм будущих неправедных дел, когда жертвы — крупные партийные и военные деятели, бывшие сподвижники и друзья тирана, станут в массовом порядке клеветать на невинных и оговаривать себя, пусть еще в неразвитой форме, но уже со всеми слагаемыми чертами, в «Луне» показаны выпукло, и, главное — смело.

О Фрунзе написано немало книг, о нем сняты кинофильмы. Его имя не вытравливалось из истории, как это было с другими крупными военными деятелями Советского государства после их смерти, в частности, с И. И. Вацетисом, С. С. Каменевым. Фрунзе прочно занимал отведенное ему место в обойме видных деятелей периода революции и гражданской войны, и никакие перемены в высших эшелонах власти не сказывались на отношении к нему.

Он, пожалуй, единственный из полководцев Красной Армии, входящих в состав Реввоенсовета республики, который не подвергался ни шельмованию, ни очернению, как Троцкий, Склянский, Бубнов, Уншлихт, ни даже мало-мальской критике, как Ворошилов и Буденный. Образ Фрунзе, канонизированный Сталиным, был превращен в икону. Это было удобно прежде всего ему самому: мертвые не опасны. С другой стороны, должны же быть у организатора Красной Армии товарища Сталина преданные и талантливые командиры, руководящие армиями и фронтами, а то все сплошь предатели да враги народа — Тухачевский, Егоров, Якир, Уборевич, Гамарник, Муралов, Миронов, Блюхер, Дыбенко.

Что Фрунзе талантливый полководец, спору нет. Его схема великого боя за Крым удивительно проста, как все, что признается истинно гениальным. Врангель сам объехал всю линию фронта обороны и написал в приказе: «Я осмотрел укрепления Перекопа и нашел, что для защиты Крыма сделано все, что только в силах человеческих». Барон пришел к роковому для себя выводу: перешейки неуязвимы, Фрунзе будет штурмовать их всю зиму и положит свою армию под Перекопом!

Фрунзе и в самом деле поступил так, как предполагал многоопытный Врангель — бросил Блюхера атаковать в лоб бастионы Турецкого вала и Перекопа. Три раза водил своих бойцов на неприступную твердыню Блюхер, и три раза откатывался назад. Но этот удар был отвлекающим. Главный прорыв осуществлялся ударной группой Августа Корка — через Сиваш. Свежий ветер с запада погнал воду залива на восток? к Гсническу. Взгляду изумленного Фрунзе открылись броды. Их указали местные старожилы, промышлявшие добычей соли в заливе. Решение созрело мгновенно. Командующий фронтом на ходу изменил принятый ранее план, согласно которому войска должны были обойти основные вражеские укрепления по длинной, до 120 верст, и узкой, до трех верст, Арабатской стрелке. Шальная мысль использовать открывшиеся во время отлива броды Сиваша уже не покидала Фрунзе. И вот в кромешной тьме, по вязкой глине группа Корка пошла поперек Сиваша. С ходу завязала ожесточенный бой и овладела Литовским полуостровом. Путь в тыл Турецкого вала был открыт. Корк с тыла и Блюхер с фронта одновременно лавиной навалились на врага, прорвали цепи проволочных заграждений в Перекопском заливе. Еще усилие — и на Турецком валу взвилось красное знамя, поднятое Блюхером. Через несколько дней кровопролитных боев пали Чонгарские и Ишуньские укрепления. Бешеным рывком в сторону Джанкоя 30-я дивизия Грязнова

открыла дорогу в Крым. Армия Корка вышла на Евпаторию и Симферополь, 1-я Конная во главе с Буденным и Ворошиловым — на Севастополь. 15 ноября 1920 года Блюхер и Буденный взяли Севастополь, Куйбышев и Каширин — Феодосию. С 16 ноября 1920 года на всей территории Крымского полуострова восстановилась Советская власть. С момента, когда Фрунзе прибыл на Южный фронт и возглавил его, прошло всего пятьдесят дней!

Еще до Перекопа и Чонгара англичане называли его в своих журналах крупнейшим полководцем эпохи. Видно, под влиянием побед Фрунзе в Туркестане. Рядом лежала Индия, и владычица морей с опаской присматривалась к новому командующему Туркестанским фронтом, гадая, с какой целью Ленин послал его в Среднюю Азию. Территория Туркестана тогда была громадной, больше Европы. Она включала пять областей: Закаспийскую, Самаркандскую, Семиреченскую, Сыр-Дарьинскую и Ферганскую. Иначе говоря, теперешние Узбекистан, Туркмению, Таджикистан, Киргизию и часть Казахстана. Кроме того, в центре республики располагались две монархии — Хива и Бухара.

Хивинское ханство было ликвидировано, когда Фрунзе еще следовал в Туркестан. В Хорезме — столице Хивы — сидел хан, ставленник англичан. Его и сбросили революционно настроенные подданные. А Бухарой по-прежнему правил эмир — офицер свиты российского царя, воспитанник Пажеского корпуса в Петербурге, владелец роскошной виллы в Ялте. Революционная ситуация во владениях эмира еще только вызревала, хотя тюрьма в Бухаре была уже[1] переполнена коммунистами. Под ружьем у него было около сорока тысяч солдат, натасканных английскими офицерами. У Фрунзе насчитывалось не более двадцати тысяч бойцов, раскинутых по Туркестану от Красноводска до Верного, от Аральского моря до Кушки. В окутанный туманами Лондон приходили тревожные разведданные: новый командующий тепло принимает ходоков из Индии, отбивает их у басмачей, обеспечивает безопасный путь. На митинге в Ташкенте заявил: «Индия может рассчитывать на помощь революционной России!».

Опасения владычицы морей были напрасны: Фрунзе не готовил вооруженного похода на Индию. Слишком мало у него было сил, их едва-едва хватало для борьбы с басмачами. Его неспроста Ленин направил в Туркестан — Фрунзе родился в Семиречье и хорошо знал местные условия. Упрочить Советскую власть в Средней Азии — вот что было его главной задачей. Он не только успешно справился с нею, но и помог восставшим бухарцам освободиться от тирании эмира.

С военной точки зрения эта операция представлялась

невыполнимой. У эмира перевес сил был вчетверо!

Надо было обладать удивительным даром стратега, чтобы отважиться на редчайший в истории штурм крепости войсками, составляющими одну четвертую численности осажденных. Когда-то Суворов принял такое же решение брать Измаил штурмом, не мешкая, но у прославленного русского генералиссимуса была 31 тысяча войск против 35 тысяч турок. А тут — вчетверо меньше! Да еще высоченные крепостные стены толщиной в три верблюда, поставленных бок к боку. А раскаленные зноем пески, удушливая пыль и безводье на пути красных к крепости?

И тем не менее над ней победно взвилось «красное знамя мировой революции», как сообщал командующий в телеграмме в Москву. Неприступную стену крепости взорвали динамитом, и в пролом лавиной хлынули красные бойцы. Пала последняя монархия на необъятных землях бывшей Российской империи. На территории бывшего эмирата поднялась Бухарская Советская Народная Республика. Представителем Российской Федерации в ней стал Валериан Куйбышев.

Михаил Васильевич Фрунзе в тридцатилетием возрасте разбил адмирала Колчака, образованного военного специалиста. Позднее историки отметят, что контрудар был настолько искусным, а результаты его явились настолько большими, что, не будь впоследствии победной операции на Туркестанском и особенно Южном фронтах, все равно Фрунзе была бы обеспечена слава великого пролетарского полководца. Командующий одной из армий, входящих в состав войск Восточного фронта, Фрунзе разработал план мощного контрнаступления на Колчака. Это снова был сумасбродный план — красные отходили повсюду, войска Колчака надвигались вплотную к Волге. Оренбург был окружен с трех сторон. К югу от Самары уральские казаки прорвали фронт и двигались па север, угрожая Самаре и железной дороге Самара — Оренбург. На фоне удручающего отступления армий Восточного фронта предложение Фрунзе выглядело по крайней мере странным. Однако его горячо поддержали Тухачевский и Куйбышев.

О своем плане Фрунзе доложил Троцкому, который 9 апреля 1919 года прибыл в Самару. Председатель Реввоенсовета и наркомвоенмор республики дал высказаться командующему армией, но своего мнения относительно контрудара не выразил и ночью отбыл в Симбирск, где находился штаб Восточного фронта. Фрунзе туда не пригласили. И тогда он напрямую сообщает Ленину о странном поведении Троцкого, который не утвердил, но и не отверг план контрудара.

Ленин в тот же день просит Троцкого не стеснять инициативы

Фрунзе и передать в его распоряжение южную половину Восточного фронта. 10 апреля находившийся в Симбирске Троцкий подписал приказ о назначении Фрунзе командующим Южной группы войск в составе четырех армий. 28 апреля Южная группа перешла в контрнаступление. Это было началом разгрома колчаковщины. Взяты Бугуруслан, Белебей, Уфа. В бою у реки Белой Фрунзе для поднятия духа наступающих сам идет в красноармейской цепи с винтовкой в руках. И только когда осмелели, преодолели замешательство красные роты, командующий поскакал в штаб. В этот момент грохнула сброшенная с аэроплана бомба. Коня под Фрунзе убило наповал, а его самого контузило. Ему подвели другую лошадь, и он, едва придя в себя, продолжал управлять боем.

Колчак уже сдал Фрунзе территорию в 300 верст глубиной, 12 тысяч солдат, 220 офицеров. Оставив на поле боя около 25 тысяч убитыми, адмирал отходил к Уралу. Фрунзе наступал ему на пятки. И тогда, спасая «верховного» от разгрома, активизировались Деникин и Юденич. Троцкий немедленно отобрал у Фрунзе часть войск и перебросил их под Петроград, Царицын и Воронеж. И выдвинул план, который Фрунзе в-сердцах назвал странным, нелепым и чудовищным: Колчака дальше не преследовать, остановиться на линии возле Оренбурга и Уральска и этим ограничить боевые действия на Восточном фронте.

Фрунзе недоумевал: оставить Колчаку мощь уральских заводов? Да он же за зиму залижет раны, оклемается, и весной вновь ждите непрошеных гостей. Ленин поддержал Фрунзе: Урал надо освободить до зимы. Командующим Восточным фронтом был назначен Фрунзе. Это произошло после того, как Ленин и Фрунзе встретились в Кремле с глазу на глаз. Троцкий демонстративно отвернулся от военных дел на востоке.

Первого июля Колчак сдал Пермь, через две недели Екатеринбург. Затем были освобождены Уральск, Троицк, Челябинск. Колчак катился по великому Сибирскому пути навстречу своей гибели.

В анкетах на вопрос об основной профессии Фрунзе указывал: «Столярное и военное дело». За разгром Врангеля его наградили почетным революционным оружием — шашкой с орденом Красного Знамени и надписью: «Народному герою Михаилу Васильевичу Фрунзе. ВЦП К РСФСР» и одновременно причислили к генеральному штабу. Такого еще не было: не закончив академию, он как бы приобретал высшую военную ученую степень. После окончания гражданской войны он не мыслил себя вне армии. Был командующим всеми вооруженными силами

Украины и Крыма и уполномоченным Реввоенсовета республики, заместителем председателя Реввоенсовета СССР и народного комиссара по военным и морским делам СССР, по совместительству — начальником штаба РККА и начальником Военной академии РККА. В январе 1925 года возглавил Реввоенсовет и наркомат по военным и морским делам, в феврале этого года стал членом Совета Труда и Обороны СССР.

Как Фрунзе стал военным? Изучая его биографию, видим, что почти весь 1918 год, с марта по декабрь, он занимался преимущественно штатскими делами — возглавлял Иваново-Вознесенский губисполком, губком партии. Правда, некоторое время являлся комиссаром Ярославского военного округа. Но вот уже 26 декабря приказом Реввоенсовета республики назначен командующим 4-й армией Восточного фронта. Сразу. А ведь он даже рядовым солдатом не служил. Да и работа в комиссариате Ярославского военного округа в основном сводилась к формированию частей для фронта, привлечению на сторону революции офицеров и унтер-офицеров старой армии, комплектованию курсов для военного обучения рабочих и крестьян. Маршевые роты уходили на фронт почти ежедневно. Округ был огромный, он включал восемь губерний, от Архангельской до Тверской. Агитационную работу помогал вести Дмитрий Фурманов, помощником по штабу был бывший генерал Федор Новицкий. Федору Федоровичу пришлось сыграть некоторую роль при назначении Фрунзе на должность командарма.

«Как ни многогранна и интересна была работа по руководству военным округом, все же М. В. Фрунзе неудержимо тянуло туда, где шла борьба не на жизнь, а на смерть за торжество труда над капиталом, — вспоминал Ф. Ф. Новицкий. И вот во время одной поездки по округу мы окончательно договорились проехать в Москву и поставить вопрос о нашем назначении на фронт.

М. В. Фрунзе мечтал получить, как он говорил, «полчишко», преимущественно конный, учитывая свою любовь к верховой езде и живость характера. Я же убеждал его не скромничать, а добиваться получения армии. Такая перспектива смешила Михаила Васильевича. Он не мог представить себя в роли командарма, так как считал, что не имеет никакой предварительной подготовки и боевой практики. Я же был совершенно другого мнения: за время четырехмесячной совместной работы сам увидел, как глубоко понимал Фрунзе военное дело; не раз поражался тем, как много он читал и как основательно был подкован в области военной теории. Личные

его волевые командирские качества, глубокая марксистская подготовка политического деятеля широкого размаха представлялась мне идеальным сочетанием качеств, требовавшихся от крупного военного командира. Его революционное прошлое являлось самой надежной гарантией доверия к нему масс».

Далее Ф. Ф. Новицкий рассказывает, что ему в Москве объявили: он назначается начальником штаба Южного фронта, а Фрунзе туда же — членом Реввоенсовета фронта.

Однако генерал проявил завидную настойчивость, доказывая необходимость назначить Фрунзе на крупный командный пост, оставив его при нем на любой должности. Склянский, заместитель Троцкого, засомневался, но в Оргбюро ЦК поддержали старого генерала. Фрунзе назначили командующим 4-й армией, а Ф. Ф. Новицкого — начальником штаба. Разве мог предположить тогда Склянский, что пройдет несколько лет, и этот молодой человек плотного телосложения в солдатской гимнастерке, с небольшой бородкой, застенчивый и немногословный, заменит его на посту заместителя председателя Реввоенсовета и наркомвоенмора?

Не встреть Фрунзе генерала Новицкого — кто знает, кем бы он был. Мечтал ведь о «полчишке». Революция выдвигала много самородков из рабоче-крестьянской массы, и Фрунзе был одним из них. По свидетельству близко знавших его людей, Михаил Васильевич свободно читал по-французски и по-английски, неплохо владел немецким и итальянским языками. Он самостоятельно изучил все труды крупных военных специалистов. Его адъютант С. А. Сиротинский рассказывал, что за несколько дней до смерти Фрунзе перечитывал Клаузевица. Его военные познания были столь обширны, что кое-кто подозревал в нем генерала царской армии Михайлова. Тут надо иметь-в виду, что Фрунзе в течение довольно значительного времени подписывал документы двойной фамилией: «Фрунзе-Михайлов».

У него было много подпольных кличек и псевдонимов. Наиболее известны два: Арсений и Михайлов. Его революционное прошлое действительно легендарное. Близкий друг полководца К. А. Авксентьевский рассказывал, что как-то в товарищеской обстановке на вопрос о военном образовании он ответил так:

«Низшую военную школу, товарищи, я окончил тогда, когда первый раз взял в руки револьвер и стрелял в полицейского урядника во время забастовочного движения иваново-вознесенских и шуйских текстильщиков. Моя средняя военная школа, — говорил он, — это правильно сделанная мною оценка обстановки Восточного фронта в 1919 году при первом

решительном ударе, нанесенном армиями Южной группы армиям Колчака, и моя третья, высшая школа, — это та, когда вы и другие командиры и многие специалисты убеждали меня на Южном фронте против Врангеля принять другое решение, но я позволил себе не согласиться, принял свое решение и был прав. Мы получили там полнейшую победу и разгром Врангеля».

На десятом съезде партии в 1924 году Фрунзе впервые избран в состав ЦК. На тринадцатом съезде — кандидатом в члены Политбюро ЦК. Этот съезд, первый после кончины Ленина, проходил в апреле. Из 53 членов ЦК, а именно столько туда было избрано, Фрунзе, да еще, пожалуй Дзержинский, были одними из самых авторитетных и независимых людей. Фрунзе был известен не только как выдающийся полководец, одержавший, благодаря своим исключительным способностям, ряд крупных военных побед, определивших исход гражданской войны в пользу Красной Армии. Заслуги Михаила Васильевича здесь были бесспорны. Все помнили, что Ленин высоко ценил его военный талант, нередко связывался с ним напрямую, вызывал с театра боевых действий в Кремль, обсуждал планы операций, настоял на том, чтобы Фрунзе поручить разгром Врангеля, окопавшегося в Крыму.

Высокий авторитет и большую независимость в немногочисленном тогда по составу ЦК РКП(б) обеспечивала обросшая легендами дореволюционная жизнь. Даже среди выдающихся большевиков, прошедших сквозь опасное горнило подпольной борьбы, он выделялся своими личностными качествами. Шутка ли — два смертных приговора, восемь лет кандальной каторги, бегство из ссылки, организация большевистских ячеек при царизме, когда это грозило ежеминутной смертью!

Западные историки причину необыкновенной стойкости и целеустремленности характера несгибаемого революционера видели в счастливом сочетании молдавской, древнеримской крови его отца и крови воронежских крестьян и донских казаков его матери. Он родился в саманном и пыльном городишке Пишпек на дальней юго-восточной окраине Российской империи в семье отставного военного фельдшера Василия Михайловича Фрунзе. Фельдшер был из крепостных молдавских крестьян. Отбыв военную службу, он женился на дочери воронежского крестьянина-переселенца Мавре Ефимовне Бочкаревой, получил должность по лечебной части и начал обзаводиться семьей и хозяйством.

Михаил был вторым сыном в семье. Как и старший, Константин, Михаил был светловолосый, сероглазый, — словом, в

воронежскую родню. После него родилось еще три дочери. Детство будущего полководца не было босоногим, и Михаил не помнил черных, голодных дней. Когда был жив отец< особой нужды и не знали. В доме никогда не переводилась дичь: из своей старинной шомполки отец стрелял без промаха. Лет с десяти мальчик пристрастился к охоте.

Умер отец неожиданно — его нашли мертвым в комнате при больнице. Сыновья учились в гимназии в Верном — нынешней Алма-Ате. Ребята были одаренные, и отцы города Пишпека положили сыновьям отставного военфельдшера пансион до окончания гимназии. Михаил закончил ее с золотой медалью и в 1904 году поступил в Петербургский политехнический институт, на экономическое отделение. Но учиться было некогда: нараставшая волна революционного подъема быстро втянула его в свой бурный водоворот. Уже в 1904 году, задержанный стражниками во время студенческих беспорядков, когда кинулся с камнем на полицейского, он назвался чужим именем и получил предписание о высылке в административном порядке по месту постоянного жительства. Сметливый первокурсник назвал первый город, который пришел на ум — Петровск Саратовской губернии. Вскоре все так закрутилось, что он потерял счет времени.

В конце ноября 1904 года вступил в РСДРП. Вел агитационную и пропагандистскую работу в Петровске, Ливнах, Екатеринославе. В день «кровавого воскресенья» в Петербурге был ранен в руку. Летом 1905 года организовал в Иваново-Вознесенске грандиозную стачку текстильщиков, был арестован, выслан в Казань, нелегально возвратился в Шую. В декабре с отрядом ивановских и шуйских дружинников прибыл в Москву на баррикады Пресни. В белокаменную прикатили в двух вагонах на захваченном паровозе, Фрунзе держал возле ног пулемет. Пресненцы, получив подмогу, воспрянули духом. Прибывшие, забравшись на чердаки высоких зданий, вели меткий прицельный огонь. Генерал-губернатор Москвы Дубасов приказал палить по чердакам из пушек. Восстание было подавлено. Фрунзе по скованной льдом Москве-реке уходил в сторону Филей и Рублево. На второй день он вернулся в Шую.

В 1906 году он едет в Стокгольм, на IV съезд РСДРП.

Там состоялась первая встреча с Лениным, которая во многом определила его дальнейшую жизненную судьбу. В 1907 году его изберут делегатом V съезда, но поехать не придется из-за ареста. Во Владимирской следственной тюрьме ему предстоит провести немало тревожного времени. По агентурным данным начальник тюрьмы узнает, что шуйская боевая дружина, в соответствии с постановлением революционного комитета, намеревается

прибыть во Владимир и вооруженным нападением освободить Фрунзе. В связи с этим принимаются меры по усилению строгости тюремного режима. Опасного заключенного помещают в изолированную одиночную камеру.

Чем занимается Фрунзе в ожидании суда? Упорно работает с самоучителем французского и английского языка. Штудирует толстенные фолианты с мудреными названиями: «Политическая экономия в связи с финансами», «Введение в изучение права и нравственности» и другие, составленные по его списку. Как будто не сгущаются над его головой темные тучи.

Гром грянул 25 января 1909 года, когда заключенному предъявили обвинительный акт. Назавтра его, как особо важного государственного преступника, судил в закрытом судебном заседании выездной суд Московского военного округа. Приговор был ужасный: смертная казнь через повешение. Приговоренного тут же взяли в кандалы. Почти два с половиной месяца — с 26 января по 6 апреля 1909 года — Фрунзе провел в камере смертников, с минуты на минуту ожидая вызова на казнь.

«Мы, смертники, — вспоминал позднее Фрунзе, — обыкновенно не спали часов до пяти утра, чутко прислушиваясь к каждому шороху после полуночи, то есть в часы, когда обыкновенно брали кого-нибудь и уводили вешать. 6 апреля 1909 года один из защитников, присяжный поверенный, получил около 12 часов ночи из Москвы телеграмму, что приговор отменен и будет назначен пересмотр дела. Он немедленно отправляется в тюрьму, чтобы сообщить мне об этом. Приходит надзиратель в камеру и говорит: «Фрунзе, в контору». Это обычная шаблонная формула, с которой обращались к смертникам, приходя за ними. Конечно, у меня не было ни одной секунды сомнения, что меня ведут на казнь. До того, как позвали, было мучительнее. Теперь сама смерть была уже не так страшна. Я великолепно помню это состояние. Выхожу из камеры, кричу: «Товарищи, прощайте! Меня ведут повесить!». Помню невероятный шум тюрьмы. Приходим в тюремную канцелярию. Вдруг подходит адвокат и говорит: «Михаил Васильевич, приговор отменен». Я думаю: «Зачем человек обманывает меня, чего успокаивает? Я вовсе этого не хочу и нисколько этому не верю». Только когда стали снимать с меня кандалы, я понял, что могу еще жить».

Смертный приговор отменили под давлением общественности. Профессора Петербургского политехнического института подписали протест на имя командующего войсками Московского военного округа против казни подающего надежды способного студента. Писатель В. Г. Короленко тоже подал свой голос в защиту сумасбродного юноши. Немало сделали и

оставшиеся на свободе друзья молодого революционера. В результате смертную казнь заменили четырьмя годами каторжных работ. Фрунзе перевели во Владимирскую каторжную тюрьму. Это было в феврале 1910 года. А уже через семь месяцев — новый суд, по вновь открывшимся обстоятельствам, и второй приговор: смертная казнь через повешение. И опять мучительное ожидание конца, чуткое прислушивание к шагам в коридоре перед рассветом. Так продолжалось месяц, пока смертную казнь снова не заменили, на этот раз шестью годами каторжных работ. Плюс четыре года предыдущего приговора.

Срок отбывал во Владимирской и Николаевской каторжных тюрьмах. Оттуда пытался совершить побег, но неудачно. Каждый раз в наказание бросали в сырое подземелье, затачивали в каменный мешок, где можно было разве что присесть на корточки. Темнота, молчание, да поблизости шуршание голодных крыс.

Семь с половиной лет, звеня кандалами, пробыл Фрунзе на изнурительных каторжных работах, в тюрьмах. В сентябре 1914 года его загнали на вечное поселение в Сибирь. По пути он организовал голодовку политзаключенных в иркутской каторжной тюрьме, куда его доставили перед отправкой под конвоем в село Манзурка Верхоленского уезда Иркутской губернии.

В отличие от Сталина, который, по рассказам очевидцев, вел себя в сибирской ссылке весьма пассивно, сторонился товарищей, предпочитал коротать время в одиночестве, был неопрятен в быту (после обеда не мыл посуду: зачем, дашь собаке, она оближет черпак, вот он и чистый), Фрунзе был душой ссыльных. Сталин в своих Курейках замкнулся в себе, жил почти в совершенном одиночестве, прекратил личные отношения с большинством ссыльных и избегал их. Вскоре из-за неуживчивости кавказца туруханский поселок Курейки покинул Свердлов, за ним добились перевода еще два большевика, Голощекин и Медведев. Желчный, грубый, снедаемый честолюбием Сталин был нелегким соседом.

Иное дело Фрунзе. Открытый, искренний, энергичный, он был центром притяжения всех ссыльных. Располагая большим количеством свободного времени, он стремился использовать его в нужных целях. Под видом столярной мастерской, в которой работало десять-двенадцать поселенцев, каждый обучал товарищей тому, в чем он сам был наиболее силен. Фрунзе вел в этой замаскированной «академии» три предмета: английский язык, экономическую статистику и военное дело. Пенилась стружка под рубанками и фуганками, пахло столярным клеем,

свежим смолистым деревом. На гладко выструганные доски наносили формулы, уравнения, схемы военных оперативных задач. Как только поблизости появлялось подозрительное лицо, формулы и чертежи под быстрыми взмахами рубанка летели в виде стружек на пол.

И все же не уберегли от недоброго ока. И хотя в тот день разбирали Бородинское сражение и сопоставляли его данные с событиями первой мировой войны, рапорт о том, что Фрунзе с товарищами готовит военный заговор, попал на стол иркутского генерал-губернатора. Последовал приказ арестовать злоумышленников и доставить в Иркутск. По дороге к страшным, могильным сводам тюрьмы Фрунзе бежал. Через неделю он объявился в забайкальском городе Чите с паспортом на чужое имя. Подпольный комитет партии устроил его агентом-статистиком в переселенческое управление — пригодйлись-таки знания, добытые в Манзурке! Теплое участие в судьбе беглеца принял ссыльнопоселенец Кол-тановский. Его приемная дочь Софья Алексеевна впоследствии стала женой Фрунзе.

«Прокололся» на случайности. По должности разъездного статистического агента Фрунзе с чужим паспортом на имя Василенко разъезжал по всему Забайкалью. И надо же такому случиться — в одном из городов встретился с человеком, хорошо знавшим этого самого Василенко. Едва выпутался. В Чите для него заготовили новый комплект документов на имя Михаила Александровича Михайлова, душевнобольного, подлежавшего доставке в город Москву на лечение. Провожатой вызвалась стать подруга Софьи Алексеевны, медсестра. Фрунзе удачно имитировал роль больного — стонал, дергался. На всех больших станциях лежал лицом к стене, покрытый одеялом. -

В Москве он пробыл недолго — в том же 1916 году уехал на Западный фронт. Некоторое время числился вольноопределяющимся в артиллерийской бригаде, расположенной под Минском, затем перешел на должность военного статистика в земсоюз — подсобную военнохозяйственную организацию. К моменту Февральской революции Фрунзе был одним из руководителей подпольной революционной организации, имевшей ряд боевых групп в армиях Западного фронта. После февраля 1917 года он начальник Минской народной милиции. Затем работал в Шуе, Иваново-Вознесенске, пока с помощью Ф. Ф. Новицкого не получил назначение на пост командующего армией Восточного фронта.

Как видим, личной отваги и храбрости ему было не занимать. Будучи начальником милиции в Минске, в обстановке

прифронтового города, где каждый час можно было ожидать контрреволюционного заговора, не говоря уже о всякого рода бесчинствах уголовных элементов, он неоднократно вступал в перестрелку с бандитами и заговорщиками. Не раз его жизни угрожала опасность не меньшая, чем в годы революционного подполья. Фрунзе был смелым от рождения и в минуту опасности никогда не терял самообладания. Выше приводился эпизод, рассказывающий о том, как на Восточном фронте он шел с винтовкой в руке в наступающей красноармейской цепи. Тогда он был молодым командующим и лез в самое пекло. Но есть немало свидетельств и того, что находившийся в зените славы полководец не придавал большого значения своей личной безопасности, не обставляя себя многочисленным штатом охранников. Возглавлял все вооруженные силы Украины и Крыма, он руководил операциями по ликвидации махновских отрядов. Борьба была упорная, она стоила многих жертв. На Полтавщине, недалеко от Миргорода, Фрунзе ввязался в бой с махновцами и едва не попал в западню. Это были страшные минуты. Если бы Михаил Васильевич потерял' самообладание, растерялся бы, беды не миновать: махновцы как пить дать связали бы его. Но Фрунзе был метким стрелком — пятью выстрелами из маузера в упор он сразил пятерых нападавших. Такой прыти от него не ожидали, напор ослаб, и Фрунзе удалось вырваться из западни. Правда, получил небольшое ранение. После этого случая Политбюро ЦК КП(б) Украины вынуждено было принять специальное постановление. Оно отметило мужество и личную отвагу командующего, но категорически высказалось против его непосредственного участия в боевых операциях.

О личных ратных подвигах Сталина даже на звездном его Царицынском фронте история умалчивает.

Конечно, Фрунзе был не единственным членом ЦК, чья жизнь поражала воображение рядовой партийной массы. Из военных деятелей победами на фронтах гражданской войны и дореволюционной подпольной работой выделялся, например, Ворошилов. Но он не был такой крупной величиной, как Фрунзе. Михаил Васильевич сумел подняться до высот стратегии и тактики военного дела. Он создал ряд фундаментальных научных трудов по военной теории, заложил основы советской военной доктрины. Это признавал даже Троцкий, написав в изгнании, что «Фрунзе, несомненно, играл выдающуюся роль в гражданской войне и вообще был несколькими головами выше Ворошилова».

Третьего февраля 1926 года, продолжает далее Троцкий, в восьмую годовщину Красной Армии Ворошилов в статье, написанной для него его секретарями, пишет о реформе,

произведенной в Красной Армии «под непосредственным руководством незабвенного вождя Красной Армии Михаила Васильевича Фрунзе». Но уже через три года всю деятельность по организации Красной Армии и ее побед в гражданской войне Ворошилов приписывает исключительно Сталину. Имя Фрунзе в юбилейных статьях и речах либо вовсе не упоминается, либо отступает на задний план.

Мы уже говорили, что первое крупное выдвижение Фрунзе на пост заместителя председателя Реввоенсовета и наркомвоенмора республики состоялось в марте 1924 года — вместо выбывшего Склянского, приверженца Троцкого. Казалось бы, это кресло как раз для сподвижника Сталина по Царицынскому и другим фронтам: Ворошилов оставался одним из рядовых членов Реввоенсовета. Сталин, очевидно, еще не знает цену военного кругозора Ворошилова, который проявит полную несостоятельность во время зимней войны с Финляндией и будет смещен с поста наркома обороны, а в годы Великой Отечественной войны окажется полностью неспособным к ведению боевых действий в новых условиях и будет занимать незначительные должности в резервных войсках. Однако «подбросить» Троцкому своего человека Сталину пока еще не под силу — его влияние не столь велико. Он вынужден делить его с Каменевым и Зиновьевым. Март 1924 года — это время обострения вражды между Сталиным и Троцким, и Сталин поддерживает предложение Зиновьева о направлении в заместители Троцкому пользовавшегося колоссальным авторитетом в армии и партии Фрунзе.

По свидетельству И. К. Гамбурга, близкого друга Фрунзе, с которым вместе отбывали сибирскую ссылку, это назначение Михаил Васильевич встретил без энтузиазма. Его тревожила совместная работа с Троцким. У них были большие разногласия по партийным и военным вопросам. Михаил Васильевич чувствовал к себе неприязнь со стороны Троцкого. К этому прибавлялось и чувство личной обиды. Еще в 1920 году, когда специальный поезд Фрунзе прибыл из Ташкента в Москву, его сразу же оцепили войска ВЧК. Во всех вагонах, где находились сотрудники командующего фронтом и его охрана, начался обыск. Фрунзе крайне возмутил этот произвол. От заместителя председателя ВЧК Петерса он узнал, что обыск произведен по заявлению Троцкого, который утверждал, будто команда поезда везет с собой золото и ценности, награбленные в Бухаре. При обыске никаких ценностей не нашли. Возмущенный Фрунзе заявил резкий протест против обыска, «после которого его сотрудники чувствуют себя морально оскорбленными». Вопрос

рассматривался Оргбюро ЦК ВКП(б). О результатах докладывали Дзержинский и Менжинский. Закончилось тем, что Оргбюро уполномочило Фрунзе выразить его сотрудникам доверие от имени ЦК.

Кто знает, может, эту давнишнюю историю и вспомнил ничего не забывающий генсек, когда обсуждался вопрос, кого предложить заместителем к Троцкому. «Звездный» час Ворошилова еще не пробил. Во всяком случае дальновидные люди начали догадываться, что военной карьере Троцкого пришел конец: не могли ужиться под одной крышей в особняке на Знаменской улице два независимо мыслящих человека.

Они были антиподами в отношении к военному делу. Для Троцкого оно было не более чем ремесло, и он утверждал, что к нему нелепо применять марксистский диалектический метод, что нет и не может быть военной науки и военного искусства. Фрунзе убеждал, что Красная Армия — это армия нового типа, она не какая-то вооруженная каста захватчиков или колонизаторов, не оружие генералитета и не просто отрасль хозяйства. Красная Армия — детище революционного народа, она его опора, она его надежда. Вся народная энергия должна подпирать армию. И для создания и оснащения такой армии надо иметь четкую военную политику и строить армию, как и всю жизнь в стране, по определенному государственному плану. «Все военное дело, — говорил Фрунзе, — вплоть до его учения, на основе которого строятся вооруженные силы, является отражением его жизни и, в конечном счете, его экономического опыта, как первоисточника всех сил и ресурсов». Военно-теоретические труды Фрунзе «Фронт и тыл в войне будущего», «Ленин и Красная Армия», «Кадровая армия и милиция» не потеряли своего значения и в наши дни.

После смерти Ленина Сталйн усилил работу по ограничению влияния Троцкого. Кроме публичных выступлений, направленных против Льва Давидовича, Сталин приложил руку и к тому, чтобы имя Троцкого реже встречалось в апологическом духе в печати, устной политической агитации. Сталину однажды доложили, что в программах политучебы для красноармейцев Троцкий по-прежнему именуется «вождем РККА». 10 декабря 1924 года последовала записка Фрунзе с предложением как можно быстрее пересмотреть эти программы. В ответной записке Фрунзе с приложенным рапортом начальника агитпропа политуправления РВС говорится, что «Троцкий в политучебе больше не фигурирует как вождь Красной Армии». Став председателем Реввоенсовета в январе 1925 года, Фрунзе приступил к военной реформе, первым шагом которой была реорганизация центрального военного

аппарата, неимоверно разбухшего в годы гражданской войны в основном за счет сторонников Троцкого. Армия, насчитывавшая под ружьем более пяти миллионов человек, сократилась в восемь раз. Соответственно уменьшилась и численность Главного штаба РККА, засоренного троцкистами.

Вопрос о снятии Троцкого и утверждении новой кандидатуры на пост председателя Реввоенсовета и нар-комвоенмора республики решался на январском (1924 г.) пленуме ЦК РКП(б). Троцкий на пленум не явился — сказался больным. Здесь уместно напомнить один малоизвестный эпизод, который произошел на пленуме. При выдвижении кандидатуры на освободившийся после снятия Троцкого пост Каменев совершенно неожиданно предложил… Сталина. Последний не скрыл своего удивления и неудовольствия. Замысел Каменева и Зиновьева убавить неконтролируемый рост влияния Сталина путем перемещения его на другое место успехом не увенчался: большинством голосов члены ЦК отвели эту инициативу. Председателем Реввоенсовета и наркомвоенмором стал Фрунзе. Его заместителем Сталин провел своего человека — Ворошилова.

По имеющимся сведениям, Сталин относился к Фрунзе с достаточным уважением. Во всяком случае, внешне соблюдал все правила поведения, принятые между людьми, на долю которых выпали царские тюрьмы и ссылки. Вместе с Микояном Сталин приехал в Боткинскую больницу в пять часов вечера 29 октября, после того как Фрунзе прооперировали. В палату к больному их не пустили, и Сталин передал больному записку следующего содержания: «Дружок! Был сегодня в 5 ч. вечера у т. Розанова (я л Микоян). Хотели к тебе зайти, — не пустили, язва. Мы вынуждены были покориться силе. Не скучай, голубчик мой. Привет. Мы еще придем, мы еще придем… Коба». И на похоронах Фрунзе Сталин скажет: «Может быть, это так именно и нужно, чтобы старые товарищи так легко и просто спускались в могилу. К сожалению, не так легко и далеко не просто подымаются наши молодые товарищи на смену старым». Был лив этих словах какой-то другой, известный лишь оратору, смысл?

Троцкий в слепой ярости к Сталину категоричен: «Фрунзе умер под ножом хирурга в 1925 году. Смерть его уже тогда породила ряд догадок, нашедших свое отражение даже в беллетристике. Даже эти догадки уплотнились в прямое обвинение против Сталина. Фрунзе был слишком независим на военном посту, слишком отождествлял себя с командным составом партии и армии и несомненно мешал попыткам Сталина овладеть армией через своих личных агентов».

Послушаем мнение Бориса Бажанова. Отметив, что старый революционер, видный командир гражданской войны Фрунзе был очень способным военным, бывший секретарь Политбюро вместе с тем-пишет, что Фрунзе, как человек очень замкнутый и осторожный, производил впечатление игрока, который играет какую-то большую игру, но карт не показывает. На заседаниях Политбюро он говорил очень мало и был целиком занят военными вопросами.

Бажанов высоко отзывается о военных данных полководца, ставит ему в заслугу роспуск старой армии, уставшей и небоеспособной, и создание новой, призванной из крестьянской молодежи, а также то, что во главе военных округов, корпусов и дивизий оказались хорошие и способные командиры, подобранные Фрунзе.

«Между тем, — продолжает Б. Бажанов, — Сталин вел себя по отношению к Фрунзе скорее загадочно. Я был свидетелем недовольства, которое он выражал в откровенных разговорах внутри тройки по поводу его назначения. А с Фрунзе он держал себя очень дружелюбно, никогда не критиковал его предложений. Что бы это могло значить? Не было ли это повторением истории с Углановым… То есть Сталин делает вид, что против зиновьевского ставленника Фрунзе, а на самом деле заключил с ним секретный союз против Зиновьева. На это не похоже. Фрунзе не в этом роде, и ничего общего со Сталиным у него нет.

Загадка разъяснилась только в октябре 1925 года, когда Фрунзе, перенеся кризис язвы желудка (от которой он страдал еще со времени дореволюционных тюрем), вполне поправился. Сталин выразил чрезвычайную заботу об его здоровье. «Мы совершенно не следим за драгоценным здоровьем наших лучших работников». Политбюро чуть ли не силой заставило Фрунзе сделать операцию, чтобы избавиться от его язвы. К тому же врачи Фрунзе операцию опасной отнюдь не считали.

Я посмотрел иначе на все это, когда узнал, что операцию организует Каннер с врачом ЦК Погосянцем. Мои неясные опасения оказались вполне правильными. Во время операции хитроумно была применена как раз та анестезия, которой Фрунзе не мог вынести. Он умер на операционном столе, а его жена, убежденная в том, что его зарезали, покончила с собой. Общеизвестна «Повесть непогашенной луны», которую написал по этому поводу Пильняк. Эта повесть ему стоила дорого.

Почему Сталин организовал это убийство Фрунзе? Только ли для того, чтобы заменить его своим человеком — Ворошиловым? Я этого не думаю: через год-два, придя к единоличной власти, Сталин мог без труда провести эту замену. Я думаю, что Сталин

разделял мое ощущение, что Фрунзе видит для себя в будущем роль русского Бонапарта. Его он убрал сразу, а остальных из этой группы военных (Тухачевского и прочих) расстрелял в свое время…

Конечно, после смерти Фрунзе руководить Красной Армией был посажен Ворошилов…»

С января 1925 года Ворошилов был заместителем Фрунзе. Знал ли он о язвенной болезни наркомвоенмора? «О болезни Михаила Васильевича мы все были хорошо осведомлены», — напишет он в статье «Памяти дорогого друга Михаила Васильевича Фрунзе». И тем не менее проводит совместный отпуск в Крыму и на Кавказе, таскает своего друга по горам и долинам, сутками пропадая на охоте. Всегда хорошо выглядевший Фрунзе начинал резко бледнеть, худеть. Врачи запрещали охоту и требовали абсолютного покоя, строгой диеты. Но разве удержишься от соблазна, когда кругом горы, леса, а друг такой жизнерадостный и настойчивый!

Болезненные симптомы возникали и исчезали. Его близкий друг И. К. Гамбург, врач по профессии, с которым Фрунзе познакомился в 1914 году в красноярской пересыльной тюрьме и не прерывал приятельских отношений до последних дней, вспоминал, что Михаил Васильевич считал свою болезнь неопасной, а потому всерьез не лечился. Врачи выписывали ему разные лекарства, но он редко ими пользовался, чаще прибегал к спасительной питьевой соде.

Летом 1925 года Фрунзе дважды попадал в автомобильные аварии, получил ушибы руки, ноги и головы.

Это повлияло и на желудок: началось кровотечение. Тогда, несмотря на его возражения, он был в сентябре направлен в Крым, в Мухалатку. Там его уложили в постель, приставленные к нему врачи занялись лечением.

В Крыму в это время отдыхал Ворошилов. Он то и дело приглашал Фрунзе на охоту. Стреляли дичь в предгорьях Ай-Петри, обедали у костра. О какой диете могла идти речь? Вызванные из Москвы врачи-консультанты настояли на его возвращении в Москву для госпитализации. Пока шло обследование больного, он был спокоен, шутил и смеялся. Но когда было решено прибегнуть к операционному вмешательству, бодрое настроение покинуло Фрунзе. На людях он держался спокойно, расспрашивал о делах и давал советы. Оставаясь один, он был задумчивым, озабоченным.

«Незадолго до операции я зашел к нему повидаться, — пишет И. Гамбург. — Он был расстроен и сказал мне, что не хотел бы ложиться на операционный стол. Глаза его затуманились.

Предчувствие чего-то непоправимого угнетало его. Он попросил меня в случае неблагоприятного исхода передать Центральному Комитету партии его просьбу — похоронить его в Шуе, где он провел свои лучшие молодые годы на революционной работе. Он любил этот небольшой провинциальный город с какой-то нежностью, и мягкая улыбка озаряла его лицо, когда он рассказывал о жизни среди шуйских рабочих.

Я убеждал его отказаться от операции, поскольку мысль о ней его угнетает. Но он отрицательно покачивал головой: мол, с этим уже решено…»

В расширенных воспоминаниях И. Гамбурга, изданных отдельной книгой в 1965 году, это место дается в уточненной редакции: «Но он отрицательно покачивал головой: Сталин настаивает на операции, говорит, что надо раз и навсегда освободиться от язвы желудка. Я решил лечь под нож…».

27 октября он был переведен из Кремлевской больницы в Солдатенковскую (ныне Боткинскую), где через два дня профессор Розанов сделал операцию. На больного не действовал наркоз, он долго не засыпал. Увеличили дозу хлороформа вдвое. И тогда не выдержало сердце. 31 октября 1925 года в 5 часов 40 минут Фрунзе умер.

За день до переезда в Боткинскую больницу, 26 октября, он написал письмо жене. Оно тоже свидетельствует о том, что Фрунзе не хотел делать операцию и предпочитал консервативное лечение (при язве желудка сначала применяют этот способ, а уж потом, при отрицательных результатах — хирургическое вмешательство). «Ну вот… и подошел конец моим испытаниям, — читаем в последнем письме полководца. — Завтра утром переезжаю в Солдатенковскую больницу, а послезавтра (в четверг) будет операция. Когда ты получишь это письмо, вероятно, в твоих руках уже будет телеграмма, извещающая о ее результатах. Я сейчас чувствую себя абсолютно здоровым и даже как-то смешно не только идти, а даже думать об операции. Тем не мене оба консилиума постановили ее делать… У меня самого все чаще и чаще мелькает мысль, что ничего серьезного нет, ибо в противном случае как-то трудно объяснить факт моей быстрой поправки после отдыха и лечения».

Правительственное сообщение о смерти в ночь на 31 октября от паралича сердца после операции председателя Реввоенсовета М. В. Фрунзе имело эффект взорвавшейся бомбы. В связи с внезапной кончиной сорокалетнего полководца по Москве поползли глухие слухи. Обильные публикации в газетах — довольно туманное заключение об операции, беседа с профессором Грековым, участвовавшим в операции, а также

воспоминания друзей и соратников, протоколы обоих консультаций у постели больного — должны были развеять сомнения и дать исчерпывающие ответы на возникшие у общественности вопросы. Но слухов от этого не поубавилось — опубликованные материалы были противоречивыми и еще больше усиливали подозрения.

Как и описывается в «Повести непогашенной луны», операция выявила ее ненужность. Профессора увидели, что язва зажила, на ее месте они обнаружили небольшой рубец — свидетельство результативности консервативного способа лечения. И тем не менее они продолжали операцию. «Можем ли мы упрекнуть бедное сердце, — красиво живописал Михаил Кольцов, — за сдачу перед шестьюдесятью граммами хлороформа, после того, как оно выдержало два года смертничества, веревку палача на шее».

Надо ли было продолжать операцию, когда обнаружилось, что больной плохо засыпал, наркоз на него действовал слабо? Тем более — убедившись, что язва зарубцевалась? Это невероятное для опытных врачей решение можно объяснить только давлением извне, — такова точка зрения известного историка Роя Медведева. Он приводит такой аргумент: вопрос о болезни Фрунзе обсуждался даже на Политбюро, причем именно Сталин и Ворошилов настаивали на проведении операции.

Случайно-нелепой или скрыто-загадочной была смерть полководца?

«Обстоятельства, связанные с неожиданной смертью М. В. Фрунзе после сравнительно несложной операции, а также крайне путанные объяснения врачей, проводивших эту операцию, вызвали недоумение в широких партийных кругах, — пишет Р. Медведев. — Иваново-вознесенские коммунисты требовали даже создать специальную комиссию для расследования причин его смерти. В середине ноября 1925 года под председательством Н. И. Подвойского состоялось также заседание правления Общества старых большевиков по поводу смерти М. В. Фрунзе. На это заседание был вызван нарком здравоохранения Н. А. Семашко. Из доклада Семашко и его ответов на заданные вопросы выяснилось, что ни лечащий врач, ни проф. В. Н. Розанов не торопили с операцией и что многие участники консилиума не были достаточно компетентны. Все дело шло не через Наркомат здравоохранения, а через Лечебную комиссию ЦК, во главе которой имелись люди, о которых Семашко отозвался весьма неодобрительно. Выяснилось также, что перед консилиумом В. Н. Розанова вызывали к себе Сталин и Зиновьев. От Семашко же стало известно, что уже во время операции от слишком большой

дозы наркоза возникла угроза смерти Фрунзе на операционном столе…»

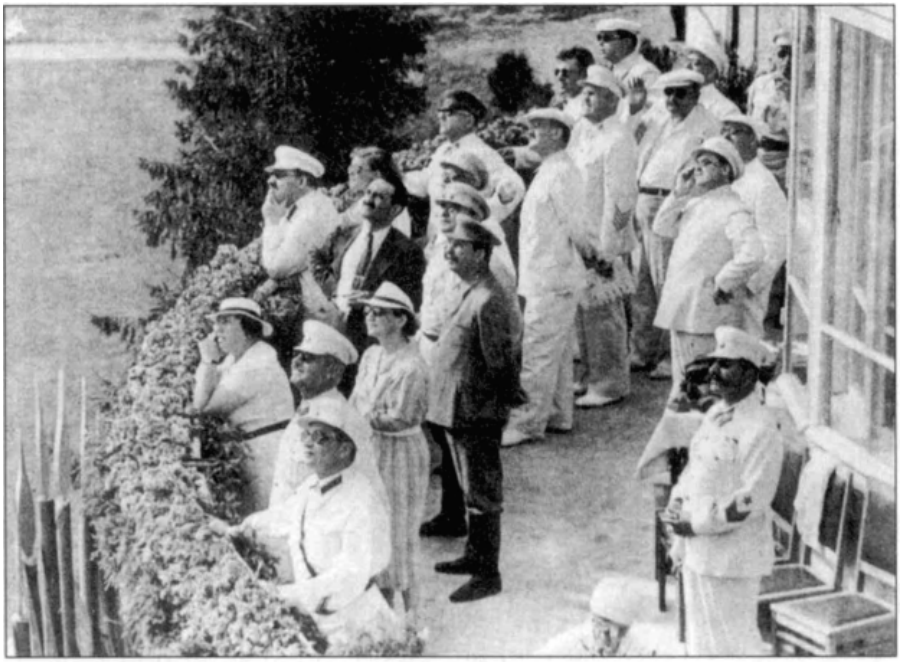
Правление Общества старых большевиков после обсуждения этого вопроса в своем решении подчеркнуло безобразное отношение к старым большевикам. Было даже условлено довести это решение до сведения съезда партии. Но на очередном XIV съезде, который состоялся в декабре 1925 года, вопрос об обстоятельствах смерти Фрунзе не обсуждался.

Б. Бажанов был неправ, утверждая, что после кончины Фрунзе его жена покончила с собой. Она умерла через год от туберкулеза, от которого лечилась в Крыму, когда мужа увезли на операцию. Скорбную весть ей доставил специально посланный в Крым адъютант Фрунзе Сиротинский, с которым она приехала в Москву на похороны.

Последнее желание полководца о захоронении его в Шуе было доложено генсеку. Однако он распорядился по-иному: похоронить у Кремлевской стены.

Не по своей воле лег Фрунзе на операционный стол, лишившись жизни. И после смерти им продолжали распоряжаться другие.

ПРИЛОЖЕНИЕ



И.В. Сталин с группой военачальников

В.К. Блюхер

С.Ф. Ахромеев

Г.К. Жуков

Л.П. Берия

М.В. Фрунзе

С.К. Тимошенко